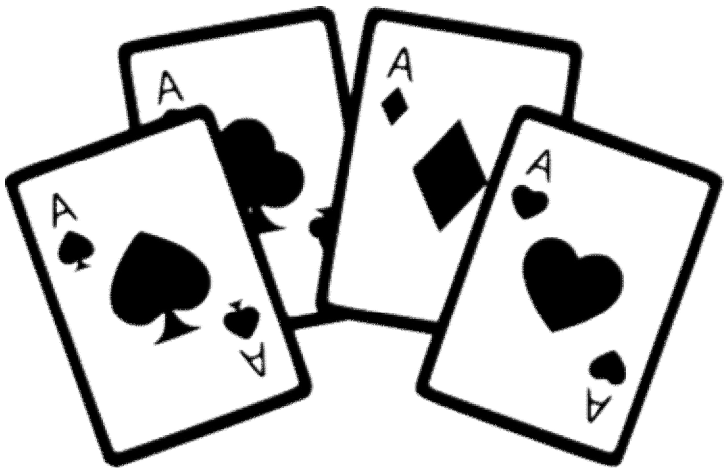
Вл. Горький

РУССКАЯ КОЧЕРГА

или
Трагикомедии смутного времени,
когда курс доллара сменил курс партии

(Мениппея-библия XXI века)

Не сочтите за труд –
прочтите сей труд!



Посторонним вход

воспрещён!

Нарушители подлежат

вечному проклятию!

Том VI

Лица покерной национальности.

Суббота

Часть I.

Утро

Игра в карты –
это госпиталь неизлечимых.
Артур Генрихович Шопенгауэр

♠♠♠

Он молча смотрел на них и думал о том, какое же всё-таки железное здоровье у этих с виду умирающих людей.

Нет, давайте начнём по-другому – с персоналий.

Он – это покерный гуру Владимир Альбионыч Кулемзин, а они – те, кто ежедневно, как за хлебом, приходили с утра в Бермудский Учпучмак, правда, хлебом для них были сразу две равноценные категории бытия – пиво и карты. А звали этих персонажей Серёнька Афанасьич Полтавцев, работающий сторожем-охранником в магазине «Пингвин и гагара», Нуртай Мусаич Курманбаев – преподаватель информатики еврейского колледжа города Отцеябловска, Талгат Салихдзяныч Батыршин – выпускник военно-музыкального училища прапорщиков имени Курмангазы, а ныне исполнитель разных мелодий на ведомственной дудке в президентском оркестре Республики Саксаулия. Был в этом замечательном коллективе любителей карт и примкнувший к нему (из-за стра́стной любви к пиву и кое-чему покрепче) художник-надомник Валерий Николаич Муравлёв, в данное время безработный, но совершенно не печалившийся от такого пустяка.

Путь во тьме всегда несладок,
но я мыслю широко:
нет работы – и не надо,
были б деньги на пивко!

Итак, Володя молча смотрел на выстроившихся перед ним по ранжиру героев, благополучно кочующих из книжки в книжку его бесконечного романа «Русская кочерга», и думал о том, как же прав был его тёзка[1] – немецкий философ Шопенгауэр, произнёсший слова́, вынесенные автором в эпиграф этого шестого тома.

Правда, начиная с третьей книги романа, к покерной хевре примкнул ещё один персонаж, причём, произошло это не по плану построения всего произведения в целом, а как бы случайно и даже без воли автора. Им (персонажем, а не автором) стал старый друг художника Николаича антенщик и джус[2] Васюхан Васюханыч Митрохин, который в данное время откупоривал уже вторую бутылочку холодного пивка, заливая в свои, как он называл организм, *трубы* живительную порцию антипохмельного лекарства. Но – не будем забегать вперёд, и расскажем всё по порядку.

[1] Напомн. читателю, что всех хороших философов и писателей Кулемзин считал своими духовными тёзками – прим. гл. редактора

[2] Происхождение этого термина – в главе 155 третьего тома «Русской кочерги – прим. гл. редактора

Кулемзин ещё раз оглядел неровный строй будущих игроков и сочувствующих, с удивлением отметив, что сегодня они стоят не просто как попало, а строго следуя русскому алфавиту, то есть слева направо он видел по очереди Батыршина, Курманбаева, Муравлёва и Полтавцева, и не сомневался, что если бы Митрохин успел примкнуть к этому похмельному *отделению*, то непременно втиснулся бы между Нуртаем и Валерой.

Писатель знал, что через какое-то время весь этот шатающийся строй наконец-то усядется на покерную скамеечку и возьмёт в дрожащие от нетерпения руки… нет-нет, не карты, как смело подумалось читателю из новичков, впервые добравшемуся до описания приключений наших героев… а всего лишь волшебные бутылочки, за которые сегодняшним утром можно было смело продать даже родину – нашёлся бы покупатель!

Чтобы родину продать красиво,
не нужна мистическая сила.
Нужно мыслить глубже, громче, строже:
как продать её нам подороже!

Тогда Володя – исключительно для блага своих персонажей – решил применить к ним старую марсианскую технологию, с которой уже не раз знакомился мой читатель, и, чтобы они не мешались под ногами во время рассказа об их сегодняшнем утре, произнёс заклинание, вызывающее Вре́менную Заморозку Мгновения. Правда, сделать так, чтобы под эту технологию попали только те, кто шатаясь стояли сейчас перед ним, было непросто, и под заморозку поневоле впендюхались ещё и дворовые дети, с утра оккупировавшие Бермудский Учпучмак, которые с утра носились вокруг покерного столика, приближаясь к околосветовой скорости и вызывая нездоровые тенденции у похмельного коллектива, выражающиеся в страшной тошноте от этого мельтешения.

Заклинание сработало с математической точностью, и мой читатель наконец-то получит возможность узнать, что же происходило с нашими героями парой часов ранее. А рассказы эти автор тоже решил расположить в соответствии с их фамилиями – тоже по алфавиту…

Языком родным воспитан,
аз и *буками* согрет,
водку пью по алфавиту:
«Ангару», потом «Банкет»…

Глава 1. УТРЕННИЙ СКАЗ О БАТЫРШИНЕ

Ночь у старшего прапорщика выдалась ужасная: мало того, что всё спиртное, употреблённое им перед сном, медленно перегорало в организме, вызывая необратимые изменения в полупустой тыкве, так ещё досаждали сны – тоже ужасные. Ровно в полночь, как в сказке про Золушку, ему приснилась жена Аида, причём, не в привычном домашнем виде, то есть в бигуди и со скалкой в руке, а в образе другой Аиды – из одноимённой оперы Джузеппе Карловича Верди. Надо признать, что вначале сон был даже сладострастным, но окончательно испортило его то, что трубач несколько раз вскакивал, чтобы попить воды, но особенно плохо было то, что попить так и не удалось, потому что в темноте он не нашёл дорогу на кухню.

Единственным светлым пятном в его ночной квартире было окно в зале, через которое мерно лился матовый свет неровно обгрызенной луны. Салихдзяныч подошёл к окну, как лунатик, и начал вглядываться в космическое пространство, словно Алексей Толстой – для вдохновения перед написанием романа «Аэлита». Звёздное небо было выстроено строго, как латинская грамматика.

«Там бога нет», сказал Гагарин,
когда стянули гермошлем,
«но Ленина я видел точно,
и он меня перекрестил!»

Звёзды сияли в невыразимой вышине, и Млечный Путь казался осколками Луны, рассыпавшейся в звёздную пыль. Трубач перевёл взор ниже, откуда должна была открываться панорама улицы Жубанова, но она не открывалась, и он понял, что ночные фонари снова забыли включить – может, в целях экономии, а, может, просто из-за пьянства дежурного электрика отцеябловского Горосвещения. Зато недостаток зрения тут же компенсиро-

вался избытком слуха: Талгат услышал под окном чьи-то громкие радостные крики, и подумал, что это, наверно, торжествовала справедливость.

Теперь уже не как лунатик, а точно зомби из голливудского *ужастика*, Батыршин открыл дверь, держась за перила, спустился на первый этаж, с удивлением увидел освещённую лестничную площадку, понял, что сюда ещё не добралась хищная рука алкаша Глав-Буха, и вышел из подъезда. К нему мгновенно пододвинулись две тени, оказавшиеся парнями лет шестнадцати на велосипедах, которые включили фонарики, осветили опухшую рожу военного музыканта, разочарованно вздохнули и произнесли:

– Это не он! Нам нужен другой…

Здесь обер-корнет понял, что на этот раз пронесло, и не позавидовал тому, кого искали ночные мстители.

Глухо банда разъездная
рассуждает вороньём:
– Гада этого поймаем –
всё, что надо, оторвём!

Затем старший дудочник поспешил обратно, хотя глагол *поспеши*л здесь был явно не к месту, так как к своей квартире он (дудочник, а не глагол) добрался только минут через 10, ибо подниматься оказалось сложнее, чем спускаться. Зато по пути он успел обдумать в голове важную тему, удивляясь тому, что не подумал об этом раньше: «Вот на телевидении есть передача «Давай поженимся». А почему до сих пор нет передачи «Давай набухаемся»? Приходишь в студию и ищешь себе компанию, чтобы побухать!»

Вскоре он упал на кроватку и, засыпая, стал мелко дрожать, рискуя попасть в резонанс с неговорящими стенами старого жилья. С закрытыми глазами Салихдзяныч произвёл несколько кругообразных движений головой непонятного смысла, но тут же понял, что сделал это напрасно: голова, и без того кружившаяся, сейчас приобрела свойство самораскручивающейся центрифуги, после чего он вновь рухнул на кровать и лежал так, пока центрифуга не остановилась и не выпустила неудавшегося космонавта на грешную землю, а точнее, на старенький продавленный матрац, где он наконец повторно смог зарыться в тёмный сугроб сна.

Спал Батыршин тяжело и недвижно, как Уральские горы, и такими же тяжёлыми были все последующие сны, которые не запомнились ничем, кроме одного, в котором он с радостью увидел одетую в железнодорожную форму проводницу Иру из соседнего подъезда. Она стала медленно раздеваться и произнесла многообещающую фразу:

– Я так тебя люблю, дорогой. Делай со мной, что хочешь.

– Я хочу с тобой делать котлеты, – радостно ответил спящий.

– Но у меня нет мяса! – возмутилась снившаяся соседка. – И денег на мясо тоже нет!

– Тогда я тоже тебя люблю просто так! – заверил её татарский зять еврейской семейки.

Говорю тебе, волнуясь:
– Ты нужна мне не с рублём –
просто так тебя люблю я,
правда, лучше б, чтоб с бухлом!

Затем сон стал ещё интереснее, потому что проводница по мере разоблачения стала вращать бёдрами, как индийская актриса в фильмах с танцами.

– Ирина! – восторженно взвизгнул Талгат. – Вы вся такая подтянутая, вся такая грациозная! Как вам это удаётся?

– Так я же постоянно занимаюсь народными танцами – в перерывах между железнодорожными поездками по Саксаулии и за её пределами, – объяснила, колыхнув грудью четвёртого размера, виртуальная соседка.

– Как интересно! А какими? – поинтересовался виртуальный прапорщик, с восторгом осознав, что этот интерес может пробудить его к до того неведомой, но несомненно прекрасной жизни.

– Стриптизом, – не стесняясь, призналась снящаяся, после чего несколько похабно улыбнулась, как настоящая стриптизёрша.

– А... разве это... народные танцы? – заволновался военный прапорщик и от неожиданности даже чуть не проснулся.

– Ну, не знаю, – скривила губки проводница. – Народу нравится...

Не вечна тела красота,
и быт любовь съедает:
увы, жена уже не та,
и страстью не пылает.
Кружись, красавица, не ной –
успех сегодня будет!
Когда-то станешь ты женой,
а муж ...стриптиз полюбит!

Глава 2. УТРЕННИЙ СКАЗ О БАТЫРШИНЕ (продолжение)

Пробудившись, военный музыкант широко и раскатисто зевнул, как отставной маршал рода войск, и при этом чуть не вывихнул себе челюсть. «Надо бы впредь быть осторожнее», подумал он, «а то вот вывихнешь что-нибудь в ёперном рту, а потом водка в него будет криво литься …»

Попытавшись встать, Талгат тут же понял, что эта жалкая попытка зачтена не будет, так как он сразу скатился на пол и, чтобы сожаления об упущенной возможности не захватили его целиком, оглядел себя. Первым, что его возмутило, было то, что он увидел себя не во вчерашних военных подштанниках, а почему-то сугубо в штатских семейных трусах, которых у него никогда не было, ибо за штатскую одежду надо было платить в магазине, а военную ему выдавали бесплатно. Затем он продолжил осмотр тела и обнаружил в его верхней части также классическую советскую (б) растянутую майку времён первого спутника, после чего расстроился ещё больше.

Салихдзяныч приподнялся на руках и мутным взором окинул интерьер, который мало того, что не узнавался, но сегодня даже не впечатлял. Второй неприятностью стало то, что как вчера, позавчера, позапозавчера и вообще с начала недели ему явно было плохо – в плане здоровья. «А ведь вчера было так хорошо!», мелькнула нелепая мысль и тут же пропала в чёрной дыре памяти. Он понял, что должен немедленно произвести (прости, русский язык!) мониторинг собственного организма, и обрадовался, что вспомнил такое сложное научное слово. «Значит, ещё не все мозги пропил!», радостно мелькнула в тыкве первая приятная за сегодняшнее утро мысль.

Мысль мелькнула, как впервые
и ушла, как на бегу:
«Не могу пропить мозги я,
хоть стараюсь как могу!»

Правда, остальные мысли пришлось внести в графу «Страшные ужасы бытия», и вот почему. Мысленно проходясь по всему телу, трубач с ужасом понимал, что все его о́рганы словно бы скатились в про́пасть, оставив организм пустым и легковесным. В тыкве неостановимо звучал «Траурный марш си-бемоль минор» Фридерика Николяевича Шопена. Прапорщик осторожно потрогал то место, где, по его предположениям, должна была находиться печень, но нащупал только что-то похожее на придорожный валун, и окончательно опечалился. Перед глазами сновали какие-то подозрительные белые мушки, а сердце то и дело проваливалось в живот, точно в прорубь, рискуя быть переваренным безжалостным желудочным соком, состоящим, не как у других людей, из пепсиногена, соляной кислоты и бикарбонатов, а исключительно из туркменского портвейна «Чашма», палёной водки «Чапаев» и твёрдых остатков пива «Маршал», так как лёгкие – из-за нехорошего поведения Курманбаева – не держались в военном организме более минуты.

Осталось времени в обрез,
когда совсем погаснет свет,
и я смотрю, куда залез –
на тот или на этот свет…

Во рту было горячо и сухо, как в мартене, к тому же упомянутый желудок, видимо, проявлял корпоративную солидарность с головой, так как тошнило страдальца постоянно. Чувствовалось, что в нём (желудке, а не страдальце, хотя и страдальце тоже) какие-то слишком живые *иблисята* варили что-то вроде огнедышащего чесночного борща, хотя, по всем библейским канонам, должны были варить всего лишь смолу.

Короче, жить дальше не было никакой возможности. Талгат осторожно приоткрыл глаза́, боясь увидеть этих *иблисят* и отблески (прости, русский язык!) инфернального пламени, но увидел только давно не беленый потолок, залитый серым утренним молоком рассвета. При мысли о молоке вновь подступила тошнота. Правда, удивительно, но нашлось и что-то хорошее: хотя потолок и показался ему незнакомым, по призрачному расположению отдельных предметов быта Салихдзяныч понял, что всё-таки находится в родном еврейском гнезде, и на некоторое время успокоился. Ещё па́ру минут он полежал неподвижно, боясь шевельнуться, и не уверенный до конца, есть ли у него руки и ноги. Мысли при этом скакали в страшно кружащейся голове бестолково, как беспородные *горбунки* по дорожкам аристократического ипподрома.

В потолке открылись люки,
и из них пошла вода:
ты не бойся – это глюки!
Так бывает иногда…

Автореанимацию старший татарин президентского оркестра решил начать с родной речи, так как вспомнил совет своего друга Кулемзина: если хочешь, чтобы тебя понимали, просто говори.

– М-м-м-кх-кх-кх-м-м-м, – сказал он, удивившись тому, что голос у него всё же прорезался. Правда, даже мычать было трудно, потому что во рту что-то мешало и цеплялось одно за другое, и оттого звук выходил слабый и жалостливый.

Словно эхо на странные звуки похмельного откуда-то со стороны балкона пришёл посторонний звук. Батыршин скосил глаз и увидел, что на перилах балкона сидела ворона.

– Кр-р-р-ылья р-р-родины! – неожиданно провещала она.

– Пр-р-рочь, ёкар-р-рная кар-р-рга! – также по-вороньи ответил ей музыкант.

Как будто в 330 гло́ток
ворона каркает про что-то,
но не понятно ни хрена!
(А, может, просто голодна?)

Глава 3. УТРЕННИЙ СКАЗ О БАТЫРШИНЕ (окончание)

«Не пора ли в йодистый Учпучмак?», родил Салихдзяныч странную мысль, и чтобы подчеркнуть её значимость в данное мгновение, посмотрел на часы, забыв о том, что они стояли уже неделю, ведь чтобы их завести, надо было сменить сдохнувшую батарейку, но на таковую у него просто не было ни одного назарбакса, как, впрочем, не было его ни на что другое. Остановившиеся часы добросовестно показывали отсутствие вообще какого-либо времени, и это очень точно (прости, русский язык!) коррелировалось с его (Салихдзяныча, а не языка) нынешним состоянием.

А состояние у него было, как утверждал на одной из страниц своего «Толкового словаря живого великорусского языка» некий Даль, *ещё то*. Крутило и ломало музыканта так, что у него возникло ощущение, что он находится внутри громадной кишки, совершающей (ещё раз прости, русский язык!) перистальтические сокращения. Военный попытался сделать несколько шагов в сторону совмещённого санузла, и это ему неожиданно удалось, хотя при ходьбе его сильно болтало, словно космонавта на сломавшейся от перегрузок центрифуге.

Наконец он достиг желанной комнатки и остановился на пороге подобно буриданову ослу[3]: надо было немедленно решать, что сделать первым: посмотреться в зеркало – для идентифицирования человека, проснувшегося в еврейской квартире, либо опуститься на унитаз – сами знаете для чего. И здесь закалённые долгосрочной службой военные кишки прапорщика дружно заиграли попурри из всех известных ему маршевых мелодий, так что проблема выбора решилась сама собой.

Когда мне становится тягостно жить,
в сортир я имею привычку спешить –
в уютную комнату, где унитаз
приветливо встретит любого из нас!

Упав в объятия са́мого известного в мире санфаянсового изделия, саксаульский унтерофицер посидел на нём несколько минут, наклонив голову набок, словно прислушиваясь к каким-то процессам внутри себя, но не услышал ничего, кроме того, как матерится его внутренний голос – о том, что *опять нажрался, скотина*! Он попенял внутреннему голосу и замер вновь, на этот раз прислушиваясь к мнению желудка. При этих потугах глаза саксаульского татарина, точно у опытного наркомана, округлились до размера совиных.

[3] Буриданов осёл – философский парадокс, названный по имени Жана Буридана, где был поставлен вопрос: как осёл, которому предоставлены два одинаково соблазнительных угощения, может всё-таки рационально сделать выбор? – прим. философ. редактора

Если долго пучиться,
что-нибудь получится!

Наконец он завершил трудную работу по начальной очистке организме от всего наносного, что образовалось у него за ночь, и наконец решил посмотреться в зеркало. Правда, ничего хорошего, как и в другие дни недели, эта идея не принесла. «Чудовище вида

ужасного»[4], после взгляда в честное стекло мелькнула в его голове страшная строка из детского стишка. Лицо Батыршина приобрело тот странноватый зелёно-жёлтый оттенок, который присущ исключительно утопленникам на третий день их послеземных *неприятностей*, а общее выражение военной рожи было сейчас как при многодневном запоре. У страдальца даже возникло ощущение, что он летит в прóпасть, где внизу натыканы какие-то кинематографические колья.

[4] Строка из «рассказки», написанной Кривелло для вызывания слёз у Принцессы – сцена из фильма Александра Роу по сценарию Сергея Михалкова «Новые похождения Кота в сапогах» (1958) – прим. кинередактора

«Ёкарный Йемен!», подумал трубач. «Пора выбираться в более просторное помещение, иначе, как выражается мой друг Альбионыч, можно заработать клистрофромбию!»

«Как тяжко в эту шкуру влезть!»,
подумал генерал
«Клаустрофобия – болезнь,
когда я крайне мал!»

Ноги, плохо слушающиеся его с утра, вдруг предприняли какое-то волновое движение, и Талгат, выйдя из маленького санузла, неожиданно очутился в ещё одной маленькой комнатке, то есть спальне, где обычно почивали его отсутствовавшие сейчас тесть и тёща. Едва он переступил порог комнатки, как ему в нос ударил страшный, но тем не менее чем-то родной запах. Музыкант вначале принюхался, а потом и присмотрелся: на батарее возле окна сушились три пары его портянок. Откуда взялись здесь эти тряпки, было совершенно непонятно, так как все последние годы музыканты президентского оркестра выступали в ботинках. Аромат портянок оказался невыносимым, и старший прапорщик чуть было вновь не побежал обратно, чтобы плюхнуться на колени перед неутомимым унитазом, – словно какая-нибудь Мария Яковлевна Стюарт[5] перед палачом. Но он (старший прапорщик, а не палач) сдержал этот неновый для себя порыв, после чего совершил ещё один марш-бросок – на этот раз на кухню.

[5] Королева Шотландии, правившая с 1561 года до низложения в 1567 году, а также королева Франции в 1559-1560 годах. Её трагичная судьба, наполненная литературными по драматизму поворотами и событиями, привлекала писателей романтической и последующих эпох. Казнена в 1587 году – прим. ист. редактора

Не найдя в холодильнике ничего напоминающего кефир, простоквашу, айран, ряженку, кумыс или хотя бы ацидофилин, он тем не менее сделал одну находку – записку, написанную хотя и крайне неразборчивым, но всё-таки его почерком:

В моей смерти прошу винить

Луи Перриевича Армстронга!

и страшно удивился написанному, ибо совершенно не помнил, когда, кому и, главное, зачем сделал такое страшное признание.

48 рюмок хрястнув,
что поднёс мне винодел,
на трубе дудю я страстно,
как Армстронг в неё дудел!

И здесь прямо по нервам, словно они были не спрятаны где-то глубоко в организме, а вились прямо по телу, ударил телефонный звонок, от которого Салихдзяныч мелко задрожал, рискуя попасть в резонанс с неговорящими квартирными стенами. Он с трудом поднял страшно тяжёлую трубку, подышал в неё и наконец сиплым голосом произнёс:

– Это кто?

– А это кто, яйчики-бабайчики? – не узнав голоса, нелогично спросил Володя, словно в еврейской квартире за ночь мог прописаться какой-нибудь адмирал ВМФ.

– Их бин ёперный зольдат, – голосом, похожим на запах протухшего клея, на неизвестном языке ответил абонент, и вот по этому псевдогамбурскому акценту писатель всё-таки узнал постоянного сопокерника Батыршина.

– Ты того… – произнёс он так, чтобы похмельный военный понял хоть что-то, – это… давай… в общем… подходи!

– Есть, – коротко ответил обер-корнет, положил трубку и стал собираться на волю.

Оказалось, что в принципе он был вполне одет, так что осталось всего лишь нацепить на шею галстук, так как мероприятие, на которое собрался музыкант, внезапно показалось ему праздничным. Правда, армейский галстук, никогда не завязываемый, а болтавшийся на резиночке, сразу же стал душить трубача, норовя перекрыть последний в комнате воздух, давно вытесненный переработанной в похмельном организме гадостью.

В горле словно корнеплоды
без капустного листа:
душит галстук – кислорода
в организме не хвата…

Шнапс-капитан посмотрел на замолчавший аппарат для разговоров и вспомнил, как однажды обиделся на Альбионыча, который утром по телефону предложил ему вместо бутылочки «Маршала» самому́ сделать коктейль под названием «Т-34», а когда музыкант поинтересовался, как, ответил, что очень просто: надо выпить стакан тёплой воды из-под крана и долбануть себя молотком по тыкве! Правда, в следующий раз совет писателя, который знал всё на свете, оказался хорошим.

– Ты, Талгат, когда захочешь *без меня* похмелиться, – в тот раз сказал Кулемзин, – не покупай одеколон «Саша», – по непроверенным слухам, он немного горчит, а бери туалетную воду «Шаман»[6], – её уже не раз проверял на себе бывший водитель Дубровский, который авторитетно заявляет, что у неё, во-первых, приятное послевкусие, и, во-вторых, она не так сушит горло, как, например, разбавленное до 22° японское сакэ…

[6] А ещё лучше духи «Magie Noire» пополам с апельсиновым соком – прим. братьев-клошаров Танкиста и Одиссея

Наконец Батыршин вышел вначале из квартиры, затем из подъезда, а заодно и из до́ма, оглянулся, как шпион, проверяющий наличие хвоста, и, не обнаружив никого, поспешил на встречу со счастьем – волшебными похмельными напитками и *русской кочергой*.

Буду нынче благородней
не в угоду алкашу:

встречусь с счастьем я сегодня –
и бухну, и закушу!

Глава 4. УТРЕННИЙ СКАЗ О КУРМАНБАЕВЕ

Не легче перенёс сегодняшнюю встречу с действительностью преподаватель информатики еврейского колледжа Нуртай Мусаич Курманбаев. Встреча началась с воспоминания, и он долго не мог решить, было это воспоминание приятным или же наоборот. Дело было в том, что, приняв за прошедший день не менее 12 халявных бутылочек пива «Тянь-Шань» от своего идеологического врага Кулемзина, он радовался, что сумел так основательно разорить зажравшегося буржуя, но в то же время печалился, что к сегодняшнему дню, то есть 30 августа 2003 года, этот буржуй по своему финансовому положению так и оставался буржуем, а вот он, достойнейший представитель советской интеллигенции, по этому же показателю принадлежал к нищему пролетариату – вроде его соседа по лестничной площадке Серёньки Полтавцева.

Порядок жизни планетарен,
хотя давно уже растлен:
без мыслей хлещет пролетарий,
но с мыслями – интеллигент!

Он вспомнил, как перед сном немного почитал пожелтевший номер газеты «Красная звезда» за январь 1952 года, неизвестно как и для чего сохранившийся в его личном архиве, из которого с восторгом узнал о буднях N-ского подразделения химзащиты и его душевном политработнике капитане Перепёлкине, а также о действиях китайских добровольцев в Корее, возглавляемых маршалом Пэн Дэхуэем[7]. Завершил чтение бравой газеты педагог печальным сообщением на последней полосе – о смерти некоего генерала-майора Архипа Аристарховича Христианинова. Правда, в некрологе не сообщалось, что погиб этот генерал не в бою, как можно было предположить, а был застрелен егерем охотхозяйства во время отстрела дикого кабана – по нелепой пьяной случайности.

[7] Государственный и военный деятель Китайской Народной Республики, заместитель премьера Госсовета КНР и министр обороны КНР, маршал КНР. Известен своей критикой Мао Цзэдуна и проводимой им политики «большого скачка́» – прим. полит. редактора

Немного погоревав о доблестном воине, Нуртай всё-таки провалился в суспензию сладковатого кошмара, как называл сон его антипод Альбионыч, и вскоре приятное достоевское наслаждение упало на него, словно египетская пирамида, и под этой многотонной тяжестью, которая не позволяла двинуть рукой или ногой, он уснул, точно умер, и даже луна, которой все идеологические рефлексии были по барабану, тихонько прикрыла своё ночное свечение тёмной тучкой.

Лунный серп висел, склоняясь
над магнитным полем тьмы,
ватой мрака заслоняясь
от космической зимы…

Но сказать, что ночь Нуртая была спокойной, было нельзя, ибо до самого утра его мучили разные сны – один страшнее и нелепее другого. Запомнить их все было невозмож-

но, но два отложились в памяти навечно. В первом сне ему приснился зарубежный милиардер Билл Уильямович Гейтс, кому, собственно, педагог и был обязан своей нынешней работой, и он (педагог, а не миллиардер) долго и мучительно решал, к чему бы в его воспалённой голове могло возникнуть такое странное виде́ние: к мешку с назарбаксами или куче вирусов на его компьютере?

Второй сон был ещё страшнее: якобы в прошлой жизни он был передовиком-комба́йнером, поднимающим целину так хорошо, что его представили к званию Героя Советского Союза (б), но он всё-таки не получил заветную звёздочку, так как его вовремя застрелили басмачи, которым советский уклад жизни (б) был не по нраву!

Вот халат висит на стуле,
а в карманах кирпичи, –
чтоб его не утянули
злые дядьки-басмачи!

Так что спал саксаульский партиец плохо, и встал злой и раздражённый, точно навозная муха, не получившая обещанную мушиным *дедушкой* порцию вкусного дерьма. Проснулся же он (партиец, а не *дедушка*) от того, что сны кончились, а валяться просто так с закрытыми глазами ему не позволял «Моральный кодекс строителей коммунизма»

Проснувшись, он понял, что у него что-то не в порядке с глазами и ушами. Во-первых, глаза болели и просто не открывались, и Мусаич даже попытался сделать это механически, то есть помогая ве́кам пальцами, но глаза стали болеть ещё больше. Здесь Курманбаев представил себя маленьким перепуганным ребёнком, заблудившемся в тёмном лесу, который зовёт свою маму, а на него со всех сторон наступают голодные злые волки, но спасенья нет, потому что добрые охотники где-то далеко и не слышат его криков.

Наконец глаза открылись, но, видимо, только для того, чтобы увидеть причину страшного шума в ушах. Оказалось, что прямо перед ним – на сиротской тумбочке подпрыгивал и злился старенький будильник, гремевший, словно мотоцикл «Урал М-66». Через несколько мгновений ленинец почувствовал, что уши у него оказались заложенными, как будто он только что не выбрался из постели, а выпрыгнул из горящего самолёта. Приглядевшись к будильнику, преподаватель с удивлением отметил, время на циферблате было арабское. «К чему бы это?», подумал он.

Звенит будильник по-арабски,
зовя на труд какой-то рабский!

Нуртай осторожно выбрался из постели и тут же чуть не свалился на давно не крашеный пол. Медленно и неотвратимо, как раскручивающийся мотор, начинала болеть голова, в которой, судя по специфическим шумам, происходила маленькая Октябрьская революция. На неё (голову, а не революцию) словно был натянут шлем, набитый ватой. В душе́ было пусто, словно её вскрыли, как консервную банку, и ложкой выгребли просроченное содержимое. «Как хорошо», подумал Курманбаев, «что я весь наполнен марксистско-ленинским содержанием, а то ведь неизвестно, чем бы закончилось такое утро…». И без того сдобное тело его сегодня выглядело каким-то распухшим, словно какой-то доброхот ночью обернул партийного страдальца толстым слоем мягкой изоляции.

Вот последствия гулянки,
вот загула результат:
распухаю я от пьянки,

как большой аэростат!

«Надо бы вспомнить, мать моя партия», подумал педагог, «что и где говорил Владимир Ильич об утре? Только это поможет мне пережить такое страшное утро, в которое так же, как и вчера, я непременно встречу своего врага Кулемзина по кличке Марсианин!». Он поднатужился и радостно вскрикнул, ибо вспомнил, что в томе 22 Полного собрания сочинений покойного вождя мирового пролетариата была опубликована его статья «Восстания в армии и во флоте», где уже на второй странице были напечатаны замечательные строки с упомянутым утром: «Восстание началось вечером и кончилось, по казённому сообщению, *к утру*»[8]

[8] Ранее эта ленинская статья была опубликована в «Рабочей газете» № 9 от 30 июля 1912 года – прим. ист. редактора

Ох, и голова ж моя больная,
словно бы от плеч отделена:
ленинские строки я читаю,
но не понимаю ни хрена!

Правда, кто восстал и против кого, память сообщать отказалась категорически, а ноги пока ещё не дошли до той кондиции, чтобы самостоятельно передвигаться к книжной полочке с заветным 22-м томом. Зато эти же ноги предательски понесли его на кухню, и Мусаич бесшумно, точно подготовленный за рубежом диверсант, прошёл к холодильнику, извлёк баночку кефира с саксаульским названием *айран*, в тёплом состоянии совершенно неотличимым от кефира российского, и неуклюже, как всякий советский (б) человек, не привыкший к капиталистическим извращениям, дёрнул за кольцо. Дело было в том, что власти Республики Саксаулия, озабоченные ростом пьянства на подотчётной территории, стали выпускать кисломолочные продукты вот в таких пивных баночках, и надо сказать, что многих потомственных алкоголиков это всё время путало.

Естественно, как это бывает в девяти случаях из десяти, колечко осталось на указательном пальце большевика, а банка так и не открылась. Тогда Нуртай с истинно партийной закалкой проткнул тем же пальцем отверстие в тонкой жести, воровато оглянувшись при этом, но рядом пока никого не было. Ему почему-то вспомнилось, что в шпионских романах именно на таких мелочах и описываются провалы неопытных разведчиков, которые или не умеют открывать подобные банки, или разминают сигарету между пальцев, как *беломорину*, или застёгивают ширинку уже на улице!

В пивнушке сидел пьяный в зюзю мужчина,
пил пенное пиво и кушал бекон,
и хоть был он с мордою, как у кретина,
но было понятно, что это шпион.
Он песни горланил про дом, про танкистов,
про русское поле, про дружбу и плот,
и хоть матерился по-русски он чисто,
но было понятно, что дяденька – *крот*.
Так чем же себя провалил цэрэушник,
и как намекнул, что засланец он тут?
Болтался из рации негра наушник,
и шлейфом из ранца свисал парашют!

Глава 5. УТРЕННИЙ СКАЗ О КУРМАНБАЕВЕ (окончание)

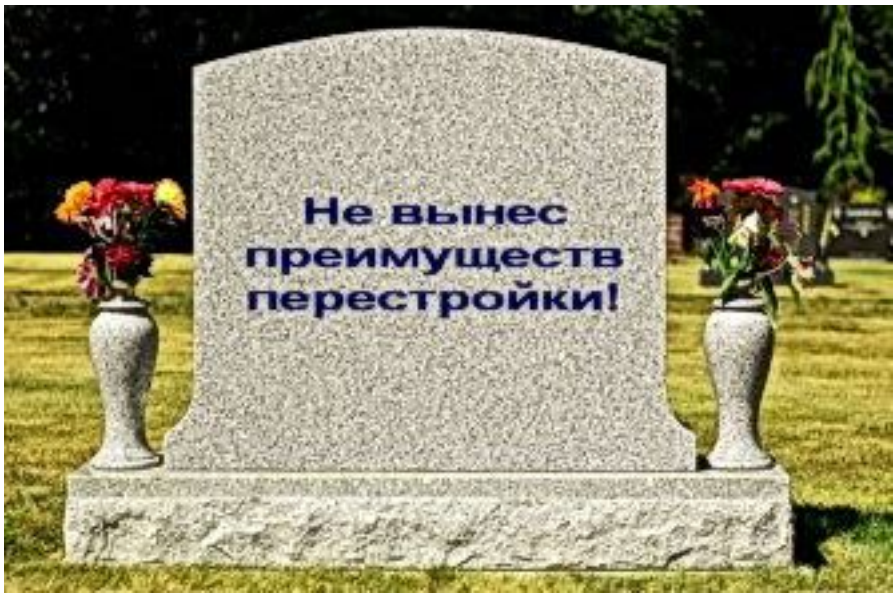
Залпом выпив заветную баночку и со страхом обдумывая, что же он скажет по этому поводу строгой жене, Нуртай начал прислушиваться к аритмии собственного организма, чтобы определить степень его поражения вчерашними алкогольными подвигами. На пятой секунде изучения сердце сигануло куда-то в горло, норовя выпрыгнуть изо рта, но потом всё-таки передумало, скатилось в район паха и вдруг замерло вовсе. «Неужели навсегда?!», с ужасом подумал педагог. На месте вчерашнего вечера в так называемом «сознании» зияла чёрная дыра.

Закусив кефирную баночку безвкусным, как промокашка, позавчерашним хлебом, уже кое-где подёрнутым зеленоватым налётом, он продолжил свои страшные раздумья. «А тот ли вообще человек проснулся, мать моя партия?!», пришла вторая пронзительная мысль, и если бы Курманбаев не чувствовал себя так плохо, то, конечно, мог бы догадаться, что в рамках романа «Русская кочерга» присказку *мать моя партия* мог произнести только он один! Коммунист же, чтобы удостовериться в этом наверняка, решил заглянуть в маленькую комнатку, главными достопримечательностями которой были зеркало и унитаз.

Без навязчивых иллюзий
я давненько обхожусь,
ведь люблю родной санузел:
посмотрюсь и посижу!

Вид открывшегося в зеркале человека удручал: на Мусаича глядел какой-то незнакомый незадачливый *хроник*, позавчера свалившийся с поезда под колёса броневика, к тому же мрачный, словно в понедельник его мама родила. Лицо незнакомца приобрело явно землистый трупный оттенок, узкие азиатские гла́зки были вдавлены в одутловатую с похмелья рожу, точно изюминки в подошедшее тесто для пасхального кулича. Процесс напряжённой «умственной» деятельности отражался на его челе мучительными проблесками бессознательного. Плохо было и то, что причёска, раньше идентифицировавшаяся как комсомольский полубокс, сегодня вздыбилась, как морской ёж перед атакой.

Если же говорить более общо, то педагог сейчас выглядел так, словно только что ознакомился с эпитафией на собственном надгробном камне:



Собственно, с классического похмелья большевик страдал не сильно, и всё-таки чувствовалось, что вчерашние полтора десятка бутылочек «Тянь-Шаня» плюс некоторое ко-

личество напитков потяжелее сделали своё чёрное дело, ибо в его тыкву пришла третья за сегодняшнее утро мысль – куда как страшнее двух предыдущих: «А, может, принять иудаизм – и в Израиль? Евреи своих в обиду не дадут… А деньги?! А что деньги? И денег там навалом – как-никак, по слухам, они Россию продали…»

Расстрелять предателей отчизны,
порешивших СССР сгубить!
Расстрелять во имя нашей жизни
и во имя счастья истребить!

Наконец он сделал последнее в маленькой комнате дело, по школьной привычке поставив *четыре с минусом* работе кишечника, после чего решил, что в квартире, где здоровье поправить было абсолютно нечем, задерживаться не сто́ит, а, как настоящему организатору масс, сто́ит собрать весь коллектив в одном месте, которое оппортунист Кулемзин называл странным *погонялом* Бермудский Учпучмак.

И это было действительно так: говоря языком узников СИЗО, *выводным* почти всегда работал именно Нуртай. С утра он, подталкиваемый нетерпеливым приятелем *иблисом*, суетливо обзванивал игроков с предложением сыграть партейку, но, естественно, только после того, как можно будет немного похмелиться, лишь бы этому сопутствовали два фактора: деньги в кармане Альбионыча и его же желание воскресить коллектив для более плодотворного дня.

Знают в тыкве нашей *белки*:
всё пойдёт своим путём –
были б деньги, а похмелку
обязательно найдём!

Вначале Мусаич позвонил Володе, но пальцы, ещё не отошедшие от вчерашнего, всё время срывались и никак не хотели попадать в специально предназначенные для этого дырочки, причём, длилось это безобразие уже вторую минуту, и педагог даже подумал о том, что Томас Самуэлевич Эдисон, наверное, всё же зря придумал такую штуковину, которой, не прикасаясь к башке, можно так мучить людей. Наконец его (Мусаича, а не Самуэлевича) пальцы провалились куда надо, и Курманбаев, бормоча что-то вроде того, что «в советские времена никогда не было перебоев со связью», стал накручивать диск телефона в сторону писательской квартиры. Получив подтверждение скорой встречи, он уже более твёрдой рукой дозвонился до своего соседа Полтавцева.

– Здравствуйте, Сергей! – бодрым комсомольским голосом поприветствовал он его.

– Да...

– Как здоровье?

– Да…

– А как насчёт похмелиться?

– Да…

– Серёжа, почему ты постоянно говоришь *да*?

– Просто ты, Нуртай, не даёшь мне закончить фразу *да пошёл ты*!

– Выходи, – коротко проинформировал педагог сторожа и повесил трубку, после чего запихал мусор из помойного ведра в полиэтиленовый пакет, вышел из квартиры и, оглядевшись, как уголовник *на шухере*, быстренько поставил его в угол, затем вновь зашёл в квартиру, набрал номер Отцеябловской МЧС и сделал тревожное сообщение, что по такому-то адресу им обнаружен подозрительный свёрток с чем-то ти́кающем внутри!

После сделанной в адрес городских эмчеэсников гадости ленинец настолько пришёл в себя, что, спускаясь по лестнице вниз, даже нашёл в себе силы замурлыкать замечательную песню своего советского детства:

Под знаменем партийного доверия
любой к борьбе и подвигам готов:
нас в светлый путь ведёт товарищ Берия,
о нас заботится товарищ Маленков!

И, наконец, на выходе из подъезда Курманбаев встряхнулся, словно деревенский петух после случайно забредшей в курятник индюшки, перед которой он *не сплоховал*.

Глава 6. УТРЕННИЙ СКАЗ О МУРАВЛЁВЕ

А ну-ка, кто там у нас следующий по алфавиту? Ага, некий Муравлёв – персонаж, за все прошедшие тома не сыгравший ни одной партии в *русскую кочергу*, но сыгравший большую роль во всём повествовании. А почему? Да потому что по своей отстранённости от игры он как бы сравнялся с автором нашего блистательного повествования, ибо, как и тот, не отстранялся при этом от всех главных событий романа.

Добравшись вчера вечером домой из Бермудского Учпучмака, он уже с порога ощутил счастье. А произошло это так: немного настороже потоптавшись у порога, Валера, как настоящий художник, начал изучать привычный интерьер коридорчика. Но если мой читатель подумает, что делал это живописец для набора впечатлений, которые хотел вложить в будущую картину, то как же жестоко он (читатель, а не живописец) ошибётся! Просто Николаичу надо было точно понять, до́ма ли его супруга Наташа, вернулась ли она в семейное лоно после нескольких дней гостевания у своей мамы, и если вернулась, то как себя с ней вести.

После тщательного осмотра коридорчика, в котором не было обнаружено растоптанных туфель жены с плоской подошвой, ибо никакие *шпильки* не выдерживали центнеровый вес любимой, а были, напротив, обнаружены такие же растоптанные домашние тапочки, у квартирного жильца и наступило искомое счастье: жены до́ма не было!

Песнь пою я, как пичуга, –
мне завидуйте, мужья:
от меня ушла супруга.
Как же счастлив я, друзья!

Тогда он, чтобы успокоить напряжённо бу́хающее сердце, решил немного полежать, но не спать, а обдумать, как жить дальше. И тут Муравлёв, к несчастью, вспомнил, что на днях обещал своему другу Кулемзину написать сразу две картины, потом дорого продать их ценителям прекрасного, а потом наконец-то хоть раз в год за свой счёт угостить всю покерную хевру, в которой прижился, как он считал, раз и навсегда. Правда, до практического процесса писа́ния не дошло, зато названия будущих шедевров уже придумались – это должны были быть полотна под роскошными названиями «Рождённый из пены мальчик с веслом рвёт пасть писающему льву» и «Бегство наполеоновской армии из горящего рейхстага»

Кстати, Альбионыч, когда впервые увидев работы нашего героя, страшно опечалился. Не веря своим глазам, он смочил палец слюной и осторожно потёр в уголке одной из картин. «Нитрокраска», показала экспертиза в виде грязного пальца.

– А почему не маслом, яйчики-бабайчики? – спросил эксперт из сообщества писателей. – Я, конечно, понимаю, что у *нитры* цветá ярче, но ведь все *значительные* художники, включая твоёго тёзку да Винчи, писáли маслом: тут и цветá естественнее, и тонá теплее, и оттенков море, и гамма как-то бесконечнее…

На холсте художник Петя
нарисует всё на свете:
опускает в краску кисть
и на холст её – хлобысть!
Хорошенечко размажет,
«Хороша картина!» скажет.
Будут люди много дней
думать, что же там на ней…

Саксаульский поленов с уважением поглядел на сурового критика.

– Да нитра просто сохнет быстрее, – легко объяснил он. – Утром намазюкал – вечером продал, вот тебе, святой Малевич, и кусок хлеба! А две продал – хлеб уже с маслом.

– А если три? – поинтересовался Володя.

– А три в один день никогда продать не получалось, – закручинился Валера. – Внутренне я, конечно, против, мне эта нитра как кисточкой по говну. Но кушать-то хочется!

Вскоре радостные мысли, вызванные творчеством, закончились, а после них начались мысли всё больше печальные: о собственной безработице, о безработице толстой супруги, которую надо было ежедневно кормить, а также о недавнем присоединении далёкого государства Иран к дополнительному протоколу МАГАТЭ[9], по которому Тегеран обязался предоставлять информацию по предыдущим и нынешним ядерным программам. «Вот зачем иранцам это было нужно?», в тревоге думал художник. «Ведь и без этого присоединения нам в нашем Бермудском Учпучмаке жилось очень хорошо!»

[9] Международное агентство по атомной энергии – прим. полит. редактора

Вспомнив Великий Игровой ▲, Николаич начал припоминать, сколько же бутылочек пива «Тянь-Шань» он сегодня получил от спонсора коллектива Кулемзина, но результат подсчёта его расстроил: оказалось, что преподаватель еврейского колледжа Курманбаев выпил за одну бутылочку больше!

«Путь к желудку очень скользкий»,
просвещал меня отец.
«Каждый пива пьёт по стольку,
сколько влезет в брюханец!»

Противные мысли никак не заканчивались, хотя спать хотелось всё больше и больше. «Когда-то Олег Газманов объяснил всей стране», придумал ещё одну мыслишку Муравлёв, «что, мол, его мысли – его скакуны. Но вот сегодня на хренá он прислал ко мне весь свой табун?!». Плохо было и то, что из-за выпитого после благородного пива, то есть напитков шмурдячного свойства, у художника начались явные глюки, ибо ему вдруг послышался соловьиный посвист. Николаич прислушался и узнал в мелодии одну из песен Кобзона «И вновь продолжается бой», и хорошо, что узнал только мелодию, а если бы он ещё вспомнил словá про *Ленин такой молодой*, то не миновать бы ему Суки-судьбы несчастного прапорщика Батыршина, проводившего в учпучмакских кустах значительное время светового дня.

Знали в школе, в ЦК и на зонах,
что такой был великий солист:
комсомольские песни Кобзона –
это вам не какой-то «Bee Gees»[10]!

[10] ***Читается «Би Джиз». Австралийская поп-рок-группа – прим. муз. редактора***

Тогда Валера прикрыл голову подушкой, но, к его удивлению, добился обратного эффекта, так как соловьиный посвист оказался слышен сильнее. «Неужели это всё происходит в моей так называемой голове?», мелькнула страшная в своей очевидности мыслишка. «Вот бы отомстить как-нибудь этой хре́новой птичке, воспетой неким Алябьевым[11]!»

Я тоже как-то соловью,
когда он будет спать, спою!

[11] ***Романс «Соловей» – произведение композитора А. А. Алябьева на стихи поэта А. А. Дельвига – прим. муз. редактора***

Глава 7. УТРЕННИЙ СКАЗ О МУРАВЛЁВЕ (продолжение)

И тут пришло долгожданное избавление от кошмаров прошедшего дня – Валера наконец-то уснул, и с пришедшим к нему сном все странные мысли постепенно исчезли из его тыквы, как пя́тна с тарелки под волшебным действием средства «Fairy». Поза его во сне была несколько странной, ибо лежал художник, как бы скрученный гениальным порождением немецкого математика Августа Иоганновича Мёбиуса, а именно двухмерным кольцом, вложенным не иначе как чудом в трёхмерное евклидово пространство. Проще говоря, спал Николаич в позе потерпевшего крушение трёхколёсного велосипеда, и во сне у него было темно, как у святого Малевича в пресловутом квадрате, за исключением того, что по этой известной картине пробега́ли какие-то блики в виде то ангелов, то чертей.

Я умер – и вверх срикошетил,
и только от скуки зевал,
как ангела с перечнем встретил,
который меня сблатовал!
«В течение наше вступай ты»,
мне ангел вещал горячо,
«на небе одни мы богаты –
тобой прирастём мы ещё!»
Вот так мне тот рай был расписан –
со скукой я слушал его,
ведь мне же теченье *иблиса*
понравилось больше всего!

Итак, в своей сирой комнатке лежал ещё один герой нашего правдивого повествования, терзаемый привычным нездоровьем. И хотя, как казалось автору нашего романа, заснул художник глубоким сном каменотёса, но уже вскоре его застигли очередные, в стиле Пабло Руисовича Пикассо, некие сюрреалистические продолжения дневного бытия.

Иногда сны его казались обесцвеченными, как бы подёрнутыми дымкой суровой реальности, но всё чаще и чаще ему снилась какая-то путаная дрянь, и он на мгновение просыпа́лся, покрытый липким, как изолента, по́том, а также с чугунной головой демиурга. А

иногда он, точно жареная свиная сарделька, тихо пускал пузыри, и становилось ясно, что увиденные им кошмары были вязкими, как печёные яблоки.

Но самый страшный сон Муравлёв увидел уже под утро, когда ему приснилась любимая супруга, поджидающая его в прихожей не с привычными скалкой или сковородкой, а со «Стэ́ном»[12] в руках. Наташа прищурилась и тихо, но значительно поинтересовалась:

– И где тебя *иблисы* носили?

– Ой, а ты что, святой Малевич, тоже их видела?!

[12] Британский пистолет-пулемёт «STEN», созданный в 1941 году. Находился на вооружении британской армии до начала 60-х годов прошлого века – прим. воен. редактора

Давно известно нашим спящим,
что снятся ужасы вдвойне:
иблисы в яви много чаще,
чем в самом распрекрасном сне!

Затем виде́ние неожиданно переместилось на кухню, где снящийся сам себе живописец спросил жену:

– Наташа, а что у нас сегодня на ужин?

– Ничего, – жёлчно ответила супруга.

– Как?! – возмутился саксаульский шишкин. – Ведь и вчера тоже было ничего!

– Так я тебе на два дня и наготовила…

После этого сны ещё показывали, но уже не такие яркие, как с живописцевой супругой. Например, в одном из них Валера вначале рисовал картину «Смесь апельсинов с геометрией», а завершил совершенно бредовым виде́нием – как он не только боксирует с каким-то негром, а этот негр во время боя ещё и пытается его укусить!

Ван Гогу Тайсон[13] ухо откусил
и бросился за мною по пятам.
Я от него бежал, что было сил,
крича ему, что уши не отдам!

[13] Майк Джиммиевич Тайсон – американский боксёр-профессионал, выступавший в тяжёлой весовой категории. Прославился тем, что в 1997 году во время боя с Эвандером Холифилдом откусил ему так называемый дарвинов бугорок, или задне-верхнюю часть правой ушной раковины – прим. спорт. редактора

Наконец негр изловчился и с размаху саданул ему прямо по тыкве, отчего художник во сне упал на пыльный ринг, а наяву скрючился на сиротской постельке, как суслик в Гималаях.

И вот пришло страшное похмельное утро, в котором Николаичу с трудом удалось открыть глаза́, правда, видимость оказалась плохая, как при мелком дожде. Он вспомнил, что сегодня должна была быть суббота, так почему же это утро так изрядно отдавало понедельником?!

Первой пришла боль в темечке – острая, как воровская заточка, и такая же безжалостная. В черепной коробке звенело, будто враз лопнули струны у целого ансамбля бандуристов, а затем в голове неожиданно сработали сразу несколько миниатюрных взрывных устройств. Только сейчас он наконец понял, каково это – жить слепоглухонемым паралитиком. Сердце ёкало, как у мальчишки, *стырившего* у мамаши из буфета банку ва-

ренья, а тело болело так, словно какой-то весельчак садист всю ночь нашпиговывал его иголками.

Уронили мишку на пол,
оторвали мишке лапу,
с корнем вырвали язык,
наступили на кадык,
пооткусывали пальцы,
раздавили мишке яйца,
ножиком глаза проткнули,
штопор в уши запихнули,
кипятком всего облили,
по ногам кувалдой били,
ноги поломали дверью…
Тяжело с утра с похмелья!

Надо было что-то делать, и Муравлёв решился: он с трудом оторвал от постели ноющее тело и постарался водрузить его на подгибающиеся ноги. Сделать это оказалось нелегко, потому что в костях в данный момент бушевало какое-то *иблисовое* электричество. К тому же страшно кружилась голова, и, чтобы прекратить это головокружение, живописец осторожно повращал черепом, как танковой башней, но лучше бы он этого не делал: в сочленениях, соединяющих его тыкву с остальным телом, что-то заскрипело и даже начало взвизгивать, как та же башня, только не смазываемая нерадивым танковым экипажем несколько лет.

«А, может, я всё ещё сплю?», подумал страдалец и, держась за стенку, побрёл в сторону туалета – с единственной целью поглядеть на себя в зеркало, чтобы выяснить, проснулся ли отражённый в нём человек, и если да, то кто он? Добравшись до амальгамного стекла и осторожно глянув в него, Валера вздрогнул, вспомнив сказочные слова: «Кто же это спал с моей рожей и так помял её?!». Отражённые глаза́ были воспалёнными, словно он за ночь где-то подхватил (прости, русский язык!) конъюнктивит, причём, половым путём, а зрачки их, как у умершего птенца, наполовину закатились под веки.

Пытливым взглядом художника Николаич вглядывался в собственное отображение, но вместо симпатичного, как ему всегда казалось, мужичка видел нечто страшное: объёмы куда-то исчезли, а вот плоскости, включая его похмельную рожу, напротив, остались. Привычная геометричность тела стремительно расплывалась. Арбуз его лица выглядел абсолютно недозрелым – зелёным с редкими бледно-розовыми пятнами, а страшную палитру дополняли жёлтые, как сушёный урюк, щёки.

«Всё, бросаю пить навсегда», решил он и с тоской подумал о том, что похмелиться всё равно не на что.

С этим и не поскандалишь,
с этим тягостно нытьё:
пить я брошу, но тогда лишь,
коли кончится питьё!

Глава 8. УТРЕННИЙ СКАЗ О МУРАВЛЁВЕ (окончание)

В голове мучительно передвигался комок боли. Словно под тяжестью, он вначале опустился к самым шейным позвонкам, потом раздулся и охватил весь затылок между ушами. Но когда сгусток разделился на два и приблизился к вискам, живописец понял, что наступил его последний час. Перед смертью он решил сказать себе что-то важное,

чего не успел проговорить при жизни, но вместо этого не произнёс вообще ничего, кроме несуществующего в русском языке псевдомеждометия *хррр-мррр-бррр*, – голосом, который сейчас напоминал чьё-то беспорядочное топтание на листе мятой жести.

От ужаса глаза́ его закатились и подёрнулись птичьей плёнкой, а когда он вновь открыл их, то оказалось, что Николаич всё ещё жив, правда, на лбу от этих мысленных напряжений вздулась какая-то венозная *ижица*. Если бы его сейчас увидел литератор Кулемзин, то он непременно произнёс бы что-нибудь вроде этого: «У кого-то бывают симпатичные ямочки на щеках, у кого-то сексуальная родинка над губой, а у тебя, Валера, только умопомрачительные мешки под глазами!»

Второе воспоминание о Володе пришло у художника тогда, когда он скосил глаза́ вниз – на унитаз, причём, несколько нелогичное, ибо он вспомнил, как Альбионыч, купив летом путёвку на озеро Иссык-Куль, не смог реализовать свой отдых из-за большого и денежного заказа и просто подарил её тогда ещё неженатому мастеру кисти и мольберта, но живописец бездарно пропьянствовал в санатории «Ак Чардак»[14] всю неделю.

[14] «Чайка» – кирг.

Я бреду по пляжу:
девки там и тут,
не пытаюсь даже –
знаю, не дадут!

Третье воспоминание о Кулемзине пришло вместе с его телефонным звонком.

– Старичок, ты как, живой? – бодро прокричал в трубку писатель.

– Угу, – двумя буквами подтвердил своё существование Валера, но затем значительно расширил палитру русских букв, правда, не расширяя их арифметически:

– А ты?

– Да у меня всё в порядке, – заверил покерный гуру. – Не могу сказать, что жизнь полностью удалась, но в остальном всё o’key!

Услышав иностранное выражение, похмельный страдалец застрадал ещё больше, так как вспомнил, что Володя как-то рассказывал ему об истории возникновения этого *окея*, но подробности её вскоре забылись, смытые литрами черноплодных напитков. А ты, мой читатель, порадуйся в очередной раз тому, что никто из наших героев, кроме тебя, никогда не узнает того, что сейчас узнаешь ты.

Дело было в том, что 16-й президент США Авраам Томасович Линкольн, как, впрочем, и некоторые другие президенты этой страны, был довольно малограмотным человеком, и поэтому, когда ему приносили документы на подпись, на одобренных бумагах писа́л, как слышал, O.K. – вместо A. C., то есть «All Correct»!

Не слабея, не робея,
и к тому же не смирен,
говорю «O’key» судьбе я,
а она глаголит: «Хрен!»

– Я вот тут подумал… – наконец произнёс Николаич, и Кулемзин понял, что, кроме отдельных букв, тот ещё не разучился составлять примитивные предложения.

– Тяжело, наверное, с непривычки, – пожалел он товарища. – Я имею в виду думать.

– Да, тяжело, – согласился Муравлёв. – Как бы сделать так, чтобы ничего не болело?

– Очень просто, – поспешил обрадовать его рецептом Альбионыч. – Хотя должен заметить, что начать вести здоровый образ жизни всё-таки сложновато: например, трудно

бросить пить и курить, и начать жрать сырые овощи и бегать по утрам. Поэтому надо начинать с более лёгких заданий. Для начала я советую тебе выкинуть будильник!

– А сейчас-то что? – простонал художник.

– А сейчас могу рекомендовать только коктейль «Одиночество»

– Давай, – согласился Валера.

– Записывай, – предложил Володя: – 1. Выпить водки. 2. Занюхать носком.

– Издеваешься, да?

– Ну, почему же? – изумился литератор.

– Да где же я тебе с утра водки возьму?!

– А, да, – согласился несостоявшийся бармен. – Тогда бери машину – и на всех колёсах в Учпучмак!

Я слишком рано понял, слишком ясно:
художники не избранный народ,
не привилегированная каста,
а, в общем-то, совсем наоборот!

Получив план, живописец попытался тотчас начать его осуществление, но в итоге прособирался долго, так как отвлёкся на жанровую картинку из мира животных: между стёклами кухонного окна билась маленькая мушка – дитя мутаций, но настойчивый звон, производимый её тонкими крылышками, ещё долгое время отдавался страшным колокольным *бум-м-м-м-мом* в тыкве страдальца.

Глава 9. УТРЕННИЙ СКАЗ О ПОЛТАВЦЕВЕ

Не сразу заснул вчера ночью ещё один герой нашего долгого повествования – почётный Швейк второго микрорайона Серёнька Афанасьич Полтавцев. Он долго ворочался на своей кроватке, принося её железным сочленениям невыносимые моральные муки, и надо сказать, что от этих еженощных упражнений она до сих пор не рассыпалась только потому, что обитающие в ней клопы крепко держали за лапки друг друга.

Затем сторож немного попялился на ночное светило, после чего вспомнил одну из мудростей своей бабушки Федоры из деревни Семижопино, которой тут же решил воспользоваться: он вытащил из заветного места монетку в 1 назарбакс, показал её Луне и тихо, со значением прошептал:

– Месяц-дружочек,
золотой рожочек,
дай мне денег
полный кошелёчек!

Правда, полтавцевское детство было отодвинуто от него по времени так далеко, что Серёжа уже не помнил, работает ли это заклинание или просто придумано для успокоения таких придурков, как он. После того, как оно всё-таки не сработало, сторож впал в меланхоличную (прости, русский язык!) кататонию, молча лёжа в сиротской кроватке и не сводя глаз с трещины в потолке. Зрелище показалось ему забавным: трещина время от времени изменяла свои дуги и кривые, рисуя всё новые узоры на давно небеленой штукатурке, и в тот момент, когда она (трещина, а не штукатурка) стала похожа на излучину южноамериканской речки Амазонки, он наконец-то уснул, из последних сил цепляясь «сознанием» за мысль, откуда он знает про такую буржуазную речку.

Состояние его шестичасового анабиоза длилось тяжело: заснув глубоким сном молотобойца, бывший текстильщик тут же стал что-то приборматывать во сне на неразгаданном рыбьем языке, изредка прерывая приборматывания храпом, который его грамотный друг Кулемзин значительно и страшно называл вокальным истязанием окрестностей.

Люблю храпеть я ночью тёмной –
пускай почувствуют вокруг
мой голос, счастьем окрылённый,
непревзойдённо, громко, вдруг!
Пускай летит гремучей смесью,
всё сотрясая на пути,
тот голос, что зовётся песнью!
Так наслаждайся, не грусти…

Спал охранник напряжённо, так как находился, по меткому выражению всё того же Альбионыча, в *контурно-меловой позе* – это когда труп с места преступления отправляют в морг, а вместо него остаётся обведённый мелом контур. Наверное, поэтому он напоминал сейчас манекен, которому по ошибке придали нелепое и странное положение, какое не может быть у людей, да так и оставили, и видимо, вот это неправильное положение тела и спровоцировало страшный храп страдальца, при котором он не только тяжело всхрипывал, но также и вздыхал, словно намаявшаяся за день лошадь. Соседям слева и справа, у которых были такие же тонкие стенки, как в его квартире, казалось при этом, что у Афанасьича был сломан нос ещё до рождения. Если бы сейчас в изголовье его кроватки стоял такой человек, как, например, Володя, то он наверняка бы произнёс некую фразу вроде такой: «Ничто не может помешать мирному удовольствию нежной души, нашедшей скудное утешение в золотые дни заката человеческой жизни…»

Здесь надо добавить и такой факт, что именно в этот момент как раз под открытыми окнами полтавцевской квартиры на газоне устроились наши старые знакомые бомжи Танкист и Одиссей, так как ночь выдалась тёплой и недождливой, а газон – мягким и без камушков.

Танкист, услышав храп жильца квартиры № 30, начал мучительно вспоминать, какую же ассоциацию он вызывает и, наконец, понял, что Серёжа храпел точно непрогретый в 30-градусный холод трактор. Затем его ассоциация расширилась до пределов вспоминания одной из песен Аркаши Северного[15], которая как раз и начиналась упоминанием такого трактора. Он посмотрел на спящего рядом Одиссея и тихонько, чтобы не разбудить товарища по мусорному промыслу, стал напевать песню тревожной молодости, проведённой в одной из колоний Республики Саксаулия:

Десять лет трудовых лагерей –
вот подарок рабочему классу:
там, где были лишь тропы зверей,
проложили амурскую трассу.
Замерзали в снегах трактора,
даже «Сталинцу»[16] сил не хватало,
и тогда под удар топора
эта песня в тайге прозвучала…

[15] Настоящее имя Аркадий Дмитриевич Звездин (1939-1980) – советский музыкант и певец, исполнитель, как тогда говорили, авторских неподцензурных песен – прим. автора

[16] Трактор С-65[17] «Сталинец» – модель, выпускаемая Челябинским тракторным заводом с 1937 по 1945 годы – прим. ист. редактора
[17] Цифры в названии означают количество лошадиных сил нового дизельного двигателя М-17 – прим. автора

Но не только храп символизировал отдых нашего героя после напряжённого покерно-алкогольного дня. Как и любому другому человеческому индивидууму, Серёньке снились разные сны. Вначале ему приснилось, что его за какую-то провинность уволили из магазина «Пингвин и гагара», где он работал на двойной должности сторожа-охранника, правда, получая при этом всего одну зарплату. И вот снится ему, что он, даже надев по такому случаю галстук с буквами «MAIMI»[18], сидит в каком-то офисе и просится на работу главным менеджером над всеми старшими, и между ним и начальником отдела кадров происходит следующий, к сожалению, очень короткий диалог:

– Здравствуйте. Я по объявлению о работе.

– Очень хорошо. Нам нужен человек, который не будет задавать лишних вопросов.

– В смысле?

– До свидания.

[18] История этого галстука – в главе 241 второго тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

Следующий сон был тоже коротким, но ещё ужаснее прежнего. Афанасьичу приснилось, что он лежит на кровати в какой-то больнице практически голый, и вдруг слышит чей-то раздражённый голос:

– Не дави на меня!

– Мать честна́я, – в страхе говорит он и просыпается:

– Говорящая клизма!

Глава 10. УТРЕННИЙ СКАЗ О ПОЛТАВЦЕВЕ (продолжение)

Проснувшись от желудочных колик, Серёжа только сейчас начал понимать слова своего друга Володи, до этого момента им не расчуханные – о том, что формула «Спящий человек не хочет есть» давно уже не работает! Жрать начало хотеться сразу же, и он, чтобы отвлечься, стал (прости, русский язык!) сканировать свой организм. И сразу же обнаружилась ещё одна странность пробуждения: сторож неожиданно осознал, как что-то непривычное мешает ногам. Он осторожно приподнял дырявую простынку, не стиранную 4 года 11 месяцев и 25 дней, и заглянул под неё. Оказалось, что ногам мешали кальсоны третьего срока но́ски, которые ещё до вчерашнего дня были надёжно похоронены на антресолях – много-много лет назад, и как они сегодня утром оказались на хозяине квартиры, осталось загадкой даже для автора нашего романа!

Понял наш герой спросонок,
отчего объял испуг:
ну, не любит он кальсоны,
яйца что зажали вдруг!

Афанасьич с удивлением понял, что, как новорождённый, не может самостоятельно держать голову, после чего стал двумя руками отдирать её от подушки, и вот это незапланированное раскачивание открыло какие-то новые шлюзы его внутреннего содержания, ибо вторым осознанием того, что с нынешним утром пошло что-то не так, было то, что

он, проснувшись, сразу же почувствовал запах собственного перегара, и понял: надо решительно пресечь эти гнусные попытки предателя-организма отправить его на колени – перед унитазом!

С трудом поднявшись на ноги со своего однозвёздочного топчана, охранник добрался до подоконника и открыл почему-то запертое на ночь окно, и это практически спасло его организм, который уже настроился на медленное умирание от недостатка всего. После ночной *домашней заготовки* обычный городской набор отравы показался нашему герою ароматом некоего девственного леса, куда ещё не ступала шершавая подошва кирзача. Нанюхавшись городских запахов, он решительно (один шаг в 10 секунд) проследовал на кухню, где ему в нос ударили новые реалии сегодняшнего дня, – на этот раз нюхательные рецепторы поразил острый запах чеснока – аромат здоровья, отпугивания вампиров и бесконтактной любви.

Но больше всего досаждало то, что голова, этот необходимый охраннику о́рган для игры в *русскую кочергу*, во-первых, была пуста, как прошлогодняя бутылка из-под пива «Жигулёвское», во-вторых, эта пустота была причиной того, что она гудела, как безутешный колокол при деревенском пожаре, и, в-третьих, сразу же выяснилось, что пустота была как бы не полной, так как при шагах в ней что-то побрякивало и плюхалось, из-за чего казалось, что серёжина тыква наполнена не мозгами, как у всех приличных людей, а соломой, словно у Страшилы из «Волшебника Изумрудного города»

Я устроен как-то по-другому –
после многих рюмок по полста:
у Страшилы в голове солома,
у меня же – просто пустота!

К тому же в этой тыкве, как в опытных руках шахтёра Стаханова, стучал и дёргался отбойный молоток ОМП-16С, но откуда в неё пришло название этого инструмента, бывший текстильщик так и не догадался, зато почувствовал, что всё выше описанное привело к тому, что голова у него не просто кружилась, а исполняла какой-то цирковой аттракцион, словно у плохого космонавта на тренажёре. Кроме этого, вновь дал знать о себе желудок, в котором сейчас оказалась разлитая кем-то ночью проваренная огненная сталь. Серёжа вспомнил, что его возраст уже перевалил за 50, и чуть не заплакал.

И наутро, изможднённый,
просыпаюсь чуть дыша, –
голый, неопохмелённый,
и к тому же без гроша…

Сторож, не найдя на кухне ничего хорошего – для жизни и желудка в частности, осторожно открыл окно и здесь, затем развернулся и, держась рукой за стенки, двинулся обратно – в сторону туалетной двери. Проклятая дверь, тронутая его рукой, заскрипела так, что ему опять пришлось прикрыть глаза́ и даже постоять так некоторое время, успокаивая всё тот же строптивый желудок, который от такого скрипа в этот момент завязался мёртвой пе́тлей.

Стало слышно, как за только что открытым окном сонными голосами перекликались птицы. Покачиваясь и старательно контролируя движения, Афанасьич добрался до вожделенного (хотя и не знал этого сло́ва!) крана, из которого тонкой струйкой подтекала вода, и даже отсюда был виден её матовый ртутный блеск. Он пил долго, всхлипывая от наслаждения, и вода с привкусом конской подковы показалась ему райским наслаждением

по шоколадно-батончиковому имени Баунти. «Ну что, мать честна́я», сказал он своей тыкве, которая наконец-то начала настороженно утихать, «чья взяла?!». Зато после трёх минут непрерывного питья охранник почувствовал себя несколько амбивалентно, хотя также не знал значения этого высоконаучного сло́ва.

От унитаза шёл запах гниющего гороха, и Полтавцев, быстренько совершив необходимое, решил умыться, правда, сделать этого не сумел, потому что для умывания пришлось бы наклониться, но строптивый вестибулярный аппарат, не проходящий настройку уже несколько последних лет, взбунтовался, отослав этот неудачный человеческий конструктор, где не все гайки и шайбочки подходили к надлежащим болтикам, к зеркалу. Хозяин квартиры вгляделся в своё отражение и содрогнулся: оно смутно напомнило ему какого-то идиота в момент рецидива сознания, показывающего крайне пошлую гримасу из древнегреческого набора трагедийных масок.

Фирменная идиотская улыбка не делала лицо, непривлекательное, как коровья *лепёшка*, более приятным даже для описания его автором нашего повествования. Оно было не просто лицом, а рожей, над которой смешливый и нетрезвый хирург словно провёл небольшой пластический (прости, русский язык!) эквилибр.

Глянул в зеркало тревожно –
то, что вижу, просто мрак:
у меня такая рожа,
потому что я дурак!

«Может, я чего-то не догоняю?», подумал бывший работник ОХБК[19], после чего приблизил зенки к мутному стеклу. И, действительно, чья-то неоперабельная голова, глядящая на него из зеркала, казалась словно чужой, но точно была своей, так как просто раскалывалась, причём, каждый осколок был *наособицу*. И в то же время ощущение того, что он проснулся с головой – хотя бы такой, было приятным и даже вызвало ещё одну невнятную мысль: «Всё-таки тыква – это моя крепкая сторона! Потому что кость…». Правда, остальные части организма вызвали мысль совсем иную. «Расслабон хиляет, царица лесная», подумал Серёнька, «но напряжёнка пока не отпускает…»

Легко с хандрой своею справиться –
всего лишь маленький пустяк:
о зеркало пусть окровавится
разбитый вдребезги кулак!

[19] Напомним читателю значение этой аббревиатуры: Отцеябловский хлопчато-бумажный комбинат – прим. гл. редактора

И, наверное, собственная рожа ещё долго бы вдохновляла нашего героя на подобные похмельные мысли, если бы не прозвучавший в тиши квартиры телефонный звонок. Невидимый хозяину аппарат надрывался, словно звонили не из соседнего дома, а, как минимум, из Америки. А невидимым он был потому, что сегодня ночью от неловкого движения хозяина во сне свалился с тумбочки, но так удачно, что трубка, за свою жизнь неоднократно подвергнутая перевязываниям разноцветными полосками изоленты, улеглась обратно на рычажки, которые тихим звяком и подтвердили готовность телефона к проведению необходимых Серёже виртуальных (прости, русский язык!) саммитов.

Сторож растерянно оглядывался по сторонам, пытаясь по звуку определить местоположение электромеханизма, но хотя телефон и истерически надрывался, эхо его звуков, натыкаясь на стенки комнаты, разлеталось во все стороны, и Афанасьич испугался, что

если вовремя не снять трубку, то аппарат может разлететься от внутреннего напряжения на тысячу мелких болтиков и проводков.

Наконец он вроде определил, что тот находится где-то за диваном, и кинулся к нему, словно нетерпеливо ждал звонка с сообщением о выигрыше сборной Саксаулии на чемпионате Вселенной по космическому футболу. Впрочем, сразу же выяснилось, что слово *кинулся* автор написал здесь явно сгоряча, так как скорость этого кидания по-прежнему не превышала одного шага в 10 секунд.

Чу́жды дальние просторы,
чужд мне хаос городской:
потому такой не скорый,
что я медленный такой!

Глава 11. УТРЕННИЙ СКАЗ О ПОЛТАВЦЕВЕ (окончание)

Наконец охранник схватил трубку и сказал в неё не только заветное *алло*, но даже *я слушаю*. Было видно, что эти простые русские слова́ давались ему с колоссальным трудом, как будто в горло Полтавцева какой-то гад напихал резаной бумаги, да к тому же и мысли его были драными, словно покусанные собаками. Услышав приветствие, Кулемзин (а это был именно он) понял, что за всю свою многострадальную жизнь его сопокерник так и не научился правильно отвечать по телефону, и теперь уже – по причине приближающейся старости – вряд ли когда-нибудь научится. Володя, как писатель-надомник, собирающий различные образы для работы над своими капитальными трудами, неоднократно замечал, что когда разговариваешь с иным человеком, то складывается впечатление взгляда на чужое окно: свет вроде и горит, а дома никого нет!

– И тебе алло, Серёнька, – поприветствовал он страдальца, правда, несколько странным тоном, как будто только что узнал, что сторож по ночам грабит ювелирные магазины и нисколько этого не скрывает.

– Володя, это ты?! – обрадовано переспросил абонент, и на Альбионыча заметно дохнуло застарелым перегаром из трубки. Он чуть отстранил её от себя и ответил:

– Серёжа, яйчики-бабайчики, а ты, наверное, думаешь, что я за ночь успел прописать к себе Маргарет Альфредовну Тэтчер?

«Кто все эти иностранцы, мать честна́я?», подумал охранник, а вслух высказал первую жалобу, и это не простая фигура речи, так как в течение короткого времени разговора таких жалоб оказалось ещё несколько:

– Ты знаешь, что-то сотрясение мозга разболелось!

Но на это нелепое утверждение литератор только улыбнулся, так как из учебника биологии за 9 класс начальной школы помнил, что отсутствующий в голове мозг болеть никак не может.

С детства я всегда угрюм –
в голове ведь вакуум!

– Старичок, а ты часом не заболел? – пожалел он Афанасьича.

– Каким ещё часом? – глупо переспросил тот, после чего решил подробнее рассказать о своей утренней хвори:

– Мне кажется, что с утра у меня что-то чакры чешутся! Помнишь, ты про них мне недавно рассказывал? Может, это Зуля вчера приходила, а я и не помню?

– Да, чакрочесотка – это серьёзно, – ещё раз невидимо для больного улыбнулся писатель – Так что ты смотри, в следующий раз с кем попало не медитируй...

И только собрался задать новый вопрос, как услышал из трубки некий гневный крик.

– Как же ты меня задолбал! – в сердцах выкрикнул Полтавцев, чему Володя страшно удивился, так как ничего плохого ему не только не делал, но даже не желал. Просто он не знал, что эту фразу сторож выкрикнул не просто так, а стараясь попасть тапком по какому-то особо наглому таракану, забравшемуся прямо на телефонный аппарат.

– Задолбал? – с ужасом в голосе спросил его Кулемзин. – Серёжа, ты что, с фаллоимитатором разговариваешь?!

– Да с каким тратататором? – ещё раз воскликнул Полтавцев. – Тараканы одолели! Хоть бы ты, Володя, помог – с какой-нибудь, царица лесная, нехитрой марсианской технологией.

– Обязательно, старичок, – пообещал ему Альбионыч. – Как только ещё раз попаду в твоё родовое гнездо, так непременно!

– Вот спасибочки! – в третий раз воскликнул таракановладелец, как учила его бабушка Федóра из деревни Семижопино, после чего отключился, причём не вовремя, так как покерный гуру в этот момент вспомнил название одного средства от тараканов, но диктовать его уже было некому.

Если с гадким насекомым
напрягает вас соседство
(он слоняется по кухне,
как по Лувру, паразит!),
вы нашли, чего искали, –
покупайте это средство,
наш товар поможет быстро
паразита поразить!
Изловите таракана,
заманив его в засаду,
и всего одну таблетку
истолките в порошок,
зелье внутрь его засыпав,
вы получите награду:
таракану будет плохо,
вам же будет хорошо!

Затем к страдальцу пришла мысль о том, что неплохо было бы чем-то подхарчиться перед выходом на покерную битву. Он вновь зашёл на кухню, посмотрел на пустой холодильник и понял, что молчаливую дуэль с этим агрегатом всё чаще выигрывал именно пустой холодильник. Он смотрел на него до тех пор, пока его жадный внутренний голос не попенял своему хозяину: «Серёжа, хватит пялиться в холодильник, и закрой его наконец: там лампочка уже намотала больше, чем ты заработал за всю жизнь!»

«Да когда ж *дедушка* начнёт испытывать меня богатством?», подумал охранник. «А ведь я с детства хотел, чтобы моя фамилия была не Полтавцев, а Скоробогатов, – чтобы в жизни была хоть какая-то перспектива!»

И тут случилось чудо: его нелепое предположение о возможном приходе подруги Зули оказалось правдой, так как на плите стояла свежесваренная брюквенная каша, которую он тут же начал поглощать… ножиком и вилкой, не снимая кастрюльку с плиты.

В доме очень много ложек –
буду ими я греметь:
только каша мне поможет
с похмела не умереть!

Смотреть на бывшего текстильщика было занятно: он подцеплял комок каши на кончик ножа, перекладывал его на вилку и только после этого отправлял в рот. По представлениям Афанасьича, это, очевидно, должно было говорить о хорошем воспитании и знании изысканных манер, хотя ни дед Михей, ни бабушка Федóра из деревни Семижопино ничему подобному его никогда не учили, – потому что сами от рождения до смерти всё ели руками. Вскоре охранник почувствовал, как туго приходилось собаке Павлова, когда после привычного звонка у неё в миске ничего не оказывалось.

И тут раздался второй телефонный звонок, на этот раз от Зули.

– Ты кашу нашёл, скотина? – поинтересовалась она.

– Чего это скотина? – обиделся хозяин телефона. – Это мне на тебя обижаться надо!

– Это ещё почему? – задохнулась от возмущения подруга.

– Да потому что ты компот не оставила!

– Какой ещё компот?!

– Какой-какой… Огуречный – вот какой! Не видишь, что ли, как мне плохо…

После того, как возмущённая сослуживица (б) по ОХБК бросила трубку, он быстренько доел кашу, подошёл к окну и стал пристально вглядываться в картину наступившего утра. Затем Серёжа поднял глаза выше и вдруг увидел какие-то серые пятна. «Неужели это те самые пятна на Солнце?», пронзила его научная мысль, после чего он поспешно набрал володин номер и сообщил ему о своём открытии.

– А, может, тебе просто пора помыть окна? – зевнув, предположил писатель и, прежде чем отключиться, ещё раз посоветовал:

– Ноги в руки, старичок.

, чем вверг абонента в ступор, ибо такую практическую анатомию организма Серёжа не изучал никогда.

Полтавцев ещё пристальнее пригляделся к веткам тополя, стремящимся посетить его жильё через окно, и ему (Полтавцеву, а не тополю) показалось, что среди них застряла какая-то еда, после чего понял, что действительно пора идти в народ, иначе подобные галлюцинации до добра не доведут.

Не высоко, не слишком низко,
качаясь плавно на ветру,
висит на дереве сосиска –
«sosiska-yandex(точка)ru»!

Наконец, надев старые дерматиновые сандалии фабрики «Красный бракодел», он вышел на просторы родины.

♠ ♠ ♠

А теперь загляни, мой читатель, на удивительные страницы 3 и 4, и вспомни, о чём в них говорилось. А удивительными они оказались потому, что вроде бы были первыми в этом томе «Русской кочерги», а на сáмом деле всего лишь начальными – в главе без номера. И говорилось в них о старой марсианской технологии под названием Врéменная Заморозка Мгновения.

А далее, на протяжении всех остальных страниц – до нынешней, эта технология сработала на славу, ведь ты, мой крайне любопытный читатель, в очередной раз узнал о том, как чудом остались в живых военный музыкант Батыршин, педагог Курманбаев, художник Муравлёв и сторож-охранник Полтавцев. И именно этих персонажей сейчас внимательно разглядывал литератор Кулемзин – как когда-то делал точно так же изобретатель микроскопа нидерландец Антони Филиппыч ван Левенгук. Правда, степени применения

такого изучения у этих двух достойных людей своего времени были совершенно разными: Филиппыч всего лишь пытался узнать что-то новое о структурах различных форм живой материи, а вот Альбионыч – о внутренней сущности своих чуть живых персонажей!

Закручу сюжет я туже,
запишу его в тетрадь:
микроскоп совсем не нужен,
чтоб нутро мне увидать!

Вот и подошёл плавно автор к новому витку нашего повествования, чтобы рассказать об утре одного из главных персонажей романа – Володи Альбионыча. И не сетуй, мой читатель, на то, что рассказ об этом герое будет немного длиннее, чем предыдущие утренние отчёты, ибо он отличается от всех остальных тем, что ни вчера не поглощал в неограниченных количествах крепкое спиртное, ни сегодня утром не страдал от так называемого похмельного синдрома Дауна, а, значит, было чем ему заняться в эти пока ещё относительно прохладные часы – до рокóвой встречи на позднелетней травке Бермудского Учпучмака. Итак…

Глава 12. УТРЕННИЙ СКАЗ О КУЛЕМЗИНЕ (Сновидения и их расшифровки)

Иногда от пробуждения до пробуждения проходит всего несколько часов, а бывает, и целая вечность. Некоторые вулканы просыпаются раз в тысячу лет ради одного грандиозного шоу, может быть, только для того, чтобы потрясти случайного зрителя величественной красотой всесокрушающей силы. Нередко ото сна пробуждаются целые народы, после чего население планеты либо резко сокращается, либо, напротив, рождаются новые цивилизации. Раз в год пробуждается живая природа. Всё теплое время года она оплодотворяется, зреет, умножается в несколько раз, а затем снова впадает в спячку. И так – год за годом, век за веком.

Наш герой Кулемзин не любил идти наперекор природе и старался делать точно также, как и она: ночью ложился спать, а утром вставал, или, высокопарно говоря, пробуждался, поспешно выкарабкиваясь из лап цепкого Морфея Гипносовича, которого древние греки придумали для себя как бога сна и сновидений. Да и как было не придумать, если без него просто невозможно было объяснить, например, вот это:

Буравлю тьму закрытыми глазами,
один и тот же сон в моём мозгу:
сильфида с волосатыми ногами
бежит ко мне по влажному песку!

Правда, никаких сильфид Володе не снилось никогда – его сновидения были простыми и незатейливыми, как книги, которые он писал, чтобы поведать в них о мыслях, накопленных за время жизни. И если проанализировать его сегодняшний сон – по примеру древних греков, то он выльется вот в такие строчки:

Каждый день я – пронзительно-новый,
от желаний расцветший Калаф[20],
вросший в тело земли, как в основу,
марсианскую суть не отдав.
Что хочу, обязательно скрою,
не скрывая, что я человек,

и лечу над планетой Землёю,
безымянен и лёгок – как снег…

[20] Сын свергнутого татарского царя Тимура из оперы Джакомо Микелиевича Пуччини «Турандот» – прим. муз. редактора

Просторная кровать Альбионыча, о которой автор подробно рассказывал в предыдущих томах, была такая же, как и раньше, а здесь стоит добавить только то, что сегодня она была особенно похожа на палубу американского авианосца «Carl Vinson». Голая коленка писателя торчала из-под простыни, как *тра-та-та* из скульптуры Макса Эрнста[21], а его плечи напоминали бетонные опоры моста. Он (писатель, а не Эрнст) спал спокойно, лёжа на спине, как один известный в прошлом политик – в каменном домике на Красной площади в Москве.

Утро свежее умыто,
на ступеньках луч блестит,
рядом кто-то неприкрытый,
непричёсанный лежит.

[21] Макс Филиппович Эрнст – немецкий и французский художник и скульптор, значимая фигура в мировом авангарде XX века – прим. худ. редактора

Всё в вожде окаменело –
это что ж за персонаж?
Возле ленинского тела
задремал один алкаш…

Лежал покерный гуру легко – как муравей, хотя со стороны могло показаться, что, напротив, крайне тяжело, или, как красиво говорили древние русские – *невподъём*. А впечатление это создавалось оттого, что, несмотря на лёгкость сна, Кулемзин иногда ворочался и даже что-то приборматывал – видимо, для лучшего запоминания сновидения: на тот случай, если придётся его описывать, скажем, в шестом томе романа «Русская кочерга». Но до того как проснуться в первый раз (а иногда это случалось по нескольку раз за утро), он с удовольствием посмотрел ещё один сон.

А сон был про муху – вот таким. Вроде как поработал литератор над очередной главой своей великой книги да проголодался. Разложил он скромную еду на столе (а это был простой китайский *юйци-тан*, то есть суп из акульих плавников, и пара гренок с ароматом копчёного лосося), как откуда ни возьмись появилась большая чёрная муха, которая сразу же начала вести себя, как агрессор: она кружилась, жужжала, садилась на голову писателя, летала прямо перед его лицом и даже пыталась сесть на еду! Вначале он пытался её отогнать, но потом понял, что она просто хочет кушать и поэтому просит еды – доступным ей способом.

Он недаром был философ
(«У меня ж полно еды!»):
накормил он муху вдóсыт –
крошкой, капелькой воды!

Тогда вкушающий достал пальцами из тарелки кусочек акульего плавника и положил его на отдельное блюдце, а затем добавил туда ещё и несколько крошек от гренок. Муха не стала отказываться от угощения и попробовала всё по очереди, затем, убедившись, что

всё съедобно, сожрала предложенное, после чего, как и все остальные мухи на планете, уселась чистить крылышки. Володя же во сне усмотрел в этом некий знак и решил дать мухе попить: он нацедил в то же блюдечко несколько капель пива «Тянь-Шань», которые она тут же начала жадно глотать и, как ему показалось, даже приборматывала при этом какие-то мушиные тосты.

Затем муха сделала весьма сложный воздушный пируэт и неожиданно уселась на палец марсианина, затем некоторое время побегала по нему («Может, благодарила за угощение?», подумал спящий), и, наконец, улетела. Вот тогда Альбионыч и проснулся первый раз за утро, подумав при этом, что бы это могло означать? «Наверное, сегодня нужно ожидать особо гнусных пакостей от Нуртая», наконец расшифровал он сон и, глянув на часы, которые показывали 5 часов утра, попытался заснуть вновь. Но не тут-то было!

Ему всегда было интересно глядеть из окна именно по ранним утрам, когда природа походила на театральную декорацию. В это *воровское* время обязательно находилась хотя бы одна старушка, у которой случался приступ острейшего поноса, после чего уже, конечно, не спится, а всех и дел как только таращиться на улицу. И ожидание такой старухи, как правило, оправдывалось какой-нибудь пьяной компанией, переполненной хмельным счастьем, и орущей, чтобы всех разбудить, ведь окружающие обязательно должны были разделить их радость жизни, чтобы всем было слышно и видно, как хорошо быть пьяным, когда ты молод, а жизнь прекрасна! Гитара в руках счастливых певцов в это время гремела таким звоном, словно они рвали струны ногами.

Как же я репертуарен
в этой сладкой тишине,
ведь играю на гитаре
вальс «Налей кагору мне!»

Глава 13. УТРЕННИЙ СКАЗ О КУЛЕМЗИНЕ (Сновидения и их расшифровки, окончание)

Второй раз писатель проснулся через час, и тут же зафиксировал в памяти ещё один сон – на этот раз вполне будничный: будто сидит он на камушке со своим приятелем Иисусом Иосифовичем и спрашивает его, отчего это христианство запрещает самоубийство, ведь бывает порой в жизни, что оно – единственный достойный, спасительный и разумный выход. А в ответ Христос мягко, как больному, объясняет, что, конечно, бывает в жизни всякое, иногда даже и поэты умные попадаются, но истина настолько глубока, что далеко не всякому человеку нужно знать последнюю правду, а есть якобы её различные уровни, которые и нужны опять же различным людям.

Очень понравилась во сне Альбионычу эта мысль, и он спросил приснившегося, как ему лучше сослаться на источник, если эту мысль он вставит в свой будущий роман «Русская кочерга» – например, в шестой том? На что Иосифович подумал и ответил:

– Так и запиши: Иисус Христос, private message[22].

«Не кради, не убивай и будь ты прост!» –
каждое словечко в мозг вползало:
толковал свои мне истины Христос –
те, что в детстве мама рассказала…

[22] ***Частное сообщение – англ.***

И, наконец, самый последний сон приснился нашему герою уже перед самым пробуждением, наверное, поэтому и запомнился он лучше других, подробнее и сочнее. Поэту Ку-

лемзину снился его тёзка поэт Сергеич. А чтобы ты, мой читатель, поверил в этот неопровержимый факт, вот тебе небольшой творческий отчёт об этой виртуальной реальности:

Был Пушкин прост (без экивоков):
«Давай, мол, выдай от души!»
Дантес, стоявший где-то сбоку,
шипел сквозь зубы: «Не пиши!»
Позвать пора француза-гада
пройти на кухню тет-а-тет,
но тут я вижу краем глаза
в руке Дантеса пистолет.
С оружием явился, сука!
Я отступаю чуть назад,
в карман штанов засунул руку,
с Дантеса не спуская взгляд.
А что я жду найти в кармане?
«Макаров» или «Смит-Весс́он»?
Но там лишь куча всякой дряни.
Какой хреновый снится сон!
В углу на кухне вижу клюшку,
что для хоккея на траве,
стоит с ней рядом Саша Пушкин
(я с ним на ты, когда во сне).
Что делать с клюшкой, мне понятно,
но как дать Пушкину сóвет?
Моргаю Саше: мол, мая́кни
Дантесу клюшкой по башке!
Не обратил вниманья Пушкин –
закинул голову, притих:
видать, рифмует стих про кружку
иль про фонтан слагает стих.
Эх! Нету толку от поэтов,
когда в решающий момент,
осуществить решил вендетту
а Пушкин будто глух и нем.
Пора решать вопрос с французом:
шагаю – вроде в туалет.
Дантес стрельнул почти от пуза –
в руке не дрогнул пистолет[23]!
Покрыло всё вокруг туманом,
не чую под собою ног,
сражённый выстрелом нежданным,
сон досмотреть так и не смог…

♠ ♠ ♠

Проснулся. Тихо. Веки поднял,
проверил торс – ранений нет!
А, может, я не зря сегодня
надел с утра бронежилет…

[23] Строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта» (1837) – прим. лит. редактора

Почивая на своей бескрайней, как целина, кровати, Володя во сне последние мгновения этой кем-то придуманной реальности перебирал чётки ласковой Вечности, не видя того, как за окнами его квартиры таяли звёзды и, приближая рассвет, серел небосвод. Наконец из серого он стал превращаться в бледно-розовый, после чего стало понятно, что над тёмным миром земного шарика бубновым тузом всходило солнце некоей надежды на лучшее, о чём всегда грезили глуповатые жители планеты.

Глава 14. УТРЕННИЙ СКАЗ О КУЛЕМЗИНЕ (Окончательный подъём)

Ночь прошла, как над утопленником проходит ржавая баржа МТТ-1411, когда-то носившая гордое название «Капитан Пирожокер». Солнце полилось в окно, словно в теплицу с розами. Зелёным огнём заиграла оглушительная симфония последнего летнего хлорофилла. Рассвет вползал в окошко неслышно, как хорёк в белкино гнездо. Пылинки нервно подпрыгивали в первых утренних солнечных полосках. Время, проникнувшее в квартиру с названием Личное Место-Имение вслед за серым рассветом, увязло в неподвижной тишине. Секунды редкими каплями срывались в бесконечность, исчезая бесшумно и бесследно. Медленно растворялось очарование ночи. И только одинокий, но уже не видимый с рассветом метеор жёг просторы неба где-то очень далеко.

После пробуждения Володя, похожий на толстого кооперативного ребёнка, мощно потянулся всем телом, сочленения его при этом прохрустели как беглый огонь расстрельного взвода. Ноги постепенно обретали привычную им тяжесть. Солнечные лучики били в глаза, как бы намекая на то, что пора вставать заниматься привычными делами, а то ведь так можно и проспать всё царствие *дедушкино*.

Всё то же солнце всходит надо мной!
Но и оно не блещет новизной…

Писатель распахнул глаза пошире и наконец увидел, что наступившее утро было действительно чистым и девственным, как совесть дебила. Он (писатель, а не дебил) зевнул и вспомнил, что именно по этому поводу когда-то сказал ещё один его тёзка Лев Николаич:

Лучший день –
сегодня.

«Бывает, проснёшься рано утром», думал марсианин, пока не вставая, «и хочется горы свернуть! А потом повернёшься на другой бок и думаешь: да пусть себе пока постоят! Зачем лишний раз в природу вторгаться?». Но сейчас эти мысли были неактуальными, потому что Альбионыч проснулся таким бодрым, что хоть с новыми силами ложись спать обратно!

Хотя Кулемзин почти всегда жил один, но, отправляясь отдыхать, вешал на дверь спальни табличку на верёвочке:

Тихо! Идёт досуг!

И вот сейчас, лёжа в кровати, он думал о том, что есть, всё-таки есть и смысл, и радость в повторении ежедневных вещей, необязательных встреч, легкомысленных слов и поступков, которые никому не в тягость, после чего просто порадовался наступившему утру с восхищением вечного неофита.

Всё в этой жизни очень просто –
простое утро, день простой,
а ночью просто светят звезды,

и прост мой жизненный устой:
проснувшись, улыбнуться миру,
взлохматить мысли после сна,
настроить жизненную лиру,
чтоб не фальшивила она!
Будильник пусть звенит постыло,
я в правый тапочек ногой
нырну... Намылю шею мылом,
чтоб не намылил кто другой.
Всё в этой жизни очень просто.
Непросто, видимо, одно:
душою стать чуть выше ростом,
чем от рождения дано...

Наконец он глубоко вздохнул, набирая в грудь *праны*, и на выдохе резко выбросил тело из постели. Писатель чувствовал себя спокойно и отрешённо, точно полено, из которого пока ещё не выстругали Буратино. Он почувствовал, что пока тело и мозг спали, послушно и умело выполняя свою работу, живая душа его обретала неслыханную свободу. Забыв о существовании земной тверди и тверди небесной, она начала мнить себя единственной обитательницей и хозяйкой безграничного пространства, которой никто не надобен в собеседники, соглядатаи и соседи – ни земные диспетчеры в сутанах, ни птицы, ни даже *дедушка*, ибо двум богам не ужиться в одной Вселенной.

И тут он вздрогнул – его будильник с неустойчивой психикой вечно раздражённого механизма дал сигнал к подъёму, на этот раз напрасный.

Суббота. Раннее утро.
По морде будильника вижу:
готовится, сволочь, звенеть!

По его циферблату было видно, что наступило семь часов утра. Литератор, когда бы ни ложился, предпочитал всегда вставать в одно и то же время, независимо от времени года, настроения, внутреннего состояния или занятости. Пяти-шестичасовой сон полностью восстанавливал организм, ведь для того, чтобы выспаться, вовсе не обязательно много спать, – главное попасть в фазу *глубокого* сна. А утренние 20 литров холодной воды в любую погоду давали хорошую зарядку каждой его марсианской клеточке. Но для того, чтобы вода попала на его разгорячённый организм, нужно было сделать множество вещей: во-первых, просто встать, во-вторых, пройти в совмещённый санузел и набрать там воды из-под крана, в-третьих, выйти на улицу, и, наконец, в-четвёртых, опустошить два ведра, стараясь попасть точно в макушку.

Но пока все эти планы разбивались о первый пункт: вставать не хотелось, и писатель для начала решил позаниматься любимым делом, то есть поразмышлять о чём-нибудь. Первой его мыслью стала вот такая: «Что-то жизнь как-то подозрительно быстро проходит – вчера была пятница, а сегодня уже суббота! Может, её какой-нибудь *дедушка* пинками подгоняет?». Затем, также не вставая, он произвёл некое подобие физзарядки, осуществив силовое переворачивание с бока на бок.

Мну собою я кроватку,
имитируя зарядку!

Глава 13. УТРЕННИЙ СКАЗ О КУЛЕМЗИНЕ (Водные процедуры)

Наконец Володя почесал раблезианское брюхо, потянулся, ещё раз с удовольствием зевнул и, посмотрев на часы, привычно подумал: «Ну, что ж, пора вставать и идти восхищать подотчётные народы!». Он спрыгнул с кровати, похожей на палубу авианосца и направился в другие помещения – согласно намеченному плану. Надо только отметить, что любой кулемзинский план писал его разум, а вот необходимые коррективы всегда вносила так называемая душа. И потому не удивительно, что согласно некоей коррективе ноги вначале принесли его не в ванную комнату, а в столицу квартиры – кухню. Человек нового дня решительно открыл холодильник и достал из него сокровище, равное которому не было в мире – запотевшую от искусственного холода бутылочку пива «Тянь-Шань». Точно также решительно жилец квартиры № 4 (или № 500[24]) сорвал пробочку и, подойдя к окну, начал вкушать счастье нового дня.

[24] История этого номера квартиры – в главе 189 пятого тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

За окном всё было спокойно и привычно: пока ещё дремал Бермудский Учпучмак – без многочисленных персонажей, любивших в течение дня оккупировать этот славный участок земной суши, деревья, не побеспокоенные отсутствующим ветерком, стояли тихо и бесшумно, и только, как говаривал в своё время Михаил Зощенко, «птички порхали туда и сюда». Но острый глаз писателя-бытописца всё-таки заметил некое движение в учпучмакских кустах, о которых было сказано так много в прошлых книжках нашего повествования. Там было невидимое и какое-то не очень шумное движение, пока с истошным *мявом* из кустов не выскочили и дали дёру в разные стороны сразу три представителя млекопитающих семейства кошачьих. Это были уже знакомые читателю кошечка Несси и два кота, проживающие в том же доме, что и покерный гуру, – Пушок и Семён.

А писатель, потихоньку употребляющий божественный напиток, вспомнил, что иногда бывает поэтом, который откликается на все события, увиденные им в процессе жизни. Вот и сейчас ему на память пришёл стишок, написанный когда-то по похожему поводу:

Пушистохвоста, резвоножка,
полна несбыточных идей,
по городу бродила кошка
и удивлялась на людей.
Её не мучили идеи,
а люди мучались от них –
они не числились в злодеях,
желая радостей простых.
Но людям горя было мало –
хотелось им всё новых бед.
Смотрела кошка и гадала,
когда ей камень бросят вслед.
Хвостом пушистым подметала
печальный город не людей –
ей человеков жалко стало,
живущих с бездною идей,
живущих в прорези прицела,
несущих тяжкий свой удел.

♠ ♠ ♠

Бродила кошка и глядела,
как на востоке круг алел…

Затем, допив пивко, Володя осуществил свой первоначальный план до конца: набрав два ведра воды, он решительно сунул ноги в специальные всесезонные тапочки и вышел из квартиры. И вот здесь, на этом са́мом незначительном отрезке жизненного пути, марсианину не повезло, потому что одновременно с его дверью открылась дверь незабвенной соседки Галлюцинации. По привычке, приобретённой ещё в детстве, знатный жилец дома № 17 вдохнул воздух – и чуть не упал, сражённый газовой атакой из нехорошей квартиры. Тело рефлекторно дёрнуло на улицу, в спасительную атмосферу матушки Земли, а мозг химика-надомника уже привычно анализировал: «Та-а-ак, формальдегид, диоксид азота, серный газ, окись углерода и, по-моему, даже немного растворённого в воздухе мышьяка пополам с крысиными какашками…»

Вот так, впервые с са́мого первого то́ма нашего романа, одно из самых любимых дел Кулемзина было испорчено. Быстренько намочив организм, но не почувствовав на этот раз привычной радости духовного перевоплощения, он поспешил обратно в своё жильё, где – по примеру его друзей-алкоголиков – решил *догнаться* душем, хотя очень жалел, что сегодня ему так и не удалось слиться с природой в едином экстазе существования.

О, полезная природа,
исцели страданья наши,
дай частицу кислорода,
или две частицы даже!
Дай сознанью удивиться,
и тотчас передо мной
отвори свою больницу –
холод, солнце и покой!

Остаётся только добавить, что во время обливания Альбионыч стремился разогнать, как говорили неграмотные патологоанатомы, кровь *по жилам*, прочувствовать каждую свою мышцу, пальцы, грудь, шею, длинные мускулы спины и черепаший панцирь живота, мощных львят под кожей плеч и ритмично играющих дельфинов в ногах. Иными словами, во время этого сладостного процесса он пытался вернуться к своей сути, или хотя бы к этому странному кожно-мышечно-костяному контейнеру, в котором путешествовала по жизни его суть.

Вновь оказавшись в родном гнезде, оставляя мокрые следы, наш герой осуществил обратный путь, и через несколько мгновений оказался под душем, показывая кафельной стенке, отделяющей санузел от кухни, свою матёрую спину римского гладиатора. Затем он встряхнул головой и сделал воду вначале ледяной, потом горячей, а потом снова холодной, и повторил так несколько раз, пока кожа не запульсировала упругой силой, а печальные размышления и образы не ушли куда-то далеко.

Вволю наплескавшись под душем, словно белый медведь в зоопарке города Сухуми, и смыв с себя неизвестно что, он вытерся и с удовольствием, как делал это ежеутренне, погляделся в зеркало, после чего привычно отметил, что был красивым (душой) и могучим (организмом), и даже подумал о том, что некий Аполлон Зевсович, увидев его сейчас, от огорчения немедленно бы постригся в монахи.

Выиграв аукционы,
наконец обрёл покой –
я же лучше Аполлона:
он из камня, я – живой!

После ду́ша тело стало расслабленным, в лёгких ещё витал запах некоей хвои, а мысли стали такими светлыми, что напомнили цветущий лён на солнечном пригорке. Казалось, что вода не только смыла с тела грязь (и откуда она взялась за ночь?!), но и растворила тяжёлые вериги, ранее гнетущую душу до са́мого пола. В голове стало пусто, как в космосе до Большого Взрыва, и Кулемзин вновь ощутил себя трезвым и гладким, словно дверца его безразмерного холодильника. В организме зрело радостное чувство, что он наконец-то полностью очистился ото сна, – как днище корабля при (прости, русский язык!) кренговании[25].

Для мудрого человека каждый день
начинается новая жизнь!

[25] Придание судну крена в целях осмотра, окраски и исправления подводной его части – прим. морск. редактора

Глава 14. УТРЕННИЙ СКАЗ О КУЛЕМЗИНЕ (В специальной комнате)

Прочёл читатель подзаголовок этой главы и довольно ухмыльнулся: знаю, мол, о чём сейчас будет писа́ть автор. А автор и не будет спорить, что речь пойдёт о спецкомнате, которая с начала 60-х годов прошлого года усилиями советских разработчиков жилья (б) стала называться совмещённым санузлом, или проще говоря, маленькой комнаткой, в которой размещались два главных предмета – ванна и унитаз. Именно при персеке[26] Ники-

[26] Первый секретарь ЦК КПСС – прим. ист. редактора

те Хрущёве туалет и ванную объединили – для экономии места, однако надо заметить, что их общая площадь всё равно не превышала 4 квадратных метров. Поколение постарше помнит (а помоложе пусть узнает), что в первых *хрущёвках* ванна, как правило, была сидячая, и в народных массах очень быстро родилась шутка: «Хрущёв соединил ванную с туалетом, но не успел соединить пол с потолком!». И действительно, таких низких потолков – 2,45 метра – в те времена не возводили нигде в мире…

Было чтоб куда метать котлеты,
а затем для рук своих мытья,
совместили ванну с туалетом
только лишь для счастья бытия!

Был здесь и ещё один предмет быта, видимо, чисто эстетически разделяя ванну и унитаз – в простенке между ними практически всегда висело зеркало.

Поэтому было неудивительным, что Володя, как человек последовательный, вылез из ванны, вытерся насухо своим большим китайским полотенцем и, сделав маленький шажок буквально в полступни, а также повернувшись на месте, как по чёткой военной команде «Нале-во!», оказался перед зеркалом, после чего уставился в него, чтобы выявить изменения во внешности, происшедшие за ночь. Но, увы, кроме свежего прыща на носу и жидкой щетины на подбородке, в его облике ничего принципиального нового не появилось. Прыщ тут же был удалён нехитрой марсианской технологией, а вот щетинку марсианин решил оставить, дабы во время будущей игры в *русскую кочергу* соответствовать облику мужественных викингов.

(Кстати, мой читатель, который уже привык, что автор никогда не скрывает от него никаких подробностей, именно здесь может попенять ему, что он забыл уточнить название технологии быстрого удаления прыщей, но автор признаётся, что сделал это намерен-

но, так как Альбионыч в трудное для него время – от увольнения из газеты «Саксаульская правда» до регистрации своей фирмы – как раз поддерживал штаны тем, что за небольшую плату избавлял прыщавых подростков-соседей от их юношеских признаков)

Сегодня день ужасный –
мне белый свет не мил:
на носике прекрасном
противный прыщ вскочил!
Сижу и проклинаю
коварную судьбу –
такого не желаю
я даже и врагу…

Глянув в зеркало, он поразился выражению своего лица и подумал о том, что если бы оно (лицо, а не зеркало) сейчас попалось на глаза некоему талантливому художнику – типа Антуана Жаныча Ватто или Валерия Николаича Муравлёва, – тот бы не упустил случая запечатлеть литератора для шедевра под названием «Мировая скорбь. Художественный ноктюрн № 117». Но это было как бы общее выражение лица, а если говорить об отдельных деталях кулемзинской тыквы, то, прежде всего, надо было выделить крупные щёки, при взгляде на которые сразу же хотелось обеспечить их постоянным притоком свежих витаминов и крупной наличности. Приглядевшись к другим деталям, литератор с удовлетворением подчеркнул, что Сука-судьба так-таки даровала ему неземную красоту, лёгкий звенящий смех, красивую фигуру, а также способность вольной интерпретации реального положения вещей.

Я с детства пел, звенел, кипел,
был крепким как орех,
и сам себе не надоел –
в отличие от всех…

Но пора было завершать пребывание в спецкомнатке, так как утренних дел оставалось переделать ещё много, поэтому ответственный квартиросъёмщик решительно присел на царский трон унитаза, где тут же занялся… (ай-яй-яй, мой читатель, ну, как ты мог подумать что-то плохое?)… конечно же, творчеством!

– Петушок пропел давно –
в унитаз пора… печаль!

, мурлыкал Володя, удобно устроившись на вышеозначенном предмете быта.

Как уже не раз говорилось в предыдущих книгах нашего романа, над унитазом в володиной квартире уже висело несколько самодельных табличек, отражающих мучительные процессы бытия, которые (таблички, а не процессы) изготовил его приятель Валера Муравлёв. Но вот именно сейчас голову писателя начали прямо-таки бомбардировать гениальные мысли о новых табличках, которые надо было срочно заказать своему другу – саксаульскому врубелю, а потом и закрепить их навеки – путём *шурупирования* на стене. Новые таблички должны были быть вот такими:

Если вам нечего делать,
то не надо этого делать здесь!

Трудно не означает невозможно!

Закрыто на приёмку товара!

Теряя массу – теряешь энергию.
Помни: $E = mc^2$!

Тут же, вспомнив о том, что он не только писатель, но по совместительству и поэт, Кулемзин мгновенно придумал тексты ещё двух табличек – на этот раз стихотворных:

Пусть стены этого сортира
украсят юмор и сатира!

Без чести, воли, мужества, отваги
не купишь туалетной ты бумаги!

И, наконец, доделав все дела (исключительно творческие), он обратил внимание на ролик с туалетной бумагой и понял, что и этот важнейший девайс тоже нельзя оставить без внимания, после чего зафиксировал в памяти последнюю табличку, которая будет располагаться именно здесь:

Бумага всё стерпит!

Но от мыслей о бумаге оторваться было крайне сложно, и Альбионыч напоследок придумал ещё две фразы, которые решил обязательно вставить, ну, хотя бы в шестой том своего великого нескончаемого романа – например, в главу 14. Первая фраза была философской: «Каждое утро я начинаю с чистого листа, периодически меняя рулоны…», а вторая даже с оттенком юмора: «Как это долго и громоздко произносить каждый раз набор слов *рулон туалетной бумаги*. Не проще ли называть всё это одним словом – *срулон*?»

Проживши полвека в родимом краю,
и тридцать в коммуне заветной,
хвалебную оду всем сердцем пою
бумаге, пардон, туалетной!

И уже собираясь на волю, наш герой услышал первый за сегодняшнее утро телефонный звонок. «По-моему, на дверях этой комнатки не хватает ещё одной суровой таблички», подумал Володя. «Закажу-ка я Валере, чтобы он изготовил строгий адрес нового для человечества сайта – вот такой»:

www.prosba-ne-bespokoit.sru

Глава 15. УТРЕННИЙ СКАЗ О КУЛЕМЗИНЕ (Песнь о каше)

Но пора было приступать к дальнейшим утренним планам, и Володя уверенно выделил самый главный. И если мой проницательный читатель думает, что угадал, то он наверняка ошибается. А думает читатель о том, что Кулемзин, как знатный писатель и поэт двух веков, главным утренним делом считал написание своих привычных хокку, или пары страничек к предисловию романа, или странички самóй книги, или даже некоего стиха, без сочинения которого он не может прожить ни минуты. Но нет, повторюсь я ещё раз, потому что знаю своего персонажа лучше других, ибо главным делом каждого утра Альбионыча был завтрак!

Ежедневный чудо-завтрак
съём сегодня, а не завтра!

Наш герой даже однажды сочинил шутку, в которой со временем доля шутки уменьшилась многократно, а вот доля истины стала занимать основное место. Но для так называемых потомков автор, разумеется, приведёт её здесь и сейчас, и дай *дедушка*, чтобы это хоть кому-то помогло…

Завтрак – это главный приём пищи,
поэтому я завтракаю утром,
в обед и два раза вечером!

Для моего читателя уже давно не секрет, что Альбионыч любил ~~плотно пожрать~~ слегка перекусить с утра. И традиционно начинал свой день с какой-нибудь каши. Ещё полвека назад, когда перед марсианином встал вопрос о том, какой земной народ выбрать себе для проживания на этой планете, Володя решительно выбрал русский. И причиной этого стали именно каши!

Дело в том, что и на Марсе любое условное утро местных жителей начиналось с блюда, очень похожего на земную кашу. В этом блюде содержалось всё, что было нужно марсианину в течение условного дня. А важным это было ещё и потому, что марсианский день длился – в отличие от дня земного – 24 часа 39 минут, то есть на 2,7 процента больше, чем на так называемой *голубой* планете.

Но ещё большее значение русские люди придавали кашам именно на Земле, и этому тоже было своё обоснование, ведь, например, если наш литератор весил на так называемой *красной* планете всего 37,7 килограмма, то, попав на Землю, сразу же приобрёл свой нынешний вес в 1 центнер, или говоря языком арифметики для второго класса, в 100 килограммов. А, значит, и справляться с земными нагрузками ему (литератору, а не центнеру, хотя и центнеру тоже) было труднее почти в три раза. Вот здесь как раз на помощь и приходили каши, дающие небывалый заряд бодрости на весь день!

Знали даже бронтозавры
(был у них большой живот):
тот, кто кашу ест на завтрак,
до обеда – доживёт!

Земной Альбионыч очень любил этот продукт практически в любой ипостаси – он с удовольствием готовил каши из овсянки и гречки, пшёнки и ржи, ячменя и пшеницы, амаранта и полбы, кукурузы и манки, булгура и риса, перловки и тапиоки, проса и нута, маша и киноа, гороха и чечевицы, а также дагуссы, сорго и тритикале, причём, никогда не делал разницы в пользу какого-то одного продукта, не деля их на привычные и экзотические. Он знал, как готовить кашу из каждого такого продукта, сколько это занимает времени и с чем всё это богатство нужно употреблять, знал, какие из них регулируют обменные процессы в организме, а какие нормализуют уровень холестерина, какие защищают клетки от токсинов, а какие обладают иммуномодулирующим действием, в каких из них больше витаминов, а какие просто-таки насыщены различными микроэлементами и минералами.

«Не буду я есть эту кашу!»,
кричала за ужином Маша.
«И правильно», думала каша,
хорошая девочка Маша!»

Он только что вспомнил, что на днях с утра заходил в магазинчик Калимы за внезапно кончившейся гречкой, но так и не смог её купить – по причине, как выражался его

друг Серёнька Афанасьич, отсутствия присутствия. Поэтому сейчас писатель решительно открыл большую банку, где хранил запасы его любимого *геркулеса* и стал быстро готовить овсянку. А любимым это блюдо было потому, что когда он ел на завтрак именно овсянку – в качестве правильного и полезного питания, – то больше всего насыщался не её полезностями, а чувством собственного превосходства и иллюзиями о мгновенном оздоравливающем эффекте.

Для того, чтобы еда приготовилась быстрее, Володя решил подогреть молоко в микроволновой печке, и порадовался тому, что так и не успел продать её всё тому же Полтавцеву вместе с запасом микроволновых дров[27]. В отличие от других героев нашего великого повествования, он знал об этом кухонном девайсе буквально всё и не верил в интернетовские сказки о том, как микроволновка якобы убивает наши мозги из дня в день. Например, Кулемзин знал даже то, что к изобретению *магнетрона*, с помощью которого в общем-то и греется еда в этом приборе, приложил руку один иностранный чувак с фамилией Грей**на**хер[28], и даже улавливал в ней своим тренированным ухом сразу три русских слова!

[27] Об этом забавном случае – в главе 280 первого тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

[28] Магнетрон – электронный прибор, генерирующий микроволны при взаимодействии потока электронов с электрической составляющей сверхвысокочастотного поля в пространстве, где постоянное магнитное поле перпендикулярно постоянному электрическому полю. В 1912 году швейцарский физик Генрих Грейнахер изучал способы вычисления массы электрона. Он собрал установку, в которой внутрь магнита был помещён электровакуумный диод с цилиндрическим анодом вокруг стержневидного катода. Ему не удалось измерить массу электрона из-за проблем с получением достаточного уровня вакуума в лампе, однако в ходе работы были разработаны математические модели движения электронов в электрических и магнитных полях – прим. науч. редактора

Объяснила югославка,
как готовка здесь легка:
микроволны греют хавку
для прохладного пивка!

«Пережили голод, яйчики-бабайчики», философски подумал Кулемзин, «переживём и изобилие!», а затем улыбнулся, так как вспомнил недавно разработанную им – для супруги художника Муравлёва Наташи – особенную диету, которая должна была позволить ей сбросить 300 граммов в неделю. Вот этот рецепт мгновенного похудения:

понедельник – яблочко
вторник – морковочка
среда – стаканчик кефира
четверг – полбананчика
пятница – одна картошечка
суббота – разгрузочный день
воскресенье – кремация…

А началось всё с того, что Наташа позвонила ему и пожаловалась, что у неё сломались напольные весы, с помощью которых она регулировала свои объёмы, и объяснила, что вместо того, чтобы показывать уменьшение веса, этот *иблисов* прибор постоянно от-

ражает его прибавку! Альбионыч хорошо понимал тревогу Муравлёвой, так как и сам не раз, как странно говорят русские люди, *садился* на диету.

Поскольку нынче лето,
я похудеть стараюсь:
сижу на двух диетах!
Одной не наедаюсь…

А причина этого была проста: Володя внезапно испугался, что если вдруг умрёт и безутешные родственники решат его кремировать, то он будет не гореть, а шкварчать, как кусочек сала на сковородке! Но и это решение, как выяснилось, тоже оказалось слишком поспешным. Экспериментальным путём выяснилось, что если, например, заниматься модной средиземноморской диетой, то есть пить свежевыжатые соки и безлактозное итальянское молоко, а есть только нежирную рыбу из той же Италии или Греции, то не жрать будет стоить гораздо дороже, чем жрать!

Так что, пока овсянка, тихо кипя, готовилась в маленькой кастрюльке, он смотрел на процесс кипения и вспоминал слова́ профессора Мечникова (тоже, кстати, не последней скотины в физиологии), который говорил о том, что еда – это самое интимное общение с окружающей средой…

Глава 16. УТРЕННИЙ СКАЗ О КУЛЕМЗИНЕ (Об эпикурействе героя)

Но терпеть так долго оказалось некомфортным, и наш герой решил разбить свой завтрак на две половины: сначала съесть первую, а вторую в виде каши – после. Надо ли говорить, что первая половина сегодняшнего завтрака писателя была, как всегда, чрезвычайно скромной: вначале он разогрел всё в той же микроволновке отбивную величиной с небольшой поднос, – вместе с четвертью кочана заранее отваренной цветной капусты, затем соединил их разгорячённые тела́ на большой квадратной тарелке, пересыпав мелкими, как марокканские мандарины, помидорчиками – маленькими и яркими, словно райские птички, причём рядом с каждым помидорчиком положил по маленькому кусочку бекона.

В жратве на каждый день
не надо отсебятин –
нам дым копчёностей
так сладок и приятен…

В нашем повествовании уже не раз отмечалось, что продуктов в володином холодильнике всегда было столько, что ими можно было накормить бригаду ОМОНа или свору голодных сенбернаров, в чём, в принципе, не было никакой разницы. Хотя частенько купленные в припадке здорового образа жизни овощи в этом агрегате напоминали бомжей, которых плохая погода загнала в метро.

Наконец настала очередь второй половины завтрака, которая была благополучно отправлена вслед за первой, после чего ответственный квартиросъёмщик поэтической *двушки* с удовлетворением отметил, что употреблённые блюда были достойны внимания такого знатного философа древности, как Эпикура Неокловича Самосского. Он любил этого древнегреческого персонажа не только как философа-материалиста, но и как атеиста, и считал его весьма хорошим дядькой и примером для подражания, ведь этическое учение Неоклыча было основано на стремлении человека к счастью!

Утром с голодухи

всё попало в рот:
провалились в брюхо
супчик, стейк, компот!

И, как уже сообщалось ранее, главной философской направляющей Альбионыча на многие годы стало эпикурейство. В наш непросвещённый век мало кто помнит этого хорошего человека, жившего за 23 века до появления на карте Отцеябловска ме́ста под названием Бермудский Учпучмак. Володя подозревал, что Эпикур вырос в большого учёного-философа не просто так, а потому что начал интересоваться философией аж с 12 лет, но параллельно с едой, которую приходилось готовить его папе Неоклу Филаидовичу – афинскому клеруху[29], а готовить приходилось много, так как, кроме Эпикура, у отца было ещё три сына: Хайридем, Неокл-младший и Аристобул, да ещё и всегда голодная и больная жена Херестрата! Так что не удивительно, что и детство паренька, и его юность были не слишком сытыми, и, наверное, именно поэтому он в своих философских изысканиях впоследствии и додумался до того, что мы, сегодняшние, назвали словом эпикурейство.

[29] Владелец части территории какого-либо древнегреческого государства, располагавшейся вне его пределов – прим. ист. редактора

И это не простая обжираловка, как думают многие, а настоящее философское учение, согласно которому высшим благом считается не только желание хорошо покушать, но и *общее* наслаждение жизнью, которое подразумевает отсутствие физической боли и тревог, а также избавление от страха перед смертью и богами, как правило, безразличными к происходящему в мире смертных.

Будь всегда ты в умной форме,
помня, как же мир жесток:
бог нисколько не накормит,
а накормит кошелёк!

Наш герой, узнав об этом много лет назад, сразу же выделил два ключевых пункта великого учения: первое – это то, что наслаждаясь жизнью, ты тоже немного становишься философом, и второе – то, что не боясь выдуманного *дедушки*, ты становишься (уже много!) атеистом. Понравился Кулемзину и тот факт, что Эпикур стал философом настолько юным, что уже в 32 года основал в Афинах свою философскую школу, куда и пригласил на учёбу таких же бездельников, как он сам. Учиться в этой школе, расположенной в купленном Эпикуром саду, было одно удовольствие, потому что с утра до вечера и учитель, и ученики занимались тем, что беседовали друг с другом на разные темы, а в перерывах между беседами ели и пили всё что хотели.

Хороший парень Эпикур,
вина любитель, рыбы, кур,
он в мире чувственность прославил.
Он Человека наградил
свободой воли, полным сил,
и во главу угла поставил!

И вот эту *свободу воли* герой этой главы назвал (прости, русский язык!) тетрафармакос, или четверолекарствие. Вот его положения:

1. Не бойся богов.

2. Не беспокойся о смерти.
3. Благо легко достижимо.
4. Зло легко переносимо

Каково?!

А перед входом в этот чудесный сад, куда стали стремиться все афиняне, сразу же появился плакат (почти такой же, как у героев «Русской кочерги» на каждый день игры), кратко отражающий философское учение Неоклыча:

Гость, тебе здесь будет хорошо.
Здесь удовольствие – высшее благо!

Глава 17. УТРЕННИЙ СКАЗ О КУЛЕМЗИНЕ (Размышления о домашней готовке)

Поглощая помидорчики с кусочками бекона, гурман и повар V категории, как называл себя Кулемзин, задумчиво напевал песенку тревожной молодости:

Как молоды мы были,
как молоды мы были,
как искренно любили
копчёного угря…

Затем, насвистывая, Володя переключился на морковку. Нож точными ударами стал резать её на тонкие дольки – он летал сам, а пальцы Альбионыча только удерживали его, но не направляли. Писатель, на время переквалифицировавшийся в повара, хорошо помнил, чему его учил один китаец, а именно: нож твёрдый и острый, и, значит, он сам способен найти дорогу в мягком.

«Кстати, яйчики-бабайчики», внезапно подумал он, «а при чём здесь, собственно, морковка?! Ведь такой продукт с ярким вкусом может только испортить любую кашу!». Но начатое дело, разумеется, было закончено: морковные дольки были тщательно уложены в пакет, после чего помещены в верхнюю часть холодильника – на видное место, и володин муз Вася Курочкин, незримо присутствовавший при этом событии, понял, что такая заготовка в самое ближайшее время займёт своё достойное место вначале в каком-нибудь красивом блюде, а затем уже в брюхе нашего героя. Вася немного напрягся – на 0,4 паскаля, и тут же сочинил занятный стишок, который затем на всякий случай отложил в память:

Всё закину в своё брюхо:
и изюмную ватруху,
и стаканчик медовухи,
и куличика краюху,
отбивную из белухи,
и грибнючую свинуху,
и красивую резуху[30],
только я не стану есть
чилибуху[31]-потаскуху –
чтобы мне не умереть!

[30] Медоносное растение семейства капустных – прим. бот. редактора
[31] Тропическое дерево, чьи семена, называемые рвотными орешками, являются источником ядовитых алкалоидов стрихнина и бруцина – прим. бот. редактора

А литератор тем временем, спрятав заготовку подальше, принялся обдумывать всякие мысли разной степени наполнения – как раз о домашней готовке, полуфабрикатах и прочей чепухе. Правда, мой читатель уже знает, что даже не смотря на кажущуюся простоту приведённых в романе мыслей, со временем они начинают приобретать то, что приобретает коньяк в процессе выдержки его в дубовой бочке, то есть насыщенность вкуса, тонкий аромат, ну, и, разумеется, крепость полученного продукта.

«Да, готовить еду дома нерационально», думал марсианин, как бы убеждая самого́ себя, ибо, как помнит читатель, был страшно ленивым. «А что, нет? В идеале лучше вообще убрать с наших кухонь эти громоздкие, опасные и прожорливые девайсы, то есть газовые плиты…»

Он давно мечтал о том, что питаться самыми дешёвыми полуфабрикатами и консервами – теми, которые магазины предлагают под собственными невзрачными (прости, русский язык!) брендами – может быть очень выгодно, за исключением, пожалуй, мясных консервов, где вместо мяса зачастую можно найти продукт под названием «Не пойми что». Ну ладно, в растительных, молочных и рыбных заготовках всё честно, хотя врачи-диетологи, отрабатывая свою зарплату, на всякий случай и здесь пугают нас язвой, раком и авитаминозом. Зато вовсю стараются маркетологи, *продвигая* «элитные» продукты, вся элитность которых состоит лишь в завышенной в несколько раз цене. И, видя такие цены, у покупателя мгновенно пропадает то, что с утра называлось головой, которая на глазах превращается в тыкву, и он начинает покупать эту дорогую дрянь, если у него есть деньги, или мечтать о ней, если денег нет!

Без *капусты*[32] – просто мука,
хоть глаза себе залей!
Я ж куплю картину Мунка[33],
ведь в кармане 100 рублей…

[32] Деньги - феня
[33] Эдвард Мунк – прим. худ. редактора

Да, не готовить дома выгодно: во-первых, у мужчины значительно снижаются трудозатраты, ибо готовка взваливается на плечи жены. Вспомним, что хотя консервы и полуфабрикаты и называют *холостяцкой едой*, но они отлично подходят и для людей семейных! Бороться с кухонным рабством пробовали ещё на заре советской власти, но в итоге плиты́ на кухнях всё-таки оставили – вначале в коммунальных квартирах, а позже и в обычных. А зря!

Во-вторых, никуда не деться от запахов, при длительной готовке проникающих к соседям через вентиляцию. Этим самым мы как бы навязываем им свои пищевые предпочтения, которые, как известно, у всех разные. Вот скажите, приятно ли какому-нибудь *вегану* принимать свою скудную пищу под резкий запах мяса, а мясоеду – под ещё более резкий запах квашёной капусты? А пар и дым? При приготовлении блюд даже из самых элитных продуктов они ведь тоже здоровья не прибавляют. А полуфабрикаты и консервы пахнут только вам – до вентиляции их запах добраться не успевает, ибо они съедаются быстрее, чем успевают одорологически атаковать носы соседей.

Жизнь дорога́ – сюды ты слухай,
от умных получив привет:
«Протух продукт – его не нюхай,
а поскорее в мусорвед[34]!»

[33] *Мусорное ведро – прим. автора-неологизатора*

В-третьих, консервы и полуфабрикаты хранятся дольше, чем продукты, требующие готовки, поэтому и в магазин ходить требуется также реже. А это уже экономит не только ваш труд, но и труд кассира, которому проще пробивать сразу много, но редко, чем по чуть-чуть, но часто!

Не менее бессмысленно и приготовление так называемых салатов. Те овощи и фрукты, которые допускают их употребление сразу после мытья и чистки, быстрее сгрызть целиком, чем тратить время на их измельчение и перемешивание.

Но окончательно задолбала знатного холостяка Кулемзина так называемая сервировка стола. «Ведь моя кухня», злился он, «не филиал ресторана! Не проще ли открыть консервы и съесть продукт прямо из банки, никуда не перекладывая? Жаль только, что так же нельзя поступить с полуфабрикатами»

В общем, чтобы закончить эту страшную главу, остаётся только вспомнить старый, но справедливый и актуальный лозунг:

Долой кухонное рабство!

Пошла стряпня,
рукава стряхня!

Глава 18. УТРЕННИЙ СКАЗ О КУЛЕМЗИНЕ (Короткая глава о важном)

И вот здесь в Личном Место-Имении литератора раздался первый за сегодняшнее утро телефонный звонок, и тут же выяснилось, что он не имел отношения ни к одному из наших персонажей.

– Это регистратура? – раздался в трубке надтреснутый голос. – Вы не могли бы записать меня на 10.00?

– Извините, дедушка, – был вынужден ответить Володя. – Вы ошиблись номером…

Он отключил трубку и вспомнил стариков, с которыми ему пришлось встречаться по жизни, а их было, поверь, мой читатель, совсем немало. Это были и его выросшие родственники, с которыми он познакомился, когда был ребёнком, и старики разных городов и сёл, с которыми Кулемзин встречался во время многочисленных командировок по Саксаулии и другим республикам тогдашнего Союза (б), и старушек, которые в 90-е годы были вынуждены стоять на улице и со стыдом протягивать руку за подаянием.

Сейчас Володя стоял возле окна и думал о том, что непременно нужно встречаться со стариками, нужно жить рядом с ними и ценить их, как ценим мы детей, ведь любой старик, даже самый никчемный и глупый, лишь одним фактом своего существования учит радости бытия, учит ощущать течение времени, которое бежит мимо нас, как автомобили на улице.

Он вспомнил, как лет в четырнадцать впервые удивился случайности своего появления на земле, а в восемнадцать радовался этому и благодарил родителей, природу и великий Случай, в двадцать же, став законченным антисоветчиком, и испытывая от этого неизъяснимое для большинства счастье, он чуть не кричал от радости, в тридцать благодарил Суку-судьбу за каждую нелёгкую прожитую пятилетку, которыми отсчитывала свой исторический путь его страна, после сорока хотелось благодарить её (Суку-судьбу, а не страну) уже за каждый год, а после пятидесяти за каждый прожитый день – солнечный или морозный, за муху, севшую на лоб, за взгляд встречного, за дыхание близкого человека рядом…

И всегда помнил, кому он всем этим обязан…

Великие уходят друг за другом,
уходят малые за рядом ряд.
Когда-нибудь и эти дни, поверь мне,
уйдут и не воротятся назад.
И не старайся показаться выше,
чем есть ты – от макушки и до пят,
ведь эти дни, познав тебя предельно,
уйдут и не воротятся назад.
Ты чью-то душу отогрел участьем –
твою потом ответно исцелят
вот эти дни, хотя они, конечно,
уйдут и не воротятся назад…

Глава 19. УТРЕННИЙ СКАЗ О КУЛЕМЗИНЕ (О китайском чае)

И как это часто бывает в жизни, и не раз уже бывало в нашем повествовании, вслед за первым телефонным звонком тут же пришёл второй. Володя поднял трубку и услышал полный горечи голос:

– Зачем же ты так?

Другой бы, наверное, не понял, но Альбиоыч помнил, что совсем недавно, то есть 11 глав назад, посоветовал живописцу Муравлёву в качестве похмельного средства немного понюхать собственный носок.

– А что я тебе мог ещё предложить? – в качестве оправдания произнёс литератор. – Пива у тебя в квартире нет, чего-то покрепче – тем более, где до́ма припрятаны таблетки аспирина, ты не знаешь, последний рассол закончился ещё 1 января, так что оставался только носок, что я тебе и предложил. Посему совет: не обижайся, а быстрее приезжай в Учпучмак – для воссоединения с такими же страдальцами, как сам, тем более, что если ты немного пошаришь в так называемом *пистоне*, то найдёшь некую заначку – для более быстрого передвижения в мою сторону!

Наша Таня громко плачет –
муж её заначки прячет.
Тише Танечка, не плачь, –
всё найди и перепрячь!

Валера тут же воспользовался володиным советом № 1 и нашёл в маленьком брючном кармашке монетку в 100 назарбаксов, после чего воспользовался советом № 2, то есть наскоро оделся, спустился на улицу и побрёл к улице Саина, чтобы поймать какое-нибудь механическое средство передвижения, ибо передвигаться *на своих двоих* становилось всё труднее и труднее.

«Да когда же я смогу запить свой завтрак чаем?», в это время с досадой подумал Кулемзин, а с досадой потому, что к нему пришёл уже третий за утро телефонный звонок – на этот раз от Серёжи, что вызвало в писателе немалое удивление, ведь он сам звонил охраннику совсем недавно.

– Алё, – поприветствовал абонента Афанасьич, – так, как это делали жители его родной деревни Семижопино. – Чё делаешь?

– Да всё ещё приношу себя в жертву на алтаре удовольствия, – раздражённо ответил абонент.

– В смысле? – поинтересовался Полтавцев.

– Жру, – коротко проинформировал его Володя и посоветовал:

– Серёжа, засекай время, и через 21 минуту после засекания выходи к покерному столику.

– А, может, лучше сразу к Калиме? – попробовал навести на правильную мысль бестолкового Альбионыча экс-текстильщик.

– Ну, если есть фи́лки[34], то тогда ладно, – непонятно отозвался литератор и отключился от очередного доставальца.

[34] См. прим. к стр. 46

Мысль пробила ключевая,
и я стал понур и хмур:
«Раскрутить меня желают,
кто остался без купюр!»

После этого хозяин квартиры № 4 наконец-то достал из кухонного шкафчика давно припрятанный китайский копчёный чай «Лапсан Сяо Чжун»[35], и не удивляйся, мой читатель, слову *копчёный* в этом названии, а лучше прочти сноску в конце этой страницы 51. Заварив иностранный продукт, Альбионыч терпеливо подождал 4 минуты 17 секунд и наконец попробовал получившееся, в итоге оставшись только вот с таким рассуждением – вместо удовольствия: «Если вы хотите узнать аромат чая с запахом скипидара, лыжной мази, жжёной резины, копчёной рыбы, копчёной колбасы, копчёного сыра, бальзама «Золотая звёздочка», солдатского сапога и креозота, а во время питья ощутить вкус плесени, нотки дыма и древесины, а также сладкого имбиря, карамели, чернослива и сушёной груши (всё протухших и прокисших), – купите себе именно «Лапсан Сяо Чжун»

[35] Лапсан Сяо Чжун (от кит. 老松细种 – старая сосна) – один из самых известных сортов чая Южного Китая, отличающийся своеобразным вкусом и ароматом, за что его называют копчёным или дегтярным чаем – прим. кулинар. редактора

Кулемзин выплюнул гадость изо рта, перевернул пачку чая и с другой стороны прочёл рекомендацию, написанную почему-то не на классическом китайской языке, а южноминьском диалекте. И чтобы не пачкать наши славные страницы этими закорючистыми иероглифами, автор сразу же даст перевод таинственной надписи: «Этот чай не рекомендуется пить с сахаром, но допустим лимон»

По утрам читал листок,
разум привечая:
«Только чай и кипяток –
рецептура чая!»

После прочтения Володя решительно выбросил пачку в мусорное ведро и постарался забыть о ней навсегда, а чтобы отвлечься от сложной горечи во рту, принялся сочинять фразу для будущего романа из жизни русского помещика XIX века Иваницкого-Петрицкого: «Помещик Иваницкий-Петрицкий Афиноген Гермогенович ленив был чрезвычайно и по утрам любил принимать завтрак лёжа, когда дворовая девка Палашка наливала ему водочку из красивого графина, а за окном приказчик Захар Свинорылов гонял палкой пьяного конюха Еремея»

И только после этого наш герой понял, что завтрак остался в прошлом, до обеда было ещё далеко, а, значит, ничего хорошего в жизни в ближайшее время не ожидалось. «Чем

бы выправить пошатнувшуюся нервную систему?», подумал он и сразу же улыбнулся, так как вспомнил единственно правильный ответ: «Музыкой!». И думается, что читатель уже догадался, о какой именно музыке сейчас пойдёт речь…

Собираясь в путь-дорогу,
захвачу, что я любил,
и послушаю немного
рок, попсу и R'n'B[36]!

[36] Читается Ар-эн-Би – прим. автора

Глава 19. УТРЕННИЙ СКАЗ О КУЛЕМЗИНЕ (Про любимую музыку)

Володя очень любил музыку, но не всю, а так называемую *свою*, то есть практически любой тяжёлый рок, все без исключения классические рок-н-роллы, хорошие джаз, бибоп и свинг, и даже, как в этом ни стыдно признаться, две импортные попсовые группы – «ABBA» и «Boney M», оставившие в его душе неизгладимое впечатление ещё в юные годы. Он ел свою музыку, как изголодавшийся гурман, которого несколько недель кормили комковатой детсадовской манной кашей и вдруг поставили перед ним большое блюдо с марсельскими устрицами – свежими, только утром извлечёнными из солёной морской воды Лионского залива.

Так что без всяких раздумий Кулемзин решил послушать сейчас очень неплохой блюз с замечательным названием «One Bourbon, One Scotch, One Beer»[37] Джона Уильямовича Ли Хукера[38], правда, исполнял блюз не сам автор, а коллектив каких-то неизвестных писателю музыкантов, но он сразу почувствовал, что они стараются исполнять эту вещицу как можно ближе к оригиналу. «Главное – никакой импровизации», подумал слушатель из числа саксаульских любителей иностранной музыки. «Ведь все импровизации были сделаны Мадди Моргановичем Уотерсом[39] ещё 40 лет назад…»

[37] «Один блюз, один виски, одно пиво» – англ.
[38] Американский певец, гитарист и автор песен в жанре блюз, получивший известность за исполнение дельта-блюза с использованием электрогитары – прим. муз. редактора
[39] Американский блюзмен, считающийся основоположником чикагской школы блюза – прим. муз. редактора

Нота в ноту, слово в слово – это и есть удачное копирование *интонации*, считал он (саксаульский слушатель, а не Уотерс), и знал, что скопировать настоящий *чёрный вокал* не так-то просто, но у явно белого парня с конверта пластинки-сборника это получалось довольно неплохо. Альбионыч даже видел его полузакрытые глаза, слышал шумное придыхание в перерывах между хриплыми словами и чувствовал, как тот прижимается губами к овальному микрофону, словно облизывая шоколадное мороженое.

Люблю читать стихи и баста!
Пусть это будет моветоном,
но даже спать я очень часто
ложусь с включённым микрофоном!

Это было действительно классное исполнение, ведь блюз – он не в словах и не в аккордах, он – между ними. Литератор представлял себе это примерно так: дёрнул струны, прокричал в микрофон свою строчку – и замолчи на мгновение, ведь вся суть – именно в этой паузе, а те, кто сейчас слушает, должны сами додумать слова́ в этот пустой проме-

жуток времени, – как бы заполнить его собой. И главное – не сбиться с ритма, тогда следующий аккорд будет воспринят как откровение. И вот тогда становится совершенно не обязательным петь голосом Би Би Кинга[40].

[40] Американский блюзовый гитарист, певец, автор песен, именуемый поклонниками королём блюза – прим. муз. редактора

«Кто же мне ещё сегодня не позвонил?», внезапно пронзила мысль Володю, после чего, как можно легко догадаться, последние секунды тишины после блюза пронзил резкий звонок – уже четвёртый за ещё не до конца наступивший день. «Да что же они, сговорились, что ли?», удивился он (Володя, а не день) и тут же похолодел, ибо сообразил, что такой звонок может быть только от Нуртая.

Кого услышать я хотел,
всегда ведут себя потише,
а чаще мне звонят не те,
которых я хотел услышать…

Так оно и оказалось – подняв трубку, покерный гуру услышал дребезжащий с похмелья голос Курманбаева, который тоже хотел выразить своё отношение к покупке пива за чужой счёт, но не знал, как бы это половчее сделать:

– Володя, меня так страшно замучила жара!

– Так ты попей немного водички из-под крана, – предложил писатель.

– Да разве дело в кране? – фальшиво удивился педагог, после чего решил поразить Альбионыча размахом мыслей:

– Мне ведь хочется не просто воды, а чего-то большего – дождя, грозы и грома!

– Ну, тогда твоей беде помочь очень легко, – улыбнулся марсианин. – Срочно иди в ванную комнату, включи стиральную машину и положи в неё кирпич!

После этого пожелания он отключился от очередного назойливого абонента и, протянув руку в сторону полочки с несколькими сотнями виниловых дисков, наугад вытащил один из них. И не пожалел – это оказался диск далёкого 1969 года американской группы «Bread»[41] с оригинальным названием «Bread». Такие, казалось бы, казусы в его практике меломана встречались часто – просто самые первые диски пока ещё неизвестных групп всегда были без названия, кроме, пожалуй, одного из самых любимых володиных коллективов – «Deep Purple[42]», когда они в 1968 году выпустили первый диск под названием «Shades[43] Of Deep Purple»

[41] «Хлеб» – англ.
[42] «Тёмно-фиолетовые» – англ.
[43] Тени – англ.

Альбионыч протёр рукавом невидимую пыль с конверта, достал из него пластинку и даже понюхал её. Это был особый запах, как свой особый запах имеют буквально все старые диски – где бы они ни были изданы.

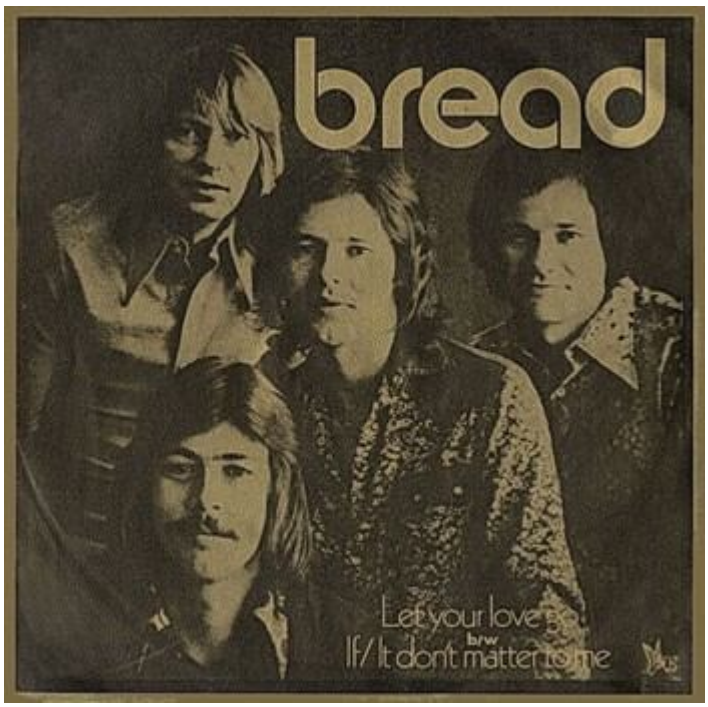
У каждого диска – запах особый!
Штатовский пахнет травой и свободой,
часто, бывает, пахнет подвалом,
где сорок лет это всё пролежало.
Пахнут японские гнилью картонной,
сыростью, влагой и клеем обойным,

плесенью пахнет французский винил –
будто бы сыр на нём кто-то хранил.
Запах немецкого – будто бы русский:
пахнет пивком и подкисшей капусткой,
Диски из Кубы – сигарой и ромом,
жаль, что артистов там мало знакомых.
Пахнет «апрелевка»[44] пылью и дачей,
пахнут тбилисские мясом и чачей,
Англия пахнет серьёзным баблом,
в частности, если «Vertigo»[45] на нём.
В запахах этих прогрокло-дубильных
новый винил отличается сильно:
химией пахнет, картоном и краской –
всё потому, что ещё не затаскан.
Годы пройдут – и ему суждено
пахнуть как старое (мгм-мгм... ну, допустим, бревно)
Так что: храните, включайте, любите,
песни прослушав, в пакет уберите:
пусть он подольше (как звук свой и вид)
свежести запах для вас сохранит!

[44] Апрелевский завод грампластинок – в советские годы (б) предприятие по производству грампластинок. Находится в городе Апрелевка Московской области – прим. муз. редактора

[45] "Vertigo Records» – лейбл звукозаписи, образованный звукозаписывающей компанией «Philips Records» осенью 1969 года.– прим. муз. редактора

После блюза хозяину квартиры захотелось чего-то светлого. Включив компьютер, он тут же начал делать одновременно четыре дела – не в пример некоему Юлию Цезарю, который делал их всего три: разбирал почту, смотрел гладиаторский бой и разговаривал с секретарём. Кулемзину приходилось гораздо труднее: он начинал очередную главу своего романа, слушал самый первый диск замечательной американской группы «Bread» с одноимённым названием и не вполне цветным конвертом:



, отбивал ногой в такт неподражаемому вокалу Дэвида Гейтса и, так как поганый китайский чай уже нашёл вечное упокоение в унитазе, прихлёбывал кофе из своей любимой литровой кружки «Martian Chronicles»[46], о которой автор уже упоминал в главе 67 ещё первого тома романа.

[46] «Марсианские хроники» – англ.

Но долго так продолжаться не могло, и вскоре одно дело стало превалировать над остальными, так как: 1. американский диск закончился; 2. нога устала; 3. кофе употребился до конца, и Кулемзину не осталось ничего другого, как продолжить утренние литературные посиделки.

Глава 20. УТРЕННИЙ СКАЗ О КУЛЕМЗИНЕ (Литературные посиделки)

Для разминки Володя решил начать сегодняшний творческий день с парочки хокку и парочки та́нка[47]. Оба хокку (под общим названием «Русские хокку») сложились очень быстро, и мой читатель сейчас имеет возможность ознакомиться с этими выдающимися произведениями мировой поэтической классики:

[47] От яп. 短歌 – короткая песня. Пятистрочная японская стихотворная форма – прим. лит. редактора

Русский хокку № 1

Строг этикет самурая:
кто ругательным словом обзывается –
тот сам называется так…

Русский хокку № 2

Потеряла лицо Таня-тян:
плачет о мяче, укатившемся в пруд.
Возьми себя в руки, дочь самурая!

А вот с парой та́нка, в которых было аж на две строчки больше, чем в хокку, пришлось повозиться подольше – секунд на 40. А если мой читатель не в силах самостоятельно представить эту картинку, то автор любезно даёт ему и эту возможность:

И вот что у Альбионыча получилось в итоге:

Русский танка № 1

Девочка и мальчик,
взявшись за руки,
вместе гуляют по саду камней.
Тили-тили, рисовая похлёбка,
будущие муж и жена…

Русский танка № 2

Поведай нам о своих
дальних странствиях,
Чижик-пыжик-сан:
видел ли дальние реки,
пил ли горячий сакэ?

И хорошо, что писатель, а в данное время поэт, как раз успел закончить свои миниатюрки, ибо сейчас же пришёл стук в дверь – частый и радостный. Володя знал, что так стучит его сосед со второго этажа – второклассник Рома. Ответственный квартиросъёмщик открыл дверь и, поздоровавшись, узнал от школьника, что на ещё одном факультативе – на этот раз по астрономии – ученикам рассказывали о планетах родной марсианину Солнечной системы, но Рома по дороге из школы домой, с удовольствием пиная свой и чужие портфели с друзьями-шалопаями, где-то потерял факультативную тетрадку и теперь не помнил, в каком порядке располагаются эти планеты вокруг нашего светила.

– Дядя Володя, а вы не помните, как? – с надеждой спросил он старшего соседа, который, как уже известно моему читателю, знал всё на свете.

– Конечно, помню, – ответил Альбионыч, пригласил школьника в зал, вытащил из принтерного лотка чистый лист бумаги и крупными буквами написал некий стишок:

Мы все знаем: мама Юли
села утром на пилюли!

, после чего дал прочесть написанное Роме. Мальчишка прочитал, страшно удивился написанному, в душе посетовал на то, что дядя Володя неожиданно сошёл с ума, но вежливо поблагодарил и собрался было отчалить, как был остановлен хозяином.

– Рома, у тебя хорошая память? – спросил он.

– Хорошая, – ответит мальчуган.

– Давай по памяти то, что я сейчас тебе написал.

И пусть я недавно ослаб головой,
о чём поутру брякнул врач,
хорошая память – основа всего,
ведь помню, с кем пил я вчера!

Школьник не напрягаясь, ибо произведение состояло всего из двух строчек, воспроизвёл странный стишок.

– А теперь запоминай хорошенько: каждая первая буква каждого сло́ва стиха – это первая буква планет, которые крутятся по своим орбитам вокруг Солнца.

– Как это? – изумился маленький сосед.

– А вот так: берём первую строчку «Мы все знаем: мама Юли» и переводим её как Марс, Венера, Земля, Меркурий, Юпитер…

– Здо́рово! – заорал гость и самостоятельно «перевёл» вторую строчку «села утром на пилюли»:

– Сатурн, Уран, Нептун, Плутон!

– Молодец, – похвалил его хозяин, после чего счастливый мальчишка побежал к одноклассникам, чтобы рассказать тайну стиха о девочке и её внезапно заболевшей маме.

Доносятся стоны протяжно –
как яйца прижало сычу:
с утра моим предкам неважно,
ведь мама и папа – пьянчу…

Глава 21. УТРЕННИЙ СКАЗ О КУЛЕМЗИНЕ (Литературные посиделки, ещё одно продолжение)

Но гости гостями, а нашему герою надо было продолжать утренние литературные посиделки, так как было совершенно неясно, сможет ли он после напряжённых битв в *русскую кочергу* и вкушания слабоалкогольных напитков заниматься такими посиделками вечером. Володя вошёл в свою любимую программу Word, в которой, собственно, и создавал свои бессмертные произведения, и ещё раз порадовался её точному названию[48].

[48] ***Слово – англ.***

Оно пришло, как чьё-то жало,
как деньги радостной вдове, –
во мне вдруг Слово прозвучало,
отдавшись эхом в голове.
Чуть вязкое, как сок банана,
и чёрное, как горный кхмер,
оно звучало очень странно,
как *мясо рыбы*, например.
А Слово вдруг казалось пресным –
как жвачка, что жуёт дебил:
его понять пытался честно,
да только ум коро́ток был.
Его вертел во рту я снова,
как речка – шуструю плотву.
А вот какое это Слово,
я вам, друзья, не назову…

Но добраться до файла с заветным названием «Русская кочерга» пока было не суждено, так как писателю помешала… его собственная внимательность. Неожиданно для себя рядом с этим файлом он нашёл ещё один с невнятным названием «ЕО анал. online». Володя изумился такому странному физиологическому названию, подумав при этом, каким же ветром занесло в его компьютер этот анал online?! Тем не менее он открыл таинственную страничку и рассмеялся, разбудив своего личного муза Васю Курочкина, до этого отдыхавшего на его левом плече.

– А? Что? Куда? – закричал Вася тонким голосом.

– Спи, спи, – добродушно пожелал Кулемзин, вспоминая, зачем он вообще открывал подобный файл.

И вспомнил: несколько лет назад ему пришла в голову глупая мысль тщательно проанализировать роман в стихах некоего Сергеича под названием «Евгений Онегин» и как бы проверить качество этого текста, так что таинственный анал. был всего лишь сокращением сло́ва анализ, а перевод сло́ва online с английского он узнал от своего друга Серёньки Афанасьича, который без всяких словарей сходу перевёл его как онли́не, причём, утверждал, что по-марсиански это означает *на линии*, и сетовал на то, что Володя не узнал родной язык. Правда, в момент этого нелёгкого филологического упражнения сторож был смертельно пьян, но Альбионыч, позже воспользовавшись каким-то современным словарём, с изумлением узнал, что Полтавцев был прав – это действительно переводилось как на линии, или *в строке*.

Я знаю (ибо не романтик):
не бел совсем и не пушист –
в литературном прейскуранте
я занесён на скорбный лист!

Наш герой, разумеется, не помнил своих редакторских измышлений и сейчас с любопытством прочёл несколько страниц. Например, на пушкинский катрен

Онегин, добрый мой приятель,
родился на брегах Невы,
где, может быть, родились вы
или блистали, мой читатель…

он выдал вот такую рекомендацию поэту – по изменению его текста: «Я бы на месте автора значительно упростил синтаксис, уменьшил вложенность смысла, а также удалил подчинённые конструкции или хотя бы разделил их на несколько предложений!», а на строфу

Какое низкое коварство –
полуживого забавлять,
ему подушки поправлять,
печально подносить лекарство,
вздыхать и думать про себя:
«Когда ж *иблис* возьмёт тебя?»

критика была ещё суровее: «Необъективная оценка происходящего. Читателю хотелось бы увидеть доказательства описанного – фактами, примерами или иллюстрациями»

А заканчивалось исследование текста Сергеича пожеланием: «Короче, ещё работать и работать автору над качеством текста!»

Прочитав свои бредовые изыскания, марсианин тут же удалил странный файл в виртуальную корзину и порадовался тому, что не показывал его никому и никогда, но потом вспомнил, что несколько месяцев назад – во время весеннего дождя, вся покерная хевра собралась в квартире серёжиной подружки Зули, так как в володиной в то время шёл ремонт, и вот именно тогда – в перерыве между партиями и под бутылочки пивка – и возник разговор на тему пушкинского романа в стихах.

– Любопытно было бы прочитать «Евгения Онегина» сейчас, – посетовал тогда знатный литературовед.

– А что тебе, ёперный Онегин, мешает? – полюбопытствовал старший прапорщик Батыршин. – Бери да читай!

– Да времени не хватает, яйчики-бабайчики, – объяснил писатель. – Или, чтобы было понятно Полтавцеву, время нетути.

Получился день халтурен,
хоть от злости удавись:
время кончилось, в натуре,
а ведь мы не напились!

– Эт’ точно, мать честна́я! – подтвердил сторож. – На пиво даже не хватает иногда!

– И почитать именно сейчас, – продолжал сетовать Кулемзин. – Ведь в школе мы воспринимали этот, с позволения сказать, роман как некий (прости, русский язык!) структуралистско-фразеологический документ эпохи, как место пересечения неких дискурсивных практик.

Серёжа, было навострившийся записать всю эту галиматью, которая могла бы изменить его жизнь навсегда, в заветный блокнотик «Для му.мы.», понял, что не прочухал ни одного слова из только что произнесённого, а переспросить, как всегда, постеснялся.

– А ведь это, – завершил литературную лекцию лектор-литератор, – жесточайшая сатира, тотальный теоретический концептуальный нигилизм! За такие, с позволения сказать, произведения при социализме авторы сразу же подвергались репрессиям в приличествующем 1937 году виде!

«Страсти-то какие, царица лесная!», подумал тогда Афанасьич. «Никогда больше не буду хотеть стать писателем!»

Ты мне, друг мой, помоги,
я тебя прошу:
про́пил я свои мозги –
книжки не пишу!

Глава 22. УТРЕННИЙ СКАЗ О КУЛЕМЗИНЕ (Литературные посиделки, почти окончание)

Писатель земли русской и саксаульской открыл ещё один файл и с тоской посмотрел на его название «Матрица прошедшей жизни». Это было предисловие ко всем семи томам его великого романа, и оно всё ещё было недописано. Ему (писателю, а не роману) хотелось разъяснить читателю глубинную суть произведения – ещё до того, как тот откроет первую часть первого тома «Русской кочерги», ибо считал эту суть слишком сложной для понимания среднего потребителя.

«Есть и ещё один грешок в «Русской кочерге»: автор частенько кормит своих читателей фастфудом готовых ответов. Но не всегда, далеко не всегда, так что здесь есть о чём подумать…», дописал он ещё он фразу и вдруг понял, что она ничего не объясняет людям, которые будут готовы отдать за каждую книгу этой серии по $ 40.

Проскользнув через створки манжет,
козырнув независимым жестом,
отзываясь условленным свистом,
по бумаге запрыгал сюжет…

Альбионыч вспомнил, как однажды год назад – случайно перепив любимого пивка «Тянь-Шань» в компании покерной хевры, он рассказал своим коллегам по *русской кочерге* о том, что скоро приступит к созданию эпического полотна о их и своей жизни, а пото́м добавил, что этот многотомный роман будет непременно сатирическим

– А почему, мать моя партия, именно сатирическим? – поинтересовался тогда Нуртай, почувствовав, что вот сейчас получит добрую порцию компромата на Володю – для своей книги жизни.

– Другому бы не сказал, яйчики-бабайчики, – выразительно глядя на него, ответил Кулемзин, – но тебе, познавшему всю горечь собственной подлости и связанного с ней разочарования, скажу…

Я вперёд не вылезаю,
но однажды поутру
расскажу всем всё, что знаю,
а не знаю, так совру!

Здесь Полтавцев, почувствовав, что сейчас услышит некое откровение, мгновенно вытащил из котомки находившуюся всегда наготове книжечку «Для му.мы.» и открыл её на чистой странице, начиная от напряжения слюнявить красный конец своего знаменитого двуцветного карандаша. И он не ошибся, потому что литератор произнёс следующее:

Моя жизнь так страшна,
что остаётся только смеяться!

Сторож, услышав такое откровение, не стал тянуть резину и тут же начертал пронзительные строки – своим медицинским почерком: «Мой друг Володя только что признался, что он очень страшный, и поэтому все над ним смеются! А на вид вроде бы ничего». Затем закрыл блокнотик, спрятал его обратно в котомку и поинтересовался:

– А ты чего это так про себя, мать честная?

– Да потому что писатель – он всегда немного проповедник, – объяснил Альбионыч. – Ведь чтобы пастве было не скучно, надо писать интересно, а что может быть интереснее саркастического смеха над другими! Так что писательское творчество – это не передача информации…

– А что, ёкарная жизнь? – неожиданно заинтересовался прапорщик Батыршин, как бы перенимая эстафету узнавания жизни от охранника.

– А *инстинкт* передачи информации! А этот инстинкт, как я недавно узнал из книги моего друга профессора Фекалина «Трансформация непонятного в понятное», не может быть разъ́яснен без преломления в призме сатиры.

– Вона как, – поражённо пробормотал Афанасьич, в волнении пачкая губы синим концом карандаша. – А я-то всегда думал, что наоборот.

– Что наоборот? – ухмыльнулся Курманбаев, который этой ухмылкой пожелал показать коллективу, какой же придурок достался ему в соседи по лестничной площадке.

– Я думал, царица лесная, что наоборот – трансплянция поняток в непонятки!

Это правда вероятно –
взяв стакан, я не грущу:
всё, что было непонятно,
разъясню – как *пропущу*!

«Единственное, что мы создали *подлинно своего*, это язык», продолжил предисловие к роману писатель. «Всё остальное – колесо, кирпич или какой-нибудь телеграф – могли, например, создать и немцы. Ведь если мы чем-то и интересны миру, то это именно своим великим и могучим…»

В прекрасном сне такое мне не снилось,
и не надуло тихим ветерком:
какая незаслуженная милость –
владеть почти что русским языком!

Глава 23. УТРЕННИЙ СКАЗ О КУЛЕМЗИНЕ (Литературные посиделки, окончание)

В волнении от собственных мыслей Кулемзин побежал на кухню, где сделал сразу два важных открытия: 1. открыл холодильник; 2. открыл извлечённую из него ледяную бутылочку любимого напитка – уже вторую за сегодняшнее утро. Прихлёбывая пивко и пялясь в окно, он напряжённо думал, своими мыслями как бы продолжая начатую писанину: «Если бы Гоголь писал свои «Мёртвые души» сегодня, то это был бы очень скучный роман с примитивным сюжетом: пройдоха Чичиков собирает паспортные данные недавно умерших людей, чтобы брать на них быстрые кредиты…»

Нам предлагают взять кредиты,
чтоб снять последние штаны!
И всё так гладко, шито-крыто,
когда смотреть со стороны.
Но тот процент, что платишь банку, –
грабеж людей средь бела дня,
а ты клюёшь, как на приманку,
свою судьбу потом кляня…

«Как же меня задолбало это предисловие», добро подумал литератор о собственном творчестве. «И когда же, наконец, исполнится моя мечта – чтобы на экран монитора села муха, а я бы открыл рисовательную программу Paint[49] и быстро-быстро нарисовал бы ей домик – вот такой…»

[49] *Живопись – англ.*

Но было ещё одно дело, без которого Альбионыч считал своё творческое утро незавершённым – нужно было непременно наваять какой-нибудь гениальный стишок. А для чего, спросит меня неравнодушный читатель. Да для того, ответит автор, что Володя таким образом выполнял давно задуманную программу по выпуску своих стихотворных сборников, ведь если писать по стишку в день, то к концу года их наберётся не меньше чем 360, а 360 страничек в книжке – это уже солидный том!

Когда-нибудь стану известным поэтом,
и лет в тридцать семь среди белого дня
на Чёрную речку приду с пистолетом,
где пидор нерусский замочит меня!

Здесь надо заметить, что именно стихи, стишки и стишата были ещё одним тактическим штрихом, придающим (признаемся честно! – Вл. Г.) несколько фантастической прозе Кулемзина беспощадную силу достоверности.

Писатель, а в данное время поэт, да к тому же составитель собственного сборника, посмотрел в план построения будущей книжки и обрадовался: на сегодня было запланировано написание стишка о неправильном употреблении простых русских слов, бездумно употребляемых людьми с оправданием тем, что их якобы и так понимают. И вот что у него (писателя, а не оправдания) получилось:

Как я милую любил,
вы едва ли сможете,
а за что её убил,
так за слово *ложите*!
Уж и доброю была,
нежной и покорною,
но себя же обрекла
тем, что *кофе чёрное*.
Вспоминаю, как в бреду,
и доселе ночи те,
но она, как на беду,
говорила *хочете*.
Слышал, как приду домой,
ихних да *евонную*,
так что был поступок мой
самообороною!
Был уверен наперёд
без зазрений совести
в том, что суд меня поймёт,
оправдает полностью
но с суровостью жреца
объявил судья мне,
что *отлаживается*
нынче заседание…

Глава 24. УТРЕННИЙ СКАЗ О КУЛЕМЗИНЕ (О чуть не проданных часах)

Наш герой коротко глянул на часы и, увидев, что сейчас только самое начало девятого, решил послушать свежие радионовости, которые начинались ровно в 8.15 утра. Дело это он посчитал важным, а все важные дела Володя всегда предпочитал делать в компании с любимым пивком, тем более что в холодильнике у него оставалась ещё одна заветная бутылочка. И только он протянул руку к своему кухóнному агрегату, размышляя, как ему сейчас будет хорошо, как её отдёрнуло словно током не меньше чем в 300 вольт, ибо невесомую паутинку приятных мыслей неожиданно прервал слишком громко прозвучавший звонок телефона.

На этот раз побеспокоить писателя решил неугомонный прапорщик Салихдзяныч, который сил выйти на улицу пока ещё не обрёл, а вот для звонка их оказалось в самый раз. Альбионыч снял трубку и услышал крайне глупый вопрос:

– Ты вообще как? И что делаешь?

Писатель немедленно превратился в поэта и ответил:

– Жив, здоров,
дою коров!

Тотчас ему поступило предложение, от которого захотелось немедленно отказаться.

– Володя, я хочу продать часы «Командирские» – выпить не на что…

– Талгат, думаю, что это будет сделать очень сложно.

– Почему, йодистый писатель?

– Да потому что такие часы сейчас носят или придурки, задержавшиеся в своём развитии в районе СССР (б), или старшие прапорщики Вооружённых сил Саксаулии.

– Что же делать? – задал Батыршин классический русский вопрос.

– Короче, нужна хорошая реклама, – ответил советчик.

– А ты мне поможешь?

– Конечно, – не стал отнекиваться Кулемзин: во-первых, он был писателем и сочинял любые рекламные тексты на раз, и, во-вторых, был другом похмельного обер-корнета, а друг, как известно из русских поговорок (далее любые цитаты из словаря Даля)…

Был в таком труде один изъян:
вроде как не сам тот Даль трудился:
слушал он внимательно крестьян,
правда, гонораром не делился!

– Давай так: я немного посочиняю, а через пять минут ты мне перезвонишь и послушаешь, что получилось.

– Давай, – обрадовался обладатель часов. – А их скоро купят?

Володя, не отвечая, отключился от линии и, напротив, включился в процесс, так что через искомую пятиминутку он уже с выражением читал военному музыканту то, что успел наваять:

Часы «Командирские»!
С зубонепрокусаемым ремешком
и смертным боем!
Часы имеют 8 стрелок: четыре из них
показывают время, остальные запасные,
чтобы сбить с толку вероятного противника!
Стрелки покрыты специальным составом,
благодаря которому они светятся в темноте
и служат для ослепления врага.
Доза излучения достаточна для радиационного
поражения в радиусе 200 метров!
Для простоты угол между часовой и минутной
стре́лками всегда равен прямому!
Все шестерёнки часов выполнены
из самых современных транзисторов и микросхем!
При изготовлении часов использованы
лучшие западные технологии:
сварка взрывом, клёпка газом, сборка трезвым!

За часы не бойтесь, сударь –
не терзайте кобуру:
если утром трезвым буду,
разберу и соберу!

Позолоченный корпус оцинкован вольфрамом!

**Часы «Командирские» заводятся с пол-оборота,
в северных районах страны к ним прилагается
специальная ручка для завода на морозе!
В случае попадания внутрь часов песка
они начинают работать, как песочные!
В боевой обстановке автоматически включается
часовой механизм замедленного действия,
и часы начинают тикать!
В критический момент командир может метнуть их
в сторону противника, – при этом встроенный динамик
пищит командирским голосом: «За мной! В атаку!»
В темноте часы говорят шёпотом: «Не бойся, я с тобой!»
Покупайте часы «Командирские»!
Это будут самые приятные часы в вашей жизни!**

Кстати, даже не впервые,
чтоб на что-то было пить,
продаю свои часы я –
надо жизнь быстрей прожить!

– Ну как? – оттарабанив текст, поинтересовался он у рекламодателя.

– Нормально, – почему-то без восторга простонал страдалец. – А нельзя как-то попроще? Скажем, «Продам часы. Недорого. Спросить Толика»

– Ну, попробуй. Только, старичок, прошу тебя об одном: пробуй вне пределов этого романа.

– К-к-какого ёкарного романа? – не понял Салихдзяныч.

– Этого, – ещё раз уточнил писатель. – Тёзки игры, которой мы занимаемся почти неделю.

«А чем же мы занимаемся?», забилась пойманной синичкой мысль трубача, после чего он стал предлагать знатному рекламщику свои варианты:

– «Трик-трак»? «Домино без пешек»? «Шахматы на раздевание?» «Городки с деревеньками»?

«Однако!», подумал в ответ литератор и молниеносно разместил только что придуманный текст на местном сайте musor.saks, однако его тут же застиг ещё один практичный вопрос:

– А у тебя есть что-нибудь выпить?

– Конечно, – не стал отнекиваться писатель, помня, что в холодильнике осталась всего одна бутылочка «Тянь-Шаня». – Например, вода.

– А покрепче?

– Покрепче? – задумался Володя. – А, вспомнил: тоже есть – это лёд!

Здоровье мне всего дороже,
но в горле словно клейкий скотч:
коль пива нет, то лёд поможет
сухую глотку превозмочь!

На этот раз диалога не получилось, так как в трубке раздались короткие гудки, означающие, что звонивший ему абонент перестал быть абонентом.

Правда, за прерванным звонком тут же поступил следующий – такой же глупый. На этот раз вместо глухого похмельного голоса шнапс-капитана в трубке радостно зазвенел юный девичий голосок:

– Я хочу рассказать вам о преимуществах нашего нового тарифного плана!

– А давайте, яйчики-бабайчики, – также радостно ответил марсианин, – поговорим лучше о том, что на вас сейчас из одежды!

После чего с удивлением услышал в трубке очередные короткие гудки, – такие знакомые ещё со времён СССР (б)…

Звук идёт из глубины –
в трубке лишь гудки слышны!

Глава 25. УТРЕННИЙ СКАЗ О КУЛЕМЗИНЕ (О телепосиделках)

После настолько утомительного для психики звонка старшего трубача Альбионычу захотелось немного расслабиться, и он наивно решил, что это можно сделать, если немного посмотреть телевизор, словно бы забыл, что именно он является автором следующей мысли:

Телевидение делает нас образованнее.
Поэтому при виде включённого телевизора
я ухожу в соседнюю комнату и принимаюсь за чтение!

Как уже знает мой внимательный читатель, внутри телеящика Володи в тесноте располагались сразу 40 разных каналов, которые, тем не менее, отражали всю богатую палитру современного мира. Четыре года назад, попав в дом № 17, куда занесла его Сука-судьба, писатель первым озаботился тем, что подключил свой телевизор к кабельному телевидению, и вторым делом вызвал специального человека, который по его желанию упорядочил хаотично разбросанные каналы: вначале шли новостные каналы (российские, а за ними и саксаульские), затем фильмовые, потом спортивные и, наконец, музыкальные, так что теперь не было нужды трижды иблиснуться, чтобы вспомнить, где какой канал расположен.

Как же радости нам мало –
психиатр мой, подтверди:
марсианские каналы
интересней, чем TV![50]

[50] *Телевидение – англ. Читается как Ти-Ви*

Поэтому сегодня утром наш герой решительно нажал на первую же кнопку, чтобы послушать новости со всего мира. И первым, что он увидел, была молоденькая диктор-ша, которая, не обращая внимания на синюю единицу, висящую над ней вверху справа, с мрачным лицом зачитывала сводки с полей сражений мирной жизни России. Правда, видеорядом к первому же сообщению был почему-то российский президент Путин – в военной фуражке с обиженными птичьими головами на кокарде, отвернувшимися друг от друга, а также во френче с нашитым на рукаве шевроном – российском флаге в стиле зубной пасты «Аквафреш», тройной защиты для всей семьи.

Защищу я всю страну!
(Если раньше не нагну…)

Затем на экране возникли двое мужчин – судя по видимой телезрителям одежде, то есть пиджаку и галстуку, ведущий какой-то аналитическо-политической программы и некий чиновник.

– Вот я Японии, – рассказывал гость в студии, – стариков относили на гору и оставляли там умирать…

– Господин министр, – перебил его ведущий, – а другие предложения по Пенсиионному фонду у вас есть?

Слыша подобные бредни, литератор вспомнил, как однажды смотрел похожую программу со своим другом Валерой Муравлёвым и признался тому:

– Политическая кухня, яйчики-бабайчики, мне чем-то напоминает итальянскую.

– Что, святой Малевич, такая же острая? – поинтересовался тогда Николаич.

– Нет, – честно ответил Володя. – Они втюхивают всё время одни и те же макароны, вот только поливают немного разным соусом!

Макароны – знаем точно –
нужно правильно сварить,
сыром сверху всё посыпать,
красным кетчупом полить.
И теперь, когда в квартире
не окажется котлет,
мы сумеем приготовить
макароны на обед!

На второй кнопке, которую издавна оккупировал канал ОРТ, на экране вовсю суетились депутаты российской Госдумы, которые уже несколько лет подряд предлагали одно и то же, то есть очередную инфляционную инъекцию в экономику печальной от их вранья страны, которая (инъекция, а не страна) на поверку через какое-то время оказывалась всё той же клизмой. Было видно, что радея за благополучие народа и живописуя лучезарные перспективы России, *власти предержащие* обогатили русский язык ещё одной глагольной формой – *вечно будущим* временем.

Не отличались новизной и местные каналы, которые в этот ранний час все как один передавали последние известия. Ничего интересного в них, как и в российских, видимо, не было, поэтому весь экран занимал диктор, который что-то бубнил, как тетерев.

Таким же привычным был и самый конец программы, предлагающий саксаульскому народу, нацеленному на активное строительство капитализма, криминальные вести: кого-то опять *замочили*, кому-то подложили бомбу, а кому-то просто повезло – его всего лишь обворовали до последней нитки. В общем, люди в стране продолжали заниматься своим любимым делом – разбирать друг друга на запчасти!

Неужто каждый в доме гнусен,
день ото дня скверней, страшней?
К соседу также отношусь я,
как он относится ко мне!

Игра с пультом настолько раздражила Володю, что он стал фантазировать про себя: кого из появившихся на экране он лично бы пустил *в расход*. Получалось, что абсолютно всех, включая дикторов!

На ещё одном местном канале в то время показывали радостный сюжет: начало строительства нового детского дома, и на экране как раз выступал спонсор этого мероприя-

тия – справный *битюк* в малиновом пиджаке, словно застрявший в дне нынешнем из лихих 90-х годов:

– Наши дети – это завтрашний день страны, в натуре! Каким он будет, зависит от нас, ибо мы, блин, должны типа заложить в подрастающее поколение зёрна добра, света и созидания. К сожалению, многие конкретно забывают об этом! Да, блин, мы живём в реально нестабильное время, когда мерилом ценности являются башли, когда человеческие отношения попираются типа торгашескими. Но чё бы там, в натуре, нам не втирали, есть среди нас кенты, которым будущее страны не по барабану. От лица нашего фонда я хочу реально поздравить братишек из «Саксаулстроя» с закладкой первого, в натуре, кирпича в основание детского дома! Конкретно за вас!

У нас лишь объяви аврал,
всё вынесет народ,
и если скажет, что не брал,
то, значит, хрен вернёт!

Нечаянно надавив не на ту кнопку, Альбионыч неожиданно вернулся к утреннему, а также вчерашнему (а также позавчерашнему, а также etc[51]) бразильскому сериалу[52]. Неугомонный Педро всё ещё никак не мог решить Суку-судьбу жены-изменщицы, поэтому уже четвёртую серию подряд советовался по этому поводу с многочисленными бразильскими родственниками. Кулемзину даже стало казаться, что за прошедший день его знание бразильского… тьфу, португальского языка увеличилось ещё на 22,4 процента.

[51] И так далее – лат.
[52] А начал наш герой смотреть его в позапрошлом четвёртом томе, в главе 17 – прим. гл. редактора

Глава 26. УТРЕННИЙ СКАЗ О КУЛЕМЗИНЕ (О телепосиделках, продолжение)

На следующем фильмовом канале Кулемзин с тоской увидел сцену, тиражируемую уже много лет голливудскими киностудиями, – с незначительными отклонениями: побитый жизнью мужественный персонаж, видимо, главный герой, лежал на спине, а его полуобнажённая подруга, с которой он только сегодня вечером встретился в баре «Добрый койот», длинными тонкими пальцами нежно водила по его умеренно волосатой груди и задавала при этом глупые вопросы:

– Откуда у тебя этот шрам?

– Пуля. Перестрелка в мексиканских трущобах, – задумчивым голосом с обязательной хрипотцой отвечал ей главный герой.

– А это?

– Нож сербского головореза.

– О *дедушка*!

– Ничего страшного, – пожал плечами персонаж. – Я откусил ему голову и забил ею пятерых его друзей. Всё нормально.

– А вот это?

– А это я горел в танке на вьетнамской войне.

(«Какие же на вьетнамской войне танки?!», удивился телезритель из числа саксаульских литераторов, который когда-то сам участвовал в битве маленьких азиатов против, как они говорили, американских собак)

– Как же сурова к тебе Сука-судьба!

– Чепуха! Давай лучше ещё раз займёмся любовью…

Война, пампасы и сортиры –
такой сюжет нам всем знаком:
судьбу суровую он выбрал –
сниматься в фильмах с дерьмецом!

Даже в текущем 2003 году писателю было очевидно, что подобная сцена страшно устарела. Он сразу же представил, как это должно было выглядеть сейчас: Он и Она сидят в смузи[53]-баре напротив друг друга. Он коуч[54], Она – психотерапевт, нежно касается его бороды и спрашивает:

– А откуда у тебя эта душевная травма?

[53] От англ. smooth – однородный, мягкий. Густой напиток в виде смешанных в миксере ягод, фруктов или овощей с добавлением молока, сока, льда, мороженого и т.п. – прим. кулинар. редактора
[54] Тренер – англ.

– Мама в детстве запирала меня в шкаф.
– Ужас! А вот этот *транс* из-за чего?
– В школе я признался в любви девочке, и она меня высмеяла.
– Кошмар! А почему ты плачешь, когда идёт дождь?
– Мне вспоминается мой хомяк, который утонул на нашем ранчо во время дождя. Мне тогда было пять лет.
– *Дедушка*! Как сурова твоя жизнь!

Не раны, не шрамы
от крепких ракет –
душевные травмы
видны на башке!

И только один недавно появившийся канал с непонятным названием «Chokku» порадовал писателя трансляцией какого-то соревнования, где люди в испачканных одеждах, по виду безумные художники типа Валеры Муравлёва, расписывали совершенно голых девиц красками, делая из них диковинные картинки:

Литератор знал, что такое новое искусство называется боди-арт[55] и даже однажды сочинил по этому поводу вот такой стишок:

[55] *От англ. искусство тела – прим. переводчика*

Не вмещается в стандарты,
как на съезде – пряный джаз,
птица Феникс боди-арта
для услады наших глаз.
У художника – работа,
в мире нет её вкусней:
я завидую, что кто-то
прикасался кистью к ней.
Мне ночами будет сниться
эта красота без лжи –
обнажённая как птица,
обнажённая как жизнь…

Налюбовавшись на испачканных красками *голяшек*, марсианин по очереди побывал на нескольких спортивных каналах, которых в последнее время тоже развелось немало, причём, например, футболу, видимо, как одному из основных видов спорта, был отдан целый канал со смешным названием «Футбол ТВ». Из всех присутствующих на страницах «Русской кочерги» персонажей эту утеху плебса, как называл футбол Кулемзин, любил только Серёнька Афанасьич, и писатель, глядя на него в моменты *болени*я, даже придумал для этого новый медицинский диагноз: футболизм головного мозга.

Вот и сейчас, посмотрев ровно одну минуту какой-то матч, где кто-то играл с кем-то, Володя вспомнил, как первый раз увидел футбол на экране своего советского чёрно-белого телевизора «Енисей-2», и понял, что современным детям никогда не понять, например, такого феномена: когда играли, скажем, Англия и Нигерия, если ты прибавлял яркость, то пропадала сборная Англии, а если яркость была уменьшена, то пропадала сборная Нигерии!

Где же вы, раскрасчики,
где же, вашу мать?
В чёрно-белом ящике
негров не видать!

Переключая каналы дальше, Альбионыч с удивлением понял, что ему сейчас пришлось вспомнить высказывания Полтавцева ещё дважды. Так, разглядывая садистские броски бойцов айкидо, он вспомнил вот такой комментарий сторожа, который тот сделал, прихлёбывая своё неизменное «Жигулёвское»:

– Да смотрел я как-то это айкидо.

– И что?

– Не понравилось! Реальное кидалово!

А переключившись на просмотр регби, Володя вспомнил ещё одно высказывание бывшего текстильщика по поводу уже этого вида спорта:

– Я раньше вообще это ваше регби никогда не видел – ну, разве что только в фильмах.

– А правила знаешь? – спросил его тогда литератор.

– А правила знаю! – обрадовался футбольный знаток. – Они же такие простые: взял дыню и вперёд по бахче, отбиваясь от сторожей!

Дыней в регби я играю,
мозгом малым выгорая!
Попадает дыня в мозг –
это вам не пара доз!

И, наконец, попав на канал «Евроспорт», где повторяли один из финальных матчей снукерного турнира, Альбионыч с удовольствием полюбовался на снукерную красотку Микаэлу Джимовну Табб[54], которая в этот момент была занята установкой пирамиды из 15 шаров красного цвета – для очередного фрейма[55].

[54] Шотландский профессиональный рефери по снукеру, ставшая первой женщиной-рефери, обслуживавшей финал рейтингового турнира Гран-при-2003 в английском Престоне, где встречались выигравший турнир Марк Уильямс и Джон Хиггинс – прим. спорт. редактора
[55] От англ. frame – кадр. Один из этапов снукерного матча – прим. спорт. редактора

Глава 27. УТРЕННИЙ СКАЗ О КУЛЕМЗИНЕ (О телепосиделках, окончание)

Непомерно много, видимо, для того, чтобы народ почувствовал новый дух времени, на телевидении было юмора, который из просто смешного раньше сегодня превратился в ржачку над чем угодно. Так, на одном из каналов демонстрировалось геронтологически-юмористическое представление, которое пересмешник Кулемзин называл фабрикой региновых[56] изделий: Владимир Винокур, Клара Новикова, Ефим Шифрин и другие выходящие в тираж советские (б) юмористы, на другом изо всех сил пытались делать *русскую* народную передачу «Городок» еврей Олейников[57] и болгарин Стоянов, под песню, написанную ещё двумя евреями – Юрием Варумом и Кириллом Крастошевским.

Травят нас уже лет 20 –
зритель здесь на поводке:
как же хочется взорваться
нам всем в этом «Городке»!

На канале с выразительным названием «Fashion»[58] Альбионыч с трудом заметил так называемых *моделей* – истощённых буржуазными диетами девушек, которые болтались по экрану каллиграфической походкой. Посмотрев на их передвижения и особенно на остатки одежды, Володя подумал о том, что перед любым известным модельером время от времени встаёт только один вопрос: а что же ещё можно заправить в трусы?

[56] Регина Дубовицкая – советская и российская телеведущая, ведущая программы «Аншлаг» с 1987 года – прим. телередактора
[57] Настоящая фамилия артиста – Клявер Илья Лейбович – прим. телередактора
[58] «Мода» – англ.

– Потому что на 10 девчонок
по статистике 200 ногтей! –

пробормотал Володя, посмотрев это капиталистическое безобразие.

Затем на его телевизоре были косяком настроены музыкальные каналы, которых было не меньше, чем спортивных или фильмовых. На первом же из них он с отвращени-

ем увидел парочку, которая если не появлялась на экранах хотя бы один день, сразу же компенсировала этот пробел журнальными статьями о себе, любимых. А моему читателю, чтобы догадаться, о ком именно идёт речь, достаточно подслушать мысли писателя. «В российском шоу-бизнесе», в это время думал он, «всего две беды. К тому же они муж и жена…»

Мне экран совсем не дорог:
здесь лет 200 будут петь
Пугачёва и Киркоров –
больше нечего смотреть!

На канале «MuzZone» вовсю развлекалась какая-то западная шпана, и литератор подумал о том, что до появления рэпа людям, лишённым голоса, вкуса и таланта, почти не было возможности как-то проявить себя. Впрочем, в программе утреннего показа неожиданно проклюнулись вполне таки русские голоса, издаваемые странной группой под названием «Доктор Ватсон», члены которой никогда не сочиняли своих песен, а из года в год благополучно перепевали старые советские шлягеры. Правда, когда группа из десятка мужчин возраста 50+, пританцовывая на сцене, исполняла хором песню:

Мы вам честно сказать хотим –
на девчонок мы больше не глядим!

, зал просто валялся от смеха.

И, разумеется, на всех каналах без исключения посмотреть что-то более нескольких минут без перерыва было просто невозможно – из-за обилия навязчивой рекламы. Вот только несколько образчиков того, что за короткое время успел услышать и увидеть писатель.

«– А чем питается ваша собака?

– Да вчера укусила за коленку вон того мужика!

– И совершенно напрасно! Ведь теперь мы можем предложить вам новый «Чаппи» со вкусом коленки вон того мужика!»

Далее нашего героя поразил какой-то гигантский рот, куда чья-то не менее огромная рука пыталась запихнуть зубную щётку, а голос не до конца видимого человека утверждал, что эту зубную пасту рекомендуют девять из десяти стоматологов! Кулемзин, слыша эту лабуду не первый год, всегда недоумевал, а кто же этот десятый, которому постоянно всё не нравится? Он (Кулемзин, а не десятый) вспомнил, как однажды смотрел телевизор вместе с Серёнькой Афанасьичем, и тот признался ему, что самое страшное, что он узнал из телерекламы, это то, что бактерии, царица лесная, живут под ободком унитаза, зато размножаются исключительно в полости рта!

«Шампунь от перхоти «Nihrená» – два в одном! Мои волосы после «Nihrená» стали объёмными, а перхоть – ещё пышней!»

«Мой муж – маньяк и убийца. Вчера вечером он опять пришёл весь в крови! Я была просто в ужасе, и не знала, что делать. Но теперь на моё счастье появился новый «Ариэль» с голубыми зёрнышками…»

«На одну ногу я нанесла депиляционный крем, а другую побрила обычным лезвием «Нева». Через неделю я провела тест – беременна!»

Сегодня так или иначе
все, посмотрев рекламу, знают,
что лишь прокладки от Версаче

любую даму окрыляют!

На другом канале некое бесполое существо вразумляло красоток, как им ещё лучше украсить рожу – например, тенями от «Макс Фактор», а потом ещё и заняться ногтями, отдав за эту процедуру столько, сколько можно было отдать на базаре за пару килограммов мяса – для супчика детям и жаркóго для мужа.

«Я работаю врачом-психиатром уже 15 лет», возник на телеэкране толстый человек в белом халате. «И мне достаточно одного взгляда, чтобы определить среди моих пациентов потенциальных самоубийц. Так вот, всем им я советую пользоваться мылом «Сортир-Фрут» – оно прекрасно мылит верёвку и идеально подходит для задуманного мероприятия. Мыло, создающее настроение! Красивый исход без особых хлопот!»

«Раньше после умывания я чувствовала сухость кожи... Но потом наконец-то нам дали воду!»

«Не стóит пытаться самостоятельно менять пол на кухне, в ванной, прихожей и других помещениях. Сделайте это в нашей специализированной клинике «Трансгендерные услуги»!»

Посмотрев очередной ролик для кота Феликса, который, урча, пожирал какую-то гадость из своей миски, покерный гуру подумал о том, что ему всегда было интересно, кто же эти люди, которые определяли, что «кошачий корм стал ещё вкуснее». Вслед за кошачьей темой показали что-то вообще страшное – магазин похоронных принадлежностей с оригинальным названием «Shop[59] ты сдох!»

[59] Магазин – англ.

Телевизор надоел, едрёна мать,
лишь одна реклама мне мила:
там девчонка, чтобы «Óрбит» пожевать,
раздевается вначале догола!

И здесь Альбионыч невольно вздрогнул, ведь на экране показался эсэсовец в полной форме, но вооружённый почему-то советским (б) автоматом ППШ, который улыбнулся в объектив телекамеры и задушевным голосом произнёс:

– Наша компания предлагает новую стиральную машину «Bosch» с ручной центрифугой, но автоматическим отжимом. Тем, кто приобретёт это чудо современной техники до 1 сентября, немецкое командование гарантирует жизнь!

Затем одна за одной взору Кулемзина была предложена реклама сразу двух конфетных изделий. Так, на одном из местных каналов разворачивался настоящий рекламный триллер – жёлтый и красный колобки «M&M», объясняющие аборигенам их преимущества перед другими липкими конфетками, но на саксаульском языке.

На другом канале широко улыбающаяся ведущая убедительно вещала о необходимости покупать своим детям исключительно новые «Чупа-чупсы» – с ещё бóльшим количеством заключённого в них дерьма, после чего марсианин подумал о том, что телевидение, по-видимому, изобретательно и не за просто так участвует во всемирном заговоре с целью испортить вкус и желудки миллионов детей. При дальнейшем размышлении он пришёл к окончательному выводу, что во главе телевидения стоят мизантропы.

Мир мой ужасом пронизан,
жизнь мерзка, жутка, тяжка:
понял я, что телевизор –
развратитель мозжечка!

На остальных каналах или продолжался бесконечный психоделический снегопад, или здесь крутили либо всё ту же истерическую рекламу, либо тошнотворные сериалы, либо извивающуюся в падучей попсу, ведущую себя на сцене, как на гинекологическом обследовании.

«По-моему, яйчики-бабайчики», подумал владелец телевизора, «надо снять сериал по фильму «Сказка о потерянном времени» и сделать 10 сезонов по 150 серий!», после чего придумал очередной афоризм на взволновавшую его тему, и мой читатель всегда легко освежит его в памяти, если откроет эту страницу 72:

А я, оказывается, очень даже ничего! –
сказала жизнь, посмотрев телевизор.

Глава 28. УТРЕННИЙ СКАЗ О КУЛЕМЗИНЕ (О внеплановых пришельцах)

Взглянув на часы, ответственный квартиросъёмщик вверенного ему жилья решил, что пора, наконец, выходить на волю, после чего выглянул в окно и увидел в ранней утренней дымке три колышащиеся тени, которые явно ожидали его появления. «Кстати, а кто же тогда опаздывает?», подумал Кулемзин, но различить неизвестного опоздальца так и не смог, потому что все тени были похожи друг на друга, как (прости, русский язык!) монозиготные близнецы.

Оставалось только сделать последние приготовления: во-первых, наш герой надел на сегодняшнюю битву свежую рубашку цвéта венецианского заката, во-вторых, приготовил для транспортировки карты, *раскладку* и авторучку, но заметив, что некоторые карты в результате вчерашних ожесточённых сражений немного растрепались по краям, взял с пóлки новую колоду, вскрыв её с треском, словно банку с импортной ветчиной на заре перестройки.

И в столицах, и в глубинке
жили вряд ли господа:
буржуазную ветчинку
мы не ели никогда!

В-третьих, как хороший хозяин, Володя проверил отключение всех электроприборов, кроме холодильника, после чего положил в карман рубашки немалую пачечку саксаульских купюр. Затем хлопнул себя по лбу, как делал всегда, когда вспоминал что-то важное, вытащил из-за книжного шкафа давно заготовленный лозунг для сегодняшней игры в *русскую кочергу* и развернул ватман – с целью последней проверки лозунга на возможные ошибки. Ошибок не было, а на ватмане во всей красе сияли буквы, складывающиеся в мудрые слова:

Всё, что нужно в жизни, – это саммасати[60]!
Сиддхаттха Шуддходанович Гаутама

[60] Просто вспомнить себя – хинди

После этого он (Володя, а не Гаутама) надел дежурную обувь и только было притронулся к ручке двери, как с изумлением услышал стук с её другой стороны. Писатель знал, что заглядывать в глазóк на предмет определения пришельцев было бесполезно – по причине абсолютной мутности подъéздного пространства, и поэтому строго поинтересовался старым русским трюизмом:

– Кто там?

Знать, друзья, всегда уместно,
кто же ходит по домам?
Это очень интересно:
кто ж приходит в гости к нам?

В ответ раздалось невнятное бормотание, и Альбионычу, крайне заинтригованному утренним визитом, пришлось открыть дверь. На пороге стояли люди в длинных белых одеждах – числом три, и ещё один в таких же одеждах, но со значком на хламиде и стопкой книжек в руках, и хозяин Личного Место-Имения понял, что это был старший пришелец – явно из разряда каких-то сектантов. Так оно и оказалось, свидетельством чему стал состоявшийся диалог.

– Доброе утро, незнакомцы. Что вы хотели?

– Здравствуйте! Мы свидетели Иеговы, и пришли сообщить вам, что именно нас сегодня *дедушка* послал к вам с благой вестью.

– Да, я знаю, знаю, – неожиданно перебил сектанта стоявший в дверном проёме толстяк. – С утра вас жду.

– К-к-как? – неожиданно заболел заиканием старший свидетель.

– А *дедушка* мне SMSку с утра прислал. Написал: придут, мол, к тебе свидетели Иеговы, скажут, что от меня. Так ты скажи им, что это была проверка связи, пусть назад возвращаются!

Уговаривать пришельцев оказалось не надо: со словами: «Чу́хаем, пацаны, кажется, на психа нарвались!» они ринулись на улицу, наступая друг другу на хламиды и падая по очереди.

Есть у нас одна константа,
и она для нас верна:
изгоняем мы сектантов,
ведь не верим ни хрена́!

И только литератор вновь запер дверь, чтобы ещё раз проверить всё перед выходом, как в неё раздался второй стук, на этот раз глухой и осторожный. «Кто бы это?», удивлённо подумал хозяин, так как был уверен, что свидетели *дедушкины* не могут вернуться ещё раз. Ему не оставалось ничего другого, как повторить недавнюю мантру:

– Кто там?

– Насчёт поприветствовать пришёл, – раздался из-за двери знакомый голос.

Кулемзин тут же узнал пропитый муравлёвский баритон и понял, почему на этот раз стук в дверь был глухим, ибо в неё явно стучались не рукой, а тыквой, после чего улыбнулся и произнёс:

– А, может, насчёт похмелиться?

Стоявший за дверью персонаж тут же густо покраснел. «Откуда он узнал?», мушкой забилась в уже упомянутой тыкве простенькая мысль. Альбионыч распахнул дверь пошире и встретил пришельца песней, которую до него когда-то пел покойный американец Фрэнк Мартинович Синатра:

– Some enchanted evening
you may see a stranger,
across the crowded room[61]…

Николаич, который намеревался проникнуть в квартиру, тут же отшатнулся назад – ему было просто невдомёк, что марсианин часто встречал гостей именно этой песенкой под названием «Some Enchanted Evening»[62].

[61] В один прекрасный вечер
вы можете встретить незнакомца
в битком набитой комнате… – англ.
[62] «В один прекрасный вечер» – англ.

– Заходи, заходи, не бойся, – пригласил его Володя и, после того, как пришелец наконец-то проник в жильё, предложил:

– Чай или кофе?

– Кофе, святой Малевич, – слабым голосом ответил живописец, хотя в голове его сейчас сидело совсем другое слово.

– Слабый или крепкий?

– Слабый, – признался как на духу́ Валера, после чего уточнил:

– Но с крепким коньяком.

– А, может, яйчики-бабайчики, – улыбнулся хозяин, – лучше крепкий коньяк – без слабого кофе?

– Ага! – обрадовался пришелец словом из лексикона сторожа Полтавцева.

– Тогда кофе кончился. Пей чай, – окончательно решил Кулемзин, который, как видно, совсем недавно получил диплом учебного заведения под названием УКСУС:

Ускоренные
Курсы
Садизма,
Утроенного
Страстью

Наскоро угостив пришельца, кривящегося, как ему показалось, от страшно невкусного кофе, хозяин наконец-то сообразил, кого именно он не досчитался в своих разглядываниях территории Бермудского Учпучмака, после чего предложил гостю примкнуть к давно ожидавшему их покерному коллективу. Друзья вышли в сумрачный провал подъезда, но перед тем, как выйти из него, Альбионыч, вздохнув, сделал ещё оно дело. И знаешь ли ты, мой любопытный читатель, как можно было его описать? А вот как: «Кулемзин единолично немного поуправлял обновлением и развёртыванием новой системы освещения окружающей среды с нулевым перерасходом средств и нулевым числом инцидентов в области безопасности». Догадался, мой верный друг, изучающий аж шестую книжку романа «Русская кочерга»? Нет? Ну, тогда скажу проще: Володя просто заменил перегоревшую лампочку в подъезде.

Выйдя на улицу, он по привычке обернулся, чтобы прочесть свежие объявления на рекламной фанерке, которая была прикреплена прямо к стенке возле входной/выходной двери. И тут же увидел вот какую новую бумагу, для надёжности запечатанную в канцелярский *файл*:

Как тяжелы судьбы наезды,
как в жизни всё извращено:
однажды вышел из подъезда,
а мне вдруг встретилось Оно!
Я наступил – такое дело,
глядь, мокасинка нечиста!
Оно лежало и смердело –
там, где соседский пёс та-та!

И, как уже не раз бывало в нашем искромётном повествовании, одно слово, всего лишь одно слово, и даже не существительное, а несчастное местоимение вдруг обрело какую-то надёжную плоть и всё-таки превратилось в существительное, которое, однако, в приличном обществе называть не принято, поэтому именно это слово мой читатель прочтёт только в конце следующей главы, по воле Случая превращённой в очередной Хронотоп.

Глава 29. ОБ ИМПОРТЕ ДЕРЬМА (Хронотоп № 39)

Эта реальная история приключилась с советским учёным Сергеем Лопатниковым, когда он был аспирантом и подрабатывал в солидном журнале «Наука и жизнь»: завотделом физики и математики летом уходил в отпуск, и тогда Лопатников его замещал.

И вот однажды заместитель главного редактора Рада Аджубей (кстати, дочь персека[63] Хрущёва), вызвала и.о. завотделом физики (то есть на тот момент Лопатникова) и велела ему подготовить материал о великих успехах социалистической экономики и науки – небольшую подборку, демонстрирующую экономические связи СССР с развитыми странами Запада. Приближался очередной международный саммит, и Союзу кровь из носа нужно было продемонстрировать хоть какие-то успехи!

[63] *Первый секретарь – прим. автора*

Не смотря на все запреты,
держим мы приоритет,
ведь успешней всей планеты
платим взносы в партбилет!

И тогда Сергей, воодушевлённый ответственным заданием начальства, направился за материалом в Комитет по науке и технике при Совмине. Его принял академик Владимир Кириллин, внимательно выслушал и распорядился выдать всю необходимую информацию. Ввиду важности задания, парню даже выделили отдельный кабинет, после чего он погрузился в чтение бумажных кип – отчётов, договоров, переписки.

И уже довольно скоро Лопатников почувствовал, что задание оказалось не таким лёгким, как ему показалось вначале: он легко находил всё, что закупал СССР – зерно, одежду, оборудование, но никак не мог найти хоть что-нибудь, что поставлялось *красной империей* развитому миру. Кроме нефти, разумеется, но не напишешь же про одну только нефть – позор получится!

В нашем маленьком гешефте[64]
нам всё время нелегко:
продаём мы много нефти,
чтоб хватало на пивко!

[64] От нем. Geschäft – бизнес. Коммерческое дело, основанное на спекуляции или обмане – прим. эконом. редактора

Наконец через несколько дней работы старательному парню удалось найти нечто несырьевое, что СССР поставил в Европу: коммунисты передали во Францию огромный пресс весом в 22 тысячи тонн, а также несколько станков в Великобританию. Сергей вздохнул с облегчением – две позиции были найдены!

И в этот момент ему бросился в глаза некий документ, из которого следовало, что Союз закупает за границей не только станки для своих заводов и еду для своих людей, но и навоз. Оказалось, что капиталистическая Голландия поставляла в СССР ежегодно 100 тысяч тонн этого удобрения! А что такое 100 тысяч тонн? Это, как прикинул Сергей, четыре или пять больших грузовых кораблей, которые вполне было можно использовать более продуктивно!

И вот эта апокалиптическая картина сухогрузов, доверху гружёных навозом, так подействовала на нашего аспиранта, что в обеденный перерыв он улучил момент, подошёл к высокому чиновнику Госкомнауки и спросил у него, зачем СССР покупает в Европе навоз: своего дерьма, что ли, мало?! В ответ на это чиновник, успевший слегка подружиться с парнем, спокойно глянул на него и дал ответ, который запомнился Сергею на всю жизнь:

– Понимаете, Сергей Леонидович, в нашей стране даже навоз – говно…

Запомни, друг, не всё так гладко –
у нас как в зеркале кривом:
навоз чужой как мармеладка,
а свой навоз – говно говном!

Глава 30. МЕСТО СТРЕ́ЛКИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

А что же остальные герои нашего повествования? А они, минут за 15 до выхода из володиной квартиры Кулемзина и Муравлёва, всё ещё пребывали в неизвестности – обломится ли сегодня то, что так удачно обламывалось всю неделю? А ещё чуть раньше, этой неизвестностью гонимые, все они также вышли за пороги своих квартир, даже не зная, что делают сейчас самый главный или, как говорил один мудаческий генсек, *судьбоносный* шаг к новой жизни, после чего их кратковременные су́дьбы – на текущий день – наконец-то переплелись.

– Здравствуйте, группа товарищей, мать моя партия! – поприветствовал бермудских пришельцев Нуртай, вслед за чем случилось то, что и должнó было случиться этим утром – первое извержение вчерашних харчей в исстрадавшиеся учпучмакские кусты. А уж кто это сделал, мой памятливый читатель догадается сам, а если не догадается, пусть перечитает пять томов «Русской кочерги», изданных несколько ранее.

Правда, к тому времени, как стóпы писателя и живописца достигли пространства покерного столика, остальные вновь были в полном комплекте: в одну шеренгу, куда их кое как поставил военный человек Талгат, стояли сам старший прапорщик Батыршин, а также педагог Курманбаев и сторож-охранник Полтавцев. Покачиваясь, словно ивы на ветру, они дождались, когда к ним подойдут Альбионыч и Николаич, внутренне удивились тому, что старые приятели на этот раз явились вместе, но прокомментировать такое *значительное* событие ни у кого не нашлось сил.

Володя выглядел солидным, как епископ, но, как никогда, казался простым и близким, правда, величия духа от этого не терял.

Величие духа должно быть всегда!
И даже когда вместо водки – вода!

– Привет, яйчики-бабайчики, участникам Всесаксаульских сатурналий! – поздоровался он с коллективом, предварительно поставив приведённого к присяге живописца в общую шеренгу, затем выслушал нестройный хор ответных приветствий и, поглядев на чистое небо с весёлым солнышком, решил дать *общую вводную* на сегодняшний день:

– Знаете ли вы, други мои, что в такую погоду абсолютно не хочется работать? Впрочем, моё желание не работать вообще никогда не зависело от погодных условий!

После этого он стал молча рассматривать покачивающуюся от утреннего ветерка шеренгу персонажей, отметив, что в целом это была очень заманчивая натура для съёмок мрачного триллера «Восставшие из ада». Литератор смотрел на этих странных людей, ощущая себя среди них единственным реальным существом, представляющим единственный реальный мир его второй родной планеты. Он внимательно оглядел собравшихся на игру и другие мероприятия, отметил на их мордах заметные признаки душевного разложения, и подумал мыслями некоего опытного продюсера: «Похоже, всех этих людей пригласили сюда для участия в стрáстном шоу «Еле живые люди в Учпучмаке»

На людей природа смотрит
и не сдерживает слёз:
миллиарды лет работы
эволюции под хвост!

Такое пристальное изучение этой не сáмой красивой стороны жизни землян, как всегда, привело к неким философским извивам. Навязчивое ощущение одноразовости жизни напомнило марсианину армейский снаряд: жизнь вроде была и красивой, и блестящей по сути, и сложной по внутренней начинке, но как бы постоянно висела на волоске и зачастую зависела от чужой воли – от некоего бойка, разбивающего капсюль. Удар – и всё! Снаряд опять разлетелся на свои три составляющие: сначала сгорит пороховой заряд, обратившись в дым, потом, пройдя по крутым нарезам, вылетит начинённая взрывчатым веществом его голова, и наконец отлетит тело – пустая стреляная гильза…

Затем его могучую тыкву демиурга посетило воспоминание, что он не только знатный саксаульский писатель двух веков, но также поэт, филолог и *неологизатор*, то есть придумыватель новых слов, а объединение таких родственных понятий всегда давало не-

кий плод в виде стихотворения, стиха или хотя бы небольшого стишка-катренчика, который тут же не замедлил случиться:

Судьба посмотрит с укоризной,
кто, как и в чём в ней отражён:
любой из нас патрон по жизни,
но *пустогильз* – по смерти он!

«Какое приятное мясное ассорти», подумал Володя, оглядев будущих сегодняшних соперников и одного несоперника, за эти годы так и не научившегося играть в *русскую кочергу* – Муравлёва. Он пристально изучал плановых пришельцев в Великий ▲, и ему казалось, что лучше бы Ной немного опоздал на свой мифический ковчег. Альбионыч искренне недоумевал: неужели всем этим людям было непонятно, что умеренность, как однажды изрёк великий мудрец древности Абуль-Фарадж бин Гарун[65], это союзник природы и страж здоровья. Но – пора было возвращать похмельных индивидуумов к жизни, проведя с ними нечто, что он называл ФАЗА, а расшифровывал это понятие просто:

Физиологическая
Адаптация
Замученных
Авантюристов

[65] Сирийский церковный деятель XIII века, писатель и учёный-энциклопедист (1226-1286) – прим. автора

Но, как бы это не выглядело по-садистски, Кулемзин ни на миг не забывал, что он не только меценат, радетель, филантроп, благодетель и спонсор покерного коллектива, но и писатель, создающий настоящую энциклопедию жизни под названием «Русская кочерга», а, значит, хочешь не хочешь, но героям этого полотна придётся немного потерпеть, ибо где он ещё наберётся впечатлений для описания их утренних страданий, которые, например, должны обязательно войти в шестой том романа.

Вначале он ещё раз внимательно оглядел всех присутствующих возле покерного столика, исключая, конечно, дворовых детей, которые уже приступили к своим безумным играм и сейчас безостановочно совершали какие-то круги вокруг описываемого коллектива, точно осы вокруг надкушенного персика, добавляя в похмельные тыквы страдальцев лишнее головокружение. На этот раз литератор вновь прибег к тайной кнопочке в его голове с написанной на ней иностранным словом safe[66], которое, например, Афанасьич, уже пару лет изучавших какой-то иностранный язык, упорно переводил как *сейф*.

[66] Сохранить – англ.

Дам совет руководящий –
будет мудрым сей сезам:
сохранит железный ящик
то, что в тыкву не влеза…

И понял тут автор, что одно только сегодняшнее описание бермудских великомучеников достойно новой главы. А, может, даже не одной…

Глава 31. ПОХМЕЛЬНЫЙ СИНДРОМ ДЖОНА ХЭЙДОНОВИЧА[67]

Итак, теперь можно было приступать не только к описанию трёх будущих игроков в *русскую кочергу*, но даже затесавшегося среди них художника. Все четверо тихонько постанывали, как бы давая понять садисту-спонсору меру их страданий и горя.

«С кого бы начать?», подумал Володя и пристально оглядел своих персонажей. И тут Нуртай, словно бы почувствовав, что именно в этот момент он, как настоящий коммунист, должен возглавить коллектив, застонал особенно протяжно и громко. «Ну, так тому и быть», решил Альбионыч, открывая галерею похмельных героев.

Сейчас с педагога вполне можно было писать портрет гладиатора, приготовившегося к выходу на арену римского цирка, где его ждали голодные дикие звери. Правда, в отличие от гладиаторов прошлого, которые держались весьма уверенно, этого саксаульского псевдобойца било и трясло, словно картофелину в кипятке. Ощущения – болезненные и просто странные – плескались по телу, словно оно было полым, как фляга.

[67] Джон Даун – английский учёный, впервые описавший синдром Дауна и назвавший его «монголизм»[68] – прим. науч. редактора

[68] Интересно, зачем же этот так называемый учёный внезапно обидел монголов?! – прим. автора

Почему трясёт все тело?
Рожа страшно пожелтела,
а внутри – пустой объём!
Где ж душевный мой подъём?

И хотя на нём были одеты рубаха и шорты, то есть типичный голливудский стандарт американца в отпуске, выглядел он страшнее пленного японца, и было ему сейчас, как говорят те же японцы, чуть-чуть *херовато*. Голова его (Мусаича, а не пленного японца), безнадёжно испорченная параноидальным советским воспитанием (б), была пустой и тяжёлой, точно немытый котёл из-под тюремной перловки, хотя он старательно прилаживал к лицу человеческое выражение.

Глаза́ Курманбаева, эти якобы зеркала́ души, были такими блёклыми и невыразительными, что в них хотелось немедленно плюнуть и тут же протереть носовым платочком, чтобы они немного засверкали. Кулемзин – ради научного эксперимента – даже попытался зажечь их, впихнув в педагогическую тыкву ленинскую цитату из статьи «Кризис назрел», опубликованной в газете «Рабочий путь» 20 октября 1917 года, где ВМП[69] приводил доказательства тяжелейшего кризиса, поразившего революцию, и говорил о необходимости решительных действий для защиты её завоеваний от реакционных сил, готовых в любой момент её уничтожить. Но не помогло даже то, что писатель в этот момент смотрел на партийного страдальца особо пристально, как Шерлок Холмс на окурок «Беломора» – глаза преподавателя еврейского колледжа так и не зажглись!

[69] Вождь мирового пролетариата – прим. ист. редактора

Должны блестеть, как те корунды,
но кто же даст глазам толчок?
Они тусклы – до той секунды,
когда почувствую глоток…

Гортань на тонкой шее большевика проступила, как у ящерицы, и он тут же засвистел – вначале как дырявый насос, а потом и вовсе словно паровоз, стравливающий излишки пара по прибытии на остановку под песенным названием «Коммуна»[70]. Чтобы это ощущение прошло как можно быстрее, он (большевик, а не паровоз) стал пытаться час-

то-часто сглатывать несуществующую слюну, но это привело лишь к тому, что Нуртай внезапно ощутил во рту вкус прогорклого хозяйственного мыла, причём, не одного куска, а сразу целой упаковки.

[70] Речь идёт о песне «Наш паровоз», написанной комсомольцами Киевских главных железнодорожных мастерских, и впервые исполненной на демонстрации 7 ноября 1922 года в Киеве. Авторами слов являются Борис Скорбин и Анатолий Спивак, а композитором Павел Зубаков – прим. муз. редактора

Хорошо, что сегодня педагог не догадался захватить с собой маленькое зеркальце, в которое в другие дни он любил незаметно полюбоваться – особенно после того, как ему удавалось выиграть три заказанных взятки из трёх. Сегодня этот предмет обихода мог его страшно разочаровать, ибо рожа Курманбаева менялась с каждой минутой: вот только что она была цвéта готовой к употреблению малосольной сёмги, но тут же приобрела нежно-зелёный цвет – как у молодого салата.

Отчего я так тревожен?
Зеленеет что-то рожа…

Плохо у него (Курманбаева, а не салата) было и с ногами, которые дрожали так, словно он пытался пройтись по работающей виброплощадке, из-за чего его конечности волочились, как у водолаза. И тогда литератор, чтобы дать почувствовать ленинцу всю степень его падения, несовместимого с хрущёвским «Моральным кодексом строителя коммунизма», впихнул в его тыкву ещё одну мысль, которая была по настоящему мудрой – не в пример вышеприведённой ленинской:

Иногда жизнь налаживается,
только став загробной…

Глава 32. ПОХМЕЛЬНЫЙ СИНДРОМ ДЖОНА ХЭЙДОНОВИЧА (продолжение)

Рядом с партийным страдальцем топтался, как стреноженный конь, его сосед по лестничной площадке Полтавцев, и вид у него был ещё страшнее, чем у Нуртая. Да, вид у Серёжи был такой, словно он после космического путешествия по прихоти принявшего лишку *дедушки* внезапно вернулся с Луны. Впрочем, Володя легко догадался, чем была вызвана такая, с позволения сказать, *отстранённость*. Сейчас сторож тупо пялился в пространство, изредка зевая и демонстрируя при этом отвратительную пролетарскую пасть.

Но, прежде чем приступить к описанию, так сказать, физиологии нашего персонажа, автор позволит себе рассказать своему читателю, как выглядел Афанасьич, так сказать, внешне, ибо ни в «Войне и мире» Толстого, ни в «Преступлении и наказании» Достоевского, ни даже в «Евгении Онегине» самогó Сергеича читающий сейчас эти строки никогда не найдёт ничего подобного!

Из тома в том, из тома в том
был стиль письма стабилен:
писали классики о том,
как бедно люди жили.
Перебирали сотни тем
в начале и финале,

но как бухали люди те,
писатели не знали!

Бывший текстильщик вряд ли понимал *значение первого впечатления*, так как появился перед игроками и художником в нелепом свитере и неглаженых штанах с расстёгнутой ширинкой. Причёска его представлялась жёсткой и запылённой грядкой прошлогодней травы, а волосы смешно топорщились вверх, отчего охранник был похож на Чиполино – такого, каким представлял его советский иллюстратор Виктор Чижиков.

О синюшном цвете лицá удавленников сказано немало добрых и правильных слов в учебниках криминалистики, и Полтавцев сейчас являл собой правдивую иллюстрацию к ним. Его сейчас можно было судить лишь за одно выражение лица, а оно, это выражение, было таким, что было понятно без объяснений: ещё минут 10 без пива – и Серёнька начнёт плодить трупы на территории Бермудского Учпучмака.

И хотя голова Афанасьича очень смешно валилась то к одному плечу, то к другому, внимательному наблюдателю было заметно, что рожа у Швейка второго микрорайона была вытянута, словно в детстве его часто били головой об стенку, отчего череп деформировался и стал похож на узбекскую дыньку *кук дуппи*, похожую на кокос.

На Востоке есть святыня –
кто попробовал – поймёт:
на кокос похожа дыня,
а на вкус так просто мёд!

Чтобы набраться впечатлений, так сказать, со всех сторон, Альбионыч даже обошёл сторожа и полюбовался на него *с тыла*, отметив для будущих страниц романа, что затылок у похмельного был как бы во вмятинах от молотка, словно ему очень долго вбивали в тыкву трудовую биографию его родного предприятия ОХБК[71].

[71] Напомним читателю, что эта аббревиатура переводится как Отцеябловский ХлопчатоБумажный Комбинат – прим. гл. редактора

Писатель, давно изучивший своего персонажа, знал, что Серёжа ещё с детства не отличался особыми внешними данными фотомодели, и поэтому не удивился тому, что тот с похмелья выглядел ещё более странно. Особенно поражали воображение его уши, торчащие, казалось, на разной высоте и под разным углом, а также немного кривоватый нос, в редкие дни трезвости казавшийся почти греческим. Володя, анализируя это загадочное для науки явление, в конце концов остановился на предположении, что в бывшем текстильщике упорно боролись гены разных предков, что и вызывало время от времени такую симметрию в и без того несимметричном организме.

Так, он сразу заметил, что носу сторожа было далеко до академической римской точёности, во рту плясал железный квартет зубов, часть из которых была изъята временем. Казалось, что красная рожа Афанасьича, собранная в ранние складки *дедушкооставленности*, была вдоль и поперёк исписана бурным прошлым. К тому же любому, кто сейчас смотрел на охранника, было ясно и то, что его мысли путались, как макароны в соусе.

Серёжи тыква – это дивный храм,
чью красоту не описать словамию
А то, что мысль не ночевала там,
так кто ж, иблис возьми, ночует в храме?!

Глава 33. ПОХМЕЛЬНЫЙ СИНДРОМ ДЖОНА ХЭЙДОНОВИЧА (ещё одно продолжение)

Правда, ничуть не лучше выглядел серёжин друг старший прапорщик Батыршин. Его потрёпанная жизнью курточка, казалось, была снята с сельского выпивохи, *по нечайке* раздавленного колёсами совхозной «Беларуси».

«Есть у такого костюма только одно преимущество», подумал Володя, «за праздничным столом Салихдзянычу совершенно будут не нужны салфетки!»

Военный, которого трясло и качало, как старый плацкартный вагон на станции Отцеябловск-Сортировочная, был хмур до неузнаваемости. Взгляд его казался пустым и отрешённым, словно у поиздержавшегося за время многолетних скитаний дервиша, глаза были мутными, как деревенский самогон. Цвет лицá военного музыканта сейчас напоминал застарелый синяк от удара о пожарный (прости, русский язык!) гидрант, и тени на нём выделялись отчётливо, как на *пересвеченной* киноплёнке, вся физиономия горела нездоровым румянцем, а движения, заложенные в него *дедушкиной* программой ещё во младенчестве, оказалась плохо скоординированы.

Как же так, друзья, что я с утра в тревоге,
словно бы Христос, что вновь с креста не снят:
двигаются руки, двигаются ноги,
но отдельно как бы от всего меня!

Трубач дышал тяжело и надсадно – как собака в бане, и сейчас напоминал человека, в одиночку затащившего холодильник «Розенлев» на седьмой этаж, а увидев направленный на него острый взгляд Кулемзина, дополнительно вздохнул особо тяжело, напоминая адвентиста седьмого дня на принудительной лекции по научному атеизму. Взгляд несчастного был пронзителен и дик, и Альбионычу невольно пришло на ум страшное выражение *священное безумие*.

Руки татарина по происхождению и еврейского зятя по сути опухли и были похожи на надутые хирургические перчатки, пристроенные самогонщиком на толстую зелёную бутыль. Голова его тряслась, словно была на пружинке.

Молча глядя на Володю, как загипнотизированный кролик, ожидающий предупредительного выстрела в голову, Салихдзяныч своим затаённо-страдальческим выражением вдруг напомнил Володе министра советской культуры (б) Екатерину Фурцеву. Глядя на унтер-офицера, сейчас вполне можно было сказать о нём расхожую фразу из классического кинофильма 30-х годов прошлого столетия: «Он знавал лучшие времена», ведь за его спиной отчётливо проглядывалась стоящая тенью маниакальная шизофрения.

Солнце село за рекой,
за приёмный за покой.
Приходите, санитары,
посмотрите, я какой!

На Батыршине словно виднелась печать Суки-судьбы: весь вид его был печально-похоронным, словно он заранее тренировался в собственной кончине. Было ясно, что Талгат сейчас находится в том специфическом состоянии, когда за стакан портвейна можно спокойно продать себя на галеры. «Прав, прав был классик», подумал Володя, «нельзя мешать напитки![72]» Глядя на похмельного военного, больше всего в этот момент похожего на лежащий в мыльнице выдавленный тюбик зубной пасты, как-то не получалось прокричать бодрый рекламный (прости, русский язык!) слоган:

Прапорщик Батыршин.
Прослужит долго!

[72] М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита» – прим. лит. редактора

В этот момент в голове алкоголика в погонах зазвучала траурная мелодия «Гибели богов» Рихарда Карловича Вагнера, после чего он (алкоголик, а не Вагнер) вдруг отчётливо вспомнил, как вчера бесконтрольно *нарéзался* с друзьями-сопокерниками – так, словно с утра по указу верховного главнокомандующего товарища Назарбаксова должен был наступить сухой закон с расстрелом за нарушение…

«А, может, мне, как выдающемуся писателю двух веков, всё это просто кажется, и вот эти милые люди не так и больны, не так себя плохо чувствуют, не так хотят повторить вчерашнее?», подумал марсианин, после чего решил понять происходящее (ещё раз прости, русский язык!) *вербальным* способом, то есть попросту допросить ~~пленных немцев~~ похмельных товарищей. И начал допрос с Курманбаева.

– Нуртай, а ты не забыл, яйчики-бабайчики, что уже послезавтра тебе надо обязательно быть к 8.00 в некоем еврейском колледже?

– Зачем, мать моя партия? – поразился Мусаич. – И где-где?

– В Караганде-Караганде, – ответил Володя. – Вообще-то ты там работаешь!

– Правда? – счастливо улыбнулся коммунист. – Значит, у меня, не смотря на тяжёлые времена, всё-таки есть стабильная заработная плата?

Очень модны мини-юбки,
мини-платья, мини-шубки.
И зарплаты стали мини:
раз, другой – и нет в помине!

Педагог вдруг изогнулся неизвестной арабской буквой, его замутнённый взгляд прояснился: в нём отразилось вначале недоумение, потом надежда, а затем и сумасшедшая радость моряка, выброшенного прибоем на голую бесплодную скалу, и вдруг увидевшего на горизонте спасительный парус израильского исследовательского судна «Старший научный сотрудник Ефим Водостокер»

Вторым на допрос попросился живописец Николаич, который неожиданно, как бы продолжая никем не начатый разговор, заявил следующее, проявляя, как выяснилось, недюжинные литературные познания

– А вот у Дюма, святой Малевич, вообще все герои бухáли!

– У отца? – уточнил Альбионыч.

– Наверное, – уточнил Валера, после чего Кулемзин словно воочию увидел прекрасные строки его подруги юности Жанны Нурлановой – единственной девушки в суровой мужской редколлегии нелегального студенческого журнала «Вопль», издававшегося в машинописном виде в СаксГУ и разгромленного местным комитетом госбезопасности:

Дымится трубка, бьётся сердце,
скрипит перо, рука дрожит:
в глазах – больные миражи,
в ушах – неистовые скерцо.
И жизнь, как женщина, смеётся,
и не дождётся смерть, пока
скрипит перо, дрожит рука,
дымится трубка, сердце бьётся...

– Если отца, тогда не все, конечно, – поправил его литератор. – Например, Констанция Бонасьё на страницах, написанных этим Александром Том-Александровичем, никогда *не употребляла*…

– Не знаю такой, – сурово отверг его непонятные придумки Муравлёв.

Глава 34. ПОХМЕЛЬНЫЙ СИНДРОМ ДЖОНА ХЭЙДОНОВИЧА (окончание)

И только было хотел пуститься в литературный спор саксаульский писатель, как сама Сука-судьба оборвала дискуссию в зародыше, выбрав своим орудием Афанасьича.

– Умираю, – простонал охранник, не добавив ничего нового в словарь языков мира.

– Хочешь поговорить об этом? – тут же предложил штатный психоаналитик Бермудского Учпучмака.

– Поговорить? – возмутился Полтавцев. – Хочу выпить, царица лесная!

– Серёжа, – тут же проявил милосердие Володя. – Пойми: то, что ты умираешь, не так уж и плохо Ты же знаешь, что с *тем светом* никакого сообщения нет, а тут как раз такая оказия! Встретишься там с дедом Михеем и бабушкой Федо́рой и расскажешь им, что ты уже взрослый и бреешься…

В отбасы[73] переполох –
бреюсь лет я с четырёх!

Следующий короткий диалог вновь состоялся с большевиком Курманбаевым.

– Да ты просто древнегреческая развалина какая-то, – сочувственно заметил Володя.

– Это я просто чувствую себя несколько неуверенно, – интеллигентно объяснил Мусаич, на что тут же получил совет телевизионным рекламным голосом:

– А ты купи себе «Old Spice»[74] и почувствуй настоящую уверенность!

[73] Семья – сакс.

[74] «Старая специя» – дезодорант американского бренда «The Procter & Gamble» – прим. хоз. редактора

Писатель смотрел на покачивающиеся перед ним тени и думал о том, что свет воистину полон чудес. Было видно, что вчерашний алкоголь мстил этим персонажам, перебродив в мокрую гадость, щекочущую затылок и подмышки. Пот выступал вонючими грунтовыми водами. В общем, картина не радовала.

«Как бы там ни было, а каждый коллектив – это комплекс отношений, интриг и своеобразных законов…», решил он, продолжая свой неслышный монолог, а ты, читатель, порадуйся, ибо только тебе он сейчас и слышен, и виден, и, надеюсь, понятен.

«Да, пусть оно неприглядно и порой неприветливо, моё отечество», продолжал размышлять покерный гуру, «но в любой другой стране нашего шарика мне было бы просто скучно жить! Да здравствует наша великая родина, наша великая до сих пор социалистическая Саксаулия, над которой всегда безоблачное небо!»

Как же мечтал я ночами
новый ввести оборот:
«Мирное небо над нами –
только для тех, то не пьёт!»

– Да, только у нас словосочетание *поправить здоровье*, – тихонько пробормотал саксаульский философ, – означает нажраться ещё больше, чем вчера, – но потом понял, что бормотать неприлично, и решил ещё немного поговорить вслух.

– Ну что, граждане коматозники? – весело поприветствовал он собравшихся на реанимационный саммит. – Чувствую, по пивку соскучились?

– Чего это мы колхозники, мать честна́я? – обиделся за весь коллектив глуховатый охранник. – Если уж кто и колхозник, то это я один – из деревни Семижопино. А остальные вполне таки городские…

«Так, пора всё-таки провести коррекцию психологических установок», подумал Кулемзин, после чего неожиданно обратился к Салихдзянычу:

– Талгат, помнишь, я вчера просил тебя утром вынести солдатскую фляжку?

– Да-да, – прикашливая, подтвердил намерение писателя военный музыкант и вытащил из штанов действительно солдатскую фляжку.

– Надеюсь, в ней вода? – поинтересовался Володя.

– Конечно, вода, – с грустью ответил Батыршин. – Откуда же у меня с утра ёперное другое?

Стенает горестно душа:
«Пора, пора в больницу!
Вода, конечно, хороша,
но ей не похмелиться!»

Тут литератор вытащил из кармана штанов некие таблетки и раздал их болезным.

– Это что, антипохмелин? – с надеждой вопросил Муравлёв.

– Нет, Валера, это кое-что получше – противопаркинсонические таблетки! В связи с многодневным обострением *белой горячки* их показано принимать с утра, а затем до вечера – каждые два часа.

– Ничего не понимаю, – пробормотал живописец.

– Да чего тут понимать! Как говорил какой-то классик, с похмелья жить страшно. Ты случайно не помнишь, кто?

– Конечно, помню, – обрадовался Николаич. – Кулемзин, конечно!

– Верно, – улыбнулся классик и тут же вспомнил другого классика – XIX века:

– Не расстраивайтесь, други мои. Осталось совсем немного времени до того момента, как

Темницы рухнут, и свобода[75]
нас встретит с кружкою у входа,
и братья штопор отдадут!

[75] Первая строка – цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Во глубине сибирских руд» (1827) – прим. лит. редактора

И тут произошло непоправимое. И виновником его оказался, как это уже не раз случалось ранее, некий саксаульский педагог.

– Друзья! – с подъёмом, словно на партсобрании, воскликнул он. – А давайте именно сегодня попробуем растопить лёд бездушия и взаимного недоверия!

Надо ли говорить, что ближайшие четыре минуты учпучмакские кусты возмущённо колыхались из стороны в сторону – от движения страшно неприятных потоков условного воздуха, исторгаемого из пасти старшего трубача.

Марсианин смотрел на этих странных людей и думал о том, что каждое утро являлся для них неким сказочным персонажем по имени Похмельé – по аналогии с самим собой, который вчера угощал их напитками – Сомельé. Называя себя этим только что придуманным французским именем, он словно чувствовал и тень нормандского виноградника, и вкус молодого *божоле*, и уют винного погреба где-нибудь в Бургундии, и много чего другого, о котором the aging children[76] Полтавцеву, Курманбаеву, Батыршину и Муравлёву говорить пока было рано…

[76] ***Стареющим детям – англ.***

В течение столетий
всё тот же результат:
стареющие дети
взрослеть и не спешат…

Глава 35. ЗАКОН ВСЕМИРНОГО ПОХМЕЛЕНИЯ

Володя дождался возвращения военного музыканта, вновь выстроил всех по ранжиру и стал оглядывать подотчётный коллектив – ласково, как голубь мира. «Типичная картина старческого психоза», диагностировал при этом каждого первого опытный писатель-психиатр.

– А я верю, друзья, – жадно глядя на оттопырившийся кармашек володиной рубашки и остро предвкушая скорое и светлое будущее, неожиданно воскликнул Мусаич, – что всё у нас, мать моя Октябрьская революция, будет хорошо!

После этих пропадлючьих слов ранжирный строй вновь распался, и уже на бегý Салихдзяныча посетила здравая мысль: «Зачем же я так рано вернулся?». Приветливые бермудские кусты снова встретили Батыршина, протянув к нему давно испоганенные веточки и листочки.

И вот тут читатель вправе спросить: почему же Володя тянет, почему не протягивает дружескую руку помощи с зажатой в ладони пачечкой саксаульских купюр, почему не спешит с реанимацией этих условных единиц человечества? Неужели к концу недели он внезапно сделался чёрствым и неотзывчивым?

Конечно, нет! Просто Альбионыч ни на миг не забывал, что он не только главный персонаж своего романа, но и его автор, а, значит, хочешь не хочешь надо немного побыть садистом, набираясь впечатления для описаний всех действий и противодействий, происшествий и приключений, планов и их осуществлений, а также последствий, развязок и результатов. Впрочем, об этом мы уже упоминали не так давно – в главе 30 данного повествования.

На радость любопытным дан
в понятиях простых,
течёт, как речка, мой роман –
из слов и запятых!

«Смотри-ка, какой обострённый приступ оптимизма!», удивился Володя курманбаевским словам, но не вслух, так как за мощными изверженческими звуками, которые тут же понеслись из-за учпучмакских кустов, было не слышно ни воплей дворовых детей, ни бодрых криков старушек-пенсионерок, только что начавших разыгрывать за соседним столиком первого за сегодняшний день *дурака*, ни даже истошных звуков неземного про-

исхождения, которые с балкона изрыгал из себя враг всего земного алкоголик Глав-Бух, в девичестве Руслан Кацоев.

– Что это за жуткие вопли? – недовольно поморщился партийный.

– Да это же Глав-Бух, – объяснил литератор. – Он называет подобные звуки родной речью, так что будьте крайне осторожны со своими ушами!

А про себя подумал, что прежде чем возмущаться чьей-то чужой пьянкой и её последствиями, было бы не плохо, как советовал в одной из своих басен дедушка Крылов, «на себя оборотиться»[77]! Тем более, что подобное сборище знакомых ему людей, в чьей беде он и сам был косвенно виноват, Кулемзин называл иностранным словом БАРТЕР, которое расшифровывал вот так:

Бытовые
Алкоголики,
Реанимирующиеся
Только
Единственным
Рецептом

[77] И. А. Крылов, басня «Зеркало и Обезьяна» (1815). Впервые опубликована в журнале «Сын Отечества»,1816, ч. XXVII, стр. 32 – прим. лит. редактора

Чтобы подавить в себе так называемые муки совести, Володя, дождавшись повторного возвращения штатного медаленосца Бермудского Учпучмака, весело воскликнул:

– А теперь я предлагаю всем собравшимся исполнить русскую народную песню «Исстрадалась душенька»!

Правда, выяснилось, что его радости никто не поддержал, а, напротив, глаза собравшихся больных людей стали ещё мутнее, печени ещё больше увеличились в размерах, а тыквы стали ещё более склонными к окончательному раскалыванию. Но писатель словно не видел этих ужасных преобразований, так как последнее произнесённое им слово, а именно *душенька*, неожиданно направило его мысли в какую-то филологическую сторону, и, наверное, будет неправильно не дать моему читателю услышать их.

«Привет всем задолбанным в детстве уменьшительно-ласкательными суффиксами!», думал в это время филолог с писательским образованием. «Трудно понять всё это. Ну, ладно, гла́зки – это ещё понятно, ведь они меньше, чем глаза́. И штанишки – тоже понятно: они меньше, чем штаны. Хотя, как мне кажется, употребление этих слов всё-таки как-то унижает ребёнка, поэтому я бы говорить детям так не стал.

Но есть же слова, к которым эти суффиксы вообще ни с какого бока не подходят! Например, ребёнку три *годика*. А что такое этот годик? Он короче года? Нет, по продолжительности вроде не отличается! Тогда почему? Или приготовьте *водичку* для умывания. А у этой водички плотность, что ли, меньше? Тоже нет, такая же, как и у воды. И, наконец, самое-самое противное: светит *солнышко*. Не означает ли, что у этого светила диаметр меньше, чем у нормального солнца?!»

Эти и подобные вопросы просто не давали спать ещё в далёком володином детстве. Да и сейчас нет-нет, он просыпался в холодном поту…

С ними мысль моя тусклее,
с ними вдруг пропал уют:
я от суффиксов балдею –
спать они мне не дают!

И тут филологические исследования нашего героя неожиданно прекратились, так как он почувствовал, что воздуха ему стало катастрофически не хватать. Оказалось, что к писателю вплотную приблизился Полтавцев, и ему представилась возможность разглядеть то, что он не успел заметить раньше. Рожа Афанасьича сморщилось к носу, а сам нос обвис, точно у клоуна, уволенного за пьянку на рабочем месте в рабочее время. От напряжения Серёжа краснел, обильно потел и то и дело вынимал из кармана штанов большой, набухший по краям носовой платок, похожий на шесть лет не стиранную портянку.

Кулемзин отшатнулся от могучего дуновения сторожа и пробормотал:

– Нашему мужику, чтобы подарить женщине *букет*, тратиться не надо, – достаточно будет просто на неё дыхнуть…

– Ась? – приложил руку к грязному уху экс-текстильщик.

Да что ж кефир ты глушишь?
Услышь мой ультразвук:
помой, придурок, уши –
на пиво ведь зову!

Глава 36. ЗАКОН ВСЕМИРНОГО ПОХМЕЛЕНИЯ (продолжение)

– Как ты, старичок? – поинтересовался Альбионыч.

– Да плохо мне, Вовка, мать честна́я, – пожаловался охранник. – Впору цыганистым калом отравиться! Вот только где его взять, не знаю…

– Да, – согласился с ним литератор, – такой страшный яд без рецепта не достанешь! А как вообще голова?

– Да голова у меня свежая, – не таясь, признался Полтавцев, – вот только мысли в ней всегда вчерашние…

Кстати, в это время выяснилось, что и у остальных членов до сих пор непохмелённой покерной хевры здоровье тоже ожидало своего улучшения. Некоторые из них стали тревожно вглядываться в лица соседей, как это делают милиционеры, сличающие стоящих перед ними людей с фото на их паспортах. Так, Талгат посмотрел на Валеру и приблизил свою физиономию к лицу марсианина, отчего тот повторно, как это было только что с Серёжей, испытал одорологический шок.

– Где-то я его видел, – сообщил на ушко Володе старший прапорщик. – Это не ёперный артист какой-нибудь известный?

– Скорее, наоборот, – улыбнулся писатель и громко представил пришельца:

– Это Валера Муравлёв – неизвестный художник начала XXI века.

Талантом он явно отмечен,
волнуясь всего с одного:
художник мазюкает Нечто –
чтоб публика знала его!

Наконец, узнав приятеля по алкогольным посиделкам, старший трубач взволновался и даже пожал руку Николаичу, после чего почувствовал, что сердце его забилось так часто, словно оно сейчас исполняло начальный четырёхтакт темы средней части «Танца с саблями» Арама Хачатуряна.

– Что, сынок, плохо, яйчики-бабайчики? – задал ему (старшему трубачу, а не Хачатуряну) бессмысленный вопрос Альбионыч.

В ответ военный зарделся, как пожарный щит в курилке его родной воинской части, но ответа не придумал.

Следующий короткий диалог, словно по цепочке, произошёл между сторожем и живописцем.

– Зачем ты всё это надел? – глянув на Полтавцева, с ужасом спросил Муравлёв.

– Сам понимаешь – конспирация! – дохнул на него перегаром охранник. – А конспирация – мать…

Правда, чья мать конспирация, он также сходу придумать не смог, поэтому и в жизни, и в нашей истории это тревожное слово осталась просто чьей-то матерью. А сознание Кулемзина, который уже в третий раз подряд уловил похмельный *духан*, неожиданно разродилось афоризмом, который вскоре покинул территорию Бермудского Учпучмака, чтобы смело шагнуть в народные массы:

Перегар – это потому что у тебя внутри
перегорело что-то доброе и светлое!

А голова писателя, в отличие от сознания, применив некоторые лицевые мышцы, даже сообщила всему коллективу ещё одну бесполезную информацию:

– При отравлении угарным газом у человека наблюдаются такие симптомы, как шум в ушах…

– Чего-чего? – приложил руку к уху Салихдзяныч, которому шум в ушах помешал правильно воспринять слова просветителя.

– …головная боль…

– Ох, святой Малевич, тыква раскалывается, – простонал художник.

– …учащённое сердцебиение…

– Володя, а ты уверен, мать моя партия, что это об угарном газе? – спросил педагог, который сейчас чувствовал на себе все вышеперечисленные симптомы.

В тыкве мозг протух совсем и вязок,
словно бы словил он свой предел:
угорел я, братцы, но не с газа, –
с нехорошей водки угорел!

Особенно больно было смотреть на шнапс-капитана Салихдзяныча, ведь к похмельным мукам у него ещё добавлялись муки так называемой совести, потому что сейчас он, как и вчера, мучительно вспоминал, как зовут его жену и сыновей (или дочек?!)

– Как ты, сынок? – поинтересовался он у прапорщика, чем вызвал завистливый взгляд коммуниста, которому очень хотелось, чтобы справлялись именно о его здоровье, а не какого-то несчастного военного алкоголика.

– Да если бы не ёкарные мозги, – честно ответил Батыршин, – я бы вообще не думал.

На обер-корнета было страшно смотреть – он выглядел так, словно его сначала испепелили, а затем силой принудили восстать из пепла.

– Тогда тебе пригодится один из проверенных рецептов китайской медицины.

– Да я же не запомню, – простонал Талгат.

– А я его тебе продиктую в стихах, тем более что в этом откровении всего две строки.

– А-а-а, ну, тогда давай! – согласился несчастный.

– Слушай, а ты, Серёжа, запиши на всякий случай:

Заболел ты? Не беда:
съешь лягушку из пруда!

Музыкант поморщился и с трудом удержал в себе остатки вчерашнего, которые никак не заканчивались, а вот Афанасьич, чтобы не подвести товарища, с трудом раскрыл свою знаменитую на всю Вселенную книжечку «Для му.мы. Том 2» и, послюнявив красный конец двуцветного карандаша, записал, к своему же удивлению, отлично запомненный стишок – отточено медицинским почерком:

Выпил я вчера три кружки,
и лечусь надысь лягушкой!

И, наконец, чтобы восстановить общую справедливость в коллективе, Кулемзин немного поговорил с саксаульским тицианом.

– ОГО? – обращаясь к художнику, с вопросительной интонацией произнёс он.

– Чего ого? – не понял Муравлёв.

– Не ого, Валера, а ОГО, то есть Общая Говнистость Организма. Есть она у тебя сейчас или нет?

– Есть, – грустно признался Николаич. – Да ещё какая…

После этого Альбионыч выразительно похлопал себя по карману рубашки, вспомнив, что перед выходом из дома положил туда весьма приличную сумму, – даже несмотря на галопирующую инфляцию, а затем произнёс уже второй за утро афоризм, который вслед за первым отправился в народ:

Деньги – это самое дешёвое,
что есть в жизни.

– Да, чувствуя я, что пора бы проверить КРЕМ! – предложил литератор.

– А йодистый крем – это что? – поинтересовался трубач.

– Да это такая женская мазилка – чтобы красившее быть! – объяснил сторож

– Нет, Серёжа, ты произнёс это волшебное слово строчными буквами…

– Ничего я, царица лесная, не строчил! – возмутился Полтавцев.

– …а надо было прописными – КРЕМ. А означает оно вот что:

Комитет по
Работоспособности
Единичных
Магазинов

Глава 37. ЗАКОН ВСЕМИРНОГО ПОХМЕЛЕНИЯ (окончание)

И вот этот только что придуманный Кулемзиным Комитет вселил массу надежд в истомлённые похмельем организмы. Хуже всех было педагогу Курманбаеву, лицо которого сейчас представляло аллегорию на тему Вселенской Печали. И здесь был не только физический фактор в виде страшно сухого горла, раскалывающейся тыквы и отсутствия мыслей о родине, но также незримо присутствовал и фактор моральный, который заключался в том, что Нуртай вчера опять обманул свою супругу, коей несколько дней назад обещал навести порядок в их общих тетрадках по марксистско-ленинской философии.

В мыслях нет пародии и фарса,
в голове подводных нет камней:
почитаю Ленина и Маркса –
стану на порядок я умней!

Он страдал активно, то есть уже сейчас сочинял некий монолог в виде *отмазки*, при этом толкая локтями сидящего рядом с ним Полтавцева, который немного покачивался от этих слабых ударов, но не сопротивлялся, думая, что его качает по причине употребления вчерашнего. С покрасневшими глазами и опухшим лицом Серёжа выглядел так, словно прошлую ночь провёл не на своём продавленном диване, а в тюрьме, всю ночь размышляя, как же он мог украсть *фунфырик* настойки боярышника на спирту, когда у него дома было припрятано аж полторы бутылки самогона из буряка.

Володе раньше казалось, что лицо человека не может быть белее газетной бумаги (если оно, конечно не принадлежало какому-нибудь негру), но даже он, знатный писатель двух веков, не мог предположить, что физиономия способна быть молочно-прозрачной. Сквозь кожу вдруг проступили все жилки, и Афанасьич стал похож на анатомическое пособие из пластмассы.

«Да, Серёжа, яйчики-бабайчики», подумал писатель, «давно ты *своих* не видал в петровой Кунсткамере!»

«Да я отродясь, мать честна́я», ответно подумал сторож, «ни в каких камерах друзей не заводил!»

Пусть сегодня мне мрачно и худо,
плохо пусть, но, товарищ, заметь:
друга я никогда не забуду,
если с ним подружился в тюрьме!

После этого неслышного сообщения он поднял голову вверх и посмотрел в светлую даль небес, словно хотел выяснить, не летят ли там клином рашпили. Было ясно, что он ждёт посещения какой-то особо важной мысли, и вот наконец она, родимая, пришла: мучительные раздумья экс-текстильщика трансформировались в законченное предложение, правда, состоящее всего из двух слов, хотя сам охранник думал, что из одного:

– Пивка бы…

– Зачем? – прямо спросил у него Альбионыч.

– Аз грешен, – какими-то библейскими словами пояснил Полтавцев. – Не могу без пива… А ведь мне ещё сегодня сколько раз над вами измываться – в *русскую кочергу*!

– Однако! – пробормотал писатель.

– Так что не тяни дрезину, – скрипучим несмазанным голосом попросил Афанасьич, применив для этого случая свою самую обворожительную улыбку, похожую на перекошенный клавир старого советского рояля треста «Музпред», а для достижения ещё большего эффекта пошевелил ноздрями, точно вышедший на охоту первобытный человек, и даже поскрёб пятернёй трехдневную щетину, должную означать невероятную загруженность делами и отсутствие в пределах досягаемости бритвенно-фрезерного станка.

Серьёзно смотрит бородатый
из зеркала мужчина злой,
и виснет пена белой ватой,
и машет с бритвою рукой.
Внушает людям уваженье
к моей персоне борода,
а вне неё мне, без сомненья,
не быть брутальным никогда!

Немного лучше, но исключительно в моральном плане было старшему прапорщику Салихдзянычу, который с подсказки Володи наконец-то узнал художника, и они сначала

сплелись в греко-римских объятиях, как борцы вольного стиля, а затем уселись на покерную скамеечку друг рядом с другом, хотя только автор, который отличается от других писателей-надомников патологической правдивостью, знал, что этих почётных бухариков Бермудского Учпучмака просто не держали ноги.

Так, при одном только взгляде на военного трубача Кулемзину самому́ тут же захотелось пивка. И как раз в этот момент Батыршин порадовал его некой народной мудростью, до этого литератору неизвестной:

– Не похмелившись, и ёперный дятел помрёт…

– Ну что ты, Талгат, я же не такой садист, что замучить насмерть невинную птицу, – улыбнулся спонсор коллектива.

Он посмотрел на рожу обер-корнета, которое с похмелья напоминало несколько подгнившую грушу, писательским взором отметив про себя приподнятые брови страдальца, которые придавали ему несколько изумлённое выражение, как бы спрашивая окружающую среду: да что же это ты, уважаемая среда, допустила, чтобы я вчера так бездарно нажрался, ведь утром у меня на прошедший день были совсем другие планы?!

– Кстати, Валера, – обратился Альбионыч к прапорщицкому соседу по покерной скамеечке, – а у тебя случайно нет денег – поспособствовать выздоровлению твоих друзей по общей палате терапии?

– Денег нет, святой Малевич, – горько ответил Муравлёв, склонив голову, как будто понимая степень своей вины.

Когда ж я буду жить счастли́во,
когда ж звезда моя взойдёт?!
Гроши остались – не на пиво,
а на разбавленный компот…

Марсианину стало его жаль, и он решил немного утешить живописца.

– Ну, и кто виноват? – бодро начал он утешение. – Сам же ты, Николаич, и виноват! Не станешь же ты в своей бедности обвинять, например, семью, школу и классиков русской и советской литературы, которые старались, старались, но так и не смогли тебе ничего воткнуть в твою тыкву. Если помнишь, эти самые классики учили, что главное в человеке – это душа, а деньги – просто мусор! Хотя, если вспомнить историю, то сами классики, как правило, без денег не сидели, а рассуждали о высоких душевных порывах в основном на сытый желудок…

Услышав бодрые утешения и не поняв в них ни одного сло́ва, художник повеселел, и даже не вспомнил, что без точно таких же денег сейчас обходится и его любимая жена Наташа.

Если у вас нету денег,
то женщины вам не страшны...

– А, может, ты нам немного займёшь? – внезапно прорезался голос у Мусаича, причём всеми, включая старушек-пенсионерок и дворовых детей, была отмечена крайняя фальшивость этого голоса.

– Ты не сомневайся, мать моя партия, – настаивал большевик. – Я гарантирую, что завтра отдам!

– Знаешь, Нуртай, – безо всяких улыбок ответил ему Володя, – с недавнего времени твёрдую гарантию даёт только контрольный выстрел в тыкву!

– А, может, мы все, царица лесная, завтра скинемся и отдадим? – сделал ещё более невероятное предложение работник магазина «Пингвин и гагара», причём, ввиду его (предложения, а не магазина) важности задал вопрос таким хриплым голосом, как будто ночью вместо того, чтобы спать, съел с десяток окаменевших во льду *пломбиров*. Стало заметно, что в ожидании ответа охранник побледнел, как довоенная наволочка.

– Серёжа, – решил поставить все птички над буквой *й* Кулемзин. – Ты видел, как по весне цветёт багульник?

– Ну да, видел, – расцвёл улыбкой Полтавцев. – У нас за деревней Семижопино его сначала столько росло! А потом мужики научились его цветочки сушить, добавлять немного кизяка и делать из всего этого самогон…

– Так вот теперь понятно, почему у тебя такое же лицо, как у багульника – предтечи семижопинского народного напитка.

– И чё?

– Да то, что очень верно говорил Стас Говорухин, – так жить нельзя[78]!

[78] «Так жить нельзя» – советский документально-публицистический фильм режиссёра Станислава Говорухина (1990) – прим. кинередактора

Говорю я изумлённо,
по утрам желая пить:
«Жить нельзя без самогона,
с самогоном можно жить!»

Видя, что тело страстных пивных желаний совершенно обезумело, литератору, единственному марсианину среди присутствующих, с большим трудом удавалось удерживать его на тугом астральном поводке.

– Итак, други мои, поступило предложение, пугающее нас, яйчики-бабайчики, своей новизной…

Все насторожились, а саксаульский репин даже несмело улыбнулся.

– Нельзя всю жизнь ходить по одной колее, которая ведёт вас в разделочный цех. Пора, товарищи индейцы, искать свежие тропы!

Глаза пламенного педагога тут же офонарели от ужаса, словно к нему в гости нагрянул батальон родственников из преисподней. «Почему он назвал нас индейцами?», заметались в его похмельной голове страшные мысли. «Как бы всё это не закончилось потерей скальпа!»

А Володя подумал другое: «Самая большая драма состоит в том, что вначале мы практически всегда знаем, что будет в конце, но это нас почему-то не останавливает…»

Глава 38. ПЕРЕД ГЛАВНЫМ ПОХОДОМ ДНЯ

И всё-таки в магазин пора было, наконец, сходить – ну, в самом деле, нельзя же так долго мучить этот коллектив лиц, утомлённых самым младшим из олимпийцев[79] Бахусом Зевсовичем[80]. Володя ещё раз обозрел своё будущее воинство и сделал предложение, от которого, как он надеялся, не откажется никто:

– Ну что, тройной допинг скипидара?

, на что все дружно помотали головой слева направо, что означало решительное *нет*.

[79] В древнегреческой мифологии боги третьего поколения (после изначальных богов и титанов – богов первого и второго поколений), верховные божества, обитавшие на горе Олимп – прим. др.-гр. редактора

[80] *А маму его звали Селена, которую мы сейчас знаем под именем Луна – прим. автора*

Надо сказать, что Кулемзин делал это предложение стоя, а вот воинство в количестве четырёх условных человек расселось на покерную скамеечку попарно – друг против друга: на западной части скамеечки разместились Нуртай и Серёжа, а на восточной – Талгат и Валера, так что все дальнейшие диалоги предполагалось вести через столик – для того, чтобы не вертеть головой. Поэтому первый вопрос случился из уст педагога.

– Талгат, как ты? – с фальшивой интонацией вопросил он старшего прапорщика.

«Какая поражающая воображения забота!», порадовался за ленинца писатель.

В этом деле труд артельный
опишу я в дневнике,
ведь забочусь о похмельных,
сам мечтая о пивке!

Второй же вопрос поразил всех своим идиотизмом.

– Талгат, ты пиво пить будешь? – обратился к музыканту Полтавцев, на что Салихдзяныч что-то вяло пробубнил, словно разговаривал с сосиской во рту, но осознав, что его не понимают, просто кивнул головой сверху вниз.

– Да, боюсь, валерьянкой тут не отделаешься, – пробормотал Альбионыч.

– Ты не бойся, – посоветовал ему глуховатый сторож, – Валера тоже скоро придёт.

– Серёжа, да вот же он! – ткнул через столик пальцем Курманбаев.

Подслеповатый с похмелья Афанасьич наклонился вперёд, затем встал, обошёл столик и подобрался к Муравлёву очень-очень близко, но залитые со вчерашнего дня зенки разглядели лишь чей-то смутный силуэт, после чего он (Афанасьич, и не силуэт) для верности понюхал маечку живописца.

– Hier[81], – коротко подтвердил свои исследования охранник и вернулся на место, тяжело сопя. Он плюхнулся на покерную скамеечку и, прислонившись спиной к карагачу, развалился всем телом, отчего остальным вдруг стало видно, что на самом деле бывший текстильщик очень походит на небольшую человекообразную обезьяну

[81] *Здесь – нем.*

Ему подруга говорила:
«Как ты похож на гамадрила!»

– Да, старичок, – с сожалением глядя на сторожа, проговорил Володя, – тебе сейчас явно не хватает одной награды на твою грязную одежду.

– Правда? – радостно засиял Полтавцев. – А какой?

– Почётный знак «Заслуженный деятель бессмысленного»

Убедившись, что между двумя карагачами, создающими естественный шатёр над покерным столиком, впору было вешать внеочередной, правда, ещё никем не написанный лозунг:

Родители, помните:
дети с похмелья очень несчастны!
Маршал Будённый

, марсианин решил последний раз обратиться к будущей покерной хевре и примкнувшему к ней живописцу.

– А не желает ли кто-нибудь из вас немного размять свои старые кости? – весело спросил он всех. – И попрошу отвечать по очереди.

– Я, мать честная… так сказать… – ответил Афанасьич.

– В смысле… одним словом, мать моя партия… – ответил Мусаич.

– Ну, и в крайнем ёкарном случае… – ответил Салихдзяныч.

После этого все участники спонтанного опроса замолчали, словно поражённые моторной афазией[82].

[82] От др.-греч. ἀ – отрицательная частица и φάσις – проявление, высказывание) – локальное отсутствие или расстройство уже сформировавшейся речи – прим. мед. редактора

– Понятно, – поддержал эти «мысли» литератор. – Думаю, что крайний случай, о котором нам сообщил Батыршин, уже наступил, – после чего достал из кармашка солидную купюру аж 1000 назарбаксов.

Открывай скорей портфели,
доставай скорей металл:
деньги мне нужны для цели,
о которой я мечтал!

– Итак, объявляю главный поход дня. Старшим похода назначаю себя!

Все облегчённо вздохнули, радуясь, что их старые кости ещё немного состарятся без дурацких лишних движений. После этого Володя, вытряхнув на покерный столик сегодняшнее содержимое серёжиной котомки, не стал рассматривать его, а отправился в уже знакомый читателю магазинчик Калимы, которая уже восемь раз выглядывала из нечистого окошка, удивляясь, как это до сих пор её персональная касса не пополнилась от содержимого кармана руководителя ежедневно радующей её компании.

Это лучшая из сделок
(я не буду даже врать):
повышаю цены смело –
всё равно ведь будут брать!

Да, Альбионыч не стал акцентировать внимание на предметах, выпавших из полтавцевского хурджина, а вот автор это сделает обязательно. Итак, на покерном столике сейчас лежали:

китайская деревянная палочка для еды, на которую тут же стал завистливо поглядывать военный музыкант;

монетка в 1 назарбакс, на которую тут же стал завистливо поглядывать педагог;

пробочка от бутылки портвейна «Саксаульский особый», на которую тут же стал завистливо поглядывать художник;

и, наконец, смятая пачка сигарет «Волна», последний выпуск которых состоялся в городе Волгодонске ещё в 1992 году, на которую не стал завистливо смотреть сторож-охранник, а по праву хозяина тут же открыл её и вытащил единственную сигарету.

– Ну чё, братва, покурим по очереди? – предложил он коллективу ожидальцев

И хотя тошнило всех не по-детски, верх взял коллективизм страдания, после чего страшно вонючая *волна* стала переходить из уст в уста.

А автор нашего блистательного повествования, чтобы читателям не было скучно и грустно ждать возвращения Кулемзина из лавки, решил своей волей объявить некий

Хронотоп, строки которого будут объединены разными людьми, но единым содержанием. Итак…

Смыслом сей роман заштопан –
автор всё в него включил:
вспоминает в Хронотопах,
как когда-то кто-то жил…

Глава 39. О НЕКОТОРЫХ ВЕЛИКИХ ЛЮДЯХ, СТРАДАЮЩИХ ОТ АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ (Хронотоп № 40)

Существует расхожее мнение, что алкоголиками становятся слабые люди, но есть и другие исследования, подтверждающие, что именно талантливые, сильные и гениальные чаще других страдают от нездоровой тяги к спиртному. И в этой нелёгкой главе автор решил вспомнить великих людей, которые внесли огромный вклад в историю, искусство и культуру, но не могли при этом прожить ни дня без спиртного.

Кстати, знаете ли вы, что клиническими алкоголиками считаются:
36 % знаменитых поэтов и писателей мира;
24 % гениальных композиторов и музыкантов;
18 % художников;
16 % известных политиков и государственных деятелей и
12 % изобретателей и знаменитых шахматистов?!
Давайте навскидку вспомним 12 таких имён.

Вот такой у нас гербарий –
это просто ералаш:
что известный, то бухарик,
что великий, то алкаш!

Александр Македонский. Величайший полководец всех времён, основатель одной из величайших империй в истории человечества, который одновременно с этим был алкоголиком и психопатом. О его любви к обильным возлияниям ходили легенды: он мог весь вечер состязаться со своими сподвижниками, кто же больше выпьет, а затем запросто заколоть собутыльника в пьяной драке. Кстати, и смерть его также связывают с алкоголем, а причиной считают или язвенное прободение желудка, или острый панкреатит.

Вот одна из записей Плутарха: «Александр почувствовал сильную жажду и выпил много вина, после чего впал в горячечный бред и на тринадцатый день месяца умер»

Уильям Шекспир. Великий писатель любил выпить на протяжении всей жизни, а умер от лихорадки после попойки с двумя коллегами.

Эрнест Хемингуэй. Великий классик американской прозы славился своей любовью к алкоголю, однако алкоголиком себя, естественно, никогда не считал. Говорят, что знаменитый коктейль «Кровавая Мэри» (который начитанный Серёнька Полтавцев называл «Кровавый Мерин») изобрёл именно Хемингуэй, назвав его (коктейль, а не Серёньку) в честь своей четвёртой жены. Кстати, водку с томатным соком и пряными травами до сих пор продают в легендарном баре гостиницы «Ritz Carlton» в Париже, где останавливался писатель.

По утрам он любил выпивать мохито или ледяной мартини, в обед – бутылку хорошего кьянти, а заканчивал день стаканчиком вечернего дайкири с двойным ромом, но без сахара. Ещё один коктейль под названием «Смерть после полудня» писатель изобрёл то-

же сам, назвав его также, как свою книгу. Коктейль был прост: в шампанское добавлялся абсент и лёд, и такой напиток Хемингуэй рекомендовал пить очень медленно.

Клерк ты иль премьер-министр,
лей в стакан всегда на треть:
напивайся, но не быстро,
ибо можешь помереть!

Винсент Ван Гог. Этот гениальный художник также вошел в историю искусства как сумасшедший и талантливый алкоголик. Он обожал абсент – самый тяжёлый напиток, который в былые времена был способен вызывать даже галлюцинации. Рацион Ван Гога состоял в основном из кофе, сигарет и выпивки. Поэтому не удивительно, что он постепенно начал терять связь с реальностью, в алкогольном угаре даже однажды отрезал себе ухо, затем несколько раз покушался на жизнь своего друга Поля Гогена и в конце концов закончил жизнь самоубийством.

Михаил Ломоносов. Склонность Михаила Васильевича к неумеренной выпивке была широко известна среди коллег, и зачастую служила поводом для насмешек. Этот факт его биографии раньше тщательно скрывался, однако алкоголиком Ломоносов вернулся уже из Германии и оставался им до конца жизни. Позднее Ломоносов стал нечувствительным к вину и ликерам и пил только водку, после чего в хмельном состоянии приходил в канцелярию Академии наук и нередко подписывал бумаги, не вникая в их содержимое. Часто своими грубыми поступками и вспыльчивостью Ломоносов вызывал к себе резко негативное отношение, и его коллеги поговаривали, что хуже всего доставалось жене и детям. Умер великий академик, как написано в официальном протоколе, «от болезни, развившейся вследствие неумеренного употребления *горячих* напитков»

Лорд Байрон. Джордж Гордон Байрон представляет собой одного из лучших поэтов, которых когда-либо видел этот мир, и одного из лидеров художественного направления романтизма в XVII-XVIII веках. Вначале он был известен своими сексуальными похождениями, но позже всего лишь пристрастием к алкоголю. Великий поэт особенно любил пить крепкие напитки из своей любимой чаши, сделанной из человеческого черепа (!)

Может, это некрасиво,
но такой бухарик я:
сделал чашу ведь из тыквы
друга Йорика, друзья!

Эдгар Аллан По. Знаменитый писатель страдал не только сильным алкоголизмом, но и опиумной наркоманией. Из-за врождённого порока сердца после одного стакана он впадал в состояние просветления, а после двух – в ярость. Главным его пороком был алкоголизм, который и стал причиной смерти писателя всего лишь в 40-летнем возрасте.

Модест Мусоргский. О том, что такое белая горячка, Модест Петрович впервые узнал в 25 лет. После очередного припадка доктора́ Николаевского госпиталя обнаружили у композитора разрушение печени, расширение сердца и воспаление спинного мозга. В 42 года он выглядел полным стариком. Его предсмертный портрет, который висит в Третьяковской галерее, Илья Репин написал за несколько недель до смерти композитора.

Пиросмани. Самый известный из грузинских художников Николай Пиросманишвили был чудаковатым пьяницей, который за еду и выпивку мог нарисовать вывеску или покрасить стену. Его называли «маляр Нико», он уверял, что видит святых, писал в основном грузинские застолья, и алкоголь вдохновлял его, пока не свёл в могилу. Как-то по

пьянке Нико потерял краски, спустился в холодный подвал, где через два дня его отыскали, валяющегося на булыжном полу. Пиросмани отвезли в больницу, где он и скончался.

За бутылкой я тянулся
и от пьянки весь опух,
пил я долго, а очнулся –
не поверите! – в гробу…

Стивен Кинг. Один из самых плодовитых авторов своего времени превратился в тихого алкоголика к тридцати годам. Утром он уходил в свой кабинет с упаковкой пива, так что большинство его успешных книг были написаны в состоянии алкогольного опьянения. По собственным словам писателя, он боялся, что не способен на творчество в трезвом виде. По вечерам он стал пить коньяк, а кроме того, пристрастился к кокаину.

Из жизни пропадали дни и недели, и так продолжалось до тех пор, пока жена Стивена Табита не поставила ему ультиматум: либо он немедленно бросает пить, либо может выметаться из дома. Через две недели Кинг бросил пить, и с тех пор не прикасается ни к алкоголю, ни к наркотикам[82]. Сейчас он по-прежнему является самым продаваемым писателем Америки.

Елизавета Боуз-Лайон. Леди Елизавета Анге́ла Маргарет Боуз-Лайон, мать нынешней королевы Англии Елизаветы II, могла выпивать по крайней мере восемь раз в день. Это были пиво, вино и водка, но, вопреки известному факту о вреде алкоголя, Елизавета Боуз-Лайон дожила до 101 года![83]

[82] Так не бывает! – прим. русского автора
[83] Так не бывает-2! – прим. русского автора

Без горбушки и селёдки,
под камина уголёк
целый век пила я водку
плюс ещё один годок!

Аркадий Гайдар. Книжки этого советского писателя лучатся позитивным мироощущением детства, которое, кажется, не закончится никогда, но к тридцати годам Гайдар пил уже постоянно, и чаще всего в полном одиночестве. В последние годы жизни он практически не выходил из депрессии и редко бывал трезвым больше трёх-пяти дней в месяц. После начала Великой Отечественной войны писатель бросил пить и уехал в действующую армию военным корреспондентом, где и погиб в бою, причём, при весьма таинственных обстоятельствах.

А завершить эту трагическую главу автор решил пронзительными строками эпитафии ещё одного хорошего русского поэта XIX века – Дмитрия Минаева:

Прохожий, стой,
ты грязью памятник не пачкай:
любил я красное вино,
а помер белою горячкой…

Глава 40. В SHOP'E КАЛИМЫ

А что же наш главный герой? Где же наш дорогой Владимир Альбионыч – спаситель если не всего отечества, то некой его части – крайне сомнительной в моральном плане? Бросили мы его одну главу назад – тогда, когда он принципиально твёрдо зашагал в ма-

газинчик Калимы, показав остальным персонажам-учпучмакцам свою могучую спину площадью в пол-акра. И был его шаг так твёрд и беспощаден, что одному из оставшихся даже пришла на ум вот такая мысль: «Может, мать моя партия, у него зуд стопы?»

Между тем писатель, которому и пройти-то было всего каких-то 22 метра, достиг лабаза. С его (лабаза, а не писателя) крыши истошно кричали какие-то тяжёлые нелетающие птицы, словно хотели предупредить потенциальных покупателей о том, что за ночь цены опять выросли на полтора процента.

Это кризис всё проклятый –
так и норовит согнуть:
цены скачут как козлята –
не успеешь и моргнуть!

Правда, зайти в лавку Кулемзин не успел, так как дорогу ему решительно преградили две юные саксаулки – со значками зелёного цвета на футболках. Володя присмотрелся к значкам, но так и не понял, что на них изображено: то ли кустики конопли, то ли хвостики от морковки. Зато внизу значка разглядел крупно выделяющуюся надпись на каком-то европейском языке:

Ecological patrol [84]

[84] ***Экологический патруль – англ.***

– Дяденька, – решительно взяла быка за рога одна из юных экологинь, – а вы не мясо сюда пришли покупать?

Володя страшно удивился, потому что никакого мяса, кроме как в виде колбасы и сосисок, в магазинчике у Калимы никогда не видел, поэтому честно ответил:

– Нет, я пришёл сюда купить кое-что из напитков.

Тогда вторая экологиня спросила у него, как он вообще относится к убийству животных ради чревоугодия, на что литератор честно ответил, что к охоте в принципе относится отрицательно, но вот коровы и свиньи, когда много тысяч лет назад позволили себя одомашнить, всё-таки должны были соображать что к чему.

Стал момент тот поворотным
(здесь не смею я соврать):
одомашнили животных,
чтобы их потом сожрать!

Активистки зелёного движения явно ничего не поняли, но по тому, как они отступили и дали дорогу, Альбионыч понял, что дискуссия окончена.

Войдя внутрь помещения, знатный посетитель удивился открывшейся картине: перед прилавком толпились люди, и литератор понял, что увидел то, чего не видел уже много лет, то есть призрак советской (б) очереди. За чем именно стояли люди, было непонятно, но пережидать такой житейский катаклизм Володя не собирался, поэтому решил действовать, не дожидаясь, пока его заметит магазинная начальница Калима.

– Р-р-разрешите! – Он ловко врéзался в очередь и пошёл вперёд, разгребая народ локтями. – Пардон, пардон, прошу пропустить! У меня назначено…

– У всех назначено, – вякнул в ответ некий уважаемый очередник.

– Спокойно, товарищ, – поднял указательный палец вверх писатель и показал им в сторону покерного столика, который был неясно виден в грязноватом окошке. – Вон ви-

дите моих коллег? Так вот у них сейчас острые боли – это, во-первых. А во-вторых, я сам ветеран финско-китайской войны второй группы с незалеченной пулей в гипоталамусе.

– Ну и что? – взвизгнула какая-то саксаулка. – А я вот беременная – и стою́!

– Ну, уж тут-то я вовсе ни при чём, – оглядев плоское страшное лицо, ответил марсианин. – Не надо лишних инсинуаций, гражданка!

Дети мне до лампочки
(да и нет ремня):
ходят с брюхом дамочки,
но не от меня!

Но пробиться к прилавку сразу не удалось, и смирившийся со страшной земной участью писатель, чтобы не терять времени зря, начал придумывать некую сценку – для того, чтобы когда-нибудь вставить её, скажем в шестой том романа «Русская кочерга», например, в главу 40. Вначале он придумал смешной заголовок «В shop'е Калимы» и заржал в голос, испугав беременную покупательницу, и хорошо, что от отличного настроения Кулемзина не случилась какая-нибудь неприятность вроде выкидыша. Затем он (Кулемзин, а не выкидыш), еле-еле продвигаясь к прилавку по одному дециметру[85], понял, что при-

[85] Для читателей, окончивших школу в прошлом веке: это 10 сантиметр – прим. автора

думывать ничего не надо, так как вспомнил реальный случай, произошедший с ним в прошлом году. А дело было так.

Воспоминание Володи о том, как он помог одной даме

Однажды литератор, заработавшись, забыл сделать одно из самых важных жизненных дел, то есть купить пива «Тянь-Шань» на вечер. А время шло уже к половине одиннадцатого, и за окном стояла темень. Зато были хорошо видны освещённые оконца в металлическом контейнере, притворявшимся магазином с вывеской «Суперрмаркет Колема»[86]. Быстренько метнувшись в лавку, наш герой поспешил обратно и чуть не наткнулся в темноте на дамочку, которая волочила два огромных пакета неизвестно с чем.

[86] История этой вывески в главе 85 первого тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

В голове знатного писателя двух веков тут же нарисовалась страшная картина женской доли: корячилась где-то эта дамочка в офисе целый день, потом добиралась до родного второго микрорайона по пробкам, духоте, жаре, вымоталась как собака женского рода, а тут ещё и вспомнила, что холодильник совершенно пустой.

Мысль вонзилась как напильник,
как от бытия привет:
«Если пуст мой холодильник,
значит, денег вовсе нет!»

Пришлось забежать в магазин, а там того-сего – и два пакета под завязку! И вот идёт она из последних сил, и остался всего-то последний рывок, каких-то метров 200 до родного дома № 22, а сил уже нет никаких. А пакеты тяжёлые, руки оттягивают. И вот скажите теперь, мог ли Альбионыч, персонаж, как хорошо известно моему читателю, чрезвычайно отзывчивый и добрый, не помочь человеку, хотя бы и женского рода? Конечно,

мог! Так бы и шёл позади неё, смотря на матовые в темноте коленки – или что там есть на женских ногах сзади.

Но потом понял: надо помочь! Догнал дамочку и так культурно ей в самое ухо:

– Добрый вечер! Позвольте вам помочь?

И голос специально такой сделал, чтобы не испугать, – примерно как у врача-рожепоправляльца, когда он прайс-лист за подтяжку озвучивает.

Видели бы вы, как она сиганула – будто хулиган-второклассник Полтавцев ею из рогатки выстрелил! И куда усталость делась?! Помчалась она от Володи – только пакеты в сумерках мелькают. В один миг долетела до своего дома, мгновенно нашла брелок от подъезда, хотя обычно искала его в сумочке долго – пока всю не перерывала, и – шмыг в родной подъезд! А уже буквально через пять секунд на четвёртом этаже ещё одно окно осветилось…

Окончен день, и нет важней,
чем мозгом не ржаветь:
родные окна светят мне –
быстрей домой, к жратве!

А Володя даже удивился: чего это она так? После чего решил, что в следующий раз, когда такая оказия выйдет, надо бы ещё больше (прости, русский язык!) обертонов доброты в голос добавить.

А помощь-то в чём, поинтересуется читатель. А автор ему и объяснит, что если бы не его любимый герой, плелась бы эта дамочка ещё неизвестно сколько времени, вызывая жалость случайных прохожих, да сколько бы ключи свои искала, да как бы тяжело плелась со своими пакетами на четвёртый этаж. А так вжик – и дома!

Глава 41. В SHOP'E КАЛИМЫ (окончание)

Затем Альбионыч почувствовал, что время тянется долго, ибо каждый из тех, кто сейчас стоял в очереди до него, старались не просто купить что-то, но и получить об этом необходимую информацию у Калимы. Он прослушал один такой диалог и даже поучаствовал в нём, правда, мысленно:

– Что-то ваш сыр «Пошехонский» какой-то ненатуральный! Уж больно цена у него заманчивая…

– Да что вы, – горячо уверила покупателя главная магазинщица, – чистое молоко! Я слышала, что этому сыру даже дали приз на очень престижной выставке!

«Ага, яйчики-бабайчики», подумал Володя, «небось, Золотую *пальмовую* ветвь...»

Не конфетки, не салфетки
и не рис в больших кулях –
дали приз мне в виде ветки,
а хотелось бы в рублях!

И тогда писатель сделал то, что делал не раз ещё в советскую пору в советских же очередях (б) – он предложил стоявшей позади него дамочке *держаться* вот этого мужчины ~~в матросском бушлате~~ в шортах и майке с надписью на спине: «Өшіріңіз немесе ол жаман болады!»[87], пообещал, что отойдёт всего на минутку, а сам отправился на очередное изучение новинок ассортимента, которые, к его удивлению, появлялись ежедневно. «Может, я чего-то не знаю?», думал он. «Может, каждую ночь к нашему *шопу* подъезжают таинственные автомобили с продуктами, на бортах которых для конспирации написано «Мебель»? Может, всё, что выставлено сейчас на прилавке и полочках, ворованное

и приобретённое Калимой за полцены, а я, покупая у неё это *всё*, становлюсь участником ужасного преступления?»

[87] «***Заткнись, или будет плохо!» – сакс.***

Впрочем, успокоился Кулемзин быстро, так как понял, что набор писательских впечатлений гораздо интереснее каких-то криминальных переживаний. А впечатлений, как всегда, оказалось много.

В этом деле я профессор,
и скажу без лишних слов:
«Проявляю интерес я
к полке, где стоит бухло!»

Вначале Володя увидел какие-то бледные сосиски, подошёл ближе и прочёл уточняющий впечатление ценник:

Сосиски куриные,
почти натуральные

, затем попросил Калиму дать ему обледенелую упаковку, которую внимательным образом изучил, изредка вздрагивая от предложенного производителем состава продукта. «По-моему, такие сосиски называются *куриными*», подумал он, «потому что их можно только курить…»

На полочке с колбасами внимание литератора привлекли сразу две новинки. Первой из них была, судя по ценнику, докторская колбаса, но на вид это было явно что-то другое, причём, опять же по низкой цене. Альбионыч хорошо помнил советскую докторскую колбасу (б), и даже понимал, почему она всегда была дороже остальных варёных колбас: потому что её, в отличие от свиной, говяжей или конской, делали из докторов, которых прежде шесть лет учили, а потом ещё в интернатуре мурыжили и практику в моргах заставляли проходить! Правда, он помнил, что мясистость у такой колбасы всегда была немного разная, но и этому было своё объяснение: ведь доктора́, из которых делали эту колбасу, пили разные алкогольные напитки, а не только медицинский спирт, как это показано в суровых военных фильмах. Так что сейчас, дорогие товарищи, одни суррогаты, а настоящую докторскую ни за какие деньги не купишь!

Рассказал мне доктор сказку –
видно, тыква набекрень:
«Выпишу я вам колбаску,
принимайте сто раз в день!»

Второй «колбасой» была толстенькая спиралька явно скверного качества с ещё более суровым ценником

Колбаса копчёная
на таёжных дровах

, имевшая запах подгоревших мужских носков, который чувствовался даже через стекло прилавка-холодильника. Хорошо, что наш герой старался вообще не есть постсоветской и постперестроечной колбасы, ибо в их запахах ему всегда чудился дивный аромат международного мусорного бака.

Затем рядом с подозрительными продуктами марсианин увидел нечто в упаковке с заманчивым ценником:

Для шашлыка.
Парной, свинной!

, автоматически отметив ошибку в последнем слове. Он уже знал, в чём заключался этот прикол: доверчивые покупатели, отмечая мужской род написанного на ценнике, охотно брали новый товар, думая, что это окорок, и только дóма обнаруживали, что приманка скрывала под собой банальный ливер!

Не тушёнку, не цыплёнка –
соответственно трудам –
ливер взял я для котёнка,
но сожрал его весь сам!

Кстати, однажды сдуру попробовав колбасу, выставленную на прилавок Калимой, покерный гуру предложил ей (Калиме, а колбасе) срочно сменить свой ценник на вот такой:

Это просто что-то с чем-то!
Берите даром!

В это время он услышал, как какой-то пожилой саксаулец, отстоявший довольно приличную очередь, попросил у начальницы лабаза 1 (один) стержень для авторучки, после чего отметил для себя, что немного побаивается именно таких людей, ибо у человека, который покупает не новую авторучку за 12 назарбаксов, а только стержень за 1 назарбакс, на уме может быть что угодно!

И не успел он обдумать эту мысль хорошенько, как его толкнули в бок – кто бы вы думали? Да Серёнька Афанасьич!

– Володя, мать честна́я, – таинственно прошептал он, – а ты чего здесь так долго делаешь?

– Видишь, какая очередь, – словно слепому придурку, объяснил Кулемзин. – Потерпите ещё немножко, порассказывайте друг другу какие-нибудь истории. Вот, вспомнил: попроси Талгата рассказать байку про холостой патрон – он мне её как-то поведал, а я как раз не успел записать.

– Замётано! – условным паролем согласился сторож и отчалил восвояси, и, кстати, вовремя, так как люди, успевшие скопиться за Альбионычем, начали подозревать Полтавцева в желании вклиниться в очередь без очереди.

Буду с вами поточнее –
без напитков спиртовых:
не люблю очередей я –
автоматных и простых!

Как уже было замечено ранее, в магазинчике Калимы ежедневно что-то менялось. Вот и сегодня на полочке, где стояли образцы пивных бутылочек «Тянь-Шаня», «Маршала» и «Жигулёвского», коими в принципе и пробавлялись наши герои в течение дня, появилась крупная табличка, видимо, подчёркивающая полезность данных напитков:

Рекомендовано МАСИКом!

– Калима, – обратился к владелице сельпо изумлённый писатель, который наконец-то пробился к прилавку. – А этот Масик – он кто? Твой любовник из Саксаульского института питания? Или некий неизвестный учёный, задержавшийся в развитии в детском возрасте?

– Не Масик, Володя, – важно ответила магазинщица, а МАСИК. – Я тебе сейчас всё объясню…

Она достала из грязного халата какую-то мятую бумажку, разгладила её, чтобы строчки не западали в складки, и торжественно прочитала:

Международная
Ассоциация
Стоматологов
И
Косметологов

Писатель с сомнением выслушал это сообщение, ибо не понял, как же можно совместить полезность пива с рекомендациями специалистов, работающих явно в другой области применения их сомнительных знаний, но благородных напитков всё-таки набрал, потому что помнил, насколько они хорошо помогают в борьбе с похмельем.

Краем глаза он зацепил *вечернюю* полочку нашего великого романа, на которой стояло сами знаете что, и подумал, что из множества алкогольных напитков, представленных в магазинчике, не хватает только хорошего коньяка под названием… м-м-м… скажем, «Литературный» – с портретами Сергеича и Альбионыча.

Я, из рода самородков,
говорю своим друзьям:
«В честь меня назвали водку –
видно, всё же классик я!»

Наконец Кулемзин вышел из *шопа*, потянулся и пропустил в контейнер ещё двух молодых саксаульцев, застав начало их разговора:

– Анвар, а ты какой резиной пользуешься?

– Зимней, шипованной!

– Бедная Саулешка!

Глава 42. О ХОЛОСТОМ ПАТРОНЕ (Военная байка Батыршина)

А что же творилось в похмельном коллективе, пока Володя был в магазине? А то, что там верно исполняли его распоряжение – насчёт чего-нибудь порассказать. Правда, перед этим все немного поругались, так как никто не хотел быть рассказчиком – до того момента, как первая капля блаженного напитка орошит его пересохшую гло́тку. Ясность внёс охранник Полтавцев, применив старый приёмчик в виде считалочки:

Ходит Вова в магазин,
нам оставив лимузин!
У кого права в кармане,
пусть катает Таню с Маней!

, с каждым слогом тыча в грудь по очереди Нуртаю, Талгату, Валере, не забывая себя. Последний слог, как пуля, на этот раз пришёлся в грудь бравого оловянного (после вче-

рашнего) солдатика Батыршина, поэтому катать Таню с Маней… тьфу, рассказывать байку пришлось именно ему. И он, поднапрягшись, рассказал.

– Не знаю, как сейчас, – начал он своё суровое повествование, – но в то время, когда я был ещё не старшим прапорщиком, а служил *срочную* простым ёперным солдатом…

– Простым солдатом?! – воскликнул Афанасьич. – Не верю, царица лесная!

– Был, был, – подтвердил бывший простой солдат. – Так вот в нашей части появился такой приказ: все караульные, заряжая магазин автомата…

– Как это – магазин автомата? – воскликнул никогда не служивший педагог Курманбаев. – Ты уже совсем заговорился! Какой же у автомата магазин? У автомата пули, приклад какой-нибудь, курок на худой конец…

Остальные присутствующие посмотрели на Мусаича с презрением и даже не стали объяснять ему, что никакого курка у автомата тоже не было, а был спусковой крючок!

Технику учил я плоховато
и в СА[88] ни разу не служил:
я спустил крючок у автомата –
автомат тотча́с пивка налил!

[88] ***Советская Армия (б) – прим. ист. редактора***

– Да, так вот, – продолжил военный музыкант, – в магазин автомата караульные должны были класть сверху… один холостой патрон!

Не до конца пришедший в себя преподаватель еврейского колледжа на этот раз закатился истерическим смехом:

– Холостой? Так он что, патрон этот, неженатый был? Ну ты договорился!

В этот раз на истерика даже не стали смотреть, а, напротив, навострили уши.

– А делалось это для того, чтобы избежать несчастных случаев, а ну как невзначай произойдёт выстрел. Короче, прежде чем выстрелить, нужно было сначала передёрнуть затвор, выбросить холостой патрон и только потом уже нажимать на спусковой крючок. На всё это требовалось малое время – буквально две секунды, не больше, но тем не менее именно из-за такого холостого патрона и произошла с моим другом Азаматом Алабердиевым (мы с ним вместе призывались из одной деревни) одна необыкновенная история.

– Эх, святой Малевич, жаль, глотнуть нечего! – воскликнул художник Муравлёв. – За такое начало и трёх глотков не жалко!

– Так вот, было это днём. Алабердиев стоял на посту возле овощных складов, где хранился стратегический запас нашей части: капуста, картошка, морковь и репчатый лук. Пост в это время был вскрыт, на складах работали солдаты, дежурный по кухне получал продукты, а электромеханик чинил проводку.

«Ни хрена́ себе память, мать честна́я!», подумал Серёжа.

– Азамат закинул автомат за плечо, – продолжил рассказ унтер-офицер Салихдзяныч, – и, скучая, ходил между одноэтажными складскими помещениями.

– А вот здесь позволь тебе не поверить! – ещё раз вскинулся саксаульский коммунист. – Неужели в армии, которая защищала великий Советский Союз, были такие маленькие склады, а не, скажем, шестиэтажные, чтобы продовольствия хватило на всех защитников родины?!

Фраза крайне пошловата,
но такой уж ей бывать:
«Как покормишь ты солдата,
так он будет воевать!»

Жаль, но рассказ прервался на 2 минуты 14 секунд, то есть на то время, которое хватило трубачу для очередного посещения учпучмакских кустов – сами знаете для чего.

Воин, призванный на службу своей малой родиной – Татарской АССР, был очень исполнительным, и даже время от времени покрикивал на солдатиков, которые нет-нет да и норовили покурить в неположенном месте. Наверно, уже раз двадцать, не меньше, стоял мой друг на этом посту и ни разу, ни с кем, и даже с ним, Алавердиевым, здесь не случалось никакого хоть бы мало-мальски значительного происшествия. Правда, первое время, когда он был ещё совсем молодым солдатом, стоять на посту осенней ночью, в непроглядной темноте было страшновато – всё время казалось, что кто-то ползёт, кто-то за тобой следит, кто-то подбирается из темноты. Но постепенно он привык, освоился, и ни шорохи, ни темнота его давно не пугали. А днём так и вообще нечего было опасаться!

Караулить сложно в мрак –
это очевидно:
днём на склад не лезет враг –
близко его видно!

Приближался час обеда, и пост опустел: ушли солдаты, ушёл электромеханик, ушёл дежурный по кухне. И лишь в дальнем помещении ещё задержался начальник склада – старшина-сверхсрочник. Азамату тоже хотелось есть, и он всё чаще поглядывал в сторону караульного помещения, хотя ждать смены было ещё долго.

Глава 43. О ХОЛОСТОМ ПАТРОНЕ (Военная байка Батыршина, окончание)

Тогда он медленно обошёл картофельный склад, завернул за угол и вдруг остановился: прямо навстречу ему торопливой деловой походкой шёл незнакомый парень, одетый в гражданский костюм, гладко выбритый, и только замысловатые, резко скошенные бакенбарды спускались от его висков к щекам.

– Шпион, мать моя КПСС? – свистящим шёпотом предположил большевик.

– Нарушитель без утверждённого командованием части пропуска, царица лесная? – ахнул экс-текстильщик.

– Может, это художник приехал на пленэр и нечаянно заблудился? – думая о чём-то своём, спросил Николаич.

– Нет, друзья мои, – продолжил рассказ Талгат. – Йодистое дело было в другом.

– Рассказывай дальше, – заёрзал от нетерпения на покерной скамеечке сторож.

Объяснить сейчас я должен,
в голове какой маршрут:
свою повесть я продолжу –
лишь тогда, когда нальют!

– Стой! – громко крикнул Алабердиев и добавил согласно устава караульной службы:

– Кто идёт?

От неожиданности он крикнул слишком громко и даже сам смутился своего окрика: не ночь ведь, чего орать?

– Тише, солдат, – быстро проговорил незнакомый человек. – Дело есть.

– Вы что, к старшине? – вежливо спросил караульный.

– Говорю, дело есть, – повторил парень и быстрым движением сунул руку в карман. – Патроны продашь?

– Чего? Чего? – растерялся Азамат.

– Продай – не пожалеешь.

Алабердиев схватился за автомат, но в тот же момент парень выдернул руку из кармана, и солдат увидел чёрное дуло револьвера.

– Ну! Быстро!

Не зная, что делать, солдат молчал и не двигался. С одной стороны, положение было вроде бы безвыходное: пока он передёрнет затвор, пока выстрелит, парень успеет выпустить в него все семь патронов из своего револьвера, но, с другой стороны, за время солдатской службы Алавердиев давно усвоил, что безвыходных положений не бывает.

– И как же? – сглотнув слюну, спросил живописец.

– Валера, не мешай, – отозвался Афанасьич. – Талгат, а дальше чё было?

– А дальше нарушитель со страшным щелчком взвёл курок…

Глаза бойца в ночи́ сверкнули,
и как учил их командир,
он взвёл курок – и быстро пуля
пробила вражеский мундир!

– Так ты же говорил, что не бывает никаких курков! – торжествующе взревел Курманбаев.

– Эх, Нуртай, мать честна́я, – попенял ему Полтавцев. – А ещё человеком с высоким образованием притворяешься! Талгат же раньше говорил про автоматы, а теперь – про рево́льверы! А у рево́льверов как раз курки, а не какие-то крючки.

Партийный понял, что окончательно запутался и впервые в жизни пожалел, что не отдал родине ни одного дня воинской службы.

– Давай патроны! Быстро! – тихо прошипел нарушитель в штатском.

И тут Азамата осенило.

– Ладно, – сказал он. – Будь что будет – продам.

Он спокойно вынул магазин из автомата и шагнул навстречу незнакомцу.

– Это для твоей пушки, что ли? – уточнил караульный.

– Ну!

– Так ведь не подойдут эти патроны. Точно говорю, не подойдут.

– Поболтай у меня! Много ты знаешь!

– А то не знаю! – обиделся Алабердиев. – На, сам посмотри.

Он ловко вынул верхний патрон и протянул незнакомцу.

– Примерь.

Маленький жёлтый патрон с тупой пулей лежал на ладони. Он ничем не отличался от остальных – лишь тёмный ободок на донышке гильзы выдавал его *неженатую*, как предполагал Нуртай, принадлежность.

Какое-то мгновение оба – и Башмаков и незнакомый парень – смотрели на патрон. Потом незнакомец сделал шаг вперёд, быстро схватил патрон, так же поспешно отступил назад и сунул его в барабан револьвера.

– Ну, это ты совсем уже заврался! – в очередной раз сорвался на крик Мусаич. – Какой барабан? Это тебе что – не армия, а оркестр какой-то? Или ещё хуже – цирк?

Бьёт барабан смертельный номер –
знать, в нашем цирке кто-то помер!

– Гражданин Курманбаев, – неожиданно включил *милицанера* Валера. – Не мешайте увлекательному рассказу нашего армейского друга!

Названный гражданин, с которым никому не хотелось спорить, сверкнул глазами, но наконец-то замолчал, а Муравлёв дал знак рассказчику – продолжай, мол.

– Порядок! – довольно промолвил нарушитель. – Ну вот, а ты мне говорил, что не подойдёт…

Но не тут-то было! Азамат в это время успел отскочить к стене склада, сорвал с плеча автомат и вставил магазин на место. И тут же услышал сухой щелчок! Незнакомец попытался выстрелить, но выстрела, разумеется, не было.

– Тукта! Куллар![89]– крикнул караульный, не заметив, что от волнения перешёл на родной татарский.

[89] Стой! Руки вверх! – тат.

Но оказалось, что парень его прекрасно понял – он швырнул револьвер и поднял руки. По его лицу было видно, что он всё ещё не может сообразить, что же произошло.

Уложила на лопатки
жизнь, которой не купить:
вот бывают непонятки –
водку нечем закусить!

– Эх ты, дурак, – вновь перешёл на общеармейский для СССР (б) язык Алабердиев. – Я же говорил: не могут тебе подойти наши патроны. Не могут!

– А дальше, святой Малевич? – воскликнул художник, который, как только что выяснилось, очень переживал за Суку-судьбу незнакомого татарского паренька.

– А ёкарного арестованного в этот же день увезли в облцентр, – завершил свою байку Салихдзяныч. – Он оказался опасным ёперным бандитом, которого давно уже разыскивала йодистая милиция.

– А этот Аллахпропердиев как же? С ним-то что, царица лесная? – поинтересовался ещё один слушатель.

– А наш командир полка приказал его сфотографировать у знамени части! А я в это время объяснил нашим сослуживцам, как же повезло моему земляку с именем и фамилией![90]

[90] Азамат с татарского герой, Алабердиев – от поволжско-татарского алла бирде – дедушка дал – прим. главы гильдии переводчиков романа «Русская кочерга»

Глава 44. ЕВРОРЕМОНТ НЕЛЕПЫХ ТЫКВ

И вот с последним словом военного рассказчика оставшиеся в сиротстве похмельные персонажи заметили на горизонте Володю. Он возвращался из магазинчика Калимы весёлым пружинистым шагом полководца, победившего в нелёгкой битве. Прижимая к груди заметно потяжелевшую серёжину котомку, с последними шагами писатель даже стал несколько шаркать подошвами по асфальту, делая какие-то гусеничные движения.

Увидев спасителя, все разом выдохнули, будто дружно сбросили с плеч надоевшее восьмипудовое бревно. На душé полегчало, потому что, как мнилось сейчас несчастным, появилась какая-то определённость в жизни. Над не совсем светлым утренним миром Бермудского Учпучмака бубновым тузом начало всходить солнце надежды.

Не подумайте, что странен,
хоть я парень непростой –

я надеюсь, легче станет:
был я центнер – скину 100!

– Привет, симулянты! – поприветствовал гостей Великого ▲ Кулемзин. – Давно не виделись…

А про себя произнёс фразу, впоследствие широко шагнувшую в народ, так что автор воспользуется своим правом придать ей вид некоего афоризма:

Что русскому хорошо,
то потом ему же и плохо!

– Ну что, присядем? – предложил писатель. – Расплющим свои и без того плоские задницы?

Но тут выяснилось, что расслышать последние слова знатного пиводоставляльца было решительно невозможно, ибо их заглушил некий звук, в земной природе не существующий. Оказалось, что за время володиного отсутствия пьяненький с утра Глав-Бух успел спуститься со своего третьего этажа и, пробравшись тайными тропами, обосноваться недалеко от покерного коллектива. Сейчас он со всей дури колотил по пеньку в норд-весте от покерного столика, проводя в жизнь типичную реализацию поговорки «Сила есть – ума не надо». Всё лицо его, за исключением одного о́ргана, было абсолютно белым, словно выкачанную из него кровь заменили кефиром, а вот нос разбух, как розовый бутон, нагретый солнышком.

Как же жалко мне семью –
мою рожу поломало:
красный нос – видать, я пью,
и к тому же пью немало!

Альбионыч понял, что странные игрища пропитона могут затянуться надолго и, отвернувшись, быстренько соорудил заклинание для одной несложной марсианской технологии под названием *бръъъчачаъъъ*, применив которую, он тут же добился, что нечистые уста Руслана Кацоева (б) оказались запечатанными, как бутылка с джинном Хоттабычем. Но алкаш не успокоился и стал молча избивать бедный пенёк, которому не повезло ещё раньше, когда он из двадцатилетнего древа превратился в приземистый *комель*.

– Да, яйчики-бабайчики, – грустно произнёс марсианин, – как всё-таки земное сообщество не понимает, какую гибель оно несёт природе: люди убивают голубей ради голубцов, они отбирают у птиц птичье молоко, они убивают селёдку, чтобы забрать её шубу, они отнимают у крабов их палочки, они скрещивают коня и яка, чтобы потом выжать из них алкоголь! Как же это бесчеловечно!

После спонтанного спича, не обращая внимания на то, что все, кроме него, вздрогнули при слове *алкоголь*, он понял, что теперь можно было не спеша оценить ТТХ[91] его будущих соперников в *русскую кочергу* и примкнувшего к ним художника.

[91] *Тактико-технические характеристики – прим. тех. редактора*

Честно говоря, вид у володиных оппонентов был такой, будто данное подразделение прошло *месячными боями* сквозь амазонскую тайгу.

Всех врагов своих замесим,
наступать их отучив:

мы воюем целый месяц,
чтоб зарплату получить!

Вот Полтавцев. Его лицо сейчас было похоже на *нервную изнанку* плотского бытия: лоб потел, как водка из холодильника, белки́ глаз были мутными, словно советское (б) Заполярье, а сердце колотилось в рёбра с отчаянием узника, требующего немедленной свободы. Внешне же охранник в этот момент походил на кривоногого агронома совхоза «Красный лапоть»

Литератору стало жалко бывшего текстильщика и, расстегнув котомку, он вручил бутылочку именно ему – первому из коллектива, вызвав бурю немого негодования у педагога. И, кстати, совершенно зря, ибо «Жигулёвское» пиво было такой же никчёмной дрянью, как позавчерашний трамвайный билет, но Афанасьич являлся тем человеком, о которых говорят, что он не ел ничего вкуснее морковки, поэтому «пиво» это страшно любил – ещё и за то, что никогда не пробовал другого, хотя всю жизнь мечтал об этом, но вначале жлобился, а потом, когда денег не стало, стеснялся попросить.

Жизни мне оно дороже –
я несу его как крест:
двадцать лет одно и то же
пиво пью – не надоест!

Вот Курманбаев. Лицо его казалось пресным, как маца, но с несколько зеленоватым оттенком, как у побега бамбука. Сердце ленинца, как и у сторожа, колотилось, точно деревенский церковный колокол в момент пожара. И всё же, приглядевшись, можно было заметить, что Мусаич, страшный внешне, сейчас выглядел скорее спокойным, нежели удручённым. А почему? Да потому, что приторно прищурясь, Нуртай наяву предвкусил то самое светлое будущее, которое обещал всему человечеству Ленин, но так и не дал, а вот Кулемзин давал его стабильно – каждое утро!

Как писал И. Северянин,
не сдержав суровых слёз:
«Помер Ленин, а крестьянин
с горя запилил в колхоз!»

Вот Муравлёв. Живописец сидел на покерной скамеечке прямо, выделяясь тощими коленками под застиранным спортивным костюмчиком, и со своим острым кадыком был похож сейчас на памятник Аврааму Томасовичу Линкольну в городе-герое Вашингтоне. Выглядел Валера как мешок с макулатурой, а чувствовал себя точно самовар, у которого, как известно моим читателям, от рождения не было ни рук, ни ног. Видимо, именно из-за этого художник видел себя как бы со стороны – таким усталым, словно не спал в своей постельке всю ночь, а прожил целую жизнь грузчиком на товарной станции Отцябловск-Сортировочная.

Вот Батыршин. Ему, конечно, было хуже всех: во-первых, он за сегодняшнее утро по прихоти пропадлючьего педагога уже не раз навестил учпучмакские кусты, во-вторых, потерял последние силы, по прихоти Кулемзина рассказывая свою военную байку, и, наконец, в-третьих, никакого отдыха и успокоения от ночного сна он не получил, ведь если какому-нибудь Серёньке Афанасьичу регулярно снилась большая белая грудь соседки из дома № 17 проводницы Иры, то Талгата Салихдзяныча, прапорщика и трубача, в то же самое время мучали кошмары, что его знакомый химик Менделеев так и не успел изобрести популярную в татарском народе жидкость!

Поэтому не удивительным было то, что всю ночь музыкант просыпался в холодном поту и с учащенным сердцебиением, затем снова засыпáл и снова просыпался. А автора успокаивало только то, что жена шнапс-капитана Аида относила такое ночное метание мужа на свой счёт и тихо радовалась семейному счастью…

Беспокойно муж мой спит –
словно взял большой кредит!
Деньги я сама потрачу –
он вернёт! И не иначе…

Глава 45. ЕВРОРЕМОНТ НЕЛЕПЫХ ТЫКВ (продолжение)

Он ещё раз оглядел алчущую компанию и понял, что всё вместе это напоминало похоронное бюро «Не заплывай за буйки!»

– Может, по бутылочке, яйчики-бабайчики? – предложил нежадный гуру. – Так сказать, для восстановления психического здоровья…

– Как это? – не понял Полтавцев, который не понимал вообще ничего, пока сами собой не восстановятся утраченные вчера мозги.

– Серёжа, пиво, – показал бутылочку Володя.

– А-а-а, – понял жизнь на 3,62 процента увечный.

В это время словно проснулся старший прапорщик.

– А это что? – произнёс он с недоверием. – И это кому́?

– Слушай, Талгат, – сказал Альбионыч, пристально разглядывая героя вчерашних сражений, – если это у тебя не врождённая бледность, то тебе просто необходимо принять бутылочку пивка!

– «Маршала»? – несмело попросил военный.

– А ты сейчас кто? Старший прапорщик, не так ли? Тогда твоё пиво – как максимум «Младший лейтенант»…

Давно я не был так испуган,
и не расчухал одного:
давали пиво по заслугам –
мне не досталось ничего!

Здесь писатель заметил, что на покерной скамеечке не хватает одного ранее замеченного и, посчитав остальных по тыквам, понял, что куда-то делся Муравлёв. Правда, скоро он обнаружился сам, так как из-за ближайшего карагача торчал его покрасневший в алкогольных боях нос.

– Валера, раз уж ты окончательно не растворился в равнодушных просторах Вселенной, – обратился он к художнику, – то присаживайся, пожалуйста. И помни: когда глаза́ на одном уровне, люди равны.

И видя, что Николаич замер в нерешительности, добавил:

– По этой же причине судейская скамья всегда находится на возвышении…

Живописец, видимо, вспомнив что-то своё, тяжело вздохнул и присел рядом с Афанасьичем и Мусаичем, страшно потеснив их утомлённые тела, которые сейчас держались не прямо, а норовили растечься, словно перебродившая квашня. Тогда литератор обошёл столик, взял сторожа за ручку и отвёл его на противоположный берег – к саксаульскому шишкину. «Кто это?», подумал экс-текстильщик и тяжело опустился рядом – неуклюже, как трудно складывающийся деревянный фотоштатив.

Сфотать на корпоративе
может только режиссёр:
аппарат мой на штативе,
значит, чётко будет всё!

Наконец Кулемзин увидел, что подотчётный коллектив (за исключением пока отсутствующего Васюхана) готов к принятию того, что он называл РУНА, и раздал всем по первой бутылочке, а автор страшно расстроился, что так необходимое этим персонажам исцеление началось так поздно. И пока все хлопали пробочками, решил объяснить, что же означает таинственная аббревиатура в конце этой страницы.

Реанимационный
Утренний
Напиток
Антилетальный

Итак, очередная утренняя реанимация началась! Марсианин не спеша сделал первый (на природе) глото́к из своей бутылочки «Тянь-Шаня» и стал внимательно наблюдать за происходящим, одновременно нажав в голове кнопочку safe – для ненавязчивого запоминания деталей, которые, как он надеялся, пригодятся ему для описания этих сценок в шестом томе его великого романа «Русская кочерга». И вот что он увидел (и запомнил).

Первым его открытием было то, что герои нашего повествования не просто начали похмеляться, а с каким-то трудовым упоением отдались процессу личной реанимации.

Например, до первого глотка́ педагог Курманбаев дышал так, будто полчаса без остановки прыгал через скакалку, отобранную у дворовых детей, и, наверное, именно поэтому он (первый глото́к, а не педагог) зашипел в брюхе, точно выплеснулся на раскалённую сковородку. Вялые псевдобицепсы руки Нуртая стали ритмично сокращаться, поднимая руку с бутылочкой прямо ко рту, и вскоре губы надёжно обхватили её револьверное дуло, а полость рта стала создавать отрицательное давление, необходимое для того, чтобы засосать ценную жидкость внутрь организма, который, как было заметно, жаждал её, словно истинно нужную ему *ипостась*, и был готов к её восприятию и усвоению. Когда это всё неожиданно получилось, и Нуртай допил бутылочку, как жаждущий олень воду, он (Нуртай, а не олень) тут же расцвёл, будто был прекрасным цветком, только что опылённым шмелём.

Как же *насекомый* тот измотан –
должен он по саду хлопотать:
у шмеля тяжёлая работа –
косяки от пчёлок исправлять!

Было видно, что после этой бутылочки большевик стал заметнее жизнерадостным – как помоечный голубь, а в голове воцарилась нежная многозначительная сумятица.

Затем Володя перевёл свой взор на Полтавцева. Он увидел, как Серёжа, дорвавшись, точно медведь до прополиса, жадно припал к халявному горлышку своего помоечного «Жигулёвского», словно вампир к свежей ране. Стало заметно, что первый глото́к показался ему горьким, как жизнь после пятидесяти, но дальше всё пошло́ быстрее и прекраснее: охранник припал к своей бутылке с таким видом, будто только что совершил многодневный пеший переход через пустыню Такла-Макан. Мигом опростав реанимационный сосуд, Афанасьич аккуратно поставил его под покерный столик и пробормотал загадочное заклинание:

– Жить стало лучше, жить стало трындындей…

Хорошо нам жить, ребята:
голова как хлопковата!

В голове уроженца деревни Семижопино, которую упорно хотелось называть тыквой, внезапно стало легко и просторно, словно невидимые грузчики вынесли оттуда что-то громоздкое и тяжёлое типа рояля «Steinway & Sons»[92] 1865 года. Вся его нервная система наконец-то запела от наслаждения. «Я!», подумал сторож с радостью вернувшегося к жизни человека.

[92] «Стейнвей и сыновья» – англ.

– Да, – посмотрев эту сценку до конца, произнёс Альбионыч, – думаю, что…
А далее он перешёл на какой-то неизвестный всем присутствующим язык:
– Si autem non vis ergo tibi dolor[93].
Все нахмурились, соображая, что же хотел втюхать им образованный писатель, и только Полтавцев в отчаянии пролепетал:
– Ich spreche kein Deutsch[94]!
, а потом требовательно протянул руку в сторону спонсора – как видно, за добавкой.

[93] Если сам не знаешь, чего хочешь, значит, ты хочешь пива – лат.
[94] Я не знаю немецкого! – нем.

В голове с похмелья криво,
мысли словно в кипятке –
попрошу я: «Дай мне пива!»
на родимом языке…

Осталось только запомнить, как реанимируются саксаульский леонардо и военный музыкант, и Володя с радостью набросал виртуальные строчки в свой будущий роман. И вот что у него получилось.

Глава 46. ЕВРОРЕМОНТ НЕЛЕПЫХ ТЫКВ (ещё одно продолжение)

Первый отрывок был посвящён Николаичу:
«Муравлёв поднял предложенную ему бутылочку «Тянь-Шаня», посмотрел её на свет и внезапно вспомнил песню страшненькой Любы Успенской «Почему так путаются мысли», но исполнить её не рискнул, и начал прихлёбывать молча, погрузясь в невесёлые семейные думы.
Сделав первый глото́к, он тяжело вздохнул, словно ему сегодня предстояло, как минимум, поднимать сельское хозяйство Саксаулии. После же второго глотка́ стало заметно лучше, и движения руки́, направляющей бутылочку ко рту, сделались более уверенными и плавными, а мозг даже попытался заработать чётко, как компьютер, но это душевное движение ему явно не удалось. И всё же у Валеры появилось ощущение того, что на свете не осталось ничего, с чем решительный и умный человек не смог бы справиться!
Правда, выпив полбутылочки одним махом, он (Валера, а не решительный и умный человек) тут же обмяк, словно из него выдернули скрепляющие шпильки, после чего посмотрел на Альбионыча такими счастливыми глазами, словно тот был почтальоном, который принёс ему долгожданную пенсию»

Всю жизнь меня тревожила забота,
чтоб отложить на пенсию хоть что-то.
Не удалось! И как теперь прожить?
Придётся, видно, старость отложить!

Второй отрывок литератор решил посвятить последнему (на этот момент) покеристу, то есть старшему трубачу Батыршину:

«Талгат схватил свою бутылочку родного «Маршала», на всякий случай зажмурился, после чего сделал большой оздоровительный глотóк. Последствия вчерашнего, как тут же выяснилось, были ужасны: музыкант выдохнул и вдруг согнулся до сáмой земли, будто, excuses de l'auteur[95], срыгнул.

[95] Извинения от автора – фр.

– Что, рублик потерял? – озаботился Володя.

Наконец, Салихдзяныч вновь обрёл прежнее положение, после чего второй глотóк мягко лёг на подготовленную почву, и обер-корнет испытал невиданный эмоциональный подъём: мир вокруг него засиял яркими красками, звуки стали слышны до звона, а сопокерники и даже неиграющий художник показались ему лучшим друзьями на свете, хотя и немного испорченными непринадлежностью к татарскому сословью.

Стало видно, что такое начало явно пошло ему на пользу, так как Батыршин теперь уже увереннее присосался к своему святому граалю, вонзившись в его хрупкое стеклянное тело, как упырь в ангелицу[96]. Выпив залпом всю бутылочку до конца, он внезапно ощутил прилив неуставного вдохновения и даже сочинил стишок:

[96] Здесь автор явно дал маху! Как показали современные исследования с привлечением научной аппаратуры, ангелы – существа бесполые – прим. науч. редактора

«Здравия желаю!», – усердия полны,
приветствовали старших нижние чины.

, который, впрочем, тут же забыл, а вот читатели всегда, как только захотят, смогут освежить его в памяти!»

В общем, всё началось хорошо: после своих первых сосудов будущие покерные противники (числом 3) и болельщики (числом 1) стали веселы, как апрельские птички, а нежадный спонсор коллектива Альбионыч, обрадовавшись такому преобразованию, даже придумал некий афоризм, который автор и дарит каждому, кто сейчас с трудом удерживает в руках этот двухкилограммовый том:

Всякий раз, когда утром с похмелья
пьёшь что-либо холодное, то непременно
радуешься мудрости природы,
расположившей рот именно в голове!

Нас утро встречает «Тянь-Шанем»,
и мы ему рады всегда:
в бутылочку первую канем,
второй тоже скажем мы *да*!

Тут же на свет *дедушкин* из полтавцевского хурджина была извлечена очередная партия реанимационного материала и роздана каждому по наклонностям, как некие серьги –

поговоркиным сёстрам. Здесь надо заметить, что вторые бутылочки отличались от первых тем, что под первые раздавались звуки лишь отвлечённые, то есть ахи, вздохи, причмокивания и стоны, а вот под вторые бутылочки знатные бермудцы уже могли немного поговорить, ибо их внутренние узлы и сочленения постепенно начинали складываться в работоспособные механизмы, а ду́ши покерной хевры и примкнувшего к ней живописца стали выбрасывать первые робкие зелёные побеги.

И в тот момент, когда все припали пастями к своим вторым бутылочкам, шаловливый ветерок, как называют его плохие писатели, принёс к покерному столику обрывок какой-то саксаульской газетки, правда, на русском языке. Кулемзин, всегда трепетно относившийся к печатному слову, поднял его, осторожно отряхнул и прочёл некое предупреждение от местного МЧС – о том, что если у вас в квартире вдруг случился пожар, то гасить его не надо, а нужно срочно позвонить на номер 01 и ждать, пока всё не догорит до конца. Впрочем, может и повезти – если пожарные приедут раньше этого.

Тогда писатель, обладающий сатирическим и юмористическим даром, придумал, что вот это МЧС можно расшифровать как

Министерство
Частных
Саботажей

, после чего бросил газетный обрывок дальше, который тут же устремился к своему неведомому следующему читателю – всё под теми же воздушными струями. Проследив траекторию полёта бумажки, он неожиданно услышал обращённый к себе вопрос и даже сумел понять, от кого он пришёл:

– Володя, вот ты нас похмеляешь, а у самого йодистый вид какой-то больной.

– Понимаешь, Талгат, тут я не виноват. Это банальное отравление.

– Интересно, чем это, мать моя КПСС? – вставил свои партийные три копейки Курманбаев, который всегда остро завидовал содержимому кулемзинского холодильника. – Надеюсь, не буржуазной *фуагрой*?

– Нет, – честно ответил писатель.

– А чем же, святой Малевич? – начал переживать за здоровье друга Валера.

– Реальностью!

Я по жизни смурной и забитый –
позабывший родную гармонь,
и отравлен реальностью быта,
как цианистым калием – конь!

– А эт’ чё такое, мать честна́я? – озаботился проблемой ещё один член поверной хевры.

– Серёжа, не мучайся вопросами, на которые не может ответить даже *дедушка*, – посоветовал Альбионыч, после чего обратился ко всем:

– Поздравляю вас, мои маленькие друзья!

– А что, сегодня праздник какой? – уточнил всё тот же Афанасьич.

– Конечно, – ответил марсианин. – Например, у тебя, Серёжа, сегодня – первый день твоей оставшейся жизни. Как, впрочем, и у других…

Живи ты, каждый миг храня,
пока не припечёт.

Начни с сегодняшнего дня
последний свой отсчёт…

– Ну, тогда со свиданьицем, – ничего не поняв, предложил сторож.
– И то, – согласился литератор.

Глава 47. ЕВРОРЕМОНТ НЕЛЕПЫХ ТЫКВ (окончание)

Выпив вторую бутылочку, Кулемзин почувствовал, что окружающий его мир начинает приобретать привычные очертания. И даже дворовые дети, которые до этого выделывали хаотические сальто, кувырки и какие-то тройные тулупы, сейчас начали носиться возле покерного столика более логично и осознанно – словно планеты Солнечной системы вокруг одноимённой звезды.

Допил свою вторую бутылочку и педагог Мусаич, который даже закатил глаза от восторга, после чего прочувствованно воскликнул:

– Спасибо тебе, старичок, за наше счастливое утро!

– Кушай на здоровье, не обляпайся! – пожелал спонсор коллектива.

Вдохновлённый пожеланием, ленинец вдруг вспомнил, что работает он не абы кем, а учителем информатики, и, надменно поглядев почему-то на своего соседа Полтавцева, добавил к ранее сказанному:

– Я, между прочим, с компьютером *на ты*. И с интернетом тоже!

– Да зачем он вообще нужен, этот интернет? – раздражённо откликнулся Серёжа. – Пиво есть – и ладно!

– А я вот лично вообще не понимаю, – настаивал Курманбаев, – как люди раньше без интернета жили, чем себя занимали?

– Володя, скажи ему, – попросил охранник, у которого по причине непроходящего похмелья своих мыслей пока не было.

– Раньше? – переспросил Кулемзин. – Честно говоря, здесь Нуртай прав: до открытия интернета все занимались чем попало: кто-то «Лунную сонату» сочинял, кто-то «Евгения Онегина», кто-то «Преступление и наказание» писал, кто-то законы рефракции открывал. В общем, убивали время как могли!

Я без нобелевских премий
просвещу сознанье масс:
«На́ хрен нам не нужно время!
Ну, на кой ты нам сейчас?»

И тут случилось неожиданное. Пришла пора третьих – до начала игры – похмельных бутылочек, и литератор осуществил их раздачу также, как и раньше, то есть без сожаления. И только Салихдзянычу он протянул не привычную бутылочку пива «Маршал», а какую-то заморскую баночку с крупной, но неведомой саксаульцам надписью на иностранном языке[97]:

יבכמ ראב

[97] Пиво «Маккаби» – ивр. Один из трёх знаменитых израильских сортов пива (кроме «Голдстар» и «Нешер») – прим. кулинар. редактора

Талгат схватил баночку, вскочил, ошарашено вскрикнул: «Что это за ёперная хрень?» и стал ходить кругами вокруг покерного столика, вертя предмет в руках, как кубик имени знаменитого венгра Эрнё Эрнёвича Рубика. Не добившись от так называемого *прови-*

дения ответа, он вновь упал на покерную скамеечку, видимо, осознав, что любое проявление жизни надо воспринимать как воздух, ибо она (жизнь, а не скамеечка) также необходима и естественна, как Устав караульной службы!

На кон я жизнь свою поставлю
без принуждений и подстав:
всегда живу я по уставу,
немного от него устав!

Наконец он открыл баночку и припал к жестяному отверстию, как младенец к родной мамкиной сиське. А Альбионыч, глядя на его счастливую рожу, вспоминал о том, что с приходом *нового времени* многие взяли моду похмеляться именно такими импортными баночками, причём, не обязательно пивными, а с так называемым джин-тоником – противным пойлом градусов примерно в 7. Он и сам однажды приобрёл такую баночку с утра чисто с научной целью – немного поизучать её состав, и по дороге из шопа Калимы заметил Серёньку Афанасьича, который, напротив, как раз спешил в сельпо.

Туповатый сторож нравился Кулемзину своей честностью, безразмерной котомкой и неистребимой, но совершенно напрасной тяге к знаниям – под предводительством учпучмакского гуру он уже несколько лет изучал ни много ни мало английский язык, и добился в этом просветительском ремесле блестящих результатов: наизусть знал слова *yes*, *no* и *wow*[98], правда, иногда всё ещё вставляя их не на те места.

[98] Да, нет, вау – англ.

Вот и сейчас, похвалившись покупкой, Володя подал сторожу заморскую баночку, которую тот тут же начал вертеть в руках, как туземец зеркало, после чего принялся читать на ней предложенные покупателям надписи, и страшно обрадовался, что понимает буквально всё. Так, одну из строчек, а именно

Weak alcoholic drink[99]

он переводил особенно радостно, маша руками и пританцовывая на месте, точно тамада на пятый час надоевшей свадьбы.

[99] Слабоалкогольный напиток – англ.

– Бухло для ослабленных алкоголиков! – кричал он на весь Бермудский Учпучмак. – Как раз для меня!

Наш алкаш – он ведь из самородков,
не знаком ни с одной из мето́д:
алкоголик, ослабленный водкой,
если русский, никак не умрёт!

Вот так и закончился для наших героев сегодняшний евроремонт их нелепых с похмелья тыкв, после чего они – вне всякой логики – пригорюнились, а должны были бы радоваться: во-первых, немного прошла горечь жизни, посетившая их с утра в виде головной боли, сухости в гло́тке и щемления какой-то неопознанной мышцы в сердце, во-вторых, на лечение не было потрачено ни одной саксаульской копейки, которые здесь назы-

вались смешным словом *тыны*, и, в-третьих, впереди их вновь ожидал ещё один удивительный день – с новыми удивительными приключениями!

Каждый думал о чём-то своём, и марсианин легко слышал эти мысли. А особенно ему понравилась одна, пришедшая из тыквы его друга Полтавцева: «Если бы я был на месте верховного главнокомандующего товарища Назарбаксова, я бы обязательно наградил Володю орденом «Знак почёта, уважения и безграничной любви»!»

Ты не бей меня по морде –
дам тебе за это орден!

Глава 48. СКАЗКИ III МИЛЛЕНИУМА (Одиннадцатый блок)

– Ну что, други мои, – сурово возвестил покерный гуру, – праздники окончены, и я предлагаю начать наши суровые будни!

– А сказки?! – завопил Афанасьич, которого до этой минуты литератор считал своим другом. – Лично я без сказок ни в какую *русскую кочергу* играть не буду!

Альбионыч досадливо крякнул, но решил пойти навстречу пожеланиям трудящихся. «Сказки так сказки», подумал он, «тем более что бормотание десяти коротких историй много времени всё равно не займёт! Лишь бы эти похмельные иблисы не вспомнили, что сегодня суббота, а, значит, выходной день, а, значит, можно совсем не работать за покерным столиком…»

И вот что он рассказал:

1

Буратино устроился в цирк укротителем диких животных, и теперь каждый день ходит по кра́ю жизни и смерти, заходя в клетку к разъярённым и голодным бобрам!

2

– Карлсон! Карлсон! Ты вернулся!
– Да, Малыш, по моей статье – амнистия…

Бог Малышу (корейцу Паку)
послал презент в один из дней.
Не тот! Малыш хотел собаку:
собака Карлсона вкусней!

3

Сели за стол добры молодцы и красны девицы, налили себе вина и других напитков. И через пару часов сделались они красны молодцы и добры девицы…

4

У Циклопа в детстве были отец, мать и семеро нянек…

5

Стоит Илья Муромец перед камнем, на котором написано:

Налево пойдёшь – коня потеряешь
Прямо пойдёшь – голову сложишь
Направо пойдёшь – себя позабудешь

и думает: «Поймать бы того урода, который такие тексты пишет, копирайтер хренов!»

6

У попа была собака, он её любил. А за то, что снимал всё это безобразие на видеокамеру, его отлучили от церкви!

7

Встретились как-то в одной сказке русский Иван-Царевич и американский Бэтмен. А потом взяли и поженились! А что – наш-то неприхотливый: ему что лягушка, что мышка летучая…

8

И говорит тогда Колобок:

– Не ешь меня, Лисонька. Меня по сусекам мели́, по амбарам скребли. Короче, пыль, грязь, песок, окурки!

У сказки этой нет пока
морального подтекста,
и кто там сел на Колобка,
теперь нам не известно.
Присевший в чём и виноват,
то, думаю, немножко,
а перед нами результат –
обычная лепёшка!
Видать, плохи́ его дела:
не выдержан экзамен, –
лежит, как рыба-камбала,
и хлопает глазами:
не самый лучший поворот
в его мучной карьере,
его и не засунуть в рот –
на нём уже сидели!
Он был подарком детворе,
и испечён с любовью –
сейчас лепёшкой на траве,
похожей на коровью.
Его, пожалуй, даже жаль –
пропал без пользы дела.
А вот вам, кстати, и мораль
к концу стиха поспела.

♠ ♠ ♠

Чтоб локти после не кусать,
не выть от огорченья,
не надо по́ лесу искать
на жопу приключенья!

9

Приходит Волк в торговую контору и говорит:

– Хочу продать три частных домика и небольшую партию свинины!

10

Винни-Пух, будучи медведем, во время зимней спячки сосал себе лапу. А Пятачок, будучи свиньёй, очень, скотина такая, любил этим пользоваться…

Глава 49. РАЗБОР СКАЗОЧНЫХ ПОЛЁТОВ (Короткая, но полезная)

И тут художник Муравлёв, который явно захотел потянуть время, надеясь на ещё одну лишнюю похмельную бутылочку, решил отвлечь Кулемзина невинным вопросом:

– Володя, а почему в одной сказке Иван-царевич, а в другой – какой-то Иван-дурак?

«И впрямь, почему?», тут же озаботился знатный филолог Бермудского Учпучмака, но сообразил быстро и ответил:

– Иван-царевич, Валера – это, видимо, самый первый русский, упавший с коня.

– А Иван-дурак?

– А Иван-дурак, яйчики-бабайчики, – он же, но только после падения. Кстати, в эту же (прости, русский язык!) концепцию вписывается и ещё один сказочный персонаж: Василиса Премудрая – первая русская, остановившая коня на скаку!

Затем мысль писателя и просветителя земли саксаульской пошла дальше и он стал вспоминать других героев русских народных сказок, а заодно и вообще литературных героев. И вдруг понял, что все они с точки зрения закона – сплошные уголовники! А вот посудите сами…

Баба Яга – полёты над территорией РФ без заявки в службе УВД
Змей Горыныч – нарушение правил пожарнной безопасности
Кощей Бессмертный – попытка разорения пенсионного фонда
Илья Муромец – незаконное получение пособия по инвалидности в течении 33 лет
Царь Горох – применение химического оружия
Спящая Красавица – тунеядство

Я сплю в гробу хрустальном. Ё-моё,
уже бока, признаться, отлежала,
а он всё не приходит, обормот!
Знать, рыцарей осталось очень мало…

Царевна Несмеяна – употребление психотропных препаратов
33 богатыря – незаконное вооружённое формирование
Колобок – скармливание хлеба скоту
Старик с неводом – браконьерство
Буратино – бродяжничество
Чипполино – призыв к свержению существующего строя
Кот в сапогах – нарушение закона о всеобщей воинской повинности
Лягушка-путешественница – нарушение правил пересечения границы
Дюймовочка и Крот – совращение несовершеннолетней
Золушка – рабство
Пятачок – нарушение закона о хранении огнестрельного оружия
Мазай – незаконное спасание на водах, не будучи инспектором ГИМС[100] МЧС РФ

[100] Государственная инспекция по маломерным судам – прим. юр. редактора

Емеля – езда на незарегистрированном транспоре (печь) без прав и номеров.

Не отличались хорошим поведением и литературные герои: например, тургеневский Герасим жестоко обращался с животными, а толстовский Вронский довёл Анну Каренину до самоубийства!

Всю жизнь иногда озаряет любовью,
но этого часто бывает так мало:
Каренина Анна своей алой кровью
сумела залить половину вокзала!

«Сказки вообще надо уметь читать», решил Альбионыч. «Вот возьмите Бабу Ягу. Не думаю, что она так уж плоха, а думаю, что в сказке всё решает контекст. Посудите сами: вы отселились от социума, наблюдаете за животными, едите грибы и ягоды, вокруг лес, – в общем, полный кайф. Тогда Баба Яга – просто егерь какой-то! И тут припирается некий немытый Иван и давай хамить...»

Глава 50. ФОРС-МАЖОР АНГЕЛИНЫ ИВАНОВНЫ

«Ну, всё, яйчики-бабайчики!», подумал старший покерист Бермудского Учпучмака. «Кажется, обязательная программа выполнена: коллектив собран на битву, похмелён (в первоначальном варианте) и рассажен по местам!»

– Все готовы? – спросил Володя голосом. – Тогда начнём!

И тут произошло то, что так часто происходило в предыдущих книжках нашего великого романа, то есть некие препоны в виде различных (прости, русский язык!) форс-мажоров и даже форс-миноров! Вначале над головами потенциальных игроков и примкнувшего к ним Николаича раздались громкие звуки – что-то напоминающее *ти-ти-ти*, а затем человеческий голос – по тембру звучания женский – весело произнёс:

– В городе Отцеябловске – 10 часов утра. В эфире «Радио Азия Минус»!

, после чего все поняли, что неугомонная соседка из дома № 16 Ангелина Ивановна снова решила ознакомить всех бермудцев с новостями прошедшего дня и примкнувшей к нему ночи. Так оно и оказалось!

Писатель с досадой отложил в сторону только что открытую *раскладку*, колоду карт и авторучку, которые являлись главными рабочими инструментами (кроме пива) для производства покерных сражений.

Гуманитарий знает, пролетарий,
курсант, политикан и коммерсант,
что главный в СССР инструментарий –
стакан, бутылка и ещё стакан!

В это время весёлый голос дикторши посуровел, и все поняли, что ничего хорошего за прошедший день не произошло. Но деваться было всё равно некуда, и поэтому пришлось прослушать все новости, которые к тому времени удалось собрать редакторам радиостанции. Как всегда, самое большое количество новостей приходило из соседней с Саксаулией России. Володя не раз задумывался об этом феномене, а потом понял, что происходит это сразу по двум причинам: во-первых, Россия была была больше его родной страны в 6,27 раза, и, во-вторых, жизнь там была по-европейски кипучей, а, значит, и событий происходило значительно больше. И его предположение тут же подтвердила радиоведущая.

«Учёные Роскосмоса обнаружили чёрную дыру, куда, как выяснилось, и утекают материальные и финансовые средства страны. На дальнейшее изучение чёрной дыры Роскосмос просит правительство дополнительно выделить 978 миллиардов рублей»

В стране бандитов и воров,
продажных шлюх и депутатов,
забытых властью стариков,

и разжиревших бюрократов,
дорог разбитых и дворцов,
растущих, как грибы с откатов,
очередной закон готов:
борьбы с курением и матом!

«Учёные инновационного центра Сколково предположили, что даже если полететь на Луну, то там обязательно будет стоять женщина со скалкой в руках и спрашивать у прилетевшего космонавта: «Ну, и где ты шлялся, козёл?»

«Как только что стало известно из календаря, стоящего на столе в нашей редакции, завтра, 31 августа, – последний день лета. И наша следующая информация – об этом. По итогам лета 2003 года состоялась традиционная пресс-конференция президента России Владимира Путина, который задал местным журналистам около 70 каверзных ответов»

«И ещё одна тревожная новость. С 1 сентября Россия запретит ввоз мясных деликатесов из Китая»

– Ужас какой! – прокомментировал сообщение Альбионыч. – И как теперь прикажете нам жить без копчёных летучих мышей?!

«Во время экономического кризиса предприятие «АвтоВАЗ» представило *перспективную* линейку автомобилей с двигателями, работающими на дровах»

– Значит, мать честна́я, скоро наш сосед омуртай, – глубокомысленно заметил Полтавцев, – перейдёт на заправку своей *волги* саксаулом…

«В ходе составления всероссийской энциклопедии «Кто из великих полководцев любил выпить» редколлегия «Воениздата» в целях экономии бумаги приняла решение дать ей название «Кто из великих полководцев *не любил* выпить»

Вот такой войны анализ
произвёл один дебил:
«Будем пить!», подумал Сталин
и фашистов победил!»

«Первое российское «ЛГБТ-радио» заявило, что будет ставить в эфир только песни отечественных ЛГБТ-певцов. Никогда ещё российский шоу-бизнес не был так близок к провалу!»

«В Московском зоопарке прошло очередное вручение международной Дарвиновской премии. Место мероприятия было выбрано не случайно: на этот раз премия досталась обезьянам – за большой вклад в дело человечества»

Примат и человек – одно и то ж:
в том и в другом – стремленье к подражанью:
и форма здесь одна, и содержанье, –
не верить можно Дарвину, но всё ж
ты сколько ни трудись, ведь всё равно,
всё ж никогда – ни поздно и ни рано –
не станет человеком обезьяна –
ей *дедушкою* это не дано!

Глава 51. ФОРС-МАЖОР АНГЕЛИНЫ ИВАНОВНЫ (окончание)

В это время радиослушатели из числа покеристов, примкнувшим к ним художников, старушек-пенсионерок, дворовых детей и примкнувших к ним алкоголиков Глав-Бухa и Галлюцинации, прячущихся в знаменитых на весь Бермудский Учпучмак кустах, по-

няли, что российские новости закончились, так как в следующем сообщении они услышали слово *саксаульские*.

«Как уже известно нашим радиослушателям, саксаульские спортсмены в следующем году примут участие в Олимпийских играх в Афинах. Правительство нашей республики, как и на прежних играх в Сиднее, обещает выдать нашим олимпийцам 100 тысяч долларов за золотую медаль, 50 тысяч – за серебряную и 30 тысяч – за бронзовую. Нашей редакции стала известна причина такой щедрости: за прошедшие Олимпийские игры саксаульские спортсмены сэкономили стране почти полтора миллиона долларов!»

«Хорошая новость поступила от командования Саксаульских вооружённых сил: тут на днях внедрена новая секретная разработка учёных – прибор ночного щупанья»

«Наши корреспонденты провели опрос населения во всех областях Республики Саксаулия и выяснили, что добрая половина населения не поддерживает правительство. Злую половину населения они опросить не рискнули»

«Второй актуальный опрос наши корреспонденты провели в Отцеябловске…»

– Тише, тише, мать моя партия! – зашикал на соседей по покерной скамеечке педагог Курманбаев. – Неужели вам не интересны новости родного города?

После этого выяснилось, что количество радиослушателей-покеристов тут же уменьшилось на одного человека, а именно на старшего прапорщика Батыршина, который отправился в учпучмакские кусты заниматься сами знаете чем.

«…который показал, что согласно статистике на одного жителя города Отцеябловска приходится 0,04 проститутки. «Разве можно закрывать на это глаза?» – спрашивает наш постоянный обозреватель профессор Фекалин из НИИХРЕНА. «Засилие порнографии, полное отсутствие идейного начала, слепое копирование Запада – всё это отвлекает граждан нашей республики от новых радостных свершений на светлом пути капитализма!»

Капитализм – наш путь вперёд!
И наш народ вперёд бредёт…

«Да, яйчики-бабайчики, это действительно страшно», подумал Кулемзин. «Четыре сотых проститутки на человека! И главное, какие четыре сотых? Ладно, если по теме…»

Но его размышления прервал голос художника Муравлёва:

– Володя, а что это, святой Малевич, за институт такой – ХРЕНЗНАЕТЧТО?

– Не ХРЕНЗНАЕТЧТО, Валера, а НИИХРЕНА. И, кстати, профессор Фекалин – мой хороший знакомый, и, возможно, я когда-нибудь вас с ним познакомлю. А расшифровка названия этого таинственного учёного заведения такова:

Научно-
Исследовательский
Институт
Хронологически-
Рентгенологических
Единовременных
Наблюдательных
Адаптаций

Между тем, новости дня продолжались.

«Новости астрологии. Саксаульские учёные выяснили, что по звёздам можно узнать не только Суку-судьбу человека, но и его воинское звание»

– Точно! – с энтузиазмом подтвердил старший прапорщик Батыршин.

А автор, чтобы утверждение этого героя было не голословным, также подтверждает его вот этим:

«Происшествие. На одной из телестудий города Отцеябловска задержан недобросовестный сурдопереводчик, который в течение недели вместо новостей давал объявление о продаже своего автомобиля»

«И немного о хорошем. Вчера в 6 часов вечера на перекрёстке улиц Первой Саксаульской и Второй Назарбаксовской попал под машину и скончался от наезда неопознанный пешеход. «Хороший человек», заявил преступный водитель автомобиля, когда выяснилось, что у погибшего гражданина не было ни одного родственника, который мог бы подать денежный иск»

Задавил авторитета –
похороним в счёт бюджета!

Но наши герои не успели переварить «хорошую новость», как ведущая объявила блок новостей из далёкого зарубежья. Первая новость пришла из братского Саксаулии Китая.

«Молодой человек по имени Тан Лэй, находясь в нетрезвом состоянии, решил обворовать, как ему казалось, пустую квартиру. Однако, проникнув внутрь, он обнаружил маленькую девочку. Чтобы как-то объяснить ребёнку свое появление, взломщик назвался Суперменом. Но маленькая китаянка оказалась не так проста.

Позднее негодяй рассказал сотрудникам народной вооружённой милиции Китая[101], что девочка назвала его обманщиком и поставила перед выбором: «Если ты Супермен, то покажи мне, как ты летаешь, или я закричу». Ему ничего не оставалось, как выпрыгнуть из окна пятого этажа. В итоге молодой человек попал в больницу, и после выписки будет предан суду»

– Скорее всего, – прокомментировал эту новость всё знающий Кулемзин, – эта девочка занималась Лю-Хэ-Ба-Фа-Цюань[102] и сама вытолкнула преступника из окна!

[101] Именно так называются внутренние войска этой страны – прим. воен. редактора
[102] Китайское боевое искусство, одна из школ ушу внутреннего направления. наряду с более популярными тайцзицюань, багуачжан и синъицюань. По-другому его называют «восемь методов». Философия воинов Лю-Хэ-Ба-Фа-Цюань направлена на познание своей внутренней энергии, чтобы найти её связь с внешней – прим. спорт. редактора

Сделав это предположение, Володя неожиданно вспомнил, как выглядел основатель этой китайской школы боевых искусств легендарный даосский философ Чэнь Туан, живший ещё в первом веке нашей эры. А теперь это узнаешь и ты, мой внимательный и любопытный читатель:

陳 搏

Кричу «Ки-я!», как тот Брюс Ли[103],
поставив ноги врозь,
когда ты дышишь в пуп земли,
задев земную ось.

[103] Брюс Ли-Хойевич Ли – гонконгский и американский киноактёр, режиссёр, сценарист, продюсер, популяризатор и реформатор в области китайских боевых искусств, мастер боевых искусств, постановщик боевых сцен и философ, основоположник стиля джит кундо – прим. киноредактора

И тень твою, само собой,
я с парою нунчак[104],
зову вступить в неравный бой
с моей, – как Норрис Чак[105]!

[104] От яп. ヌンチャク – восточное холодное оружие ударного, ударно-раздробляющего и удушающего действия, представляющее собой два одинаковых стержня, соединённых шнуром или цепью – прим. спорт. редактора

[105] Карлос Рэй «Чак» Норрис – американский киноактёр и мастер боевых искусств, получивший известность исполнением главных ролей в боевиках – прим. киноредактора

Следующей была тревожная новость из американского Голливуда:

«Согласно последней информации, в США попали в обращение бутафорские доллары, на которых большими буквами написано: «Предназначены только для нужд киноиндустрии»

«А этот несчастный случай произошёл в театре «Ballet Nacional de España»[106]: исполняя танец с саблями, плохой танцор случайно стал хорошим!»

[106] «Национальный балет Испании» – исп.

«Как же падает популярность престарелых рок-звёзд! Так, на днях в Китае на концерт Пола Джеймсовича Маккартни с трудом собралось всего 189 миллионов человек»

И пока поклонник битлов Альбионыч, ворча, переваривал это гнусное сообщение, радиоведущая рассказала о каком-то очередном теракте где-то на юге Италии, после чего рассудительный охранник глубокомысленно заметил:

– А по мне, царица лесня, пусть хоть всех поубивают – лишь бы не было войны!

И, разумеется, наши герои никуда не делись от навязшей в зубах рекламы. Правда, сегодня её было немного, и автор предложит здесь только новую – чтобы не повторять ту, которая уже звучала в прошлых томах «Русской кочерги»

«До Нового года ещё далеко, но принять решение нужно уже сегодня! Дёшево продам петарды «Полный отрыв» (КНР)»

«В пункте приёма макулатуры на улице Пламенных Басмачей города Отцеябловска проходит новая акция, участники которой могут получить полный сборник приключений Шерлока Холмса, если сдадут 10 килограммов творчества Дарьи Донцовой»

«Ещё одна акция проходит в поликлинике № 11/2: пройдите без бахил и получи́те от уборщицы направление к стоматологу без очереди»

«Покупайте новый зарубежный пурген! Весь мир в одной точке!»

«Покупайте новый журнал «Засранец»! Выпускается сразу на туалетной бумаге!»

«Покупайте новый «Вискас» – теперь со вкусом черешни. Пусть ваша кошка охренеет от удивления!»

Отважный рыцарь Дон Кихот
пил молоко всегда. И вот
врагов убил он всех легко.
Ребята, пейте молоко!

Глава 52. ЧЕМ ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ ОТМЕТИМ

– Уфф! – облегчённо выдохнул Володя, посмотрев на мониторные часики своего мобильника. Оказалось, что прошло полчаса, и время перевалило за половину одиннадцатого, а из всего намеченного на день было выполнено только распитие нескольких похмельных бутылочек пивка. Хорошо ещё, что далёкое светило, которое покойный Виктор Цой пафосно называл звездой по имени Солнце, не раскочегарилось на всю катушку, а осторожно пыталось пробиться сквозь чахлую листву двух карагачей, создающих естественный шатёр над покерным столиком.

Все сидели пригорюнившись, так как точно знали, что пива в ближайшие 40-45 минут не будет, ибо наконец-то пришла пора начинать то, ради чего, собственно, покерный гуру Кулемзин и собирал свою ПОЛК[107] по утрам. И также дружно все вздрогнули, потому что неутомимая Ангелина Ивановна щёлкнула какой-то кнопкой на своём радиоприёмнике, включив московское «Радио Маяк», которое тоже передавало важную информацию, но уже для российских слушателей:

«В связи с проведением крестного хода в память мучеников Феликса и Адавкта сегодня, 30 августа, с 12.00 до 13.30 будет перекрыто движение по проезду Чарлза Робертовича Дарвина»

[107] Напомним читателю, что эта аббревиатура рашифровывается как Партия Откровенных Любителей Карт – прим. гл. редактора

Ворча, крича и матерясь,
все ноги сбив в пути,
идёт толпа людей, крестясь,
что могут всё ж идти…

– Ура, святой Малевич! – торжествующе воскликнул художник Муравлёв, так что сидевший рядом с ним педагог Курманбаев немного отодвинулся в сторону, а старший трубач президентского оркестра Салихдзяныч даже попенял крикуну:

– Ёкарный Валера, ты что, совсем с ума съехал? Какое может быть *ура*, когда у нас нет ни капли пивка?!

– Сейчас будет, – на ушко ему тихонько пробормотал Николаич, а вслух, подмигнув почему-то Серёже, громко заявил:

– Володя, а ты почему не рассказал нам про этих Филлиста и Птеродавкта? Помнится, вчера, позавчера, позапозавчера, позапозапозавчера и позапозапозапозавчера ты же каждое утро рассказывал нам о разных событиях сегодняшнего дня. Помнишь?

– Помню, – угрюмо отозвался литератор, который понял, что в ближайшие полчаса ему вновь предстоит превратиться в историка.

Долбит голову зубило,
давит печень на ремень:
вспомню всё, что с нами было –
и бухну́ за каждый день!

– Только ты, мать моя партия, слишком горло не напрягай, – поняв, к чему клонит живописец, озаботился здоровьем Альбионыча коммунист. – Смачивай его почаще!

И затем притворно испугался:

– Ой, а смочить-то и нечем! Давай я за пивком схожу!

– Или я, мать честная, – предложил второй игрок.

– Или, может, йодистый я, – предложил третий игрок.

– Или, может, я схожу, святой Казимир Северинович? – предложил первый (и единственный в коллективе) художник.

«Эко их всех разобрало!», подумал писатель. «Прямо хоть конкурс объявляй – на право доставки волшебного напитка!», а вслух обратился к бывшему текстильщику:

– Серёжа, а в твоём загашнике случайно не осталось никакой считалочки?

И вот тут произошло то, о чём ещё долго вспоминали дворовые дети, которые на це́лую минутку были вынуждены прервать свои подвижные игры, ибо считалка, которую стал произносить Афанасьич, оказалась на неведомом молодым саксаульцам языке:

– Bee, a bee, a bumblebee,
stung a man upon his knee?
and a hog upon his snout,
I'll be dogged if you ain't out![108]

[108] Пчёлка, пчёлка, королева
меня укусила в колено,
а свинья в щёку – ух ты!
Я не я, если не выйдешь ты! – англ.

Произнеся последнее слово *аут*, Полтавцев сильно ткнул в грудь сам себя, да так, что даже поморщился, но с честью выдержал испытание считалочкой, после чего уже вполне легально требовательно протянул руку к Володе.

– Что-то *стимуляжа* не хватает! – посетовал он при этом движении души́.

Не нужны большие ляжки –
враз разбить мою семью,
подавайте стимуляж мне –

пива полную бадью!

– Вот именно, чёг’т побег’и! – добавил Нуртай, но с таким картавым трагизмом, словно на кону стояла, по крайней мере, жизнь всей планеты.

– А почему не *иблис* побери? – поинтересовался литератор, который интересовался всем и всегда. – Ведь если бы ты сказал так, как я предложил, то твоей еврейской картавости было бы в два раза меньше…

– А ты сам, царица лесная, не можешь в два раза меньше разговаривать? – напомнил о володином долге перед товарищами уроженец деревни Семижопино.

– Ладно,

гуляй, рванина, от рубля и выше!

– вспомнил Володя строчку[109] своего тёзки Высоцкого, и словно в подтверждение её, вытащил из кармана *штуку* назарбаксов, затем незаметно вздохнул и вложил её в нечистую руку сторожа. Афанасьич принял часть Саксаульского национального валютного фонда, кивнул головой и принял спортивное положение под названием *низкий старт*.

[109] Строка из песни Владимира Высоцкого «Штрафные батальоны» – прим. муз. редактора

– Дуй, ёперный герой! – дал команду единственный действующий военный в покерной компании, после чего охранник помчался в сельпо Калимы, как хулиган Кеша от участкового.

А Володя, глядя на его условно сверкающие пятки, подумал следующей мыслью: «А, может, мне учредить Всемирный день халявщика? Тогда в нашем случае этот праздник будет отмечать четыре человека из пяти!»

Глава 53. ЧЕМ ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ ОТМЕТИМ (продолжение)

– Так что там насчёт Филимона и Птерокрафта? – никак не хотел успокаиваться живописец, словно он именно сегодня специально пришёл в Бермудский Учпучмак для того, чтобы узнать что-нибудь новенькое о житии святых.

– Ты прав, Валера, – улыбнулся невольный лектор. – Именно сегодня, 30 августа, вся церковная общественность отмечает день памяти неких Феликса и Адавкта. И, что интересно, эта память с каждым веком становится всё крепче, ведь умерли эти ребята ещё в 303 году!

– Надеюсь, святой Малевич, нашей эры? – поинтересовался Николаич.

«Время вроде сгустка ила»,
утверждал мой циферблат.
«Наша эра наступила,
а не наша – умерла!»

– Я вижу, Валера, – одобрительно заметил Володя, – что надежда всё ещё продолжает цвести робким подснежником в твоей так называемой душе …

– А то! – отозвался художник.

– Причём, мировая церковь квалифицирует их как мучеников.

– А им что, тоже пришлось долго ждать ёперное пиво? – захохотал Салихдзяныч, страшно довольный своей пошлой армейской шуткой.

– Хуже, Талгат. Эти пацаны пострадали ещё во времена Гая Аврелия Валерия Диоклетиана и Марка Аврелия Валерия Максимиана Геркулия.

– А чего это они, мать моя КПСС, оба Аврелии Валерии? – проявив недюжинную память, покосился на Муравлёва Курманбаев. – Близнецы, что ли?

– Да, близнецы, – ответил Альбионыч, чтобы не отвлекаться от лекции. – Только у них отцы и матери были разные…

Эй, братишка, посмотри –
зеркало кривое…
Я смотрю туда один,
а оттуда – двое!

– И история с ними, надо заметить, приключилась презабавнейшая. Этот Феликс был римским священником, которому некий префект Драк велел принести жертву идолам, а этот будущий святой при этом стал так усердно читать молитвы, что все идолы, которые их слушали, тут же, как пишут старинные источники, «пали наземь»!

«Хрень какая-то!», непедагогично подумал педагог еврейского колледжа. «Ничего не понятно! Нет бы написать проще – как, например, Владимир Ильич о той же надежде: «Не будучи в состоянии бороться с капиталом на экономической почве, мелкий собственник полагает *надежду* на правительственную власть, которая должна прийти на помощь мелкому собственнику против крупного...»[110]

[110] В. И. Ленин, ПСС, т. 16, стр. 240, «Аграрная программа С.-Д. в первой русской революции» – прим. ист. редактора

– А дальше? – заинтересовался старший прапорщик и понюхал пробочку от второй бутылочки «Маршала».

– А дальше всё было просто: церковь, славящаяся своей добротой и сердечностью, тут же приговорила Феликса к смерти! Но вот потом случился ещё один, самый смешной казус: по дороге к месту казни к этому придурку неожиданно присоединился ещё один

придурок, и когда стражники спросили его, чего это он тут делает, тот ответил, что, мол, добровольно желает разделить с Феликсом венец мученичества.

На тыкву нацепил венец –
и стал святым я наконец!

– Но уже самое-самое смешное произошло дальше: имя этого добровольца так и осталось неизвестным!

– А как же Птеродавкт? – воскликнул саксаульский гоген, который решил процитировать самогó себя.

– Да в том-то и дело, что, посовещавшись, церковники решили назвать его, словно сами были папой и мамой, Адавктом, что на латыни означает «добавленный»! Поэтому я считаю, что это – одна из самых выдающихся историй, которые я слышал в своей жизни, ибо все без исключения её персонажи – придурки!

– Это про каких придурков, царица лесная, ты говоришь? – раздался голос сзади.

Оказалось, что все так увлеклись володиным рассказом, что не заметили, как из сельпо вернулся бывший текстильщик. И рассказчик, и слушатели, число которых увеличилось ещё на одного, споро разобрали по бутылочке, и исторический экскурс сегодняшнего дня продолжился.

– Да, нехорошая история, мать моя партия, – заметил Мусаич, – например, в рабочих и коммунистических партиях мира таких случаев не было ни одного!

– Кстати, эти персонажи, о которых я вам только что рассказал, не единственные, яйчики-бабайчики, кого почитают сегодня в церковной среде, – задумчило проговорил Кулемзин, глядя на то, как старший трубач мгновенно скрылся в бермудских кустах, откуда вскоре донеслись звуки его осуждения слов большевика.

«В церковной субботе», мысленно поправил ошибальца Афанасьич, но вслух повторить такое не решился.

– И хорошо, что я не православный, – продолжил лекцию марсианин, – а то бы просто запутался в одних только мучениках, которых РПЦ поминает в этот день: Патрокла, Мирона-пресвитера, Фирса, Левкия, Короната и их дружины, Павла, Илиуании и прочих с ними, Стратона, Филиппа, Ефтихиана и Киприана, Алексия-пресвитера и Дмитрия-пресвитера.

– А вот эти ёперные свитеры – они кто? – заинтересовался темой Батыршин, радуясь, что Володя не стал расшифровывать каких-то таинственных «их дружины» и «прочих с ними»

– А эти люди, Талгат, – объяснил знайка, – старейшины или, проще говоря, гла́вы общин. Во всяком случае, именно так толкует нам эти *свитеры* греческо-русский словарь.

Я открыл вчера словарь,
ну, а там – одни слова:
половина – русские,
и ещё французские!

Затем Володя сделал сразу два дела: во-первых, перерыв на ожидание страдальца, и, во-вторых, мощный глото́к пива «Тянь-Шань», так как от внеплановой лекции у него немного пересохло в горле. Затем он дождался обер-корнета, который на ходу вытер испачканные чем-то губы, и только было собрался под шумок завершить историческую часть сегодняшнего дня, как тот же Талгат внезапно озаботил его вопросом:

– А что, войн никаких в этот день не было?

«Вот иблис памятливый!», досадливо поморщился рассказчик, а вслух произнёс:

– Были, конечно, куда же без них! День 30 августа был отмечен сразу шестью такими случаями – но в разные годы. Например, в 1700 году Россия вступила в Северную войну на стороне Северного союза.

– Так это они что, мать честная, с пингвинами там воевали? – закатился от смеха Полтавцев. – Или с белыми медведями?

– Не мешай слушать, святой Малевич, – несправедливо обозвал придурка Муравлёв. – Мне вот лично очень интересно! Я, в отличие от тебя, Серёжа, прекрасно помню, кто в Америке воевал на стороне Севера, а кто – Юга.

От такого исторического перехлёста Курманбаев чуть не подавился, но быстро, как и подобает настоящему коммунисту, взял себя в руки. «Жаль, что этот Валера не играет», подумал он, «а то я бы именно в игре наказал его как следует…»

Ты, товарищ, мне поверишь:
каждый день, идя на рать,
мы наказываем тех лишь,
кто мешает нам играть!

Глава 54. ЧЕМ ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ ОТМЕТИМ (окончание)

– А ещё пять йодистых сражений? – неожиданно проявил память военный музыкант.

– Коротко расскажу обо всех, – пообещал лектор-историк. – Итак, 1757 год – в сражении при Гросс-Егерсдорфе русская армия под командованием генерал-фельдмаршала Степана Фёдорыча Апраксина нанесла поражение прусским войскам.

– Это не в пору ли Семилетней войны[111] было? – неожиданно раздался знакомый голос из-за карагача, и все вздрогнули.

[111] Семилетняя война (1756-1763) – масштабный военный конфликт XVIII века, один из самых крупных конфликтов Нового времени. Эта война шла не только в Европе, но и за океаном: в Северной Америке, в странах Карибского бассейна, в Индии, на Филиппинах. В ней приняли участие все европейские великие державы того времени, а также большинство средних и мелких государств Европы и даже некоторые индейские племена (!) – прим. ист. редактора

Оказалось, что за деревом прячется знакомый покерного коллектива бомж Танкист.

– А ты откуда знаешь, мать честная, про этого генералиссимуса-фельдъегеря? – завистливо поинтересовался Афанасьич.

– Посидел бы с моё, и не то бы знал, – доходчиво объяснил клошар и отправился на поиски своего друга Одиссея, который подрядился донести из магазина два ящика водки в дом № 22 на предстоящую свадьбу, но отсутствовал уже больше ча́са.

Мы без выпивки все чахнем,
враз теряя жизни смысл,
но чуть-чуть бухлом запахнет,
пропадаем сразу мы!

«Э, нет, яйчики-бабайчики», подумал Володя, «надо бы ускоритьтемпы, а то уже скоро первая часть этого тома закончится, а не сыграно ещё ни одной партии!», а вслух перечислил все остальные битвы – причём, лапидарно, как только что пообещал сам себе:

– 1813 год – сражение под Кульмом, 1914 год – битва при Танненберге во время Первой мировой войны, 1922 год – разгром турецкими войсками иностранных интервентов в сражении при Думлупынаре – в ходе войны за независимость, и, наконец, 1942 год – именно 30 августа началась битва…

– …на Курской дуге! – под общий смех завершил исторический обзор незнайка Афанасьич.

– Нет, Серёжа, при Алам эль-Халфе, а до сражения, о котором ты откуда-то знаешь, оставался ещё почти год.

– Ничего я не знаю, – обиделся сторож. – Это я просто угадал!

– Вот я заметил, – вступил в разговор партийный, – что ты, Володя, вместе с Талгатом всё время норовите на какие-то милитаристские темы поговорить…

– Ты, сосед, не заговаривайся, – оборвал его охранник. – Никаких милицейских тем наш старшой не поднимал – я сам слышал!

– Да я не про это! – попенял Серёже Мусаич. – Я про то, что, кроме войн, было же что-то хорошее в этот день.

Не оправлюсь я от шока,
хоть и грудь моя в крестах:
не воюю – хорошо как,
а воюю – просто страх!

– Конечно, – успокоил его марсианин. – Например, 30 августа 1877 года некий французский изобретатель-самоучка Эмиль Шарлевич Рено…

– Изобрёл автомобиль рено! – ещё раз обрадовался возможности отличиться сторож.

– Серёжа, действительно, не перебивай! Нет, этот славный парень изобрёл и запатентовал праксиноскоп – эдакий прародитель мультипликации.

– А чего этот ёкарный скотоскоп так смешно назвали? – поинтересовался трубач.

– Да была тогда мода – называть всякие штучки греческими словами. Вот и праксиноскоп образовался сразу от двух таких слов: πράξιν – «действие» и σκοπέω – «смотрю»

– Интересно как, святой Малевич! – поднял бутылочку в знак приветствия Муравлёв и даже немного покачал её – видимо, намекая, что в ней осталось совсем мало. – А что было ещё?

– Да, пожалуй, из *хорошего*, как просил товарищ Курманбаев, вспоминаются только два факта: в 1901 году английский изобретатель Хьюберт Сесилович Бут запатентовал электрический пылесос, а в 1968 году…

Здесь голос Володи заметно потеплел:

– …вышёл так называемый *сингл* группы «Beatles» под названием «Hey Jude»[112], который сразу же скакнул на первое место во всех хит-парадах, а тираж его до конца года составил 6 миллионов пластиночек!

[112] «Привет, Джуд» – англ.

«Beatles» – это мой оракул,
мой отец и моя мать:
слушал я «Hey Jude» и плакал –
не умею так писать!

– Ни хрена себе! – изумился охранник, который из всего предложения уловил только слово *скакнул*.

– А люди знаменитые, мать моя КПСС, родились в этот день? – по-ленински прищурил глаз знатный коммунист.

– Нет, Нуртай, в тот день родилась целая куча самых обычных мальчиков и девочек. Но вот некоторых из них впоследствие действительно стали знаменитыми.

Все заулыбались, видя афронт педагога, а сам он от досады закусил губу, но не показывать досаду своему идейному врагу.

– Так что, когда вечерком (если *дедушк*а даст) будете опрокидывать в свои организмы страшное ядовитое пойло, не забудьте помянуть хорошими словами или хотя бы мыслями французского художника Жака-Луи Луи-Морисовича Давида, английскую писательницу Мэри Уильямовну Шелли, российского художника Исаака Эльяшивовича Левитана, бельгийского скульптора Жоржа Андрэвича Мине, американского писателя Рэя Уилсоновича Каммингса, русского актёра Анатолия Солоницына и русского же поэта Александра Аронова.

– Володя, а разве, кроме тебя, ещё есть русские поэты? – изумился Серёжа.

– Конечно, есть, старичок. Например, некий Сергеич по фамилии Наше Всё. Или названный мной Аронов. Помнишь песенку из одного новогоднего фильма?

– «В лесу родилась ёлочка»? – смело предположил Афанасьич.

– Другую: «Если у вас нету тёти…». Так вот её написал именно он.

– Сергеич? – уточнил Полтавцев.

– Аронов, – уточнил Кулемзин.

К старости, может, поймёте,

что говорила та песнь:
если у вас нету тёти,
дядя, возможно, всё ж есть!

– Ну надо же, – не к месту фальшиво поразился Валера, и на этот раз уже совсем откровенно показал пустую бутылочку Кулемзину, которому пришлось сделать вид, что он ничего не заметил.

– Да, чуть не забыл! – воскликнул он. – Хотел бы отметить ещё двух хороших парней из моей персональной ро́ковой тусовки: это Йонне Илмариненович Аарон, лидер финнской группы «Negative»[113], и основатель американской группы «The Mamas And The Papas»[114] Джон Эдмундович Филипс. Лично я сегодня буду поминать только их! И не давайте мне ничего крепче пивка Тянь-Шань»…

[113] «Негатив» – анг.
[114] «Мамы и папы» – англ.

Глава 55. О ПОКУШЕНИИ НА ИЛЬИЧА

– Ну вот, пожалуй, и всё о сегодняшнем дне, – радостно выдохнул Володя. – Прошу расчехлить знамёна, зарядить батарейнгые орудия и произвести праздничные салюты!

– Как тебе не стыдно? – раздался дрожащий от волнения голос Мусаича. – Какие салюты, какие праздники? Разве ты не помнишь, что именно 30 августа 1918 года произошло покушение на жизнь дорогого Владимира Ильича?!

– Нет, Нуртай, извини, не помню. Но тебе, пламенному большевику, верю!

Го́ре педагога Курманбаева было неподдельным: по правой щеке его катилась крупная слеза, а по левой слезы не было, уши тоскливо поникли, глаза, всегда горевшие революционным огнём, немного пригасли, губы дрожали, и даже аккуратная причёска под названием *комсомольский полубокс* стала немного походить на ирландскую национальную причёску «Bearrthóir ingne»[115]

[115] «Гвоздодёр» – ирл.

Чтоб улучшить настроенье
и во всём красивым быть,
резко принял я решенье –
всю причёску изменить!

А писатель Кулемзин на некоторое время решил переквалифицироваться в исторического поэта и своими словами рассказать о том, как эсэрка Фанни Ефимовна Каплан (урождённая Фейга Хаимовна Ройтблат) выпустила две отравленные пули в вождя мировой революции.

С тревогой смешанный испуг,
пыль, полумрак полуподвала –
вся обстановочка вокруг
к веселью не располагала.
Плёл паутину паучок,
болотом пахло от подстилки –
Каплан поправила пучок
волос немытых на затылке.
В один из тех истошных дней,
когда разыгрывалась драма,
она забылась – и пред ней

вождя возникла голограмма.
Он был с потресканным лицом,
одна из рук висела тряпкой –
держался в целом молодцом,
хотя и трясся дрожью зябкой.
Прошёл к столу и сел на стул,
на лбу его набухла вена,
немножко сделался сутул
(и величав одновременно).
Уже минута истекла,
в недолгий путь пошла вторая –
он продолжал сидеть, стола
рукой поверхность подпирая.
А изо рта его меж тем
одна к одной, размером с просо,
пять красных буковок: *зачем?*
со знаком выпали вопроса.
И тут эсэрку прорвало,
а где-то даже и прорва́ло,
и, глядя призраку в табло,
она уже смущалась мало.
«Зачем стреляла?! Да затем,
что в результате вашей смерти
гораздо лучше будет всем,
товарищ Ленин, уж поверьте!
Вы – тот, кто людям подло врёт!
А большевистские халдеи
банально предали народ
и революции идеи!»
Ну, что ещё она могла
ответить сгустку атмосферы,
когда судьба сожгла дотла
её безумный символ веры?
Ей было двадцать восемь лет –
душа погрязла в негативе,
а счастья не было и нет,
и вряд ли будет в перспективе!
Её беснующийся взгляд
почти кричал о чувстве чистом,
и как двенадцать лет назад
была обманута бомбистом[116],
и что на каторге сполна
хлебнула всякого такого,
и что стреляла не она,
а эта сука Коноплёва.
Хотя, потворствуя молве
и той шумихе, что раздули,
сама всадила бы не две,
а все отравленные пули!
И не было ни капли слёз
в глазах отчаявшейся Фанни.
Ильич завис и произнёс

Вдруг по-английски:
– It's not funny[117]...
Затем придвинул к ней свою
физиономию так близко,
что страх собой заполнил всю
полуслепую террористку,
да так, что сфинктер Фанни газ
негромко выпустил инертный.
А вождь прищурил правый глаз
И хмыкнул:
– Дура! Я ж бессмертный...

[116] В 1906 году Каплан готовила террористический акт в Киеве – покушение на местного генерал-губернатора В. А.Сухомлинова – прим. ист. редактора
[117] Это не смешно – англ.

Глава 56. АХ, НАКОНЕЦ ДОСТИГЛИ МЫ[118]…

[118] Реплика дона Гуана из трагедии А. С. Пушкина «Каменный гость» – прим. лит. редактора

Посмотрел сейчас мой читатель на название главы, а потом прочёл сноску внизу этой страницы, и его осенило: похоже, первая игра в *русскую кочергу* всё-таки состоится! И да будет так, мой дорогой друг: долго шли мы вместе с тобой по, казалось бы, проторённому пути, полному похмельных рож, тревожных ожиданий, бессмысленных реплик по поводу и без повода, холодных бутылочек пивка и вновь рож, но уже счастливых, когда *счастье* – не просто неодушевлённое существительное среднего рода единственного числа в именительном падеже, а состояние души, хотя многие учёные справедливо сомневаются в наличии такого о́ргана у человека.

Да, наконец достигли мы того волнующего момента, когда на покерном столике белой чайкой с двумя крылами раскинулась тетрадка для спецзаписей, называемая *раскладкой*, когда дрожит и немного подпрыгивает на уже начинающем нагреваться металле авторучка, когда подрагивают от нетерпения руки первого сдающего, разрывающие новенькую упаковку карт от известной на весь мир китайской фирмы «Bycicle»[119] с таинственным названием «Fireflies Playing Cards»[120] – вот такую:

[119] «Велосипед» – англ.
[120] Игральные карты «Светлячки» – англ.

И сколько уже таких описаний прочёл за прошедшие пять томов читатель, а вот сегодня всё выглядит как-то по-новому, как-то по-особенному, как-то настолько заманчиво, что хоть бросай виртуальную реальность этой страницы и по-настоящему присоединяйся к группе странных людей, которую наш герой Кулемзин назвал ПОЛК[121], а автор книги – клубом «Ни дня без *жопы*[122]»

Душа свободою дышала,
колода нам была звездой:
«Ни дня без *жопы* и без *шпалы*[123]!» –
таков девиз наш боевой!

[121] Напомним читателю, что эта аббревиатура переводится как Партия Откровенных Любителей Карт – прим. гл. редактора
[122] О происхождении этого термина – в главе 93 первого тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора
[123] Там же – прим. гл. редактора

Володя тщательно перетасовал новенькую хрустящую колоду, после чего положил перед каждым игроком, включая себя, по одной карте лицом, или, проще говоря, картинкой вверх. Сидящему слева от него Полтавцеву достался пиковый валет, его соседу Курманбаеву – бубновая девятка, сидящему за ним Батыршину – трефовая дама, а самому́ Кулемзину – скромная пиковая двойка, что его нисколько не расстроило. А почему? Да потому, что этот *неигровой* приём делался лишь для того, чтобы выявить последовательность сдач и ходов. Становилось понятным теперь и уточнение *сидящему слева от него* и *сидящему за ним*, ведь все карточные сдачи и игроцкие ходы делались строго по часовой стрелке, как и завещал нам когда-то неизвестный мастер самых первых в мире часов – солнечных!

Пронзая циферблат, лежащий на земле,
ось теневым лучом свободного полёта
модель Вселенной времени рисует на песке –
в ней жизни ход по Солнцу требует расчёта!

Причём, в этом приёме учитывалась не масть выложенных карт, а только их номинальное значение, поэтому всем, включая неиграющего Валеру, стало понятно, что первым будет сдавать владелец трефовой дамы Салихдзяныч.

– Ну, наконец достигли мы! – известил собравшихся покерный гуру неточной цитатой из произведения своего друга Сергеича. А если кто из моих читателей захочет цитаты правильной, тот пусть обратится к ссылке [118] в конце страницы 133.

Никто ничего не понял, но все немного задвигались, чтобы хоть как-то изобразить интерес к словам марсианина.

– Начнём, пожалуй, – словами оперного Ленского предложил тот.

Он (марсианин, а не Ленский) подвинул карты к прапорщику, и тот, волнуясь, начал первую сдачу сегодняшнего дня. На удивление, она оказалась очень лёгкой, ведь Талгату предстояло сдать всем всего по одной карте – на этот раз кверху рубашкой, ведь согласно *раскладке* первая запись в игре называлась *тёмной на одной карте*.

Правда, уже с этого первого хода в игре появлялось аж три нюанса. Первый заключался в том, что сделать первую заявку нужно было не видя пришедшей карты, второй – в том, что даже в этих условиях открывался козырь – на этот раз им стала бубновая дама, третий, – что, согласно правилам игры, и выигрыш, и проигрыш на *тёмной* увеличивался в два раза.

«По игроцкому закону»,
говорил один пермяк,
«застрелюсь одним патроном,
хоть и надо бы двумя!»

Слева от военного сидел писатель, который легко произнёс первое в игре слово:

– Одну!

, имея в виду одну взятку. Все остальные, включая сдающего музыканта, отпасовались, после чего в течение нескольких секунд и была сыграна первая *тёмная.* Володя, не глядя, открыл свою карту и бросил её на покерный столик. Ею оказался пиковый туз, что давало большие надежды на успех. И этому тоже было своё объяснение, ведь открытыми оказались всего 5 карт – четыре у игроков и лежащий под колодой козырь. Всего же карт в колоде было 55 – четыре масти по 13 карт + три джокера. То есть Альбиоыч рассчитывал на то, что из пришедших его противникам карт, во-первых, не будет козырей, ибо даже самый маленький козырь бил его некозырного туза, и, во-вторых, что к ним не пришёл ни один из пяти *грандов*[124] в колоде, которые тоже легко расправлялись абсолютно с любой картой любого достоинства.

Роббер[125] сдан – и я встревожен:
что же значит фактор сей?
Карты разные, но всё же
есть из них и посильней!

[124] Два младших джокера, старший джокер, покер и козырный туз – прим. автора
[125] Количество карт, равное у всех игроков, для производства одной позиции в игре – прим. автора

Но, к его глубокому сожалению, всё закончилось весьма печально: после володиного хода какую-то невнятную пикушку сбросил Серёжа, за ним трефовую восьмёрку положил педагог, а вот трубач, которого до этого момента Альбиоыч числил в своих друзьях, бросил поверх остальных свою ужасную карту – бубнового, а, значит, козырного валета. А означало это то, что и сторож, и Нуртай, которые заказывали пас, получили свои законные 10 очков, унтер-офицер, перебравший взятку, всего 2 очка, а вот Кулемзин – аж 50 очков, но занесённых в минус!

Глава 57. АХ, НАКОНЕЦ ДОСТИГЛИ МЫ… (продолжение)

– Эх, Талгат, а ведь я до этого числил тебя в своих друзьях, – глядя на несчастного Батыршина, повторил литератор авторскую мысль с предыдущей страницы, и не будем осуждать его, только что получившего такой удар, за эту вольность.

Все знали, что в данный момент рукой военного музыканта водила сама Сука-судьба, против которой, как известно, не попрёшь, но даже он сам был подавлен, пробормотав в своё оправдание нелепую фразу из далёкого детства:

– Да я просто *приметился* плохо…

И всё же Володя не расстраивался, ибо знал, что игра только началась, а, значит, было время на исправление ситуации, и к тому же, то, что произошло, было не ошибкой, а нелепой усмешкой всё той же Суки-судьбы.

Каждый шаг нам порой неизвестен,
каждый шаг обещает провал:
ухмыльнётся судьба – и на месте
страшно ровном ты ногу сломал!

Он, много лет занимаясь этой прекрасной игрой, расчухал не только множество игровых нюансов, но и распознал многие *научные* принципы *русской кочерги*, которые даются не всем, и даже очень хорошим игрокам, тренирующимся почти ежедневно. Другой бы на его месте начал говорить в своё оправдание о невезении, но Альбионыч в этот момент рассуждал совсем по-другому.

Покерный гуру, например, знал, что распространённое ошибочное понимание случайности событий, или ложный вывод Монте-Карло, как его называют серьёзные исследователи, отражает термин *gambler's fallacy*, то есть в дословном переводе с английского, ошибка игрока. И связана она с тем, что человек, как правило, на интуитивном уровне не осознаёт того факта, что вероятность каждого последующего исхода *не зависит* от предыдущих исходов *случайного* события.

Напряжён, раздражён я и кисел –
ничего от меня не зависит!

Однако теория вероятности, изучающая случайные события, случайные величины, их свойства и операции над ними, рассматривает каждое событие по отдельности, – как статистически независимое от предыдущих, а *не в цепи событий*. И, несмотря на то, что в первую очередь такое ложное убеждение прежде всего связывают со сферой азартных игр, к которым, без сомнения, можно отнести и *русскую кочергу*, однако оно широко распространено и в других областях человеческой деятельности, и ему подвержены многие люди. Например, если в два часа ночи некий Серёнька Полтавцев неожиданно вскакивает, бежит в лавку Калимы и натыкается на закрытую дверь, то ему надо винить в этом не какую-то там судьбу или невезение, а только самогó себя, проспавшего счастливый момент за пять минут до закрытия магазинчика!

Вот поэтому Кулемзин, владея этими знаниями, и не слишком расстроился – для него только что полученный нелепый игровой минус был, как выражаются снукерные комментаторы, необязательным промахом.

Кинул я с другого фланга
из своих последних сил:
промахнулся с бумерангом –
сам по тыкве получил!

Первые робберы – в сдачах от одной до шести карт – пролетели быстро, как и положено коротким робберам. Ничего необычного или сверхъестественного в них не было, если, конечно, не считать того факта, что как раз к концу игры на шести картах Володя всё-таки вылез из позорной минусовой ямы и с облегчением записал в свой квадратик, помеченный буквой К, число 11 – с невидимым плюсовым значением.

Особенно расстроился этим фактом давний враг писателя Курманбаев, который с сáмого начала даже не игры, а всего лишь учёбы, считал себя умнее других в этом странном коллективе, сложившемся по прихоти именно Альбионыча[126]. Литератор, зная об этом, в одиночку порадовался тому, что вновь вернулся в плюсовой строй, подумав при этом очередным афоризмом:

Моим врагам можно позавидовать,
ибо у них такой достойный противник!

[126] Об этом факте – в главе 23 первого тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

, а затем, подумав несколько секунд, занёс в свой запоминательный центр катрен, который с этого момента обрёл прописку в этом томе «Русской кочерги», на этой странице:

Наточены сарказма стрелы
и остроумия наждак!
Но что прикажете мне делать,
коль сам себе я страшный враг?!

А вот дальше, начиная с игры на семи картах, всё пошло́ гораздо веселее и страшнее – кому как. Салихдзяныч сдал очередной роббер – по семи карт каждому, и этот каждый, с волнением взяв в руки предложенное Сукой-судьбой, стал его внимательно изучать. Наклонив голову и делая вид, что увлечён изучением пришедшего, Володя исподлобья внимательно наблюдал за реакциями своих противников. Например, Талгат и Нуртай, явно не отошедшие от вчерашнего, глядели в карты довольно туповато, хотя кое-какие физиогномические характеристики их поведения говорили о том, что обоим пришли карты средние, впрочем, у педагога они были немного получше, чем у музыканта.

Затем покерный гуру засмотрелся на реакцию ещё одного сидевшего на скамеечке рядом со сторожем и – ничего не понял. Тогда он начал пристально вглядываться в руки своего (прости, русский язык!) визави, чтобы по дрожанию конечностей определить, какая карта ему пришла, и вдруг понял, что карт в этих руках нет вовсе, а дрожат они (руки, а не карты) исключительно из-за вчерашней бурной пьянки. «Так это же Муравлёв!», пронзила литератора первая мысль, а за ней тут же пришла мысль вторая – ещё нелепее первой: «Так он же вообще с нами не играет!», после чего пришла мысль третья – ещё страшнее предыдущих: «Выходит, что я тоже пока не отошёл от ~~вчерашней пьянки~~ пятничной битвы!»

В голове напря́глись жилы
и на сердце тяжело:
отпечаток наложили
битвы на моё чело!

И уже после этого он услышал первую заявку – от Афанасьича, который, как тут же выяснилось, решил рискнуть:

– Пять!

«Как же он, святой Малевич, одинок в своём нелепом риске…», подумал Валера.

А автор в этот момент, образно говоря, выпучил глаза, ибо никак не ожидал подобных мыслей именно от этого персонажа, и даже, будучи профессиональным литератором, подумал о том, что Достоевский сидит в каждом из нас.

«Преступление и наказание»?», подумал в ответ живописец.

«Нет, «Идиот», подумал в ответ писатель.

Сидевший за сторожем прапорщик, услышав страшную заявку Полтавцева, мгновенно струхнул, но всё-таки пробормотал:

– Одну.

Также одну взятку заказал порядком испугавшийся Мусаич, хотя у него был старший джокер, три козыря и залётный туз некозырной национальности, что позволяло – при хорошем раскладе – взять как минимум три взятки. Ему вдруг показалось, что пространство вокруг покерного столика внезапно расширилось, и вместо вялой, уже начинающей по-осеннему сереть, травки вокруг, как утверждалось в одной хорошей песне, «раскинулось море широ́ко»[127]

Агорофобия[128] на пике
и мёртвобледственность лица:.
всё чаще я ловлю на крике
себя предчувствием конца…

[127] Революционная песня с одноимённым названием (слова Георгия Зубарева, музыка Александра Гурилёва) – прим. муз. редактора
[128] Агорафобия (от др.-греч. ἀγορά – базар + φόβος – страх) – боязнь открытого пространства – прим. мед. редактора

А финальную точку в этом поединке нервов поставил Альбионыч, произнеся всего одно слово, которое обрушилось на головы его противников, как колокол во время бури:

– Мизе́р.

Плохо для соперников было и то, что до этого литератор произнёс ещё одно неприятное слово:

– Четыре.

Глава 58. АХ, НАКОНЕЦ ДОСТИГЛИ МЫ… (продолжение продолжения)

Нуртай после произнесения этих ужасающих слов завял, как фаленопсис[129], но взял себя в руки и стал думать: «Так, у меня старший джокер, значит, у Володи или два младших джокера, или младший джокер и покер», а затем подумал названием романа Анатолия Марченко, который считал одним из лучших произведений, попавшихся ему в жизни – «Третьего не дано», повествующего о том, как рождённые Великим Октябрём, мобилизованные и призванные партией чекисты во главе с верным рыцарем революции Феликсом Эдмундовичем Дзержинским становятся надёжным щитом и одновременно разящим мечом пролетариата.

[129] Быстро отцветающий сорт орхидей – прим. ботан. редактора

«Вот и я», оргазмически думал преподаватель еврейского колледжа, «стану таким же разящим мечом для Кулемзина, и надёжным щитом – для самого себя!»

– Кар-р-рл Мар-р-ркс! – прокричала ворона, сидящая на карагачовой ветке рядом с карликовой русалкой, которая внимательно наблюдала за сражением и болела исключительно за Батыршина, который ей давно нравился.

Связь русалки и солдата
мысли девы омрачат:
«Не пойду я за Талгата –
не совпал у нас *формат*!»

Наконец роббер начал своё практическое воплощение, и завершился довольно быстро, вызвав ещё одну мыслишку у старшего покериста: «Знаете, как называется такая ситуация? Случилось то, что все предвидели, но никто не ожидал», порадовав автора, который любил такие мысли героев, ибо они очень украшали страницы его великого романа.

И тут сразу к троим покеристам (за исключением Кулемзина) пришло то, что для игрока страшнее белой горячки, то есть нелепая надежда. Все они подумали о том, что вот если сейчас начнут надеяться на лучшее, то это *лучшее* тут же к ним и придёт. «Наивные дети!», мысленно воскликнул покерный гуру, который, как известно моим читателям, из нелепой церковной триады вера-надежда-любовь *праздновал* лишь последнюю подружку, да и то писал её всегда исключительно со строчной буквы – дабы не уподобляться глуповатым поэтессам, для которых это слово являлось каким-то особенным.

В мире есть немало слов,
что подобны клюкве:
пиво, родину, любовь –
только с малой буквы!

А теперь внимательно проанализируй, мой читатель, о чём сейчас будет говорить автор. «Через несколько часов исчезает чувство времени, сбивается пульс, скачет и падает давление, расстраивается работа внутренних о́рганов. Организм дезориентирован в пространстве, координирующие связи с внешним миром нарушены: мыслить мозг ещё может, но через какое-то время искажается высшая психическая деятельность, а сознание тем временем отмечает, что постепенно сходит с ума – странные видения и реальные воспоминания мешаются с неожиданными о́бразами, нарушаются причинно-следственные связи, вторгаются сны наяву…»

Ну, и что ты подумал, мой внимательный читатель? Может, тебе показалось, что это говорилось о признаках некоей вспыхнувшей любви? Или тебе помни́лось, что это цитата из романа Стани́слава Самуиловича Лема «Солярис»[130] – обо всяких странностях, которые происходили на другой планете с его героем Крисом Кельвином?

[130] Фантастический роман Стани́слава Лема, описывающий взаимоотношения людей будущего с разумным Океаном планеты Солярис – прим. лит. редактора

Хоть тыквой я давно контужен,
но знаю всё ж по всем статьям:
Солярис – это просто лужа,
а океан, конечно, – я!

Нет, мой дорогой, всё написанное выше – о замечательной игре *русская кочерга* и обо всём, что связано с её *восприятием* людьми, просиживающими за ней часами!

И вот под зна́ком именно таких размышлений и прошли все следующие робберы – вплоть до *второй тёмной*, которая располагалась как раз посерёдке любой партии, и игралась на 12 картах. Эта *тёмная* была особенной – она служила тем моментом, когда покерист, пройдя половину игрового пути, может, как когда-то писал поэт Александр Аронов в стихе, посвящённом своему другу Леониду Жуховицкому, «остановиться, оглянуться», то есть проанализировать своей тыквой, как же он дошёл до жизни такой, и почему наделал столько ошибок, и почему у других очков набралось больше, а у него, страдальца, меньше.

Был и ещё один замечательный момент в этой срединной *тёмной*: именно здесь ломалось русскокочерговское правило о том, что можно заказывать не более пяти взяток. На этой позиции можно было заказывать хоть все 12, знай только их выигрывай! Да к тому же по́мни, что не только все выигранные, но и все проигранные взятки удваиваются! Так что после такой игры можно было как вырваться вперёд, так и значительно откатиться назад – как прямо намекает на это некий Ульянов в названии своей книги «Шаг вперёд, два шага назад»[131], которая, кстати, имеет совершенно покерный подзаголовок – «Кризис в нашей *партии*»!

[131] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 8, стр. 185-414 – прим. полит. редактора

Нет повести печальнее на свете,
чем видеть мудрость в ленинском завете...

Наверное, именно поэтому все тупо пялились на свои 12 карт, лежащие перед ними *рубашкой* кверху, как бы пытаясь проникнуть взором в их эзотерическую сущность. Но никому это сделать не удалось, включая Альбионыча, который был единственным марсианином из всего коллектива, а, значит, пользуясь техологиями родной планеты, мог легко прочесть значения всех карт – своих и даже чужих. Но он, как уже неоднократно подчёркивалось в нашем повествовании, никогда не пользовался такими приёмчиками, так как считал честность в *русской кочерге* единственной *дедушкиной* заповедью, которую он по причине застарелого маразма забыл упомянуть на своих каменных скрижалях.

А подумать здесь было о чём. К середине партии на *текущее* первое место вышел педагог Курманбаев, на втором месте неожиданно оказался военный музыкант Батыршин, которому отчаянно везло последние четыре роббера, на третьем литератор Кулемзин, на четвёртом, кряхтя, традиционно расположился сторож-охранник Полтавцев, а на пятом – художник Муравлёв. Шутка.

Нам ещё вперёд идти –
с нами, брат, ты не шути!

Глава 59. АХ, НАКОНЕЦ ДОСТИГЛИ МЫ… (и ещё одно продолжение продолжения)

Наверное, не удивительно, что те, кто сейчас вырвались вперёд, не стали сильно рисковать: и Мусаич, и Салихдзяныч заказали по три взятки, также три заказал и Афанасьич, побоявшийся, что если вдруг проиграет этот важный роббер, то рискует свалиться вообще за нижнюю границу покерной *раскладки*. И только Альбионыч сделал совсем по-другому – он заказал 5 взяток. И в этом не было какого-то ухарства, молодечества или бесшабашности – типа *будь что будет!* – а, напротив, только решительность и, конечно же, дерзость.

Сейчас он рисковал многим, и в первую очередь тем, что после этой *тёмной* может оказаться даже на последнем месте – правда, только в одном случае: если экс-текстильщик возьмёт свои три взятки, а он, Володя, пролетит хотя бы на одну. Но что было какое-то последнее место в одной из тысяч игр, сыгранных нашим героем за всю жизнь?! К тому же он хорошо помнил мудрую мысль своего учителя Ошо, о которой сейчас узнает и мой читатель:

Если ты не потерял жизнь, –
ты не потерял *ничего*!

Услышав такую невероятную заявку Володи, педагог решил применить старый приёмчик, который, к его сожалению, срабатывал только для военного музыканта, – он набрал в лёгкие побольше воздуха и прокричал на весь Бермудский Учпучмак:

– О любви немало песен сложено,
я спою, спою тебе ещё одну…

, после чего остальные игроки и даже неиграющий Валера поняли, что перед ними сидит хитрый враг – зрелый, как фурункул. Правда, на минуту-другую одним игроком за столиком стало меньше, так как Курманбаев добился лишь эффекта привычного – сами знаете какого. К тому же на секунду остановились в своём бесконечном движении дворовые дети, которые до этого выписывали замысловатые петли, словно пьяные колхозники на деревенской свадьбе. Впрочем, в их списке приоритетов явно не было обращать внимание на выходки взрослых, и пыльная и быстрая игра тут же возобновилась.

Беготня быстрей поноса,
безстроповый парашют –
дети, юркие как осы,
отдохнуть нам не дают!

И пока старший камер-юнкер не вернулся из бермудских кустов, литератор решил провести короткую воспитательную работу, задав вопрос Мусаичу:

– Нуртай, яйчики-бабайчики, и что ты сейчас своей пакостью символизировал?

В это время Володя почувствовал, как в его ребро слева впилился локость соседа по скамеечке Серёньки Афанасьича, и вслед за этим пришёл горячий шёпот в его ухо:

– Володя, а что такое символизировать?

Писатель наклонился к нему и тихонько объяснил:

– Символизировать – это что-либо изображать при помощи символов.

Сторож глубоко «задумался»: «Как это изображать? Вот Валера: придумает какую-то хрень – раз, и изобразит её кисточкой! А как же можно изображать по-другому?»

В это время коммунист, к кому, собственно, и был обращён первый вопрос, словно очнулся и ответил Кулемзину очевидной глупостью:

– Да ты и сам, мать моя партия, не знаешь точно, что такое символ!

– Может, до конца и не знаю, – согласился марсианин, – но что такое СИМВОЛ в отношении тебя, знаю точно, – причём спедалировал ключевое слово так, что все поняли – сейчас они услышат его расшифровку. И они её услышали:

Стратегическая
Иниициатива
Мудачества,
Волюнтаризма и
Откровенного
Лавирования

Но вот из краткосрочной командировки, в которую его отправил большевик, вернулся Батыршин, и розыгрыш средней *тёмной* наконец-то начался. Для начала все взяли в руки пришедшие карты и ознакомились с ними, бурно охая и ахая – кто искренне, а кто и фальшиво, чтобы сбить с толку противников. Открыл свои карты и литератор – и понял, что не ошибся, когда решил рискнуть именно сейчас. В его нынешнем арсенале были сразу три *гранда* – покер, младший джокер и козырный туз, да плюс к ним ещё три козыря и один залётный туз, после чего покерный гуру подумал словами его литературного родственника Остапа Бендера: «На такие шансы ловить можно»[132]

[132] Илья Ильф и Евгений Петров «Двенадцать стульев», глава XXI – прим. лит. редактора

Он понял, что вопрос выигрыша этого роббера уже практически решён, но это была простая задача – по Станиславскому, а вот сверхзадачей – всё по тому же Константину Сергеичу – было сделать так, чтобы (если, конечно, позволят карты остальных соперников) немного приподнять Серёжу, попутно приопустив Нуртая и Талгата, которые пока лидировали в этой партии.

Ловок я и осторожен,
да и сильный, как медведь:
Станиславский мне поможет
печенегов одолеть!

Это было сложно, но на стороне писателя присутствовали сразу несколько факторов: во-первых, неплохие карты, во-вторых, наработанный за время жизни *игроцкий* опыт, и, в-третьих, страстное желание заполнить часть этой страницы 143 хоть каким-нибудь позитивом. И согласитесь, что это были не самые слабые мотивы для победы – из всех побудительных. Повезло Володе и в том, что первый ход в этом роббере был именно его. Он смело бросил на покерный столик главную карту в игре, то есть покера, и заявил некой странной фразой, непонятной, кроме игроков, ни одному обитателю Учпучмака:

– По старшим джокерам.

Все радостно сбросились по самой маленькой карте, что, кстати, вписывалось в правила игры, и только Салихдзяныч пискнул тихо, точно мышонок, со стоном отдав требуемую карту.

Затем Кулемзин пошёл младшим джокером, проговорив ещё более странную для постороннего зрителя фразу:

– По младшим джокерам.

На этот раз пострадавшим оказался ленинец, который в точности повторил стон военного музыканта – только на одну октаву ниже, а сам военный музыкант, уловив это изменение, даже вспомнил фразу из учебника «Октавная система для старших прапорщиков», по которой он занимался в военно-музыкальном училище имени домбриста Курмангазы: «Октавы ниже субконтроктавы и выше 5-й октавы выходят за диапазон применяемых в музыке звуков и потому не имеют собственных названий и обозначений звуков», после чего подумал, что вот теперь одна из них своё название обрела: «Слышишь, стон за игрой раздаётся!»

Как легко всех врагов мне покоцать[133],
если я применю артобстрел:
слышишь, стон за игрой раздаётся –
это кто-то на три пролетел!

[133] ***Повредить, попортить или даже убить – феня***

Дальше было проще: третью взятку Альбионыч – в отсутствие остальных *грандов* – взял козырным тузом, после чего смело пошёл невнятной козырной тройкой, за которую разгорелась настоящая битва, закончившаяся тем, что её прибрал к рукам своим козырным королём Полтавцев, который тут же пошёл трефовым тузом, а за ним – таким же королём. Так что одна *локальная* задача была выполнена – охранник взял свои три взятки, и надо было быть последним кретином, чтобы перебрать свою заявку.

Глава 60. АХ, НАКОНЕЦ ДОСТИГЛИ МЫ… (почти окончание)

А последняя взятка писателя случилась так. Охранник, поплевав на пальцы, три раза тщательно пересчитал свои взятки, убедился, что их три, как и было заказано, и решил избавиться от последнего козыря – пикового валета. С возгласом «Царица лесная!» он смело кинул его на покерный столик, дождался, пока не скинут младшие козыри музыкант и педагог, и уставился на Володю, как бы гипнотизируя его.

И вот здесь Кулемзин проявил своё лучшее земное качество, приобретённое за время жизни на этой планете – великодушие. У него было два варианта хода: забрать серёжин валет своей дамой, кстати, самой большой оставшейся картой в игре, либо выбросить козырную четвёрку, дав тем самым сторожу перебор. Автор не знает точно, помог ли Полтавцеву гипноз, но Альбионыч, конечно же, забрал свою четвёртую взятку, после чего тут же пошёл уже упомянутой четвёркой.

И хорошо, что такой же маленький козырёк в виде пиковой семёрки нашёлся у Курманбаева, который радостно заграбастал взятку, хотя до этой минуты думал, что пролетит на все 100 – разумеется, не взяток, а процентов.

Ох, нелёгкая задача –
что вопрос, а что ответ:
взять своё – уже удача,
перебрать – удачи нет!

Но и это не помогло ни ему, ни бравому оловянному (от постоянных пьянок) солдатику с воинским званием старший прапорщик – оба они пролетели, как и рассчитывал покерный гуру, по одной взятке. В другой бы ситуации, казалось, было не о чем беспокоиться: подумаешь, одна взятка – где наша не пропадала! Но только не на тёмной, где удваивалось всё – и победы, и поражения. Так что и Нуртай, и Талгат откатились назад на 50 очков, но даже это было не самое страшное, а то, что одновременно с таким (прости, русский язык!) афронтом значительно поднялись и Володя – на удвоенные 75 очков, то есть на 150, и Серёжа, который приписал в свой персональный счёт удвоенные 60 очков, то есть 120!

– Упустил, упустил шанс, мать моя КПСС! – раскачиваясь, словно только что получил известие о том, что под фашистской бомбёжкой в Воронеже погибла вся его семья, причитал педагог, причём так горько, что не выдержал даже не играющий Валера, который решил успокоить Мусаича как умел:

– Ничего, Нуртай, не расстраивайся: если ты упустил свой шанс, святой Малевич, никогда не думай, что он последний. Будет ещё много шансов, которые ты упустишь!

Мысль пришла высоковольтная –
хоть от горя волком вой:
шанс – такая штука скользкая:
упустил – и нет его!

Но горе горем, а продолжать игру было необходимо. И с каждым роббером это становилось всё труднее, ведь вконец распоясавшемуся солнышку было абсолютно наплевать на то, что пиво у игроков давно закончилось, а следующий поход в магазин был возможен только после окончания этой партии. Балдоха, как называют это небесное светило и русские, и саксаульские зэки, протягивало к игрокам и примкнувшему к ним Муравлёву свои жаркие лучи, посылая в космическое пространство мириады корпускулярных частиц – протоны и электроны со скоростью 400 километров в секунду били прямо в раскалённую поверхность покерного столика, заставляя скручиваться страницы *раскладки*.

Не часами, а годами
бьюсь с жарою я, как лев:
расплавляюсь я мозгами,
как сметанное суфле!

Кроме причитающего большевика, переживал свою локальную неудачу и обер-корнет, которого также решил успокоить Николаич, видимо, слишком много слушающий в детстве передачу «Радионяня»

– Ты, Талгат, не переживай, – обнял он за плечо военного. – Наверное, в твоей школе прапорщиков просто не проходили такой важный предмет, как «Установка психической реакции на поражение»

– Как это? – не поняв из названия предмета ни одного сло́ва, а также их общее значение, заинтересовался сторож и даже на всякий случай приготовил свой знаменитый на весь второй микрорайон блокнотик «Для му.мы.»

Но тут оказалось, что к такой сложной расшифровке того, что он хотел выразить, Валера был явно не готов и беспомощно посмотрел на Кулемзина: помоги, мол. Володя не отказывал в помощи своим друзьям и товарищам, поэтому сразу же ответил:

– Наш друг живописец намекает на то, что у тебя, Талгат, реакция слабая.

– Так это только с ёкарного похмелья, – засмущался трубач. – А так я ещё хоть куда…

«Оно и видно», подумал литератор и рассказал присутствующим короткую байку из своего далёкого солдатского прошлого.

Случай во время перекура

– Как вам уже известно, в начале 70-х годов прошлого века служил я в Красной Армии – радистом в войсках ПВО. Но вначале попал в Ростовскую учебку, где готовили радистов сразу на два потока – один вьетнамский, а другой, как мы говорили, общеафриканский. Кстати, кто не знает, но советские военные базы в то время были в Сомали, Ливии, Йемене, Эфиопии, Египте, Тунисе и Гвинее!

Враз расчухай ты момент:
нет, не штатско-кабинетский
потоптал сапог советский
африканский континент!

Гоняли нас страшно, и первые две недели, яйчики-бабайчики, мы вообще спали часа́ по три-четыре в день. Но и учили хорошо – медленно и методично, так что за па́ру месяцев мы уже практически выполнили норматив радиста 3-го класса и даже получили на свои гимнастёрки вот такой значок:

– Но оказалось, что в этой учебке учили не только нас. На огромной территории нашей в/ч 12040 располагался ещё и корпус ЗакВО, или Закавказского военного округа – со своей учебкой, в которой из штатских маменьких сынков…

Здесь все сидящие на покерной скамеечке, кроме Курманбаева, почему-то посмотрели на Курманбаева.

– …делали настоящих войсковых разведчиков.

Здесь все сидящие на покерной скамеечке, кроме Батыршина, посмотрели на Батыршина.

– И вот однажды во время перекура (тогда я ещё курил, чтобы хоть как-то отдыхать от напряжённой службы) я познакомился с одним пареньком-разведчиком, на вид очень скромным. А когда, посмеиваясь, я попросил его продемонстрировать что-нибудь из арсенала того, чему его научили, он, не напрягаясь, выбил у меня сигарету изо рта – ногой! А я, помнится, даже дёрнуться не успел, хотя, прослужив уже полгода, думал, что реакция у меня была хорошая, а не такая, как у нашего друга шнапс-капитана сегодня. Да, вот такая была армия в моё время…

Сплю, и снится мне сон: я воюю с врагами,
верный друг мой *максим* раскалён докрасна,
все убиты вокруг, сам я чуточку ранен,
а патронов совсем рядом нет ни хрена!

Глава 61. АХ, НАКОНЕЦ ДОСТИГЛИ МЫ… (ещё одно почти окончание)

После того, как был сыгран этот длинный и такой важный роббер, положение в партии изменилось градусов эдак на 179: отзвуки дивной драмы кружили головы Володе и Серёже, Нуртай вертелся на покерной скамеечке, кривясь от зависти и злости и царапая более удачливых игроков остекленевшим взором, а Талгат бесконтрольно махал руками, как при сурдопереводе, выказывая этим свой старый диагноз – несбалансированную психику военного человека, попавшего в сложную *штатскую* обстановку.

Изменилось и цифровое значение позиции: на первое место вырвался Альбионыч с неожиданными 394 очками, на второе Афанасьич, у которого в активе оказалось 302 очка, а третье и четвёртое в 255 очков, словно под копирку, поделили между собой Мусаич и Салихдзяныч, и мой читатель наверняка помнит, что такое редкое положение в игре в нашем бермудском коллективе называлось *присесть на одном гектаре* – и не подумайте при этом чего-нибудь плохого.

Знают это только шифры,
что весь смысл нам замутят:
одинаковые цифры,
но неравный результат!

– Thank you very much for your cooperation![134] – улыбаясь, проговорил писатель-полиглот на одном из европейских языков.

[134] ***Большое спасибо за ваше содействие! – англ.***

– Зачем ты так? – как раненый, простонал военный музыкант.

– Не переживай, Талгат, – утешил его добрый марсианин. – Выражаясь по-учёному, яйчики-бабайчики, эту *стре́лку* ты проиграл подчистую!

– Может, ты и про меня, мать моя партия, что-нибудь скажешь? – со злым сарказмом вопросил знатный партиец, а художник Муравлёв даже немного подался вперёд, чтобы не пропустить слова́ литератора.

– Конечно, Нуртай, для тебя у меня всегда найдётся доброе слово с некоторым количеством букв. Например, вот: круче тебя только Майк Джиммиевич Тайсон[135] получает! Но ведь ему за это в тыкву колотят, а ты всего лишь двигаешь красивые картонки на нашем горячем от кровопролитных сражений столике… И вообще, что это за склонность к *немотивированным* поступкам?

[135] ***Американский боксёр-профессионал, выступавший в тяжёлой весовой категории, самый молодой чемпион мира в тяжёлом весе (в 20 лет 144 дня) – прим. спорт. редактора***

Услыхав такой знатный фразеологический оборот, Полтавцев поднял свои погонные метры брежневских бровей, раскрыл заветную книжечку «Для му.мы.» и записал для памяти красным концом двуцветного карандаша: «По словам моего друга Кулемзина, немотивированные поступки склоняют моего врага Курманбаева к мотивированным пакостям во время разномотивированной игры (название забыл)»

И хорошо, что автор, обладающий отличным зрением и прячущийся за близрастущим к столику карагачом, разглядел эту запись, так что теперь любой, кто откроет эту толстую книжку на странице 147, может найти её именно здесь – на 8-9-10 строчках сверху.

На предвиденном этапе
не слетим мы с наших резьб,
ведь найдём любую запись!
Но сумеем ли прочесть?

Но писатель не собирался прощать педагога, так как не чувствовал перед ним никакой вины – что ж поделать, если Сука-судьба распорядилась так, а не иначе – поэтому, пока сторож не успел спрятать в котомку блокнотик, вежливо, как англичанин, высказал ещё одну мысль, которую хочешь не хочешь, но придётся выделить в отдельный афоризм:

Мастерство –
это реализованный талант

– Да-да, – неожиданно проре́зался голос ещё одного обиженного – унтер-офицера Батыршина. – Ты, ёперный Володя, давай как-нибудь не так… а то, знаешь ли… оно чревато этим самым…

«Неужели похоть коллективного произвола?», удивился литератор. «А, впрочем, чему тут удивляться? Умным, добрым и красивым всегда завидуют…», а вслух попенял саксаульскому трубачу:

– По-моему, ты способен заговорить зубы само́й[136] Сфинкс Тифоновне!

[136] ***Не ошибка. Сфинкс на самом деле обладала женским полом и была чудовищем с головой женщины, лапами и телом льва, крыльями орла и хвостом быка – прим. миф. редактора***

«Ну вот зачем он говорит мне такие непонятные слова?», с досадой подумал Талгат. «Говорил бы, как со всеми, – на русском языке…»

«Виселись польта в колидоре» –
пускай неграмотна строка,
но сколько смысла в этом вздоре!
Какая сила языка!

– Слушайте! – воскликнул преподаватель еврейского колледжа, скривившись, как от зубной боли под левой коленкой. – Давайте уже играть дальше, а то этот Кулемзин так и будет нести свой бред!

– Бред? – уточнил Альбионыч. – Придётся ответить тебе гениальным стишком:

Запомнил твёрдо я со школы,

что не один такой больной:
несу я бред, хоть он тяжёлый,
но этот бред – он только мой!

А чтобы прозвучавшее произведение высокого стиля лучше дошло до Мусаича, добавил несколько слов в прозе:

– Ну, ты, Нуртай, прямо жеребец какой-то!

– Что, такой же сексуальный? – обрадовался эпитетом коммунист. – Такой же сильный и грациозный?

– Да нет, просто гадишь постоянно…

После этих слов все, кроме Курманбаева, немного посмеялись, хотя он был прав: играть надо было дальше. Но, несмотря на эту правоту, все видели, что обиженный покерным гуру сидит в ряду других покеристов и живописцев какой-то неуместный, словно утренняя гимнастика по радио – в капиталистическую пору суверенной Саксаулии.

– Капитал проник в сердцá! –
закричал бухой швейцар…

Глава 61. АХ, НАКОНЕЦ ДОСТИГЛИ МЫ… (окончание)

После прохождения средней *тёмной* как пика сражения, играть становилось веселее: время как будто пошло быстрее, робберы, в отличие от первой половины игры, были всё короче, да к тому же участвующих в первой битве этого дня подстёгивал азарт неведомого: а ну как добрый Володя после этих покерных посиделок возьмёт да и откроет свой бездонный карман с *алтушками*, как называл назарбаксы повидавший многое в жизни человек из народа Полтавцев, а потом возьмёт да и пошлёт того же сторожа на 22 метра южнее – в сторону магазинчика Калимы.

Хуже других сейчас было преподавателю еврейского колледжа, который а) не любил проигрывать по жизни, б) не любил проигрывать в *русскую кочергу* и в) не любил проигрывать своему врагу оппортунисту Кулемзину. Откатившись с первого места до третьего (на четвёртом оказался старший прапорщик Батыршин), он невнимательно перебирал пришедшие карты и, словно в бреду, что-то тихо бормотал. А автор, пользуясь правом на придуманных им героев, стоял рядом и подслушивал эти невнятные речи.

Вл. Горький был обескуражен,
и было видно по глазам:
придумал автор персонажей –
пускай расхлёбывает сам!

– Я выиграю, мать моя КПСС, я обязательно выиграю, – бормотал педагог.

Правда, со стороны такие заклинания – как жалкие попытки самовнушения – напоминали последние кислые толчки сознания, вроде досматривания фильма Стэнли Джейкобовича Кубрика «Заводной апельсин»

«Интересно, яйчики-бабайчики», подумал писатель, «откуда такой оптимизм на 18-м году перестройки?», после чего внимательнее присмотрелся к большевику – с целью набора новых впечатлений, которые могли ему пригодиться в период создания шестого тома своего эпохального произведения.

Было видно, что Нуртай, не привыкший плестись сзади, страшно переживал: глаза его значительно выпуклились, как у испуганного жеребёнка, а сердце ездило по рёбрам, точ-

но по стиральной доске. Курманбаев, забыв, что он коммунист, тщетно пытался загнать дикую азиатскую натуру за решётку интеллигентности.

«Ну что ж», ещё раз подумал литератор новым афоризмом, и автору не остаётся ничего другого, как выделить на этой странице и его (афоризм, а не литератора):

Всё, что ни делается, – к лучшему.
Просто не всегда к нашему…

Думал: есть надежды лучик,
думал: будет благодать,
думал: будет много лучше –
получилось как всегда!

А Сука-судьба, эта ветреная дамочка, не подчиняющаяся даже *дедушке*, в это время совершенно распоясалась: в отсутствии *иблиса*, уже который день находящегося в творческой командировке по приказу самогó Люцифера, она решительно отказывалась помогать Мусаичу, и ему, младенчески хлопающему бессмысленными глазами, приходилось выкручиваться самомý. А это было нелегко: почувствовав, что, во-первых, есть ещё время исправить совершённые ранее ошибки, и, во-вторых, видя, что в данный момент педагог им не конкурент, страшно активизировали свою игру Салихдзяныч и Афанасьич, сидящие друг против друга. Серёжа даже начал подавать Талгату какие-то тайные знаки в виде подмигиваний и лицевых ужимок, а трубач делал вид, что эти знаки понимает. Правда, почему они при этом практически не продвигались вперёд, понять было трудно.

«Может, у нас йодистая карма такая?», подумал обер-корнет и стал ожидать ответа от вороны, которая уже час как наблюдала за великой битвой народов.

И птичка ответила.

– Кар-р-рамба![137] – непонятно выругалась она, испугав карликовую русалку, давно обжившую одну из веток карагача.

Сюжет романа не насильствен:
закончен бой – домой шагай.
«Карамба!», брал на глотку Сильвер[138].
«Пиастры!», вторил попугай.

[137] Иблис побери! – исп.
[138] Джон Сильвер – предводитель пиратов, персонаж романа Роберта Томасовича Стивенсона «Остров сокровищ» (1883) – прим. лит. редактора

Между тем, первая партия близилась к завершению. Поняв, что догнать Альбионыча уже не удастся, остальные покеристы озаботились тем, чтобы пополнить копилки своих персональных рейтингов и, уже не обращая внимания на писателя, вступили в бой друг с другом. А Кулемзин, с удивлением наблюдая это противоборство, почувствовал, что нечто подобное уже происходило в истории. И вспомнил!

В ненаписанных для советских школьников учебниках истории этот эпизод американской Гражданской войны, случившийся 12 апреля[139] 1862 года в штате Джорджия, назывался «Great Locomotive Chase», или, чтобы было понятно читателю, «Великая паровозная гонка»

[139] Есть версия, что советский конструктор С. П. Королёв, назначая дату первого полёта человека в космос, вдохновлялся именно этим историческим эпизодом – прим. автора

Правда, у этого эпизода было и второе название – рейд Эндрюса. И вот почему: добровольцы из армии Севера под руководством Джеймса Арчибалдовича Эндрюса, намереваясь блокировать Чаттанугу[140], угнали у конфедератов… паровоз, после чего направили его по железной дороге «Western & Atlantic Railroad»[141], которая соединяла Чаттанугу с Атлантой, сжигая при этом за собой мосты (в прямом смысле!), повреждая рельсовые пути и срезая телеграфные провода. Тем самым угонщики хотели прервать движение поездов по железной дороге, а, следовательно, и снабжение армии Юга. Поскольку передать сообщение об угоне по повреждённому телеграфу было невозможно, железнодорожники предприняли попытку догнать налётчиков на другом паровозе (!). В результате такой беспрецедентной паровозной гонки налётчики всё-таки были схвачены, и некоторых из них впоследствии казнили как шпионов.

[140] Город на юго-востоке США (штат Теннесси) – прим. геогр. редактора
[141] «Западная и Атлантическая железная дорога» – англ. Историческая железная дорога, некогда располагавшаяся в юго-восточных Соединённых Штатах, которая соединяла Атланту (штат Джорджия) с Чаттанугой – прим. ист. редактора

Задумки высоки и широки,
и, как вдруг поступают диверсанты,
друг друга догоняют игроки
на старых паровозах из Атланты!

Примерно такая же гонка сейчас происходила у педагога, военного музыканта и охранника, и литератор весело наблюдал за этими забавными передвижениями покеристов. Художник Муравлёв ничего об американской подоплёке событий не знал, да и живого паровоза никогда в жизни не видел, и потому смотрел на просходящее другими глазами, а именно сквозь бутылочное стекло пивка «Тянь-Шань», допивая последние глотки́ и мечтая о новых.

И вот игра, наконец, была завершена – так, как и предполагал марсианин. После него на втором месте по-прежнему остался Серёжа, который сейчас сидел, чуть не лопаясь от гордости, на третье пробился Батыршин, а на последнем страдал партийный педагог.

Валера заглянул в *раскладку*, убедился, что его друг-спонсор по-прежнему на первом месте и на всякий случай решил похвалить Альбионыча.

– Ну ты, Володя, и ас, – произнёс он.

– Не ас, старичок, а АС, – поправил его Кулемзин.

– В смысле, святой Малевич?

– В смысле прописными буквами.

«Как это, царица лесная?», забилась тревожная мысль у одного из покеристов. «Ведь он же никакие буквы не писал, а только всё цифры – в *раскладке*…»

– АС, мои маленькие друзья, это очень короткая (прости, русский язык!) аббревиатура, и означает она **А**налитик **С**итуаций.

Ситуацию прочухать
может лишь большой знаток –
обладатель тонких нюхов,
кто умом весьма глубок!

– Да это и так понятно: суть ёперного дела проста и неизлечимо потенциальна! – внезапно, поднатужившись, выдал все известные ему учёные слова другой покерист.

– Браво, хорунжий! – приветственно вскричал писатель, который любил такие выражения не за «учёность», а потому что их потом можно было смело вставлять в любое место любого тома романа «Русская кочерга»

– А в чём ты, стаг'ичок, мать моя паг'тия,– картавя от волнения, спросил ленинец, – видишь эту суть?

– Да попить ещё ёкарного пивка малёхо! – честно, но несколько нелогично ответил старший прапорщик.

– Ах, ты в этом смысле? – несколько удивился Курманбаев, но потом взял себя в руки и предложил:

– Хог'ошая мысль! Кто за – пг'ошу голосовать!

– А можно, яйчики-бабайчики, без голосования? – предложил выигравший. – Я ведь об этом ещё давно в одной детской книжке читал! Как сейчас помню, там так и было написано: нам бы ночь пролечиться да день на процедуры походить…

Я замечу очень честно:
в частности и в основном
процедура нам известна:
выпьем – и ещё нальём!

Глава 62. ОЧЕРЕДНОЙ ПОХОД ЗА СЧАСТЬЕМ

Придя в хорошее настроение от победы в первой партии, Володя решил несколько изменить привычные правила утреннего сражения, то есть прикупить пивка ещё. Но просто так это делать было неинтересно, и он, к удивлению остальных участников процесса, произвёл некоторые манипуляции. Для начала Альбионыч за несколько секунд написал новую считалку для определения, кто же пойдёт за товаром на этот раз, потом мгновенно вычислил, с кого начать считать, и, наконец, пересадил Серёжу и Валеру, а сам вклинился между Нуртаем и Талгатом, оторвал вчерашний использованный листок из покерной *раскладки* и на его чистой стороне набросал только что сочинённое, и только после этого передал листок для чтения Муравлёву, так как считал, что талантливые произведения должны читаться людьми, имеющими хоть какое-то отношение к так называемому творчеству.

Хорошо, что сочинённая считалка была написана крупными печатными буквами, поэтому Валеру не затруднило громко и выразительно её прочесть, при этом тыча пальцем на каждом слоге в потенциальных пивопотребителей – начиная с военного:

– Мысль я выну из архива –
между пьянкой и игрой:
кто отправится за пивом,
тот сегодня – наш герой!

А так как за минуту до этого Кулемзин рассадил всех по-новому, сходить в лавку Калимы выпало на этот раз Салихдзянычу. Он, кряхтя, поднялся со скамеечки, поскрипел всеми суставами по очереди, дождался, пока в его ладонь не упала очередная купюра, и вопросительно поглядел на спонсора, как бы предлагая тому вербальное напутствие перед походом. И литератор не подвёл.

– Ну что, Талгат, *да капо*? – непонятно для всех, кроме музыканта, предложил он.

А чего здесь было непонятного? Надеюсь, что каждый из моих грамотных читателей помнит, что это итальянское слово в нотном стане означает *повторить пьесу сначала.*

Помнил об этом, конечно, и наш военный трубач. Зажав купюру в кулаке, он без команды сделал чёткий поворот налево и отправился в южную сторону города, а осиротевшие игроки и примкнувший к ним саксаульский малевич увидели, что у ходока был довольно вместительный животик, что, конечно, не делало его походку лёгкой и летящей, а, значит, и ждать его придётся не скоро.

Знают всякие народы,
что за временем следят:
тихо бродят пешеходы,
а машины вдаль летят!

«Пора бы рассказать коллективу что-нибудь полезное», решил Володя. «Вот только что? О группообразованиях в матричных полях? Или о периферийных последствиях чёрных дыр? Да нет, они ещё недостаточно пришли в себя после вчерашнего – что и показала первая партия. Тогда расскажу-ка я им простенькую историю о проблеме возможности дескриптивной эйдетики переживаний…»

Но размышления писателя на эту серьёзную тему внезапно перебил телефонный звонок, пришедший из недр кармана его рубашки. Тогда он тут же включил громкую связь, ибо никогда и ничего не скрывал от товарищей по борьбе, и в жаркое пространство Бермудского Учпучмака ворвался визгливый голос батаршинской супруги Аиды:

– Где этот придурок? Где этот старый поц? Передай ему, что я с детьми уже выехала и буду до́ма сегодня вечером! И чтобы квартира блестела!

Литератор, удивившись, что с ним не поздоровались, даже не успел вставить ни сло́ва, как аппаратик, который и сам находился на грани перегревания, отключился.

– Зачем же ты выходила замуж за старого поца? – тихо пробормотал он (литератор, а не аппаратик). – И где же этот старый поц возьмёт столько блёстков, чтобы их хватило на це́лую квартиру?

В протокол заносит опер
всего обыска итог:
«Дом блестит, ведь «Мистер Про́пер»
поработал здесь, как мог!»

И тогда он понял, что сама жизнь – в лице еврейского супруги старшего трубача – подкинула ему тему для байки. И рассказал он её сидящим за покерным столиком, и назвал свой рассказ

Глава 63. ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ (б) ЛОВИЛА СТАРОГО ЕВРЕЯ, НО ПЕРЕХИТРИЛА САМУ СЕБЯ

При советской власти (б) в Одессе жил один потомственный ювелир – Хаим Осипович Ермолицкий. Когда он решил эмигрировать, КГБ установило за ним круглосуточную слежку. Комитетчики не сомневались, что он попытается вывезти свои бриллианты. Увидев, что он купил на толкучке две пары обуви на толстой подошве, они поняли, что он хочет спрятать драгоценности в них.

И они оказались правы. Дома Хаим задёрнул занавески на окнах, взял дрель, просверлил в подошвах отверстия и всыпал в них камни, а дырки аккуратно заклеил. Потом надел туфли и походил по комнате. Бриллианты издавали такой страшный скрип, что от ужаса старик вспотел. Но поскольку никаких других планов их вывоза у него не было, он

махнул рукой и сказал: «Будь что будет!». Бриллиантов у него в принципе было немного, поэтому хватило одной пары, а вторую он подарил своему племяннику Мише.

В назначенный день Хаим отправился на морской вокзал – пароход на Хайфу отходил оттуда. Миша поехал провожать его. В машине Хаим страшно разнервничался.

– Миша, знаешь что? – сказал он племяннику. – Мне 80 лет. Зачем мне эти сокровища? Я хочу поцеловать святую землю и спокойно умереть. А тебе они еще пригодятся.

После этого он поменялся с Мишей обувью. На вокзале Хаима сразу же направили к таможенникам, которые уже были предупреждены. Они вежливо попросили его разуться и разобрали новые туфли на части, ведь таможня была так уверена, что отправит этого афериста не в Израиль, а в полностью противоположную сторону, что даже расстроилась всем одесским коллективом.

Таможня – дело не простое,
ведь,то и дело рыщет враг:
здесь не поспишь, тут нет покоя,
и сутки круглые аншлаг!
А если хитрецы в вагонах
запретный груз везут с собой,
то без рентгена страж в погонах
узрит насквозь багаж любой!

Тогда они позвонили куда надо и говорят: в туфлях ничего нет, что делать? Им отвечают: потрошите чемодан, пиджак, штаны, если есть кепка, потрошите кепку. Они так и сделали – и снова ничего! Опять звонят куда надо, а те говорят: выворачивайте его наизнанку, невозможно, чтобы не было!

Таможенники, недолго думая, отвезли несчастного в больницу, где ему промыли желудок, заставили выпить литр *контрастно*й жидкости, сделали рентген и снова ничего не нашли. На этот раз уже комитетчики говорят: трудно поверить, но, видимо, мы таки ошиблись, извините за беспокойство.

Тогда таможенники умыли руки с мылом и разошлись по домам. А на следующую смену заступила новая группа таможенников, в которую входила младший лейтенант Вера Николаевна Луговская. Это была простая советская женщина 55 лет, которая в силу обстоятельств личной и трудовой жизни находилась в довольно-таки депрессивном состоянии духа. Причин для этого было хоть отбавляй: во-первых, ей оставалось дослужить до пенсии всего месяц, и, во-вторых, как раз в тот день её кошка родила шестерых котят, а раздать их не удалось: раньше брали, а сейчас сказали, что самим жрать нечего.

Тогда она с тяжёлым сердцем налила полведра воды и утопила их. А кошка всё норовила заглянуть в ведро, чтобы выяснить, что это хозяйка делает с её детёнышами, мяукая при этом таким диким голосом, что эти звуки стояли в ушах у Веры Николаевны всё время, пока она ехала на службу.

Вот сижу, грущу немножко –
отчего, сам не пойму:
утопил свою я кошку –
по прозванию Му-му!

За своим обычным делом Вера Николаевна надеялась отвлечься от пережитого, но не тут-то было: в кабинете её ждал Ермолицкий. На старике, как говорится, не было лица, а

если точнее, то на нём вообще ничего не было, кроме синих ситцевых трусов и частично белой майки.

– Это кто? – спросила она.

– Да застрял тут один, – объяснили ей небрежно.

Вера Николаевна подошла к старику, посмотрела его документы и спросила:

– Хаим Осипович, у вас есть что надеть на себя?

– У меня есть желание умереть и не видеть этого кошмара, – ответил старый еврей.

– Вас кто-то провожает? – спросила таможенница.

– Племянник, – сказал старик и слабо махнул в направлении двери, через которую он вошел в это чистилище.

Тогда Вера Николаевна вышла в зал, где толпились провожающие, и спросила, есть ли среди них племянник Хаима Осиповича Ермолицкого.

– Есть! – тут же нашелся тот.

– Молодой человек, – сказала ему таможенница. – По независящим от меня причинам костюм и обувь, в которых Хаим Осипович собирался ехать на свою историческую родину, пришли в негодность. Но вы не волнуйтесь, сам Хаим Осипович почти в полном порядке. Ему просто надо переодеться перед отъездом.

Говорил один геолог,
что собрался в степь линять
«Не могу я ехать голым –
меня могут не понять!»

– Я могу только снять с себя, – предложил племянник.

– А сами пойдёте домой в трусах и майке?

– Послушайте, в Одессе пешеход в трусах и майке нормальное явление, – нашёлся племянник. – Может, человек с пляжа возвращается, а может, вышел выбросить мусор. Но появиться в таком советском виде за границей таки неловко. Зарубежная пресса может это неправильно истолковать. Вы меня понимаете?

– Ну, давайте, что там на вас есть, – вздохнула Вера Николаевна.

Через пять минут Хаим Осипович надел на себя джинсы своего племянника, его футболку «Адидас» с тремя красными полосками на плечах и совершенно новые туфли, где лежали все сбережения жизни старого еврея.

– Как вы себя чувствуете? – спросила младший лейтенант Луговская.

– Уже лучше, – лаконично ответил Хаим Осипович и пошёл к трапу…

♠ ♠ ♠

Все сидели потрясённые страшным рассказом из чужой жизни и даже не заметили, как к покерному столику подошёл унтер-офицер Батыршин с полной котомкой жидкого счастья. И только он, счастливый своим удавшимся походом, раздал заветные бутылочки игрокам и примкнувшему к ним Николаичу, как в кармане володиной рубашки раздался ещё один звонок.

– Кстати, Талгат, звонила Аида, – вспомнил телефоновладелец, – сказала, что приезжает сегодня вечером с детьми, – после чего произвёл очередное соединение.

А муж, отец и еврейский зять, который вот только что чувствовал себя счастливым, впал в незапланированную депрессию.

Голова опять в разброде,
снова мать моя – свекровь:
был я счастлив лишь в разводе,

но, дурак, женился вновь!

Оказалось, что звонил новый друг покерного коллектива Васюхан Митрохин, который пожаловался Кулемзину, что ему плохо, хотя он немного похмелился дóма, но скоро, как он надеется, будет хорошо, потому что он срочно выезжает в родной Учпучмак!

Глава 64. СЧАСТЛИВЫЕ ГРАММЕМЫ

Это сообщение старшего джуса все восприняли одинаково радостно, ибо по прошлым дням знали, что с пустыми руками Васюхан не приходит. Поэтому к радостному *настоящему* в виде только что розданных бутылочек добавилось некое гипотетическое счастливое *будущее*, да такое хорошее, что как-то сразу забылось о тоскливом утреннем *прошлом*. Вот такие занятные (прости, русский язык!) граммемы[142] категорий времени, которыми до сегодняшнего дня оперировали только филологи со степенями не ниже дóктора наук, теперь ясно и просто проявились в нашем повествовании, и, надеюсь, постоянные читатели «Русской кочерги» нисколько не испугались этих надуманных научных сложностей.

[142] Единицы грамматического значения. Различные граммемы одной категории исключают друг друга и не могут быть выражены вместе[143] – прим. филолог. редактора
[143] Но это только на Земле. Например, на Марсе такие граммемы одной категории, как прошедшее время и настоящее время вполне-таки мирно сосуществуют друг с другом одномоментно – прим. автора

Человеку русскому, которому по жизни всегда что-то надо, причём, здесь и сейчас, хорошо известно, насколько тягостным становится любое ожидание. Но в данный момент, когда ожидание своего товарища было скрашено счастьем общения с весело позвякивающими бутылочками, всем было хорошо. И даже стишок, который мгновенно сочинил штатный поэт Бермудского Учпучмака, не смотря на то, что был *беспредметным*, не вызывал сомнений, что речь в нём идёт всё о том же пивке:

Почему мы пить должны?
Как вы не поймёте?
Годы будут лишь вредны,
если вы не пьёте!

Не обращания внимания на других персонажей, заполонивших к тому времени территорию Великого ▲, в виде бабушек-пенсионерок, дворовых детей и алкашей Глав-Буха и Галлюцинации, оккупировавших злосчастные кусты в трёх метрах от покерного столика, наши герои прихлёбывали жидкую радость, попутно ведя разные разговоры.

Первую бутылочку писатель опустошил несколькими богатырскими глотка́ми – смачными и затяжными, точно свадебный поцелуй *молодых* под дебильные крики пьяных гостей, которые хором вспоминали устный арифметический счёт, что в советских школах (б) проходили ещё в первом классе. Допив последние капли, он обратился сразу ко всем присутствующим за столиком, в этот момент потерявший звонкий статус покерного:

– А скажите-ка мне, други мои, какая разница между терминами *миг* и *мгновение*?

Мне мир во всём равновелик,
хоть вижу я с недоуменьем
мгновенье – длинное, как миг,
и миг – короткий, как мгновенье…

Все на мгновение (а, может, и на миг) задумались, но потом версии посыпались как *нут* из прохудившегося мешка бербера.

– Я думаю, что ёперный миг в три раза короче ёкарного мгновения, – наконец сообщил коллективу военный.

– Интересно, мать моя партия, и как это ты вычислил? – возмутился Курманбаев.

Старший трубач задумался, так как думал, что только что произнесённое знание явилось к нему прямиком из бутылочки «Маршала». Альбионычу стало жалко потерявшегося в миге/мгновении, и он решил помочь Батыршину:

– Талгат, давай я за тебя отвечу. Скорее всего, яйчики-бабайчики, ты вычислил это путём применения дифференциального счисления на основе кибернетической эстетики.

– Точно! – обрадовался шнапс-капитан. – Я как раз и хотел рассказать про это фиренциальное число!

– Что-то я, святой Малевич, не слышал о таком методе, – неожиданно засомневался и Муравлёв, который время от времени влезал в такие разговорчики исключительно с одной прагматичной целью – чтобы о нём не забыли в коллективе.

Я свято мира чту законы,
и всё же есть немалый страх:
забудут если про персону
мою, то будет полный швах!

– Ну, я тоже не слышал о Восьмой Нейтронной Звезде в созвездии Козинаки, – ответил Кулемзин, – но это же не означает, что её там нет, ведь Вселенная бесконечна.

Все немного посмеялись, на миг (а, может, на мгновение) заглушив бормотание художника:

– И всё-таки я сомневаюсь.

– И я, я тоже сомневаюся, мать честная, – подал голос Полтавцев, который решил не чураться научных дискуссий.

– Тогда, Серёжа, посчитай сам! Только обязательно предоставь нам убедительное доказательство своих счётов.

– Но ведь ты, Володя, таких доказательств тоже не предоставил, – снова возмутился Нуртай.

– Да, но ведь, согласись, и не я затеял этот глупый спор.

– А кто же?!

– Я ведь только задал наводящий вопрос – не так ли?

Все немного посмеялись над попавшим впросак коммунистом.

– А, может, речь идёт о самолёте «МиГ-29»? – неожиданно прозвучала ещё она версия, и когда все, озираясь, начали смотреть по сторонам, выяснилось, что эту глупость пробормотал враг покерного коллектива Руслан Кацоев (б), проходящий в нашем жизненном исследовании под *погонялом* Глав-Бух.

– Ну да, – пробормотал Альбионыч, – и о вертолёте «Мгновенье, ты прекрасно-35»!

Пусть пыл познаний не угаснет,
и пусть не будет он бескрыл:
о том мгновенье, что прекрасно,
когда-то Гёте сообщил[144]…

[144] Фраза из сцены 4 части I трагедии Иоганна Иоганновича Вольфганга фон Гёте «Фауст» (1808) – прим. лит. редактора

– Так, это сколько же версий получается? – озаботился подсчётом литератор с математическим уклоном и стал загибать пальцы – как это делают все русские, не умеющие считать в уме.

– А я вот по телевизору видел, – «задумчиво» произнёс Серёжа, – что в Америке, царица лесная, когда считают, сначала кулак сжимают, а потом уже пальцы по одному показывают. А у нас почему наоборот?

– Да потому что йодистые дураки! – выдвинул свою поспешную версию Салихдзяныч, и никто так и не понял, кто именно – наши или *ихние.* А ведь даже в Дисциплинарном уставе Вооружённых сил Республики Саксаулия сказано о том, что поспешность – мать глупости.

А правильную версию ответа на серёжин вопрос озвучил всё тот же штатный просветитель Бермудского Учпучмака.

– Ну, это совсем просто, – сказал он. – У нас, яйчики-бабайчики, сначала пальцы растопыривают, а потом по одному в кулак загибают – это чтобы, если кто не поймёт, сразу всеми пятью пунктами в рыло!

И афганский знал кишлак –
до барьера смертного:
нужен русскому кулак
для ответа верного!

Глава 65. СЧАСТЛИВЫЕ ГРАММЕМЫ (окончание)

Но тут начные дискуссии, к тому времени разгоревшиеся не на шутку, пришлось прекратить ввиду тревожного сообщения – к игрокам подошла владелица сельпо Калима и проинформировала своих постоянных покупателей о том, что привезли партию свежего пива, причём, при слове *партия* педагог Курманбаев как-то странно дёрнулся всем своим оплывшим телом.

– Наконец-то на свете появилась такая партия, в которую нам всем можно влиться! – воскликнул Володя.

– Правда, оно дороже на 1 назарбакс, – смущённо улыбаясь, добавила жуликоватая магазинщица и удалилась восвояси.

У меня есть мания –
обожаю money я!

Вот под такие весёлые разговорчики и проходило внеплановое заседание только что образованного сообщества под названием КОСТИ, которое к привычным костям никакого отношения не имело, а расшифровывалось (по задумке всё того же Альбионыча) чрезвычайно просто:

Клуб
Озабоченных
Сопокерников
Тяжёлыми
Игнипунктурами

, причём, таинственное последнее слово означало некое лечение *кисты почек* наших героев, чрезвычайно увлекающихся вначале слабыми напитками типа пива, а затем и более серьёзными, которые Володя справедливо называл черноплодными.

Пиво бродило в крови самурая,
духом стальным безобразно играя –
дух самурая сломить не сумело,
но удалось надругаться над телом!

– Надо же, опять всё подорожало, – наконец возмущённо заявил Афанасьич. – Хотя лично для меня деньги – это не главное в жизни!

– Потому что не может быть главным то, чего нет? – улыбаясь, уточнил спонсор коллектива, но увидев, что его слова́ поняли не все, уточнил ещё раз, причём, сделал такой *значительный* голос, что автор поспешил оформить эти слова́ в отдельный афоризм:

**Много чего в жизни важнее денег,
если они, конечно, есть.**

«Абсолютно ненужная мысль для тех, у кого есть деньги», подумал Нуртай.

«Абсолютно ненужная мысль для тех, у кого нет денег», подумал Валера.

А марсианин, который всё ещё сомневался, правильно ли поняли его игроки и примкнувший к ним Николаич, чтобы развеять атмосферу недоверия, рассказал коротенькую историю под названием

О магнитном пиве

– Захотелось мне как-то пивка, и вот сижу я и думаю: пойду-ка куплю себе чего-нибудь фирменного, иностранного. Захожу я в большой магазин и вижу: стоят передо мной ряды банок – метров 100, не меньше, а как определить, какое фирменное, – не знаю!

– Может, надо было, мать моя партйная организация, прочитать на этикетке? – тут же поделился нелепой версией Мусаич, но все зашикали на него, и он умолк.

– Нет, Нуртай, я, как это вам всем хорошо известно, – продолжил рассказ Володя, – к любой проблеме подхожу научно.

– Эт’ как, мать честна́я? – удивился охранник.

– А вот так: для таких пивных походов я всегда носил с собой мощный магнит!

Тот рецепт был мной прочитан,
и его я берегу:
в магазин ходил с магнитом,
примагнитить чтоб деньгу!

И вот достаю я магнит и начинаю им по банкам водить. Тут бдительная продавщица заинтересовались, что я делаю, и охрану вызвала.

– Да вот, – говорю, – ищу хорошее пиво.

– Как это? – удивились магазинные работники.

– Так оно магнититься должно, – объясняю я.

Смотрю, они переглянулись, а продавщица даже телефончик достала. Ну, думаю, сейчас в дурдом на улице Каблукова сдадут!

– Да, царица лесная, там жизнь не сахар, – видимо, вспомнив что-то своё, пробормотал бывший текстильщик.

Сильно не люблю я равнодушных –
это же болото, а не жизнь:
приходите, тут у нас в психушке
клёвые ребята собрались!

– Тут я, конечно, прокололся – как закричу: мол, не надо, не звоните, это я не пиво магнитом проверяю, а банки!

– Какие банки? – удивился военный музыкант.

– Не банки, Талгат, а ёкарные банки, – под общий смех уточнил рассказчик. – Дело в том, что *за бугром* стальные банки сделать дешевле алюминиевых, а ни в России, ни у нас в Саксаулии тонкую сталь делать не умеют, да и алюминий у нас гораздо дешевле.

– А чем же дело кончилось? – досадуя, что Кулемзина не забрали в дурдом, спросил преподаватель еврейского колледжа.

– Ну, чем… Посмеялись все, конечно, а я пиво фирменное всё-таки выбрал – магнит не подвёл: пиво действительно было разлито не у нас в подпольном цехе!

Закончились же эти внеплановые посиделки тем, что некоему герою нашего блистательного повествования, а именно литератору пришлось припомнить одного знаменитого учёного. А дело было так.

Полтавцев запрокинул свою бутылочку «Жигулёвского», видимо, для более основательного опустошения – до последней капли, а Володя в это время с интересом принялся следить за всё уменьшающимся уровнем жидкости. И когда она закончилась, задал вот такой вопрос:

– Серёжа, ты Зигмунда Якобовича Фрейда когда-нибудь изучал? Или для тебя это имя осталось тайной?

Сторож склонил голову, как бы говоря: изучал, конечно, чего же теперь скрывать, – было дело! Да и память у меня что надо…

– Помнишь, я тебе рассказывал, что у него, яйчики-бабайчики, есть такая теория вытеснения.

Без напряга и базара,
грамм примерно так в 500
пиво вытеснил из тары –
прямо в глотку и в живот!

– А я вот про это, святой Малевич, ничего не знаю, – горько признался Валера. – Я, когда женился, вообще читать перестал.

«Вроде ты до этого что-то читал», удивился писатель, но вслух сказал совсем другое – про уже упомянутую теорию вытеснения:

– Это когда кем-то нанесённая человеку обида вытесняется из области контролируемого сознания в ту сферу, которая, собственно, и называется подсознанием. И оттуда эта обида, уже не контролируемая, может дать совершенно нелогичный приказ. Надеюсь, всем понятны упомянутые мной русские и иностранные слова́?

– Понял, понял, – зачастил Афанасьич. – Лично моё подсознание иногда страшно обижается на то, что пиво так быстро кончается, и я даю себе совершенно логичный приказ вытеснить его из магазина на наш покерный столик!

– Молодец, Серёжа, – кратко похвалил ученика философ.

Охранник зарделся от неожиданной похвалы.

– Но если вникнуть (прости, русский язык!) в симптомокомплекс этого нездорового явления глубже, – начал было развивать мысль Володя, как его тут же перебил встревоженный возглас экс-текстильщика:

– Как бы у нас этот комплекс симпотный не наступил! Пиво-то кончилось у всех!

Знаем мы не в переводе,
а на русском языке:

горе к нам тогда приходит,
коль нет пива на столе!

– Нет, нет и ещё раз нет! – проявил неожиданную твёрдость Альбионыч, который, как когда-то некий апостол Пётр (Шимон) Ионович, сейчас трижды отрёкся от родного коллектива. – Эти посиделки у нас и так были внеплановыми. Поэтому своей властью, данной мне мной же самим, постановляю: приступаем ко второй партии, други мои!

♠ ♠ ♠

А что же ещё один наш герой, который до сих пор не воссоединился с покерной хеврой? Что же поделывает наш Васюхан Васюханыч Митрохин, антенщик и старший джус некой липовой отцеябловской компании? Жив ли он вообще или телефонный звонок, случившийся в позапрошлой главе 63, просто приснился автору нашего романа? Конечно, нет! И, наверное, именно сейчас настал психологический момент рассказать об утре этого персонажа, который к тому же пообещал скоро стать полноправным участником дальнейших событий. А озаглавим мы сей рассказ также, как и начальные главы этого тóма, то есть

Глава 66. УТРЕННИЙ СКАЗ О МИТРОХИНЕ

Утро старадальца, как, наверное, и многие утра многих мужиков, перебравших накануне, началось с телефонного звонка. Васюхану хотелось спать, как разбуженному среди зимы сурку, но звонок вспорол кислую тишину комнаты, будто десантный нож палаточную ткань. В голове был классический чёрный вакуум без единого дуновения ветерка, робкой искорки прозрения или хотя бы какого-то намёка на то, что раньше здесь проживали мысли.

В голове когда-то мысли
жили, а теперь их нет –
может, просто подпрокисли,
может, кончился их свет…

– Ал… кхе… кхрр… бррр… алло! – он с трудом выговорил ранее казавшееся простым слово и снял трубку. Оказалось, что надо было делать всё наоборот, то есть сначала снять трубку, а потом сказать *алл*о. Но было поздно – в трубку ворвался чей-то знакомый женский голос:

– Васенька, а тебе не кажется, что мы приняли слишком поспешное решение о нашем разводе?

Он с ужасом швырнул трубку на рычаг и тут же выдернул телефонный штекер из розетки, после чего задумался на тему, кто же из его двух бывших жён решила снова сделать его счастливым, но так ничего и не надумал. Сидя на кроватке, Митрохин чувствовал себя расплывающимся на сковородке салом.

Сотни ниточек, ещё вчера вроде бы связывающиеся в одно целое, сейчас как бы плавились: окружающая действительность не воспринималась, грани предметов растекались, словно видимые через окно, заливаемое дождём. Сознание попыталось вырваться из черепной коробки, но… В общем, *дедушка* попытку не засчитал!

Друг и тёлки не помогут
вспомнить мне весь этот бред –
обратился нынче к богу:
помоги, мол, славный дед!

Мозг, наполненный икрою,
отключил все семь программ, –
отмахнулся бог рукою:
вспоминай, придурок, сам!

С точки зрения физиологии Васюхан, конечно, был жив, но объективно чувствовал себя как герой нашумевшего американского фильма про зомби «Зловещие мертвецы-2» режиссёра Сэма Леонардовича Рэйми. Он (Васюхан, а не Рэйми) расправил суставы с каким-то паровозным лязгом, затем икнул, дёрнул тыквой и вновь застыл – живой иллюстрацией к лекции о вреде алкоголя. Голова, если то, что болталось сейчас на его шее, можно было назвать головой, в этот момент была пуста, как колба перегоревшей электролампочки.

Трясясь, словно работающий отбойным молотком Стаханов, хозяин квартиры, где вчера так удачно пообедали его друзья из Бермудского Учпумака, кое-как поднялся и начал обход вверенной ему территории – на предмет возможных возгораний, подтоплений, краж личного имущества, а также повреждений мебели и бытовой техники, ибо всё вышеперечисленное могло случиться тогда, когда он находился без сознания.

Так бывает временами:
раз – и за ночь поседел:
отключился я мозгами,
а очнулся – всё в воде!
Применю-ка верный метод
и пойму: почто больной?
Почему же всё в воде-то?
Вспомнил: я ж тот самый Ной!

Но, к его удивлению, всё оказалось в порядке, за исключением:

1. на кухне нашлась пустая бутылка из-под грузинской чачи («Вроде бы шофёр Ираклий не заходил?»;

2. на вешалке висела чья-то чужая пыльная курточка с капюшоном – такой формы, словно в нём долго носили ведро, а потом, когда курточка привыкла, вынули. («А какое сейчас время года? И совпадает ли размер курточки с моим – кстати, каким?»);

3. в замочную скважину был всунут бумажный листок от отрывного календаря, которого у Васюхана сроду не было, с написанным красным фломастером текстом – на некоем иностранном языке:

Gba taxi lęsękęsę ki o wakọ si wa.
Owo labę ategun. Kulemzin[145]

[145] Немедленно садись в такси и езжай к нам. Деньги на проезд под ковриком. Кулемзин – йоруба[146]
[146] Йоруба – язык одноимённого народа, распространённый главным образом на юго-западе Нигерии, а также в прилегающих районах Бенина и Того – прим. этнич. редактора

(«Странное ощущение, но я вроде бы понимаю смысл записки: как будто кто-то зовёт меня в даль светлую…»)

Умные люди из числа философов говорят, что каждому на Земле – свой путь. Вот только почему он приводит столь разных людей к одному и тому же окончанию? И если мой читатель сейчас подумал, что именно такие мысли внезапно завелись в голове нашего героя, то он, к сожалению, ошибся – это было всего лишь авторское отступление. Мы-

сли же самогó антенщика в данный момент были тягучими и похожими на шиповниковый сироп в майонезной банке с этикеткой «Оливковый советский»

Он никогда не будет лишним,
источник пóварских чудес:
любой салат, любую пищу
исправит чудо – майонез!

Глава 67. УТРЕННИЙ СКАЗ О МИТРОХИНЕ (окончание)

Попытка дедуктивным методом вычислить, чем он занимался вчерашним вечером – после того, как расстался с сопокерниками и художником, как и следовало ожидать, ни к чему не привела. Васюхан вздохнул и подумал, что дедуктивный метод хорош только на экране телевизора да ещё на страницах старинной детективной прозы в духе сэра Артура Чарлзовича Дойла. Мысли скакали бестолково, как беспородные горбунки по дорожкам аристократического ипподрома, и были горячими и острыми, словно битое стекло. Они оседали на мозгах, точно тина на стенках аквариума.

Голова продолжала быть пустой и звонкой, как шаманский бубен. Память, как ржавчина, грызла сознание. Ощущение чуда, а, вернее, того, что он остался жив, пропало вмиг, и реальный мир вдруг отяжелил ноги. Это мир показался ему простым, жестоким и холодным, как куча осенней соломы. В посветлевшем сознании медленно вызревала острая тяга к жизни, хотя постороннему наблюдателю в виде автора нашего романа было видно, что старшего джуса глючило, как «Corel Drow 2»[147]. «Может быть, отпущено нам в страдании радость искать?», подумал он чьей-то чужой мыслью, после чего его страшно затошнило.

[147] Примитивный графический редактор векторной графики, применяемый в начале 90-х годов прошлого столетия – сист. адм. сайта романа «Русская кочерга»

Это просто некий морок –
разве ж можно так бухáть?!
На себя гляжу с укором,
а от вида тянет рвать!

Что-то нехорошее случилось с его сердцем – впечатление было такое, как будто чьи-то невидимые пальцы несильно сдавили этот нужный для жизни кусок мяса, проверяя на упругость. Васюхан услышал какое-то отдалённое глухое буханье и удивился тому, что кто-то рвёт пупок, забивая сваи в выходной день («Кстати, сегодня же суббота!»), но тут до него дошло, что это стучит его собственный пульс. Судя по всему, теперешнее его давление давно улетело за пределы тонометра. В голове неожиданно сработали сразу несколько миниатюрных взрывных устройств, и можно было только удивляться тому, что после такого теракта в отношении организма он всё-таки оставался живым. Всё тело казалось распухшим, словно его обернули толстым слоем мягкой изоляции.

Вот так вчера и нализался я –
с утра во рту канализация!

Но всё это было ощущениями, а хотелось бы лично убедиться в том, что в квартире Митрохина проснулся именно Митрохин. Старший джус собрался с силами и добрёл до ванной комнаты, где висело единственное в жилье зеркало. Васюхан глянул в него и отшатнулся. Как писали в пошлых романах XIX вéка, «лик его был ужасен», и признаков счастья на лице не обнаруживалось. Глаза антенщика выкатились, словно он страдал нарушением щитовидки, и были воспалёнными, как будто их хозяин страдал конъюнкти-

витом. Вся рожа его сейчас напоминала солёный раскисший помидор, вынутый из трёхлитровой банки, но когда обладатель этой физиономии попытался улыбнуться, она тут же напомнила лицо маленького ребёнка, у которого хулиганистый подросток, подкравшийся сзади, выхватил единственную конфету, данную ему *дедушкой* за примерное поведение на неделе.

«О, жалкая участь куска фарша внутри раскручивающейся мясорубки!», содрогнувшись вместе со своим героем, неслышно воскликнул автор романа.

Похмельный синдром постучался в окно.
– Чего ты так поздно? Я помер давно!

«Да», продолжал ужасаться автор, «видок у моего героя сейчас был не для показа слабонервным: рожа красная, белки́ заведены, как в припадке, а губы беззвучно шевелились». Васюхан, ещё вчера казавшийся приличным человеком, сегодня выглядел так, как будто его только что вытащили из сушильного барабана стиральной машины «Советская Киргизия», а щёки в каких-то фиолетовых пятнах должны были внушить наблюдателям трогательную истину о том, что сердце перебрасывает избыточную кровь с места на место.

Напрасным движением души стала и попытка отправления гигиенических надобностей, ибо засунутая в рот зубная щётка через секунду была выплюнута куда-то за унитаз, потому что именно перед этим санфаянсовым изделием хозяин квартиры и очутился на коленях. А что он там делал, думаю, давно понятно моему читателю, прорабатывающему уже не первый том «Русской кочерги» в своей жизни…

Неважной стала и попытка побриться – чтобы немного походить на человека: как это уже бывало не раз после попойки, наутро щетина оказалась непривычно жёсткой, словно алкоголь способствовал более активному росту бороды. «Итак, сегодня для бритвенного станка – выходной!», посетила тыкву Митрохина простая бытовая мыслишка.

Аксиомы логики кругом
недоступны нашему нутру:
чем активней за здоровье пьем,
тем сильней болеем поутру!

Пора было идти на кухню, где, возможно, удастся хотя бы немного восстановить утраченное здоровье и необходимые для жизни функции, тем более что пол в туалете оказался сырым и холодным, как железнодорожное постельное бельё. Васюхан тяжело поднялся и, сделав ровно 14 шагов, очутился на своей кухне, на миг прикрыв глаза от ударившего в лицо утреннего солнышка. Небо за окном было голубым, как джинсы китайского производства, и посередине этой голубизны надраенным пятаком весело сверкало наша неизменная звезда. Оно так хорошо осветило маленькую кухоньку, что стал отчётливо виден пол, показавшийся антенщику каким-то странным: грязные доски в причудливо облупившейся старой краске.

После этого Митрохин собрался с силами и поставил на огонь новый вид кофе под названием *антидепрессо*, который придумал сам, когда начал бухáть после армии. А рецепт был таким: в маленькую 100-граммовую чашечку наливалось 90 граммов ледяного коньяка из холодильника и 10 граммов горячего кофе. Вряд ли, конечно, нормальный человек назовёт это безобразие напитком под названием *кофе*, но автор решил его здесь оставить: а вдруг кому-то из читателей пригодится?

И вот тогда и состоялся разговор похмельного с покерным гуру Кулемзиным.

– Запомни, Васюхан, – сказал Володя, – $^1/_7$ нашей с тобой жизни – это и есть твоя вчерашняя пятница!

– А сегодняшняя суббота? – спросил старший джус.

– Глупый ты, – сказал голос Альбионыча. – А сегодняшняя суббота – это ещё одна $^1/_7$.

– А сколько их всего? – не отставал антенщик, но ответа не дождался, после чего, одевшись, вышел из квартиры.

Глава 68. О ПОНИМАНИИ МАРКСА (Хронотоп № 40)

Помнишь ли ты, мой читатель, чем завершилась недавняя глава 64, а вернее, её директивная часть? А закончилась она вот такой фразой Володи: «Поэтому своей властью, данной мне мной же самим, постановляю: приступаем ко второй партии, други мои!». И вот теперь, когда завершились нелёгкие главы об утре ещё одного персонажа романа, можно сказать о том, что, как выражаются продвинутые знатоки английского языка вроде Серёньки Полтавцева, continued to follow[148]. И это продолжение было таким: Курманбаев решил, что если Серёжа будет настаивать на продолжении пивного банкета вместо розыгрыша второй партии, то Володя разозлится и вообще прекратит плановые субсидии покерной хевры и примкнувшего к ней саксаульского гогена.

[148] ***Продолжение последовало – англ.***

Я боец надёжно-стойкий
(особливо по деньга́м):
субсидирую попойку, –
ведь участвую в ней сам!

Поэтому в ту же секунду, перебивая даже вопли дворовых детей, раздался его псевдовосторженный возглас:

– А я согласен с моим другом Кулемзиным! Конечно, нам всем нужно настроиться на рабочий лад, чтобы с честью, мать моя партия, пронести над территорией Бермудского Учпучмака знамя наших побед друг над другом!

Надо ли говорить, что случилось после этих слов с бедным прапорщиком Батыршиным, а также с многократно описанными в нашем повествовании кустами за покерным столиком? Думается, что не надо. Но Мусаич, у которого вчерашние пары́ выветрились ещё не до конца, останавиться в своей восторженной филиппике не смог, ибо дальше начал *шарит*ь исключительно какими-то первомайскими лозунгами:

– Да здравствует славные имена Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина!

– Это какие же, царица лесная? – пробормотал Афанасьич, но его услышал Валера и тихо сделал расшифровку на ухо сторожу:

– Карлуша, Фриц, Вова и Йося.

, не став прибавлять свою привычную присказку про святого Малевича – чтобы не сбивать охранника, который на каждое имя (видимо, для сверки) загибал пальцы на руке.

– Да здравствует вечно-красное знамя марксизма-ленинизма, развевающееся над родной Саксаулией! Да здравствует великий саксаульский народ – строитель всего, во главе с товарищем Назарбаксовым!

Коммунизма мы достойны –
из товарищей в господ:
жизнь мы светлую построим!
Правда, лет через 500…

И так задорно прозвучали эти лозунги, от которых вовсю несло прогорклым историческим нафталином и блевотными прелестями социализма в стране непредсказуемого прошлого – СССР (б), что всё внезапно провалилось в чёрную дыру памяти, словно растворившийся в ночи детский кошмар, и на сцену вышел очередной Хронотоп – в виде короткого рассказа марсианина, который к этом моменту убедился в том, что вся покерная хевра снова в сборе, ибо старший трубач Салихдзяныч, вытирая плохо пахнущие губы, мгновение назад плюхнулся на скамеечку рядом с ним.

♠ ♠ ♠

– Было это, как сейчас помню, ровно 20 лет назад – в 1983 году, в некоем университете марксизма-ленинизма, – начал он. – В это псевдонаучное учебное заведение сослали на время одного молодого учёного-физика, который в своём институте умудрился завалить кандидатский экзамен по марксистско-ленинской философии…

– Как-как? – оргазмически выкрикнул педагог. – Володя, повтори!

– По марксистско-ленинской философии, яйчики-бабайчики, – не стал чиниться рассказчик, повторив обрывок последней фразы.

Нуртай охнул, выпучил глаза и тихо застонал – со сладострастием, на 31 процент бóльшим, чем в некоторые приятные моменты со своей женой-уйгуркой.

Петушок на весь курятник
врал, как некий страшный зверь:
«Мне с женой всегда приятней,
чем с любовницей, – поверь!»

– Да, так вот, – продолжил писатель, – было в те годы такое суровое поветрие – ссылка для повышения уровня понимания советской реальности. И вот молодой учёный, выбрав себе отделение философии, где ходить на практические занятия было необязательно, без особых хлопот постигал ЕПУ, то есть Единственно Правильное Учение. И вот как-то пришёл он сдавать зачёт – по вопросам типа «Преимущества советского образа жизни», «Изобилие культурных благ при социализме» и прочей подобной хрени.

Услышав последнее слово, саксаульский большевик заметно вздрогнул, но опять промолчал.

– А преподаватель, не задавая вопросов, смотрит на учёного и говорит ему: «Ну, вы всё понимаете, я всё понимаю, чего тут спрашивать? Давайте я поставлю вам зачёт, но вы только мне скажите: вот вы физик, как вы всё это ощущаете?»

И вот наш физик осторожно… да, забыл сказать, что у него был пятый пункт[149]… говорит, что, например, к Ленину он относится хорошо, правда, не вполне понимая, где тут философия, но как публицистика очень интересно и читается хорошо. А вот с пониманием Карла Маркса беда – не *втыкает* совершенно! Но, возможно, здесь дело опять же в плохом понимании трёх источников и трёх составных частей[150]…

[149] В советское время в анкетах трудящихся пятым пунктом была обозначена национальность человека. А с 1968 года, когда была разрешена эмиграция евреев из СССР (б) в Израиль, пятый пункт стал синонимом еврейской национальности – прим. автора

[150] «Три источника и три составных части марксизма» – название статьи В. И. Ленина, дающей анализ исторических корней, сущности и структуры марксизма. Одной из излюбленных цитат, использовавшихся в советских агитационных материалах, стала фраза Ленина из этой статьи: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно» – прим. полит. редактора

Как советовала школа,
изучил я сей предмет:
три источника нашёл я –
ни в одном водицы нет!

Тогда преподаватель спрашивает:

– Вы же знаете немецкий, не пробовали читать Маркса на нём?

– Нет, конечно, – отвечает физик, – только на русском.

И тогда преподаватель задумчиво кивает и, ставя физику зачёт, задумчиво говорит:

– Понимаете, у нас на кафедре есть аспиранты из ГДР – так вот они читают Маркса исключительно в русском переводе!

– Почему?!

– Да только так он для них и понятен...

Нам всем день за днём удаляют мозги –
чтоб мы без тоски и печали
носили почётное имя *совки*
и ждали – чего-нибудь ждали.
Работы ведутся в масштабах страны!
Терпенье, товарищи, – будут плоды!
А если найти положение тела,
чтоб тело не ныло и есть не хотело, –
нам просто не будет цены!
А ночью в подъезде я слышу шаги:
мне страшно, а, может быть, это враги!?
Сидим в уголке у шершавой стены.
Работы ведутся в масштабах страны...
Нам всем день за днём удаляют мозги.
Мне страшно: а, может быть, это враги?
Терпенье, товарищи, – будут плоды!
Живу, чтобы сдохнуть. А ты?

Глава 69. О ПОНИМАНИИ МАРКСА (окончание, без Хронотопа)

– И всё-таки он гений, мать моя КПСС, – пробурчал Курманбаев, не к месту помянув несуществующую ныне организацию.

– Кто, святой Малевич, препод этот? – поинтересовался Муравлёв, но по взгляду, которым полоснул его педагог, понял, что только что нажил себе ещё одного врага.

– Лично я говорю о Марксе, – подняв подбородок, чтобы все почувствовали важность сообщения, объяснил ленинец.

– А-а-а, – проговорил одну долгую букву художник. – А я думал, ты имеешь в виду Граучо Джулиусовича Маркса. Помнится, был у американцев такой известный комик…

Услышав профессию *не того* Маркса, преподаватель еврейского колледжа вспыхнул.

– Кстати, это ты не о том ли Марксе, что по отчеству Адольф Бернхардович? – поинтересовался Талгат и объяснил всему коллективу:

– Был в XIX веке такой немецкий композитор и музыковед.

Ежедневно был он пьяным,
уважая ноту *ре*, –
Маркс лабал на фортепьяне,
барабане и домбре!

Затем прапорщик осознал, что он ведь не только музыкант, но ещё и военный, и тут же вспомнил ещё одного обладателя знатной фамилии:

– А, может, ты, Нуртай, имеешь в виду германского генерала Эриха Берингаровича Маркса, кстати, одного из авторов плана «Барбаросса»?

Мусаича даже встряхнуло от такой перспективы.

– А я считаю, – подвёл конец спорам писатель с рок-н-рольным образованием, – что речь, *несомненно*, идёт о Дэвиде Алановича Марксе – гитаристе и вокалисте одной неплохой американской рок-группы (своего, конечно, времени) под названием «The Beach Boys»[151]. Помню, именно этот Маркс давал жáру на своей гитаре в знаменитой композиции «Wouldn't It Be Nice»[152]!

[151] «Пляжные ребята» – англ.
[152] «Было бы неплохо» – англ.

«Нет, ну какие козлы!», возмущённо подумал коммунист, но вслух язвительно проговорил совсем другое:

– А название «Капитал» вам что-нибудь говорит?

Карла Маркса «Капитал»
Фридрих Энгельс написал!

И тут снова оказалось, что название главного труда Карла Генриховича Маркса ничего не говорило придуркам, которые сейчас сидели рядом с ним, верным марксистом! Например, придурок Муравлёв высказал предположение, что «Капитал» – это альбом группы с дурацким названием «Ляпис Трубецкой». А придурок Батыршин вспомнил, что это название ёперного фильма («И откуда он только такое знает?!») греческого режиссёра Константиноса Василисовича Гавроса.

Но более других его поразил придурок Кулемзин, который не только поведал собравшимся за покерным столиком, что «Kapital» – это один из студийных альбомов словенской индастриал-группы «Laibach»[153], но даже с восторгом вспомнил названия их, несомненно, дебильных песенок, среди которых были «Нулевая декада», «Кодекс Тобус», «Вырождающийся мир», «Привилегия мёртвых», «Режим совпадения, чувство гравитации» и, что особенно возмутительно, «Экономика мертва»!

[153] Лайбах – немецкое название столицы Словении города Любляны – прим. геогр. редактора

Этого Мусаич вынести не смог и попенял коллективу вырожденцев на незнание основ. И тогда Альбионыч ещё раз поразил всех своим рассказом под названием

Как Карл Маркс про сбор валежника толковал

Дело в том, что в Германии крестьяне издревле имели право собирать в лесах валежник, служивший немалым подспорьем в обеспечении хозяйства топливом. И вот, идя навстречу интересам лесовладельцев, прусское правительство подготовило законопроект, запрещающий сбор валежника без разрешения владельца леса, и предусматривающий наказание за такой сбор, как за кражу. Против этого возмутительного классового законопроекта и выступил Карл Генрихович!

Он писал в своей книжонке:

«То твоё, – что соберёшь!
Против я любой кражонки,
но дрова – бери кто хошь!»

Он, в частности, доказывал, что сбор валежника не есть кража леса, поскольку между валежником и лесом как объектом собственности не существует никакой связи: ни органической (валежник – мёртвый лес, то есть не лес), ни искусственной (то есть валежник перестал быть лесом без вмешательства человека). Стало быть, валежник не есть собственность лесовладельца, который в силу захватного права пометил весь лес как свою собственность, а не собственность общества.

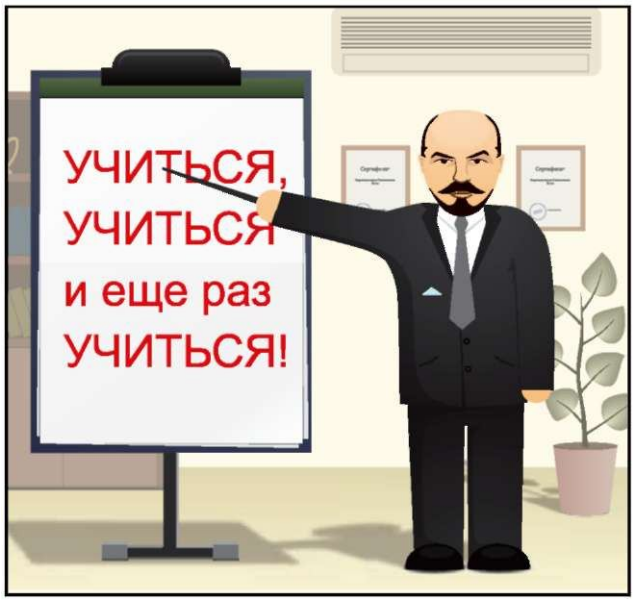
Отстаивая интересы бедноты, Маркс даже развил следующее (прости, русский язык!) диалектическое рассуждение. «Предметы, которые относятся по своей стихийной природе и по своему случайному существованию к области захватного права, служат предметом захватного права для того класса, который в силу как раз захватного права сам лишён всякой другой собственности и в гражданском обществе занимает такое же положение, какое эти предметы занимают в природе… В само́й своей деятельности беднота обретает своё право», заключает Маркс. «В деятельности собирания стихийный класс человеческого общества сталкивается с продуктами стихийной силы природы, внося в них некий порядок»[154]

[154] Карл Маркс «Дебаты по поводу закона о краже леса», Собрание сочинений, т. I, стр. 40 – прим. полит. редактора

– И чем у них кончилась эта бодяга, царица лесная? – поинтересовался в конце рассказа один из слушателей.

– Да ничем, – ответил рассказчик. – Поговорили, поболтали да разошлись. А этот Карл с тех самых пор и задумался – вначале о мироустройстве Германии, а потом замахнулся и на весь мир! А дальше было совсем плохо: о его идеях узнал некий Ленин…

Я Ленина решил перечитать!
Но надо ж было этому случиться,
что я заснул – в который раз, опять! –
на том же месте: на втором *учиться*…



Глава 69. НЕСПЕШНАЯ ИГРЫ АРБА

И только после всех незапланированных развлечений началась вторая за сегодняшнее утро партия в *русскую кочергу*. Педагог Курманбаев, крайне раздосадованный незнанием членов покерной хевры ни имени-отчества основоположника, ни его главной книги, никак не мог успокоиться, и с са́мого начала стал проигрывать. Во-первых, чтобы утвердиться в коллективе, он допустил одну из самых элементарных ошибок – хотя заказывал не первым, самонадеянно решил взять одну взятку на первой же *тёмной*, и сразу получил минус 50 очков в *раскладку*. Но расстраиваться не стал, решив быть твёрдым, как Ильич, и таким же спокойным, рассудительным и беспощадным к врагам революции, хотя какая там революция на восемнадцатом году так называемой перестройки…

Правда, программа, которую он наметил, оказалась трудновыполнимой, ибо его враги, которые были всего лишь соперниками по игре, не испугались грандиозных планов – по одной причине: они просто о них не знали. Тогда хитрый большевик применил другую стратегию, уже не раз опробованную в игре – он привалился спиной к карагачу, откинул голову, сделал плачущее лицо и одноимённым голосом простонал:

– Что-то у меня, мать моя партия, начали проявляться слабость и сопли…

– Ну что ж, батенька, – пожалел его Володя, – значит, по всей видимости, вы – слабак и сопляк!

Все немного посмеялись над симулянтом, после чего Нуртай решил стать ещё твёрже – на сей раз как локоть пламенного революционера Мао Цзедуна.

Я сейчас обыкновенен,
но во мне вскипает бунт:
буду твёрдым я, как Ленин,
Че Гевара и Цзедун!

Тем не менее, неспешная арба игры, как и было заявлено в заголовке этой главы, катилась всё дальше: покеристы – с увеличивающимся количеством карт на роббере – делали всё более смелые заявки, которые в зависимости от того, *игра́лись* ли они или нет, позволяли кому-то продвигаться вперёд, а кому-то совсем наоборот. И, кстати, знаешь ли ты, мой достославный и терпеливый читатель, что в момент заказа взяток игроки называются *понтировщиками*? Кстати, слова́ *взять на понт*, да и просто *понтоваться*, взяты как раз из карточного лексикона. *Понтовать* – это всего лишь брать на себя определённые обязательства в игре. Вот так, только к этой странице 169 аж шестого то́ма автор надумал разъяснить ещё одно положение великой *русской кочерги*. А почему? Да потому, что задумал слишком большой и рискованный эксперимент по созданию не просто книги, а *мениппеи*. А кто из вас забыл, что это такое, загляните ещё раз в самый первый том – в предисловие «Матрица прошедшей жизни», и освежите в памяти это сложное слово.

Стану я на век мудрее:
взвешу су́дьбы на весах,
и сваяю мениппею,
чтоб прославиться в веках!

Но все удачи и неудачи сегодняшнего игрового дня, как и прежде, выравнивал великий Случай. Вот только один маленький пример: подряд были сыграны робберы на 7 и 8 картах, и в первом случае некий Курманбаев выиграл, а во втором проиграл – хотя кар-

ты, как нарочно, ему пришли совершенно одинаковые. И пока он, почёсывая тыкву, пытался осознать этот феномен бытия, автор решил сделать это за него.

Вначале педагог, у которого из семи карт оказалось аж два джокера, затаился, потом дождался, когда все сделают свои заказы, и объявил мизе́р. Все, кроме Володи, невольно ужаснулись известию, и только писатель, всегда державший себя в руках, отозвался на него следующими словами, которые теперь уже повергли в ужас самого мизерщика:

– На «Титанике» назначили нового штурмана – и это хорошая новость. А плохая – он уже тоже в спасательной шлюпке, в которой вам не хватило места! Так что наслаждайтесь оркестром, ибо он будет играть для вас до самого конца…

Десятый раз смотрю «Титаник»,
глотая антидепрессант:
всегда рыдаю на моменте,
когда на дно идёт брильянт!

Правда, эти слова́ мало что изменили в ситуации, потому что у Мусаича и впрямь оказалась самая сильная карта в этом роббере, и оставалось надеяться только на то, что в следующий раз ему придёт другая – послабее.

– С таким количеством джокеров любой нуртай сыграет, – проворчал афоризматик, надеясь на то же, что и остальные.

Но их надеждам не суждено было сбыться: после того, как коммунист получил новые карты, оказалось, что они абсолютно те же, что и в прошлом роббере, правда, к ним добавилась какая-то трефовая двойка – при всё тех же бубновых козырях. И вот это совпадение, которое показалось Курманбаеву чем-то вроде знамения, в конце концов его и подвело.

Подвело меня знамение –
проиграл своё имение!

Уже не думая, что у других игроков в этот раз могут оказаться *совсем другие* карты, он самонадеянно выкрикнул очередной *мизе́р* и вновь заказал четыре взятки. Услышав, что педагог неожиданно поменял полярность игры, Полтавцев посмотрел на него влюблёнными глазами, будто собираясь на нём жениться, а до этого сидел печальный, так как в пришедшем роббере копошилась одна рыбья мелочь, а самой крупной картой была козырная девятка.

– Три, царица лесная! – озвучил своё решение Серёжа, после чего даже проследил, чтобы Володя записал в его персональный квадратик правильную цифру.

Я неважный арифметик
(знает весь медперсонал):
отражают цифры эти
всё, что смело я сыграл!

Но у других игроков, как и было предположено несколькими строками выше, действительно оказались другие карты.

– Тоже четыре, – сделал спокойный заказ Альбионыч, отметив, что при этих простых русских словах у саксаульского преподавателя еврейского колледжа встала дыбом причёска, после чего окончательно добил его, произнеся три явно магических сло́ва:

– Отменяю, яйчики-баабйчики!

, имея в виду, что мизе́р, заявленный Мусаичем, на этот раз играться не будет.

Надо ли говорить, что все замыслы и Нуртая, и сторожа рухнули!

– Итак, полёт мысли не состоялся из-за тумана в голове, – констатировал Володя итоги этого нелёгкого роббера.

Курманбаев пролетел аж на три взятки, Полтавцев не взял ни одной из заказанных, и только Батыршин, который вообще не понял, что происходит, так как *вчерашнее* упорно не хотело выходить из его тыквы, взял свою одинокую взятку и сейчас сидел, радуясь добытым в нелёгком бою 25 очкам.

– Ну, ты, сосед, (прости, моё косноязычие!) и перфекционист! – нелогично воскликнул Афанасьич, так как на этот раз ленинец был не виноват в его проигрыше.

И видя, что все поражённо замерли, дал команду, как в детской игре «Море волнуется раз»:

– Володя, рот закрой. Талгат, рот закрой. Нуртай, рот закрой. Ну, и ты, Валера, соответствуй!

Да, на сей раз грозный почитатель марксизма-ленинизма оказался чуковским *тараканищем*, которого до поры до времени все боялись, но вот прилетел воробей, клюнул – и нет великана!

– Серёжа, так это же не Нуртай виноват, – неожиданно взялся утешать проигравшего охранника Муравлёв, который к тому времени окончательно утвердился во мнении, что научился играть в *русскую кочергу* виртуально, дистанционно и, так сказать, беспилотно.

– Точно! – хлопнул себя по лбу бывший текстильщик. – Это же марсианин всё натворил – как Черчилль в восемнадцатом году!

– А чего же ты тогда, святой Малевич, ругаешься не по делу? – поинтересовался художник, который к тому времени окончательно утвердился во мнении, что пора бы и ему начинать писáть свою книгу, а, значит, надо усиленно собирать интересные факты.

– Да что-то память отшибло, – пожаловался обиженный.

– Прямо как в фильме «Total Recall»[155], – вспомнил Кулемзин.

[155] «Вспомнить всё» – англ. Фантастический боевик 1990 года режиссёра Пола Борхертовича Верховена с Арнольдом Густавовичем Шварценеггером в главной роли – прим. киноредактора

Замелькают вновь этюды,
что купил и что носил:
вспоминать я часто буду,
как ненужно жизнь прожил…

Глава 70. НЕСПЕШНАЯ ИГРЫ АРБА (продолжение)

Сдавать следующий роббер выпало старшему прапорщику, который вначале несколько минут собирал рассыпанные по всему столику карты, потом с трудом сформировал из них что-то больше похожее на мясницкую колоду, чем на карточную, кое-как перетасовал её, а затем начал отслаивать от неё карту за карту, предварительно поплевав на грязные пальцы.

«Хичкок нам кланяется», подумал Володя, глянув на страдальца, а вслух произнёс:

– Страшно становится, глядя на то, сколько умных людей сгубило то, что в школе они приняли за гуманитарный склад ума свою непролеченную депрессию.

В ответ поднапряглись сразу четыре «мозга», но ни один из них не уловил в словах покерного гуру ничего обидного, так что нового скандала не получилось. В это время Са-

лихдзяныч наконец-то окончил сдачу, и все стали пялиться в пришедшие робберы из девяти карт, как будто надеялись увидеть там что-то новое.

Играем в карты целый день,
а новых карт не видим!
А, может, просто видеть лень –
итог ведь очевиден…

Наконец заказы, в которых тоже не было ничего нового, были записаны в *раскладку*, и игра началась. Справа от Талгата, который только что сдал карты, сидел Нуртай, и, значит, ему было ходить первому. Он осторожно заказал две взятки из девяти, сообразив, что если пролетит ещё и сейчас, то потом до конца партии рискует не догнать и перегнать своего главного врага и конкурента. Поэтому зажмурившись, словно перед прыжком с 9-метровой вышки в бассейн без воды, он бросил на покерный столик старшего джокера в надежде выбить им младшие, и озвучил принятое решение (прости, русский язык!) вербально:

– По младшим джокерам!

И вот тут произошло неожиданное, как это нередко бывает с теми, кто самонадеянно ведёт себя по отношению к партнёрам по игре. Как уже хорошо знает мой памятливый читатель, карт в описываемой нами *русской кочерге* было ровно 55, а сданы сейчас были только 36, то есть по 9 карт четырём игрокам. И даже Серёнька Афанасьич, который закончил несколько классов сельской школы, мог бы легко подсчитать, что в остатках колоды, лежащей на краю покерного столика, осталось аж 19 карт, одна из которых была открыта – как объявленный козырь. А что это значит, спросит автора читатель. И автор с оконченным арифметическим образованием объяснит ему, что 19 карт из 55 – это аж 34 с половиной процента, или, говоря проще, чуть больше трети колоды.

Поэтому удивительным ли было то, что две карты, а именно оба младших джокера, оказались несданными?

В колоде нашей столько карт –
не сосчитать без пива!
Возможно, даже миллиард –
такая перспектива…

Зато главная карта игры, то есть покер в лице пиковой семёрки, оказалась у сторожа, который, приметив её ещё при делании заказа, тут же побил курманбаевского *гранда*, на что ленинец закусил губу, сделал суровое лицо и решил быть ещё твёрже, чем решал до этого! Правда, такое решение, принятое единолично и не поддержанное коллективом, успеха так и не принесло – кое-как взяв одну взятку, Мусаич пролетел ещё на 25 очков в минус, значительно усугубив своё и без того шаткое положение. Можно было, конечно, утешиться названием ленинского труда «Шаг вперёд, два шага назад», но он вспомнил, что утешался им уже несколько раз, а морального удовлетворения так и не получил.

Затем в его голову закралась какая-то явно чужая мысль о том, что он, педагог с высшим образованием, в данном случае поступил или как трус, или как осторожный человек, хотя в констексте его только что получившегося проигрыша это было одним и тем же. А окончательно настроение коммуниста упало после того, как он вспомнил, что на днях Кулемзин диктовал придурку Полтавцеву в его книжечку «Для му.мы.» свой афоризм на эту тему:

Трусость – это то, что удерживает нас

от правильных действий, а осторожность –
то, что удерживает от неправильных.

Поэтому Нуртай, посмотрев свои карты в следующем роббере – на 10 картах, и не найдя в них ничего хорошего, решил взяться за старое и применил отточенный на одном из игроков приёмчик, завопив на весь Бермудский Учпучмак:

– Я первый ученик среди ребят:
пятёрки в мой дневник,
как ласточки летят…

Приёмчик, как всегда, удался, и Альбионыч, посмотрев на метнувшегося в кусты музыканта, мужественно преодолел в себе искушение объяснить большевику, кем была его мама и кого она родила, и только печально произнёс:

– А я, кстати, не сомневаюсь, что к концу партии ты, Нуртай, прибежишь к финишу, размахивая в качестве белого флага собственными панталончиками, сильно уделанными с перепугу.

Курманбаев вспыхнул и только было открыл рот для ответного оскорбления, как неожиданно услышал голос художника Муравлёва:

– Интересно, а сколько сейчас времени?

Серёжа тут же достал из котомки старые женские часы, о которых уже как-то упоминалось в нашей книге, на всякий случай послушал «ход» неработающего механизма и обратился к литератору:

– Володя, а ты в технике, мать честна́я, разбираешься?

– А тебе что, яйчики-бабайчики, в голове шестерёнки смазать надо? – улыбнулся Альбионыч, после чего попенял живописцу:

– Валера, ты бы нас не отвлекал.

– Молчу, молчу, – захлопал себя по губам Николаич.

Отвлекает от игры нас
неиграющий игрок –
пожуём же витамины-с,
чтобы *дедушка* помог…

Глава 71. НЕСПЕШНАЯ ИГРЫ АРБА (продолжение продолжения)

И вот к средней *тёмной*, которая как бы делила игра на две равные половины и уже неоднократно описывалась в нашем повествовании, но каждый раз по-разному, игроки подошли с такими промежуточными результатами: на первом месте пока был Володя, на втором – Талгат, на третье тайными партизанскими тропами пробрался Серёжа, а вот Нуртай, понадеявшийся на свои два высших образования – Саксаульский педагогический институт и Отцеябловскую Высшую школу марксизма-ленинизма, сидел на последней, самой нижней ступеньке рейтинга текущей игры, отчего очень мучился, испытывая сильные боли в области так называемой души.

– Молодец, дружище! – неожиданно раздался голос Валеры, который решил спеть некоторое количество дифирамбов Кулемзину, так как пиво у него давно закончилось, а новое поступление напитка жизни ожидалось лишь после окончания партии. – Разреши мне, святой Малевич, спеть тебе некоторое количество дифирамбов?

– Разрешаю, – благосклонно кивнул головой покерный гуру, сделав огромный сэкономленный глоток из своей бутылочки «Тянь-Шаня»

– Ты так хорошо разделался с Курманбаевым, – стараясь не смотреть в сторону педагога, проговорил художник, ещё не зная, что только что нажил смертельного врага – до конца жизни.

Расскажу тебе, дружище,
как дожил я до седин:
у меня врагов полтыщи,
а друзей – я сам один!

В это время к плечу писателя наклонился Полтавцев и, сделав мощный пивной выхлоп в его сторону, тихо поинтересовался:

– Володя, а что такое дирафамбы, царица лесная?

– Дифирамбы? – задумался на мгновение гениальный толкователь, затем немного отдышался, заменив серёжин выхлоп на некоторое количество кислорода в лёгких, после чего также тихо ответил:

– Пожалуй, это что-то вроде рэпа на церковный мотив…

Всё приличие минуя,
дифирамб тебе впихну я!

– Как это? – впал в минутный филологический ступор охранник.

И этого времени хватило как раз на то, что все споры и разговоры прекратились, а игра возобновилась. На сей раз сдавать роббер по 12 карт выпало обер-корнету, что он кое-как и сделал, пользуясь корявыми пальцами, незалеченным похмельем и русским разговорным языком, который напрочь игнорирует славянское отделение Института языкознания Российской Академии наук.

Неожиданно Мусаич почувствовал толчок в бок и, заведя руку за спину, с радостью ощутил ею жёсткую шерсть *иблиса*, который, как выяснилось, только что вернулся из командировки, куда его направлял сам Люцифер – верховный властитель всех *врагов человеческих*.

И, расчухав запах серы,
говорю сейчас и днесь[156]:
не люблю я Люцифера –
сомневаюсь, что он есть!

[156] Теперь, сегодня – устар. церк.-слав.

И вот здесь он совершил ещё одну рокову́ю ошибку: даже толком не взглянув на карты, коммунист понадеялся на вновь обретённого *патрона*, и самонадеянно воскликнул:

– Пять, мать моя партия!

, чем немало перепугал сторожа и старшего прапорщика. Сам же литератор не испугался вовсе, так как вторую половину партии решил посвятить плану О́СИ, что переводилось с кулемзинского языка на общепринятый как **О**сторожная **С**ингулярная[157] **И**гра, поэтому дождался, пока сделают заявки остальные, и сообщил коллективу своё решение:

– Две, яйчики-бабайчики.

И на сей раз это был не блеф, а, как выражался в своё время третий основоположник, «объективная реальность, данная нам в ощущениях»[158]. А ощущения здесь были примитивными: Альбионычу из *приличных* карт пришли всего-то один младший джокер да три небольших козыря бубновой национальности, поэтому сейчас, чтобы не дать преподавателю еврейского колледжа *подняться*, он больше надеялся не на своё мастерство, а, на-

против, на страшные в своей нелогичности ходы Афанасьича и Салихдзяныча. И покерные алкоголики не подвели!

[157] От лат. singularis – единственный, особенный
[158] Строка из ленинской работы «Материализм и эмпириокритицизм» (1909) – Полное собрание сочинений, выпуск 5, том 8, М., ИПЛ (1968) – прим. полит. редактора

Первым ходил всё тот же Курманбаев, который к тому времени уже обнаружил, что Сука-судьба, не делая поправку на появившегося *иблиса*, дала ему крайне скудные карты. Тогда он сделал *значительное* лицо и решительно бросил на покерный столик пикового туза, надеясь, что из 12 карт у каждого всё-таки найдётся пикушка помладше. Так оно и случилось – Талгат скинул пиковую двойку, а Серёжа – такую же четвёрку. Были карты пиковой масти и у Володи, но он сделал вполне легитимный ход, предусмотренный правилами этой великой игры – забрал большевистского туза своим младшим джокером. И тут же пошёл пиковым королём!

Отошедши от каникул,
где любил он водку пить,
взял король в ладони пику –
и айда врага крушить!

Иблис, глядя на это безобразие, закусил обросшую шерстью губу, но сделать ничего не смог: охранник и музыкант сбросили ещё по одной пикушке, а Мусаич был вынужден скинуть своего пикового валета, ибо у него не было ни одного *гранда*, чтобы повторить володин финт, а перебивать взятку козырем было чревато, ведь это было против правил, а, значит, риском (если заметят!) получить 50 очков в минус!

Остальные же манёвры, как и надеялся марсианин, осуществили сидящие за педагогом Полтавцев и Батыршин, перебивая всё, чем ходил Нуртай. В результате он взял всего одну взятку, да и то потому, что, насытясь до заказанных пределов, и сторож, и трубач сбросили в конце этого роббера по джокеру *за простую*, чтобы сдуру не перебрать!

План и прост, но очень страшен:
видя, что противник слаб,
взять своё – задача наша,
а потом чужое – хап!

Увидев, как Володя в очередной раз списывает ему аж 75 очков в *раскладке*, партийный педагог впал в такое горе, что образованный Володя сразу вспомнил один технический термин – *мятый пар*, то есть тот пар, который выпускает паровозный двигатель после окончания *полезной* работы. Короче, проще говоря, отработал своё – и на помойку!

Но за этой мыслью последовала вторая, – наверное, потому что не только у Курманбаева, но и у Кулемзина тоже было два своих высших образования. Второй термин, который вспомнил Альбионыч, был из древнеримского права и трактовался как *третий радующийся*. Писатель сейчас являлся именно таким, оказавшимся сразу между трёх огней: Мусаич пролетел, глубоко отодвинувшись назад, а Серёжа и унтер-офицер перебрали по одной взятке каждый, и только марсианин сейчас являлся тем самым третьим лицом, извлекающим максимум пользы из борьбы всех его противников!

Очарование, продлись
аж до последних дней:
мои враги передрались –

медаль по праву мне!

Но пролетевшего по всем статьям педагога вдруг стало жалко Николаичу.

– Слушай, Нуртай, – печально обратился он к ленинцу, – с такими заявками ты когда-нибудь проснёшься и найдёшь себя, как выражаются диагностирующие врачи, не иначе как под МДП[159]!

[159] Маниакально-депрессивный психоз – прим. мед. редактора

– А эт' чё такое? – заинтересовался сторож, причём, до такой степени, что даже достал из котомки знаменитую книжечку «Для му.мы.», а потом вопросительно взглянул на Кулемзина.

Володя не стал чиниться и тут же перевёл необразованному товарищу сложную аббревиатуру:

– **М**ероприятия, **Д**опускающие **П**аблисити!

, на что экс-текстильщик спрятал блокнотик обратно, и только спросил:

– А что такое мероприятия?

Все немного посмеялись, и это даже несколько разрядило напряжённую после сложного роббера обстановку. И здесь писатель земли русской и саксаульской бросил взгляд на второй подъезд своего дома и вырагался крайне изощрённо, произнеся:

– Йоко Оно, яйчики-бабайчики!

Большевик при этом страшно покраснел, Батыршин схватился за сердце, а, вернее, за кармашек, в котором он надеялся найти неоконченную пачку «Примы», а сторож снова достал только что засунутую в котомку книжечку со знакомым моим читателям названием и быстро накаракуликовал на чистой страничке красным карандашом: «Вот что значит быть человеком с высоким образованием! Кулемзин, закончив ряд институтов, применяет иностранные выражения даже без всяких причин, а как они звучат для ушей простого народа!»

«Кулаки – вот аргументы,
что я к делу приобщил!»,
говорил интеллигенту
работяга из водил.

Но Серёжа ошибся – причина для такого ругательства всё-таки была: Альбионыч заметил, как со стороны второго подъезда к ним приближается некий человек, которого сегодня, да и в другие дни недели тоже, ему видеть бы не хотелось…

Глава 72. НЕЗАПЛАНИРОВАННОЕ ВТОРЖЕНИЕ

Вслед за старшим покеристом повернули гóловы остальные, и теперь всем коллективом узрели, как, покачиваясь на страшно гнущихся ногах, к ним медленно приближался сосед Батыршина по лестничной клетке – некий дядя Петя, с приключениями которого мой читатель уже был ознакомлен в позапрошлом томе нашей книги[160]. Странным здесь было не то, что кто-то вышел из дома, а то, что этот персонаж не к вечеру, как обычно, а уже, как выражался советский пролетариат (б), *с ранья* был пьян, но по виду было заметно, что он хотел бы добавить ещё.

[160] См. IV том романа «Русская кочерга», главы 189-193 – прим. гл. редактора

Дядя Петя, явно плохо соображающий из-за приличного количества принятых внутрь черноплодных напитков, появился в *патио* Бермудского Учпучмака в разгар неоконченного стриптиза, так как был без майки и в трусах, демонстрируя всему двору покрытую седым пушком грудь и морские татуировки на обеих руках. Художественная картина была и на спине – некий коллективный портрет советских вождей (б), выполненный в манере тюремной чернильной графики.

Я поклонник дней горячих,
и в тюряге под чифир
враз татуху замастрячу:
два стакана и пузырь!

Зная, что дядя Петя являлся мужем тёти Лизы, Володя давно подозревал, что не только она, но и многие женщины советского воспитания своих мужей и сожителей спаивали сами – так сказать, целенаправленно. Для чего? Во-первых, для того, чтобы муж, как собачка профессора Павлова, привык получать зелье только из её рук – то есть формировали у него некий условный рефлекс. Во-вторых, это делалось для того, чтобы мужчиной было легче крутить, потому что пьяница всегда слабоволен. И, наконец, в-третьих, чтобы тот всегда испытывал комплекс вины за своё пьянство, а при случае она могла бы на такой нужный комплекс побольнее надавить, уязвив своего мужика! Да и вообще, как когда-то говаривала покойная императрица Екатерина № 2, пьяным народишком управлять легче…

Вспомнив всё это, Кулемзин тотчас вскочил с покерной скамеечки и с криком «Я сейчас!» бросился к своему подъезду. А вот зачем, мой читатель узнает немного погодя – только на странице 178.

Но даже на ходу наш герой не переставал быть писателем, подмечая некие детали бытия как фрагменты будущих глав будущего великого романа «Русская кочерга». Как наверняка помнит мой памятливый читатель, ещё вчера лёгкий ветерок гонял по территории Бермудского Учпучмака фóльгу от жвачки «Дирол»[161], а вот сегодня он же (ветерок, а не «Дирол») передвигал своими малыми усилиями бумажки от жвачки с фантастическим для Саксаулии названием «中國香蕉»[162].

[161] Это действительно так: описываемое событие было зафиксировано в главе 145 пятого тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора
[162] «Китайский банан» – кит. Читается: Жоньгуо сяньджао – прим. руководителя гильдии переводчиков романа «Русская кочерга»

Жвачку с вкусом ананаса
мой дружок в подарок дал.
Вместо жвачки я бы мяса
хоть немного пожевал!

Открывая дверь в родной подъезд, писатель вплотную столкнулся со своей соседкой с третьего этажа – проводницей Саксаульских железных дорог Ириной, у которой от столкновения чуть не вывались из майки её знаменитые на весь Бермудский Учпучмак стратегические боеголовки, после чего Кулемзин невольно посмотрел в их сторону. Заметив это, соседка поправила маечку и как бы в смущении попеняла марсианину:

– Володя, ну чего ты опять пялишься на мои сиськи? И я, кстати, знаю, о чём ты сейчас думаешь!

– Запомни, Ира, – ответил литератор, чуть замедляя движение к своей квартире, – первая вещь, на которую мужчина обращает внимание при виде женщины – это сердце. А вот тот факт, что грудь растёт впереди сердца – это уже, извини, не наша вина!

Сиська сиське говорила,
в бок её толкая мило:
«Ты не хочешь ли, мой друг,
нежных ласк мужицких рук?»

Проникнув в Личное Место-Имение, как филологически называл ареал своего проживания Кулемзин, он тут же отправился к месту, хитро спрятанному между залом и спальней, открыв маленькую дверцу, которая скрывала за собой небольшую кладовочку. И только жилец было собрался вытащить с нижней полки некий предмет, как его вновь отвлекли – на сей раз телефонным звонком на домашний аппарат. Он поднял трубку и пожалел, что абонент не позвонил ему на мобильный телефон, на мониторчике которого он мог сразу видеть, кто домогается его в ранний час. Выяснилось, что это была его *пунктирная* подруга Стелла, с которой он встречался тогда, когда хотелось ей, а не ему.

– Ну ладно дуться, – без поздоровки произнесла она. – Не хочешь, чтобы я приходила, не надо. Тогда приезжай ко мне сам. Мой адрес: ул. Назарбаксова, 115, кв. 2.

«Квартира 2?», подумал приглашённый. «Это на первом этаже – как у меня. Ну что, решимся?». Но, подумав мгновение, всё-таки отказался от приглашения, без разрешения абонентши положив трубку. А почему, будет видно из приведённого ниже стишка:

В красивом синем сарафане
ты на свиданье позвала,
да не куда-нибудь, а в баню,
и этим сердце обожгла.
Но я себя повёл по-свински,
не смог избавиться от шор –
вдруг вспомнил Монику Левински,
и на свиданье не пошёл…

А что же дядя Петя? Подвалив к игрокам и не обнаружив взором Володю, он молча плюхнулся на освободившееся место и, обдав сопокерников и примкнувшего к ним Муравлёва, стал молча таращиться на них блеклыми, как застиранные полотенца, глазами.

– Он не скоро придёт, – надеясь на то, что пришелец свалит обратно, поспешил объяснить художник.

– Д-д-да? – повёл глазами пожилой алкаш. – П-п-подождём…

Тягостное молчание затянулось, и тогда автор, вполне лояльно относящийся к своим читателям, решил разбавить его рассказом всё того же дяди Пети, но исключительно в своей интерпретации, так как пришелец сейчас не мог связать и двух слов. Итак…

Глава 73. РАССКАЗ ДЯДИ ПЕТИ

Есть у меня один знакомый автоинструктор по имени Василий Иванович – мы с ним когда-то вместе служили и по морям ходили. Работает он давно, и в своей специальности, что называется, *собаку съел*, да и профессия такая много пить не позволяла. Одна была беда – не женат, поэтому и детей не нажил. Так вот, за годы его работы сложилась такая ситуация, что большинство клиенток у него были женщины. Не то чтобы он отдавал им предпочтение или как-то сам искал встреч – нет, просто так складывалось.

Есть в мозгах такая течь,
что заходит ум за разум:
не ищу я с бабой встреч –
сама липнет, как зараза!

И вот многие из этих женщин-учениц проявляли интерес к Васе – с определёнными целями. Иногда он отвечал им взаимностью, иногда нет, короче, как складывалась ситуация. Вот таким образом проявлял он некоторую избирательность, и за многие годы работы имел определённое количество *отношений* – продолжительных и не очень, но надо заметить, что при этом ни одни из них не превратились в полноценную семью.

И вот стал он сам в себе замечать, что как-то надоело ему такое внимание со стороны женщин. Ведь он же в конце концов на работе, а при перетекании отношений из *учитель-ученик* в более близкие некоторые дамы даже стали намекать на то, чтобы получить энное количество занятий бесплатно, что Васю, заработки которого именно от этого и зависели, категорически не устраивало. И решил он со всем этим завязать и придумал способ, как изменить сложившуюся ситуацию в противоположную сторону!

А идея была простая: справил себе Вася кольцо на безымянный палец правой руки, чтобы его новые ученицы видели, что он женат, и не приставали с тем, с чем не надо!

Собираясь на партпленум,
я кольцо себе надену!

Реализация оказалась успешной: все те, кто раньше проявлял к нему интерес, этот интерес вдруг потеряли. Но зато неожиданно проявился, так сказать, побочный эффект. Если те женщины, которые раньше искали с ним встреч, перестали обращать на него внимание, то на этот раз проявились женщины другого типа, о существовании которого он раньше догадывался, но не сталкивался в реальной жизни, – на них кольцо действовало как магнит! Они не ставили цели завести семью, и пара-тройка ни к чему необязывающих встреч было именно тем, что им было нужно. И женатый инструктор по вождению отлично подходил под портрет искомого кандидата для супружеской измены.

В общем, так и не решив для себя этой сложной проблемы, Вася всё-таки выбрал вариант общения с ученицами под названием *с кольцом на пальце*. И как он рассказывал при встрече со старыми друзьями в пивной: «В крайнем случае, всегда можно сказать: мол, извини, мне сегодня срочно надо к жене!». И уехать восвояси или на сегодня, или навсегда. Короче, как пойдёт…

Я – за любовь! В неё я верю!
Она одна наш мир спасёт!
Но коль в чужую входишь дверь ты, –
проверь, куда она ведёт…

♠ ♠ ♠

И тут к концу авторского рассказа как раз появился Альбионыч, который принёс под мышкой какую-то жестянку, а в руках молоток и четыре гвоздика. Он молча подошёл к ближайшему карагачу и под изумлённые взгляды знатных бермудцев и дяди Пети приколотил к нему некий знак, похожий на автодорожные, который уже давно изготовил самолично – как раз для таких случаев, но решил повесить его только сегодня, и, как выяснилось, не зря. Дядя Петя кое-как поднялся со скамеечки и уставился на карагач, на кото-

ром отныне и вовеки должен был красоваться новый кулемзинский запрещающий знак – специально для любителей халявы:

Дядя Петя изучил творение и, поняв, что ему сегодня *не обломится*, зашкандыбал куда-то вдаль – на поиски новых приключений. И если такие отыщутся, то автор непременно расскажет о них в своих новых книгах – но только не в этой!

Заходи на наши сайты,
коль теперь на них ты зван:
книги новые читай ты –
и узнаешь много тайн!

Глава 74. ИВС КАК МЕТОД ПОБЕДЫ

– Ну что, други мои, а ведь неплохо, яйчики-бабайчики, сработала моя ИВС, – после окончания такого трудного роббера, как средняя *тёмная*, проговорил писатель.

– А эт’ чё такое? – насторожился Полтавцев и на всякий случай приготовил к записи знаменитый блокнотик «Для му.мы.»

– ИВС-то? – переспросил Володя. – А вы сами как думаете?

– Да чего тут думать, мать моя партия! – воскликнул Курманбаев. – ИВС – это, конечно же, Иосиф Виссарионович Сталин! Давай бутылку!

– Нуртай, Нуртай, стоп! – попенял ему Альбионыч. – Я разве обещал за угадывание какой-то приз?

Тушь, помаду, косметичку,
как советский постовой,
приз вручу тому я лично,
кто заплатит за него!

– Какие ещё будут мнения?

– Я думаю, царица лесная, – начал тронную речь охранник, причём, слово *думаю* произнёс как бы без кавычек, чем вызвал смешки покерного коллектива и примкнувшего к нему Николаича. – Да, так вот, я думаю, что это КПЗ!

– Ты что, святой Малевич, совсем с ума съехал? – закричал на него Муравлёв и даже немного толкнул в бок локтем – видимо, для более правильного направления серёжиных «мыслей»

– Никуда я не съехал, – степенно объяснил Афанасьич, – раньше это заведение называлось КПЗ, или Камера Пропадлючьего Замыкания, а теперь ИВС – Изолятор Восторженных Состояний.

– Однако, – пробормотал ошеломлённый марсианин. – Ну, ладно, а ты, Талгат, что скажешь? Или у тебя до сих пор не сформировалась в тыкве какая-нибудь версия?

– Почему же какая-нибудь? – обиделся на обидное слово военный трубач. – У меня их даже две, и обе правильные – одна музыкальная, а другая чисто военная.

– Ну-ну, – поощрительно кивнул головой литератор. – Давай, жги!

– Музыкальная – это Интермеццо Валторны Си-бемоля…

После этих слов остальные сидельцы покерного столика впали в секундную интеллектуальную кому.

– …а вторая военная – это Интенсивная Вахта Сверхсрочника, то есть меня, – закончил разгадывание старший прапорщик.

Отожму я вещь любую –
даже воина кровать:
на сверхсрочную пойду я,
чтоб побольше своровать!
Коньяки шикарных марок
для меня всегда сладки:
я ведь прапорщик недаром –
даром только дураки!

– Ну что, Валера, – обратился к последнему расшифровщику Володя. – А тебе, яйчики-бабайчики, как знатному живописцу Эпохи Вырождения, есть что сказать?

– Конечно, – легко ответил художник, давно поднаторевший в кулемзинских лотереях. – Мой ответ, как всегда, лежит в плоскости изобразительного искусства. Моя ИВС – это Импульсивно-Валёрная[163] Стилизация[164]

[163] Валёр (от фр. valeur – ценность, достоинство) – оттенок тона, в соотношении с другими оттенками выражающий какое-либо количество света и тени – прим. худ. редактора

[164] Стилизация – подчинение художественного изображения условным, орнаментальным формам, которая выражается в декоративном обобщении изображаемых фигур и предметов с помощью условных приёмов, упрощения рисунка и формы, цвета и объёма – прим. худ. редактора

– Может, Валёрная, то есть твоя, мать честна́я? – предположил сторож.

– Нет, именно Валёрная, – твёрдо припечатал саксаульский шишкин.

А чтобы вообще понять только что произнесённое, автор предлагает своим читателям заглянуть в самый низ этой страницы 181 – на шесть курсивных строчек.

Но тут оказалось, что автор, написав фразу *обратился к последнему расшифровщику*, Володя немного ошибся, так как покерная хевра внезапно услышала голос бомжа Танкиста, который прятался за деревом, росшим метрах в трёх от бермудского ареала обитания наших героев.

– А можно мой вариант, хозяин? – обратился он к Альбионычу.

– Попробуй, – согласился писатель.

– Исключительно Важнейшая Стопка, – поведал клошар и даже закатил глаза, как бы показывая степень такой исключительности и важности.

Собирай за стопкой славной
близких всех, своих друзей,
чтобы всем приятней стало,
ну-ка, в стопочку налей!

– В смысле 100 грамм? – уточнил Кулемзин.

– Оно, – уточнил бродяга.

После такой знатной версии не вознаградить Танкиста было бы кощунством. Правда, пивко уже давно закончилось, и спонсор коллектива немедленно отрядил за ним Нуртая.

– А почему опять я? – заорал педагог с коммунистическим прошлым и настоящим.

– Потому что ты, старичок, автор самой *провальной* версии, – популярно объяснил литератор.

– Наверное, мать моя партийная организация, ты хотел сказать *правильной*? – заволновался большевик, но Володя уже совал в его руки мятые купюры.

Взяв деньги, Курманбаев полетел вперёд, как слон Ганнибала Гамилькаровича, отбившийся от карфагенской колонны, и уже по дороге страстно крича что-то вроде:

– Слезами залит мир безбрежный,
вся наша жизнь – тяжёлый труд,
но день настанет неизбежный,
неумолимо грозный суд!
Пусть слуги тьмы хотят насильно
связать разорванную сеть –
слепое зло падёт бессильно,
добро не может умереть!

Услышав эту песню, Танкист внезапно согнулся пополам и, стремительно заскочив за дерево, начал издавать некие страшные звуки, знакомые моему читателю только по описаниям (прости, русский язык!) перманентного бегства в кусты Салихдзяныча. А Альбионыч, дождавшись возвращения партийного, раздал всем присутствующим по соответствующей бутылочке, а клошару, который к тому времени уже немного пришёл в себя, даже две – видимо, для второго отсутствующего бомжа – Одиссея, после чего наконец-то озвучил правильную версию:

– ИВС, други мои, это всего-навсего Информационно-Вводная Система!

, но по недоумённым взорам собравшихся за покерным столиком понял, что предмет угадайства давно исчез в сияющих далях пивопоглощения.

На бомжей гляжу я с интересом –
нет, они совсем не дураки:
целый день я в офисе со стрессом,
а они с бутылкой у реки!

Глава 75. НЕСПЕШНАЯ ИГРЫ АРБА (и ещё одно продолжение продолжения)

Немного утолив жажду, которая из-за привычно начинающейся жары уже становилась постоянной, игроки вновь занялись тем, ради чего, как надеялся Володя, они и собирались здесь уже почти неделю.

– Серёжа, а ты зачем занял моё место? – внезапно послышался голос педагога, который обнаружил, что пока он ходил за пивком, Полтавцев успел пересесть, и теперь Мусаичу осталось только одно место – левее военного.

«Что бы это значило?», заметались в его голове мысли разной степени паскудности. «Если, скажем, будет ход Кулемзина, то следующий получится мой, и я смогу перебить володину взятку моей, но ведь и мою взятку может перебить этот алкаш из старших прапорщиков (кто только дал ему такое высокое воинское звание)! А-а-а-а, так вот из-за чего всё это задумано!»

И не пришло в голову Нуртаю, что если в этих его размышлениях только одно слово взять в кавычки, а именно «задумано», то всё станет совершенно ясно, ибо Афанасьич и не думал пакостить своему соседу по лестничной площадке, а просто сел ближе к Талгату, так как заметил, что из его кармашка торчит пачка «Беломорканала», и чтобы попросить папироску, не надо было кричать через весь стол. Но такие нехитрые народные приёмчики жизнеобеспечения, конечно же, были невéдомы тухлому интеллигенту-ленинцу.

Такие гнусные моменты
лишь эта строчка подчеркнёт:
ведь невдомёк интеллигенту,
как существует наш народ!

В это время выяснилось, что Альбионыч уже успел сдать следующий роббер на 12 картах, который, в отличие от *тёмной*, можно было посмотреть сразу, и все стали делать именно это, тупо пялясь в карты и соображая, сколько взяток здесь можно заработать и как при этом сделать так, что одновременно пролетели все остальные. Но так как подобные мысли были не у одного человека, а сразу у четырёх, то они (мысли, а не человеки) тут же стали пересекаться в волновом пространстве покерного столика, невидимо заискрили, задымились, а некоторые так даже и микровзорвались. Но всего это не видели не только пенсионерки, резавшиеся в дурака неподалёку – за соседним СС, или Старушечьим Столиком, или дворовые дети, которые в это момент своих чрезвычайно подвижных игр, носились рядом с игроками, как будто танцевали чеченский танец *зикр*, но и сами покеристы, и даже примкнувший в ним безо всякой идеологии художник Муравлёв – внебрачный правнук самогó святого Малевича.

Но вот наконец ставки были сделаны, и игра началась. «Странно, куда делся этот чёртов иблисяра?», как-то слишком паскудно подумал саксаульский большевик, заведя руку за спину и не обнаружив там хвоста своего приятеля из параллельного мира. Между тем, всё было просто: *иблис* мгновением раньше получил сообщение на персональный пейджер из канцелярии своего патрона Люцифера со следующим содержимым:

Иблис спешил, так как знал, что всё это было очень серьёзно, ведь в случае неявки он мог быть принудительно заточён в сосуд и брошен на дно Мёртвого моря в 666 метрах от берега – сроком на вечность!

Трудно в вечности мне будет,
кою выдал мне сатрап:
ох, и трудно жить в сосуде:
ни бухла, ни даже баб!

И тут Нуртаю показалось, что остальные игроки знают о его беде, так как Кулемзин заказал четыре взятки, Батыршин три, а Полтавцев, которому пришли два джокера и три козыря среднего достоинства, вообще впал в ересь всемогущества и повелел записать в его квадратик аж пять потенциальных взяток. «А мне?», хотелось воскликнуть преподавателю еврейского колледжа. «Почему же вы ничего не оставили мне?!». Но кричать во время заявок было запрещено строгими, хотя и неписанными правилами игры, и он горько промолчал, поражаясь чёрствости своих товарищей по партии[165]. Затем партийный ещё раз проанализировал пришедшие карты и нехотя выдавил из себя три буквы, тем не менее означающие цифру 2.

[165] Исключительно по партии в русскую кочергу! – прим. автора

Но отсутствие иблиса так подействавало на Мусаича, что с весьма неплохими картами он, который руководствовался в покере исключительно постулатами марксизма-ленинизма и даже вспомнил великие слова Владимира Ильича об игре – из одной его статьи: «У нас всякий красноармеец знает, что такое дипломатическая *игра* и что такое сила оружия, которая до сих пор решала все классовые конфликты»[166], всё-таки умудрился пролететь на свои заявленные две взятки. И это была катастрофа, так как до этого роббера у него оставалось 38 очков в плюсе, а вот сейчас Альбионыч с удовольствием вывел в его квадратике страшную цифру – минус 7 очков!

[166] В. И. Ленин, ПСС, т. 45, статья «О международном и внутреннем положении Советской Республики» от 6 марта 1922 года – прим. полит. редактора

Он сидел опустошённый и раздавленный, и в его голову даже не приходили мысли о силе партийного воспитания и могучей роли воспитавшей его партийной организации,

а почему-то с тошнотой вспоминалась только жена-уйгурка, которая сегодня вечером обещала посидеть с ним за конспектами новой книги товарища Назарбаксова «Республика Саксаулия и её роль в становлении мирового экономического движения»

На хрена мне ваши книги,
ведь совсем в другом погряз:
экономику я двигал –
брал по пять бутылок враз!

Писатель прислушался к бормотанию педагога и уловил нечто вроде того, что «как же мне выйти из этого кризиса?»

– Да это же так просто, – воскликнул марсианин, обрадовавшись тому, что может помочь своему если не другу, то товарищу по *русской кочерге*. – Просто надо срочно объявить войну Швейцарии, а на второй день сдаться! Тогда и кризиса никакого не будет…

– Ничего, мать моя партия, мы ещё пободаемся, – псевдободро пообещал Нуртай, сказав о себе, как это делали до него многие коммунисты, во множественном числе.

– Ну, а моя задача, яйчики-бабайчики, – парировал Альбионыч, – как раз противоположная – сделать тебя, как говорят в русских селеньях, *комолым*…

Неспешная игры арба –
ужель такая вот судьба?

Но Володя, который посвятил любимой игре несколько десятилетий, хорошо знал, что обозлённый противник опасен, и особенно такой подловатый, как Курманбаев. «А не пора ли включить мою тайную систему КОВПАК?», подумал литератор, а автор, чтобы не оставлять своих читателей в недоумении, спешит расшифровать эту хитроумную аббревиатуру:

Кулемзинский
Ответ
Всеразрушающему
Педагогически-
Антагонистическому
Курманбаизму

Глава 76. НЕСПЕШНАЯ ИГРЫ АРБА (почти окончание)

И этот ответ у него был давно готов. Надо было просто не акцентировать на игре остальных сопокерников, а начинать, а затем поддерживать нехитрые разговорчики, чтобы Мусаич не смог сконцентрироваться мыслями на текущую обстановку. Был здесь, конечно, нюанс, что ленинцу могут придти хорошие карты, но так хорошо светило солнышко, превращая кровь игроков и Валеры в сгущёнку, и таким чистым и голубым, словно косынка юной доярки, было небо, что думать о плохом просто не хотелось.

В пустоте спокойного времени
так легко и навсегда теряется
смысл ненужной жизни…

И тут план Володи неожиданно поддержался сразу двумя участницами событий – хорошо известной читателю активисткой жизни Жанной Пантелеевной, которую писатель среди своих называл просто Ж. П., и кулемзинской соседкой Анной Петровной, которые,

видимо, по причине наставшей субботы, озаботившись стиркой всяких грязных вещей типа простыней, пододеяльников, наволочек, маек, трусов и кухóнных полотенец. А в рекордно короткое время между двумя деревьями близ соседнего столика, который с утра был оккупирован пенсионерками, было натянуто несколько надёжных верёвок, похожих на корабельные канаты, и уже вскоре на слабом летнем ветерке нежно затрепетали мокрые тряпочки разного формата.

Если б я был стиральной машиной,
я бы времени зря не терял –
я не стал бы ломаться картинно:
просто взял бы и всё постирал!
Всё бельё, что в квартире лежало,
и квартиру бы всю целиком,
а когда бы она отстиралась,
постирал бы, пожалуй, весь дом…

Не потому ли вот уже второе лето подряд особенно радостно заниматься любимым делом нашим игрокам было именно по субботам и воскресеньям, когда хозяйки, сплошь советские (б) женщины, считали своим святым долгом стирать бельё именно в дни массового отдыха трудящихся. Перекрещивающиеся друг с другом верёвки создавали сложный с точки зрения пролетающих вверху самолётов узор, напоминающий детскую игру *колыбель для кошки*[167], о которой так талантливо поведал миру ещё 40 лет назад *титан* Курт Куртович Воннегут.

[167] «Cat's Cradle» – один из самых популярных романов Курта Куртовича Воннегута (1963), который принёс автору международную известность – прим. лит. редактора

Вот и сейчас в этой летней колыбели были зашифрованы фрагменты чужой жизни, правда, Жанна Пантелеевна вывесила для просушки всего одну наволочку вместо трёх, словно решила, что её дочки пусть ещё недельку-другую поспят на грязных, а Анна Петровна в числе других тряпочек, явно принадлежавших её мужу-шоферу омуртаю, отдала на поругание чужим нескромных взорам один чёрный носок, да к тому же с дыркой на месте большого пальца.

Когда уже создать получится
стиралку нам, в конце концов,
чтоб не была она разлучницей
в неё заброшенных носков?!

Так что посередине этого бытового пейзажа нашим героям игралось особенно хорошо и весело. Было и ещё одно преимущество в этом действе выходного дня: взрослые люди перманентно пеняли дворовым детям на то, что они в своих играх поднимают слишком много пыли, и иногда эти маленькие живые механизмы с вечным двигателем внутри ненадолго приутихали, и это было похоже на то, как из розетки неожиданно выдернули электрокипятильник.

Наконец, те разговорчики, о которых автор упомянул в начале этой главы, был на руку никогда не играющему художнику Муравлёву, но который с удовольствием их поддерживал – для разбития вдрызг скуки хотя и причастного, но не активного к делу человека, ищущего сомнительных удовольствий.

Так, абсолютно ничего не понимая в игре, Валера, сидя рядом с Полтавцевым и слу-

шая его бормотания перед заказом типа «Три заказать или вообще пас объявить?», дёргал его за рукав маечки и страстно шипел в ухо:

– Серёжа, не забывай простое древнерусское слово форс-мажор!

На что охранник также тихо шипел ему в ответ:

– Да я его не забываю, а наоборот, помню, как мать честну́ю!

Форс-мажор по имени Елена,
нарушая принятый дресс-код,
в юбочке короткой по колено
мне работать просто не даёт!
Находясь во власти форс-мажора,
завтра шефу честно всё скажу,
что в таких условиях не скоро
я отчёт квартальный напишу…

Так, заметив, что у Нуртая внезапно заблестели глаза, и поняв, что к тому пришла неплохая карта, Альбионыч тихонько толкнул ногой под столиком ногу старшего трубача, и тот, словно просувшись, дёрнулся и проговорил, обращаясь к литератору:

– Володя, скажи что-нибудь ёкарное философское!

– Запросто, – не стал чиниться бермудский философ и торжественно произнёс:

– Гносеологическая онтологичность перцептуальной *хренотроники*.

– А что это значит? – жадно встрял в разговор живописец Николаич, который почувствовал, что в этот миг обретёт недостающее для понимания жизни знание.

– Первые три сло́ва, Валера, из какого-то старого словаря, а последнее, яйчики-бабайчики, – это мой посильный вклад в развитие философии.

Афанасьичу тоже захотелось ввернуть что-нибудь философское, но кроме *век воли не видать*, он ничего не вспомнил, и потому вынужденно промолчал, хотя и подумал на каком-то иностранном языке: «You fucking philosophers!»[168]

[168] Сраные вы философы! – англ.

И эта уловка сработала: заслушавшись, Курманбаев, к которому действительно пришли два джокера – старший и младший, да к тому же три некрупных козыря, забыл после объявления своих планов по взятию аж четырёх взяток произнести волшебное словосочетание *по мизе́рам, мать моя партия!*, и, как и должно было произойти, пролетел сразу на две взятки, или 45 очков, ещё глубже погрузившись в минус, откуда перед этим роббером надеялся всё-таки вылезти.

Жалко иль не жалко должника,
вниз свалившегося с непривычки?
Долговая яма глубока,
словно Марианская[169] в водичке!

[169] Марианская впадина – океанический глубоководный жёлоб на западе Тихого океана, самый глубокий из известных на Земле. Назван по находящимся рядом Марианским островам – прим. геогр. редактора

Затем планам по разбалансировке внимания педагога неожиданно помог живописец, который от скуки стал насвистывать какую-то мелодию, но так бездарно, что каждому из присутствующих показалось в ней что-то своё. Альбионыч, например, узнал в мелодии начальные такты «Where Have All The Good Times Gone»[170] – композиции Дэвида Хэй-

вордовича Боуи из его винилового альбома «Pin Ups»[171] 1973 года. Салихдзяныч несколько мгновений прислушивался к «исполнению», но потом не выдержил и спросил исполнителя:

– Что-то ты такое йодистое знакомое насвистываешь, только никак не вспомню, что именно...

[170] «Куда ушли все хорошие времена» – англ.
[171] «Определения» – англ.

– По-моему, святой Малевич, – храбро ответил Валера, – это третья часть второй симфонии Иоганнеса Якобовича Брамса.

– Ни хренá себе! – изумился обер-корнет. – А откуда я могу знать вторую симфонию Брамса, когда даже о первой в жизни не слышал?!

Вы, читатели, отметьте,
что катрен мой образцов:
Брамса знают даже дети
(правда, знают не в лицо!)

А педагог Курманбаев даже привстал с покерной скамеечки и проникновенно обратился к Николаичу:

– А, по-моему, это всё-таки «Интернационал». Спасибо тебе, друг!
, после чего «друга» Муравлёва пришлось ждать две минуты – из учпучмакских кустов, поэтому он не слышал, как Володя прокомментировал словá преподавателя еврейского колледжа:

– Кстати, «Интернационал», Нуртай, это ведь самая сексуальная песня на свете…

– Да как ты смеешь, мать моя партия, так глумиться над святым?! – в ажитации завопил большевик, а сторож незаметно достал из котомки блокнотик «Для му.мы.», ибо понял, что узнает сейчас что-то важное и значительное.

– А ты подумай, – улыбнулся марсианин. – Эта песня начинается с волшебного слóва «Вставай!», далее идёт пессимистический поворот сюжета: «Никто не даст нам...», а вот конец её вполне оптимистичный: «Своею собственной рукой...»

Сторож даже открыл рот, чтобы лучше уловить смысл сказанного, но так и не уловил, после чего с досадой засунул книжечку обратно в котомку.

Надо ли говорить, что после такого глумления игра Мусаича разладилась окончательно, и он подошёл к последней *тёмной*, на которой решалось всё, со страшным для себя показателем – минус 119 очков! И это было впервые за нескольколетнюю игру в этом странном коллективе.

Я сознанием раздвинусь,
настроеньем приподня́т:
провалился некто в минус –
и не выбрался назад!

Да, и чтобы как-то более-менее логично завершить эту главу, автор решил доложить своему читателю, что же именно напомнил низкохудожественный свист Валеры ещё одному участнику покерной хевры Серёньке Афанасьичу. А напомнил он ему детскую песенку «В лесу родилась ёлочка», которую последний раз он слышал ровно 45 лет назад от бабушки Федóры в деревне Семижопино – на летний праздник в день «святого» Ильи

Пророка, то есть 2 августа, и то только потому, что бабушка для того, чтобы серёжин дедушка Михей не напивался слишком сильно, *оприходовала* вместе с ним четверть[172] самогона из гнилого буряка!

[172] 2,5 литра – прим. автора

Глава 77. ЯВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЖА

Сдавать последнюю *тёмную* выпало охраннику, и это был очень плохой знак для педагога. А почему? Да потому, что за Полтавцевым по часовой стрéлке сидел литератор, а вот уже за ним – сам Курманбаев, и, значит, что первый ход будет именно володин, а уж если к нему придёт хорошая карта, то это будет всё – конец мечтам о мировом (в условиях Бермудского Учпучмака) господстве, утверждении Нуртая как мирового (в условиях второго микрорайона) лидера, а также укреплении с таким трудом заработанного авторитета – среди пенсионерок и дворовых детей, проживающих в домах №№ 16 и 17.

Видя мучения Мусаича с ужимками провинциального актёра и прекрасно понимая их природу, Альбионыч только ухмылялся, думая при этом: «Какой пассаж! Пришёл в отчаянье – глядь, а там уже всё занято, да ещё и очередь стоит!»

Хоть я умный, и очкастый,
и не поражён в правах,
но отчаиваюсь часто,
потому что нервы – швах!

В нашем занимательном повествовании уже не раз педалировалось одно из главных правил *русской кочерги* – на *тёмных* до заказа нельзя было смотреть пришедшие карты, и это всегда психически отражалось на почти всех игроках, за исключением Кулемзина. Нет, у покерного гуру психика была практически такой же, как у остальных, так как она, несмотря на большой игровой стаж писателя, была элементом заразным и не поддающимся строгому контролю.

Поэтому только Валера, который, будучи героем романа, умудрился за пять прошедших томов не сыграть ни одной партии, с интересом и любопытством следил за тем, как менялись в лице его визави по покерному столику, какие страсти разгорались, казалось бы, на пустом месте, и как остро реагировал этот сумасшедший квартет на то, что он сам же и создавал – своими страшными ошибками в заказах, нелепыми ходами и маниакальными подсчётами выигранных или проигранных очков, как будто от этих строгих цифр, записанных рукой Володи, солнце должно было встать не на востоке, а, скажем, на северо-западе!

Вот и сейчас, когда воочию решалась Сука-судьба очередной партии, Муравлёв, как настоящий художник, приглядывался к будущим персонажам своего гигантского гениального полотна под названием «Страхи и сомнения. Альтернативный вариант ущемлённого сознания № 117». И пока все четверо игроков напряжённо обдумывали, сколько же взяток сейчас заказать, чтобы а) выиграть партию, б) откатить назад всех противников и в) не дать ленинцу выйти из минуса, Николаич изучал типажи.

Шутовские, щегольские,
чуть людские, воровские,
деревенско-городские
и какие-то иные,
о которых надо знать,

изучаю типажи я,
чтоб картину написать!

Вот тот же коммунист Курманбаев, с виду полностью деморализованный, но всё ещё опасный, ибо неистовый огонь фанатичного строителя светлого будущего (б) так и не погас в его немного залитых пивом «Тянь-Шань» зенках.

Вот его антипод Кулемзин, в глазах которого явно мелькает суровая мысль о том, что, видимо, совсем неплохо, когда твоя персональная паранойя оказывается отменно работающей интуицией.

Вот Полтавцев, на лице которого смело читается мудрая дума: «Да, учитывая поговорку, что дуракам везёт, я, судя по всему, нереальный интеллектуал!»

Вот Батыршина, по спине которого только что прошёл шершавый язык озноба, ощутимо потряхивал экзистенциальный пароксизм: часы были явно не в ладах с его мироощущением.

И вновь кривые магистрали
вдаль побежали по траве:
мои часы опять отстали –
опять на вечность! Или две…

Вот Митрохин, с изумлением глядя на то, что его явно не узнают в коллективе…

Стоп-стоп! Какой Митрохин?! Откуда Митрохин?!

– Васюхан, ты, что ли? – не веря глазам, воскликнул живописец. – Смотрите, святой Малевич, кто пришёл!

Все встрепенулись, на миг оторвались от карт, но не все и не сразу узнали пришельца, а, вернее, приехальца, ибо вид его был ужасен.

Выглядел старший джус сегодня как белая пародия на зомби и был похож на бомжа, утаившего от соратников бутылку плодово-ягодного. Тот же художник Муравлёв, только глянув на пришельца, сразу же отметил, что лицо его было похоже на топорно сработанную посмертную маску, конечности выглядели как-то слишком ортопедически, а уж внешний вид! Даже Афанасьич, и в нормальном состоянии не слишком следящий за своей внешностью, с ужасом отметил, что Васюхан явился в таком секонд-хенде, который не мог присниться в самом страшном сне даже товарищу Плюшкину, герою поэмы «Мёртвые души»

Сам же Митрохин молчал, но одна мысль просто-таки читалась на его ужасном лике: «Вся моя жизнь – это синусоида! А когда накосячу – так ещё и косинусоида…»

Что ж ты, Васенька, невесел?
Что головушку повесил?
Или часом занемог?
Может, за бухлом в *комок*?

Видимо, мысль о бухле и комке, то есть лавке Калимы, посетила сразу всех и бесповоротно, так как сторож тут же повернулся в сторону Альбионыча и требовательно протянул руку, как он нередко выражался, за филками, алтушками и *манями*. Писатель молча произвёл субсидию, после чего Серёжа рванул за пивом так, как будто за ним гналась маявшаяся белой горячкой акула, и в нормальном состоянии не питавшая любви к человечеству. Никто не удивился и тому, что в поход экс-текстильщик взял с собой свою знаменитую котомку, при виде которой проявлялась мысль, что лучше бы с ней немного поскитаться по свету.

Проводив товарища, у Курманбаева возникло чувство чего-то недоделанного, и он понял, что ему, как руководящему работнику, надо отдельно поприветствовать пришельца. Он немедленно соорудил улыбку, какие раньше советские люди (б) видели только по телевизору – на лицах членов Политбюро ЦК КПСС (б), обращённых к Генеральному Пахану, и только было открыл рот, как с горечью увидел, что старые приятели Митрохин и Муравлёв уже кинулись друг к другу в объятья, словно бы один из них до сих пор дрейфовал на гибнущем «Челюскине», а другой с замиранием сердца ждал от него известий, не отходя от радиоточки. Большевик сразу же погас взором и стал утешать себя тем, что вот скоро вернётся Серёжа и принесёт локальное счастье в своём хурджине.

Проверил истину на деле –
непьющий дольше проживёт!
Попробовал не пить неделю,
а показалось – прожил год!

И Нуртай не ошибся: не прошло и двух минут, как, с кряхтением перелезши через металлическую оградку Бермудского Учпучмака, к покерному столику приблизился Серёжа, сияя как точный перевод названия знаменитой композиции «Shine On You Crazy Diamond»[173] английской рок-группы «Pink Floyd»[174] из концерта 1975 года.

[173] «Сияй, безумный бриллиант» – англ.
[174] Название этого коллектива в 1965 году придумал фронтмен группы Роджер Артурович «Сид» Барретт, в коллекции которого были пластинки двух блюзовых музыкантов – Пинка Сэмюэловича Андерсона и Флойда Томасовича Каунсила – прим. муз. редактора

– На внутреннем фронте без перемен? – весело поинтересовался гуру.

– Сводок, царица лесная, ещё не поступало! – бодро отрапортовал доставлялец счастья, после чего, не мешкая, раздал бутылочки заинтересованным.

А литератор, потеснив Мусаича, уселся рядом с пришельцем, и ласково, как психиатр у психа, поинтересовался:

– Как дела, яйчики-бабайчики?

– Норматив! – странным техническим термином ответил ему Митрохин, но было видно, что ответ Альбионыча удовлетворил, так как он откинулся затылком на росший позади карагач и даже подумал, что лозунг сегодняшнего дня в связи с приходом нового персонажа надо немного изменить – например, на такой:

Наслаждение покером и пивом
есть основная и единственная обязанность
каждого человека на Земле, если он
проживает не только во втором
микрорайоне, но и вообще
в городе Отцеябловске!

Говорил еврей Пророкер
нееврею по́ловцу:
«Если пиво есть и покер,
значит, жизнь продолжится!»

Глава 78. НЕСПЕШНАЯ ИГРЫ АРБА (окончание)

Быстрее всех допил свою бутылочку Курманбаев и тут же сделал вид, что только он один волнуется о Суке-судьбе недоигранной партии, после чего Володя для того, чтобы допили и остальные, рассказал короткую дзенскую притчу, которую назвал

Притча о действии

Однажды ночью в провинции, где располагался некий монастырь, прошёл сильный снегопад. Утром ученики, пробираясь буквально по пояс в снегу, собрались в зале для медитаций.

Тогда учитель собрал всех учеников и спросил их:
– Скажите, что нам нужно сейчас сделать?
Первый ученик сказал:
– Следует помолиться, чтобы началась оттепель.
Второй предположил:
– Нужно переждать в своей келье, а снег пусть идёт своим чередом.
Третий сказал:
– Тому, кто познал истину, должно быть всё равно, есть снег или его нет.
И тогда учитель молвил:
– А теперь послушайте, что я вам скажу.
Ученики приготовились внимать величайшей мудрости.
Учитель обвёл их взглядом и произнёс:
– Лопаты в руки – и вперёд!

После притчи все глубоко задумались над сказанным, кроме Салихзяныча, который думал только о том, что неплохо бы опрокинуть ещё одну бутылочку «Маршала»

– А мораль сей басни, мать честна́я? – вдруг воскликнул Серёжа, выдав мысли остальных слушателей.

– А мораль сей басни такова: не забывайте о том, что действительно работает, то есть о действии.

Никто ничего не понял, но все в очередной раз подивились силе ума покерного гуру. А ведь он всего лишь намекал на то, что пора бы наконец-то закончить эту и так слишком затянувшуюся партию. И тут все вслед за Кулемзиным вспомнили, что осталось всего лишь сыграть последнюю *тёмную* и выяснить, кто же на этот раз станет героем.

Больше всех волновался Нуртай, который заказал всего три взятки, и этому был свой резон: как помнит мой памятливый читатель, у него перед *тёмной* было минус 119 очков, и в случае успеха педагог мог блестяще завершить партию – в плюсе. А чтобы было понятно, автор предлагает посчитать вместе: 3 взятки = 60 очкам, а на *тёмной* они удваивались, то есть 120 очков, и если партийный выигрывал их, то 120 – 119 получалось 1 очко в плюсе!

И пусть не думает читатель, что это неважно. Дело в том, что в общий рейтинг записей партий шла вот такая раскладка: игрок, у которого был лучший результат, получал 4 очка, второй – 3 очка, третий – 3 и, наконец, четвёртый – всего одно, но всё-таки плюсовое. Если же кто-то из игроков заканчивал игру в минусе (или в *шпале*, как выражалась игровая феня *русской кочерги*), то он получал сразу 4 очка – но в минус!

Я на штурм всех взяток ринусь –
никого я не боюсь:
не хочу я, братцы, в минус,
а хочу я, братцы, в плюс!

На втором месте по волнению в этой партии находился Володя, ибо у него была задача, очень похожая на нуртаевскую, но с обратным знаком – ему надо было сделать всё, чтобы преподаватель еврейского колледжа не смог закончить игру в плюсе. И этому тоже был свой резон, ибо, изучая *раскладку*, которую, кстати, сам он и составлял, покерный гуру обратил внимание на то, что в общем рейтинге позиции его и Мусаича разнились всего на 3 очка, то есть педагог подошёл так близко к его результату, что, как выражались крестьяне Самарской губернии, надиктовывавшие Владимиру Далю всякие пословицы и поговорки для его нового бестселлера «Толковый словарь живаго великорусскаго языка», «грянул гром – быть беде!»

Игроки наконец расселись на покерной скамеечке, как картофель в колхозном поле, то есть по двое в ряд, если, конечно, не считать неиграющих Валеру и Васюхана. Игра началась со страшного хода Альбионыча, который бросил на покерный столик младшего джокера и произнёс:

– По козырям!

, имея в виду, как и было обозначено в ключевых правилах игры, *по старшим козырям*, ибо никто из игроков не объявил мизе́р.

Курманбаев ещё раз взглянул на пришедшие карты, вытащил своего единственного *гранда* – покера, бросил его на володину карту, после чего стал похож на монаха, вышедшего к людям с печальной вестью о смерти святого старца. Это был вынужденный ход, и писатель знал, что его маленький *гранд* пропадёт ни за понюх табака, но зато он (ход, а не табак) делал большое дело, ведь и Полтавцев, и Батыршин были вынуждены скинуть своих старших козырей, а это оказались король и дама.

Не впадай ни в тоску, ни в азарт ты
даже в самой невинной игре:
не давай заглянуть в свои карты
и до срока не сбрось козырей!

Взяв первую взятку, Мусаич не знал, чем пойти дальше, и наудачу пошёл одного из некозырных тузов, а именно трефового, рассчитывая на то, что у всех найдутся карты такой же масти, но помладше статусом. Но и эта его идея оказалась провальной: марсианин, хотя у него и была трефовая четвёрка, забрал взятку вторым младшим джокером, после чего тут же пошёл таким же трефовым королём. И вот тогда всем не осталось ничего другого, как сбросить ещё одни маленькие карты.

И тогда Володя сделал третий ход – всё такой же трефовой дамой. Он знал, что у кого-то обязательно закончатся карты этой масти, и этот кто-то будет вынужден положить сверху трефей своего козыря. И рассчитал правильно, ибо таких игроков оказалось сразу двое: педагог скинул козырную шестёрку, Серёжа – трефовую семёрку, а вот старший музыкант президентского оркестра перебил всю взятку целиком козырным валетом. И, убедившись, что карт старше его козырной десятки уже нет, пошёл именно её, и правильно сделал, потому что саксаульский коммунист, рыдая в душе́, отдал своего последнего козырька, то есть двойку.

А далее всё развивалось по сценарию литератора, забравшего следующую взятку ещё одним некозырным червовым тузом. Таким образом, он взял свои три взятки, а Нуртаю дал взять пока одну – из трёх заказанных. Но и Афанасьич, и Салихдзяныч почувствовали, что им тоже может не достаться своё, и начали хапать остатки роббера как голодные матросы революционного броненосца «Потёмкин»

Удар был так молниеносен,

что ты, читатель, мне поверь:
броню имел наш броненосец,
но не корабль, а страшный зверь!

И вот эта трудная и длинная партия была закончена. Как и предполагал покерный гуру, он занял первое место, второе, к удивлению всех, и даже дворовых детей, взял Серёнька Афанасьич, третье – унтер-офицер Батыршин, а четвёртое, как и должно было произойти, несчастный большевик, который, получив четыре очка в минус основного рейтинга, сейчас почувствовал себя не большевиком, как раньше, а именно меньшевиком. Но самое страшное было в том, что его никому не было жалко!

Глава 79. КУРС ПОЖИЛОГО БОЙЦА

Нет-нет да и вспоминал Кулемзин славное время великой покерной учёбы, когда никто из сейчас сидящих перед ним даже не догадывались, какие огромные возможности даёт эта игра для условного человека. Вот и сейчас, попивая пивко и невнимательно слушая разные глупости, которыми они обменивались, он думал о том, как медленно, но неотвратимо пустеет старая копилка, из которой мы вынимаем тусклые медяки оставшихся дней. И эта копилка называется богатой и замусоренной памятью, и именно в ней Володя решил произвести кое-какие раскопки!

Начиная обучение этих странных людей, согласившихся на его социальный эксперимент, он вспоминал, как много лет назад ещё в раннем детстве научил играть в *русскую кочергу* своего сына – тоже Владимира, справедливо полагая, что это, разумеется, лучше, чем страсть ко всякого рода революциям, которая в своё время была у маленького Володи Ульянова, впоследствии выросшего в большого дедушку Ленина.

Готовясь стать вождём России,
он сколотил народный фронт,
и звал свернуть буржуям выю,
а каждой рыбе выдать зонт!
И вот свершилось: тьма народа
на площадь к Зимнему пришла.,
и весть об этом эпизоде
не скрыла лет прошедших мгла…

Громадьё планов и потребный для их реализации временной период, даже по прикидочным расчётам обещавший растянуться минимум на полгода, Альбионыча не пугали, – он был готов потратить всю жизнь на осуществление своей затеи, и остановить его в тот момент могла только мгновенная кончина от шаровой молнии. А спасло его от столь мрачной перспективы то, что в Республике Саксаулия шаровые молнии были запрещены законом, так как правительство страны заботилось о своих гражданах, и без того умирающих от разных причин. Впрочем, о смерти будущий покерный гуру и не думал: в его израненной душе́ прочно доминировала отмороженная сущность диверсанта, которая торжественно звенела, словно натягиваемая опытной рукой тетива боевого лука, ощутившая волнующее присутствие оперения зазубренной стрелы.

Не просто вас я научу играть,
а биться до последней капли крови –
без спичек и костра в игре сгорать,
чтоб каждый стал, как Сталин, хладнокровен!

Умение видеть сквозь карты (и не подумай, мой читатель, что дело здесь в знаменитых марсианских технологиях Кулемзина), так впоследствии изумлявшее простоватого Полтавцева, при многолетней практике покерного гуру было не более чем базовой опцией его персональной (прости, русский язык!) экстрасенсорики. Когда человек начинает чему-то учиться, он постепенно приходит к пониманию того, что действует не как нечто целое, имеющее постоянный критерий для любых ситуаций, а словно некое мы – целая компания, которая принимает противоречащие себе решения. И лучше всего этот постулат ежедневно подтверждала великая *русская кочерга*.

Он объяснял своим неофитам, что не надо удивляться тому, если утром у играющей компании были одни критерии, а вечером – совсем другие, вчера игроки решали одно, а сегодня уже другое, и на вчерашнее зачастую было наплевать. И всё это служило неким толчком для сдачи в плен Времени, когда на место мерцающего и порой несуществующего *Я* становился Мастер, конечно, если человек действительно сдавался, и к тому же, эта сдача была принята.

Коллективчик наш квадратен –
каждый здесь зело глазаст:
много времени потратив,
учимся мы бить туза!

– Я, конечно, не дедушка Дуров, но за месяц-другой навык вам обеспечу, – пообещал тогда Володя. – Только учтите, яйчики-бабайчики, что мягкой дрессировкой вы у меня не отделаетесь!

Но учёба с самого начала заладилась не слишком. Во-первых, мешало то, что весь собранный им (прости, русский язык!) ареопаг оказался *пьющим*, и нередко ученики вместо того, чтобы зазубривать наизусть нехитрые покерные правила, начинали это дело саботировать и даже опускались до грязного шантажа учителя, утверждая, что, например, без пива такие сложные правила вообще не лезут ни в одну голову! А писатель, на время обретший педагогический уклон, со скорбью вспоминал, что по-немецки «нах» (nach)[175] означает направление движения, а вот по-русски тоже, но гораздо конкретнее!

[175] Например, нем. nach Hause – домой

Альбиоыч призывал на помощь авторитеты типа писателя Сергеича, вспоминая целые страницы из его повести «Пиковая дама», как, например, вот эту:

«Тройка, семёрка, туз – не выходили из его головы и шевелились на его губах. Увидев молодую девушку, он говорил: «Как она стройна! Настоящая тройка червонная». У него спрашивали: «Который час?», а он отвечал: «Без пяти минут семёрка». Всякий пузастый[176] мужчина напоминал ему туза»

[176] Так у автора! – прим. лит. редактора

Отчаявшись, он (Альбиоыч, а не Сергеич) даже изготовил на своём принтере маленькие книжечки с цитатами великих людей о картах и карточных играх, мечтая о том, как недоумки-ученики, проснувшись утром с похмелья, не побегут сразу же в лавку Калимы, а возьмут его *поделку* и ознакомятся с шедеврами человеческой мысли:

«Пьяницы редко бывают забавными, если они не знают несколько хороших песен и не способны проиграть в покер кое-какую мелочь» Франклин Джеймсович Рузвельт

«Всегда играй честно, если все козыри у тебя на руках» Оскар Уильямович Уайлд

Ох ты, жизнь моя крутая,
ох, нелёгкая беда:
вроде честно я играю,
но по морде бьют всегда!

«Не будучи в состоянии обмениваться мыслями, люди перебрасываются картами» Артур Генрихович Шопенгауэр

«Ставя всё на одну карту, рассмотри хорошенько обе её стороны» Эвгениуш Владзиславович Коркош[177]

[177] *Польский сатирик – прим. лит. редактора*

Но всё окончилось печально, ибо первую из сделанных им книжечек и подаренную Афанасьичу, он в первый же день к вечеру обнаружил на столике (тогда ещё не покерном), распластанной посередине – на суровой мысли Джонатана Джонатановича Свифта: «Меня возмущает, что колода плохо перетасована, но лишь до тех пор, пока мне не придёт хорошая карта», придавленной с одной стороны бутылкой «Жигулёвского», а с другой – вонючим куском неизвестной рыбы, пахнущей не копчёностью, а жидким дымом с издевательстким названием «Счастливый миг»

Глава 80. КУРС ПОЖИЛОГО БОЙЦА (продолжение)

Вторая книжечка, которую он подарил Курманбаеву, в тот же день оказалась под кроватью педагога, куда он на всякий случай складывал компромат на Кулемзина, хотя что крамольного было в мыслях великих людей, он не смог бы объяснить даже Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС (б). Володе же Нуртай соврал, что его книжечка оказалась настолько занимательной, что он дал её почитать жене, но в очередь на читку также записались его сын и дочка.

И без лени, и без скуки
собираем читки круг:
изучаем мы науку
по трудам В. А. Гуру́!

Третья книжечка оказалась в руках военного музыканта Батыршина, и он решил изучить её как и полагается серьёзному старшему прапорщику, но чтобы она не потерялась, вставил её на верхнюю по́лку домашней этажерки, где хранилась вся его скудная библиотека, – между «Уставом Вооружённых сил Республики Саксаулия» и «Уставом караульной службы Вооружённых сил СССР», а проснувшись на второй день, не нашёл её и не вспомнил, куда дел.

«А, может, вбить некие знания в тыквы этих ещё не конца оформленных персонажей мне поможет моя КОВКА?», подумал марсианин. И, чтобы читатель не сомневался в психическом здоровье нашего главного героя, автор сразу же объяснит, что речь шла вовсе не о высокотемпературной обработке давлением различных металлов, нагретых до определённой температуры. Нет, володина КОВКА – это, как уже стало привычно видеть моим читателям на этих страницах, была очередной аббревиатурой – на этот раз про учёбу его будущих сопокерников:

Кулемзинское
Обучение

Великим
Карточным
Аттракционам

Однажды он от отчаяния даже дошёл до того, что сходил домой и принёс оттуда старую потрёпанную книжку некоего М. Ю. Лермонтова, которая сохранилась у него ещё со школы, где нашёл некие страницы дневника главного героя книги Печорина: «Я люблю врагов, хотя это не по-христиански. Они меня забавляют, волнуют мне кровь. *Быть всегда настороже, ловить каждый взгляд, значение каждого сло́ва, угадывать намерения, разрушать разговоры, притворяться обманутым и вдруг одним толчком опрокинуть всё огромное и многотрудное здание их хитростей и замыслов – вот что я называю жизнью!»*

– А я называю это покером! – добавил тогда писатель, но по недоумённой переглядке неофитов понял, что они так ничего и не прочухали.

Хоть учёба и этюдна,
видно, есть и в ней секрет,
но понять всё это трудно:
карты есть, а пива нет!

– Это покажется вам странным, – продолжил лекцию Володя, – но знание цели, а, значит, и стремление к ней – злейшие помехи на пути её реализации. Постарайтесь руководствоваться этим и вы…

Затем он обрадовался, потому что оказалось, что Серёнька Афанасьич внимательно записывал слова пророка на клочке газетки, ибо в то печальное время у него ещё не было заветной книжечки «Для му.мы.»

Володя иногда приходил в отчаяние от этих людей, но других не было, выбирать не приходилось, и он упорно старался слепить изящный кувшин Великой Игры из бракованной глины неофитов.

– Взаимоконтроль и взаимоотчётность! – однажды поднял палец покерный гуру, чтобы этой простой фразой обозначить один из основных принципов *русской кочерги*.

Но тут оказалось, что старший трубач Салихдзяныч, принявший за день не менее восьми бутылочек своего любимого (и очень крепкого) пива «Маршал», внезапно, как выражалась золотошвейка Констанция Бонасье из романа Александра Тома́-Александровича Дюма «Три мушкетёра», *съехал с катушек*, заявив, еле шевеля языком:

– А ты кто ёперный такой, чтобы меня учить?

– Специалист по случайным связям с общественностью, – ещё раз представился Кулемзин, но цели не достиг, потому что военный музыкант его вновь не узнал.

Как я мог так ошибаться?
В голове полнейший мрак:
потерял я память, братцы!
Алкоголь – мой лучший враг!

Плохо шла учёба и у сторожа Полтавцева. Володя понял это уже через неделю, решив про себя, что учить Серёжу было всё равно что редактировать Исаака Бабеля.

– Вижу, не до всех наука доходит через голову, – внимательно глядя на будущих игроков, вещал марсианин. – До некоторых… – тут он выразительно поглядел на охранника, – она доходит только через… м-м-м… седло!

И даже Курманбаев, человек, казалось бы, с высшим образованием, целых три недели не мог выучить 16 основных правил игры, идя по неверному пути Талгата, который в конце каждого учебного дня еле приползал домой. А Альбионыч, глядя на саксаульского коммуниста, думал о том, что тому́ для постижения всей красоты русского покера не хватает какого-нибудь воодушевляющего плаката типа:

Встретим наступающий год
новыми достижениями в учёбе!

Так, в моральных муках, проходили тяжёлые будни творчества и поисков, похожие на трудности режиссёра, вводящего актёров-недоучек в сложные роли. Литератор в своём стремлении разъяснить все нюансы любимой игры, однажды даже попытался объяснить ученикам один из своих любимых психологических эффектов – эффект американского психолога Роберта Эдвардовича Розенталя, который заключался в том, что качество наших ожиданий всегда влияет на результаты наших действий.

Этот случай чисто частный,
но для нас – авторитет:
ожидания напрасны,
коль все врут, что пива нет!

– Как это, мать честна́я? – помнится, тогда спросил Серёжа и шумно почесал немытую голову, произведя шум швабры по паркету.

И тогда неутомимый гуру привёл простой пример, который автор сейчас и воспроизведёт на этой странице 200. В 1963 году этот Розенталь предложил своим студентам обучать крыс проходить некие лабиринты. Половине студентов он сказал, что их крысы гении, а другой половине, что их крысы тупые. Так вот, те, кто обучал «способных» крыс, достигли лучших результатов, чем студенты, обучавшие «глупых» крыс. Но, конечно, никакой разницы между крысами на самом деле не было!

Этот эксперимент затем в разном контексте многократно повторяли и другие учёные. Например, они давали учителям разные классы и говорили, что у одних умные ученики, а у других не очень, на деле же никакой разницы между учениками не было, но нетрудно догадаться, у каких учителей они добивались бо́льших успехов.

Вот чего я так боялся,
изучив науку ту:
трезвый Lehrer[178] мне попался –
поступил я в ПТУ[179]!

[178] Учитель – нем.
[179] В СССР (б) – профессионально-техническое училище – прим. ист. редактора

Глава 81 КУРС ПОЖИЛОГО БОЙЦА (окончание)

В своём стремлении сделать так, чтобы его ученики прониклись важностью поставленных задач, Альбионыч даже то ли привёл настоящий пример из далёкого прошлого, то ли придумал его на ходу́. Так, он поведал неофитам, что ещё в царской России было такое учреждение под названием ГУДОК, которое расшифровывалось как

Государственное

Учреждение
Дополнительного
Образования
(**К**арты)

, которое по приказу Ленина было закрыто сразу же после революции 1917 года. Зато по распоряжению того же Ильича был открыт и сразу же стал знаменитым на всю Россию, а потом и на весь СССР (б) некий КМБ[180].

[180] Курс молодого бойца – начальный период прохождения службы, первый подготовительный период военнослужащего в армии – прим. воен. редактора

В общем, преемственность поколений в отношении покерных первокурсников с гуру проявлялась более чем наглядно. В *русской кочерге* Кулемзин слыл за учителя и отца родного, и, кстати, был старше двух игроков – Талгата и Нуртая – на один год, но им, поражённым величием его ума, казалось, что на полтора.

Я счастлив, что исторг из камня крик,
и потревожил даже кромку леса,
что не нарушил правила игры
и обратил в гранит живые чресла!

Видя, что его ученики эффектом Розенталя не вдохновились до такой степени, что даже не смогли запомнить фамилию этого достойного учёного, писатель не стал говорить им то, что хотел, а вот мой читатель с этой мыслью прямо сейчас и ознакомится. А хотел Володя заявить следующее: «Если я скажу вам: «Верьте, что у вас всё получится», это прозвучит как банальный совет вашего гуру. Но я твёрдо убеждён в эффекте Розенталя, поэтому скажу по-другому: «Если у вас нет и капли веры в то, что у вас всё получится, – сто́ит ли удивляться, что в итоге ничего так и не получилось?»

Вместо этого Альбионыч привёл покерным первокурсникам слова своего большого друга Козьмы Без Отчества Пруткова, а именно его афоризм № 93а:

Новые сапоги всегда жмут.

, на что Афанасьич заявил, что он знал об этом давно без всякого Кузьмы, так как эту непреложную в веках истину ему поведал дедушка Михей из деревни Семижопино, а Салихдзяныч и Мусаич позавидовали сторожу и его древним знаниям, после чего стали уговаривать Кулемзина взять ещё пивка – для лучшего усвоения ёкарного материала.

Я эти сапоги приметил сразу:
в 80-е – огромный дефицит:
цвет, каблучок, фасон – приятно глазу,
но не куплю – жена мне не простит!

Поэтому покерному гуру вместо дискредитированного Пруткова пришлось привести собственный афоризм, заявив при этом:

– А учиться игре в *русскую кочергу*, мои маленькие друзья, мы будем под девизом:

**Каждому Буратине –
свою азбуку!**

Но вот вбить в этих маленьких друзей мысль о том, что такая игра есть последняя отдушина печальных, с трудом регенерируемых душ, литератор так и не смог, чему огорчался по сию пору. В приступе трудноконтролируемых эмоций он однажды даже воскликнул на весь Бермудский Учпучмак, распугав дворовых детей, которые до этого скакали вокруг покерного столика, изображая саксаульский табунчик *майклов джозефовичей джексонов*:

– Да это просто КОМА какой-то!

– А разве кома не женского рода? – поинтересовался Полтавцев, вовсю тянущийся к ненужным знаниям.

– Не кома, Серёжа, а КОМА, – объяснил Володя, а потом развернул своё объяснение:

Кулемзинский
Отряд
Малоэффективных
Абитуриентов

Постепенно великий вождь и учитель второго микрорайона города Отцеябловска стал некоей виртуальной *вершиной* игры – чем-то вроде Аннапурны[181] в системе Гималаев.

– Я верю, – сказал он тогда, – что колода карт обладает собственной душой и волей, поэтому не всегда делает то, чего мы от неё ждём!

[181] Десятый из четырнадцати по высоте восьмитысячник мира (8051 м) – прим. геогр. редактора

И вот наконец Володя, убедившись в том, что неофиты полюбили *русскую кочергу* и привязались к ней, как детский врач к симпатичному больному ребёнку, посчитал, что он в достаточной степени привёл в гармонию технологические условия и эстетику предстоящего зрелища, хотя не говорил своим ученикам, что считал всё происходящее настоящим театром абсурда – почище того, что создал сумасшедший гений Эжен Григорович Ионеско.

– Отныне и вовеки, и даже через 10 лет, и даже через 20 лет, – торжественно заявил им Кулемзин, – вы сможете рассказать своим сопливым внукам, как на склоне лет обрели то, чего у вас не хватало всю жизнь – немного ума!

20 лет пролетит, будто сон –
наш тандем будет прочен, как швеллер,
став квартетом, придёт Паркинсон
к одному, а к другому – Альцгеймер!

И вот наконец пришёл тот день, когда Володя, оглядев своё непутёвое воинство, подумал одну интересную мысль: «А не пора внедрять в так называемую жизнь мою систему ДУРА?». И пусть мой читатель не подумает, что этим своим предложением он кого-то оскорбил или обидел, ведь такая системы учёбы расшифровывалась всего лишь как

Директивно-
Указующие
Рекомендации
Альбионыча

И уже перед са́мой первой игрой, занесённой в *раскладку*, он торжественно произнёс фразу, которая хотела запасть в души наших героев-покеристов, но так и не запала:

– Жизнь даётся нам только один раз, и очень трудно прожить её, не научившись играть в *русскую кочергу*…

А завершить эти странные гла́вы-воспоминания автор решил ещё одним афоризмом своего главного героя Кулемзина, подкреплённого по традиции его же катренчиком:

В школе покера отметки
ставят на самих учениках…

Мы все у вечности – истцы
в столь затяжном пике́:.
на мне жестокие рубцы –
как двойки в дневнике…

Глава 82. ПУШКИН И МОНТЕ-КРИСТО, или 13-Й СОН ПОЭТА АЛЬБИОНЫЧА

И тогда Володя вытащил из кармана штанов некую бумажку, тщательно изучил её и понял, что пора завершать первую часть этого тома, ведь бумажка была ничем иным, как Великим Планом Построения Шестого Тома Романа «Русская Кочерга». А все свои части он по традиции, которую придумал сам, заканчивал каким-нибудь грандиозным стихом. Вот и на этот раз им оказался стих под названием (см. название главы):

Однажды, выпив граммов триста,
я с книжкою в кровать залез;
и вдруг узнал, что Монте-Кристо
и есть тот самый, блин, Дантес!
Да как же так, как смел подонок
поэта Пушкина убить?
Не для того его с пеленок
учила няня с кружки пить.
Дантес как будто не был трусом –
хватало и ума, и сил:
ну завалил бы, что ль, Кадрусса,
или Данглара замочил.
Но с жизнью в книжке расхожденье:
граф наплевал на Мерседес,
и вместо за тюрьму отмщенье
он в спальню Пушкина залез.
Что Монти делал с Гончаровой?
Проник в неё? Иль не проник?
Не знаем, – но однажды голой
её с Дантесом муж застиг!
Сражён супруг таким сюрпризом
и, чтобы смыть с себя позор,
он Монте-Кристе сделал вызов
и поскакал во весь опор.
Рогами задевая ветки,
поэт летел по мостовой,
и, став с Дантесом у отметки,
поникнул буйной головой.
Какая грустная картина!
Поэт сражённый в снег упал,

а граф потом узнал, скотина,
на что он руку подымал.
Но зря он стрельнул из патрона:
народ, любовью окружив,
воздвиг поэта из бетона,
и тот остался вечно жив!
Не сбылись планы террориста –
Наталья тварь, Дантес говно!
Я ненавижу Монте-Кристо!
И Ихтиандра заодно…

Конец первой части

Часть II.
День

Глава 83. ЯВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЖА (окончание)

И как же вовремя пришёл в покерную хевру новый друг коллектива Васюхан Митрохин! Не приди он, и пришлось бы нашим героям, несмотря на начавшуюся жару, продолжать свои безумные игрища, а так, учитывая, что солнце уже почти выкатилось в центр небесного купола, откуда и начало свою страшную работу по раскочегариванию термоядерного котла, все чинно сидели на покерной скамеечке по трое в ряд, наслаждаясь холодным пивком.

– Как дела, Васюхан, мать честна́я? – задал глупый и необязательный вопрос Полтавцев, а Кулемзин вспомнил, что именно этот вопрос стоит первым из десятка самых частых задаваемых русских вопросов.

– Нормально, – ответил антенщик самым частым из десятка воспроизводимых русских ответов.

По давно привычной схеме,
по привычному уму
мы беседуем на темы,
не нужны что никому!

Тогда Володя решил разнообразить диалог и весело спросил у пришельца:

– Слушай, а ты вчера, когда мы уехали, случайно не *усугублял*?

Старший джус потупился и молча кивнул головой. Глаза у него сейчас были, как у какого-нибудь ортодоксального еврея из Иерусалима, случайно перепутавшего бараний и свиной шашлык. Его зеленоватая бледность лица выдавала только одну мысль: «Кажется, с похмелья у меня болят даже волосы!»

Писатель заметил изменение состояния болезного и поинтересовался ещё веселее:

– Что с тобой, сынок? Климакс досрочно начался?

Но Митрохин лишь сильнее потупил взор. Ему было неприятно вспоминать, как он вчера после уезда гостей достал припрятанную четвертинку какой-то палёной саксаульской водки и жадно выпил её один, но после последнего глотка́ ему показалось, что на кухне вместе с ним, как *чёрный человек* Есенина, сидит кто-то ещё, и он, набрав непрошенному гостю желтоватой воды из-под крана, стал уговаривать его выпить вместе с ним, произнося одну и ту же, в его понимании убедительную фразу:

– Интоксикация должна быть взаимной!

Но так как уговорить мифического гостя не удалось, Васюхан наказал ему ничего ночью не воровать, добрёл до кроватки и рухнул в неё, как некий Сергеич из прошлой поэтической главы. Вначале он лежал тяжело, как сейф, затем скрючился во сне, точно суслик в Гималаях, а потом стал ворочаться, словно принцесса на горошине. Остаток ночи он бредил, мечась по кровати, как заболевший ангиной ребенок. И наконец под самое утро ему приснился очень приятный сон, и если бы тот же сон увидел, например, Альбионыч, то он наверняка бы отозвался о нём каким-нибудь поэтическим экспромтом вроде этого:

Сидел я с девою вдвоём,
потом сказал, когда устали:
«Ну что, пойдем грехопаднём?»
И мы пошли и грехопали!

А потом настало не менее страшное, чем ночь, хмурое утро. Впрочем, не будем повторяться, ибо об утре этого персонажа автор уже рассказал своему читателю совсем недавно – в главах 66 и 67 первой части этой толстой книжки.

Зато сейчас антенщику было хорошо: он залпом выпил первую предложенную литератором бутылочку ледяного «Тянь-Шаня», затем жадно схватил вторую и сделал огромный глото́к, который, казалось, раскрыл ранее неизвестный в его организме третий глаз. И этому было подтверждение: зрение его внезапно улучшилось до такого предела, что Васюхан заметил, как Курманбаев осторожно шарит в кармане Салихдзяныча, живописец напряжённо изучает пивную этикетку – видимо, на предмет её воспроизведения на холсте в масштабе 32:1, охранник напряжённо роется в своей котомке, разыскивая заветную книжечку «Для му.мы.», словно заранее зная, что вскоре услышит что-то важное для его дальнейшей жизни и даже Суки-судьбы, а его новый друг Володя достаёт из кармашка миниатюрный телефонный аппаратик.

И тогда выяснилось, что вместе со зрением к Митрохину вернулся и слух, так как писательский телефончик издавал сейчас не привычный звонок, а проигрывал сложную мелодию «A Passion Play»[182] британской группы «Jethro Tull»[183], где вместе с первыми тактами слышался нежный звук флейты, игре на которой славился лидер этого музыкального коллектива Иен Джеймсович Андерсон.

[182] «Игра страсти» – англ.

[183] Группа была названа по имени Джетро Талла – учёного-агротехника, жившего в Англии на рубеже XVII-XVIII веков, и прославившегося изобретением усовершенствованной модели плуга-сеялки. Примечательным фактом является то, что в конструкции этого изобретения использовался принцип работы музыкального инструмента орга́на – прим. муз. и тех. редакторов

Если флейта в рок-концерте,
значит, Андерсон нам жжёт,
говоря о жизни-смерти,

а потом наоборот!

И тут случилось то, что ранее не случалось ни в одном из прочитанных моим читателем томов «Русской кочерги». Марсианин второй раз за этот день услышал голос своей перманентной подруги Стеллы, но на этот раз она обозначила своё присутствие в трубке для связи не каким-то глупыми женскими просьбами, а прямыми угрозами.

– Я сейчас приеду к тебе! – сходу заявила она. – И если ты не бросишь своей дурацкой игры и не уделишь мне внимания хотя бы на 43 минуты, то…

А далее она услышала какие-то странные звуки: вначале что-то глухо стукнуло, а потом послышались встревоженные голоса володиных подельников. И если бы могла (прости, русский язык!) идентифицировать их по голосу, то наверняка опознала бы каждого. А сообщения были одно тревожнее другого:

– Вовка в обморок шлёпнулся, царица лесная!

– Да это жадность подвела, мать моя партия, вот его *дедушк*а и наказал!

– Володя, можно я немного, святой Малевич, пороюсь в твоём кармашке?

– Валера, как ты можешь! Слушай, а он это не от моего вида такое сделал? А то я ведь, хоть и поздно пришёл, но в порядок свой вид не привёл…

– Володя, ёперное пиво. Пиво! Пиво ёкарный «Тянь-Шань»!

Так останемся мы живы,
на закуску съевши сельдь:
может в чувство только пиво
привести больных смертель…

– Эх ты, мать честна́я, – попенял один голос другому. – Володя у нас кто? Писатель, понимаешь! Филолух, понимаешь! Гениальный, понимаешь, человек, для которого разные слова – все русские.

– А как надо? – поинтересовался другой голос. – Может, ты такой йодистый умный, что знаешь лучше меня?

– Как-как, – передразнил его первый голос. – Не *пиво* надо говорить, а расширять сознание нашего внезапно заболевшего товарища!

– А как, святой Казимир Северинович? – подключился к консилиуму третий голос.

– А вот как…

И в этот момент Стелла, поняв, что и на этот раз ей ничего не обломится, положила трубку за несколько километров от второго микрорайона, а наше повествование вновь обрело своих героев – во плоти. Итак…

Полтавцев наклонился к уху писателя и внятно проговорил ему в приёмную улитку:

– Володя, существительное *пиво*, глагол *пить*!

– Какое существительное? Какой глагол? – начиная приходить в чувство, пробормотал Альбионыч.

За столом и даже под столами
я бываю и бывает мой сосед:
говорим мы русскими словами!
Правда, понимают те слова не все…

«Крепко пацана цепануло», решил Афанасьич, а вслух внятно и в то же ухо произнёс твёрдым голосом врача-гипнолога:

– Существительное, старик, – это такая самостоятельная часть речи, принадлежащая к категории имени и классу полнозначных лексем. Ну, а глагол – сам знаешь что!

Глава 84. СПРАВОЧНИК СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

– Вовка, ты как? – непочтительно обратился к возвращённому в мир писателю Батыршин. – Чего это с тобой было?

А автор, который знает, что банальный обморок случился у его героя после очередного предложения неугомонной подруги, даже начал вспоминать, сколько же глав он уже посвятил этой вечной теме – о взаимоотношениях мужчины и женщины, и с содроганием вспомнил: много! В каждом из уже опубликованных томов ей была посвящена не одна тысяча слов, а конца и краю ей так и не было. И понял он, что тема эта неисчерпаема, как запас питьевой воды в Байкале, и решил продолжить её и здесь – в томе шестом.

Вывод, други, мой рисков –
это ли не круто:
любят бабы мужиков –
трезвых почему-то!

И этому было своё объяснение: во-первых, начинать новую игру сразу же после прихода Митрохина было как-то (прости, русский язык!) не комильфо, во-вторых, у всех присутствующих было множество вопоминаний и историй на эту тему, и, наконец, в-третьих, такие же, но свои воспоминания наверняка есть и у любого моего читателя, и, думается, эта тема будет ему также интересна, как и другие. Ну, а если нет, смело вырывайте следующие 11 страниц и несите их в свой сортир – по прямому предназначению!

И вот что удивительно: вроде бы столько уже общались наш герои на эту тему, ан нет, у каждого нашлось, что поведать из своей тяжёлой семейной (и не только) жизни. Правда, вспоминая и проговаривая свои истории, все сошлись в общем мнении – о том, что фантазии женщины куда как страшнее реальности мужчин.

Друг с другом схлестнёмся, скуёмся, сошьёмся,
одну на двоих найдя нить.
И только в одном мы никак не сойдёмся –
в той мере фантазий, как жить…

И начал эту страшную тему Митрохин, который, как помнит мой читатель, был дважды женат, дважды разведён, но ума, видимо, так и не набрался, потому что иногда мечтал о третьей жене – красивой, сисястой и глухонемой поварихе.

– Недавно, пацаны, – начал он свой рассказ, – познакомился я с одной девушкой.

– Ну и как, мать честна́я? – поинтересовался один из слушателей.

– Ну как? Сначала погуляли немного, мороженого поели, потом пришли ко мне домой. И вдруг она говорит:

– Веди меня в спальню.

– Ух ты, ёперное мороженое! – восхитился второй слушатель. – И что было дальше?

– Что-что? – с горечью поведал рассказчик. – Потом мы два часа переставляли в спальне мебель.

– Зачем, мать моя партия? – воскликнул третий слушатель.

– Да выяснилось, что она феншуем увлекается!

– Ничего себе, яйчики-бабайчики! – резюмировал четвёртый слушатель

«А моей Наташе, святой Малевич», подумал пятый слушатель, «никакого феншуя не надо – идей столько, что на трёх шишкиных и семерых айвазовских хватит!»

Все немного подавлено помолчали, прихлёбывая пивко, пока старший джус вновь не овладел общим вниманием.

– А ведь я вчера напился, – признался он, – тоже из-за баб.

– Надеюсь, вы, товарищ, в состоянии алкогольного опьянения не вызывали к себе по телефону падших женщин – за деньги? – строго поинтересовался коммунист.

Помимо разных дней есть День путан:
пока по воле частника-шайтана
молчит прокатный на заводе стан,
со станом гибким план даёт путана!

И все, кроме метнувшегося давидовой пращой[184] к бермудским кустам Салихдзяныча, услашали честный ответ антенщика:

– Нет, всё было проще: сначала мой взор упал на фотографию бывшей жены, потом я начал вспоминать, как её зовут, потом вспомнил, что их у меня было две, потом не мог вспомнить, какая из них эта, а потом подумал, что без бутылки здесь не разберёшься…

[184] История этого предмета – в главе 169 третьего тома романа – прим. гл. редактора

«Это точно!», сглотнул жадную слюну старший трубач, после чего его мысли неожиданно пошли по другому направлению: «Интересно, почему из двух семейных людей один – обязательно стерва?!». А вслух озвучил свою – тоже страшную историю:

– Вычитал я как-то в газете «Караван» признаки того, что женщина предала мужа.

– Эт’ как? – со смехом поинтересовался Серёнька Афанасьич. – Что ли, без трусов с работы пришла?

– Хуже! – убеждённо ответил Талгат. – Там, в статье так и объяснили: если она начинает готовить его любимую еду, во всём с ним соглашается, дарит ему подарки, закрывает глаза на его недостатки – значит, точно изменяет!

– А ты? – заинтересовался живописец.

– А я, как прочитал, так сразу побежал к своей Аиде – просить, чтобы она меня уже наконец хоть раз предала!

– А она?

– А она в очередной раз меня оскорбила – сказала, что я опять напился! И так мне обидно стало, ведь я в тот день с моим другом прапорщиком Кожамкуловым всего-то четыре «Агдама» и оприходовал…

Бормотуха, бормотуха!
Пей, но после не пищи:
«Ой, во рту с утра как сухо…
Голова, ох не трещи!»

– А у меня тоже в этом отношении, царица лесная, одни неизвестности, – признался охранник.

– Это как же, яйчики-бабайчики? – заинтересовался писатель и на всякий случай приготовил в своей марсианской голове запоминательную кнопочку *safe*.

– Вот у меня есть Зуля, – начал вспоминать бывший текстильщик, и все невольно подивились силе его памяти. – А иногда, – в основном, когда недопью, – начинаю думать: а, может, бросить её и какую-нибудь новую завести?

– И чем твои «мысли» заканчиваются? – осторожно поинтересовался Володя.

– Да чем-чем? А вдруг новая окажется ещё хуже алкашкой, чем Зуля? Выпьёт всё, а мне не хватит – для окончательного постижения трансцендентальности?!

– Да, это, конечно, причина, – пробормотал Альбионыч, но запоминать эту историю не стал.

А вот автор запомнил и сейчас именно её ты, мой читатель, и осваиваешь на этой странице 206 – как целинные земли в Саксаулии в 60-е годы прошлого века…

– И вот сижу я и думаю, – сделав огромный глоток из своей бутылочки «Жигулёвского», которое давно ударило ему в голову, проговорил страдалец, – а если я всё-таки с новой какой познакомлюсь?

– Тогда, Серёжа, – улыбнулся Кулемзин, – тебе будет нужно обращаться с ней очень аккуратно – примерно как с ёлочкой под Новый год.

– А-а-а, понял, – счастливо закричал Полтавцев. – В смысле вырубить и домой принести?!

Я тебе скажу, как другу,
как я нынче отдохнул:
пригласил к себе подругу,
напоил – и сам заснул!

Глава 85. СПРАВОЧНИК СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ (продолжение)

После этого трагические истории, случавшиеся в разные времена с нашими героями, стали сыпаться на эти страницы как чечевица из прогрызенного мышами мешка. И настрой этим историям дал штатный энциклопедист Бермудского Учпучмака:

– Однажды моего литературного тёзку Льва Николаича Толстого спросили, что он думает о женщинах.

– А он что, о них всё время думал? – поинтересовался тянулец к напрасным знаниям Полтавцев.

– Да в том-то и дело, что не всё время. Например, когда писал «Анну Каренину», думал, причём вынужденно, иначе бы этот художественный образ просто бы не получился, а вот когда «Войну и мир», то думал о женщинах урывками – когда занимался *прописыванием* женских образов в виде Наташи Ростовой, Марьи Болконской или вообще какой-нибудь Анны Павловны Шерер.

– Так значит, царица лесная, этот Лев промолчал?

– Почему же промолчал? – удивился Володя. – Ответил, конечно, ибо в его словарном запасе, как я однажды сам подсчитал для одного научного журнала, было аж 70091 так называемое *уникальное* слово! А ответил этот достойный человек следующее: «А вот стану на край могилы, скажу, а потом прыгну в гроб – и накроюсь крышкой!». Я думаю, что всё-таки, яйчики-бабайчики, в сердцах это мой великий тёзка сказал – про слабый пол он знал много…

Когда кто-то, видно, сдуру
слабым полом их назвал, –
он имел в виду фигуру,
но никак не их запал.
К счастью, всё не так фатально –
есть слабинка и у баб:
слабый пол, причём, повально
на любовь уж больно слаб!

А деление истиной вновь продолжил Митрохин, который, казалось, просто соскучился по общению с новыми друзьями. Кулемзину в этот раз попала в ухо чешуйка от хвоста

карликовой русалки, проживающей на карагаче, и пока он (Кулемзин, а не карагач), тихо проговаривая нехорошие слова́, выковыривал её (чешуйку, а не русалку) из пострадавшего о́ргана, Васюхан уже вовсю делился с товарищами своими знаниями из собственноручно составленной энциклопедии семейной жизни:

– Счастье, пацаны, – это когда ты проснулся к обеду, а обед уже готов. Или ты уже пообедал, а тарелки мыть не надо! И на работу ходить не обязательно…

– Так это тебе не жениться, – подключился к разговору Володя, – а в санаторий надо.

Все немного посмеялись над антенщиком, но он не сконфузился, а решил привести не какой-нибудь абстрактный, а реальный пример из своего прошлого:

– Рассказал мне как-то один друг, который женился на итальянке, – начал он, – вот такую историю. У этой иностранки был чрезвычайно взрывной характер, но зато она быстро отходила после очередной ссоры и сама лезла обниматься с повторяющимся иностранным словом:

– Аморе! Аморе!

Подобно злому миражу,
что век для нас рисков,
аморе я перевожу
как вечную любовь!

«При чём здесь море?», подумал военный трубач, а вслух спросил:

– А твой ёперный друг чего?

– А он был не такой отходчивый, как подруга, и обиду держал довольно долго, часто приговаривая:

– Тамбовский волк тебе «аморе»!

– Это точно! – подтвердил холостой к тому времени знаток семейной жизни. – Я всегда подозревал, что марш Феликса Авраамовича Мендельсона, который мы привыкли коротко именовать «Марш Мендельсона», медленно и незаметно, но уверенно и безвозвратно мутирует в «Марш чистить картошку!», «Марш мыть посуду!» и «Марш выносить мусор!»

– Володя, а ты сам, мать моя Октябрьская революция, почему до сих пор не женился? – включился в обсуждение Мусаич.

– Да я после первого брака, яйчики-бабайчики, не особенно-то и торопился обзавестись вторым, но всё-таки однажды попробовал и даже дал в газету «Вечерний Отцеябловск» вот такое объявление:

Хочу познакомиться с женщиной!
Больше о себе ничего сказать не могу…

, но на него почему-то не клюнула ни одна зараза!

Будто я совсем бракован, –
как Поленова этюд,
на такого золотого
бабы вовсе не клюют!

– А я вот слышал, – понизив голос до таинственного шёпота, поделился мудростью Салихдзяныч, – что единственный мужчина, который не может жить без женщин – это гинеколог…

Все подавленно замолчали, и только Серёнька Афанасьич не растерялся, а, вытащив из котомки заветную книжицу «Для му.мы.», быстро, чтобы не забыть сказанное, накаракулировал:

«Все могут жить без баб, но не геолог! И впрямь, а кто ему в дальней экспедиции сварит тушёнку с макаронами, а потом и помоет посуду?!»

После этого, чрезвычайно довольный, что успел запомнить главное, Афанасьич спрятал книжечку обратно, так как давно подозревал своего соседа по покерной скамеечке Муравлёва, что тот хочет похитить её (книжечку, а не скамеечку) на предмет изображения на чистых страницах неприличных рисунков.

Но живописец в это время, оказывается, был озабочен другим.

– А я вот слышал, святой Малевич, – так же тихо, как до него саксаульский фельдфебель, сообщил он, – что есть такие свободные отношения. Это как?

Не сожители-супруги,
отношеньями прямы́,
мы свободны друг от друга –
незнакомы просто мы!

И только было марсианин открыл рот, чтобы объяснить, как в неначавшийся разговор тут же встрял охранник.

– Свободные отношения, Валера, это примерно как у меня с Зулей, – доступно объяснил он. – Вот мы с ней, положим, встречаемся для разного там – пожрать вместе, выпить и всякое другое, но не расписываемся.

– А почему?

– А потому, мать честна́я, что как только она надоест – например, пить больше меня начинает, так я ей, положим, сразу и говорю: «Свободна, мол, Зульфия Абдулькаримовна!». Вот это и есть свободные отношения…

Художник с завистью поглядел на охранника и от горя семейной жизни сделал особо затяжной глото́к, а Кулемзин, в очередной раз поперхнувшись своим глотком «Тянь-Шаня», мгновенно перевернул покерную *раскладку* и на её чистой стороне споро записал доселе неизвестное ему имя-отчество серёжиной подруги, а потом – при личной встрече с писателем Вл. Горьким – передал ему запись, благодаря чему и ты, мой читатель, только к середине шестого тома овладел этим нужным знанием!

– А у меня даже и не знаю, как отношения назвать, – поделился своей бедой художник Муравлёв.

– Так ты же в браке, мать моя партия! – отозвался педагог, очень довольный, что наконец-то может показать свою учёность. – Значит, твои отношения с женой называются брачными.

В голове сплошные мраки –
чувствую себя как труп:
нахожусь с тобой я в браке, –
как бракованный шуруп!

«А по-моему, бракованными», подумал несчастный супруг, а вслух произнёс:

– Я больше всего боюсь, когда моя Наташа неожиданно подходит ко мне…

– …и делает саечку! – под общий смех предположил экс-текстильщик.

Николаич укоризненно поглядел на перебивальца и продолжил:

– Так вот, неожиданно подходит ко мне, обнимает, целует, а потом говорит:

– Знаешь, как я тебя люблю?

– И тут мне становится страшно! Стою и думаю: «Измена? Кредит? Её подруга купила дорогущую шубу? Или, не дай *дедушка*, тёщу жить с нами позвала?!»

– Так она у тебя что, совсем не молчит? – поинтересовался военный.

– Молчит иногда, немного подумав, признался Валера.

– А я вам даже больше скажу, – обратился к теме литератор. – Когда женщина молчит, то слушал бы её да слушал!

После чего Альбионыч, содрогнувшись от ужасного рассказа своего товарища, вспомнил, как много-много лет назад, когда он развёлся с первой и последней женой, изобрёл некий «Гениальный план счастливой семейной жизни», состоящий из трёх пунктов:

1. заказать жену на час;
2. заказать мужа на час;
3. увидеть, как выглядит нормальная советская (б) семья!

Вот холостяк: в полночной тишине
мечтает о красивой и пригожей,
смышлёной, обаятельной жене!
А вот женатый: думает про то же…

А Курманбаев, который решил, что настал психологический момент для того, чтобы сделать вид, что он пожалел страдальца, ласково спросил живописца:

– Валера, а ты вообще каких женщин любишь?

– Я? – задумался Муравлёв. – Вообще-то доступных.

– И где ты с ними знакомишься?

– А чего мне с женой знакомиться? – удивлённо пожал плечами верный супруг.

– Так ты что, – уточнил педагог, – до сих пор признаешься жене в любви?

– Ну да, – не стал скрывать художник. – Особенно когда сильно перепью…

– Что, не выдерживаешь пыток? – улыбнулся литератор.

Глава 86. СПРАВОЧНИК СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ (почти окончание)

Ах, как же хорошо было сидеть на покерной скамеечке, попивать пивко в тени двух карагачей, создающих естественный шатёр над нашими героями, и разговаривать на разные семейные темы и, в частности, о женщинах – в отсутствие самих женщин! А наш писатель, который всегда мыслил обширными издательскими категориями, даже подумал о том, что по итогам сегодняшних разговоров вполне можно было выпустить в свет некий справочник семейной жизни под названием «Одомашнивание домашних»

Вот в весёлом коллективе внезапно возник вопрос: почему мужчины так сильно ненавидят праздновать свой день рождения? И тут же совместными усилиями родился ответ: потому что мы устали получать в подарок носки от персон, которые хотят, чтобы мы им дарили поездку на круизном лайнере!

Вот неожиданно зашёл разговор о женской косметике, и тут же выяснилось, что в среде покеристов нашёлся знаток и этого вопроса, который начал утверждать, что «недостатки йодистой косметики можно исправить ёкарной водкой!». На что некий эксперт в заштопанной маечке уточнил, что «недостаток водки, царица лесная, – это такой недостаток, который уже ничем не исправишь»

Как же за душу хватает
эта тягостная мысль:
если водки не хватает –
поскорее в гроб ложись!

Но тут же выяснилось, что этот вопрос уже был вполне изучен ещё одним членом хевры, который даже дал рецепт некой маски для лица: «Берем лимончик, святой Малевич, режем на тарелочку, в рюмочку наливаем коньячок, коньячок выпиваем, а лимон съедаем, после чего лицо улыбается и свежеет!»

Вот в разговор вступил герой, который раньше, как человек, исключительно верный жене и родной коммунистической партии, вообще не любил разговоров на эти темы, но, видимо, так хорошо пригрело солнышко его большевистскую тыкву, что не удержался он и сообщил коллективу о том, что «женщины делятся на тех, кто качает бёдрами, и тех, кто качает права. Причём, первые, мать моя партия, как правило, добиваются большего!»

Вот ещё один собеседник, не знающий, куда пристроить давно сочинённый стишок на эту тему, наконец-то смог поведать своим сопокерникам и примкнувшему к ним живописцу о том, что «никогда, яйчики-бабайчики, не ищите идеальную девушку, а ищите девушку с тараканами такого же вида, что и у вас!». И после такого важного сообщения стишок лёг точно под адресу, то есть на эту страницу 210:

Напрасно говорите вы себе:
с женой, мол, всё с годами образуется –
у женщин тараканы в голове,
а тараканы плохо дрессируются!

После этого личные воспоминания о страшных примерах семейного быта стали сыпаться, как мелкие гайки из прохудившегося кармана заводского *несуна*. Например, Талгат вспомнил, как однажды его супруга Аида, подавив в себе естественное еврейское раздражение по поводу потраченных семейных денег на водку, сказала ему:

– Дорогой, хватит пить, ведь я искренне забочусь о твоём здоровье…

– А ты чё? – поинтересовался Серёжа.

– А я ей ответил:

– Тогда давай выпьем за твоё ёперное здоровье, дорогая!

После оценки такого остроумного ответа Афанасьичу не оставалось ничего другого, как подхватить эстафету разговора:

– А я вот однажды, когда выпил лишние 725 грамм, решил поговорить со своей Зулей, мать честна́я, начистоту и высказал ей всё, что я о ней думаю!

– Надеюсь, четыре шишки на твоей тыкве сзади появились не после этого таинственного разговора? – улыбнулся Володя.

– После этого, – смущённо улыбнулся в ответ сторож.

– Так что ты ей сказал? – направил его на старые рельсы коммунист-сосед по лестничной площадке.

– Я сказал ей так: представляешь, говорю, Зуля, когда мы с тобой только познакомились на ОХБК[185], ты с первого взгляда показалась мне тупой шалавой, которая даёт всем направо и налево.

[185] Напомним читателям, что эта аббревиатура означает Отцеябловский Хлопчатобумажный Комбинат – прим. гл. редактора

– А теперь? – поинтересовался Валера.

– А теперь я всерьёз задумываюсь о карьере экстрасенса!

А Володя, услышав ключевое слово, сразу же вспомнил старый стишок, причём, не абы какой, а акростих, то есть такой, чьё название определялось по первым буквам каждой строчки:

Эбонитовой палочкой трёт о макушку,
К носу сводит глаза́ и разводит потом,
Со стола взял – и к уху большую ракушку: –
Так, нашёл биополе! Ну, что же, начнём?!
Редкий случай у вас, убеждён совершенно,
А здесь Авгиев метод мне нужен опять,
Связи с космосом нет, люк закрыт несомненно.
Если входим в астрал, то ещё – тысяч пять!
Ну, мы чистим конюшню? Тьфу ты, карму? Так да?
С вас за этот сеанс 40.000 тогда!

После этого Альбионыч, также перенявший эстафету от Серёжи, тоже вспомнил диалог с некой Стеллой, которая навещала его один-два раза в год, но вслух озвучивать его не стал, поэтому и автор, идущий следом за желанием героя, воспроизведёт его (диалог, а не героя) лишь в кавычках:

«– Знаешь, чего я хочу? – тогда спросила то ли Кудряшкина, то ли Энгельгардт.

– Наверное, всего! – предположил марсианин.

– Правильно, – согласилась до этого не споривша гостья. Но это только это во-первых….»

А очнувшись от своих воспоминаний, писатель услышал короткий чужой разговор. А вот между кем он произошёл, думаю, мой читатель догадается сам.

– И вот я с тех пор («С каких?!» мысленно вскричал Кулемзин) постоянно думаю: «Где же мне найти такую, чтоб я сказал ей: «В ёкарный огонь!» – и она полезла в огонь, «В ёперную воду!» – она в воду, «В йодистую постель! – она в постель?

– А зачем тебе такая в постели, царица лесная, мокрая и обгоревшая?!

В жизни я давно обстрелян
(и в вопросе половом!),
ведь люблю я баб в постели –
вместе с пивом и бухлом!

Глава 87. СПРАВОЧНИК СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ (окончание)

И тут выяснилось, что старший трубач увидел кое-что, а. вернее, кое-кого, так как до своего взгляда произнёс, как ему казалось, умную фразу:

– А я думаю, что не сиськи красят женщину.

, но после своего взгляда в сторону володиного подъезда, где он увидел проводницу Саксаульских железных дорог Иру, ему пришлось уточнить:

– А, нет, правильно: всё-таки сиськи!

Здесь покерный гуру, а в данное время семейный эксперт понял, что теряет инициативу, и ловко перевёл разговор на художника:

– Кстати, в семейных отношениях, Николаич, вовсе не надо быть как Ксеркс.

– Ксерокс, – автоматически поправил его Салихдзяныч.

Чтоб не упускать кормёжек,
как привычно бобылю,
я на ксероксе размножу
три купюры по рублю!

– Нет, старик, на этот раз ты не прав, – улыбнулся Альбионыч. – Именно как Ксеркс I Дариевич – жил такой персидский царь задолго до нашей эры. Так вот он, притворяясь са-

моуверенным, на самом деле был вялым и бесхарактерным, и к тому же легко подчинялся чужим влияниям.

– А я что, такой? – попробовал было опротестовать характеристику Муравлёв.

– Когда ты просыпаешься с похмелья, а над тобой занесена супружеская сковородка, предназначенная изготовителями совершенно для других целей, то да!

– Надо бы почитать про этого Ксерокса, – пробормотал Валера.

– Ксеркса, – поправил его Афанасьич. – А чего читать? Я тебе и так могу кое-что про него процитировать – мне недавно Володя надиктовал…

Он достал из котомки заветную книжечку «Для му.мы.», нашёл только ему ве́домую страничку и с выражением прочитал: «Само́го же Ксеркса всегда видели первым в бегстве, последним в сражении; он был робок в опасности и хвастлив, когда ему ничто не угрожало; он, пока не испытал превратностей войны, был так самоуверен, как будто был владыкой над само́й природой: он срывал горы и выравнивал овраги, некоторые моря перекрывал мостами, а на других устраивал протоки, сокращавшие путь»

– Откуда это у тебя? – изумился писатель, который отчётливо помнил, что ничего подобного он никогда Афанасьичу не диктовал.

Чтобы ты совсем не оробел,
чтоб была тыквёшка твоя ёмкой,
продиктую истину тебе –
ты её прочти своим потомкам!

– Откуда, откуда, – передразнил его Полтавцев. – Известно дело, откуда – из книжки Марка Юниана Юстина «Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа»

– Чепуха какая-то, – пробормотал саксаульский айвазовский. – И кому сейчас твой Ксерокс нужен?

– Сейчас, может, и никому, – степенно согласился сторож. – А вот в XVIII веке про него даже одноимённую оперу кое-кто сочинил – был такой композитор Георг Георгович со смешной фамилией Гендель.

– Пендель? – не расслышал прапорщик и заржал над собственносказанным.

– Короче, всё горе в мире от баб, – авторитетно подвёл черту под разговорами на тему семейных отношений бывший текстильщик.

– А ты откуда знаешь? – поинтересовался у него Васюхан, который до этого только молча внимал страшным историям.

– Да уж пришлось, мать честна́я, натерпеться…

После чего все с завистью посмотрели на знатока гендерных отношений – им до таких высот знаний было ещё расти да расти.

А автор, уже и сам исстрадавшись душой от таких ужасных словосочетаний, сам спешит закончить эту тему. Но прежде – вначале **1. Робкий катрен**:

Нет давно ни жёстких правил,
ни устоев, что жестки́:
в нашем мире бабы правят!
А бухают мужики…

, затем **2. Страшный рассказ Васюхана**

Довелось мне после армии года два поработать электромонтёром в одной государственной организации. И вот за этой организацией был закреплён детский лагерь.

– Случайно не «Юный дзержинец»? – поинтересовался педагог

– Нет, – не моргнув глазом, ответил Митрохин. – «Юный дерматолог». Так вот именно в то место на лето посылали одного работника – в качестве электрика. Так как я пока был холост, то в этот раз выбор пал на меня. Кстати, задача моя была проста до крайности – менять перегоревшие лампочки, а также ремонтировать розетки и выключатели. У меня даже была отдельная комната и куча свободного времени, когда я читал книги и потихоньку, чтобы не видел директор лагеря, клеился к девушкам-вожатым.

Но было одно *но* – меня в са́мом начале предупредили: в буфете на раздаче стоит баба Катя! А кто она, что она, не объяснили, но сказали самое главное и одновременно самое страшное – для неё ты лишний рот, так как бюджет питания не предусматривает никакого электрика, так что если и будешь что-нибудь получать, так это максимум полпорции гарнира и самую маленькую котлетку!

Я, братва, из конголезцев –
у меня менталитет:
чтоб как следует наесться,
нужно 40 мне котлет!

«Да мне бы, царица лесная, такой, как выражается мой друг Володя, рацион, так его бы хватило до са́мого вечера!», подумал один из слушателей. «А если вечером ничего не прибавится, так во сне не будет заметно…»

– К тому времени, – продолжил рассказ старший джус, – я уже после армии отъелся, и мне, в принципе, хватало даже этого, да и вожатые иногда подкармливали на ночных посиделках.

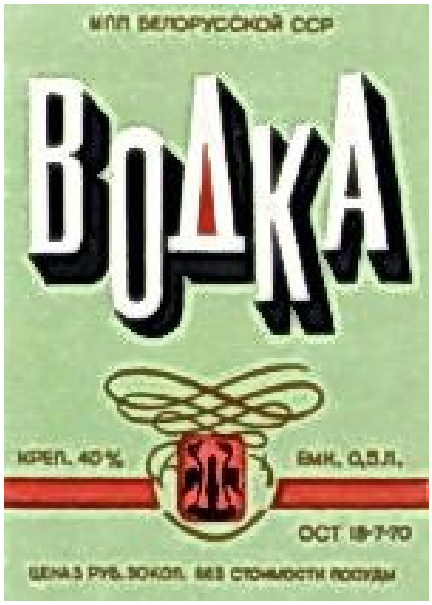
И вот однажды ко мне в подсобку прибежал пацанёнок из младшего отряда и поведал, что его послала баба Катя. Я отложил томик Пушкина[186] и побрёл выполнять работу. Выяснилось, что на кухне сломалась электрическая мясорубка, из-за чего производство котлет для всего пионерлагеря оказалось под угрозой.

[186] Редакция издательства напоминает, что хотя это не фантастический роман, но всё-таки художественное произведение, где автор может позволить себе любую вольность – в пределах Угловного кодекса Республики Саксаулия – прим. гл. редактора

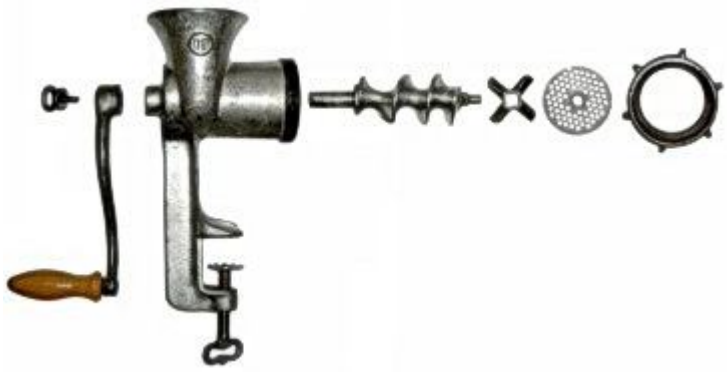
Плохо было и то, что о ЧП уже было доложено директору, который на всякий случай даже озвучил крайнюю меру – вскрыть рыбные консервы, а потом провести с личным составом октябрят и пионеров беседу – на предмет того, чтобы они ничего не рассказали об инциденте своим родителям. Баба Катя мрачнела на глазах: котлеты для детей она делала уже 30 лет и считала их (котлеты, а не эти десятилетия) единственной достойной едой для подрастающих организмов.

Об этом знает и индуска,
и не забыть никак нельзя:
котлеты – лучшая закуска
под «коленвал»[187], мои друзья!

[187] Народное название водки со специфически нарисованным названием. Обратите внимание и на её цену – 3 рубля 50 копеек. Если добавить к ней стоимость само́й бутылки, то получится число, известное всей стране – знаменитые 3.62! – прим. автора



И вот тут настал мой звёздный час. Я увидел, что поломка пустячная, и спросил бабу Катю, сколько у меня есть времени, чтобы починить агрегат, и чтобы она успела накрутить свои котлеты. Она ответила, что не более получаса, так что я, пыхтя и сопя, 28 минут добросовестно крутил и потом вновь откручивал гайки и болты, а потом за две минуты поставил на место разболтавшийся шнековый вал с *левозаходной* резьбой.



Именно вот этот винтик ⬆ и есть шнековый вал!

Закончив работу, я залихватски подмигнул бабе Кате, от чего она даже покраснела, и был таков. На обед же я, как обычно, пришёл последним, и баба Катя, так же залихватски подмигнув, неожиданно выдала мне огромную тарелку, полную пюре. Котлет я в ней не увидел и посчитал, что это какой-то прикол. «Может, она обиделась на моё самодовольное подмигивание?», подумал я. «Всё-таки разница в возрасте у нас лет в 30…»

– А, может, святой Малевич, она подумала чего другого? – выдал свою версию второй слушатель из числа сочувствующих.

– В общем, когда я начал есть пюре, то под ним, скрытые давленой картошкой, оказались целых четыре котлеты! А подмигивание бабы Кати не выходило у меня из головы весь день. Мысли меня преследовали такие: «Она дала мне четыре котлеты! Зачем? Что ей от меня нужно? А вдруг она потребует от меня *некой* отдачи?!»

Мы, конечно, вовсе не герои,
но вполне допетрим дать на чай:
отдаём мы женщинам *святое*,
а они взамен: «Бабла давай!»

– Да, такое, мать честная, изредка случается, – перебил его третий слушатель из числа сторожей-охранников.

– Серёжа, не перебивай, мать моя партия! – попенял ему четвёртый слушатель из числа саксаульских преподавателей еврейских колледжей и даже, видимо, для того, чтобы до Афанасьича лучше дошло, погрозил ему пальчиком.

– Короче, ночью я заперся на все замки и даже на всякий случай прислонил к двери тумбочку. А потом достал из заначки почти литр местного самогона, который мы с вожатыми покупали в ближайшей деревне, и выдул его весь!

После рассказа Митрохина настало тягостное молчание, которое нарушил пятый слушатель из числа гениальных писателей. Он, применив нехитрую марсианскую технологию *фллъъъггрръъаъ*, заглянул на страницу 213, ещё раз прочёл название васюханской истории и спросил:

– Старичок, а почему ты, яйчики-бабайчики, назвал свой рассказ страшным?

– Так ведь я после этого *недолитра* утром ничего не помнил! А вдруг что-то было?!

, и, наконец, **3.** завершающий тему стишок под названием

Об укреплении брака

Чтобы к этой теме подступиться,
с вами аллегорией одной
я хочу сегодня поделиться:
болт и гайка – это муж с женой!
Болт, и в том *иблис* ему поможет,
попрошу вниманье обратить,
из законной вывинтиться может
и совсем другую навинтить.
Как механик, рассуждаю здраво:
к гайке контрагайку навернуть,
гайку затянуть ключом направо,
контрагайку влево затянуть.
Болт теперь из этой пары гаек
невозможно вывинтить никак!
Налицо рецепт народных баек –
тот левак, что укрепляет брак…

♠ ♠ ♠

В заключение хочу добавить,
извинить прошу за прямоту:
чтоб семью от ржавчины избавить,
соблюдайте в резьбах чистоту!

Глава 88. ВОТ НОВЫЙ ПОВОРОТ!

Надеюсь, ты, читатель, не будешь спорить, что бывают люди, которые по неизвестным науке причинам не меняются с годами: они делаются толще или, наоборот, подсыхают, они достигают каких-то высот или опускаются ниже уровня городской канализации, но все эти перемены касаются только их внешних проявлений, никоим образом не затрагивая внутренней сути этих удивительных людей. Кто-то появляется на свет вечно брюзжащим, всем на в свете недовольным стариком, а кто-то умирает, прожив долгую жизнь, и ухитрившись при этом остаться десятилетним мальчиком. Ну, или девочкой, поскольку женщина, по непроверенным слухам, тоже человек.

Такими же людьми, на взгляд философа Кулемзина, были все остальные, кто сидел сейчас рядом с ним на покерной скамеечке. И лучше чего-то другого эту доморощенную теорию подтверждала великая *русская кочерга*. Так, если Полтавцев по жизни был законченным придурком, то таким он оставался и в покере, а Курманбаев, привыкший хитрить и ловчить, научившийся этому коммунистическому искусству в своих тухлых ячейках, занимался тем же самым и в игре.

Так, если Батыршин, будучи человеком военным, привык к точным формулировкам саксаульских уставов, в игре также предпочитал правила, которые были не *плавающими*, а установленными навек. И даже неиграющий Муравлёв в бездумном сидении рядом с игроками проявлял свой неуравновешенный характер, сформировавшийся под впечатлением картин Пабло Руисовича Пикассо, Сальвадора Доменековича Дали и своих собственных, который (характер, а не Дали) выражался в стремлении сидеть смирно и попивать пивко на халяву, но при случае встревать в самые маленькие разговорчики не по существу.

Поэтому когда Володя только успел подумать вот такую мысль: «А не пора ли подёргать этих гавриков за нервные окончания?», он, уловив намерение покерного гуру возобновить прерванную игру, тут же завёл старую шарманку сразу на три темы: во-первых, посетовал на то, что пиво снова закончилось, во-вторых, выразил стремление рассказать ещё несколько жалостных историй на семейную тему, хотя она, надо признаться, несколько поднадоела не только нашим игрокам, но даже автору, и, в-третьих, начал подталкивать сидевшего рядом с ним Васюхана, шепча ему на ухо, что все его истории такие интересные, что лично он с удовольствием послушал бы их ещё штук пятнадцать!

В мыслях диких утопая,
забывая имена,
тот игру нам прерывает,
кто не петрит ни хрена!

Но остальная хевра, пропуская неважное, услышала только призыв к пиву, после чего с надеждой посмотрел на спонсора коллектива. И Альбионычу не осталось ничего другого, как с грустью объявить следующее:

– Как вы знаете, други мои, лучшее всегда впереди. И чем дальше, тем дальше оно впереди…

«Как это, мать честная?», подумал один умирающий от жажды.

«Как ёперное это?», подумал другой.

«Как это, мать моя партийная организация?», подумал третий не жилец.

«Как это, святой Малевич?», подумал четвёртый.

– А это, други мои, – закончил тронную речь марсианин, – означает генеральный план предстоящего сражения – из трёх частей: первая – игра до середины партии, то есть до средней *тёмной*, вторая – поход за пивом, и третья – игра до завершающей *тёмной*. Кто не согласен, яйчики-бабайчики, пусть вслух озвучит своё гнилое решение, а потом попросит меня сходить домой – принести заначенный в одной из моих секретных комнат импортный револьвер 1865 года системы «Chamelot Delvigne»[188], и я с удовольствием предоставлю этому гаду из наших славных рядов возможность застрелиться!

[188] «Шамело-Дельвинь» – название ряда револьверов, созданных бельгийцем Жозефом Шамело из Сен-Жиля и французом Анри-Густавом Дельвинем из Парижа, и состоявших на вооружении ряда европейских государств во второй половине XIX века – прим. воен. редактора

Я уезжаю к другим горизонтам –
меняются людт, меняются лица:
мне хочется выйти, мне хочется выпить,
мне хочется выпить и застрелиться!

Потрясённому этим страшным выступлением коллективу не оставалось ничего другого, как подчиниться тирану, то есть приступить к игре. Особенно был потрясён живописец Николаич, и это потрясение обозначилось тем, что он нервно схватил покерную колоду и стал быстро, как будто несколько лет учился в ПШК[189], сдавать карты всем присутствующим, включая себя и Васюхана – пока колода не закончилась. Никто не успел опомниться, как перед каждым лежало по 9 карт, а Валера вертел в руке последнюю оставшуюся карту. А чего было удивляться, когда всего карт в колоде, как уже известно моему читателю, было 55, а людей за покерным столиком 6, так что элементарная арифметика в виде уравнения 6 х 9 = 54 и дала искомый результат.

[189] Покерная Школа Кулемзина – прим. автора

Наконец Володя пресёк это безобразие, отобрав колоду у расстроенного Муравлёва, и сдал по одной карте, чтобы определить, кто же начнёт очередную партию. На этот раз самое крупное значение выпало Курманбаеву – какой-то король[190] против цифровых значений карт остальных игроков. И это было неплохо, так как при сдаче Нуртая первый ход (и, соответственно, первую заявку) делал сидящий за ним Талгат, а первый, как показывает статистика, в 94 случаях из 100 заказывал одну взятку – *втёмную*, тогда как остальные отпасовывались.

[190] Это так: в данном случае по правилам игры неважно, какой масти оказываются открытые карты – учитывается только их номинал – прим. автора

Так и произошло, а вот дальше всё пошлó немного не по сценарию: персональная Сука-судьба старшего прапорщика именно в этот момент вспомнила о пресловутых 6 процентах, когда происходит иное развитие событий, и подсунула Батыршину некозырную двойку, а всем остальным – козыри, и взятку, поморщившись, забрал всё тот же педагог, у кого козырь оказался крупнее остальных.

Остальным всем – по инфаркту
плюс горячий пулемёт:
у меня такая карта,
что Наполеона бьёт!

А почему поморщившись? – спросит читатель. Да потому, объяснит ему автор, что в случае сыгрывания заказанного паса Мусаич мог получить 10 очков в раскладку, то есть 5 удвоенных, а так получил лишь 2 очка, то есть удвоенный перебор в 1 очко. Остальные (кроме, конечно, Салихдзяныча) тихо радовались своему счастью, получив по 10 очков за правильно сыгранный пас. И ещё потому поморщился верный ленинец, что эта локальная неудача была слишком маленькой, да к тому же в начале партии, чтобы можно было огорчиться ею по-серьёзному.

Я в депрессию тихо сползаю,
так небрежно сыграв этот пас:
если б правду узнал до конца я,
то верёвку бы мылил сейчас!

А вот дальше игра пошла по сценарию, который всегда нравился художнику: она оказалась довольно ровной и спокойной, когда практически никто не начинал нервничать больше остальных, и вместе с игровым процессом за покерным столиком начинали произноситься звуковые версии происходящего, а иногда даже шутки и прибаутки. Радовался этому и антенщик Митрохин, смирно ожидающий середины партии, чтобы вызваться добровольцем и быстренько сбегать за пивком, пока же он сидел рядом с Валерой и пытался вспомнить, как звали его жён, с которыми он когда-то развёлся. А игра между тем продолжалась – с переменным успехом для каждого покериста.

Так, увидев очередной пришедший роббер, военный музыкант стал томиться, как турок на колу. Сейчас он выглядел чрезвычайно растерянно, словно потерявшаяся в толпе маленькая девочка, и, чтобы придти в себя, даже в раздражении почесал себя за ухом, точно большая блохастая собака. «Светлый праздник», поглядев на него, умиротворённо подумал Альбионыч.

Так, большевик Куманбаев, неожиданно получивший от Суки-судьбы два джокера на роббере из шести карт, быстренько разделался с соперниками, правда, перебрав при этом две взятки, и теперь сидел и цвёл, как девушка после развода с придурком-мужем, старшим её на 64 года. При этом и Кулемзин, и Полтавцев, и Батыршин пролетели на одну взятку, что лишило их 25 очков, и теперь вразнобой, но одинаково горячо пеняли преподавателю еврейского колледжа на его чёрствость, бесчувствие, сухость по отношению к товарищам, бесчеловечность, бездушие и негуманность, причём, большинство этих нелёгких эпитетов произнёс сторож Афанасьич, которому в начале года писатель подарил толстый «Словарь синонимов русского языка»

Я один в своей вселенной
слишком в знаниях горю:
изучив словарь толстенный,
я по-русски говорю!

После этой маленькой *локальной* победы Мусаич сидел гордый, словно дважды кавалер трёх степеней Чего-то, и на все обвинения в свой адрес молчал, как будто ему с утра прижгли участок мозга, отвечающего за речь, тогда как остальным только приходилось время от времени стискивать зубы до стоматологического скрипа, а «шибко грамотный» Володя, как называл его охранник, даже вспомнил (к месту ли? – Вл. Г.) странную поговорку на санскрите: «Ганге кери саркара», которая переводилась также странно, как и звучала, то есть «Словно немой попробовал вкус сахара», но вслух её произносить не стал, чтобы не расстраивать проигравших ещё больше, а просто виртуально провёл серию сокрушительных ударов по организму Курманбаева из арсенала карате: *эмпи джодан атэ*, или удар локтем в живот, *шуто гонмен учи*, или удар ребром ладони в голову, и напоследок *уракен шито учи*, то есть удар в солнечное сплетение!

Глава 89. ВОТ НОВЫЙ ПОВОРОТ! (продолжение)

Организм педагога трижды дёрнулся, после чего он с подозрением покосился на Володю, у которого из всего оружия, известного планете Земля, в это время в руках была только карточная колода.

– И чего ты уставился на меня, сынок, как монах на пивную? – поинтересовался он у Нуртая.

– Да я ничего, мать моя КПСС, – привычно соврал коммунист. – Вот сижу, вспоминаю: кому сейчас следующий роббер сдавать.

– А тебе и сдавать, – ответил писатель и придвинул колоду к интересующемуся.

Курманбаев вздохнул, словно собрался взяться за тяжёлую и малооплачиваемую работу, и начал сдавать очередной роббер из семи карт. Выражение его лица при этом было такое, что знаток всего на свете вспомнил кинематографический термин нуар[191], применяемый к голливудским криминальным драмам 40-50-х годов прошлого века, в которых была обязательно запечатлена атмосфера пессимизма, недоверия, разочарования и цинизма, характерная для американского общества во время WWII[192].

[191] От фр. film noir, то есть чёрный фильм – прим. киноредактора
[192] Сокращение от World War II – Вторая мировая война – прим. ист. редактора

Побывав 5 раз на плахе,
понял я, куда идти:
пессимизм, цинизм и страхи –
вот на жизнь мои пути!

– А можно я первый скажу? – обозрев свои богатства, которые пришли к нему как во сне, вдруг закричал Полтавцев.

Кулемзин, являющийся в это время не только игроком, но и *записывающим*, посмотрел в *раскладку*, а потом на сидящих друг за другом игроков – по часовой стрелке, и отрицательно покачал головой:

– Нет, Серёжа, раз сдавал Нуртай, значит, первым заказывающим должен быть Валера, сидящий за ним, но так как Муравлёв участия в наших *бирюлях* не принимает, значит, заказывает сидящий за ним Талгат.

– Понятно, мать честна́я, – тяжело вздохнул сторож. – А то я уже хотел три взятки заказать. Но раз нельзя, то ладно – не буду…

Обер-корнет, который было открыл рот, чтобы объявить предполагаемые три взятки, тут же его захлопнул и без колебаний произнёс:

– Ёперный пас.

На всякий случай отпасовался и ленинец, который вовремя вспомнил работу своего кумира Ленина, в которой тот описывал как раз такую ситуацию, рекомендуя делать шаги то вперёд, то назад[193], – как в каком-то малоизвестном африканском танце.

[193] В. И. Ленин «Шаг вперёд, два шага назад (Кризис в нашей партии)», ПСС, т. 8., стр. 185-414 – прим. полит. редактора

Африканцы всех достали,
нынче всяк на них сердит:
негры в Африке сплясали, –
а в Москве земля дрожит!

– Кстати, старик, тебе минус 20! – в это время объявил Альбионыч, обращаясь к уроженцу деревни Семижопино.

– За что, бригадир? – видимо, вспомнив своё хлопчатобумажное прошлое, воскликнул Полтавцев.

– А за то, что ты, яйчики-бабайчики, объявил свои три взятки вне очереди, – объяснил ему ВУЗ, или, чтобы было понятно моему читателю, **В**еликий **У**станавливатель **З**аконов.

«Скажу я вам, как властелин,
который сердцем очерствел:
закон у нас для всех един:

кому́ 5 лет, кому́ расстрел!»

– Так я же сказал, что только хотел… – путано объяснил нарушитель.

– Ничего не знаю, – внезапно проявил сухость покерный гуру. – Я руководствуюсь исключительно правилом параграфа 4 «О преступлениях и наказаниях», в коем есть такой пункт 11: «Игрок, заказавший в очередном роббере взятки вне очереди, наказывается штрафом в 20 очков, списываемых у него в очередной *раскладке* партии». Помнишь?

– Нет, не помню, – открестился от преступления Афанасьич.

– А вот на такое беспамятство есть тот же пункт 11, но с пометкой *прим*, – продолжал давление бескомпромиссный Володя. – И он уже предусматривает списание такому непомнящему аж 21 очка!

– Как это прим? – влез в разговор всё ещё неиграющий антенщик Васюхан. – «Приму», что ли, покурить? – после чего залился весёлым смехом, вспугнувшим быстрых как понос дворовых детей, которые в этот момент беспорядочно бегали по территории Бермудского Учпучмака, видимо, удручённые его несовершенством.

– А вот как, – объяснил объяснялец, после чего для наглядности нарисовал веточкой в пыли под ногами три одинаковые цифры, одна из которых была меньшего размера:

– Нет, нет, ты меня не так понял, – заорал Серёжа. – Я, когда это говорил, немножко забыл, но теперь точно вспомнил! Так что ты свою *приму* мне не рисуй!

«Вот оно – тлетворное влияние на сторожей Республики Саксаулия преподавателей еврейских колледжей», подумал Кулемзин. «Плохо, что такое враньё передаётся соседям по лестничной площадке, но хорошо, что не половым путём…». После этого он оглядел своё воинство и решил предупредить его ещё раз:

– Кстати, мой покойный друг Кун-цзы[194] как-то говорил мне во время чайной церемонии о том, что соблюдение ритуалов – это основное отличие цивилизованного человека от дикого животного.

[194] Китайское имя Конфуция, древнего философа и мыслителя – прим. философ. редактора

«Как ритуалов?!», мысленно вскричал художник Николаич, у которого это слово всегда ассоциировалось только с предполагаемыми ритуальными услугами – после беспрерывного, в течение трёх месяцев употребления черноплодных напитков – без закуски.

«Пьёшь без закуси? Не смей!»,
говорил зануда.
«Без закуски пьянка – смерть,
а с закуской – чудо!»

Но он тут же успокоился и порадовался тому, что игра идёт, как всегда нравилось именно ему, то есть с посторонними разговорчиками.

Но вот был сыгран и этот роббер, не принесший счастья большинству игроков. Такое случалось почти всегда, когда к кому-то одному приходила хорошая карта, но он, не стараясь взять свои заказанные взятки, начинал идти по неверному пути большевика Мусаича, который вместо того, чтобы немного *подняться* самому́, предпочитал немного опустить игровые показатели других. Конечно, это можно было списать на один из приёмов сражения, если бы именно этот приём не применялся так часто.

Знают бубны, знают кресты
этот покерный секрет:
сделать пакость – дело чести,
если чести этой нет!

Кстати, на эту тему можно было бы рассуждать ещё и ещё, если бы автор, немного отвлёкшийся на посторонние размышления, не услышал голос всё того же живописца Муравлёва, которому очень хотел продолжения такого отвлечения от игры:

– А этот Ку-Цы́й, святой Малевич, больше ничего не говорил?

– Говорил, конечно, – подтвердил штатный энциклопедист Великого ▲. – И даже иногда писа́л. Например, в одной из своих монументальных книжек он утверждал, что чем естественнее ведёт себя человек, презрев ритуальные ограничения, тем у него обширнее так называемое Поле Добра, – ибо по природе своей человек не дикий зверь, но существо, рождённое для гармонии с Миром.

– Вона как, – поразился художник, уловив в цитате Альбионыча аж три слова с прописной, или как он их называл, *большой* буквы.

А Кулемзин, вздохнув, резюмировал этот посторонний разговорчик, произнеся:

– Короче, умный народ китайцы, потому и почитают до сих пор только Лао-цзы[195], имя которого, кстати, переводится как Старый Младенец…

[195] Лао-цзы – древнекитайский философ VI-V веков до н. э., автор классического даосского философского трактата «Дао Дэ Цзин» («Книга пути и достоинства») – прим. философ. редактора

Поглощая абрикосы,
лыс, умён, хитёр, мастит,
в Поднебесной всяк философ –
по-китайски говорит!

Глава 90. ВОТ НОВЫЙ ПОВОРОТ! (ещё одно продолжение)

Вот так насухую, ибо пивко закончилось ещё до начала текущей партии, наши игроки и сочувствующие им Валера и Васюхан подошли к средней *тёмной*, которая арифметически являлась как раз серединой битвы, ибо до неё было сыграно 13 робберов и после неё нужно было сыграть ещё 13.

Володя, в своё время объяснявший своим персонажам правила *русской кочерги*, старался не педалировать эти повторяющиеся цифры, так как знал, что все знакомые ему художники, сторожа́, педагоги, музыканты и антенщики – люди чрезвычайно мнительные и подверженные разным глупостям типа народных примет, касающихся именно этого числа, которое в его понимании ничем не отличалось от других. Он даже знал, что у таких людей иногда заводится болезнь трискаидекафобия, то есть боязнь числа 13.

Я люблю число 13 –
также, как число 15!

И в этот момент, то есть тогда, когда карты для совершения обряда средней *тёмной* были розданы, начались мучения, которые начинались всякий раз, когда надо было, не видя карт, делать заявки, причём, очень ответственные, ибо от этого важного роббера зависела иногда вся дальнейшая игра, а иногда даже и её концовка. Мучения начались с того, что трое игроков, не сговариваясь, хором попросили записывающего Кулемзина *огласить весь список, пожалуйста*, как это до них делали алкоголики и тунеядцы из фильма Гайдая про студента Шурика.

А список, надо сказать, радости не прибавлял: на первом месте неожиданно обнаружился старший трубач Батыршин, который в ожидании халявного пивка давно плюнул на всё происходящее и играл как попало, чем, видимо, и вызвал некоторое уважение Суки-судьбы, коя не любила, когда подотчётные ей человечки что-то загадывают самостоятельно, на второе место с трудом пробился литератор, на третьем с таким же усилием удерживался член КПРС[196] Курманбаев, а четвёртую покерную лошадь, как это бывало часто, оседлал неунывающий сторож Афанасьич.

[196] Коммунистическая партия Республики Саксаулия – прим. автора

Что у коня бока худы,
ему нисколько не мешает,
ведь он не портит борозды,
а даже лунки улучшает!

Ему приходилось сейчас труднее всего: во-первых, заявки меньше трёх взяток *раскладка* не принимала, а взять 3 из 12 при наличии ещё троих вооружённых до зубов противников было невероятно сложно, во-вторых, при его отрицательном балансе, хотя и небольшом – в минус 18 очков, рисковать было очень опасно, и, наконец, в третьих, Серёже в этот момент стало просто страшно. Было здесь, правда, и в-четвёртых, а именно: если всё сложится удачно и он возьмёт свои три взятки, то его личный счёт сразу же будет весьма впечатляющим – в гигантскую для охранника сумму + 102 очка!

Надо заметить, что подобные терзания имели место быть и в душах остальных его сопокерников, вот почему автор и посвятил такому, казалось бы, не слишком важному действию, как заказ взяток, столько внимания и, соответственно, строчек. Но игра, как завещал в своей песне[197] Фредди Меркьюри[199], должна была быть продолжена, и она продолжилась: все четверо игроков заказали по три взятки и приступили к реализации своих безумных планов, нисколько не похожих на планы напряжённых советских пятилеток.

[197] «The Show Must Go On» («Шоу должно продолжаться») – песня британской рок-группы «Queen» из альбома «Innuendo»[198] 1984 года – прим. муз. редактора
[198] «Недосказанность, косвенный намёк» – англ.
[199] Урождённый Фаррух Бомиевич Булсара – британский певец парсийского происхождения, автор песен, вокалист рок-группы «Queen» – прим. муз. редактора

И реализация эта началась с того, что после всех записей в *раскладку*, участники битвы с тревогой открыли пришедшие робберы и принялись за их изучение. И если бы неучаствующие в игре Валера и Васюхан имели такие же навыки (прости, русский язык!) в физиономике, какие были у покерного гуру, то они наверняка бы заметили, что карты получше сейчас пришли Альбионычу и Афанасьичу, а похуже Мусаичу и Салихдзянычу.

Не доводите до инфаркта,
пока не прозвенел звонок:
кому придёт какая карта,
не знает даже мифобог!

Первым ходил военный музыкант, и ход его, как оказалось, был страшным практически для всех. Талгат прицелился и выстрелил на покерный столик главную карту в колоде – пиковую семёрку, или Его Величество Покера:

– По ёперным джокерам!

Здесь надо заметить, что этот привычный всем русским, а также саксаульским поке-

ристам ход имел катастрофические последствия: Сука-судьба в этот раз распорядилась так, что и у Володи, и у Серёжи, и у Нуртая оказались как раз по одному джокеру, которые они чуть не плача отдали на поругание милитаристскому прапорщику. Правда, как ходить дальше, еврейский зять ещё не придумал и не нашёл ничего лучшего, как пойти козырным королём.

В порыве страсти и азарта
порой туза страшней валет –
тогда и слабенькая карта
приносит ~~много нам побед~~…
нам немало бед!

И тут неутомимая Сука-судьба, которая, как выяснилось, внезапно полюбила Талгата больше других, выкинула очередной фортель. А заключался он в том, что в отсутствие *грандов* самой большой картой оставался козырной туз, и вероятность того, что именно он сейчас был не у кого-то у игроков, а притаился в мини-колоде всего из шести карт, не принимающих участия в сражении, была крайне мала, а именно 0,00871 процента.

И этот фортель сработал! Кряхтя и внутренне негодуя, противники татарина были вынуждены скинуть по своим маленьким козырям, а марсианин в этот нелёгкий момент даже вспомнил свой старый афоризм:

Всегда будь готов к тому, что
в любую секунду может случиться такое,
к чему ты окажешься не готов.

– Ну, у нас прямо война, – загорелся глазом охранник, ещё не до конца почуявший запах поражения. – Почище империалистической!

С трудом пережив ход старшего трубача, Володя внезапно вспомнил судьбу Индиры Джавахарлаловны Ганди, застреленной собственными телохранителями: так и не поняла мудрая дама, что опаснее всего тот, кто ближе. В этот момент он почувствовал, как у него закружилась голова и даже решил, что наступил так называемый *эффект санитара*: чем больше времени находишься с психами, тем хуже себя чувствуешь.

Ведь я хороший? Вот скажите мне на милость,
и врач тогда меня отпустит и поймёт:
я буду в мир нести добро и справедливость,
лишь только дайте мне хороший пулемёт!

А как же утверждение в конце прошлой страницы, что к Салихдхянычу пришла карта похуже? Неужели ошибся автор?! А вот и нет: во-первых, это было *двойное* предположение – о том, что если бы художник и антенщик имели такие же навыки, как у писателя, и, во-вторых, что они *могли бы* заметить. Но – не случилось ни того, ни другого, в результате чего Батыршин резво продолжил своё злодейское дело в отношении всего коллектива, правда, до той поры, пока у него не кончились козыри, поэтому сказать, что игра уже сделана, было бы неправильным…

Глава 91. ВОТ НОВЫЙ ПОВОРОТ! (и ещё одно продолжение)

Осталось разыграть ещё 6 взяток, и это невысказанная весть, правда, хорошо известная всем игрокам, придала им ещё больше кому смелости, кому наглости, а кому и отча-

яния – из-за того, что к этому моменту у этого кого-то просто окончились хорошие карты. Сейчас всё решали так называемые *крупняки*, ибо уже ни у кого не было ни *грандов*, ни козырей. И тогда неукротимый музыкант, окончательно вошедший в раж всехпосадительства, зашёл с туза, и автор даже не уточняет, какой масти был этот туз, ибо в данной ситуации любой туз был самой большой картой в игре.

Должен в картах всяк быть равным,
но ведь есть и допуски:
туз – начальник самый главный, –
если джокер в отпуске!

Применив этот нехитрый приём и виртуально облобызав Суку-судьбу за то, что она одарила его такими картами, да ещё и на *тёмной*, Батыршин в конце концов нахапал аж семь взяток, оставив на круг всего пять, тогда как трое игроков всё на тот же круг заказали девять взяток. В общем, кроме военного трубача, вовсю трубившего «Марш 11-го гренадерского Фанагорийского генералиссимуса князя Суворова полка» в честь своей незаслуженной победы, пролетели все остальные: Володя на одну взятку, а Нуртай и Серёжа – на две.

И тут случилось то, что иногда случается в *русской кочерге*: хотя старший прапорщик и поднялся на 14 очков, то есть 7 удвоенных, а литератор опустился на 50, но общее количество очков у них неожиданно сравнялось – по 226. Мой читатель, вероятно, уже забыл, что такое положение игроки остроумно называли *присесть на одном гектаре*, и эта ситуация почти всегда провоцировала дальнейшее обострение борьбы, так как никому из двух *присевших* не хотелось уже в следующем роббере быть вторым.

Иные заботы были у крупно (по 90 очков каждый) пролетевших педагога и сторожа. Они оба сейчас были похожи на братьев-близнецов, несмотря на то, что у Курманбаева глаза от горя стали ещё у́же, чем этот параметр заложила в них восточная природа, а зенки Полтавцева с мешками, напоминающими мокрые и грязные картофельные мешки, напротив, были заплывшими, словно он никак не мог оправиться от затяжного сна.

Порок у пьяницы стабилен,
ведь пьяница в пороке слаб:
глаза его от сна заплыли,
но гады врут, что от бухла!

В общем, оба соседа из дома № 16 активно предавались унынию. А всё почему? Да потому, что один из них никогда не встречал афоризм Кулемзина ни в одной партийной книжке, а другой никогда не записывал его в свою знаменитую на весь Бермудский Уч-пучмак книжечку «Для му.мы.». А звучал этот афоризм так:

Лучший способ борьбы с унынием и сентиментальной мутью – это подойти к проблеме с чисто технической стороны!

Что же наш герой называл чисто технической стороной? Да просто обычный плевок! Чтобы изгнать своё уныние, он плевал на проблему, забывал её и продолжал жить дальше, наживая проблемы уже другие.

Да-да, уныние давно стало смертельным врагом успеха и благополучия, и особенно хорошо это было известно военным, врачам и и так называемым священнослужителям, которые даже занесли его в список семи смертных грехов – кстати, под номером 7. Поэ-

тому Альбионыч, которому расслабляться не давали ни опыт житейский, ни опыт *игроцкий*, на свою локальную неудачу отреагировал спокойно, всего лишь засвистев квартет из третьего действия «Риголетто» Джузеппе Карловича Верди, причём, волнение его выдавало то, что он сейчас старался свистеть сразу за всех героев квартета – Герцога, Маддалену, Джильду и Риголетто!

Музыкантов неких се́рдит
вот такой порыв благой:
«Риголетто» Д. К Верди
по мотивам[200] В. Гюго!

[200] Действительно, опера «Риголетто» написана по мотивам пьесы Викто́ра Жозефовича Гюго «Король забавляется» (1832) – прим. муз. редактора

Отсвистев весь квартет, Альбионыч немного успокоился и решил поддержать других страдальцев, включая Валеру и Васюхана, которые уже начали посматривать на удачливого военного слишком косо.

– На жизнь, други мои, – произнёс он и пальцем показал Полтавцеву на котомку, – надо смотреть позитивно. Например, если вас долбануло током, то в этом, яйчики-бабайчики был не только минус, но и плюс.

Серёжа также посмотрел на свой хурджин, но ничего не понял, поэтому заветный блокнотик не достал, а только отозвался своим счастливым воспоминанием – из жизни в деревне Семижопино:

– А меня в детстве, мать честна́я, однажды сильно ударило током!

– Так ты что, до сих пор ждёшь сверхспособностей? – улыбнулся марсианин.

– Надо же, – пробормотал коммунист, отворачиваясь от Афанасьича в сторону, – мужику шестой десяток идёт, а всё дурак дураком…

Но оказалось, что реанимационное «Жигулёвское» неожиданно благотворно повлияло на уши сторожа, которые вдруг заработали как советская радиолокационная система П-15, или «Иртыш». Уловив всё, о чём только высказался Мусаич, охранник не стал спорить с соседом по лестничной площадке, а на этот раз всё-таки вытащил любимую книжечку «Для му.мы.» и быстро записал на её чистой страничке синим концом карандаша: «Если вам уже за 50, и вы абсолютно ничего не достигли в жизни, значит, вы честный и порядочный человек!»

Трижды перечитав написанное, он уловил его суть, после чего только что сваянный афоризм бывшему текстильщику страшно понравился. Сторож горделиво приосанился и застыл в такой позе, словно собрался сфотографироваться для доски почёта городского дурдома № 1, расположенного на улице Каблукова.

– Серёжа, – толкнул его в бок сидящий рядом Митрохин. – Ты чего так застыл?

Охранник словно бы проснулся, оглядел всех и ответил почему-то Володе:

– А? Чё? Кого?

– Да, сынок, кажется, подтверждается старая археологическая истина, – резюмировал литератор. – Больше всего окаменевших жителей Помпеи было найдено именно возле плаката с планом эвакуации!

Казалось, ад раскрыл объятья:
летели камни и песок,
дрожали, сотрясаясь, зданья,
и, рушась, падали у ног!

И вот тут выяснилось, кто же больше всех в коллективе в это мгновение любит пиво, ибо никто иной, как живописец, неожиданно проявил фантастическую память.

– Володя, – волнуясь произнёс он, – а ты помнишь, святой Малевич, что обещал взять ещё немножко пивка сразу же после средней *тёмной*?

– Нет, – решительно открестился от такой перспективы перманентный спонсор хевры. – Я такого не обещал.

Знатные бермудцы тихо зароптали.

– А обещал я, други мои, что *поспособствую* такому взятию. Правильно?

– Точно, царица лесная! – восхищённо воскликнул Афанасьич.

– А вот мне лично кажется, мать моя партия, – вставил свои три партийные копейки ленинец, – что именно Володя обещал сходить по нужде для всего коллектива!

– Ты, Нуртай, высоким образованием не дави, – солидно произнёс Полтавцев. – У самих не хуже! Просто поверь на́ слово, что у меня память лучше твоей.

– Почему это, мать моя партия? – взвился Курманбаев.

– Да потому, – ещё солиднее подтвердил Серёжа, – что лично у меня, как завещал поэт Коекаковский, «к мандам почтения нету!»

Ещё при жизни был воспет,
но спа́ло время вертикали:
в гробу ворочался поэт,
когда строку перевирали!

«Да, раньше люди были гораздо чувствительнее», подумал Кулемзин, «их добрые чувства можно было пробудить лирой[201], что, согласитесь, намного меньше рубля![202]»

[201] Итальянская лира – денежная единица, имевшая хождение в Италии, Сан-Марино и Ватикане до введения евро – прим. фин. редактора

[202] Например, в 1979 году за 1000 итальянских лир давали 79 копеек – прим. фин. редактора

Глава 92. ВОТ НОВЫЙ ПОВОРОТ! (почти окончание)

«Подождите, подождите!», вскрикнул в этом месте мой читатель. «А почему это глава, в которой запланирован поход в магазин за пивом, имеет всё тот же заголовок?!». Да, мой читатель, печально всё это, но ошибки здесь нет. А почему, сейчас поймёшь всё сам.

Так как потенциальных употребляльцев прекрасного напитка было аж шесть человек, вновь возникла необходимость посчитаться – на предмет того, кого Сука-судьба на этот раз выберет скороходом.

– Серёжа, знаешь ещё какую-нибудь считалочку? – обратился к сторожу Володя.

– Конечно, – солидно отозвался Полтавцев и, открыв книжечку «Для му.мы.», нашёл соответствующую страничку, после чего с выражением прочёл, тыкая при этом в сторону каждого потенциального *питока*:

– Как говорил Андрюша Жид[203],
грызя лесной орех:
«Тот в магазинчик побежит,
кто здесь глупее всех!»

[203] Видимо, имеется в виду французский писатель и драматург Андре Полевич Жид – прим. лит. редактора

На этот раз выразительному чтецу крупно не повезло – с последним слогом *всех!* он ткнул в грудь самому́ себе, покраснел, но спорить не стал и требовательно протянул ладонь к покерному гуру. Делать было нечего: Альбионыч, вздохнув, залез в кармашек своей марсианской рубашки и достал из неё купюру покрупнее – для того, чтобы, как выражаются русские в присутствии иностранцев, *два раза не бегать.*

Экс-текстильщик степенно принял купюру и отправился в очередной поход за счастьем, а литератор, глядя ему вслед, тихонько пробормотал:

– Ох, какой же, яйчики-бабайчики, я всё-таки КУБА…

Правда, оказалось, что сидящий слева от него Нуртай отчётливо разобрал все слова́ и, не вникая в их смысл, автоматически прокричал комсомольскую кричалку 60-х годов прошлого ве́ка:

– Куба – si[204], янки – no[205]!

[204] ***Да – исп.***
[205] ***Нет – исп.***

Салихдзяныч, словно давно ожидал команды, стремглав сорвался с места и побежал орошать многострадальные учпучмакские кусты своим отношением к громкому лозунгу педагога.

– Володя, – тронул за плечо товарища художник. – А ты чего это Островом Свободы назвался? Может, скорую вызвать?

– Не надо, друг, – ответил писатель. – Услышанная тобой КУБА – всего лишь горькая аббревиатура по поводу серёжиной *ходки*. А означает она

Кулемзин –
Уничтожитель
Банковских
Ассигнаций

– Да, тебе не позавидуешь, – печально отозвался Николаич.

Но через несколько секунд выяснилось, что произнесённое *не позавидуешь* можно отнести не только к Кулемзину, но и к остальным покеристам и примкнувшим к ним сочувствующим. Афанасьич вернулся из магазина, плюхнул на покерный столик пустую котомку и грустно произнёс:

– Пива нетути.

– А где оно? – глупо спросил Митрохин.

– Кончилось, – горько объяснил сторож. – Калима сказала, что только минут через 20-25 привезут…

Вот теперь, мой читатель, и ты знаешь, почему покерная хевра была вынуждена продолжить свои высокоинтеллектуальные игрища.

Вот мыслишка против шерсти –
к ней пришёл сегодня я:
жизнь без пива хуже смерти!
Вы поверьте мне, друзья…

♠ ♠ ♠

Наверное, читатель заметил,что Кулемзин играл со своими сопокерниками более успешно, чем они с ним, и не только потому, что у него было больше игрового опыта, но и потому, что он давно раскусил главные традиции остальных своих визави. Например,

Альбионыч точно знал, что Курманбаев не только в жизни, но и в *русской кочерге* вовсю исповедовал главный принцип дзюдо – кинуть товарища, Полтавцев играл в карты так, что из двух зол ему обычно выпадали оба, а Батыршин, дольше других приходивший в себя от вчерашнего довольно крепкого «Маршала», кидал карты на столик, словно перед игрой прошёл (прости, русский язык!) инициацию на новое, только что присвоенное ему славянское имя Всехнаспослав. И это знание он постоянно, как выражаются незамужние учительницы арифметики, *держал в уме*, иногда применяя их для победы, а иногда и игнорируя – если карта приходила не просто хорошая, а отличная, как это случилось, например, только что – на роббере из 12 карт.

«Ну что, дети мои», подумал он, «кажется, настал психологический момент, когда каждый ценящий себя поэт говорит своему отражению в зеркале: а не пора ли, мол, приступать к скирдованию?». А мысль эта пришла к нему сразу же после того, как он открыл пришедший роббер и увидел сразу четырёх *грандов* (без козырного туза), после чего подумал снова: «Не знаю, кто пишет сценарий моей жизни, но чувство юмора у него точно есть!»

А ведь с утра мог быть убитым,
могли бы просто проглотить –
смеюсь над каждым днём прожитым,
которого могло б не быть…

После этого писатель как бы в сомнении немного поиграл бровями и, наконец, с трудом выдавил из себя, как бы до сих пор сомневаясь, фразу из двух слов, где главным было только одно:

– Две, яйчики-бабайчики.

Увидев, что опасности нет, остальные осмелели и заказали на круг аж 12 взяток из 12-ти возможных, как бы намекая Володе, что именно он пролетит сейчас на свои две заказанные. Не помню, в каком это было томе, но такая ситуация уже один раз возникала на наших славных страницах. А дело было в правиле, которое редко (как раз из-за того, что нечасто воспроизводилась такая ситуация) применялось в игре, но вот сейчас применилось во всём блеске. А гласило это правило следующее: если к игроку приходили четыре *гранда* одновременно, то текущий роббер не разыгрывался, а счастливчику падало в *раскладку* столько очков, сколько максимально можно было заработать в этом роббере.

Марсианин дождался первого хода – от Афанасьича, затем убедился, что и остальные скинули свои карты, а затем, торжествуя, как крестьянин из известного стишка Сергеича[206], выложил перед изумлёнными сопокерниками все свои карты, положив особнячком пришедшие *гранды*. И надо заметить, что это зрелище было даже похлеще, чем встреча супербогатыря Святогора с земной тягой!

[206] Стихотворение А. С. Пушкина «Зима!.. Крестьянин, торжествуя» (1826) – прим. лит. редактора

С бодуна не раз кончаясь,
я, подобно воробью,
с травкой нежною встречаюсь
и из лужи воду пью!

Это был удар! А пошёл на этот блеф литератор, который всегда отличался крайним миролюбием, только по одной причине: если читатель помнит, то четырьмя страницами

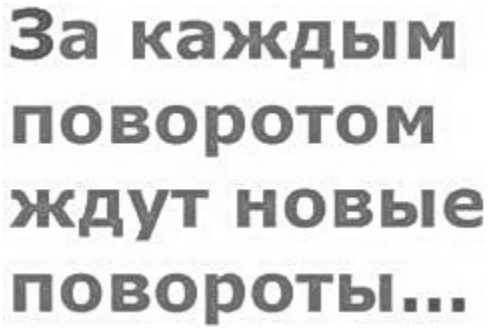
ранее было сказано, что после *тёмной* сразу у двух игроков оказалось по одинаковому количеству очков – 226, и эти двое были как раз Альбионычем и Салихдзянычем. Теперь же, после этого *неигрового* роббера, положение изменилось кардинально: Кулемзин добавил себе 12 очков перебора, так как заказывал только две взятки, и получил на выходе 238, а военному музыканту списал 60, так как тот смело заказал три взятки, но, понятное дело, не взял ни одной, после чего его личный счёт изменился на 166. Значительно пострадали и другие соперники покерного гуру: такие же минус 60 получил Курманбаев, а охранник и вовсе минус 75 – за нереализованные четыре взятки!

Вспоминая об аи[207],
ты не сомневайся:
заказал – бери свои,
не возьмёшь – стреляйся!

[207] Французское шампанское. Современному читателю известно главным образом из стихотворения А. Блока «В ресторане»: «Я послал тебе чёрную розу в бокале / Золотого, как небо, аи» (1910) – прим. лит. редактора

Итак, после такого успеха у Володи образовалось то, что спортивные комментаторы называют *комфортное преимущество*, но писатель знал и помнил. Он помнил о том, что впереди ещё 12 робберов, и в каждом Сука-судьба может выкинуть и не такой фортель, как сделала только что с его противниками, а знал то, что помнить об этом не надо вообще, а, напротив, надо держать голову сухой и трезвой, чтобы быть готовым к любому повороту в игре.

А автор, написав в предыдущей строчке слово *поворот*, неожиданно вспомнил, что уже в пятой главе подряд употребляет это слово в заголовке, не расшифровывая его значения. «Быть посему!», подумал он (автор, а не заголовок) и поставил чуть ниже этой строки следующую *значительную* картинку:



Глава 93. ВОТ НОВЫЙ ПОВОРОТ! (окончание)

И, надо признаться, такой поворот не замедлил случиться! Как уже выяснилось вверху этой страницы, разница после средней *тёмной* у литератора и военного составила 72 очка. И вот этот перевес вроде бы позволял Альбионычу надеяться на успешное окончание партии, до конца которой было ещё 13 робберов. Но мой искушённый в покерных битвах читатель уже знает, как порой неожиданно и быстро меняется общая конфигурация игры, какие причудливые извивы её прослеживаются иногда даже на невинном роббере в 7 карт.

Хорошо по головам
пробежаться вам и нам.
Вот торчит одна – напасть:

может вам помочь упасть.
Эй, товарищ, будь готов
к уравниловке голов!

Кулемзин сейчас заказывал третьим – после Серёжи и Нуртая. Сторож, краем гла́за оглядев пришедшее карточное войско, брякнул про четыре взятки, педагог осторожно объявил две. Литератор, заметив в пришедшем роббере двух младших джокеров и аж пять козырей разного достоинства, посмотрел на уже заказавших и произнёс:

– Четыре.

Салихдзяныч же, будучи человеком со специальным военным образованием, всего за каких-то полторы минуты сосчитал общее количество заказов, получил на выходе из головы 10, после чего решив, что негоже старшему прапорщику бояться каких-то штатских, произнёс ту же цифру, что и Володя, то есть 4. Таким образом, возникла доигровая ситуация, которую сопокерники называли *две рвутся*.

Рвётся там, где очень тонко, –
как в болоте ряски плёнка…

И марсианин сделал то, что делал так часто на страницах нашего романа.

– Мизе́р, – тихо объявил он и, заметив округлившиеся глаза Нуртая, добавил:

– К счастью, яйчики-бабайчики, для всех людей доброй воли…

Но тут произошло то, что также бывает на тех же страницах ещё чаще: Полтавцев, покопавшись в картах, как в муравьиной кучке, неожиданно обнаружил ранее не замеченную карту и радостно проорал в пространство Бермудского Учпучмака:

– Отменяю, мать честна́я!

А теперь, мой читатель, вернись на пару строчек выше и посмотри на словосочетание *замеченную карту*. Как видишь, оно здесь написано в единственном лице, и в таком же единственном лице в серёжином роббере сейчас была пиковая семёрка, или, как называли её игроки, покер. И даже если знать, что именно покер является главной картой в игре, то этого явно не хватает для того, чтобы отменить то, что предложил писатель.

Но в правилах игры, к сожалению, не было прописано о том, чтобы проверять вот такие безответственные слова *до игры*. Оценить их в виде штрафа можно было только после того, как последние карты игроков собьются в одну кучку в виде последней же взятки. Это было очень похоже на армейское правило о том, что сначала выполни приказ командира, каким бы странным он тебе ни казался, а потом уж будь добр обжаловать его – если останешься жив!

Вот такой армейский юмор
(он нам всем необходим):
выполняй приказ, не думай!
Погибай за команди…

Надо ли говорить, как плохо поступил глупый уроженец деревни Семижопино, отменив по своему недомыслию володины расчёты! Это была катастрофа почище так называемого Великого пожара[208] в Москве, когда в конце мая 1737 года в огне оказались дома́ и лавки на Волхонке и Знаменке, в Китай-городе и других районах тогда ещё небольшого города, а также сам Кремль.

[208] Этот пожар историки прозвали Троицким, так как случился он на праздник так называе-мой святой троицы – в период правления императрицы Анны Иоанновны. Позже он стал именоваться Великим – до другого пожара в 1812 году – прим. ист. редактора

Короче говоря, этот ответственный роббер, который мог ещё больше укрепить положение Альбионыча, принёс одно разочарование: покерный гуру пролетел на две взятки, саксаульский обер-фельдфебель тоже на две, Курманбаев перебрал лишних три взятки, получив всего 5 очков, а сам виновник происшествия мало того, что получил штраф за несанкционированную отмену мизе́ра, так ещё и минус 25 очков в *раскладку* за недобранную взятку. В общем, было плохо всем!

– Ну ты, Серёжа, и йодистый дурак! – первым не выдержал с критикой старший прапорщик.

– Да я сегодня просто плохо выспался, – сделал жалкую попытку оправдаться ёкарный кретин.

– При чём здесь спаньё, мать моя КПСС? – взъярился и Нуртай, который вместо задуманных 45 очков получил в девять раз меньше.

– Так когда спишь, то всё хорошо, – туманно объяснил ёперный болван.. – А когда проснёшься, то ничего не помнишь…

Перед водкой все равны,
каждый здесь – какой-то:
забываются все сны,
если спишь бухой ты!

– Да-а-а, – задумчиво протянул Кулемзин, – если долго мучиться, получится именно что-то, но явно не то, что нужно…

Будь то хрен или морковка,
опыт нужен и сноровка!

В общем, не будем утомлять читателей описанием дальнейших «подвигов» Полтавцева и страшных разочарований остальных, а скажем лишь то, что строптивая дамочка Сука-судьба в этот раз явила милость именно к Афанасьичу, да так часто и ловко, что в конце концов вывела его на первое место, правда, с набором всего в 111 очков, но и такого количества хватило для того, чтобы впервые за пять томов нашего повествования получить 4 заветных очка в общий игровой рейтинг. А литератор, преподаватель еврейского колледжа и татарский муж/отец сильно расстроиться не успели, так как услышали некий рёв.

– Пиво везут! – хором заорали дворовые дети, передавая игрокам пламенный привет из мира реальности.

Глава 94. МАРСИАНСКАЯ ЗАГАДКА

После этого невероятного сообщения все игроки и примкнувшие к ним живописцы и старшие джусы страшно оживились и заёрзали на покерной скамеечке, рискуя стереть с неё коричневую краску, которой она была покрашена. Альбионыч хорошо понимал, что разгрузка товара в лавку Калимы будет продолжаться минут 15-20, и, значит, надо было чем-то срочно занять возбуждённый коллектив, иначе… Потом он понял, что этого *иначе* придумать не смог, и решил, что Талгату, Серёже, Нуртаю, Валере и Васюхану не помешает немного понапрягать свои мозги – в решении некоей очередной загадки.

Загадаю вам загадку, –
чтоб вы дали мне отгадку!

– Марсианская загадка, – торжественно объявил марсианин, после чего добавил условие её решения:

– Тот, кто первый её отгадает, получит на 10 очков больше в самом первом роббере – в *тёмной* на одной карте. Согласны?

– А если отгадаю я или Васюхан? – озаботился условием Муравлёв. – Мы же, святой Малевич, с вами пока не играем!

– Тогда 100 очков на тех же условиях, но только тогда, когда вы уже научитесь уважать наш (прости, русский язык!) конгломерат.

После этого с предложенными условиями согласились все, и литератор начал озвучивать загадку.

– Итак, яйчики-бабайчики, идёт экзамен по логике. И вот профессор спрашивает студентов:

– На борту самолёта перевозится 500 кирпичей. Один кирпич неожиданно выпал из самолёта. Сколько на борту осталось кирпичей?

Известно вожаку грачей:
«В полёте – всем не пить:
транспортировка кирпичей –
не ешака купить[209]!»

[209] Фраза из главы XV романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Точная цитата: «– Трамвай построить, – сказал он, – это не ешака купить. / В толпе внезапно послышался громкий смех Остапа Бендера» – прим. лит. редактора

– Не может быть, царица лесная! – воскликнул в это время сторож. – Неужели в самолёте была незапланированная во время полёта дырка? А базовые проверки?! А оперативное обслуживание?! А осмотр самолёта на предмет механических повреждений?! А проверки шасси, входных и выходных деталей двигателей и электрооборудования?! Фар, наконец?!

Писатель, а в данное время рассказчик-загадчик немного поковырялся в ушах, решив, что всё это ему послышалось, и продолжил озвучивать свою занимательную историю:

– И вот один студент, решив, что это лёгкий вопрос, ответил преподавателю, что, мол, кирпичей осталось 499.

– Правильно, – ответил профессор. – Тогда следующий вопрос: как поместить слона в холодильник в три приёма?

– Мать моя партия, а это тут при чём? – не выдержал на этот раз Курманбаев.

– Не мешай проникаться, ёперный Нуртай! – попенял ему Салихдзяныч. – Володя, так что там со слоном?

На этот вопрос студенты ответить не смогли, и профессор сам дал правильный ответ – вот такой:

1. Открыть холодильник
2. Поместить туда слона
3. Закрыть холодильник

– А дальше? – как зачарованный, спросил Полтавцев.

– А дальше профессор спросил этих бестолочей о том, как поместить оленя в холодильник – только в четыре приёма?

Я *тыквою* всегда стабильный –

в мозгах меня не удержать:
кладу животных в морозильник –
чтобы зимою их сожрать!

– И как же? – как зачарованный, спросил Васюхан.

– Подождите, я кажется догадался, – завопил Николаич.

«Вот что значит художественное воображение», обрадовался за товарища Володя и поощрительно дал отмашку рукой, после чего живописец выпалил:

1. Открыть холодильник
2. Вынуть оттуда слона
3. Положить оленя
4. Закрыть холодильник

– Браво, Валера! Когда ты научишься играть, я припишу тебе в раскладку не 100 очков, как обещал, а целых 105!

– Ничего не понимаю, мать моя партийная организация! – пробурчал Мусаич. – То кирпичи, то слоны, то олени какие-то…

– Не понимаешь сам – не мешай не понимать товарищам! – ответил ему только что придуманным афоризмом охранник и, чтобы закрепить сказанное, добавил:

– Мать честна́я!

В подтверждение харизмы
я давно умней компа[210]:
говорю я афоризмы,
ведь мудрее всех в компа…

[210] Принятое в XX веке разговорное сокращение от слова компьютера – прим. филолог. редактора

«А он не такой дурак, как пишет в своём романе «Русская кочерга» некий Вл. Горький», подумал Вл. Кулемзин, а вслух продолжил:

– Итак, у царя зверей льва день рождения! Поздравить его пришли все звери, кроме одного. Почему?

– Я, я знаю! – опять вылез вперёд других Муравлёв. – Потому что олень, святой Малевич, всё ещё находится в холодильнике.

– Молодец! – похвалил его рассказчик, а в рассказе – профессор догадливого студента. – Но – пойдём дальше. Может ли бабуля пройти через болото с крокодилами?

– Ну, знаете ли! – не выдержал преподаватель еврейского колледжа. – Это уже выходит за все рамки онологической логики!

– Ты, сосед, кончай нерусскими словами материться! – ещё раз одёрнул нетерпеливого Афанасьич. – А то сам знаешь, как оно бывает… Володя, прости этого старого дурака и скажи ещё раз, что там с аллигатором?

«Не такой уж я и старый!», мысленно воскликнул большевик, смахивая непрошенную слезу с левой щеки.

Стар я стал, и вот те на –
ведь мозгами словно мал:
почему мне седина
не прибавила ума?

– Я спрашивал: может ли бабуля пройти через болото с крокодилами?

– Конечно, может! – отличился на этот раз старший трубач. – Ведь все крокодилы ушли праздновать день рождения льва!

– Хорошо! А теперь, други мои, самый последний и самый важный вопрос, от которого и будут зависеть ваши предполагаемые 10 очков.

– Давай, царица лесная! – рубанул воздух рукой Серёжа. – Излагай!

– Спасибо, старичок. Итак, излагаю: бабуля прошла через пустое болото, но всё равно умерла. Что же с ней случилось?

Здесь версии посыпались как из худого хурджина Афанасьича.

– Может, сердечный приступ, мать моя КПСС?

– Да нет, наверное, она, вспомнила свою ёкарную свадьбу 70 лет назад!

– Или, мать честная, какой-то один недисциплинированный крокодил всё-таки решил *манкировать* день рождения пахана и сожрал бабушку вместо праздничного оливье!

– Скорее всего, святой Казимир Северинович, – начал рисовать веточкой в пыли под ногами художник, – эта бабка была персонажем другого рассказа – типа старухи Изергиль М. Горького[211]!

[211] Не путать с автором этого романа Вл. Горьким – прим. гл. редактора

«Это, братцы, вам не слухи»,
говорил тот дед в пивной,
«все старухи как старухи,
а моя – всё пьёт со мной!»

Ещё минут через восемь самых ожесточённых догадок, среди которых были даже непри-, все наконец сдались.

– Говори, Володя, – угрюмо предложил сторож, который понял, что не видать ему халявных 10 очков, как своей спины – без зеркала.

– Разрешите сообщить вам правильный ответ, который в своё время сообщил мне мой знакомый профессор Фекалин…

– Это нечестно! – завопил Курманбаев. – Надо было сразу сказать его фамилию!

– И что, она бы привела тебя к верному ответу? – улыбнулся Альбионыч. – Итак… На старушку упал кирпич, который, как вы помните, выпал из самолёта!

Все ошарашено замолчали, обдумывая, как же это они обмишулились.

– Да-а-а, – наконец протянул Митрохин. – Лучше бы ты нам что-нибудь из математики загадал.

– В следующий раз – непременно! – пообещал Кулемзин.

– А я думаю, – произнёс Полтавцев, причём, слово *думаю* у него вырвалось как бы без кавычек, – что никакая математика нам не нужна! Вот есть Володя, он же записывает результаты в *раскладку*. А чего ещё надо?

«Он заносит результаты!»,
подтверждают депутаты.

– Что ты, Серёжа, математика, яйчики-бабайчики, очень нужна человеку, – попенял ему покерный гуру. – Например, лично мне она однажды помогла понять совершенно невозможную вещь.

– Какую, царица лесная? – волнуясь, спросил охранник, и даже на всякий случай приготовил к записи заветную книжечку «Для му.мы.»

– Да, например, такую, что у крокодила есть крылья!

– Как, мать моя Октябрьская революция?! – в очередной раз не выдержали нервы у Мусаича. – А разве они у него есть?!

– Конечно, есть, – объяснил философ без математического образования. – Просто количество этих крыльев, как утверждают зарубежные математики типа Якоба Николаевича Бернулли, равно нулю!

Глава 95. ЯВЛЕНИЕ ИМАРЖАНА

– Смотрите, Калима знаки подаёт! – неожиданно закричал Зоркий Глаз коллектива.

И это, конечно же, был Володя, который в течение дня, в отличие от других пятерых обитателей покерного столика, традиционно употреблял напиток слабослабоалкогольный, то есть исключительно любимое пивко «Тянь-Шань», и зрение его притуплялось куда как меньше, чем у остальных.

И действительно, владелица СОС, или **С**ельпо-**О**азиса **С**частья, как называл магазинчик всё тот же Альбионыч, вовсю работала морским сигнальщиком, призывно размахивая руками. И вот тут все присутствующие осознали, насколько своевременными были её сигналы: на часах, которые в этот момент были только у Кулемзина в виде спрятанных в его телефончик мигающих циферок, показывали уже 13:26, а, значит, отцеябловская жарá, подчиняющаяся летнему календарю, стояла в самом разгаре.

Неугомонное в своей деятельности светило разгулялось так, что у горожан появились реальные опасения, что оно сегодня может уйти в загул. От его (светила а не загула) жáра листья и деревья казались неживыми. Раскалённое небо стояло впритык к крышам домов, окружающих Бермудский Учпучмак, и оттого температура здесь казалась ещё выше, потому что бетонные стенки коммунальных жилищ, вобравшие в себя огнедышащие флюиды, сейчас работали отражателями этого адского тепла, проецируя его именно на покерный столик, стоящий в центре всего этого безобразия.

Кручу бессмысленную ленту
всех лет моих. И без ума
я поклоняюсь всё же лету,
хотя милее мне зима…

Альбионыч уже давно приготовил очередную купюру, но так и не решил, кому вручить её на этот раз. И, наверное, правильно сделал, что не слишком поторопился, потому что с западной стороны, откуда сейчас и били солнечные лучи, послышался голос, не так часто звучащий в нашем романе. Это был сосед писателя, живущий на втором этаже дóма № 17 – сантехник Имаржан, который, отстояв трудную водопроводную вахту аж в пяти точках приложения своих сил, только-только возвращался домой, кстати, неся в кармане замызганной спецовки весьма крупную сумму, предназначенную для кормления и поения семьи.

– Привет, старичок, – поприветстововали его обитатели покерного столика, но не все радушно и благосклонно. Например, в голове Курманбаева, пока он с фальшивым энтузиазмом жал руку пришельцу, вертелись мысли довольно пакостные – типа того, что вот пришёл лишний рот, а Володя всё равно будет его если не кормить, то поить точно!

Без фальшивого испуга
и без криков *та-та мать!*
накормлю сегодня друга
и оставлю ночевать!

– Ёперное пиво будешь? – спросил работягу Батыршин.

– А простого нет? – поинтересовался сантехник.

– Имаржан, не слушай никого, есть и простое, и золотое, – объяснил Володя.

И только он было сунул в руку Полтавцева свою купюру, как новый член коллектива неожиданно вытащил из кармана спецовки такую же и небрежно вручил её будущему скороходу, после чего Афанасьич понёсся в лавку как ломом пуганый сайгак. По дороге, которая заняла короткое время, он всё время повторял себе, что бутылочек надо взять не дважды шесть, как обычно, а дважды семь, и с этим же возгласом «Дважды семь!» ворвался в магазинчик Калимы, чем весьма её перепугал, потому что она автоматически перемножила выкрикнутые числа, на выходе получила 14, но что оно обозначает, не смогла отгадать. Так что оставим двух персонажей нашего блистательного повествования разбираться между собой, а сами волей автора вернёмся за покерный столик, как точку приложения дальнейшего рассказа.

Увидев, что в лице Имаржана пришёл не халявщик, а вполне платёжеспособный гражданин, Нуртай решил ещё раз поздороваться с пришельцем – куда более радушнее, чем в первый раз, и даже было привстал со скамеечки, но вовремя сообразил, что пока он будет стоять, его место как раз будет занято работягой! И то правда, ведь покерная скамеечка, разработанная и смонтированная головой и руками володиного друга Насиба Кураева, как раз предполагала наличие шести задниц на своей ровной деревянной поверхности. А литератор даже вспомнил невинный стишок, только не помнил, кого именно – то ли Фета, то ли Надсона:

На той же я сижу скамейке,
как прошлогоднею весной,
и снова зреет надо мной
ожившей липы листик клейкий…

И вдруг вспомнил, что ни покойный Афанасий Афанасьич, ни такой же покойный Семён Яковлич к этому сочинению не имеют никакого отношения, так как автором на этот раз был сам Владимир Альбионыч!

Между тем технический ум водопроводчика мгновенно справился с проблемой *подселения*: он поставил свой фирменный фибровый чемоданчик, с которым техничил уже два десятка лет, на так называемого попá, хотя получившаяся фигура никак не походила на служителя культа, и опустился на подставленную грань.

Глава 96. САНТЕХНИЧЕСКИЕ БАЙКИ ПРИШЕЛЬЦА

А автор, коему наш персонаж Кулемзин в процессе работы над романом «Русская кочерга» рассказывал множество историй о своих героях, решил – пока Серёжа не вернулся из сельпо – рассказать несколько их (историй, а не героев) как раз про Имаржана, причём, от первого лица, то есть самогó сантехника. Итак…

Байка первая. О трубах по фен-шую

Сантехником я стал случайно: после перестройки, когда отдел, где я работал инженером, сократили, и я решил сделать дóма ремонт, раз уж всё равно не надо было ходить на работу. Ремонт шёл ни шатко ни валко, торопиться было некуда, да и денежные запасы кое-какие ещё имелись. И тут к нам однажды заглянула подруга жены, которая увидела, как я в этот момент ловко состыковываю пластиковые трýбы (всё-таки инженерное образование!), и внезапно предложила подработать у ещё одной подруги, о которой я слышал, но никогда не видел.

Как Лумумба[212], черномазый,
и вонючий, как сортир,
я прочистил унитазы,
только мне не заплати…

[212] Патрис Эмериевич Лумумба – первый премьер-министр Демократической Республики Конго после провозглашения её независимости в июне 1960 года. Его именем назван Московский университет Дружбы народов – прим. полит. редактора

– Только она не без странностей, – неожиданно предупредила подруга жены.

– В смысле? – поинтересовался я.

– Да после развода с мужем она решила обставить всю квартиру по фен-шую.

– Шутишь? Ну, ладно квартира, так ей, может, и трубопровод провести тоже по фен-шую? – засмеялся я.

Но когда я согласился на работу, шутки кончились. Познакомился с заказчицей и понял, что подруга моей жены была права. Она (заказчица, а не подруга жены), когда я пришёл к ней с чемоданчиком, в который собрал все имеющиеся в доме инструменты, прямо с порога заявила о том, что стиральную машину надо поставить на кухне, причём, обязательно у западной стены.

Китайцев как ни критикуй,
у них успехов тьма:
мы не китайцы, но фен-шуй
проник и к нам в дома!
Поставлю правильно кровать,
сменю окраску стен
и сяду у окошка ждать
счастливых перемен!

Я внимательно изучил кухню и спросил:

– А куда тру́бы девать?

– А тру́бы, – квалифицированно объяснила заказчица, – скроем под панелями!

– Зачем? – изумился я.

– А затем, что вода, которая потечёт по этим трубам, будет символизировать энергию, а в противном случае она (энергия, а не вода) будет утекать из квартиры!

Тут я понял, что ничего не понял, и, сославшись на отсутствие у меня главного инструмента – дифференциального штихеля, договорился, что приду завтра с утра.

– А дойдя до дома, – продолжил рассказ Имаржан, – я первым делом отправился к Володе. Помнишь?

Альбионыч важно кивнул головой.

– …и там мы с хозяином открыли интернет и посмотрели, что да как с этим фен-шуем. Ну, а уже после того, как Володя выписал мне на бумажку всякие феншуевские словечки да прибамбасы и велел всё выучить к утру, я назавтра разговаривал с хозяйкой-феншуйщицей уже на одном языке. И оказалось, что мы прекрасно понимаем друг друга!

О фэн-шуе читал ночь запоем.
Как же жил без него раньше я?
Но энергию взять где – не понял:
как ни фэна, так ни шуя!

– Так ты ёкарную работу-то ей сделал? – поинтересовался Талгат.

– Ещё как! – отозвался Имаржан. – Так старался, что она даже не попросила меня показать её дифференциальный штихель! А когда пришло время расплачиваться, заказчица мне, кроме денег, ещё одно дело нескромное предложила.

– И что, мать моя Надежда Константиновна? – покрываясь краской от стыда за товарища, выкрикнул педагог, сально заблестев глазами.

– Что-что? – покраснел Имаржан. – Вот так я первый раз изменил жене. По фен-шую.

Байка вторая. О плате за красивые тру́бы

Однажды я приехал в квартиру, где вовсю шёл ремонт. И вот хозяйка с возмущением показывает мне тру́бы, которые, по её словам, были сделаны *некрасиво*. А я к тому времени уже этих труб на всю оставшуюся жизнь насмотрелся, и точно знал, что они все одинаковые. Но оказалось, ей не понравилось, что мой предшественник (оказывается, здесь до меня был другой сантехник) согнул пластиковые тру́бы, как она выразилась, кольцами, а надо было под прямым углом. Удивился я, конечно, потому что с такой претензией пока ещё не сталкивался!

Хоть настенно, хоть напольно,
хоть под Грецию проём, –
будет женщина довольна,
коль всё сделать по её!

Я уже работал по этой специальности седьмой месяц и хорошо знал, что спорить с хозяевами, да к тому же женского рода, да к тому же немного пристукнутыми, совершенно бесполезно, и пусть простит меня, застранца, мой предшественник-сантехник, охаял его работу.

– Да, безобразие, – говорю. – Надо было вообще порезать тру́бы на отрезки, а потом соединить их уголками-фитингами.

– Ну вот видите, – обрадовалась хозяйка. – А он мне сделал без этих фиглингов!

Правда, я постеснялся объяснить, что в предложенном мной варианте мест для протечек появится больше, тем более, что мы договорились, что оплата будет зависеть от стоимости материала – мне этих фитингов предстояло установить более дюжины, так что цена в итоге выросла раза в три. Но заказчица, увидев такой квалифицированный разбор работы, осталась довольна, тем более, что прямые углы у труб она всё-таки получила.

– Да ты молодец, мать честна́я! – похвалил работу знатного саксаульского сантехника Полтавцев, во время рассказа что-то постоянно записывая в блокнотик «Для му.мы. Том 2». – А как ты сейчас это делаешь?

– Да я теперь после этого случая каждому клиенту предлагаю на выбор: или сделать водопровод *некрасиво кольцами*, или же *красивый прямоугольный*. Как правило, женщины выбирают второе.

– А мужчины, яйчики-бабайчики? – поинтересовался Кулемзин.

– А мужчинам, как ни странно, моя работа по барабану! Они же не сантехники, чтобы со мной профессиональные разговоры заводить…

Известно в нашенских фольклорах,
известно даже и в Кремле:
мужчинам не до разговоров,
коль водка стынет на столе!

Кстати, по мере того, как успешно осваивал работу сантехника, я сделал вот такое интересное наблюдение: некоторые мои клиенты, особенно женщины-филологи, краснеют, услышав от меня такие рабочие, как выражается мой друг Альбионыч, *жаргонизмы* типа фитинги, стояк или прокладки. Помню, одна клиентка из учёных попросила меня рассказать, что я собираюсь делать. Я ей и растолковал, что заменю сначала этот фитинг на трубе, которая примыкает к стояку, а потом поменяю прокладки в кране. Видели бы вы её лицо, когда она, думая, что всё это неприличные слова, спросила меня, нельзя ли выражаться как-то иначе – не по-пролетарски!

Глава 97. САНТЕХНИЧЕСКИЕ БАЙКИ ПРИШЕЛЬЦА (окончание)

Здесь герой сантехнического труда допил первую бытылочку и принялся открывать вторую, а картёжники и им сочувствующие терпеливо ждали, пока прозвучит

Байка третья. О канализационном пилинге

И она через минуту прозвучала.

– Довелось мне как-то раз, – начал рассказ Имаржан, – по ходу освоения новой трудовой биографии повстречаться с заказчицей-модницей.

– Как это, царица лесная? – удивился один из слушателей.

– А вот так: когда она открыла дверь, я чуть не отшатнулся – потому что это была девушка с освежающей маской на лице. Правда, маска была не такая страшная, как у Муравьёвой в фильме «Москва слезам не верит», а из нарезанных колечками огурцов, но всё равно это было так неожиданно!

На кухне, в ванной, в будуаре
идёт работа над лицом,
пока мужик спит на диване,
приняв стаканчик с огурцом.
А дамам – резаный огурчик
и носик посреди торчит:
лицо нежнее станет, лучше,
а нежность мужа соблазнит!

Да, забыл сказать, что по телефону она мне не смогла объяснить, какой ремонт ей требуется, и вот сейчас, пройдя в ванную комнату, я понял, что в этой квартире просто засорилась канализация. И так как шнур для прочистки я не взял, к такой работе оказался не готов. Не мой был, конечно, косяк, ведь хозяйка не озвучила фронт работ, но всё равно оправдываться было неприятно, и тогда я придумал вот такой ход – предложил этой модднице или сделать обычную чистку канализации, или сантехнический пилинг.

– Разумеется, термин этот я придумал на ходу, тем более, что слышал его несколько раз от жены…

«А у меня жены нет, царица лесная», подумал в это время сторож, «а Зуля, с которой я живу *нелегально*, никакого липинга никогда не делает. Стесняется, наверное…»

– Но для этого, сказал я хозяйке, – продолжил байку пролетарий, – мне нужно заказать особый шнур – с щёточкой на одном конце и моторчиком на другом, правда, это будет китайский прибор, но других сейчас в Саксаулии нет.

– А импортный долго ждать? – спросила она меня.

– Долго, – тяжело вздохнул я. – Месяца два-три.

– Нет-нет, давайте китайский, – согласилась она, после чего я предупредил, что такая косметическая операция будет дороже, чем обычная.

Втюхал нашей паспортистке
ремешочек от часов,
объяснив: Китай так близко,
но товарец недешёв!

Было видно, что идея с пилингом канализационных труб так понравилась клиентке, что она просидела с засорившейся канализацией ещё три дня (пока прибор якобы не пришёл из Китая), а потом выложила кругленькую сумму за 45 минут жужжания китайского моторчика. Кстати, на время ремонта я попросил её выйти из ванной, чтобы… в хозяйку не попал СОР, или **С**амобичующе-**О**диночный **Р**азряд, так что весь ремонт, заключавшийся в прочистке обычным шнуром, прошёл без посторонних глаз!

Байка четвёртая, заключительная. Об уничтожении английских существ

– А когда я уже достаточно *наблатыкался* в своей профессии, то стал разводить таких дамочек на раз. Однажды моя жена вычитала в «Караване»…

– О-о-о! – неожиданно воскликнул Афанасьич, да так громко, что вздрогнули не только сидельцы за покерным столиком, но даже дворовые дети и старушки-пенсионерки, играющие неподалёку от наших героев *в дурака* – за особым Старушечьим Столиком, или СС, как называл его неугомонный в придумках литератор.

– Ты что, Серёжа, сегодня выучил, яйчики-бабайчики, новую букву? – поинтересовался Володя.

– Нет, – честно признался охранник и достал из котомки какую-то грязную и скомканную бумажку, после чего пояснил:

– Ты же про «Караван» сейчас сказал.

Известно людям всей планеты,
как в нас уверенность вселить:
нужны нам для того газеты,
чтоб под селёдку подстелить!

Оказалось, что бумажка действительно представляет собой страничку из местной газеты «Караван», и для того, чтобы продолжить рассказ сантехника, пришлось пообещать Полтавцеву, что она (бумажка и одновременно страничка) не будет забыта Альбионычем. Марсианин положил бумажку поверх *раскладки* и дал знак Имаржану продолжать, что тот и сделал.

– Так вот, жена нашла в какой-то статье «Каравана» термин *жирберги*, который употребляют сантехники, но не саксаульские, а английские.

– Не может быть, мать моя КПСС! – воскликнул педагог Курманбаев.

– Ещё как может! – уверил его работяга. – Я сам вначале не поверил, но жена мне объяснила, что это соединение двух слов – жир и айсберги.

– Как это, святой Малевич? – не понял ещё один слушатель.

– Ну, мол, из-за скопления таких *жировых айсбергов* почти в каждом случае и засоряется канализация.

– Вот видите, товарищи, – довольно воскликнул Мусаич. – И за границей не всё так хорошо, как думают наши отпетые антисоветчики, – после чего выразительно посмотрел на своего идеологического врага Кулемзина.

Идеология простая:
не носим шуб из горностая!

– А я после этого, – завершил байку саксаульский сантехник, – теперь предлагаю всем своим клиентам, кроме простой прочистки, ещё и уничтожать неких существ-жирбергов у них в трубах.

– А как ты это преподносишь? – спросил Володя.

– Да просто: при помощи обычной щёлочи для прочистки канализации, правда, предварительно переливаю её в тару без этикетки. И самое главное: вреда от такой щёлочи не бывает, а вот польза есть – и клиентам, и моему кошельку!

Глава 98. О ТОМ, КАК СВЕЖЕЕ ДЫХАНИЕ ЗАТРУДНЯЛО ОБЛЕГЧЕНИЕ

В этот момент Афанасьич обнаружил, что и он тоже допил вторую бутылочку своего неизменного «Жигулёвского», затем покопался в котомке и вытащил оттуда большую белую таблетку, но не облепленную табачными крошками, как всё остальное, ибо она была запечатана в маленький прозрачный пакетик с зелёной надписью «Рондо»

– Чего это у тебя, мать моя партия? – ревниво осведомился Нуртай, у которого такой таблеточки не было.

– Читать, что ли, не умеешь? – в очередной раз опозорил соседа по дому Полтавцев. – Видишь, какая она круглая? Значит, это «Рондо́»!

– А если бы, святой Малевич, была квадратная? – поинтересовался живописец.

– Если бы да кабы,
получились бы гробы!

, чем-то очень страшным ответил сторож.

– А круглая – это обязательно ёперное «Рондо»? – не отставал от владельца таблетки и старший прапорщик Салихдзяныч.

– А уже тебе, Талгат, это должно быть известно, как никому другому, – попенял ему Серёжа.

– Почему это?

– Да потому что…

Он ещё раз покопался в хурджине, достал оттуда заветную книжечку «Для му.мы.», нашёл только ему известную страничку, сделал на ней закладку, затем нашёл ещё один листочек и выразительно прочитал: «Слово *рондо*, восходящее к латинскому rotundus, то есть круглый, означает движение по кругу или круговой танец»

– А ты откуда это знаешь, яйчики-бабайчики? –изумился Володя.

– Так от тебя же, – пояснил экс-текстильщик. – Помнишь, ты ещё в позапрошлом году мне это надиктовал – *по случаю*.

Альбионыч с сомнением посмотрел на блокнотиковладельца, но ничего не сказал, а Батыршин ещё раз подумал, что надо бы почаще общаться с Кулемзиным вне *русской кочерги*, тогда, может, и он когда-нибудь вспомнит все музыкальные термины, которые когда-то изучал в Отцеябловском военно-музыкальном прапорщицком училище имени домбриста Курмангазы.

И тут оказалось, что последнюю память ещё не пропил старший джус Митрохин.

– Серёжа, а зачем ты сделал закладку в своей книжечке?

– А, так это про «Рондо» у меня одна умная мысль есть!

Голова как восковая,

словно парень на *толчке*:
мысли мудрые вскипают
в бестолковке-котелке!

Он развернул таблеточку, оказавшуюся конфеткой, закинул её в рот, немного шумно почмокал – видимо, чтобы показать, как ему стало вкусно, а затем с умным видом попытался процитировать всем надоевшую рекламу:

– Свежее дыхание затрудняет облегчение!

– А это тоже я тебе надиктовал? – улыбнулся писатель.

– Нет, – с сожалением ответил уроженец деревни Семижопино. – До таких высот мысли ты ещё не поднялся. Это я в газетке вычитал. Где-то она у меня была…

Афанасьич, порадовавшись, что не успел спрятать котомку, ещё немного пошарил в ней, ничего не нашёл, но потом его взор упал на *раскладку*, где он заметил искомый листочек, куда его и положил Альбионыч пару страниц назад.

– Вот в этом прочитал! – радостно приветствовал находку сторож.

А литератор тщательно разгладил мятый и грязный карабановский листок, оказавшийся рекламной страничкой, и решил, что раз уж игра всё равно не идёт, озвучить для коллектива некоторые рекламные новинки. И думается, что не только покеристы и примкнувшие к ним Валера и Васюхан, порадуются таким новинкам, но и мой читатель, который, надеюсь, радуется всему, что происходит на наших интересных страницах.

Про мартышек и людишек
мой листочек боевой.
«Интересно как он пишет!»,
закричал читатель мой.

Марсианин призвал всех к тишине и начал ознакомление коллектива с рекламной мыслью Республики Саксаулия, где особенно много почему-то было объявлений от частных лиц:

«Меняю время, которое у меня есть, на деньги, которых у меня нет. Работу не предлагать. Геннадий, 33 года, тел. 234-234-23»

«Продаётся кавказец (девочка). Кусается не больно»

«Продаётся дозиметр бытовой (на атомной батарейке)»

«Готовлю хороших танцоров. Быстро. Недорого. Хирург-уролог Саморезов Антонион Степанович. Тел. 345-345-34»

Затем Володя вздрогнул, так как вначале пробежал глазами очередное объявление, потом осознал, что речь в нём, видимо, идёт о продаже протезов, но всё-таки прочёл его вслух:

«Отдам хорошие руки в хорошие руки. Тел. 456-456-45»

Помогите выпить, суки!
Помогите, мать ети!
Потерял недавно руки –
нечем рюмку поднести!

Затем сплошняком пошли объявления, в которых явно слышались крики души:

«Познакомлюсь с законченным мерзавцем (шатеном) с целью повышения самооценки. Люся, 56 лет»

«Молодой человек, представившийся Колей в ресторане «Адыгейские пельмени»! Как сына назовём? Девушка, представившаяся Галей»

«Если у вас пытливый ум, сложный внутренний мир, чуткая и ранимая душа, – приезжайте, а то мне не с кем выпить! Тел. 567-567-56. Срочно!»

Нашлись на читаемом листочке и предложения от неких саксаульских фирм, которые, как выяснилось, занимались всем на свете:

«Натянем весело и с удовольствием». Фирма натяжных потолков «Гладкий двор»

«Не живи одним днём. Заботься о будущем!». Администрация кладбища № 41

«Отцеябловскому коньячному заводу «Саксаульский Бахус» срочно требуется крупная партия элитных бытовых клопов для продолжения производственного процесса»

А последнее объявление, прочитанное Альбионычем, было и вовсе сразу с двумя опечатками:

«Продуктовой базе «Стратегический запас» требуются крадовщики и товароеды»

Правда, оказалось, что внизу странички, маленькими буквами, спряталось ещё одно объявление – одно из тех, которые власти Саксаулии заставляли давать в газеты бесплатно, называя это социальной рекламой:

«Дорогие саксаульцы! Побольше пейте, курите и пользуйтесь приборами с электромагнитным излучением! Искренне ваш Пенсионный фонд»

Когда-то юным пионером,
играя с бабками в лото,
мечтал я стать пенсионером,
и вот на пенсии… За что?!
Была бы лишняя копейка,
махнул бы в Турцию с женой,
сменил на смокинг телогрейку,
лечил на море геморрой,
раздал долги, помог бы детям,
компьютер внучке дорогой,
красивый стол накрыл соседям,
сходил в театр разок-другой.
Ох, размечтался что-то сильно,
уже и честь пора бы знать.
Чуть не забыл: жене – мобильник
и можно смело помирать!

Глава 99. О ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНЫХ ГРАНТАХ (Хронотоп № 41)

Время уже основательно перевалило за полдень, и не только толстый покерный гуру и упитанный педагог, но даже худые художник и антенщик внезапно почувствовали, что какие-то сволочные их кишки начали жаловаться на пустоту рядом с собой, чем определённо плохо влияли на другие внутренние о́рганы[213]. Это было несправедливо, так как желудки наших героев перманентно пополнялись волшебным энергетическим напитком, и если бы не было его, то, наверняка бы не было и нашего блистательного романа.

[213] *Не путать с милицией! – прим. автора*

И в этот момент из одного окна в близстоящем доме № 18, расположенном в стороне восточного катета Великого ▲, пошёл умопомрачительный запах какого-то блюда с мясом. Это была диверсия почище той, которую во время войны организовал и совершил Фёдор Крылович, всего двумя магнитными минами уничтоживший четыре (!) немецких военных эшелона, по счастливой случайности проезжавшие мимо него и остановившиеся на обед в белорусском городе Осиповичи!

Гордый профиль, взор орлиный,
нос, как греческий, красив.
У меня в кармане мины –
значит, скоро будет взрыв!

И вот это воспоминание о суровых годах войны внезапно всколыхнуло в Альбионыче тот неведомый о́рган, который отвечал за всякие воспоминания, и даже те, которые отражали события, не происходившие лично с нашим героем. Но именно так рождались у писателя его знаменитые Хронотопы, а, значит, будут продолжать рождаться они на этих страницах. Итак, воспоминание о начале девяностых…

1994 год. Почти вся постсоветская наука, кроме геологии полезных ископаемых, сидела на голодном пайке, и белорусская наука была не исключением. Местные зоологи промышляли кто чем может, вплоть до таких занятий, о которых и писать-то нельзя, ибо читатели наши скажут: «Ты, конечно, горазд заливать, но уж рамки-то знай, в такую дичь мы никогда не поверим!». Но – всё может быть с человеком, и всё может быть с учёным, если он родился на одной шестой части суши!

И вот в это самое время, когда зоологи зарабатывали на жизнь чем угодно, кроме зоологии, некий японский фонд с таинственным названием, которое с трудом читали сами японцы, а именно 絶滅危惧動物保護基金[214], внезапно бросил сахарную косточку всем биологам и зоологам СНГ, выделив огромный жирный грант на проект по изучению и защите вида, внесённого в Международную Красную книгу.

Алкаши, болваны, гниды,
поминающие *мать!*,
мы таким закусим видом,
что в «Рэдбуке»[215] не сыскать!

[214] «Фонд сохранения редких и исчезающих животных» – яп. Звучит как «Зецумецу кигу добуцу кикин» – прим. переводчика
[215] От англ. Red Book – Красная книга

От соискателей требовалось только одно: иметь *некоммерческую* организацию с соответствующим профилем и названием (например, «Рога и копыта» японцев вполне бы устроили! – Вл. Г.), иметь офис организации и в нём нескольких людей достаточной компетенции для того, чтобы освоить деньги с научным подходом, а также солидный научный (прости, русский язык!) бэкграунд у самой организации или её учредителей.

И вот всё это у героев нашей истории было! Была организация, устав которой пылился на чердаке у профессора Гарбузевича, была комната в гараже, который в начале 90-х внезапно стал офисным зданием, а уж научный бэкграунд и компетенции у зоологов были такие, что профессору, исписавшему аж пять страниц названиями статей и научных работ при составлении заявки на грант, пришлось сказать коллегам: «Харе, пацаны, довольно!»

Главный вопрос, который сразу же встал перед зоологами в полный рост (ведь белорусы тоже немножко русские) – это как срубить с японцев побольше денег. Соискатели догадались, что для этого надо было, во-первых, выбрать какое-то подходящее животное, и, во-вторых, постараться угадать, что же именно заинтересует загадочную японскую душу.

– Давайте возьмём дрофу, – предложил один из зоологов. – Гнездовья хорошо известны и легкодоступны, так что сделать видео- и фотоматериалы не составит труда. Подготовим для узкоглазых такую конфетку, что нам, кроме гранта, ещё ордена́ Восходяще-

го Солнца вручат. А уж методичку по улучшению охранных мероприятий мы им такую сварганим…

Не поддых и не по морде,
разговор чтоб упростить,
нам японцы дали орден –
на футболке поносить!

– Зачем нам эта курица? – спросил профессор Гарбузевич. – Это несерьёзно. Тут грант космических размеров, им присылают заявки про тигров и белых медведей, а мы им – сю-сю-сю, дайте денег на птичку! К тому же как мы обоснуем такие огромные расходы, если всей работы – выехать три раза в поле и поснимать дроф? Мы что, будем арендовать авиацию или ледокол, чтобы добраться до местообитания редкого вида?

– Нет, – промямлил один из подчинённых.

– А надо, чтобы выделили деньги именно на аренду ледокола, если потребуется! Мыслить надо глобальнее! Что у нас есть глобального в Белоруссии?

Это просто гениально –
говорят без вских врак:
«В Белоруссии глобальна
только бульба[216]!» Это так…

[216] Картошка – бел.

Зоологи переглянулись. На их лицах было написано, что ничего глобальнее выхухоли, если говорить о редких видах, в местных лесах нет.

– Подождите, – осенило одного из зоологов. – У нас ведь в Чернобыльской зоне отчуждения есть лошадь Пржевальского! Тогда уж точно японские ордена получим! (Вот такие – Вл.Г.):

– Не годится, – отмахнулся профессор. – Это (прости, русский язык!) интродуцированный вид, а он в норме здесь не водится. Японцы требуют, чтобы изучался вид в пределах естественного ареала.

– Ну так мы и напишем, что планируем 25 коллективных поездок (!) в Монголию или Казахстан, а сами втроём с оператором поедем в Гомельскую область.

– А что, это идея, – хлопнул в ладоши Гарбузевич. – Давайте так и сделаем! Укажем в заявке поездку в Среднюю Азию двенадцати человек, аренду джипов, проживание, ло-

гистику, аппаратуру. По сумме должно выйти очень похоже. Только как ты снимешь лошадей в Чернобыльской зоне так, что японцы не отличили её потом от Монголии?

В мире всё полно зигзагов –
каждый просто изречен:
что Чернобыль, что Чикаго –
там и там есть буква Ч!

– Так диких лошадей можно прикормить так же, как и домашних, – всего-то и нужен мешок спелых сахарных арбузов плюс знание, куда звери ходят на водопой. Набросаем прикорм в песчаных оврагах – да там и будем снимать. А песок везде одинаковый – что в Монголии, что в Чернобыле.

– За работу, товарищи жулики… тьфу, учёные! – одобрил профессор.

Через полтора месяца грант белорусским зоологам на изучение лошади Пржевальского в степях Центральной Азии был предоставлен! Наша история умалчивает о том, сильно ли улучшилось после их работы положение этой дикой лошадки с человеческой фамилией, но, по крайней мере, жилищные условия белорусских учёных уж точно заметно поправились!

И только одним был огорчён профессор Гарбузевич:

– Могли бы эти иблисовы япошки мне, как *научному* руководителю такой сложной экспедиции, один орденок свой выделить! Жлобы!

Трудно быть героям равным –
иногда такое жаль:
совершил я подвиг славный,
а вручили лишь медаль!

Глава 100. ВНЕПЛАНОВЫЕ БАЙКИ МИТРОХИНА

А мясной дух, о котором было сказано в позапрошлой главе, всё больше проникал в сознание игроков и сочувствующих. Чтобы немного отвлечься, Володя даже предложил возобновить игрища, но, включив свой МАЗ, или **М**арсианский **А**нализатор **З**апахов, поневоле начал разбирать не предложенное ему блюдо на составляющие. «Так, судя по запаху, это банальное мясо, запечённое с картошкой… стоп, не с картошкой, а с бататом... Интересно, яйчики-бабайчики, где эти черти взяли батат в Отцеябловске?! Кроме этого, здесь присутствуют красный лук, китайский чеснок, копчёная паприка, веточка тимьяна, немного зиры, много свежих укропа и кинзы и несколько зёрнышек нерастолчёной горчицы. Однако!»

И тут писатель вдруг ощутил, что держит в руках ледяную бутылочку «Тянь-Шаня». Оказалось, что пока он был занят своими одорологическими изысканиями, гость коллектива Васюхан, который, видимо, решил твёрдо в нём прописаться, в качестве очередной прописки успел быстро сбегать в лавку Калимы и принести ещё по одной порции счастья. Как должен был поступить в этом случае наш герой Кулемзин? Конечно же, по справедливости! А справедливость этого момента заключалась в том, что если вновь принесённые бутылочки сейчас отставить в сторону и начать сражение, то они тут же начнут теплеть, чему способствовала всё разгорающаяся жара.

Жарко, братцы, этим летом!
Людям проще, а вот нам,
титулованным поэтам,
душу разрывает в хлам
это знойное сафари:

мысли плавятся в башке,
не до од и не до арий,
и почти кота в мешке
дарим мы своим фанатам –
пишем чушь и ерунду!
За стихи по летним датам
вечно мне гореть в аду...

Допустить такого кощунства покерный гуру, конечно, не мог, поэтому, как и остальные, открыл бутылочку и в очередной раз вкусил блаженство.

– Ну, Васюхан, раз ты явился причиной задержки того, ради чего мы здесь ежедневно собираемся, то не развлечёшь ли ты нашу хевру парочкой каких-нибудь остросюжетных историй?

– А почему, святой Малевич, остросюжетных? – поинтересовался Валера и на всякий случай немного отодвинулся от антенщика

– А потому, мой крайне любопытный друг, что я, как писатель и описатель всего того, что происходит в Бермудском Учпучмаке, давно заметил, что у Васюхана была очень насыщенная жизнь, наполненная как раз такими историями.

Старший джус не стал спорить с хорошим человеком и рассказал две байки – одну из мирной жизни, а другую – из воинской.

Ушла жена, развален бизнес
и плохо сплю я по ночам:
мои истории – из жизни,
такой же страшной, как я сам!

Глава 101. ВНЕПЛАНОВЫЕ БАЙКИ МИТРОХИНА (окончание)

Байка гражданская. О торсионных полях

– В советское время (б), сразу же после армии, я поступил в Отцеябловский техникум связи, и, будучи студентом, начал подрабатывать электриком в ЖЭКе – по месту проживания. И вот как-то раз, когда мы с сантехником и дворником, как всегда, *забивали козла* в подсобке ЖЭКа, из одной квартиры поступила страшная заявка – от некой бабушки, которая, плача, сообщила, что сосед – алкоголик и наверняка шпион – жжёт её лазерным лучом!

На виске синеет жилка,
в зенках – хитрый огонёк:
я лучом открыл бутылку –
вот как лазер мне помог!

И тут надо сказать две вещи. Первая – это то, что дом старушки располагался недалеко от городского телецентра, а вторая – то, что заявительница была с явным приветом. Знал об этом только я один , потому что на такие вызовы ездил уже неоднократно. И вот, с сожалением оставив недоигранную партию в козла и разочарованных одножэковцев, я пошёл по знакомому адресу.

Придя на место, я выяснил, что бабушка меня опять не узнала, так как с порога начала́ рассказывать, что как только она ложится спать, то проклятый сосед прямо из-за стенки нащупывает её лазерным лучом, отчего у неё начинает разрываться голова, и ей постоянно приходится передвигать кровать на новое место, и потом она какое-то время спит спокойно, пока сосед снова не ущупывает её лазерным лучом!

Я стоял и терпеливо ждал конца словоизвержения. И он наступил, когда сумасшедшая старушка, чуть не плача, сообщила мне на ухо, как по большому секрету, что все её заявления в милицию результата не дают. Тогда я ответил, что ей очень повезло, потому что я не просто жэковский электрик, а студент ГАВ, или **Г**лавного **А**нтиэлектронного **В**уза, и поэтому точно знаю, что шпионский сосед достаёт её вовсе не лазерными лучами, а электромагнитными торсионными полями!

У меня напряг с рублями,
голова – сплошной протез:
торсионными полями
я ворую майонез!

Бабушка сразу поняла, что перед ней большой специалист в этой области, ведь я на её глазах зачистил батарею парового отопления напильником, подтащил кровать и примотал её голым проводом к батарее. А старушке объяснил, что как только торсионные поля коснутся кровати, то по проводам уйдут в батарею, а дальше в землю, и что она сама скоро убедится в том, что голова больше у ней болеть не будет, а сосед будет ходить злой.

Самое интересное, что бывшая заявительница после этого неоднократно звонила в диспетчерскую и просила передать торсионному электрику, то есть мне, что голова у неё больше не болит, а алкголик-шпион ходит злой! До сих по не знаю, что помогло бабушке больше: заземление кровати или убеждение в моих способностях? Но ведь голова у неё действительно перестала болеть!

Голова опять болит –
видимо, с похмелья:
грустный и усталый вид,
мне не до веселья.
Пить не буду больше я,
вам всем обещаю!
Как же плохо мне, друзья…
Выпью, что ли, чаю!

Байка воинская. Об отпуске на родину

– Советская армия, середина 70-х. Служил у нас сержантик откуда-то с Кавказа, сейчас уже точно не припомню. И фамилию не помню, ну, пусть будет Дагаев.

– Что же это вы, товарищ, такие важные подробности забываете, мать моя партия? – попенял рассказчику Курманбаев. – А если вас внезапно вызовут *куда следует*? Как там будете отчитываться?

Вместо ответа Митрохин, который постепенно привыкал к странностям педагога, сделал огромный глото́к (и вовремя, так как гло́тка уже начала пересыхать от рассказов), после чего продолжил свою байку.

– Служба у Дагаева почти постоянно проходила на *губе*…

– Позвольте, – опять перебил антенщика Нуртай. – Это вы что намекаете, что он вместо того, чтобы честно служить родине, всё время жрал?!

Здесь над строптивым Мусаичем посмеялись сразу пятеро героев романа – Володя, Серёжа, Талгат, Валера и сам Васюхан, а автор нашего повествования отсылает всех бестолковых, не знающих элементарных воинских вещей, к ссылке[217] внизу страницы.

Как такому мысли вколешь,
коль такое натворил?

На *губе* ночует тот лишь,
кто дневального[218] убил!

[217] Губа – разговорно-жаргонное название гауптвахты, то есть помещения для содержания военнослужащих, задержанных за правонарушения – прим. воен. редактора
[218] Лицо суточного наряда из солдат в роте или батарее – прим. воен. редактора

– Вся служба для этого сержанта была как развлечение: зачем забор вокруг части, он вообще не понимал, и, соответственно, его игнорировал, мог ночью уйти с одеялом и шинелью на поляну и спать там до обеда, или выгнать из бокса мотоцикл комендантского взвода и гонять по полкý, пока не поймают, а покататься на БТРе по парку и снести стену у бокса – вообще дело святое!

Кстати, часть была не маленькая (мы называли её *мотокопытный* полк), но комполка знал Дагаева лично, как какую-то знаменитость из кино. И вот стоим мы как-то утром, как положено, на плацу – для проведения полкового развода, слушаем разные команды. «Офицеры и прапорщики к трибуне!», отдаёт команду командир, а солдатики , то есть мы, уже *коро́бками* по периметру стоят. А стоять скучно и долго – минут 40, да и говорить-курить-ходить нельзя.

И тогда наш Дагаев, который постоянно находился в задних рядах, вдруг начал что-то рассказывать ребятам, да так разошёлся, что говорил уже не потихоньку, а в полный голос. Комполка, разумеется, всё это услыхал, обошёл строй прапоров и офицеров, и видит, что Дагаев что-то молодняку втолковывает, руками машет, – короче, вовсю народ развлекает.

Ох, скучать мне неохота –
лучше всё по куражу!
Знаю тыщу анекдотов –
и сейчас их расскажу!

«Дагаев, ты что громче меня на плацу орёшь?», заорал на него командир. «Весь полк тебя слышит. Совсем охренел?! Может, ты теперь полком командовать будешь?»

А сержант видит, что *губы* всё равно не миновать, и тут же через весь плац скок – и на трибуну влез! Тут полкан совсем охренел…

– Позвольте ещё раз вас перебить, – ещё раз перебил рассказчика Мусаич. – Что же вы с самого начала не рассказали, что там ещё и собака была?

– К-к-какая собака? – начал заикаться старший джус.

– Ну Полкан же, вы сами только что кличку назвали!

Кулемзин тут же вспомнил, как ещё в главе 133 четвёртого тома «Русской кочерги» специально для педагога брал из дома скотч, и пожалел, что не взял его сегодня на игру.

Васюхан пришёл в себя, решил, что всё это ему послышалось и завершил свою байку:

– И тут Дагаев взял руку под козырек и заорал на весь плац: «Полк равняйсь, смирно! С сегодняшнего дня я убываю в отпуск, за меня остается начальник штаба майор Шевцов!». Солдаты охреневшие смехом давятся, а офицеры вообще не знают, то ли ржать, то ли с трибуны его за шиворот волочь.

И тогда полкан, то есть командир части полковник Семёнов, посмеиваясь, заходит на трибуну, становится рядом с сержантом и таким же торжествуенным голосом объявляет: «Полк равняйсь, смирно! За находчивость сержанту Дагаеву объявляю краткосрочный отпуск сроком на десять суток с содержанием на гауптвахте!». И вот тут уже заржала вся тысяча двести солдатских и офицерских рыл!

Воевать мне надоело –
посмеюсь-ка 5 минут:
смех в бою – святое дело
(если сразу не убьют)!

Заржали от весёлого рассказа и наши герои, правда, кроме Нуртая, который отошёл в сторонку, спрятался за карагачом, вытащил из кармана помятую бумажку и авторучку и что-то торопливо застрочил – для вечернего перенесения содержания записки в памятную книгу жизни: «Друг Муравлёва и Кулемзина некий антенщик Митрохин (явно отщепенец) сегодня выдал военную тайну – о количестве боеспособного подразделения одной из воинских частей Советской Армии! А это ст. 64 УК СССР – «Измена Родине»

«И обязательно – с конфискацией!», сладко подумал большевик.

Глава 102. ДООБЕДЕННАЯ ПАРТИЯ

Альбионыч вынул из кармашка свой мобильный телефончик, похожий, как уже говорилось, на миниатюрную модель гоночной машины, и посмотрел на его монитор, в центре которого весело мигали числа, отображающие то, чего не было во всей Вселенной, но было исключительно на Земле – текущее время. Числа были вот такими:

13:16

, а это означало, что если сейчас сыграть одну партию в *русскую кочергу*, скажем, за 44 минуты, то ровно в два часа дня или, как выражаются космонавты на орбите, в 14:00, то наступит психологический момент для принятия пищи, называемой землянами обедом.

Ты теплом меня окутай
(как же трудно алкашу):
я сожру обед в минуту
и – добавки попрошу!

И тут выяснилось, что за покерным столиком окончились сразу три материальных и нематериальных фактора: во-первых, пивко – у всех без исключения, во-вторых, байки – у рассказчика Митрохина, и, в-третьих, терпение – у одного Кулемзина!

– А не сыграть ли нам *дообеденную* партию? – псевдободро спросил марсианин, педалируя одно слово, выделенное автором курсивом.

– А, может, лучше сыграть *послеобеденную*? – хором отозвались знатные учпучмакцы числом пять, так же педалируя своё слово.

– Рад бы, яйчики-бабайчики, – сухо ответил покерный гуру, – но как быть с этим?!

Он вытащил из кармана какую-то измятую бумажку, расправил её и дал посмотреть своим (прости, русский язык!) оппонентам. На бумажке выделялся крупный заголовок, в котором все слова, видимо, очень значительные, были написаны с прописных или, как выражался художник Муравлёв без филологического образования, *больших* букв или, как выражался сторож-охранник вообще без какого-либо образования, *букыв*:

План Построения
Шестого Тома Романа
«Русская Кочерга»

– А чего тут думать, йодистый план? – наконец осмелел один из оппонентов. – Выбросить её – и всё!

– Или сжечь, царица лесная! – приплёл к страшному предложению по уничтожению бумаги неведомую правительницу экологической системы, в которой главной жизненной формой являлись деревья.

Что покушать, не волнует,
нет желанной худобы:
20 лет живу в лесу я –
на обед всегда грибы!

– А прах, святой Малевич, развеять над вторым микрорайоном, – внёс своё предложение живописец, которому хотелось есть больше всех, так как всю еду, которая была в его доме, сожрали вот эти люди и Курманбаев ещё позавчера или, как выражается писатель Кулемзин, в четвёртом томе!

– А што нам скажэт таварищ Курманбаэв? – с нарочитым грузинским акцентом, видимо, пародируя кумира педагога Сталина, спросил пересмешник.

– Позвольте, товарищи, осветить этот вопрос, мать моя партия, – откашлявшись, как на трибуне, начал выступление Мусаич, – так сказать, в трёх плоскостях…

Правда, один из слушателей, не пожелавший дожидаться даже первой плоскости, сорвался и с утробным рыком помчался в бермудские кусты, которые, как всегда, радостно приняли его в своё растительное лоно.

Коль на душе большой осадок,
причём, уже 17 лет,
кусты помогут скрыть досаду,
что не успел я в туалет!

Литератор поднял руку и выставил ладонь в сторону преподавателя информатики еврейского колледжа, как бы отдавая приказ замолчать, что ленинец, зная крутой нрав покерного тирана, и сделал. Затем он (литератор, а не преподаватель ИЕК), опустил руку, но только для того, чтобы взять карточную колоду и начать её тщательно тасовать, словно именно от этих чётких движений сейчас зависело, нападёт ли Республика Того на Австралию, и если да, то где она возьмёт для этого мощный парусный флот.

Наконец Кулемзин сдал всем по одной карте – рубашкой вверх, и это невинное действие позволило выяснить, кто же сейчас начнёт игру. На этот раз начинальцем Сука-судьба избрала Салихдзяныча, и именно начинальцем, а не счастливцем, ибо Талгат просто должен был сдать всем по одной карте – *втёмную*, а вот делать самый первый заказ, который обычно был в одну взятку, озвучивал сидевшим *под ним* (Талгатом, а не заказом) Полтавцев.

Серёжа наклонился к сданной карте, понюхал её и торжественно объявил:

– Пас, мать честна́я!

Все, включая живописца и антенщика, которые вообще ничего не понимали в игре, напряжённо зашушукались. Тогда Альбионыч, сидевший после охранника, также понюхал свою карту и уверенно произнёс:

– Одну!

Верный сын партии (б) Курманбаев нюхать карту не стал, и неуверенно, так как был известным *бзделовальщиком,* произнёс:

– Пас!

Чтобы счёт не стал разгромным,
чтоб повысилось число,
я сыграю пас на *тёмной*, –
чтобы дальше повезло!

А вот старший трубач, видимо, вспомнив школьные уроки химии и незабвенную учительницу Дору Сергеевну, не наклоняясь, начал совершать пальцами ладони движения, как бы подзывая к себе собачку Жучку, и, чуть наклонившись, стал шумно вдыхать то, что ему удалось уловить ею (ладонью, а не Жучкой), после чего, немного «подумав», также отпасовался.

И только после того, как Альбионыч зафиксировал все пожелания игроков, была сыграна первая *тёмная*: карты посыпались на покерный столик одна за одной. Как это часто бывало и раньше, из четверых покеристов повезло двум, а не повезло – тоже двум: свои пасы, то есть по 10 очков в *раскладку*, получили сторож и унтер-офицер, большевик перебрал, забрав карты младшим джокером, в результате чего стал богаче на 2 очка, а вот несчастному в данный момент писателю пришлось списать себе аж 50 очков – за недобранную взятку.

«Хрен бы с ней!», отстранённо подумал Кулемзин, который ни на секунду не забывал, что впереди – ещё 26 робберов, а, значит, возможность отыгрыша и даже возможного обгона соперников была не менее чем 72,83 процента!

Успокою свои нервы,
вспомню, что вся даль – светла,
и приду на скачках первым:
кличка лошади – Стрела!

Но оказалось, что подумать об этом огородном растении семейства капустных гораздо легче, чем совершить реальный скачок в игре, тем более, что первые 6-7 робберов покеристы называли разминочными, и много заработать на них было невозможно.

Глава 103. ДООБЕДЕННАЯ ПАРТИЯ (продолжение)

Почему же Альбионыч поступил так, казалось бы, необдуманно? Да просто потому, что ему в этот момент показалось, что перед ним в закрытом состоянии лежит сильная карта. И вот это *показалось* было единственным условием его риска! Да-да, не удивляйся этому, мой читатель, ибо даже сильные игроки могут иногда позволить себе право на Интуицию, а она, как показывает многовековая история всего человечества, является всего лишь четвероюродной тёткой самóй Суки-судьбы, и, наверное, поэтому показывается отдельным индивидам в свой полный рост чрезвычайно редко.

История страница за страницею
не может похвалиться интуцией!

И тут Володя понял, что оплошал не просто так, а по забывчивости, ведь никому иному, как ему самому́, принадлежал афоризм, который он сам и втюхивал в тыквы сегодняшних игроков, когда они ещё только учились великой *русской кочерге* и были неофитами под сводным названием ПОТ, или **П**околением **О**тмороженных **Т**упиц. А сей афоризм, как проверил автор все тома́ до этого, к его удивлению, ещё не звучал на страницах романа, а, значит, надо воспроизвести его здесь и сейчас, или, как говорят продвинутые исследователи английского языка типа сторожа Афанасьича, now[219]!

[219] ***Немедленно, в этот момент – англ.***

**К неприятностям ведёт не то,
что мы чего-то не знаем, а то,
что мы знаем «наверняка»!**

Но надо было жить дальше! Саксаульский писатель мысленно произнёс эту глупую народную «мудрость», и в этот момент услышал, как живописец Николаич делает робкую попытку его утешения, изрекая очередной трюизм – такой же глупый, как и все русские народные трюизмы:

– Володя, пожалуйста, не расстраивайся, святой Малевич: кто не рискует, тот не пьёт шампанского.

– Валера, а тебе, яйчики-бабайчики, не кажется, что ты каждый день бухáешь? – горько спросил его проигравший.

– Так я же каждый день рискую, – парировал Муравлёв, чем заслужил одобрительный тычок в печень от Васюхана Митрохина.

Между тем темп игры нарастал, и игроки по очереди сыграли робберы на 8, 9, 10 и 11 картах. И вот что было удивительно: расположение покеристов по степени текущего выигрыша было точно таким же, как и в начале партии, словно время, это ненужная придумка Вселенной, замерло – впереди на вороных конях по-прежнему скакали Полтавцев и Батыршин со 112 очками у каждого, за ними на цирковом ослике следовал Курманбаев с 96 очками, и, наконец, позади пешком плёлся покерный гуру – правда, его начальный минус был уже преодолён и сейчас в столбике с пометкой К красовалась цифра 23.

То милость нам, то нам всё худо,
и лишь веселье иногда:
нельзя выигрывать повсюду,
нельзя выигрывать всегда!

И вот игроки подошли к робберу на 12 картах. Это была ещё не знаменитая средняя *тёмная*, когда пришедшие 12 карт нельзя было смотреть до заявки, и всё-таки эта игра была далеко не промежуточной – из-за того, что карт было много, и, значит, ставки в случае так называемой *хорошей карты* могли быть тоже большими, что сулило неплохие шансы к середине партии.

Первым схватил пришедшее Серёжа, бегло проглядел их и радостно завопил:

– Ё моё!

Володя поморщился: он, хотя и видел в этом народном выражении некий намёк на стихосложение, всё же не любил такие откровенно глупые фразы, не имеющие под собой никакой логики, и даже однажды попытался привести её (фразу, а не логику) к некоему порядку. И вот что у него получилось:

**От А до Е и от Ж до Я
всё чужое. И только Ё – моё!**

Глупостью было, конечно, и это, поэтому поэт Кулемзин, поморщившись, решительно стёр из памяти эти нелепые строчки, а вот автор, который более бережно относится к морфемам и фонемам собственного сочинения, всё-таки позволил себе оставить их именно здесь – а вдруг кому-то когда-то они помогут в жизни?

И в этот момент Полтавцев издал новый вопль, который, увы, поняли далеко не все:

– Oh, bother it![220]

[220] *Иблис возьми! – слэнг. англ.*

Оказалось, что до секунду до того, как он решил объявить пять взяток, Афанасьич неожиданно увидел, что те карты, которые он посчитал козырями, были пиковыми, а поверх колоды лежала бубновая двойка, и, значит, объявленные в этом роббере козыри тоже были бубны! Он на всякий случай ещё раз более внимательно осмотрел то, что ему подсунула Сука-судьба, и в голове его запуржило, а губы стали бледными, словно листья колхозной капусты.

Положив на крышу кровлю
и доев вчерашний плов,
из капусты приготовлю
48 голубцов!

И это, как ни странно, было неплохо, ибо мыслей в голове экс-текстильщика внезапно стало, как риса в Китае – чего уже не было несколько месяцев. А плохим здесь было то, что ладно бы рисинка к рисинке, как в плове, так нет же – послипáлись все, как каша!

К этому времени оказалось, что все, кроме сторожа, уже сделали свои заявки, и сейчас тепеливо ждали, когда в его голове доварится упомянутая каша. Первым не выдержал педагог, который заказал 4 взятки – в надежде догнать старшего прапорщика и младшего охранника.

– Надеюсь, Серёжа, ты сейчас «думаешь», мать моя Октябрьсккая революция, не про третий закон Ньютона? – язвительно заметил он.

– Да нет, царица лесная, – автоматически ответил Полтавцев, – я в своё время даже не стал его смотреть.

– Почему?! – возмущённо воскликнул педагог, обидевшись за учёного.

– Да потому что мне первые два как-то сразу не понравились!

А Кулемзин, услышав этот искромётный ответ, сразу же вспомнил свой старый стишок под названием

Об учёном садоводе

С шумом яблоко упало,
шлёпнулось в траву.
Садовод, кряхтя, устало
ворошил листву:
надо взять – поди созрело
яблоко, и плоть
стала мягкой, покраснела.
Немочь побороть
садовод не смог, и дума
овладела им:
подсчитал в уме он сумму,
формулой томим,
массы тел – земли и плода –
вот же он, закон!
У ослабшего народа
только ум силён;
только в знании и сила,
если дрожь в ногах.
Но одно его бесило –

яблок нет в руках!

– Серёжа, – обратился он к мучающемуся думами Афанасьичу, – все ждут тебя, а я вижу, что ты, яйчики-бабайчики, мучаешься думами. Не поделишься ими с нами?

– Поделюся, – охотно отозвался мученик. – Вот, например, есть два *созвучных* мужских имени – Толя и Коля. Но если Толя – это Анатолий, то почему Коля – не Анаколий?

– И как это соотносится с нашей игрой? – улыбнулся записывающий.

– Да так, что в ней всё также сложно, как в моей голове! – ответил уроженец деревни Семижопино.

– Ёкарный старичок, может, уже закажешь что-нибудь? – сделал жалкую попытку вернуть мыслителя на покерные рельсы ещё один участник сражения.

– Хорошо, – согласился мыслитель, после чего звонко выкрикнул:

– 5!

Кулемзин записал цифру в столбик с буквой П, после чего предложил коллективу:

– Поглядите все на этого человека. Сейчас он будет пытаться изменить свою жизнь. И внимательно смотрите, как он забавно надеется на лучшее!

Глава 104. ДООБЕДЕННАЯ ПАРТИЯ (ещё одно продолжение)

Но через пару минут неожиданно выяснилось, что попытка изменения жизни строптивым охранником всё-таки удалась, ибо он взял свои 5 заказанных взяток, после чего, распугав выводок дворовых детей, исполнил возле покерного столика и одноимённой скамеечки танец, который по мнению музыканта Батыршина, был очень похож на зажигательный индийский *бхаратанатьям*, во время исполнения которого надо было обязательно продемонстрировать 13 позиций головы, 36 разновидностей взгляда и 67 жестов рук. Но в классический индийский танец Серёжа внёс и свой вклад, сделав его немного похожим на русскую кадриль, исполняемую под русскую же частушку:

Мои ложки расписные
просто так не удержать:
выбивают позывные –
приглашают танцевать!

Правда, в арсенале Полтавцева чисто индийских демонстраций оказалось меньше: голова его во время исполнения моталась как на верёвочке, которой играют с котёнком, взглядов из-за выпученных в никуда зенок не было вообще, а руками он производил неизвестный индийцам 37-й жест, во время исполнения задевая ими разные участки тела остальных сопокерников и сочувствующих им Валеры и Васюхана, которые едва успевали уворачиваться от разбушевавшегося экс-текстильщика. К тому же, вскоре выяснилось и ещё одно условие, которое напрочь разбивало надежды Афанасьича на то, что он поумнел: выигрыш сторожа был инициирован не его внезапно вспыхнувшим умением, а всего лишь тем, что Кулемзин неожиданно для всех объявил мизе́р, а у знатного танцора как раз были маленькие и слабые карты, которые, как уже известно моему читателю, становятся большими и сильными как раз при объявлении мизе́ра.

Володя ещё не успел записать страшные для Талгата и Нуртая последствия этого роббера в *раскладку*, как почётный семижопинец завершил танец чисто индийским возгласом «Асса!», тяжело плюхнулся на скамейку, допил последний глото́к «Тянь-Шаня» из бутылочки живописца, поморщился, прошептал: «Как люди могут пить такую гадость!»,

после чего кнопочка, приводящая его организм в невероятное возбуждение, наконец-то выключилась сама собой.

– Святой Малевич, мать твою в «Саксаулфильм» пиротехником! – изощрённо выругался художник Муравлёв, с тоской разглядывая свою пустую бутылочку.

Говорил, напившись, крестник,
игнорируя игру:
«Думал я, что пиротехник, –
это техник на пиру!
Но толкают, как на почте,
где за пенсией зверел,
и вокруг взрывают всё, что
раньше выпить я хотел!»

Неплохой результат в итоге этого роббера был и у Альбионыча: он поднялся на заказанные 4 взятки, или 75 очков, а вот педагог и военный, недобрав по взятке, опустились на 25 очков каждый. Но основное испытание этого отрезка игры было впереди – средняя *тёмная*, от итогов которой во многом зависело если не всё, то иногда даже итог всей партии! И каждый старался здесь в меру своих возможностей…

К этому моменту выяснилось, что время, уже давно перевалившее за полдень, практически никак не повлияло на снижение похмелья основных фигурантов этого уголов… тьфу, литературного то́ма. И виной всему, как подозревал писатель, здесь было всё то же солнце, которое, похоже, именно сегодня решило превратить наших персонажей в обугленные головёшки. Или головешки?

Словно блин по сковородке,
я растёкся от жары:
ни до секса, ни до водки,
ни до паюсной икры!

– Серёжа, друг мой, – обратился Володя к Полтавцеву. – Ты случайно не знаешь, как правильно сказать: головёшки или головешки?

– Конечно, знаю, царица лесная, – непонятным титулом подтвердил своё знание сторож и, полистав заветную книжечку «Для му.мы.», пояснил:

– Например, в словаре Даля ударение стои́т на букву *е*, то есть головешка.

Тут Афанасьич прочистил нос, после чего воскликнул:

– Но сто́ит ли верить этому Йоханычу, всю жизнь притворявшемуся Иванычем и обрусевшим датчанином? Лично я таким не верю!

– А кому веришь, мать моя партия? – обалдев от лекции, спросил Мусаич.

– Народу, – просто, как профсоюзном собрании, объяснил охранник. – Нашему трудовому русскому народу, который в своём величии однажды придумал искромётную народную песню:

– Загорая понемножку,
превращаюсь в головёшку!

Потом объяснялец набрал в лёгкие воздуха и закончил песню припевом:

– В Анапе, в Анапе – но только не где-то –
анапская бухта, анапское лето!

«Ну что ж», подумал Кулемзин, «звучит вполне убедительно!», а вслух сказал:

– А не пора ли нам озвучить заявки на среднюю *тёмную*?

Коллектив игроков и примкнувших к нему сочувствующих тут же спустился с филологических небес на грешную землю Великого Треугольника, после чего игроки робкими голосами начали озвучивать *записывающему* писателю свои мечты и надежды. Для Володи всё это казалось сейчас неистощимыми эякуляциями вздорных идей, и автору нашего великого повествования даже показалось на миг, что на голове Альбионыча незримо возникла белая самурайская повязка *хашимаки* с иероглифами

マスト勝利

, что, как известно даже младенцам, означает *обязательно победить*!

Особенно возмутительным марсианину показался тот факт, что Салихдзяныч, явно забыв правила приличия, заказал аж 6 взяток, видимо, мечтая, оставить весь коллектив без сладкого!

– Старичок, ты что, яйчики-бабайчики, с так называемого ума съехал? – обратился он к трубачу, который тут же возмущённо запыхтел.

Батыршин не любил, когда его подозревали в слабоумии, и ответил так, как придумал давно, но не воспользовался своей придумкой ещё ни разу:

– Я называю ёперные вещи своими именами!

– О-о-о! – восторженно протянул литератор. – Поздравляю: ты уже разговариваешь с вещами!

У меня сегодня горе –
от жратвы болит кишка:
я с вещами погуторю,
как Федóра из стишка!

И только было открыл рот возмущённый военный для ответа, как в кармашке володиной рубахи затренькал телефонный звонок. По его возмущённому звуку, от которого даже заходила ходуном могучая фигура покерного гуру, все поняли, что звонок пришёл по талгатовскую душу. Так оно и оказалось!

– Не от…ве…чай! – прерывисто, как будто его душили, воскликнул старший прапорщик, но опоздал: Володя уже нажал кнопочку соединения.

– Передай этому придурку, – почему-то не поздоровавшись, начала орать еврейская супруга, – что я звоню уже с вокзала! И завтра мы с детьми будем на месте!

«Надеюсь, не на Лобном?», хотел было плоско пошутить литератор, но Аида уже отключилась от связи.

Все горестно молчали, переживая за товарища, получившего страшное известие.

– Надо бы как-то успокоить женщину, – озабоченно произнёс литератор. – А то вишь как разбушевалась – прямо чистый Фантомас! Предлагаю отправить на тот номер, с которого она звонила, sms-ку с каким-нибудь успокаивающим стишком.

– Так я таких вообще не знаю! – огорчённо воскликнул обер-фельдфебель.

Но Альбионыч уже что-то строчил на виртуальном экранчике, потом нажал кнопку отправки и прочёл коллективу написанное:

«Мой голос чист, он по тебе томится
и для тебя окидывает высь.
Взмахни руками, обернись синицей

и щучьим повелением явись!»

– Класс, мать честна́я! – восторженно завопил сторож. – А можно, я себе это перепишу и покажу как-нибудь Зуле?

– Конечно, – улыбнулся добрый саксаульский поэт. – Сейчас я тебе продиктую…

– Да не надо, я и так помню, – успокоил его Афанасьич и набросал на чистый листок блокнотика «Для му.мы.» четыре строки, которые запомнил наизусть – видимо, так сильно они запали в его мятежную ду́шу.

«Одарить бы на прощанье – нечем!
И в последний раз блеснули и,
развязавшись, поползли на плечи
крашеные волосы твои…»

– Ну вот, теперь порядок в танковых войсках! – глупой присказкой выразил он удовлетворение от содеянного.

А сосед Аиды Яковлевны Либерзон по купе трижды перечитал полученное сообщение, затем тяжело вздохнул, видимо, вспомнив что-то своё, наболевшее, и отключил мобильник вообще.

Глава 105. ДООБЕДЕННАЯ ПАРТИЯ (и ещё одно продолжение)

Средняя *тёмная*, как, наверное, уже успел заметить мой читатель, была просто-таки средоточием всего того нервного, что есть в великой *русской кочерге*. Здесь каждый был волен заказать сколько угодно взяток – для того, чтобы выправить ранее потерянное в боях положение, и вот эта глупая надежда толкала игроков на весьма необдуманные фантазии. Кроме уже отличившегося Талгата, который, как мы помним, заказал 6 взяток, решил выделиться своей непредсказуемостью Серёжа, которому приспичило заказать аж 5 взяток, затем по три взятки были приписаны в соответствующие столбики в *раскладке* Володе и Нуртаю. Таким образом, общее количество назаказанного составило аж 17 взяток, а карт разыгрывалось всего 12, поэтому за покерным столиком возникло положение, которое игроки называли портняжьим словом *рваться*. Например, сейчас художник подтолкнул локтем антенщика и, показывая на записи, тихонько пробормотал ему на ухо:

– Гляди, святой Малевич, 5 взяток рвутся!

Взяли мы не с потолка,
как *в напряг* встречаться:
взятки рвутся с поводка –
лая, в бой стремятся!

Надо сказать, что данная партия вообще нравилась Валере и Васюхану: она не была такой скучной, как остальные, когда покеристы посвящали всё время исключительно игре, а, напротив, была весёлой, так как в коллективе то и дело возникали стихийные разговорчики на отвлечённые темы, перебранки с употреблением разных нехороших слов и глазоискрометание, рискующее поджечь траву Бермудского Учпучмака. А трава эта, подчиняясь законам не земным, а солнечным, была исключительно сухой, так что была готова вспыхнуть в любую секунду. От жары покерную хевру спасало только пивко, но и оно давно закончилось, так что трения в коллективе по поводу игры были бесконтрольными и опасными.

Здравствуй, Бабушка Жара,

паричок из ваты!
Ты чего нам принесла,
старая карга ты?!

Как и ожидалось, положение о том, что взятки *рвутся*, привело к плохим последствиям: каждый из игроков, не слишком анализируя пришедшие карты, начал хапать всё, что только мог достать *грандами* и крупными козырями. И это был типичный эффект кобры! Не слышал, мой читатель, о таком? Так сейчас услышишь.

Эффектом кобры учёные называют такое состояние, когда выбранное для устранения некоторой проблемы решение не приводит к возможности её решить, а ведёт к прямо противоположному целям результату. И тому, кто родился на территории СССР (б), наверняка хорошо известны такие примеры! Но при чём же тут кобры? А вот при чём.

По легенде, во времена колониального правления в Индии британцам стало досаждать, что в Дели развелось слишком много кобр, и, чтобы избавиться от ядовитых змей, губернатор назначил награду за каждую убитую кобру. Вначале количество змей в результате их уничтожения быстро сократилось, однако вскоре предприимчивые индийцы начали сами разводить кобр – ради премии! Когда об этом стало известно правительству, и награда за убитую кобру была отменена, разводчики выпустили *обесценившихся* змей на волю, и, таким образом, количество ядовитых кобр не только не уменьшилось, но даже возросло!

Ради денег я лютую,
для родни устроив ад:
кобру в доме развожу я, –
чтоб продать бесценный яд!

В результате вот такого бесконтрольного хапанья всегда происходит то, что здесь берут взятки не те, кто лучше оценил ситуацию или просто лучше играет, а тот, кто просто успел хапнуть. Легче всего это было сделать старым антагонистам Кулемзину и Курманбаеву, которые заказали всего по три взятки. Именно они и поднялись в *раскладке* на искомые 120 очков, не оттолкнувшись и не приблизившись по отношению друг к другу. Хуже пришлось Батыршину и Полтавцеву: старший трубочист… тьфу, трубач пролетел на три взятки, или 120 очков в минус, а охранник на 90 очков, или две взятки.

– Ну вот, всё правильно! – в уме сосчитав количество пролётов, радостно воскликнул Николаич. – Как раз на 5 и *рвалось*…

Затем он заметил возмущённые молнии из глаз проигравших, но было поздно: живописец понял, что только что обрёл двух врагов на всю жизнь. И спасти положение можно было только одним – сходить за пивком, потом равнодушно отдать по бутылочке Володе и Нуртаю, а потом торжественно и с извинениями предложить пиво Серёже и Талгату.

Валера отвёл спонсора коллектива на четыре метра от места покерных боёв и изложил ему свой гениальный план. К его счастью, Альбионыч, который всегда старался выручить товарищей, согласился, немедленно выдав очередному ходоку очередную купюру. Художник взял низкий старт и бросился в лавку Калимы, как самоубийца с Эйфелевой башни.

– Мне больше не бери, – неожиданно выкрикнул ему вслед музыкант, который страдал на 41 процент больше, чем бывший текстильщик, после чего объяснил свою странную просьбу:

– Я, йодистая жизнь, больше не могу…

И хорошо, что набравший скорость Муравлёв не слышал этого глупого заявления!

– Ты что, пить бросил? – испугался за прапорщика Митрохин. – Ты это… завязывай! Если хочешь, я тебе на неделе бесплатно какой-нибудь тюнер установлю…

– Оставь его, Васюхан, – попросил писатель, после чего объяснил:

– Ведь это не более чем *мнимое раскрепощение*, своего рода бунт подкорки против, яйчики-бабайчики, условностей бытия.

– А-а-а, ну тогда ладно, – согласился старший джус. – Тогда не установлю.

«Мой друг ведь лучшего достоин»,
я в предложенье отразил,
«хотел я быт твой обустроить,
но как-то сразу и забыл!»

Так как в сельпо отправился не игрок, а сочувствующий, марсианин предложил возобновить битву. Сдав себе и остальным вновь по 12 карт, он хорошо рассмотрел свои. Стали пялиться на пришедшие карты и остальные участники процесса, постепенно рождая в своих тыквах планы спасения после *тёмного* проигрыша. Но Сука-судьба, как известно из капитального труда профессора Фекалина «Бытие как неустановленный фактор развития Вселенной», ленива по отношению к землянам и предпочитает, чтобы всё в их жизни пускалось на самотёк. Вот и на этот раз она не соизволила явить милость к падшим, как когда-то призывал Сергеич в своём стихотворении «Exegi monumentum»[221] 1836 года, который многие неправильно называют «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»

[221] ***«Я сделал памятник» – лат.***

Напротив, это была какая-то пропадлючья антимилость, так как и в этом роббере, и в следующем, и даже в игре на 10 картах и Афанасьич, и Салихдзяныч снова проигрывали, перманентно списывая свои с таким трудом заработанные очки. Единственно, чем отличались эти робберы от предыдущих, так это тем, что больше стало везти большевику, и писатель даже на всякий случай обошёл покерный столик – на предмет того, чтобы убедиться, что за спиной Нуртая не прячется никакой нечистый *иблис*.

Я давно ведь отморожен –
потому досель живой:
мне *иблис* в игре поможет,
так как верю я в него!

К этому времени из лавки вернулся Валера, осуществил свой хитрый план по извинению и был прощён приглавшими, а Альбионыч с досадой констатировал, что игра опять остановилась на несколько минут. Но не таков был литератор, чтобы просто так терять время, поэтому на момент этого короткого распития, внимательно посмотрев на Мусаича, вспыхнувшего лицом под его взглядом, рассказал собравшимся некую поучительную историю под названием

Глава 106. КАК ВОЛОДЯ ОТОМСТИЛ ТЕМ, КТО ЕГО ОБМАНУЛ

– А сейчас я хочу поделиться с вами своим опытом покупки товаров с наложенным платежом, – начал он рассказ.

– Как это, царица лесная? – удивился сторож, но на него зашикали все, чтобы не мешал, а один из дворовых детей, пробегая мимо, даже подтолкнул его рукой, правда, не со зла, а нечаянно.

– Случай старый, – продолжил рассказчик, – а именно из тех времён, когда ещё не было интернет-магазинов, но зато работала служба «Товары – почтой». И вот, обнаружив как-то в почтовом ящике буклет этой службы, заказал я географический атлас мира – хорошую книжку, большую и цветную. Помнится, последний такой атлас я покупал ещё в Советском Союзе (б), а за это время политическая карта мира сильно изменилась.

Рушатся сёла и зданья,
кажется полюс белей,
страны меняют названья,
чтобы запутать людей!

Не помню сейчас его цену, но атлас этот был довольно дорогим. И вот когда на почте я получал заветную посылку, ума отказаться от неё как-то не хватило, хотя вся бандеролька оказалась подозрительно маленького размера. Дома я распаковал её и вдруг обнаружил, что мне выслали какую-то сувенирную книжонку формата 6×8 сантиметров!

– Неужто обдурили, мать моя партия? – радостно предположил педагог, дохлёбывая свою бутылочку пивка.

– Да, Нуртай, именно обдурили, – с горечью подтвердил Володя, после чего продолжил нелёгкую историю:

– Да, теоретически это был атлас мира, но чтобы что-то в нём прочитать, нужен был телескоп Хаббла, которого у меня никогда не было. А в ответ на мои призывы о справедливости работницы отделения связи дружно пожалели меня, от души поржав над лохом, как они меня тихонько назвали, но я всё-таки расслышал!

– И что, ты так всё и оставил? – спросил Альбионыча художник, дохлёбывая последние капли из своей бутылочки «Тянь-Шаня». – Я бы, например, святой Малевич, так всё не оставил!

Зло скопив, без всяких скидок,
зубом щёлкая, как волк,
не спущу врагу обиду –
посажу его на кол!

– Так и я не оставил, – не разочаровал его в своей предприимчивости друг Кулемзин. – Я второй раз за день пришёл домой, вновь разыскал этот пакостный буклет, сел за стол и… терпеливо заказал почти всю их библиотеку. А это, други мои, было ни много ни мало 96 заказов!

– Зачем, ёкарный буклет? – удивился Салихдзяныч, дохлёбывая последние капли из своей бутылочки «Маршала»

– А затем, что через какое время не я, а почтальоны стали толпами приходить ко мне домой!

– Как это, мать честна́я? – повторил свой вопрос с предыдущей страницы Афанасьич, чуть не подавившись последними каплями из своей бутылочки «Жигулёвского»

– Да так, что две недели они долбали меня своими требованиями забрать гору почтовых посылок, грозили непонятными карами, но я был к этому морально готов, так как вовремя изучил уголовный кодекс Республики Саксаулия и состава своего преступления в нём не нашёл, поэтому наотрез отказался их получать.

– И что? – волнуясь, спросил антенщик Митрохин.

– Да то, Васюхан, – закончил историю литератор, – что все эти книжки поехали обратно – *за счёт отправителя*, как это и было прописано в договоре между службой «Товары – почтой» и Минсвязи нашей родной суверенной страны!

Строг закон и беспощаден –
это надо нам понять:
договор на то и даден,
чтоб его не выполнять!

Глава 107. ДООБЕДЕННАЯ ПАРТИЯ (почти окончание)

Между тем далее игра покатилась не в таком стремительном темпе, как это было раньше, а как бы с горки – углом всего градусов в 30. В игровом выражении это означало то, что явных перекосов в сторону побед одного игрока и поражений остальных не было: карты словно по мановению волшебной веточки распределялись практически ровно, заказы тоже не отличались претенциозностью, и вот такая ровная игра, если и не нравилась самим покеристам, многие из которых были обуяны жаждой первенства, то страшно нравилась тем, кто откровенно скучал во время сражений, то есть Валере и Васюхану.

Володя прилагал много усилий, чтобы приобщить этих двух олухов (в контексте *русской кочерги*) к покерным битвам, но все его усилия пока сводились на нет. Он перманентно объяснял им, что чем больше игроков находится за столом, тем интереснее получается игра, тем больше возникает игровых комбинаций, тем напряженнее становится битва, где каждому участнику приходится сражаться не против троих, а, скажем, сразу против пятерых соперников, но всё было напрасно: и художник, и антенщик во время таких уговоров словно бы отключали свои парные о́рганы слуха, иногда тихонько переговариваясь друг с другом, а, значит, и слыша только самих себя.

Не с испуга иль недуга,
на двоих найдя приют,
слышат муж с женой друг друга,
только если вместе пьют!

И поэтому сейчас, когда страсти практически улеглись, когда всё шло как никогда ровно, то и дело возникали дружелюбные разговорчики, которые были по душе неиграющим Николаичу и Васюханычу. И только одно несколько напрягало коллектив, который прел и потел не на шутку, с трудом вынося летнюю саксаульскую жару, достигшую к тому времени 39° по А. Н. Цельсию. Правда, Кулемзин всё ещё питал некоторую надежду на небольшой дождик, и на это у него были основания, так как изредка он включал свой марсианский приборчик МИНА, расположенный сразу за левым ухом – в невидимой ямке под его мочкой. А чтобы моему читателю было понятно предназначение этого приборчика, то вот тебе расшифровка его названия:

Метеорологический
Инструмент
Нащупывания
Антициклона

А поводы поговорить на разные темы, которые не слишком мешали неспешной игре, проявлялись постоянно. Например, как по команде, все шестеро знатных учпучмакцев неожиданно снизили свои децибельные пороги, перейдя практически на шёпот, так как

заметили проходящих рядом с Великим ▲ людей в серой форме. Удивительно, но тут же снизился и общий шумовой фон всей территории, который до этого включал в себя перебранку пенсионерок за соседним СС, или Старушечьим Столиком, ор дворовых детей, а также лай собак и мяуканье котов.

– Менталитет, яйчики-бабайчики, – тихо сказал Володя, показывая на милицейский патруль.

– А, может, мать моя КПСС, всё-таки ментальность? – мстительно попытался поправить его Нуртай, продемонстрировав коллективу по-геббельсовски тонкогубую улыбку. Так педагог делал часто, думая, что посредством такой улыбки будет выглядить более импозантно – словно владедец солидного пакета акций Чернобыльской АЭС.

Кто в Чернобыле родился, –
на погосте лишь сгодился!

– Нет, – пресёк его жалкую попытку знатный филолог. – Менталитет – это личный состав РОВД, а ментальность – способ мышления этого состава…

– А что такое РОВД, мать честна́я? – сделал нелепую попытку просвещения Афанасьич, который продолжал вовсю тянуться к ненужным знаниям.

– Запомни, Серёжа, а лучше запиши: РОВД – это

Рабочее-крестьянское
Обвинение
Варварских
Дуболомов

– Ох, страсти-то какие! – сделал ещё одну глупую попытку сторож – на этот раз перекреститься. Правда, это получилось у него плохо, после чего охранник словно обмяк, как шкурка, из которой вынули банан.

– Не расстраивайся, Серёжа, – заметив его потуги, фальшиво произнёс Мусаич, приобнимая экс-текстильщика. – Всех не перевешают! Мы умрём, но нас миллионы! А товарищи отомстят…

И, наверное, этот монолог мог быть ещё долгим, если бы его не остановил страшный рёв обер-фельфебеля и ветер, возникший на месте, где только что сидел Талгат. Большевик обернулся в его сторону, но увидел только качающиеся ветки кустов за покерным столиком и услышал сами знаете что.

Крутило его, молотило, –
как всех, кто шмурдячное пьёт:
качаются ветки уныло,
алкаш ведь за ними блюёт…

– Всякий может фиглярствовать и изображать на подмостках порядочного человека, – услышали оставшиеся за столиком голос Кулемзина, а Полтавцев, который понял, что это начало новой для него мудрости, поспешно схватился за знаменитый блокнотик «Для му.мы.»

– …но быть порядочным в глубине души, где всё дозволено, куда нет никому доступа, – завершил цитату литератор, – вот поистине вершина возможного.

– И как ты только такую хрень сочинять умудряешься? – завистливо пробормотал Мусаич.

– А это не я, – улыбнулся Володя. – Эту, по твоему меткому выражению, хрень придумал мой друг Мишель Пьерович.

– Тоже, наверное, антисоветчик? – скривил губку ленинец.

– Вот этого не уточню, хотя и думаю, что если бы он жил на четыре века позже, то относился бы к советской власти (б) так же, как и я. Монтень его фамилия, а цитата из книги «Эссес», что, как хорошо известно нашему другу Серёже, означает просто «Опыты»

Полтавцев закрыл свою книжечку, так как понял, что повторить мысль гениального француза не в состоянии, но важно кивнул головой на слова марсианина: мол, ясен пень, давно известно.

Давай, мой друг, поллитрой сбрызнем
и зло, в натуре, и добро:
давно нам всё известно в жизни,
так что пора коньки отбро…

Или вот Салихдзяныч: проиграв три роббера подряд, но каждый всего на одну взятку, он почему-то не расстроился, а только наклонил голову, отчего стал похож на маленького нахохлившегося воробья, которому чудом удалось получить военно-музыкальное среднее образование. Правда, когда к его плечу наклонился всё тот же Нуртай и, видимо, для того же утешения, старший трубач, бросив карты на покерный столик, демонстративно заткнул себе уши, чем страшно расстроил педагога.

– Я же хотел как лучше… – пробормотал он.

– …а получилось как хуже! – завершил его мысль Серёжа и довольно заржал, после чего обратился к Володе:

– Володя, правда же, у меня лучше получилось, чем у Грязнорылова[222]?

– Wow[223]! – в восторге вскричал писатель. – У тебя, старичок, получилось даже лучше, чем у меня!

[222] Аллюзия на известного политика В. С. Черномырдина – прим. полит. редактора
[223] Вы даже представить себе не можете! – перевод с англ. автора

У народа очень мало данных,
да и общий разум тоже мал:
сам себя цитировал Степаныч,
а народ записывал и ржал!

«Это что же получается, товарищи?», мысленно обратился неизвестно к кому преподаватель еврейского колледжа. «Значит, мать моя революция, меня никто не хочет слушать?». От такой обиды он вначале поиграл губами, точно жеребец, пробующий узду, затем к его лицу прилила кровь, раскрасив пятнами щёки, как в книжке-раскраске для малышей, но потом, видимо, вспомнив, что она (кровь, а не книжка-раскраска) голубая, как у всех выдающихся политических деятелей, начала заметно отдавать в синеву. Вылилось это в то, что Мусаич через какое-то малое время стал настолько синим, что этой краски хватило бы для того, чтобы выкрасить форму для личного состава небольшой воздушной эскадрильи. Шутка.

– Чего это ты так посинел, святой Малевич? – решил пошутить над большевиком Валера. – Прямо как небо в картине Хендрика Джорджаановича Аверкампа «Рыбаки в лунном свете»!

Глава 108. ДООБЕДЕННАЯ ПАРТИЯ (ещё одно почти окончание)

И лучше бы он не шутил: педагог от злости ссутулился, как горилла, и его задёргало, словно электрический скат, воткнутый своим хвостом в розетку, а наблюдавший за этими эволюциями Альбионыч даже вспомнил, как 538 лет назад некие кастильские магнаты надругались над чучелом короля Генриха Бессильного[224]. Но коммунист собрал остатки воли в кулак и даже немного привстал, чтобы толкнуть речь.

[224] Так называемый Авильский фарс – эпизод мятежа кастильских грандов против короля Энрике Бессильного, когда 5 июня 1465 года под Авилой инсургенты объявили его низложенным и провозгласили королём его малолетнего брата Альфонса – прим. ист. редактора

– Напрасно ты, Валера, меня обидел, – выдвинул гнилую претензию Нуртай. – Вместо того, чтобы замысливать свои гнусные инсинуации в отношении меня, ты бы лучше подумал над творческой концепцией пока ещё не написанной картины: «Товарищ Назарбаксов выступает с речью перед делегатами II съезда ВАСХНИЛ[225]»!

[225] Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина – высшее научно-исследовательское и координационно-методическое учреждение по водному, лесному и сельскому хозяйству СССР (б), в систему которого входили более 150 научных учреждений – прим. ист. редактора

Но художник, который давно уже попал под влияние морального разложенца Кулемзина, почему-то не испугался, а наклонился к уху Васюхана и что-то пробормотал, после чего оба залились тихим смехом, который раньше можно было услышать только в отдельной палате с Наполеоном, Кобзоном и Тутанхамоном Тридцать Третьим.

Умный я, и в результате
поступили так со мной:
я давно в одной палате
с Горбачёвым и Шурóй[226]!

[226] Беззубый (во всех отношениях) российский «певец» – прим. автора

Между тем игра продолжалась, но постоянно прерывалась какими-то внешними помехами. Вот, например, только Афанасьич сдал игрокам роббер по 7 карт, как вновь прозвучал звонок володиного телефона. Писатель нажал соответствующую кнопочку, поднёс аппаратик к уху, после чего провёл короткий диалог на каком-то иностранном языке.

Серёжа, уже два года изучавший английский, во всём разговоре уловил только знакомую (прости, русский язык!) идиому *fuck you*. А когда Володя с досадой отключился, поинтересовался, предварительно поковырявшись в ухе, вероятно, чтобы лучше слышать ответ литератора:

– А это кто?

– Ну, достали, яйчики-бабайчики! Опять из музея мадам Тюссо звонили!

– А она тебе чего, жениться предлагает?

– Да она давно покойница[227]! А вот её наследники всё мечтают мой художественный образ из воска восплотить и в своём музее поставить – между Чингисханом и «певцом» Шнуровым.

[227] Анна Мария Филипповна Тюссо – скульптор, основатель музея восковых фигур в Лондоне (1761-1850) – прим. худ. редактора

– А ты почему, царица лесная, на них ругаешься?

– Так мало того, что они предлагают за это совершенно смешную сумму, так ведь ещё и просят доплатить!

– За что?

– Да за то, что у них, видишь ли, предусмотрен стандартный бюджет на животы, а на мой надо в два раза больше воска истратить – как на Черчилля!

Нет, не ленинская «Искра»
и не «Друг детей» (журнал)[228],
а живот премьер-министра
роль в политике играл!

[228] Московский иллюстрированный журнал для детей среднего возраста, издавался Константином Цветковым в 1887 году – прим. лит. редактора

– А слава, мать моя партия?! – вскричал Курманбаев, тайно мечтая о такой (славе, а не партии) уже много лет, хотя при этом возгласе выражение его лица осталось политически выдержанным.

– А слава, мой престарелый недруг, – ответил марсианин, – в этой стране бывает только двух видов: или Слава Зайцев, или слава КПСС, но мне, к счастью, не подходит ни одна, ни другая!

Здесь от позора и стыда за своё коммунистическое прошлое и настоящее педагогу полагалось бы пустить себе пулю в лоб, но у Курманбаева от преклонного возраста и сытой жизни со стрельбой на близкие дистанции в последнее время появились очень серьёзные проблемы. После такого (прости, русский язык!) афронта Нуртаю только и оставалось, что сделать ход конём, немузыкально заорав на весь Бермудский Учпучмак:

Не надо мне пощады,
не надо мне награды,
а дайте мне винтовку
и дайте мне коня.
А если я погибну,
пусть красные отряды,
пусть красные отряды
отплатят за меня!

И как тут можно было продолжить игру, когда на этот раз Батыршина, которого патриотические песни Мусаича провоцировали на метание харча в кустах, отсутствовал не как обычно две минуты, а целых три! На этот раз исполнение педагога оставило на его роже значительный след – например, часть лица, проходящая в анатомических атласах как челюсть человеческая нижняя, свалилась на то место, где у прапорщиков обычно болтаются юбилейные медальки.

Было видно, что очухается он ещё нескоро, потому что, приняв карты в роббере по шести, старший татарин заказал две взятки, а взял пять, что означало только одно – он не видел пришедших карт в упор. Всем стало ясно, что Салихдзяныч играл не блеф или заказал мало из-за трусости, а именно по вышеназванной причине, и это было всё равно, что зарезать павлина, а потом сварить из него супец с протухшими грибами.

– Ну ты рыцарь без страха и укропа, мать честна́я! – попенял ему Полтавцев, одномоментно проиграв сразу две взятки и почёсывая затылок.

Когда-то в средние века

повсюду жили рыцари,
и жизнь была их нелегка
в железной амуниции.
Но вот полтыщи лет назад
не стало их на свете.
Но так лишь только говорят…
Я не согласен с этим!

Хуже всего пришлось ленинцу – он пролетел сразу на три взятки, или 60 очков, и Володе эта ситуация увиделась сейчас как месть Суки-судьбы за устроенный Курманбаевым патриотическо-блевательный спектакль.

– Ну ты и интимное резинотехническое изделие! – орал он, пугая дворовых детей.

Вот уже Кулемзин сдал следующий роббер – на пяти картах, а коммунист всё никак не мог успокоиться и, как истинный садомазохист, смаковал свой фатальный промах – с причитаниями, раскачиваниями и даже подвываниями. Затем в его идеологической голове что-то щёлкнуло, после чего он стал винить исключительно себя, причём, так сильно *винил*, что из него хотелось нарéзать грампластинок. А художнику Муравлёву, давно размышляющему, на какую бы тему сваять свой очередной живописный шедевр, над головой страдальца даже привиделся некий терновый венец, очевидно, символизировавший не только карточный проигрыш, но и стрáстную тягу к халявному пивку.

В соответствии с общим мнением,
изрекающим штампы готовые,
мы должны пройти через тернии,
примеряя венцы терновые…

– А, может, всё-таки ещё по бутылочке? – наивно предложил старший джус, чтобы морально поддержать сразу весь коллектив.

– Эх, Васюхан, – вздохнул Володя. – Чувствуется, что ты недавно окунулся в покерную хевру, и поэтому не знаешь основополагающих принципов нашего совместного бытия, и оттого у тебя, видимо, пока ещё просыпается ФАЗА.

– Фаза чего? – задал глупый вопрос бывший электрик, а ныне антенщик.

– Не фаза, товарищ Митрохин, а ФАЗА, яйчики-бабайчики, то есть

Фрагментарная
Алкогольная
Зомбо-
Амнезия

Глава 109. ДООБЕДЕННАЯ ПАРТИЯ (окончание)

Что такое постоянная Планка[229], физики не знают до сих пор, потому что никто её не видел и не щупал, так как это некая *условная* величина, выражающая постоянную зависимость между другими *реальными* величинами. Но без неё ничего не получается, ничего не сходится, а прими и учти эту псевдопостоянную – и всё сходится, как в ответе на последней странице в учебнике арифметики.

[229] Макс Вильгельмович Планк – немецкий физик-теоретик, основатель квантовой физики, лауреат Нобелевской премии (1918). Постоянная Планка, или квант действия, – это основная константа квантовой теории, коэффициент, связывающий величину энергии кванта электромагнитного излучения с его частотой – прим. науч. редактора

А что было постоянным в великой *русской кочерге*? Да многое! Во-первых, правила, которые, один раз зафиксированные в игровом коллективе, не менялись до тех пор, пока не придумывалось какое-то новое, да и то утверждалось оно, как на партсобрании, большинством голосов. Во-вторых, самым постоянным было (прости меня, мой читатель, за тавтологию!) постоянное стремление каждого покериста именно к выигрышу, хотя Альбионыч много лет вдалбливал в тыквы своих соперников, что гораздо важнее победы является сам процесс игры, но вдолбить так и не смог. В-третьих, именно в этом игровом коллективе вся эта суета с картами, взятками и очками была совершенно бессмысленна без любимого напитка покерной хевры – пива разных марок, а отсутствие его заряжало сопокерников невиданной энергией – для того, чтобы доиграть как можно быстрее, а потом послать в лавку Калимы очередного скорохода.

Из-под ног искрятся искры,
но мечта лишь об одном:
мы бежим за пивом быстро,
а иначе все умрём!

Но заканчивать партию было надо, и осталось-то всего ничего – три роббера да последняя *тёмная*, которая, как уже много раз доказывалось на этих страницах, решала всё. Вот, как камень у виска Голиафа, пролетели эти короткие робберы – на трёх, двух и одной карте, и на территории Бермудского Учпучмака настала, как пишут плохие писатели, гнетущая тишина: пенсионерки за своим СС, или Старушечьим Столиком, стали разговаривать шёпотом, дворовые дети, которые вот только что орали, нарушая все законы *ухогорлоностики*, пропали вообще, притаилась в чахлых зарослях карагача карликовая русалка, которая ранее давала о себе знать, сбрасывая чешуйку-другую на покерный столик, и даже алкоголики Глав-Бух и Галлюцинация, ещё минуту назад возившиеся в облёванных кустах, либо затихли, словно «Катюши» после 40-минутной артподготовки, либо тихо отползли, словно бойцы разведроты, на радость товарищу Сталину притащившие товарища Гитлера в виде немецкого *языка*.

Положение было, как всегда, напряжённое: впереди по-прежнему скакал литератор со своими 742 очками, за ним со значительным отрывом следовал шнапс-капитан Батыршин, который к тому времени в затяжных боях сумел добыть аж 515 очков, а завершали строй сразу два игрока, у каждого из которых набралось по 488 очков, и мой читатель наверняка понимает, о ком именно сейчас идёт речь, тем более, что оба они время от времени что-то кричали то про мать честну́ю, то про мать его партию. И такое положение было напряжённым не случайно, ведь все понимали, что догнать Володю практически невозможно, а, значит, свои 4 очка в общий рейтинг игры он уже добыл, но ведь были ещё и заветные 3 очка, которые тоже казались весьма заманчивыми.

Да, конкретно едет крыша,
да, я жив пока едва,
ведь свой рейтинг не повышу,
выпив водки литра два!

Сделав весьма смелые заявки, пришедшие карты для последней игры в дообеденной партии трое игроков – Нуртай, Серёжа и Талгат изучали особенно тщательно, ведь им сейчас предстояло играть не с самым сильным игроком Володей, а друг с другом – в битве за заветные очки в рейтинге. И Кулемзин, понимая это, сейчас размышлял над более актуальной и важной задачей: чем кормить эту банду, нацелившуюся прорваться в его Личное Место-Имение? Поэтому он заказал стандартные три взятки, мельком глянул

на пришедшие карты и сделал первый ход, который поверг его соперников не просто в шок, а в ужас – кинул на покерный столик главную карту в игре, то есть Его Величество Покера – со словами:

– За простую.

И в этом нет здесь нарушенья,
коль мозг твой не совсем кривой:
простое принял я решенье,
но сложно выполнил его!

Всё смешалось в домах Бермудских, Саксаульских и Учпучмакских! Вторым за писателем ходил Полтавцев, который решил, что если Альбионыч походил именно так – по какому-то новому и неизвестному доселе правилу, то надо сделать то же самое. Он прицелился и точно бросил на володину карту свою – младшего джокера с теми же словами, правда, для убедительности упомянув какую-то даму:

– За простую, царица лесная!

Шок и ужас усилились многократно. Сидевший за сторожем Салихдзяныч уже ничего не понимал и только поворачивал лицо то к живописцу, то к старшему джусу, как бы прося у них немого совета, но ни Валера, ни Васюхан играть не умели, и просьба осталась неудовлетворённой, после чего трубач решил, что раз у него нет *грандов*, то надо отдать самую мелкую карту. Он покопался в своём роббере и нашёл такую: ею оказалась пиковая десятка.

Последним ходил Курманбаев, который страшно страдал: ведь только позавчера он в парикмахерской привёл в порядок свой комсомольский полубокс, а сейчас волосы на его тыкве шевелились от этого незапланированного кошмара. «Так что же выбрать для хода?», напряжённо думал он, но так ничего не придумал, после чего решил призвать на помощь своего самого верного друга, который никогда его не подводил – Владимира Ильича Ленина!

Большевик поднапряг мозги и тут же вспомнил гениальную работу вождя «Против бойкота (из заметок с.-д. публициста)» из 16-го тома его Полного собрания сочинений, а именно стро́ки: «В 1905 и в начале 1906 года объективное положение вещей ставило на решение борющихся общественных сил вопрос о *выборе* ближайшего пути: непосредственно революционный путь или монархически-конституционный поворот». И стро́ки помогли. «Конечно же, непосредственно революционный путь!», выбрал он и скинул какого-то невнятного валета некозырной национальности.

У меня в мозгах компьютер
для очковых для добыч:
выбираю верный путь я –
мне опять помог Ильич!

А теперь, мой читатель, подумай: а кто же забрал эту взятку? Догадался? Нет? Ну тогда слушай и не удивляйся: её взял саксаульский есаул. Как тебе такой раскладец?!

А раскладец был простой: Володя пошёл покера *за простую*, то есть превратил своего *гранда* в банальную пиковую семёрку, Афанасьич скинул своего *гранда* также *за простую*, то есть в принципе не изменил ситуацию, а вот военный положил поверх этих карт пиковую десятку, которая, как выражаются биржевые брокеры, была на три пункта старше такой же семёрки, и, наконец, Мусаич – в отсутствие в этом ходе козырей – скинул некозырную карту.

Все трое пялились на карты в центре покерного столика, пока литератор не подвинул взятку Талгату, а потом ещё и объяснил, почему.

– Так нечестно! – завопил коммунист.

– Нечестно – что? – улыбаясь, спросил его Кулемзин.

– Нельзя ходить с покера! – уже несколько тише сделал *предъяву* Курманбаев.

– А что, есть такое правило? – тихо поинтересовался марсианин.

– Нет, нет, – дружно ответили остальные покеристы.

– Тогда какие претензии? Продолжим!

Знают дети и злодеи:
сколь мозги не тренируй,
кто умней, хитрей, ловчее,
тот и держит всю игру!

И игра была продолжена, но володин ход, казалось, окончательно разладил мозги преподавателя еврейского колледжа, который стал швырять карты как попало и в итоге проиграл две взятки, или 90 очков.

Так для чего же была осуществлена эта комбинация? А всё просто: к писателю пришла слишком сильная карта, а заказал он, как помнит мой внимательный читатель, всего три взятки. В пришедшем роббере у Кулемзина был ещё один *гранд* – старший джокер, но пошёл Володя *за простую* именно покером – потому что в конце игры, когда возникает возможность перебора, проще скинуть в качестве последней карты именно джокера, который в ситуации *за простую* превращается в ноль, а вот покер – в пиковую семёрку, которая случайно может взять переборную карту!

Глава 110. О ПРАЗДНОМ ПОВЕДЕНИИ

Бывало у тебя, мой читатель, такое: увлечёшься чем-нибудь без меры и забываешь обо всём на свете, и в том числе о времени? Вот и наши игроки и им сочувствующие так увлеклись последней *тёмной*, что забыли о таком жизненно важном факторе, как обед. А давайте вспомним, где обедали наши герои за прошедшие пять томов: в первом томе у Серёжи, а потом вечером у Володи, во втором у Талгата, в третьем у Нуртая, в четвёртом у Валеры, и, наконец, в пятом – у Васюхана.

Приглашают нас не дамы,
но стремимся снова в путь:
ходим в гости, чтоб пожрать, мы, –
трудно с голодом уснуть!

«Так к кому бы отправить этих персонажей на сей раз?», подумал автор. «По справедливости, если эти игры желудка уже состоялись у всех шестерых знатных учпучмакцев, надо бы снова отправляться в гости к Полтавцеву – по очереди. Но прежде чем поступить именно так, автор своей волей заглянул в холодильник охранника. И что же он там увидел? Да ничего, ибо ни на одной из прошедших перед читателем 3269 страниц нет ни одного упоминания о том, что Афанасьичу пришла некая продуктовая посылка из Красного Креста, или что к нему пришёл какой-то таинственный нотариус и огласил завещание его деда Михея из деревни Семижопино, который, оказывается, оставил ему закопанные в хлеву три балыка красной рыбы, или бывшего текстильщика разыскала бывшая начальница отдела кадров ОХБК, которая сделала ему (прости, русский язык!) матримо-

ниальное предложение, которое он, забыв верную подругу Зулю, с радостью принял, и теперь с удовольствием ежедневно *столуется* в её шикарной квартире в центре города.

Я с цветами не ленился,
а в постели был как лев,
и удачно всё ж женился,
ведь супруга повар (шеф)!

«Значит – опять-таки по очереди! – придётся отправлять персонажей к литератору», решил автор и дунул в ушко писателю эту новость. И что бы вы думали, испугался её Кулемзин? Конечно, нет, ведь человек он, как издревле выражались на Руси, был хлебосольным, то есть с удовольствием угощал гостей исключительно хлебом и солью. Шутка.

Но, разумеется, идти в гости с пустым серёжиным хурджином было делом смертельным, и, немного посовещавшись, именно владельца котомки отправили в очередной поход за счастьем, предварительно снабдив его денежным довольствием из кармана володиной рубашки. Но случилось горе! Нет-нет, сторож не потерял денег по дороге, или зацепил за ветку свой фронтовой вешмешок и порвал его, или встретил на пути в сельпо какую-нибудь красотку и забыл обо всём на свете. Вернулся он с пустой торбой уже через минуту и объявил, что пиво кончилось, но обещают привезти его буквально через минут десять, так что придётся *потерпеть*. После этого писатель тут же придумал, что на время сурового ожидания его персонажи будут называться *потерпевшими*.

На работе и в постели,
затянув свои ремни,
крах герои потерпели –
потерпевшие они!

Но оказалось, что за покерный коллектив с двумя неиграющими не надо было переживать! Несчастные 10 минут, о которых сообщил Полтавцев, пролетели довольно быстро, так как все присутствующие увлеклись какими-то посторонними разговорчиками, а марсианин, который в них участия не принимал, стал обдумывать, чем бы накормить эту голодную свору волков с саксаульскими паспортами в тумбочках.

Так прочно кризис в голове,
что мысли только о жратве!

Но так как разговорчики были вслух, а обдумывания Володи молча, то автору придётся подробно осветить только первую часть данного предложения, тем более что он в это время стоял за карагачом и слышал, о чём идёт беседа за покерным столиком. Первым, что он зафиксировал для будущего тома, был какой-то нелепый разговор Митрохина и Афанасьича.

– Серёжа, а какое у тебя было самое большое разочарование в жизни? – поинтересовался антенщик у сторожа.

– Да про фокусы, мать честна́я! – воскликнул экс-текстильщик. – Однажды у меня не осталось денег – совсем! И я высмотрел в газетке объявление, что для небольшого заработка какая-то фирма набирает фокус-группы[231]. Я и подумал, что они обучают таких, как я, фокусам, – чтобы у людей деньги выманивать. А оказалось совсем по-другому…

[231] Фокус-группа – метод в социологии, заключающийся в организации исследования посредством сбора группы для обсуждения поставленной задачи – прим. соц. редактора

– Как это? – удивился Васюхан.

– Ну, сначала они меня обозвали каким-то респондентом!

– А что это такое? – проникся ещё большим любопытством старший джус.

– Да, наверное, то же, что и корреспондент, только без образования – как раз как я.

Что ж теперь напрасно охать,
раз несклонен я к труду?
Я учился в жизни плохо –
вот и нету на еду!

– Так что там дальше? – нетерпеливо заёрзал на покерной скамеечке трубач.

– Короче, там нужно было обязательно, чтобы этот респондент был, как сейчас помню, «достаточно осведомлён о теме проводимого исследования и мог выразить своё реальное мнение о данном социальном явлении»

«Сложно-то как», подумал Митрохин, а вслух спросил:

– А ты что?

– А я и оказался осведомлён, но, как тут же выяснилось, недостаточно, потому что когда меня что-то спрашивали, я в ответ переспрашивал: а когда, мол, вы фокусы показывать будете?

– Выгнали, святой Малевич? – неожиданно присоединился к разговору художник.

– Выгнали, – горько признался Серёжа. – И даже на всякий случай сфотографировали, чтобы я ещё раз там не показался…

Здесь Муравлёв заметил, что Кулемзин участия в разговоре, как это делает обычно, не принимает, а, как выражается странный русский народ, *ворон считает*.

– Володя, а ты чего ворон считаешь? – обратился он к писателю.

– Скорее, рябчиков, – ответил Альбионыч, который как раз сейчас вспоминал один старый рецепт. Он знал, мясо этой удивительной птицы очень деликатесное и нежное, ибо, как правило, она живёт в экологически чистых местах. Поэтому и мясо у неё вкусное, но с лёгкой горчинкой, и для того, чтобы её не было, рябчика перед приготовлением надо слегка *замочить*.

Заберусь с ружьём я в глушь глухую,
поступлю подобно палачу:
на охоте птичку *замочу* я,
а потом в водице *замочу*!

– Убить, что ли? – суровым голосом активиста партии *зелёных* спросил охранник.

Оказалось, что покерный гуру, превратившийся в мысленного повара, уже начал рассказывать о способе готовки рябчиков вслух.

– Нет, старичок, замочить – это значит просто положить тушки птички в воду – немного подсоленную, немного подуксусенную и немного подимбирную.

Глава 111. О ПРАЗДНОМ ПОВЕДЕНИИ (окончание)

«Скорее бы попробовать такую вкуснятину, мать моя партия!», подумал саксаульский большевик. «На халяву!»

– А потом что с этим ёперным рябчиком делать? – подключился к разговору военный музыкант.

– А потом его надо приготовить, – просто объяснил знатный шеф-повар второго микрорайона.

– Но как? – воскликнул джус, наконец-то образовав полный любопытствующий (прости, русский язык!) кворум.

– Очень просто – для тех, кто готовить не умеет, – развернул объяснение Володя. – И с нюансами – для тех, кто может всё!

– Это ты на себя намекаешь? – насупил брови Курманбаев.

– Не намекаю, а прямо говорю, – поправил его Альбионыч. – Итак, берём рябчика, а лучше трёх.

В это время Афанасьич вскочил с покерной скамеечки и начал тыкать в каждого присутствующего пальцем по очереди, после чего поправил рецепт марсианина:

– А лучше взять шесть – чтобы каждому по одному!

Без военной недомолвки
не расходуй лишний грош:
приготовим плов на полк мы –
будут жрать две тыщи рож!

– Хорошо, Серёжа, – согласился шеф-повар. – Итак, 6 рябчиков, красного сухого вина – миллилитров или, чтобы было понятно нашему необразованному другу Полтавцеву, граммов 400, корня имбиря – сантиметров 10, чеснока – 6 зубчиков, соли – полторы чайных ложки, чёрного перца – 5 щепоток, прованских трав – две чайных ложки, ну, и растительного масла – 3-4 столовых ложки.

– Да разве на таком количестве масла можно что-то приготовить? – удивился Митрохин, который, чтобы пожарить себе пару яиц, выливал на сковородку полпачки сливочного масла «Трудовые зори»

– Конечно, нет, – согласился с ним Володя. – Тем более, что всё, что я сейчас упомянул, нужно будет для маринада.

– Как это, царица лесная? – на этот раз удивился уроженец деревни Семижопино, к месту вспомнив, что его бабушка Федора мариновала только огурчики – для закуски под самогон.

Поступлю сегодня юрче:
не простую колбасу –
маринованный огурчик
для закуски припасу!

– А теперь запоминайте: пока рябчики замачиваются в холодной воде (примерно час), надо натереть корень имбиря, добавить к нему масло, соль, перец, прованские травы и половину вина…

– А остальную половину – выжрать! – победно закричал бывший текстильщик. – Для хорошего настроения!

– Нет, старичок, ты немного ошибся, – попенял ему Кулемзин. – Итак, всё это перемешиваем в некую пасту, которой и обмазываем наших заранее убитых птичек, а потом выкладываем их спинкой кверху в форму для запекания.

– А-а-а, мать моя КПСС, так мы их в духовке запекать будем? – в полном счастье от своего угадайства закричал педагог.

– Нет, Нуртай, ты, как всегда, страшно ошибся, – улыбнулся литератор.

– Вот как, – закусил губу ленинец. – А в чём?

– Да в том, что запекать рябчиков в духовке будете не вы, как ты выразился, а я!

Ситуация такая,
коей я сегодня рад:
я в духовке запекаю
новый финский сервелат!

Все немного посмеялись над обмишулившимся.

– А потом в эту же форму аккуратно (чтобы не смыть маринад) вливаем оставшееся вино, закрываем её фóльгой и ставим в разогретую до 200° духовку на 22 минуты, потом резко вынимаем форму, снимаем фольгу и ставим обратно ещё на 11 минут!

«Ага, святой Малевич», сделал себе мысленную отметку живописец, «значит, весь процесс будет протекать 33 минуты», правда, для чего он зафиксировал в памяти эту информацию, не знал и сам, так как самостоятельно готовить умел только то же, что и антенщик – жареную яичницу.

– Вот и всё, – завершил кулинарный обзор писатель.

– Как всё, мать честная?! – завопил сторож. – А вино?! Куда делось вино?!

– А остатками вина, кстати, очень малым количеством, так как бóльшая его часть или впиталась в птичку, или выпарилась, надо её полить – для усиления вкуса бытия!

По вкусу мне такое дело,
к тому же есть такая страсть:
вином распоряжусь умело –
отправлю всю поллитру в пасть!

– Вот это да! – воскликнул старший прапорщик. – Володя, а можно ты сегодня приготовишь не шесть, а девять рябчиков?

– Для чего? – заинтересовался бытовой кулинар.

– Ну, шесть сожрём мы, а три я заберу с собой и положу в холодильник, а когда приедет Аида с йодистыми детьми, угощу их и скажу, что приготовил сам!

«Какой изощрённый цинизм!», подумал Альбионыч, а вслух сказал:

– Нет, Салихдзяныч, нельзя. Дело в том, что в моём холодильнике сегодня нет ни одного рябчика для готовки…

– А зачем же ты городил про этих птичек? – чуть не плача, вопросил преподаватель еврейского колледжа.

– Да затем, что как раз перед этим я вспомнил одну историю, приключившуюся с моим тёзкой Фрицем.

– Это не Ницше ли, святой Казимир Северинович? – поразил всех своим вопросом Валера.

– Он, старичок, Фридрих Карлович.

– А что это за история? – полюбопытствовал Васюхан, который всё боялся, что Володя забудет накормить компанию и заставит снова играть в свою дурацкую игру.

– Тебе, Васюхан, расскажу как родному!

– А мне, мне расскажешь? – возмутился Мусаич.

– Ну, и ты тоже послушай – авось немного умнее будешь, а то твой диалектический материализм уже процентов на 47 разрушил твоё пошатнувшееся от саксаульского капитализма сознание.

И не вспомнив о морали,
в лоб мой засветив пращу,
мне буржуи мозг порвали –
я им рынком отомщу!

И Володя рассказал.:

– Пошёл как-то безумный Фриц на базар, подошёл к одному прилавку, увидел на нём товар и давай думать: «Какую бы половину рябчика взять – переднюю или заднюю? С одной стороны, вроде бы хочется отождествить акт поедания птичьей плоти с зарождением мира, так сказать, с началом чего-то прекрасного, а с другой стороны, в задней части есть вкусные ноги, хотя это явный закат и омрачение. А может, его вообще вдоль разрéзать?!»

Тут продавец по затянувшейся паузе и остановившемуся взгляду покупателя понял, что перед ним философ.

– О чём задумались, ваше философство? – спросил он Ницше.

И тогда учёный поделился своей бедой, на что продавец ему ответил:

– Несомненно, ваша теория стройна – она отражает объективную реальность и согласовывается с современными взглядами философов, однако, у продавцов есть своя истинная суть мироздания, и состоит она в том, что рябчиков половинками мы не продаём!

Мы над лохами хохочем,
зная – *ихи* деньги дым,
ведь торгуем, как *захочем*,
а, быть может, захотим!

– Вона у них как, царица лесная, – поражённо прошептал Афанасьич, после чего, на всякий случай перекрестившись, поклялся:

– В жизни никогда не буду философом!

Глава 112. СКАЗКИ III МИЛЛЕНИУМА (Двенадцатый блок)

И в этом время прямо под левым ухом Альбионыча раздался истошный вопль пробегáвшего мимо дворового ребятёнка:

– Бибика!

Литератор отшатнулся от крика, автоматически посмотрел в южную сторону, откуда ещё пока било в глаза солнце, и, прищурившись, действительно увидел подъезжавшую к магазинчику Калимы машину с пивом.

– Движение – жизнь! – произнёс он немного повышенным голосом, какой всегда бывает у всех, кто подвергся неожиданному акустическому удару, после чего обратился непосредственно к человеку, носящему звание «Заслуженный скороход Бермудского Учпучмака», то есть Серёньке Афанасьичу:

– Коллега, а как вы относитесь к данному тезису?

– Сам ты калека, – сурово отозвался охранник. – Деньги давай..

– А? – выковыривая все три слога, оставшиеся в ухе писателя от крика дворового ребятёнка, невнимательно переспросил Володя.

– Деньги, говорю, давай, – ещё суровей начал требовать сторож. – Капитал, говорю, кинь на лапу!

И вот это невинное слово, которое составители кроссвордов загадывают как главный труд младшего экономиста Карла Генриховича Маркса, всколыхнул память писателя Кулемзина, а в данное время поэта, который неожиданно вспомнил переделанную песенку учёного-географа Жака Паганеля из советского кинофильма «Дети капитана Гранта». И автор не может отказать своим читателям в удовольствии ознакомиться с этим, несомненно, выдающимся поэтическим произведением:

Жил отважный Капитал,
в неких банках обитал,
и не раз он попирал
идеал,
но однажды дед седой,
потрясая бородой,
написал, что «Капитал»
совсем худой!
Что в труде
и в бою
он присваивает долю не свою…
Капитал, Капитал, улыбнися
и судьбу свою достойно прими!
Капитал, Капитал, поделися
между всеми,
всеми добрыми людьми!

Отобрав у спонсора купюры, сторож, не спросясь, стремглав бросился к сельпо, точно маленький беспризорник на ёлку к дедушке Ленину. И напрасно он это сделал, так как не учёл фактор времени, ведь на разгрузку машины наверняка уйдёт минут 8-10. И марсианин, осознав этот факт, решил не оставлять подотчётный коллектив в подвешенном состоянии, а так как только он один знал, что действие сейчас происходит во второй части текущего тóма, постановил рассказать ему (коллективу, а не тóму) ещё один блок сказок. И рассказал! А то, что их так и не услыхал Полтавцев, так это уже не наша вина, а семижопинского торопыги…

Какую доставляет радость
любому тонкому уму,
умело сделанная гадость, –
пусть даже другу своему!

♠ ♠ ♠

1

– Багира, что со мной? Мне хочется убежать далеко-далеко, спрятаться глубоко-глубоко и сидеть тихо-тихо! Может, это любовь?

– Нет, Маугли! Это весенний призыв в армию…

2

Жил-был король со своей королевой, вот только детей у них не было. И говорит тогда король:

– Испеки мне, королева, пиццу!

– Ты что, совсем обалдел? – отвечает королева. – Что я тебе, кухарка какая?

– Эх ты! – попенял ей король. – Я-то тебя простой Золушкой взял, обул-одел, в люди вывел…

А сказочке тут не конец. Сказка у них уже через месяц после свадьбы кончилась!

Мало Золушкой родиться,
в доме целый день трудиться, –
надо ещё адрес знать,
где туфлю ту потерять!

3

Испекла бабка Колобок. Получился Колобок румяный, но какой-то неживой. И похоронили его дед с бабкой в своих желудках, а потом перезахоронили – за амбаром…

4

У всех есть детки: у бабочек, рыбок, птичек, кисок и собачек. И только у карандашика нет деток, потому что у него на конце – резинка!

5

Сначала *дедушка* создал Землю, потом немного отдохнул и создал зверей и растения. Потом немного отдохнул и создал мужика. Потом немного отдохнул и создал женщину.

С тех пор ни *дедушка*, ни мужики не имеют ни минуты покоя!

6

Самым счастливым днём в жизни Пятачка стал тот день, когда Винни-Пух принял мусульманство!

7

– Здравствуйте, Иван Царевич! Мы получили вашу стрелу. К сожалению, сейчас все лягушки заняты, но ваша стрела очень важна для нас. Оставайтесь на линии…

8

– Ну что, дочери мои, еду я в далёкие края. Привезти вам цветочек аленький?

– Папа, а можно как-то менее пафосно за хлебом сходить?

9

Идут Чебурашка с Геной по железнодорожным путям. И Чебурашка говорит крокодилу:

– Гена, а давай я возьму чемодан, а ты возьмёшь меня?

– Ну хорошо, мой маленький извращенец!

10

– Сынок, чем ты не доволен? – поинтересовался папа Карло. – Ты же хотел на Новый год получить зверюшку. Тебе что, не нравится подарок?

– Так я же хотел котёнка или щенка...

– Ну, не все дети получают именно то, что желают!

– Да, но этот бобёр как-то странно на меня смотрит...

Парнишка внешне был довольно милый,
но он (а тут кому как суждено)
был сыном Карабаса и Тортиллы,
но жутко не отёсан! Как бревно…

Глава 113. В ГОСТИ К ОСНОВОПОЛОЖНИКУ

И как раз с окончанием последней сказки на условном горизонте появился Полтавцев. Он подошёл к покерному столику твёрдой солдатской походкой и также по-солдатски доложил:

– Добыл всё по лучшему разряду!

, хотя критерии этого таинственного разряда в докладе не обозначил никак. Писатель вы-

слушал гонца с видом римского патриция, которому раб доложил о том, что нечистоты из выгребной ямы перелились через край и грозят затопить *атриум*.

– Вольно, товарищ скороход! – отдал команду спонсор коллектива, но, заметив, как к серёжиной котомке потянулись сразу восемь жадных рук, отодвинул хурджин в сторону и напомнил:

– Други мои, мы же договорились, что пивко – исключительно под обеденное блюдо! Тем более, что отряд, я надеюсь, уже готов к отбытию во вверенное мне Личное Место-Имение, или, говоря языком конголезских пролетариев, в квартиру № 4. Товарищ старший прапорщик, построить личный состав для передислоцирования!

Единица боевая,
подустав врага гнобить,
дислокацию меняет,
брюхо чтоб быстрей набить!

Салихдзяныч, втянув живот, чтобы быть больше похожим на стандартного военного, быстро построил игроков и примкнувших к нему бездельников в колонну по одному и отдал команду:

– На ёперную жратву – ёкарным шагом марш!

Потом он наклонился к уху литератора и тихонько прошептал:

– Володя, а, может, сначала по одной, а потом уже пойдём?

– Хорошо, – внезапно согласился покерный старшой. – Я согласен, но только в том случае, если ты прямо сейчас, при мне произнесёшь волшебное слово *сиреневенький.*

Талгат поднял, что попался и повёл строй к подъезду.

Замыкающим в строю шёл Кулемзин, одной рукой неся полиэтиленовый мешочек с колодой карт, авторучкой и *раскладкой*, которые он только что собрал с внимательной придирчивостью многоопытного завхоза, а другой (рукой, а не *раскладкой*) на всякий случай прижимал к себе торбу сторожа с ценным содержимым. Ледяные бутылочки, весело перезвякиваясь по дороге, играли Походный марш для духового оркестра 1932 года Дмитрия Кабалевского, и согревали (что было весьма странно для холодной тары) душу Альбионыча.

Ритм походу задавал марсианин, чётко декламируя речёвку текущего времени:

– Долой кефир и клизму!
Вперёд – к капитализму!

Правда, перед самым входом в подъезд строй распался, и вперёд, как и подобает настоящему коммунисту, вырвался Курманбаев. Он ткнулся в металлические двери, подёргал их несколько раз и, поняв, что они прочно заперты на неизвестный кодовый замок, смущённо отступил в сторону. А перед взором литератора тут же возникли две с половиной строчки из своей (пока недописанной) повести «Коран и маузер»: «И тогда Чёрный Муратбек вспомнил: на Востоке не зря говорят, что у молодого верблюда ноги заменяют мудрость, но к финишу всегда приходит первым более мудрый старый верблюд!»

И, подобен большому верблюду,
водку пить я сегодня не буду!

Тогда Мусаич со всей присущей ему коммунистической решимостью постановил открыть дверь с помощью другого приёма. Он встал торжественно – как мумия Ильича I во время уборки мавзолея, и также торжественно запел:

– Сегодня мы не на параде,
а к коммунизму на пути! –

, но Альбионыч, заметив, что трубач уже открыл рот, поспешно продолжил песню, чем спас порожек подъезда от поругания в виде незапланированного метания харча:

– Но если закусон украден,
то лучше к нам не подходи!

После чего дверь подъезда волшебным образом растворилась, так что ни наши герои, ни ты, мой читатель, ни даже автор сего повествования так и не узнали, чей же магический голос сработал в данном случае как восточное заклятие *сим-сим, откройся!* А писатель, подумав буквально секунду, понял, почему его, в отличие от, например, Салихдзяныча, никогда не трогают патриотические песни Нуртая. «Да просто мне всё фиолетово и параллельно», подумал марсианин, «а, значит, я моральный дальтоник и геометрический нигилист!»

И, действительно, автору хорошо известно, что его герой Володя, лишённый марксистских рефлексий и пролетарских комплексов, старался особо не прислушиваться к своему внутреннему голосу, и это было правильно: ну, подумайте, какую полезную информацию он мог извлечь из бурчания в животе?! Наверное, поэтому на вопрос: «А как у вас с чувством юмора?» литератор неизменно отвечал, что, мол, такое чувство у него присутствует, но с возрастом оно стало заметно попахивать цинизмом.

Наконец и хозяин, и гости (*иблис* их задери!) вплотную приблизились к заветной двери с фантастическим номером 500[232] и, пока Кулемзин искал по карманам ключи, его спутники вовсю вдыхали миазматические «запахи», проникающие через дырявую обшивку соседской двери, принадлежающей алкашке Галлюцинации.

[232] История этого номера – в главах 187-188 пятого тома романа – прим. гл. редактора

Порой повеет запах странный –
его причины не понять:
противный, гадкий, тухлый, сраный –
невыносимо обонять!
Быть может, лук гниёт с редисом
на кухне в мусорном ведре,
быть может, где-то сдохла крыса
и разложилась на жаре?
И вот, принюхиваясь, ходишь,
источник запаха того
везде ища, но не находишь!
Да, не находишь ничего…

А хозяин Личного Место-Имения вспомнил ещё одну историю, на сей раз связанную не с номером, а само́й новой дверью, которую он установил через день после въезда. Мастера, которые её поставили на место старой, почему-то эту старую не взяли в собой, а поставили рядом с почтовыми ящиками – в тесном проёме между пятью ступеньками на первый этаж и выходом из подъезда. Так она простояла там пару дней, пока к новому жильцу не пришла делегация старых жильцов во главе с решительной старшей по дому Жанной Пантелеевной, или Ж. П., как позже назвал её наш герой, – с суровым предписанием немедленно убрать старую дверь из подъезда! И новый жилец, вспомнив, в какой стране он живёт, тут же нашёл гениальное решение проблемы: на специальной липкой

бумажке, которые другие, видимо, для забавы лепили на компьютерных мониторах, он написал фломастером:

Дверь не воровать, заберу позже!

, после чего отправился по своим делам, а дел, помнится, было много: поменять в квартире обои на стенках и линолеум на полу[233], а также приобрести на ближайшем рынке специальный девайс для чистки морковки, которые сразу же после распада СССР (б) появились в каждом магазине, а до этого приходилось чистить овощ ножом, рискуя познать такую неприятность, как авточленовредительство! Надо ли говорить моему читателю, который тоже или родился в этой стране, или же проживает в ней сейчас, но на следующее утро, выходя из подъезда с двумя вёдрами холодной воды для обливания организма, писатель с удовольствием заметил, что ненужную дверь всё-таки спёрли!

[233] Кстати, о переезде героя в новую квартиру какой-нибудь саксаульский Радищев вполне мог бы написать книгу под названием «Путешествие из второго микрорайона во второй» – прим. автора

Что за долбанная страсть?
Сколько ж можно двери красть?!

Но вот, наконец, искомые ключи были найдены, дверь открыта, и скромная двухкомнатная (если не считать ещё пяти скрытых) квартирка основоположника *русской кочерги* на территории Бермудского Учпучмака наполнилась сразу же шестью мужскими телами, пятеро из которых немедленно разбрелись по всему жилью – в ожидании, как филологически выражался Серёнька Афанасьич, *знатной хавки*.

Глава 114. ДРУГ ТОСКЛИВЫХ ВЕЧЕРОВ

Хозяин быстренько сходил на разведку – в собственный холодильник, прикинул, какие продукты в нём сегодня числятся в наличии, и, наконец, задумал угостить гостей одним блюдом, которое, надо признаться, затевал редко – по причине его долгой готовки. Затем он согнал всех пришельцев в большу́ю комнату с большим телевизором – на предмет отвлечения их от мыслей о еде, после чего включил бытовой предмет, который называл зомбоящиком имени Зворыкина[234].

[234] Об этом – в главе 166 второго тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

Телевизор – это что-то!
Это не хухры-мухры!
В нём серьезная работа
и нездешние миры.
Не подъемля зад с дивана,
можно всё в себя вместить,
все изведать океаны,
все театры посетить,
вместе с Думой покумекать,
посмеяться есть резон,
лучших девушек планеты
обозреть со всех сторон.
Детектив по воскресеньям,
утром, вечером и днём…

И какое ж наслажденье
выключить его потом!

Володин телевизор был немного современней, чем упоминаемые в прошлых томах такие же электроприборы в домах остальных главных героев, а, значит, и каналов, которых в него напихали (прости, русский язык!) провайдеры, было тоже больше. Особенно этому радовался уроженец деревни Семижопино, который до 10 лет даже не знал сло́ва *телевизор*, а когда узнал, долго не мог понять, что это такое. Вот и сейчас, радостно схватив пульт, который казался ему Главной Ручкой на космическом корабле, он стал быстро переходить с кнопки на кнопку – в поисках какого-нибудь канала, где именно сейчас показывают футбол, но попадались всё больше каналы, на которых, как выражалась его подруга Зуля, «вообще нечего смотреть»

Вначале на экране возникла картинка с названием передачи «Уроки мастерства», затем появился слащавый ведущий, который радостно затараторил:

– Как вы думаете, уважаемые телезрители, можно ли из одного кирпича построить целый дом? Оказывается, можно, причём не один дом, а даже несколько! Поделиться секретами мастерства я приглашаю в студию старшего инспектора ГАИ Амиржана Амиржанова!

«Мне такое строительство ни к чему», решил сторож. «Есть однушка, мать честна́я, – и хватит!», после чего защёлкал пультом дальше.

По каналу «ТДК», что учредители амбициозно расшифровывали как Телевизионный Дамский Клуб, шла передача с тривиальным названием «Здоровье» – видимо, специально для дамочек, от безделья и лени желающих обнаружить у себя все болезни, которые к этому моменту изобрело человечество.

Воробей сидит на ветке,
рыба плещется в реке –
я шагаю с чёрной меткой,
с очень чёрною в руке!
Выше нормы полный градус
и чихание – не вздор:
поликлиничный диагноз
как монарший приговор…

Затем Полтавцеву повезло – он попал на самое начало какого-то современного сериала, и это было понятно по крупной надписи в центре экране:

В данном фильме могут демонстрироваться табачные изделия.
Курение вредит вашему здоровью!

Альбионыч с отвращением смотрел на эти ханжеские заставки, ибо хорошо понимал, что сейчас увидит сцены коррупции и бандитских разборок, оборотней в погонах и чиновничьих креслах, взятки, предательства, заказные убийства и реки крови, но телевизионное начальство предлагало искренне поверить, что всё это гораздо лучше, чем табачные изделия!

Немного порадовал детский канал «Карусель», где шёл старый мультик про Простоквашино, но утомлённому дневными событиями литератору показалось, что раньше сцена знакомства мальчика и кота была какой-то другой:

– Неправильно ты, дядя Фёдор, бутерброд ешь. Ты его колбасой кверху держишь, а надо было её срок годности проверить! Вот видишь, ты сейчас даже не удивлён, что с то-

бой кот разговаривает!

Но особенно противным было то, что на телевидении неизвестным Мичурину способом расплодились множество так называемых музыкальных каналов, где от музыки было только то, что под демонстрируемый (прости, русский язык!) контент на экране дёргались молодые люди, вытворяя ногами и руками какие-то гнусные непотребства.

Пока коплю на телевизор,
чтоб деградировать как все,
перебиваюсь чем попало:
читаю в парк, хожу гулять…

Канал «МузТВ» демонстрировал жизнерадостное лицо сорокапятилетней Мадонны, урождённой Луизы Сильвиоевны Чикконе, которая пела о том, что мальчики приходят и уходят, а у неё по-прежнему всё o'key!

На другом канале шёл какой-то музыкальный фестиваль, которых в последнее время также расплодилось во множестве – видимо, из-за того, что российские попсовики часто жаловались на то,что у кого-то другого призов в виде микрофонов, граммофонов и прочих *фонов* гораздо больше, чем у них.

Телевидение на таких фестивалях, как в фокусе, высвечивало всё душевное убожество этих «звёзд». Все эти псевдосветила, ненавидящие друг друга стервозной ненавистью, перед камерами обменивались милыми улыбками, аплодировали фонограммам соперников и в своих ответах на вопросы телеведущих все как один говорили о любви, доброте и *дедушке.* Особенно противно это было смотреть где-нибудь *в глубинке*, когда такую бодягу видела полуголодная перефирия, сплошь отсидевшая или выросшая на лагерной фене, с каждым днём всё больше утверждающаяся во мнении, что Москва – это Содом и Гоморра, заслуживающая Суки-судьбы Помпей!

Птицы не мешают никому,
хоть не каждой чудный голос даден.
В жизни все поют, и потому
чёрт-те что творится на эстраде.
Вы слыхали, как теперь поют?
Нет не птахи наши, полевые, –
я про песни те, что создают
певчие исчадия России.
Звёзд разводят как грибы уже –
в кулуарах, а не на полянке:
сыроежки все с приставкой *лже*,
есть и откровенные поганки.
Вот они расселись тут и там,
и поют. Ну что сказать про это?
Как узнать мне их по голосам,
если го́лоса, простите, нету.
Звуки вырастают как в носу,
меж двух нот четыре слова встряли!
Если б птицы пели так в лесу,
мы бы их давно перестреляли…

Ванильно-сахариновая попса пёрла со всех сторон – продукт, как отзывался о ней Кулемзин, широкого потребления, к тому же не требующий наличия зачатков разума. Особенно страшно филологу Альбионычу было слушать некую Екатерину Чупринину, кото-

рая, идя в «звёзды», страшно застеснялась привычной фамилии своих родителей и стала Катей Лель.

Я не дурак и понимаю,
что каждый может сесть на мель,
но пятый раз за год мечтаю
убить поэта Кати Лель!

Именно в этом желании Володя был солидарен с целой армией поклонников рока, в котором хотя бы прослеживался какой-то смысл. Вот и сейчас он, с трудом сдерживая неприятные позывы, более привычные старшему прапорщику, прослушал аж две строчки этой «певицы»:

Попробуй муа-муа, попробуй джага-джага,
попробуй у-у-у, мне это надо-надо!

, после чего вырвал пульт из руки Афанасьича и щёлкнул кнопкой в другую сторону, надеясь на лучшее – что делал крайне редко, так как из христианской троицы вера-надежда-любовь особо не почитал именно вторую сестру, и не потому, что был философом-нигилистом, а потому, что за пятьдесят лет жизни хорошо изучил так называемых людей.

Сами собой в голове знатного поэта сложились страшные строки:

Попробовал я муа-муа,
попробовал и джага-джага:
муа – большой кусок дерьма,
а джага – мутная спиртяга.
Попробовал и у-у-у,
чтоб завершить эксперименты,
позор мне любопытному:
у-у-у – собачьи экскременты.
Послушал я её совета,
блевал три дня – вот вся награда.
Хочу лишь одного: ответа,
а на хрен Кате это надо?!

Но уйти от проникающей в сознание попсы оказалось не так-то легко! Ужасную Катю со сказочной мужской фамилией[235] сменила ещё одна трудно восходящая звезда эстрады – некто Хворостян, который затянул песню про солдата. И напрасно в слова́ песни начал вслушиваться единственный *действующий* воин в покерном коллективе – унтер-офицер Салихдзяныч, который, услышав припев:

Не надо забывать солдата,
лучшая награда для него, когда ты
письма шлёшь, а в ответ он
сквозь дожди косые
шлёт слова простые:
«Я служу России!»

[235] Лель – пастух, персонаж пьесы-сказки «Снегурочка» (1873) драматурга Александра Островского – прим. лит. редактора

, схватил себя за горло и стремительно побежал в сторону володиного туалета, словно накануне выпил пачку таблеток под названием *дристулин*. Хотя наш бравый трубач и не

обладал большим воображением, но ему как наяву представилась такая картинка: девушка пишет солдату о своём большом чувстве, о том, как тоскует по нему и ждёт возвращения, а он, помня только о присяге, отвечает ей на полном серьёзе: мол, не надо приставать ко мне со всякими глупостями, я же в данный момент служу, и не абы кому, а самóй России!

Когда Батыршин вернулся в строй… тьфу, в комнату, где его ожидали сочувствующие партнёры по нелёгкому дню, по телевизору уже вовсю шёл рекламный блок.

– Раньше мой малыш постоянно просыпался мокрым, – сетовала на своего ребёнка мамаша с лицом рафаэлевской мадонны. – Я не знала, что мне делать, и испробовала буквально все подгузники. Но потом я поняла: надо просто починить крышу!

Сын порнуху смотрит – скоро приведёт,
дочь порнуху смотрит – скоро принесёт.
Верные приметы, что не говори:
если крыша едет, то к большой любви!

Затем «мадонну» сменила реклама какой-то французской парфюмерии, просмотрев которую, наш писатель подумал о том, что если из такой рекламы вырезать последние 4-5 секунды, то никто не узнает, что это была именно реклама духóв!

И, наконец, апофеозом лицемерия в конце блока была показана реклама… безалкогольного пива, где крупным планом на этикетке продемонстрировали гнусную строку, да ещё и написанную красивым шрифтом HeinrichScript:

Крепость 0°

Затем экран отобразил некий спортивный канал, на котором происходило удивительное для летнего времени событие – какой-то европейский турнир по конькобежному спорту. Кстати, Володя, проживая в родном Отцеябловске не один десяток лет, принципиально не ездил за город, чтобы посетить местную достопримечательность – ледовый каток «Медео», ибо вообще не понимал, как это люди находят удовольствие в езде на каких-то наточенных железках по твёрдой воде?!

Альбионыч, чувствуя, что немного увлёкся, так как ещё даже не приступил к созданию кулинарного шедевра, сделал шаг по направлению к кухне, но услышал голос сторожа, который в этот момент узрел на экране телевизора дикого хищника.

– Гляди, Володя, – обратился он к знатоку всего, – какой тигр усерийский!

Все немного посмеялись, кроме хозяина квартиры.

– А чего вы смеётесь над моим другом Серёжей? – попенял он гостям. – Я, как знатный зоолог, друг зверей и по совместительству поэт двух веков, прямо сейчас смогу вам доказать, что он прав.

И доказал, процитировав только что придуманный катрен:

Лишь сойдясь с ним на кривой дорожке,
ты поймёшь всем низом живота,
что таёжный тигр, сородич кошки,
усерийским назван неспроста!

И только после этого, гордясь произведённым эффектом, наконец-то отбыл на кухню, чтобы приступить к готовке обещанного обедаа также кое-что обдумать.

Глава 115. О МЯСЕ ПО-МАРСИАНСКИ

А обдумать было что! Во-первых, писатель решил, что надо задержаться в квартире, в стены которой были предусмотрительно вмонтированы несколько кондиционеров, как можно надольше, потому что на так называемой улице, коя включала в себя и территорию Великого ▲, творилось форменное безобразие. Раскалённое светило, которое в детских книжках словно в издевательство называвшееся ласковым солнышком, проводило один бесконечный теракт в отношении тех, на кого падали его лучи.

Дебоширило буйное лето,
как в таверне поддатый матрос,
избивало всех солнечным светом,
наплевав на дождливый прогноз,
загоняло до пота одетых,
голых жарило до черноты,
зная точно: за это к ответу
привлекать не возьмутся *менты*!

Глупые дети, читающие эти псевдонаучные книжки, действительно думали, что эти лучи и есть тот благословенный свет, нужный для всего живого на Земле. Но наш герой Кулемзин был не только писателем и поэтом, но и просто учёным человеком, у которого в тыкве хранилось огромное количество информации обо всём на свете. Вот и сейчас он к месту вспомнил, что этот «ласковый» свет прежде всего состоит из ультрафиолетовых коротких волн, что было самым опасным видом солнечного излучения для человека.

Альбионыч знал, что эти волны не могут проникать так глубоко, как другие составляющие света (А что, есть ещё и другие?! – Вл.Г.), но могут наносить сильный ущерб поверхностным слоям кожи человека. Вспомните сами: солнечных ожоги, ускорение старения кожи, аллергические реакции, меланомы и, наконец, рак кожи. И это ещё с учетом того, что значительная часть ультрафиолета отсеивается атмосферой!

Знает каждый в нашей стае –
даже после бодуна:
атмосфера нас спасает –
без неё нам всем хана!

А ведь, кроме ультрафиолета, есть ещё и привычный для нас видимый свет средних волн, а также длинных, то есть инфракрасных. Кстати, эти волны как никто могут проникать глубже всего в тело человека, достигая костей и других глубинных тканей, и даже влияя на внутренние процессы в организме! Вот тебе и ласковое солнышко! Поэтому и литератор с астрономическим уклоном, и примкнувший к нему автор сего повествования утверждают, что главным лекарством против всего этого безобразия является кондиционер!

Вторым фактором долгой задержки в родном гнезде было то, что Володя решил приготовить блюдо с временно́й растяжкой не меньше чем на 3 часа. И таких блюд в его кулинарном арсенале было много: это и запечённые в фольге бёдра индейки, и свиной окорок, фаршированный грибами и пастернаком, и баранья лопатка по старинному французскому рецепту, и многое другое. Но для сегодняшнего пира он выбрал мясо по-марсиански, ибо любил это блюдо за его *глубинный* вкус, которое оно приобретало как раз за счёт долгой готовки при довольно низкой температуре.

А чтобы у моего читателя было представление, о чём идёт речь, то вот вам его рецепт – в расчёте на огромный четырёхкилограммовый кусок отличной говядины, который уже пару недель отлёживался в главном холодильнике квартиры – на кухне, ибо в жилье по-

керного гуру были ещё два холодильника поменьше – в секретных комнатах: один, набитый бутылочками пива «Тянь-Шань», и другой, набитый тем же – если вдруг этот полезный продукт закончится в холодильнике первом. Кстати, эти домашние рефрижераторы частенько выручали хозяина во время ночных бдений, когда он или читал познавательную литературу, или сам писал не менее познавательную – типа очередного тома романа «Русская кочерга», в каждый из которых, помимо текстов прозаического плана, Кулемзин умудрялся вставлять более 1000 коротеньких стишков-катренчиков

Не Пушкин я, не Губерман,
не Блок и не Есенин:
пишу лишь чушь, пургу и хлам –
от скуки и безделья!
Не претендую на восторг
грядущих поколений,
хотя когда-то без мозгов
прославился и Ленин!

Литератор, а в данное время повар V категории достал огромный кусок мяса, посмотрел на него и стал вспоминать порядок его приготовления. Вначале он нарубил аж четыре пучка так называемой зелени – петрушки, укропа, кинзы и зелёного лука, затем измельчил две чесночные головки, что составило в общей сложности 21 зубчик, потом достал из кухóнного чулана большую сковороду – для редкого приготовления *паэльи*, на которую налил полстакана хорошего оливкового масла и обжарил всё, что только что нарубил, по мере обжаривания добавляя в него нарубленные четвертинками девять болгарских перцев, то есть 36 кусочков, порубленный на восемь частей корень сельдерея, порубленный на восемь частей корень пастернака, порубленные на четыре части три корня фенхеля, шесть морковок среднего размера, порубленные крупными колечками, и шесть репок, порубленные так же, как и морковка..

Такая обжарка заняла всего пять минут, так как доведение блюда до готовности было запланировано в духовом шкафу. Затем повар с литературным уклоном острым филейным ножом *раскрыл* кусок мяса, сделав из него подобие огромного неотбитого полотна, разложил на нём только что обжаренные коренья и зелень и полил сверху смесью вьетнамского соевого соуса, итальянского белого вина, алтайского мёда и греческого бальзамического уксуса, а уже поверх набросал 12 маленьких острых перчиков – маринованных по грузинскому рецепту, который бы наверняка оценил новый друг покерной хевры водитель Ираклий Угнуришвили, оставивший Володе позавчера свою визитку[236].

[236] Об этой визитке - в главе 181 четвёртого тома романа – прим. гл. редактора

Любой мужчина после свадьбы, как потухнет
костёр любовный, и умчит куда-то в да́ли,
обязан фаном только быть грузинской кухни,
где блюдом главным, как всегда, «Нажричодали»!

И вот только теперь становилось понятно, почему хозяин Личного Место-Имения решил растянуть посещение гостями его жилья аж на три часа – первым часом было маринование мясной книжки, свёрнутой после всех описанных процедур в рулет, а вторым и третьим часами было гостевание этого рулета, завёрнутого в три слоя фóльги, в володиной духовке. И пока начался отсчёт первого часа, то есть маринования, Альбионыч отправился к гостям, тем более что услышал нетерпеливое хлопанье пивных пробочек.

Вернувшись в большую комнату, он застал следующую картину, достойную кисти Леонардо Пьеровича да Винчи, Рембрандта Харменовича ван Рейна или на худой конец Валерия Николаича Муравлёва.

– Что это? – изумлённо воскликнули гости, увидев на восточной стене володиного зала некую (прости, русский язык!) инсталляцию, представлявшую вставленную в квадратную деревянную рамку нечто чёрное, круглое и изогнутое, словно его искривило взором из телевизора известного всей стране рукомахальца Алана Чумака.

На стене висит картинка,
как из кодекса статья:
эту старую пластинку
слушал в детстве лично я!

– Это рок на костях, – просто объяснил хозяин, но, увидев, что ни один из приглашённых его не понял, решил рассказать о предмете подробнее, тем более первый час из запланированных уже начался.

А автор, уже знакомый с методом изложения мыслей главного героя, своей волей постановил: по давней традиции, начатой ещё в первом томе нашего романа, перемежать части рассказа Альбионыча привычными читателю покерными нотациями. Итак…

Глава 116. РОК НА КОСТЯХ, или «РЕНТГЕН-ИЗДАТ» (Начало прорастания)

В начале пятидесятых годов прошлого ве́ка в мировой музыкальной индустрии случилось знаковое событие – начала понемногу сворачиваться эпоха патефона. На гнилом Западе, как тогда говорили в СССР (б), это произошло быстрее, но на советских заводах ещё некоторое время по-прежнему выпускались тяжёлые *шеллачные* пластинки с комплектом стальных игл к патефонам. И вот наконец постепенно начали появляться другие аппараты – на электрическом приводе, с крошечными корундовыми иглами, и вместе с этим началось освоение материала *винилита* – шеллак по послевоенным меркам был больно дорого́й, потому что его везли из-за границы.

Жизнью нашей – не игрою
привыкали мы к штормам:
загранично-дорогое
было нам не по карма…

Кстати, ещё в конце сороковых, а именно в 1948 году американская фирма «Columbia» впервые выпустила долгоиграющую пластинку – за счёт меньшего шага нарезки, и хотя она тоже была на 78 оборотов в минуту, но патефоны такую уже не брали, ведь стальные иглы необратимо портили новые тонкие дорожки. Все понимали, что для таких пластинок нужна была другая техника, более нежная, электрофонная, и наши бросились догонять Запад, начав развивать свои технологии, в чём, кстати, сильно помогли трофейные «телефункены», вывезенные из Германии.

Но с окончанием войны в нашей стране оказались не только буржуазные музыкальные станки – вернувшиеся солдаты привезли в своих вещмешках массу удивительных трофейных предметов, ранее не виданных советскими людьми (б) – золлингеновские ножи, мясорубки, часы, печатные машинки и, в том числе, музыкальные пластинки и фильмы. Фильмы были невиданными – полноцветными, и поражённых этим чудом рабочих и крестьян Страны Советов (б) от счастья созерцания чуть не хватал удар, а счастливцы,

первыми попавшие на сеанс, наутро рассказывали содержание фильма в своих трудовых коллективах – в перерывах на перекур. В советских домах зазвучали «Summertime»[237] и «Chattanooga Choo Choo»[238], а на экраны кинотеатров вышла «Серенада Солнечной долины» с оркестром Глена Миллера.

[237] «Summertime» («Летней порой») – ария, написанная в 1935 году Джорджем Мойшевичем Гершвином для оперы «Порги и Бесс», авторы текста: Дюбос Брэдфордович Хейвард и брат композитора Айра Мойшевич Гершвин – прим. муз. редактора
[238] «Чаттануга Чу-чу» («Поезд на Чаттанугу») – песня 1941 года из репертуара американского джаз-оркестра Гленна Олтоновича Миллера, известная по кинофильму «Серенада Солнечной долины» – прим. муз. редактора

Но не строй могучий и единый,
и не остальные все строи́:
«Серенада Солнечной долины» –
сказка о красивом бытии!

И вот эта музыка, которая уже по определению была *ненашей*, непостижимым образом стала прорастать внутри граждан Советского Союза (б) и словно отмечать их невидимой печатью сопричастности к некоей тайне. Наступило интересное время, когда советская молодёжь впервые начала осваивать *двоемыслие*. Правда, для тех, у кого это получалось плохо, к статье Уголовного кодекса РСФСР 58-10 («Антисоветская агитация и пропаганда»), в 1947 году добавилась отягчающая формулировка «Низкопоклонство перед Западом», которое каралось до 10 лет (!) лишения свободы.

Именно тогда и появились стиляги[239] – люди, которые выбрали для себя не безликое комсомольское *мы*, а робкое, но уникальное *я*. Сначала это была просто внешняя оболочка: странные костюмы, яркие и вызывающие, перерисованные с буржуазных журналов, невиданные ботинки на платформе-*манке*, вздыбленные пышные причёски. А уже потом эта самая музыка, просочившаяся сквозь железный занавес: фортепианные буги-вуги, завывания саксофона и контрабасный щипковый джаз, затем свои собственные танцы – придуманными стилями: атомным, канадским и тройным гамбургским. Стиляги искренне верили, что копируют настоящий американский образ жизни, ощущая себя свободными людьми.

[239] Об этих людях и происхождении самого́ термина стиляги – в главе 180 второго тома романа – прим. гл. редактора

СССРом не воспет,
был стилягой с юных лет!

Стиляг клеймили жёстко и официально – фельетонами, плакатами, фильмами, сатирическими стихами. Об успехе такой государственной программы говорит тот факт, что до сих пор слово *стиляга* в русском языке несёт явный уничижительный смысл. Стилягам полностью отказывали в интеллекте, описывая их как тупых молодых людей с нелепыми внешностью и движениями. Когда стало ясно, что это не помогает, так как молодёжь всё равно рвалась к запретному стилю, появились особые наряды комсомольцев – бригады помощи милиции, или бригадмильцы. Они выслеживали стиляг по улицам, подстерегали у дверей танцклубов и либо лупили, либо *социализировали* ножницами, выстригая клоки из причёсок, распарывали брюки-дудочки, срезáли яркие галстуки – короче, всё что попадётся под руку. Стиляги в ответ естественным образом превратились в закрытый *андеграунд* со своей контркультурой.

И всё-таки идеологически вредная музыка проникала в советскую страну бесчисленными ручейками: дипломаты привозили из заграничных командировок тугие портфели пластинок, матросы сдавали в портовые магазины купленные в дальних странах яркие конверты. Редкие записи на виниле в те годы вполне официально можно было приобрести в «Торгсине»[240]. Короче, *простым советским людям* добраться до такой музыки было невозможно.

[240] Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами) – советская организация, занимавшаяся обслуживанием гостей из-за рубежа и советских граждан, имеющих валютные ценности (золото, серебро, драгоценные камни, предметы старины или наличную валюту) – прим. ист. редактора

Пусть другие также смогут,
как тогда на Суете[241]:
фарцевали понемногу,
но имели, что хоте…

[241] Об отцеябловской Суете середины 70-х годов прошлого века – в главах 190 и 191 третьего тома романа – прим. гл. редактора

Для поколения Кулемзина, которое пока не познакомилось с великим английским и американским роком, западный джаз – в противовес «джазу» Леонида Утёсова, урождённого Лазаря Иосифовича Вайсбейна, – был не просто банальной буржуазной музыкой, с которой в то время боролся журнал «Крокодил», а неким безостановочным экспрессом ночного ветра Би-Би-Си, пролетающего над верхами железного занавеса. Володя, немного повзрослев, начал думать о том, почему и фашисты, и коммунисты одинаково ненавидели джаз. Может быть, из-за его склонности к импровизациям? Может быть, если бы всё игралось по нотам, и те, и другие были бы терпимее к своим народам?

Их путь был страшным и кремнистым,
и с каждым годом всё трудней:
стиляг гнобили коммунисты –
им «Марсельеза» всё ж родней!

И вот первые выловленные из эфира звуки *бибопа* стали распространяться в стране на самодельных пластинках! Труба Диззи Гиллеспи и кларнет Бенни Гудмана, саксофон Джерри Маллигана и пианино Оскара Питерсона стали первыми ласточками, насмерть поразившими популярных среди рабочих и крестьян «Пароход» и «У самовара я и моя Маша» всё того же Утёсова. И вот тогда – предчувствуя небывалый, а для СССР (б) просто-таки космический спрос – появились первые студии подпольной звукозаписи. Теперь вожделенные мелодии воспроизводились через тени грудных клеток и потревоженных силикозом социализма лёгочных альвеол. Подпольная индустрия этих гибких пластинок стала называться в народе «Джаз (а потом и рок) на костях» и стала поистине народной формой музыкального самиздата!

Глава 117. ПЕРВАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«После того, как Серёжа в роббере на четырёх картах заказал пять взяток, всем стало ясно, почему он до сих пор на свободе: просто с такими показателями его не приняла на пансион ни одна местная психушка»

«Скандал вспыхнул в один миг, как тот стог сена, о котором упоминал ещё Лев Толстой, говоря о какой-то дурацкой духовной революции»

«Увидев милиционеров, Полтавцев неожиданно заволновался, на всякий случай ногой задвинул под покерный столик свою котомку, потом наклонился к центру событий и натужно прошептал:

– О́рганы, царица лесная!

Правда, после того, как над ним посмеялись все, включая старушек-пенсионерок, играющих *в дурака*, он смутился, точно невинная девица, которая опасливо косилась на каждые проходящие штаны»

«В результате талгатовского перебора в раскладке против его буквы Б (то есть Батыршин) неожиданно образовалась *жопа* – глубокая, точно Марианская впадина»

Кору используй, применяй подкорку,
но с выводами шибко не спеши.
Ты думаешь, что *жопа* – это о́рган?
Нет, это – состояние души!

«– Ты не прав, старик, – глядя прямо в глаза Афанасьичу, заметил Кулемзин. – Везёт обычно думающим и дерзающим. А дуракам везёт редко, это только в пословице так говорится…

– Так вот почему мне всё время не везёт! – обрадовался сторож. – Кстати, по степени моей невезучести можно закономерно вычислить, что я – выдающийся гений!»

«Карты Салихдзяныча упорно пытались бросить своего хозяина на произвол Суки-судьбы»

«Считая взятки, охранник колотил костяшками пальцев по металлическому покерному столику, как будто с целью соседского терроризма забивал в новые перила ненужные гвозди. Никто не замечал этого, так как остальные покеристы считали свои взятки, и только неиграющие Валера и Васюхан вздрагивали от каждого удара»

«Перед игрой литератор оглядел негрозный для него триумвират. «Жалко детей», безразлично подумал он, но, на взгляд автора, был неправ: смысла в такой жалости было не больше, чем в выведении формулы траектории полёта воробья, поклевавшего крошки, смоченные водкой»

Ох, страдает бедолага,
будто лапку подвернул:
воробей летит зигзагом,
словно портвешка хлебнул!

«– 5! 6! 7! 8! – тыкая пальцем, приговаривал педагог, всё более возбуждаясь, точно считал не взятки, а чужие деньги.

– Был у меня в детстве дружок Слава, – вспомнил Володя, увидев эту сценку, – по фамилии КПСС.

Все заржали, кроме большевика, который тут же стал впадать в партийно-ленинскую интеллектуальную кому, поэтому Володя поспешно добавил:

– Шутка!»

«Игру, как это бывало крайне редко, сейчас закончили сразу двое, и оба – с одинаковыми очками.

– Говоря языком тухлых политиков, яйчики-бабайчики, – нахмурил бровь покерный гуру,– это так называемый *нулевой выигрыш*…»

«– Держись, геолог, крепись, геолог,
ты ветру и солнцу брат!»,

– подбадривал сам себя Нуртай, словно не замечая, как коллектив сразу же уменьшился на одного бойца, который поспешно скрылся в бермудских кустах»

«– Ты, Нуртай, прямо как Нетаньяху, не при червовой даме будь сказано! – попенял преподавателю еврейского колледжа Альбионыч»

«Дворовые дети вели себя страшно возбуждённо, словно находились на премьере балета «Весна священная»[242] в парижском театре Елисейских Полей»

[242] «Весна священная» – балет Игоря Стравинского, премьера которого состоялась в мае 1913 года в театре Елисейских Полей в Париже – прим. муз. редактора

«– Серёжа, – взволнованный глупым ходом бывшего текстильщика, заорал старший прапорщик. – Вот ты мне ответь, но только *да* или *нет*: ты что, такой ёперный дебил от рождения?

– Не понял вопроса, мать честна́я, – застеснялся Афанасьич»

«Миниколода Курманбаева была украшена джокерами, как барбоска блохами»

«– Зарежу! – взревел обычно спокойный писатель, хватаясь за виртуальный мстительный кинжал. – По законам шариата и просто по совести!

Сейчас его борьба с Мусаичем напоминала вечную, но тщетную схватку под названием «Снаряд – Броня»

«– Серёжа, – в очередной раз воззвал к уроженцу деревни Семижопино раздосадованный Кулемзин, – не тупи, а лучше посмотри, как хорошо идут дела у Рабиновича!

– У какого ещё Рабиновича? – удивился Полтавцев.

– Да, в принципе, у любого...»

Умения жить излагал нам науку
знакомый настырный еврей,
и я благодарно пожал ему руку –
дверями квартиры своей!

«Да», задумчиво проговорил про себя Володя после непредсказуемо глупого хода военного музыканта. «Как говаривали в Третьем Рейхе, ни в Еву Браун, ни в вермахт!»

«Несмотря на коллективные усилия партнёров, ленинец опять выскользнул, как тюлень из рук нерасторопного эскимоса, после чего улыбнулся лучезарно, словно родной дядя, у которого сгорел дом и который пожаловал с намерением поселиться у племянника. Кулемзин при виде этой змеиной улыбки ощутил скверное предчувствие – такое же, какое ощутил бы племянник при виде дяди-погорельца»

«Сейчас игроки представляли для литератора опасность примерно такую же, как нашкодившие второклассники для физрука»

«– Мизе́р, – застыдился охранник. – Извиняюсь, конечно, за мой французский…»

«Прямо синдром Жоржа Альберовича де ла Туре́тта[243] какой-то!», глядя на Полтавцева, подумал марсианин».

[243] Неврологическое заболевание, при котором европейские больные подпрыгивают и гримасничают, а русские ещё и отчаянно матерятся – прим. мед. редактора

«– Пять йодистых взяток, – выкрикнул старший прапорщик, но тут же поправился:

– Или четыре. Или вообще три…

– А чётче не можешь сформулировать? – вежливо попросил *записывающий* Володя.

– Да что я тебе, Драйзер какой, чтобы мысли формулировать? – возмутился военный музыкант»

Вот так экономика,
вот так капитал:
аж 12 томиков
Драйзер написал!

Глава 118. РОК НА КОСТЯХ, или «РЕНТГЕН-ИЗДАТ» (Первая пластинка)

Одной из первых появилась ленинградская студия со смешным названием «Золотая собака», названная в честь буржуазного пёсика по кличке Ниппер – вот такого:

Более 100 лет это изображение, названное «His Master's Voice»[244], является самым незабываемым рекламным логотипом

[244] ***«Голос его хозяина» – англ.***

Руководил студией инженер-изобретатель Руслан Богословский, который на основе всё тех же трофейных «телефункенов» сумел разработать *собственную* модель копировального станка – с лучшим качеством звукопереноса! С одной купленной за большие деньги забугорной пластинки-матрицы им изготовлялось почти неограниченное количество копий, которые затем у него выкупали агенты-разносчики.

Буги, рок и хали-гали –
всё могли мы станцевать:
спекулянты помогали
дикий Запад познавать!

Надо заметить, что первоначально для нарезки пластинок шли листы крупноформатной фотоплёнки, применяемой в аэросъёмке, но доставать их было довольно дорого. Российские историки музыки считают, что именно Богословскому, как техническому первопроходцу, принадлежала идея использовать старые рентгеновские снимки, пылящиеся в архивах поликлиник – с костями и черепами. Этот материал не стоил ничего (!), а медперсонал даже благодарил тех, кто выносил «всю эту пылищу» тоннами. Кстати, пожарная инспекция вообще требовала от медиков сжигать столь пожароопасные архивы.

В других городах – например, Москве и Киеве – эту идею вместе с технологией подхватили очень быстро. Хотя для соблюдения исторической правды надо заметить, что в

те годы были известны и другие копировальные станки – вроде *пантографа* с коромыслом, но они не прошли проверку временем, и вскоре были забыты.

И вот, когда подпольная продукция «Рентген-издата» была готова, в дело вступали особые молодые люди, которые, казалось бы, не боялись ничего – *продавцы из-под полы*, намётанным взглядом отмечающие в шумной толпе на барахолке сосредоточенную молодёжь. Они подходили к таким заинтересованным и заговорщицки шептали: «Эй, чуваки! У меня для вас есть!». Продавец и покупатель отходили в ближайшую подворотню, где происходил быстрый товарно-денежный обмен, после чего выбранная пластинка перемещалась из рукава в рукав, блеснув матовым серебряным ребром на чёрном фоне. Затем участники сделки, оглядываясь, торопливо расходились.

Помню я (ещё не старый!),
как на вкус советский квас:
мену денег на товары
нам придумал некий Маркс!

Наверное, это было особенное чувство: знать, что твоя выбранная пластинка абсолютно неповторима и единственна, и пусть на ней записана тысячу раз известная буржуазная мелодия, но зато такого дизайна нет ни у кого. Завзятые меломаны, у которых со временем в коллекции скапливались несколько сотен таких пластинок, даже не утруждали себя чтением карандашных подписей, а сразу определяли на глаз: «Тазобедренный? А, это Джордж Гершвин! Глазница – это Билл Хейли и его группа «Кометы», а где-то у меня тут была кисть такая кривая – так это же Дюк Эллингтон!»

Одно из моих самых ярких детских впечатлений – покупка с братом Толиком возле городского парка имени Горького Пьяницы своей первой пластинки – это был незабвенный «Let's Twist Again»[245] Чабби Рэндиевича Чеккера. Через многие десятилетия, когда мы добрались до популярного интернет-ресурса под названием «Yuotube», мы наконец-то увидели этого великого певца, пританцовывающего под собственное пение, и произносящего волшебные незнакомые слова:

Come on everybody!
Clap your hands!
All you looking good!
I'm goona sing my song,
It won't take long!
We're gonna do the twist
and it goes like this:
come on let's twist again,
like we did last summer!
Yeaaah, let's twist again,
like we did last year![246]

[245] «Давай зажжём снова» – англ.
[246] Эй, вы все!
Хлопайте в ладоши!
Вы хорошо выглядите!
Я спою вам свою песню,
и это не займёт много времени!
Мы будем танцевать твист вот так:
давай зажжём снова,
как мы танцевали прошлым летом,

давай зажжём снова,
как мы танцевали в прошлом году! – англ.

Затем, уже будучи в классе девятом, я случайно оказался дома у диссидента Факторовича, позже высланного из страны, и увидел в его архиве множество именно таких чёрно-серебристых пластинок. Сегодня я смутно припоминаю своё юношеское недоумение перед пиететом, с которым они хранились, – обёрнутые в мягкую фланель и газету сверху! Хотя, может быть, это были отголоски вечной диссидентской маскировки – на случай обыска.

От того времени и тех воспоминаний сегодня остался только стих, а сама пластинка пропала в житейских вихрях, хотя и сохранилась её фото:

А вот и стих, написанный мною 3 февраля 2001 года:

Внимали эту музыку частями,
и это был не сладостный винил –
пластинки с человечьими костями,
что возле парка Горького купил.
Тайком с братишкой от отца и мамы,
оставшись после школы сам на сам,
мы поклонялись этому сезаму,
и твист воспринимали как бальзам.
Что грезилось тогда мальцам сопливым,
о чём мечталось под красивый вой?
Быть может то, что будем долгогривы, –
но точно не о книжке трудовой.
Нас жизнь с тобой изрядно обстругала –
знакомы с чистотой и высотой.
Сейчас в почёте музыка другая,
а мы с братишкой *тащимся* по той…

Глава 119. ВТОРАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Нуртай моментально отвёл блудливые глаза, как революционный матрос – от Венеры на лестнице в Эрмитаже»

«Старший прапорщик давно понял, что опыт тоже имеет свою отрицательную сторону, потому что волей-неволей начинаешь мыслить стандартно, но выразить вслух эту сложную мысль никак не мог»

«– Короче, мизер, застенчиво промолвил Курманбаев.

– То, что короче, – немедленно парировал Альбионыч, – ты для жены прибереги!»

«Видимо, имело место серьёзное нарушение логических связей, ведущее к полному распаду функций»

«Очаг терроризма в лице Мусаича не остывал ни на минуту»

«Проиграв сразу 60 очков, что равнялось трём взяткам, старший трубач обалдело водил глазами по сторонам, словно искал невидимый плакат со страшными словами:

Оставь надежду всяк, на лавку севший!»

«Сука-судьба опять улыбнулась саксаульскому коммунисту во все свои 333 зуба!»

«Лицо у Володи в момент заказа пяти взяток было значительное и спокойное, как и полагалось основоположнику»

«Чтобы не перебрать на заказанных трёх взятках, литератор сбросил последнего джокера за простую, и взятка досталась обер-фельдфебелю Батыршину.

– Вот спасибочки, йодистый старичок! – прочувствованно воскликнул он, преданно заглядывая в глаза Володе.

– Кушай на здоровье, яйчики-бабайчики, – пожелал марсианин. – Не обляпайся!»

Без боязни и испуга,
со щитом и на коне,
помогу всегда я другу, –
если он поможет мне!

«Таланту лицедейства большевика сейчас позавидовала бы и сама великая Сара Боруховна Бернар, которая, как известно завзятым театралам, в свои 70 лет сыграла 13-летнюю Джульетту»

«Учитывая особую опасность педагога для людей, Кулемзину часто мечталось посадить его в СИЗО, но не в то, где сидят пока ещё не осуждённые лица, а в то, которое Альбионыч расшифровывал как

Средство
Индивидуальной
Защиты
Окружающих»

«Начав игру, Афанасьич, который к тому времени допил последние капли из последней бутылочки своего «Жигулёвского», никак не мог сосредоточиться – все домашние заготовки повылетали из тыквы, словно конфетные фантики на сквозняке. «Поневоле придётся начать импровизировать!», решительно подумал он. Он желания выпить хотя бы ещё один глото́к, сторож страшно скрючился, как поклонник Иосифа Кобзона на концерте группы «Тату»

«Игра забирала все душевные силы, и казалось, что даже само время неслось вперёд, не обращая внимания на изобретённые человечеством часы»

«После окончания партии стало тихо и грустно, как на солдатском посту в новогоднюю ночь»

«Писатель тут же оказал своим противникам первую психологическую помощь, быстро раздав всем присутствующим, включая Валеру и Васюхана, по бутылочке пивка»

«Недобитый Кулемзиным комплекс неполноценности Нуртая всё-таки проснулся на мутном дне его мелкой душонки и сейчас словно бы лез на берег, как нехорошая обезьянка Годзилла»

«Перед игрой Альбионыч достал из серёжиной котомки заранее припрятанную бутылочку с минеральной водой и, попросив охранника подержать её на весу́, тщательно вымыл руки, как хирург Майкл Шакерович Дебейки перед шунтированием»

Я искал к здоровью дверцу
и нащупал эту нить:
прошунтировал я сердце, –
чтоб и дальше пиво пить!

«Над покерным столиком завис острый аромат калёного железа, которое словно умоляло его ковать, пока оно горячо»

«Экс-текстильщик, увидев в пришедшем роббере аж три *гранда*, от неожиданности открыл рот, став похожим на финал крыловской басни о глупой Вороне с куском сыра»

«Да, пойти младшим джокером, да ещё и заявить о том, чтобы все сбрасывались по самым крупным козырям, было, конечно, ходом отважным, но совершенно глупым, так как марсианин побил все сброшенные карты своим старшим джокером, из-за чего планируемая Салихдзянычем атака рассыпалась, как песочный торт без сметаны»

«Поток дворовых детей бурлил, как мутная Амударья в половодье»

«– Знаешь, Нуртай, – неожиданно обратился писатель к педагогу. – Ты мне страшно напоминаешь меня во младенчестве.

– Правда, мать моя партия? – обрадовался Курманбаев. – А чем?

– Да так же норовишь обгадить окружающих…»

Немало мне процесс сам важен –
от юных лет и до седин:
вокруг себя я всё обгажу –
и буду царствовать один!

«– Ёкарный Серёжа, ты ходишь вообще будешь? – попенял охраннику Талгат, которому не терпелось забрать взятку своим покером.

– Подожди, старичок, – увидев в глазах Полтавцева скупую мужскую слезу, попросил Володя, после чего тоже обратился к Афанасьичу:

– Ты о чём задумался, яйчики-бабайчики?

– Да вот, царица лесная, сижу и думаю: почему в последнее время ко мне Зуля стала так плохо относиться? Только норовлю её за сиську ущипнуть, а она мне – по рукам! Володя, помоги!

– Конечно, – не стал отказывать в помощи товарищу писатель, хотя через несколько секунд выяснилось, что ещё и поэт:

– Вот тебе мой совет, Серёнька – запомни или запиши:

Не хватай и не щипай
потными ручищами,
а сначала приласкай
новенькими тыщами!

– Да где же их взять, новеньких? – пригорюнился сторож, как будто его карман сейчас был набит купюрами, но сплошь старыми»

«– Отменяю, – произнёс Курманбаев с непоколебимостью пламенного стража революции, охраняющего Смольный от недобитой *контры*, после чего улыбнулся тонко – так, словно лет двадцать проработал на дипломатическом поприще СССР (б) в недружественных ему странах, предпочитающих капиталистический путь развития»

Глава 120. РОК НА КОСТЯХ, или «РЕНТГЕН-ИЗДАТ» (Ты делаешь меня таким одиноким, крошка!)

Помню и вторую свою такую пластинку – это была визитная карточка великого Элвиса Пресли под названием «Heartbreak Hotel»[247]. Позже мы узнали, что ещё в 1956 году певец впервые попробовал выступить на телевидении – как раз с этой песней, и поимел небывалый для Америки, фантастический успех: тираж этого сингла в миллион пластинок разлетелся в считанные месяцы.

[247] ***«Отель Разбитых Сердец» – англ.***

Тинейджеры буквально озверели на концертах Элвиса – от каждого его сексапильного жеста и даже поворота головы, концерты превращались в погромы: однажды поклонницы, добравшись по головам до сцены, зубами разодрали ему брюки, – после этого случая у рампы стала дежурить усиленная охрана, а король рок-н-ролла, как назвала его американская пресса, перешёл на крепкие джинсы.

Мы были слишком малы, чтобы понимать, о чём поётся в этой красивой песне, да и в школе учили немецкий язык (английский выучили позже – сами). Но через годы узнали, что эта лиричная песня про некий таинственный отель, куда подался брошенный красоткой герой, исполнялась под истошный женский визг из зала, особенно, когда Пресли пел припев:

Where I'll be where I get so lonely, baby!
Well, I'm so lonely,
I get so lonely, I could die…[248]

[248] ***Ты делаешь меня таким одиноким, крошка!***
Я так одинок,
я так одинок, что могу умереть… – англ.

Вернитесь к картинке в позапрошлой главе: на нашем «Рентген-Издате» с хирургической точностью показаны мужские руки, словно бы готовые обнять свою любимую!

Да, мы были малы, и ещё ничего не добились в жизни, кроме права ношения на груди пионерского значка, который уже позже автор сего исследования, крепко вставший на путь диссидентства, назвал «Лениным, горевший в аду»!

За заветную пластинку люди в те годы готовы были отдать что угодно, и этим, кстати, часто пользовались мошенники, которые записывали *на кости*… тишину, которую потом и продавали под видом музыки, ведь проверить подлинность пластинки при покупке было невозможно, так же, как и обменять *бракованный* товар.

Кричал в сельпо один джигит:
«Как подло я обманут:
товар обмену подлежит –
просрочена сметана!»

Кроме того, что *кости* очень быстро изнашивались, у них был ещё один недостаток – это качество получившейся записи, ведь технически слабое копирование музыки сильно влияло на звук. А если ещё учесть тот факт, что посторонних шумов при записи полностью избежать достаточно сложно, то можно понять, что ни о каком хорошем качестве речи даже не шло: к привычному потрескиванию добавлялись шипение, шорох крутящейся пластинки и щёлканье механизмов рекордера и проигрывателя. На некоторых участках записи звук мог получиться настолько плохим, что было вообще сложно узнать звучащую мелодию.

Это сегодня в цифровой формат можно преобразовывать всё что угодно, в том числе и музыку *с костей*, сохранившихся в коллекциях меломанов. И сегодня каждый желающий может собственными ушами услышать, как звучал рок или джаз подпольно-народного концерна «Рентген-Издат»!

Народ наш не всегда без глаз, –
когда есть литр литровый –
«Ретнген-Издат» – народа глас:
могучий и суровый!

Попробую во всех подробностях воспроизвести всю технологию изготовления таких пластинок. Разумеется, всё начиналось, как уже говорилось в этом исследовании, с рентгеновского снимка, которому технический энтузиаст и одновременно любитель, как тогда говорили, вражеской музыки, давал второй шанс прожить новую, прекрасную, творческую жизнь.

Глава 121. ТРЕТЬЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Открыв пришедшие карты, Полтавцев чуть не задохнулся от счастья – он увидел аж три джокера, и рудименты его сознания на мгновение активизировались»

«– Too late[249], – горько прошептал Володя.

Сейчас он был похож на полководца Кутузова, правда, с двумя вращающимися в разные стороны глазами»

[249] Слишком поздно – англ.

«– Господа, яйчики-бабайчики! – произнёс писатель, постепенно сбиваясь на классику. – Спешу сообщить вам пренеприятнейшее известие: мы играем на мизерах!»

«Альбионыч ещё раз проанализировал бездарный ход старшего прапорщика и подумал: «Таким образом, дорогие аспиранты, всем вам должнó быть очевидно, что (прости, русский язык!) персепторные способности данного индивида резко ограничены…»

«Ни у кого из собравшимся за покерным столиком не было ответа на главный вопрос жизни, но в отличие от Кулемзина, они давно примирились с этим»

Вот вопрос на три села,
где народец трудный:
как прожить, чтоб жизнь была
не такой паскудной?

«Как когда-то сказал игрок и авантюрист Феликс Круль – герой романа Томаса Томасовича Манна, «из всех видов распущенности распущенность в игре всегда вызывает наибольшее отвращение»

«Покер с самого начала роббера закопался между корявых пальцев сторожа Полтавцева, и сейчас он (сторож, а не покер) недоумённо созерцал его (покера, а не сторожа), – как гроссмейстер во время эндшпиля, вдруг обнаруживший посреди поля вражескую ладью, выигранную им ещё на пятнадцатом ходу»

«– Пять, мать моя КПСС! – посветлев ликом, заявил Курманбаев.

– Меня радует твой врождённый оптимизм, – ответил ему *записывающий* литератор. – Кстати, даю тебе три секунды, чтобы поменять своё решение.

И тут педагог, только что ощущавший себя полностью счастливым, перепугался так, что у него неприятно запахло из подмышек, и поспешил переменить заявку:

– Пас…

– Вот это другое дело, – похвалил его марсианин. – У меня тоже пас…»

Оба мы сказали *пас* –
все порадуйтесь за нас!

«Все, кроме Альбионыча, сделали свои заявки и со страхом ждали его сурового решения. И оно не замедлило случиться! «Ну, я вам сейчас припомню товарища Баумана[250]!», подумал он и пошёл атакой на корпус противника:

– Четыре! Играем по мизерам!»

[250] Николай Бауман – российский революционер, деятель большевистского крыла РСДРП. Убит обрезком металлической трубы черносотенцем Михалиным в 1905 году – прим. ист. редактора

«И здесь при роббере на шести картах случилось нечто неожиданное: ленинец даже немного припотел от собственной смелости, но всё-таки выдавил из себя гигантскую заявку:

– П-п-пять…

«Эх, заказать бы тебе гроб», подумал Кулемзин. «Со встроенным тетрисом…»

Похоже, сбывался классический прогноз Никколо Бернардовича Макиавелли: сначала хаос, потом репрессии…»

«Дворовые дети были по случаю летнего времени одеты легко и пёстро, словно цыгане в фильмах Эмира Муратовича Кустурицы»

«Афанасьич каким-то чудом взял свои две взятки, и сейчас лихорадочно избавлялся от лишних карт.

– Сейчас я тебе помогу, – прошептал он Володе и пошёл с козырного туза.

Правда, пользы от такой помощи было не больше, чем от улыбки крупье, когда игрок проиграл все деньги и сейчас мучительно раздумывает: сыграть ещё на золотые часы или уже пойти стреляться в сортир казино? В общем, всё кончилось печально: бывший текстильщик перебрал лишнюю взятку, а вот литератор как раз не добрал. Он сидел пригорюнившись, и в голове его медленно крутилась совершенно дебильная песенка в исполнении Михаила Шуфутинского:

Скулы сводит от желания зум-зум,
ты почти уже готова бум-бум-бум!»

«Взяв свою одну взятку, Салихдзяныч был счастлив, словно только что избежал *прокрутки* в мясорубке»

«Взгляд покерного гуру сверлил Мусаича, наматывая его внутренности на невидимое сверло»

«Альбионыч с лёгкостью брал противников за прелые яйца и долго выжимал из них витаминизированный клюквенный сок»

«– Эх, Нуртай, яйчики-бабайчики, – горько произнёс писатель. – Памятник бы тебе поставить!

– Нерукотворный? – кокетливо поинтересовался саксаульский иблисоид.

– Нет, посмертный…»

«– Бубёна масть! – витиевато выругался унтер-офицер Батыршин.

Преподаватель еврейского колледжа страшно покраснел и подумал о том, как же всё-таки огрубляет чувства человека военная служба»

«И только одно было общим у всех игроков: *русская кочерга* без пива была для них тем же самым, что жизнь хохлов без сала!»

Едет в поезде хохол,
в рот ему не лезет сало,
протолкнуть его устало
он пытается, он зол!
Проводник ему: «Послушай,
может быть, его разрезать,
а не то он так не влезет,
и потом – удобней кушать!»
Тот: «Спасибо, ёшкин кот,
дякую на добром слове,
лучше мне разрежь, панове,
в уголках пошире рот!»

Глава 122. РОК НА КОСТЯХ, или «РЕНТГЕН-ИЗДАТ» (Кое-что о народных советских технологиях)

Прежде всего, рентгеновскому снимку придавали внешнее сходство с формой обычной музыкальной пластинки. Сделать идеально ровный круг получалось редко – чаще

это было подобие квадрата с немного скруглёнными краями, а иногда такие пластинки и вовсе выглядели как многоугольники. Хотя по сути форма не имела никакого значения, разве что эстетическое. Главным было то, что в самом центре снимка проделывалось небольшое круглое отверстие, как у настоящей пластинки, без которого её, конечно же, нельзя было поставить на проигрыватель. Такое отверстие обычно прокалывали обычным шилом, но делали это аккуратно, чтобы не испортить тонкий и хрупкий снимок.

Теперь несколько слов о заветном аппарате. Копирование музыки происходило с помощью специального аппарата-рекордера, который можно было легко найти (и, кстати, вполне легально) в курортных городах, где с его помощью изготавливали аудио-открытки: отдыхающие наговаривали текст, который записывался на небольшую пластинку, и отправляли её своим близким, чтобы поделиться впечатлениями об отдыхе.

Каждой дорожа секундой,
чтобы не облез мой нос,
отдохнул с женой в Пицунде
и отчёт с собой привёз!

Но аудио-открытки это одно, а вот запись *рока на костях* совсем другое: мало того, что на поездку к синему морю были нужны немалые средства, так ведь и столь откровенный поиск рекордера был в те времена крайне рискованным делом, ибо вряд ли стремление во чтобы то ни стало раздобыть такой аппарат не вызвало бы никаких подозрений у стукачей, которыми была наводнена первая в мире страна победившего социализма (б). Кстати сказать, что за подпольное изготовление запрещённых пластинок можно было получить срок. И всё-таки, раз где-то продавались такие пластинки, значит, были и механизмы, их изготавливающие. Вот одно из них, ныне находящееся в частной коллекции профессора Фекалина:

Правда, существовал и другой способ достать рекордер – собрать его самому́, например, из деталей от обычных проигрывателей виниловых пластинок. Но здесь таились некие технические нюансы. Так, основным отличием рекордера от проигрывателя было то, что вместо иглы у него был резец с остро заточенным концом. Поэтому немного другим было и внутреннее устройство: например, основание, куда крепился резец, было намного шире игольного, ведь именно там прятался механизм, который улавливал электромагнитные волны. Задачей резца было не просто скользить по дорожке, воспроизводя звук,

а улавливать колебания, создаваемые звучащей музыкой, и прорезáть на пластинке эту самую дорожку.

Приобрёл я без оплошки
свой последний мощный хит:
на пластинке есть дорожка,
с коей музыка звучит!

Ещё одна важная вещь, без которой запись *рока на костях* была совершенно невозможна – это оригинал, то есть настоящая виниловая пластинка с той самой запрещённой музыкой. Купить её можно было только за границей и у так называемых *фирмачей*, или, проще говоря, спекулянтов. Ну, и, конечно, не обойтись было без проигрывателя пластинок – сáмого обычного, какой и сегодня можно найти у бабушки в шкафу, рядом с пыльной стопкой советских пластинок в бумажных пакетах.

И вот когда все необходимые компоненты собирались в одних руках, тогда и рождался этот самый *рок на костях*! Помещение для записи всегда выбиралось небольшое и незаметное – на чердаке дома или в подвале, чтобы не привлекать лишнего внимания. Виниловая пластинка ставилась на проигрыватель, а рентгеновский снимок на рекордер, после чего аппараты располагались рядом друг с другом и включались. Пластинка начинала воспроизводиться, рекордер улавливал звуки музыки, а резец начинал колебаться им в такт, вырисовывая на медленно крутящемся снимке дорожку – точь-в-точь такую же, какая была на виниловой пластинке.

Хоть жена моя бубнила –
у неё та-а-акой язык! –
рок снимаю я с *винила*, –
потому что так привык!

Да, именно так – примитивно и технически грязно – и происходило копирование. Процесс был достаточно долгим и длился ровно столько, сколько играла музыка. Было важно внимательно наблюдать за ним, потому что резец, скользя по снимку, оставлял за собой рентгеновскую *стружку*, которую нужно было постоянно снимать, иначе она мешала записи. И всё это нужно было делать в абсолютной тишине: в помещении, где творился процесс, не должно было быть никаких посторонних звуков, иначе пластинка могла быть испорчена: любой шорох тоже улавливался рекордером, а, значит, оказывался записанным *на костях*.

Не люблю я слушать шорох –
мозг взрывается как порох!

Когда запись была закончена, обычный прежде рентгеновский снимок превращался в настоящую пластинку: на нём можно было разглядеть процарапанную спираль – очень тонкую, ведь расстояние между двумя соседними дорожками было не более двух миллиметров. Именно по этой дорожке потóм и скользила иголка проигрывателя, воспроизводя музыку, зашифрованную рекордером в микроскопических, незаметных глазу впадинках и выпуклостях самодельной пластинки!

И ещё одно. Обращаться с такой пластинкой нужно было очень аккуратно, и при покупке продавец обязательно давал этот дельный и бесплатный совет, ведь тонкий и хрупкий рентгеновский снимок мог легко треснуть или порваться.

Процесс создания *рока на костях* затягивал. Записав хотя бы одну пластинку, умельцы-меломаны проникались особенной атмосферой, которую создавала звучащая в тиши-

не музыка, а запретность этого занятия только подливала масла в огонь. Не шевелясь и не дыша, люди стояли над проигрывателем и рекордером, слушая потрескивание музыки и внимательно следя за записью пластинки. И это были не просто пластинки, а чудо!

Был замысел очень ажурен,
и делали всё мы мудрей:
советское чудо, в натуре, –
пластинку с костями на ней!

После описанную мной технологию довели до совершенства – на плёнку наклеивали красивую картинку в центре, куда фломастером можно было вписать название, и voilà [251] – перед тобой настоящая музыкальная открытка! Со временем подняли и качество звука – за счет нагрева резца (тоже советское народное ноу-хау), а нагреть корундовый резец, который колеблется, было очень непросто. Здесь, кстати, был использован метод микроволновки, и это в начале 60-х годов, когда о самих микроволновках в стране даже не слышали, а первые советские такие печи начали выпускаться только в 80-х – на японских магнетронах. Но именно в 60-е умельцы стали использовали такой метод нагрева – с небольшим генератором и малюсенькой катушкой с регулировкой температуры. Что бы ещё смогли изобрести такие народные умельцы, если бы у них тогда были развязаны руки? Да мы бы сейчас Марс осваивали – не меньше!

[251] ***Вот – фр.***

Лучше всех закрашенных квадратов
эта поминальная тетрадь!
Знали мы – юнцы шестидесятых:
и на Марсе будут *роллинги* орать!

♠ ♠ ♠

Может быть, сейчас это выглядит и смешно, и наивно, но до сих пор ко всему, что касается чего-то хрупко-материального из области музыки, я отношусь с крайним трепетом. Сейчас в моей коллекции несколько сот отличного европейского и американского *винила*, но ни на одной из этих пластинок вы никогда не найдёте даже маленького фрагмента отпечатка моего пальца. Но когда я гляжу на сохранившуюся фотографию нашей первой рентгеноиздатовской пластинки, мне кажется, что кто-то близкий словно машет мне рукой из прошлого, а я стараюсь рассмотреть, кто же это, но виде́ние уже разлетается клочками фантомного дыма. Нет-нет, нужно просто затаить дыхание и не делать резких движений. Всё уже случилось, и таким останется навсегда…

Сижу усталый и угрюмый –
всё хорошо, но вот пустяк:
случилось то, что я задумал,
хотя немножечко не так…

Глава 123. ЧЕТВЁРТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Принимаясь за игру, Кулемзин никогда не надеялся на мифическое лучшее, а сразу же готовился к самому худшему, поэтому редкие радости от своих побед были пронизаны светлыми лучами незапланированного оптимизма»

«Лицо Курманбаева озаряла акулья улыбка, от которой всем становилось грустней: и слону, и даже маленькой улитке»

«Старший трубач к своему удивлению неожиданно взял свои заказанные три взятки, после чего окрестности Великого ▲ проре́зал мощный крик радости, который вполне мог издать некий Тарзан, нашедший в джунглях Амазонки нераспечатанную бутылку шотландского ви́ски «Johnnie Walker»[252]

[252] *«Джонни Уокер» – англ.*

«Кулемзин частенько задумывался о том, что ему было бы гораздо проще поверить в так называемого *дедушку*, чем в порядочность педагога-большевика»

«Бывают же чудеса на свете! Последние 10 робберов везло исключительно Серёньке Афанасьичу, и повезло на последнем роббере тоже – *тёмной* на 12 картах, так что неожиданно для всех он выиграл партию, чуть не расплакался от восторга перед собственным «умом», а потом встал, торжественно заправил маечку в разболтанные *треники* и продекламировал на весь Бермудский Учпучмак:

– За наши счастливые игры
спасибо, родной марсиан!

, после чего он, а также Володя, Талгат, Валера и Васюхан ещё долго ждали блевавшего в кустах Нуртая»

Сережа держал карты небрежно, с пролетарской неаккуратностью.

«Мимо игроков прошли двое крайне возбуждённых граждан – судя по жестам, глухонемых. К удивлению игроков и им сочувствующих была хорошо понятна и их неслышная ругань:

– Ну, ты и козёл!

– От козла вижу!»

«После неожиданного *афронта* в виде проигрыша одной взятки при заказанных четырёх лицо литератора стало напоминать некий плакат Минздрава Республики Саксаулия, осуждающий тех, кто игнорирует лечение триппера. И, напротив, Мусаич со счастливой рожей, выдающей то, что он взял свои две взятки, в эту минуту напоминал сказочного Карлсона, который решил от такой жизни самоубиться, спрыгнул с крыши, но вдруг вспомнил, что за его спиной есть спасительный пропеллер!»

Астрид[253], кто тебя просил
нам писать бестселлеры –
про мужчин в расцвете сил
и штаны с пропеллером?!

[253] ***Астрид Самуэлевна Линдгрен – шведская писательница, автор трилогии о Малыше и Карлсоне – прим. лит. редактора***

«– Четыре, яйчики-бабайчики, – тихо произнёс Альбионыч.

– Ох, ты и самоуверенный, Володя, – попенял ему Нуртай и для большей выразительности своей мысли даже добавил довольно длинную присказку:

– Мать моя Октябрьская революция!

На что суперигрок мгновенно отреагировал гениальным афоризмом:

– Когда человек завязывает шнурки на ботинках, разве он боится при этом сломать пальцы?»

«Играя эту партию, Альбионыч как военачальник, готовящийся к битве, видел всё поле боя, в то время как его противники только отдельные, с ограниченным обзором, око-

пы. И, наверное, именно это и помогло ему наглядно продемонстрировать присутствующим местá предполагаемой зимовки раков!»

«Салихдзяныч с удивлением смотрел на то, как *записывающий* Володя списывает в *раскладке* против его буквы Б 45 очков, так как он проиграл аж две взятки, и никак не мог понять того, что планировал игру на червях, тогда как открытый козырь был трефовым. Наконец, сообразив, каким глупым образом он облажался, военный музыкант подпёр щеку рукой и горестно вздохнул. Всем тут же показалось, что он готовится к исполнению грустной народной песни о тяжкой доле застывшего в степи ямщика»

Когда я на почте служил ямщиком,
я был до профессий охочим,
поскольку ещё я служил денщиком,
пожарным и горнорабочим!

«Дворовые дети кричали так, как будто вызвались служить натурщиками к фреске Джотто ди Бондоне «Страшный Суд», которую тот почему-то решил непременно сваять в часовне Скровеньи в итальянской Падуе»

«Володя поглядел на музыканта и поразился: если бы он не знал, в чём дело, то несомненно бы решил, что военного пришли арестовывать, как Эдмона Дантеса[254] в день свадьбы – столько смятения было в его (военного, а не Дантеса) взгляде! А дело-то было пустячное – Батыршин только что проиграл все четыре взятки, которые и заказывал, пролетев при этом на 75 очков»

[254] Главный герой романа Александра Томаевича Дюма «Граф Монте-Кристо» – прим. лит. редактора

«В конце дня Володе неожиданно вспомнилось, сколько мук и горя он вытерпел сегодня от коммуниста. И тогда писатель решил завтра же с утра обратиться в Московскую патриархию – с предложением о собственной (прости, русский язык!) канонизации.

Причём, чтобы попы́ слишком не мучились, придумывая *погоняло* для новоявленного мученика, литератор уже сам придумал его, и сейчас радовался, что оно звучало как название хорошего боевика – Святой Владимир-2»

Я в пивнушке поторчу –
стать святым ведь не хочу!

«Увидев пришедшие карты, прапорщик нервно засвистел «Танец падающих бумажных листьев» великого монгольского мастера Очибы Ноодори»

«– Чума на оба ваших дома! – ласково пожелал покерный гуру. И уточнил:

– №№ 16 и 17.

Ответно улыбнулся ему только Муравлёв, так как понял, что Альбионыч его точного адреса просто не знает»

«Дворовые дети бегали по периметру Бермудского Учпучмака, точно укушенные китайским петухом, у которого от привнесённого бешенства вдруг выросли крокодильские зубы»

«Поглядев на совершенно счастливого Нуртая, который не только взял свои три взятки, но и умудрился посадить на 25 очков сторожа и трубача, Кулемзин с горечью подумал о том, что *дедушка* зря создал мир за неполную рабочую неделю. Вот не взял бы себе старичок выходной день – и мир был бы значительно совершеннее!»

«Сотворю-ка мир свой сам!»
И – откýпорил «Агдам»!

Глава 124. О ВРЕДЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПЕСЕН

После кулемзинской лекции на такую удивительную тему несколько секунд в зале висела непроницаемая тишина, но вскоре она была нарушена неприятно-завистливым голосом коммуниста:

– Володя, мать моя КПСС, как ты можешь?! Ведь то, о чём ты сейчас рассказывал, это же буржуазная музыка! А она, я точно знаю, не способствует усвоению пищи, которую, я надеюсь, мы будем скоро принимать.

«Кстати, о пище», подумал писатель с кулинарным уклоном. «Надо бы моим персонажам немного поджать желудки – на искомые два часа», после чего нехитрой марсианской технологией *жрръъаааъъъхх* совершил только что намеченное.

Чтоб не стать совсем отёчным,
чтоб в желаньях не сгореть,
подтянул желудок прочно –
жрать поменьше стал хотеть!

– Да по тебе, Нуртай, просто общество «Знание» плачет! – только успел попенять педагогу Володя, как заметил мелькнувшего в дверях Талгата, поспешившего передать пламенный привет володиному унитазу от пламенного большевика, увлечённого своими пропадлючьими идеями.

– Да-да, точно знаю, что не способствует!

Нуртай, как ему казалось, стал изображать негодование вполне убедительно, но на писателя это произвело впечатление не большее, чем на маститого режиссёра игра участника колхозной самодеятельности.

– Ты мне мозоль на мозгах не натирай!

Курманбаев прикусил язык, вспомнив, что подобное поведение ценится также, как и золото, а литератор, увидев его нечеловеческую потугу, вспомнил малозначительный стишок своего приятеля Омара Эбрахимовича Хайяма:

Молчанье – щит от многих бед,
а болтовня всегда во вред.
Язык у человека мал,
но сколько жизней он сломал!

– Нуртай, – внезапно проговорил сторож, – знаешь что?

– Что? – со страхом спросил педагог, и не ошибся в предположениях.

– Ты, сосед, если тебе что-то не нравится, канай отсюда домой и читай там своего Ленина! Мне вот, например, тоже противно всякие рок-н-роллы слушать, но я же об этом не говорю вслух!

Володе раньше казалось, что лицо не может стать белее газетной бумаги, но он даже не мог предположить, что физиономия человека с партбилетом в кармане способна стать молочно-прозрачной. Сквозь кожу Мусаича вдруг проступили все жилки, и он стал похож на анатомическое пособие из пластмассы, после чего начал врать – по старой привычке, приобретённой в волчьих партячейках:

– Да нет, я это к тому, что все мы здесь – люди взрослые, и нас какой-то буржуазной музыкой не проймёшь, а если началó пронимать, то кто нам не даст вспомнить какую-нибудь славную революционную песню типа

– По военной дороге
шёл в борьбе и тревоге
боевой восемнадцатый год.
Были сборы недолги –
от Кубани до Волги
мы коней поднимали в поход!

И лучше бы он этого не делал: старший трубач ещё не успел вытереть плохо пахнущие губы, которые, облизываясь, совсем недавно предвкушали будущий обед Альбионыча, как вновь скривились, а ноги сами понесли его (старшего трубача, а не будущий обед) по известному адресу. Увидев, что один слушатель может пропустить самое интересное, преподаватель еврейского колледжа усилил громкость ещё на 22 дебила… тьфу, децибела, после чего задорно пропел второй куплет:

– Среди зноя и пыли
мы с Будённым ходили
на рысях на большие дела,
по курганам горбатым,
по речным перекатам
наша громкая слава прошла!

«Да, пожалуй, врача-гинеколога для совершения срочных абортивных действий приглашать поздновато», подумал Володя, а вслух сказал всего лишь два слова:

– Нуртай, стоп!

Но вместе с большевиком остановились и все остальные, а Полтавцев вначале вновь включил телевизор, потом его выключил, а потом снова включил. И тогда литератор решил дать некоторый обзор не просто фильмов, а их популярности среди саксаульского и российского братских народов…

Глава 125. ПРО ПОПУЛЯРНОСТЬ НАШИХ И НЕ НАШИХ ФИЛЬМОВ

И сделал он это вот по какой причине. Говоря языком управдомши Мордюковой из фильма «Бриллиантовая рука», «не знаю, как там за границей», но вот у нас – и в России, и в сопредельной Саксаулии – популярность любого фильма можно было определить по количеству анекдотов, сложенных про его героев. И два первых места можно бесспорно отдать двум таким героям – Чапаеву и Штирлицу. Как говорил знаменитый поэт-ироник Игорь Иртеньев,

О них не сложено былин,
зато остались анекдоты…

Однажды Кулемзин вычитал, что пьеса англичанина Уолтера Брэндоновича Томаса «Тётка Чарлея» 1892 года была экранизирована по меньшей мере в 14 странах (и даже в Египте!), а кое-где и по нескольку раз. Все, наверное, помнят, советскую версию под названием «Здравствуйте, я ваша тётя». Снятая почти 30 лет назад[255], она популярна до сих пор, растащена на цитаты, и даже (не побоюсь этого слова) *меметична.*

[255] Фильм снят в 1975 году. Напомним, что действие романа происходит в 2003 году – прим. гл. редактора

Но... нет ни одного анекдота про героев фильма! Также нет анекдотов ни про героев рязановской «Иронии судьбы», ни про «Мимино», ни про, ну, скажем, «Пиратов XX ве-

ка», хотя они в своё время заслуженно были чемпионами проката. Поэтому Володя придумал вот такой тезис:

Анекдот о фильме есть высшая
форма всенародного признания!

И вот после этого тезиса всё как-то слишком легко встаёт на свои местá. Итак, в наших уже упомянутых народах ими признаны следующие фильмы (первые 10 мест):

1. «Чапаев» (Петька и Василий Иванович)
2. «17 мгновений весны» (Штирлиц, Мюллер, русская радистка)
3. «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона» (Холмс, Ватсон, собака Баскервилей)
4. «Самогонщики», «Пёс Барбос и необычный кросс», «Операция Ы и другие приключения Шурика», «Кавказская пленница» (Трус, Балбес, Бывалый)
5. «Белое солнце пустыни» (Сухов, Саид, Абдулла)
6. «Гусарская баллада» (поручик Ржевский)
7. «Крокодил Гена» (Крокодил Гена и Чебурашка)
8. «Винни Пух» (Винни-Пух, Пятачок)
9. «Место встречи изменить нельзя» (Жеглов, Шарапов)
10. «Трое из Простоквашино» (Дядя Фёдор, Матроскин)

А вот не из наших фильмов героем бесчисленных анекдотов стал только один, да и тот с зелёной рожей. Догадались? Да Фантомас же!

Секрет я свой открою
заветный вам сейчас:
из множества героев
мне ближе Фантомас!

Глава 126. О ЖИЛЬЕ У НАС И У НИХ (Хронотоп № 42)

«При чём здесь какой-то дурацкий Фантомас?», с раздражением подумал Курманбаев. «Мне, например, мать моя партия, интересно другое, да не одно, а сразу два: во-первых, почему кулемзинская стандартная *двушка* выглядит слишком хорошо по сравнению с моей трёхкомнатной квартирой, а, во-вторых, почему он здесь прописан один, а площадь его проживания значительно завышена?!»

О чём это педагог? – воскликнет какой-нибудь молодой читатель, который слово *прописка* ни разу в жизни не слышал, да и о квадратных метрах никогда не задумывался, ведь с переходом Саксаулии на капиталистические рельсы стало можно иметь сколько угодно квартир какой угодно площади – были бы на это назарбаксы!

Но раздражение Нуртая, как он считал, было небезосновательным: вспомнив школьные уроки арифметики за 1-4 классы, он вычислил в уме, что из 60 квадратных метров, на которых ютилась его семья, каждому из ячейки общества, то есть ему самому́, жене и двум детям приходится всего по 15 м^2, а Володе из его 42 квадратных метров приходилось все 42! И где тут, спрашивается, социальная справедливость?!

Где же ваши нормативы?
Вот чего я не пойму!
Как же так? Несправедливо:
вся жилплощадь – одному?!

И такие страдания отразились на роже саксаульского большевика, что предмет их для Альбионыча стал читаться словно в книге на русском языке. Но он, разумеется, не стал вступать в немой спор с Мусаичем, тем более, что эти мысли ленинца породили некий щелчок в голове марсианина, который и вызвал очередной Хронотоп на эту тему.

♠ ♠ ♠

Не зря, ох не зря писатель Михаил Булгаков в своей знаменитой фразе о квартирном вопросе, который испортил людей, имел в виду именно москвичей. Не многие знают, что после гражданской войны, например, население Москвы выросло до полутора миллионов человек, а уже к 1926 году превысило два миллиона. Понятное дело, что на такое количество жителей город, хотя и был столицей огромной страны, рассчитан не был.

И тогда к людям пришло новое слово – *уплотнение*. Большевики, не долго думая, начали уплотнять квартиры просто: разграничивали комнаты перегородками и расселяли людей на *минимальной* жилплощади. Поэтому не удивительно, что когда в 30-х годах в СССР (б) было начато массовое строительство, то предпочтение отдавалось именно коммуналкам. 30 мая 1930 года вышло постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта», в котором было сказано, что все ресурсы государства должны быть направлены на строительство *промышленного* комплекса, а не комфортного жилья за счёт государства.

Для народа есть у нас свобода,
ведь народ советский не гони́м:
будем строить фабрики-заво́ды,
а людей в землянках посели́м!

Потом случилась война, которая только добавила дополнительные проблемы в квартирном вопросе. После 1945 года стало видно, насколько огромными были потери жилого фонда – например, такие города, как Севастополь, Новгород, Чернигов или Сталинград были разрушены практически полностью. Наверное, поэтому уже в 1948 году в Советском Союзе (б) стали возводить экспериментальные каркасно-панельные дома́, затем в последующие годы их проект довели до ума и включили в план массового строительства. Но не долго радовался этому советский человек: не прошло и десяти лет, как люди узнали о неких нормативах *отдельного* жилья! Так, жилплощадь однокомнатной квартиры равнялась 16 квадратным метрам, двухкомнатной – 22, а трёхкомнатной – 30. Хуже всего дело обстояло с кухнями – строительные начальники постановили делать их всего в 4 с половиной квадратных метра! И, кстати, *проходное* помещение тоже считалось комнатой, так что фактически двухкомнатная квартира могла смело называться трёхкомнатной!

Плачут женщины, мужчины,
и на детских лицах темь:
как в двух комнатах прожить нам,
если нас в семье аж семь?

Вот тогда и возникли некие нормы жилья, причём, очень хитрые. Вот пример: в 70-х годах, когда в СССР (б) уже вовсю трубили о построении *развитого* социализма, в Москве и Ленинграде на одного человека официально полагалось 7 м^2, но в очередь на получение нового жилья ставили только при условии, что на жильца приходилось менее 5 с половиной квадратных метров! Кстати, сама постановка жилья зависела и от состава семьи: в приоритете были семьи с разнополыми детьми, многодетные, члены творческих союзов, инвалиды и т.п. Поэтому так называемые *простые люди* – например, молодые

холостые работяги, чуть ли не герои труда – могли простоять в очереди на квартиру 10 и 15 лет, а молодые пары чаще всего жили в общей комнате с родителями – за занавеской!

Интересно, что в большой стране в разных регионах эти нормы были разными: например, в те же годы в Краснодаре на очередь ставили в том случае, если на человека приходилось 8 м^2, но только когда квартира была *без удобств*, а ежели вдруг с удобствами, то лишь в случае 5 с половиной квадратных метров. Короче, сам *иблис* ногу сломит!

Профсоюз, ты поспособствуй,
и метраж жилья расширь –
мне ж положены удобства:
два стакана и пузырь!

И тогда к большевикам пришла радость: вот когда пригодился железный занавес, за которым жили советские люди, ведать не ведая, что творится не то что в какой-то далёкой Америке, а в довольно близкой Европе! Вот сравните. В Советском Союзе (б) при расчёте нормы квадратных метров на человека учитывалась *только жилая* площадь выделяемой государством квартиры, то есть кухня, санузел и балкон во внимание не принимались. Ну и что? – спросите вы. Да то, что именно из-за этого их делали несуразно маленькими! А *проходную* гостиную по этой же причине уже определяли как полноценную комнату – чтобы включить её в состав жилплощади.

А что в Европе? А там в то время (да и сейчас тоже) комнаты считали по количеству спален. Например, то, что в СССР (б) называли однокомнатной квартирой, то есть коридор, санузел, кухня и спальня, в Европе классифицировали как T0 (тэ-ноль) и называли её *нулёвкой*. А однокомнатная евроквартира должна была иметь ещё и гостиную (или, как у нас говорили, зал), и классификация здесь была уже T1, а по-нашему это была уже двухкомнатная!

По такому же принципу в Европе классифицировали двух- и трёхкомнатные квартиры, которые чаще всего были снабжены одним или даже двумя балконами или террасой.

Если же квартира имела три и более спальни, то и санузла обычно было два. В порядке вещей вдобавок было наличие гардеробной и даже гаража! И как же хорошо, что об этом не знали простые советские люди, иначе не избежать бы стране огромных потерь из-за массовых суицидов и психических заболеваний!

Шифоньер мой мал фанерный,
а ведь кончил я физфак,
и сойду с ума, наверно, –
негде вешать мне пиджак!

Глава 127. О ЖИЛЬЕ У НАС И У НИХ (Хронотоп № 42, окончание)

А теперь для примера несколько фактов о современных традициях устройства жилья в странах Европы. Возьмём, к примеру, немцев. Это люди практичные и никогда не стремятся платить налог за излишки жилплощади, поэтому квартира может быть небольшой, зато поблизости обязательно должен быть красивый ландшафт и место для проведения досуга. («Какой ландшафт? Какой досуг?», в изумлении кричали бы советские люди, если бы сейчас прочли последнее предложение!). Обычные габариты квартиры-студии для одного человека или молодой семьи без детей – от 30 м^2: такой формат распространён в Германии, но в доме непременно будет какой-нибудь бонус – зимний сад, бассейн или фитнес-зал.

А в Венгрии средняя площадь квартиры – уже 90-100 квадратных метров, к тому же мадьяры очень ценят хороший вид из окна, поэтому в новых домах часто делают панорамные окна.

Финны предпочитают малоэтажное строительство поближе к природе. Даже в Хельсинки редко можно встретить жилой дом выше 5-6 этажей.Однокомнатные квартиры порядка 50 м^2, кроме душевой, часто включают излюбленную финскую сауну. Нормальным явлением здесь считается двухкомнатная квартира в 100 квадратных метров.

В Испании многие города расположены на побережье, здесь квартира может быть не очень большой – метров в 50-60, но зато будет иметь доступ не только к гаражу, но и к яхт-марине или, по-русски говоря, порту.

Фактом этим вас контужу,
не боясь очаровать:
коль испанец, дом не нужен –
был бы бот, а в нём – кровать!

Ещё более развита система доступа к порту в Норвегии: во-первых, сказываются гены предков-мореплавателей, а, во-вторых, такие города, как Осло и Берген, изрезаны фьордами, ведь там повсюду море. Норвежцы, как и финны, предпочитают малоэтажные домá с небольшими палисадниками: это касается как зданий современных, так и конца XIX вéка – внешне разница между ними незаметна. Здесь распространены небольшие квартиры – метров по 50, но у многих жителей есть уединённые дачи – где-нибудь на Лофотенских островах.

А вот итальянцы любят простор и одиночество: однокомнатная квартира здесь может достигать 70 квадратных метров – благодаря наличию бассейна и террасы.

В общем, неплохо устроились буржуазные ребята к западу от России – остаётся только молча завидовать…

Я простой советский опер,
но пожить хочу в Европе!

И в конце нашего Хронотопа – о том, что случилось с жильём в России после развала СССР (б). С началом 90-х годов жилой фонд наконец-то стал объектом купли-продажи, ибо в Советском Союзе (б) купить квартиру было нельзя – даже за свои большие деньги. К тому времени темпы строительства по сравнению с периодом конца 80-х годов снизились в два раза, а качество жилья стало напрямую зависеть от коммерческой выгоды застройщиков. Вошла в жизнь система *откатов*: при закупке материалов или оборудования ответственный за это получал свой процент от заказа. Сразу же появились (прости, русский язык!) нувориши – так называемые *новые русские*. Намучившиеся в тесноте люди при первой возможности начали возводить кирпичные зáмки в несколько этажей!

Надо жить и в глубь, и шире –
в жизни есть такая цель:
стало тесно мне в квартире –
я хочу пожить в дворце!

Однако большинство семей, особенно молодых, были по-прежнему лишены своего жилья, так что с тех пор и поныне новое поколение предпочитает съёмное жильё проживанию с родственниками и старается накопить на собственные квадратные метры. По сравнению с европейскими странами ипотечная система в России полностью отдана на

откуп банкам, и процент за ипотеку здесь традиционно высокий. Кстати, в Швеции, например, доступная ипотека составляет всего 3 процента годовых…

♠ ♠ ♠

Так что страдания юного Вертера… тьфу, пожилого Нуртая были небеспочвенны. И хорошо только одно: что не знал саксаульский педагог о секретных марсианских комнатах покерного гуру Кулемзина, иначе быть большой беде, а именно – очень скоро остались бы наши игроки только втроём. В *русскую кочергу* можно, конечно, играть и трём игрокам, но с каждым прибавляющимся покеристом количество возможностей увеличивается многократно.

А чтобы достойно завершить этот нелёгкий для *нашего человека* Хронотоп, именно в этом месте автор решил опубликовать ещё один стишок своего героя – поэта Альбионыча, причём, на заявленную в заголовке тему:

Мир хижинам – война стриженым!
Мир хатам – война брюхатым!
Мир избёнкам – война шестерёнкам!
Мир землянкам – война лесбиянкам!
Мир домикам – война гомикам!
Мир саклям – война спектаклям!
Мир ярангам – война каперангам!
Мир вигвамам – война самым-самым!

Глава 128. О ЖЕЛУДОЧНОЙ ПРОВЕРКЕ КУНАКОВ

А теперь, мой неутомимый читатель, вернись на мгновение аж на 26 страниц назад, в главу 115-ю. Зачем же? Да затем, чтобы найти там строчку о том, как громадный кусок, начинённый всякими вкусностями, должен был мариноваться целый час. И вот этот час, наполненный замечательным Хронотопом о «Рентген-Издате», покерным нотациями и рассказами о вреде революционных песен, о популярности наших и ненаших фильмов, а также о нормах жилья в одни штаны людям Страны Советов (б), наконец-то окончился, и, как и обещал автор, начались тревожные и волнительные ещё два часа, в течение которых мясо, с такой любовью замаринованное марсианином, должно было провести в жаркой, но не слишком раскалённой духовке – ровно в 121° по товарищу Цельсию.

Но, прежде чем засунуть этот мясной монблан, свёрнутый в громадный рулет, в чрево своей газовой плиты, Володя не стал его разворачивать, а очень острым маленьким ножом произвёл такие же маленькие надрезики, которые, в усилии распрямить свои края, сделали этот *рулет* ещё объёмнее.

Потрясу свои запасы,
вспомню и Севан, и Крым:
угощу друзей я мясом,
но готовым – не сырым!

Затем он вытащил из кухонного шкафика огромную ступку с таким же огромным пестиком – вот такую:

, и начал складывать туда то, что через какое-то время должно было превратиться в ароматную кашу для внешнего слоя мясного рулета: 36 зёрнышек чёрного, белого, красного и зелёного перца – по 9 зёрен каждого цвета, 36 зёрнышек кориандра, 11 зубчиков чеснока, которые до этого жили жизнью цельной головки, 44 грамма пахучей зиры, три листика свежей мяты, целый пучок свежего фиолетового рейхана[256], чайную ложку копчёной паприки, чайную ложку сухой душицы[257], всё это тщательно размял в однородную массу целых 13 минут, потом залил в ступку 96 с половиной миллилитра отличного оливкового масла «Extra Virgin»[258] и ещё 138 секунд вдавливал его в полученную смесь.

[256] То, что западные кулинары называют мерзким словом базилик – прим. автора
[257] То, что западные кулинары называют мерзким словом орегано – прим. автора
[258] Оливковое масло первого отжима, буквальный перевод с лат. нетронутое, необработанное – прим. автора

Кулинаром будь прилежным –
постигай весь антураж:
чтобы мясо было нежным,
маринадом его смажь!

Затем Альбионыч включил духовку, поставил один (прости, русский язык!) параметр на 121°, а другой – на 120 минут, после чего на несколько минут вернулся к своим гостям, которые до сих пор пребывали в шоке от его музыкально-временнóй лекции. Здесь он убедился, что Курманбаев пока не успел присвоить ни одного маленького сувенирчика – на долгую и недобрую память, и при помощи марсианской технологии[259] произвёл некое действо, которое позволило бы покерной хевре и примкнувшей к ней живописцу и старшему джусу не страдать во время двухчасовой готовки, после чего вернулся на кухню, где, наконец, обмазал полученным роскошеством внешнюю сторону мясного рулета и, проверив, нагрелся ли духовой шкаф, с трудом взгромоздил кулинарный полуфабрикат на противень – рядом с маленькой чашечкой обычной H_2O, которая давала гарантию от его (полуфабриката, не противня) пересыхания во время готовки.

[259] Ввиду особой секретности этой технологии автор решил не публиковать его названия – прим. гл. редактора

Знать обязан каждый точно,
чтоб не выгнали его:
делай мясо очень сочным –
его правильно готовь!

Затем литератор с поварским уклоном вновь вернулся к гостям, которые уже немного отошли от шока, и решил проверить, хорошо ли сработала марсианская технология по утягиванию их желудков. Проверка была простой: затеять разговор на какую-нибудь провокационную кулинарную тему и посмотреть, как на это будут реагировать его кунаки[260] и Мусаич. Сам себя Кулемзин считал в отличной спортивной форме, если, конечно, не учитывать того скорбного факта, что на его брюхе она уже давно не застёгивалась!

[260] Куначество – обычай кавказского гостеприимства – прим. кавк. редактора

Надо съездить в город Мелитополь –
бабка варит там супец один:
съешь – и будешь стройненьким как тополь,
как артист Никулин Валентин!

Глава 129. О ЖЕЛУДОЧНОЙ ПРОВЕРКЕ КУНАКОВ (окончание)

Проверку гостей хозяин решил начать с Полтавцева.

– Серёжа, – обратился он к сторожу, – а как ты относишься к тетеуну? Надеюсь, яйчики-бабайчики, тебе известен рецепт этой простой итальянской колбасы[261]?

[261] Кулинарный специалитет итальянской автономной области Валле-д'Аоста. Изготовляется из говяжьего вымени с использованием большого количества специй – прим. кулинар. редактора

– Конечно, – солидно подтвердил Афанасьич, а потом поинтересовался:

– А что, мать честна́я, ты ей сегодня нас кормить будешь?

Володя во время ответа внимательно наблюдал за кадыком опрашиваемого, но его специфического дёрганья не заметил, а, значит, технология родной планеты сработала на славу. Поэтому ответ писателя был вполне жизнерадостным:

– Да нет, в рецепт тетеуна, как тебе хорошо известно, входит шалфей, а он у меня как раз закончился.

Не поможет нам и фея,
если нет в меню шалфея!

– Как жаль, – поцокал языком охранник, но тут же начал рассуждать дальше – на сопутствующую тему:

– Володя, вот ты из нас самый толстый…

Но заметив тень на лице покерного гуру, торопливо добавил:

– …нет-нет, я говорю это не для того, чтобы тебя обидеть, и даже не из зависти!

– А тогда на кой, йодистый обижалец? – вступил в разговор Салихдзяныч.

– Ты, Талгат, не вмешивайся в высоконаучный разговор, – попенял ему уроженец деревни Семижопино. – Просто мне интересно, а какой у Володи был наименьший вес? И в какой период жизни?

– Хорошо, я отвечу, – улыбнулся писатель. – Мой наименьший вес в жизни был 3.600! А вот в какой период, догадайся сам.

Я родился со скандалом,
думая, что генерал:
появился крайне малым,
а потом свой вес нажрал!

Здесь все немного посмеялись над незадачливым тянульцем к ненужным знаниям.

– И всё-таки, стаг’ик, – картавя от волнения, вступил в разговор саксаульский педагог, – твою толщину никуда не скг’оешь, мать моя паг’тия!

– Это точно, – просто объяснил Альбионыч. – Ведь я толстею исключительно для проявления крайней вежливости.

– Как это, святой Малевич? – подпрыгнул на скамеечке Муравлёв и на всякий случай придвинул ближе в Полтавцеву его книжечку «Для му.мы.»

– А вот как: такие толстяки, как, например, я, могут уступить место в трамвае не одной, а сразу двум старушкам! А есть и вторая причина моего счастья…

– Какая же, ёкарный счастливец? – вновь поинтересовался старший музыкант.

– Экономическая, – пояснил литератор и, заметив недоумённые перекрёстные взгляды собравшихся, расшифровал свою мысль:

– Чем толще я становлюсь, тем дешевле мне принимать ванну, – после чего ещё раз обратился к знатоку тетеуна:

– А вот ты, Серёжа, когда начнёшь готовить сам? Помнится, я два года назад подарил тебе две книги – «Словарь синонимов» и «Кулинарную книгу поздних ацтеков»

– «Словарь» хорош – не спорю, – тактично ответил Афанасьич, – а вот вторая книга – полное… м-м-м… какашко.

Ох, и разные же книжки
размещаются в уме:
подарил словарь братишка –
на китайском языке!

– Почему?!

– Да я открыл её в первый же день и прочитал в одном рецепте: «Перед готовкой установите вашу плиту на 180°…»

– И что? – удивился Кулемзин. – В тот день тока не было?

– Да нет, царица лесная, я её именно так и установил, а она после этого стала упираться в стенку. И как тут можно было что-то приготовить?!

– Да, дела, – поражённо отозвался Васюхан, который готовить тоже не умел, так как вовремя подсуетился насчёт двух жён по очереди, а теперь его выручала расположенная на первом этаже дома *кулинария* с опытными поварихами.

А конец этого проверочного и познавательного разговора произвёл неукротимый ленинец Курманбаев, который, не зная, чем ещё попенять Кулемзину, сказал следующую глупость:

– Володя, а тебе вообще не совестно так много говорить о себе? А иногда даже и писáть?!

На что писатель, а иногда и поэт ответил ему рифмованными строками:

– Отчего поэту жить тяжело?
А поэту тяжело оттого,
что чего б ему на ум ни взбрело,
всё написано уже до него.
Проклинает, седовласый как лунь,
рифмоплёт свои унылые дни:
всё пропахано, куда ты ни плюнь,
всё изъезжено, куда ты ни ткни,
всё охвачено настолько давно,
что хоть вешайся на первом столбе,

И поэту остаётся одно:
сочинять об уникальном себе!

В это время покерный гуру, услышав какой-то шум с улицы, подошёл к окну и увидел двух незнакомых алкашей, которые что-то орали друг другу. Прислушавшись, он с удивлением узнал один из земных языков, но это были не родные ему русский и саксаульский.

– Fuck you, bastard!

– No, you go, asshole![261]

[261] ***Пошёл ты, сволочь! Да сам пошёл, козёл! – англ.***

Переругиваясь, незнакомые алкаши побрели дальше по своим скорбным надобностям, а писатель всё стоял у окна и гордился своей страной, в которой жили такие образованные люди!

♠ ♠ ♠

Ну, мясо на два часа в духовке – это, конечно, хорошо. А что же делать в это немалое время и нашим героям, и моему читателю? И тогда было решено разделиться: автор поручил сам себе в первый час готовки рассказать о неизвестных фактах из биографий Талгата, Валеры, Володи, Нуртая и Серёжи, так как таковые факты, например, из жизни Васюхана ещё просто не поднакопились.

Второй же час, то есть игру в *русскую кочергу на хате*, было поручено осветить тоже автору, но при помощи своего главного героя Альбионыча, в гостях у которого сейчас и находилась вся покерная и околопокерная хевра.

Излагать факты первого часа он (автор, а не Альбионыч) решил – чтобы не обижать *очерёдностью* своих героев – строго по алфавиту. Для этого Вл. Горький взял листочек бумаги и выписал фамилии всех пятерых – по установленному принципу:

Батыршин
Муравлёв
Кулемзин
Курманбаев
Полтавцев

И, как видит мой читатель, первым в списке расшифрованных шёл герой по отчеству Салихдзяныч, но с фамилией Батыршин, а буква Б, как известно ещё из первого класса начальной школы, стоит гораздо выше остальных выделенных нами букв.

Глава 130. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ САЛИХДЗЯНЫЧА

Но так как такие факты довольно разрозненные – по событиям, датам и степени их важности, то лучше всего, если они будут располагаться удобным и привычным для читателя способом, то есть в стиле неких расширенных покерных нотаций, причём с подзаголовками. Итак…

♠ ♠ ♠

От женитьбы до женитьбы

«Да, было время счастья у нашего героя Талгата: это когда он развёлся с первой женой

и целых два года ходил совершенно одуревший от этого радостного чувства плюс от разных алкогольных напитков, которые теперь ему никто не запрещал. К тому же, узнав, что рядом с ними освободился знаменитый на военно-музыкальный мир Отцеябловска *безнадзорный* мужичок, сразу же активизировались знакомые и порой незнакомые женщины, которым старший прапорщик не отказывал, стараясь не пропускать, как выражаются в русском народе, ни одну юбку.

К тому же, работая на двух работах – военной (в президентском оркестре) и штатской (в местном оперном театре), Батыршин неплохо зарабатывал и, наконец, понял одно выражение, которое он когда-то прочёл в газете «Вечерний Отцеябловск»: «Мужчина может быть благородным, красивым, порядочным и честным! Были бы у него деньги…»

Повелось ещё с Адама:
коль мужик не педераст,
если деньги есть на даму,
дама всё тебе отдаст!

Праздник плоти с дамами, мечтающими заполучить этот редкий экземпляр в свой семейный террариум, продолжался чуть больше 600 дней (и ночей), в результате которых Салихдзяныч, выходя после концерта *на поклон* в чёрном жениховском фраке, даже получил почётное прозвище граф Отодракула. Правда, случались и накладки, но даже такой отрицательный опыт принёс свою пользу, так как холостой трубач на себе познал значение страшной русской поговорки: «Не возжелай жену ближнего своего, а то этот ближний придёт и возжелает тебя…», а любое знание, как его учили в своё время в прапорщицком училище имени Курмангазы, когда-нибудь да пригодится!

Общение с женщинами, не связанными с ним (прости, русский язык!) матримониальными узами, вообще сделало Талгата немного умнее: во-первых, он понял, что женская логика точно такая же, как мужская, только наоборот, во-вторых, убедился в справедливости японской пословицы: «Красивая женщина – это клинок, рассекающий жизнь», в-третьих, разгадал неразгаданную с юношества загадку о женских *да* и *нет*, и теперь точно знал, что категорическое женское *нет* нисколько не ограничивает количества мужских попыток добиться возможного *да*.

Когда мужчина заморгал глазами
и опустил их скромненько чуть-чуть,
не думайте, что он согласен с вами –
скорей всего, он пялится на грудь!

Понял он и то, что оценить женщину гораздо труднее, чем мужчину: ей ведь надо и в горящую избу, и коня на скаку! А мужикам гораздо проще: вымыл посуду – и герой!

Позже, когда Салихдзяныч познакомился с соседом из первого подъезда Кулемзиным, он узнал от умного писателя ещё одну истину, которую запомнил на всю жизнь – до первой пьянки:

Женщина – это один край Вселенной,
а мужчина – *другой* край *другой* Вселенной!

Чтобы ему не было так страшно от этих мыслей, саксаульский унтер-офицер иногда с похмелья поутру выходил на балкон и дул в свою человеческую трубу, вгоняя в краску невзрачных местных птиц. И иногда ему казалось, что одна знакомая ворона, которая часто гнездовалась на карагаче напротив балкона, кричала ему вполне человеческом языком: «Тр-р-рубу пр-р-родай, пр-р-ридур-р-рок!»

Пропил давно он кольца,
враз потеряв лицо!
Продай трубу, пропойца,
и – детям леденцов…

Последствия второго брака

Но вот в жизнь бравого оловянного прапорщика пришло второе несчасье – в виде знакомства с прекрасной, как ему показалось после полутора литров бормотухи, скрипачкой штатского оркестра Аидой. Вначале его впечатлило то, что музыкантша была смугловатой, и он решил, что это – действительно дочь эфиопского царя, как пелось в опере Джузеппе Карловича Верди «Аида», где эта героиня была рабыней и возлюбленной предводителя египетских войск Радамеса[262]. «Египетская сила!», восторженно шептал он, глядя, как водит смычком по струнам,извлекая разные звуки, его новая пассия.

[262] С оперой Джузеппе Верди «Аида» советские люди познакомились в 1961 году, когда состоялась её премьера в Большом театре СССР (б). Поэтому не удивительно, что каждая вторая родившаяся в советских семьях девочка была названа Аидой, как ранее каждый второй мальчик Юрой – в честь первого космонавта планеты – прим. муз. редактора

Аида взялась за дело решительно: уже после третьей сладостной встречи со стройным фельдфебелем, она затащила его к себе домой и познакомила с родителями, после чего Батыршин узнал, как он страшно ошибся в национальности своей избранницы. Оказалось, что маму зовут Фира Срулевна, а папу – Яков Моисеевич, но даже если бы его звали Иван Иваныч, то принадлежность аидиного родственника к семитскому племени сразу же выдавал его огромный нос – даже немного больше, чем у Фрунзика Мкртчяна в хорошем фильме «Мимино»

До сих пор чуть-чуть в нирване
(поскорей бы стать добрей):
нос армянский показал мне,
что знакомый мой – еврей!

После женитьбы жизнь Талгата стала сухой и бессмысленной, как вяленый лещ. Нет, жизнь, конечно, не прошла, но складывалось впечатление, будто неприятности встали в очередь, и едва успеешь разобраться с одной, как на подходе маячит уже следующая. В начале семейной жизни супруга, тёща и тесть убедили его сделать ремонт квартиры, который не делался уже 20 лет, и военный музыкант начал этот ремонт в стиле «хай-тек», как посоветовал ему его друг старшина Кожамкулов, а закончил в стиле «нехай так»!

Затем к своему почётному воинскому званию *старший прапорщик* неожиданно добавилось ещё одно – на этот раз на давно мёртвом латинском языке – Pater familias[263], а означало это то, что он стал папашей двух девочек, в облике которых было стопроцентное сходство с мамой, а от папы им досталась только татарская фамилия. После рождения детей военный трубач стал приходить домой ещё неохотнее – на 11,9 процента, а во время редких семейных посиделок рассеянно гладил дочек по головам, как по кустам пыльного репейника.

[263] Отец семейства – лат.

Ох, какой я растеряша,
хоть уже полно мне лет:

дочке я купил беляшик, –
ведь на куклу денег нет!

Затем Салихдзяныч познакомился с Володей, который, хотя и был женат всего один раз, но о семейной жизни знал намного больше, чем военный. Именно этот знатный саксаульский писатель и поэт, как он себя называл, рассказал Талгату, что власть над женщиной – это такая же неуправляемая стихия, как гроза, наводнение или зима. И не существует в мире правил или законов, следуя которым, можно овладеть чувствами и волей женщины.

С открытым ртом старший знаменосец слушал о том, что даже самая преданная и стра́стная любовь никогда не в силах покорить женщину до конца – всё равно останется некая глубинная суть, не подвластная ни самым тонким, изощрённым чувствам, ни доскональным знаниям её непредсказуемой психологии. «Вот только мужчины, яйчики-бабайчики», горько закончил исследование Альбионыч, «понимают это слишком поздно – как приговорённые, над которыми занесли топор и теперь требуют, чтобы они смирились со своей участью – быть зарубленными навеки!»

Пускай батыра[264] убелило время,
пусть стан согбён и пальцы впились в посох,
но, иншалла[265], познать жену в гареме
ещё могу! В нетрудоёмких позах…

[264] ***Богатырь, воин – тюрк.***
[265] ***Если пожелает аллах – араб.***

Глава 131. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ САЛИХДЗЯНЫЧА (окончание)

Последствия второго брака (окончание)

Постепенно нашего героя затягивал омут семейного маразма, всё чаще на его суровом лице воина переливалась гамма чувств от «*Дедушка*, за что же это?» до «Пропади оно всё пропадом!»

– Запущенный случай, – вздыхал при этом друг обер-ефрейтора философ с медицинским уклоном Кулемзин. – Пожалуй, я пока не могу дать положительного заключения в твой выписной (прости, русский язык!) эпикриз…

Глядя на жену, Талгат представлял Аиду в виде её скрипки Семижопинской фабрики смычковых инструментов, и думал о том, что его супруга – как цветущая вишня, то есть красивая, но всё-таки дерево. Не потому ли даже в повторном браке у него всё чаще возникали мысли об удовольствиях на стороне? Ведь он хорошо понимал, что на са́мом деле мужчинам необходимы только две вещи: женщины и отдых от женщин.

И Адам бывало,
если много пил,
бывшим своим рёбрам
по ночам звонил…

А вслед за этим приходила мысль ещё страшнее предыдущих: конечно, можно быть верным своей жене, но разве нежные и знойные незнакомки это оценят? Мысли о верности и неверности наскакивали друг на друга, как в потешном бою, но ни одна из них не

побеждала Талгата окончательно. А что делает наш человек, когда не знает, что делать? Правильно, пьёт! Вот так к нашему герою и пришло общее понимание жизни…

Ищи приметы на контрасте
того, что мы зовём задумки:
разбилась рюмка – это к счастью,
разбилось счастье – это к рюмке…

Поэтому стоит ли удивляться тому, что когда однажды Салихдзяныч вернулся из магазина, между ним и супругой произошёл грандиозный скандал. А дело было так: Аида Яковлевна попросила его купить дочкам по одинаковому набору «Маленькая фея», но муж перед покупкой решил уточнить и – на свою беду! – переспросил:

– А тебе, дорогая, что взять? Набор «Опытная ведьма»?»

А вечером того же дня татарско-еврейские малолетки, получив долгожданные наборы, быстро наигрались ими, после чего, скучая, практически довели до инфаркта бабушку и дедушку, потому что начали ходить за ними по квартире со словами: «Кайся и молись!». И только к вечеру приглашённый за большие деньги врач-логопед объяснил чуть не сошедшей с ума семейке, что дети всего лишь просили включить им мультик «Карлсон и Малыш»

Вот и подумайте, как тяжело было жить бедному оловянному прапорщику по-трезвому! Да тут бы и революционер Яша Свердлов запил бы, если бы вовремя не скончался от *испанки*…

Садо-мазо-огородо

Новые мучения военного музыканта начались тогда, когда новая семейка заставила его взять дачный участок, причём, именно взять, а не купить, так как военное ведомство Республики Саксаулия раздавало вожделенные многими 6 соток бесплатно. Именно этот факт и стал решающим для еврейской жены, еврейского тестя и еврейской тёщи, правда, трудиться на новом фронте работ они отказывались категорически: супруга заявляла, что всё свободное время она проводит с маленькими детьми, а тесть с тёщей, стоило завести разговор о помощи, сразу же приписывали себе лишние 8-10 лет, хотя и без этого давно были в пенсионном возрасте.

Жизнь – она как лотерея,
и живу во всю я прыть:
постареть бы мне быстрее –
и на пенсию пожить!

Но страдания Батыршина были недолгими, так как вскоре он понял, что дача – это хорошее место для встреч с посторонними дамами, некоторых из которыхх он нашёл довольно скоро – на соседних участках, после чего, вспомнив о своём музыкальном образовании, стал с удовольствием мурлыкать слова пошлой песенки Максима Леонидов:

Я разогнулся посмотреть,
не разогнулась ли она,
чтоб посмотреть,
не разогнулся ли я!

Правда, иногда ему попадались и странные девушки со странным поведением и такими же желаниями. Однажды, когда он сказал одной такой, что купил себе новую импорт-

ную *тачку*, она почему-то сильно обрадовалась и попросила трубача вечером на ней прокатить. Признаться, унтер-офицер был немного удивлён, но, как говорится, желание девушки – закон, и потому согласился, но подумал: как же это всё-таки странно – кататься вечером по городу на садовой тачке?!

Да и до́ма было не лучше – по поводу дачного участка он постоянно слышал только одни упрёки, и ни сло́ва благодарности, время от времени пеняя своей новой семейке:

– Если мужик сказал, что доделает беседку на даче, значит, доделает. И не надо ему напоминать об этом каждое лето!

Новые родственники постоянно преподносили ему новые сюрпризы, и это тоже частенько напрягало, правда, выручало лишь то, что об одной его *левой* работе никто из них не знал, а, значит, у Талгата всегда была ежемесячная заначка в 3500 назарбаксов.

И в завершение нашего не совсем планового исследования – один рассказ об одном таком родственнике.

Страшный рассказ о еврейском тесте (родственнике, а не полуфабрикате в хлебопекарном производстве)

Одажды прапорщицкий тесть Яков Моисеевич вышел на балкон, где и применил свой знаменитый еврейский нос как эхолот. Дело в том, что по причине возраста глаза у него, как выражались странные русские, были *уже не те*, а вот нос всё ещё отличался завидными нюхательными способностями. Батыршинский тесть сориентировался в пространстве, вытянул свой эхолот в сторону Бермудского Учпучмака и тихо прошептал:

יתוא ובזכאת לא ! [266]

[266] ***Не подведи! – ивр.***

Почему они мудрее –
те, чьё прозвище *семит*?
Не подводит нос еврея –
чует, что и где лежит!

И нос не подвёл. Эхолотированное пространство тут же показало Якову Моисеевичу сразу пятерых[267] потных индивидуумов, к запахам которых примешивалось пивное и табачное амбре. «Опять, поц, семейные деньги транжирит!», горько подумал тесть. Правда, с этой горечью его примирило лишь то, что рядом с татарским зятем он *увидел* пачку довольно дешёвых сигарет «Прима»

[267] ***Судя по количеству персонажей, дело происходило до их знакомства с Васюханом Митрохиным – прим. автора***

И, конечно, старый еврей в это время не догадывался, что во время одной из двух *легальных* работ, а именно в президентском оркестре, во время перекуров прапорщик наслаждался сигаретами «Саксаулия» с *чёрным* фильтром, которые стоили вчетверо больше «Примы», а на другой, когда дежурил на автостоянке, баловался и вовсе кубинской сигарой «Гавана», сделанной из особого сорта табака «Nicotina Tabacum Habanesis», название которого он уже несколько лет безуспешно пытался перевести без словаря. Стоили такие сигары 90 долларов за коробку, в которую предприимчивые кубинцы вместили их ровно 25 штук – видимо, для того, чтобы саксаульские курильщики сломали голову в попытке подсчитать, сколько же стоит одно изделие.

Всяк курильщик до приметы

мозжечком своим дошёл:
чем дешевле сигареты,
тем там больше гнусных смол!

Во время спокойных ночных дежурств, особенно после третьей рюмочки водки «Анка» знаменитой *чапаевской* серии, шнапс-капитан думал о том, что для таких мыслителей, как он, противные кубинцы должны были или засунуть в коробку 30 сигар, чтобы каждая стала эквивалентной трём долларам, или поднять цену до 100 баксов за партию, чтобы цена поднялась до четырёх. Когда же приходило осознание, что 4 > 3 ровно в 1,33 раза, он мысленно соглашался и с предложенной ценой, и с количеством сигар в красивой деревянной коробке.

А почему же этот короткий рассказ о батыршинском тесте автором был заявлен как страшный? Да потому, что Салихдзяныч тогда тоже заметил своего нового родственника и, испугавшись, сначала икнул, потом вздрогнул, потом разлил себе на рубашку пиво «Маршал» из бутылочки, которую он сейчас *употреблял*, а потом и вовсе вместо козырного червового туза пошёл какой-то пиковой тройкой, в результате чего пролетел на одну взятку, или 25 очков!

Распереживался, воя,
хоть и на своём стоял, –
проиграл из-за того я,
что мешала жизнь моя!

Глава 132. О ПЕРСОНАЖАХ ИНТЕРЕСНОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Да-да, мой внимательный читатель, правильно ты вдруг вспомнил, что раз речь в последнем из коротких рассказиков зашла о жизни еврейского зятя Батыршина, то неплохо бы сказать пару слов и об остальных персонажах этой, как выражается наш друг Кулемзин, интересной национальности, или, выражаясь более просторно, ПИН-КОД. Не слышал ты ещё такого сокращения? Ну, тогда услышь сейчас:

Персонажи
Интересной
Национальности,
Которая
Отдаёт
Душком

Володя, будучи профессиональным интернационалистом, вообще относился к этим людям так же, как и к другим, и ещё в детстве недоумевал, почему анекдотов именно про евреев намного больше, чем, скажем, про армянское радио и чукчей. А когда подрос, да ещё и несколько раз прочёл библию, то стал понимать немного больше, и все еврейские праздники, о которых так много писалось в этой садистской книжке без картинок, в конце концов свёл к трём *ключевым* фразам:

Они пытались уничтожить нас!
Мы победили! Давайте покушаем!

О жене и детях

Именно в описываемое нами время, то есть в обед, прапорщицкая супруга Аида в далёком саксаульском городе Кустанае, где уже несколько дней гостила у своей тёти Симы, усаживала за стол двух дочек и, когда усадила, подвинула им по тарелке с едой.

– Кушай мясо, доченька! И ты тоже!

– Мама, – вдруг возмутилась старшая дочка, – но это же просто хлеб!

– Вот и отлично! – не растерялась мама. – Вкус у тебя работает, значит, ангины нет.

– Мама, – возмутилась вслед за сестрой младшая дочка, – я тоже вижу, что это хлеб!

– Ах ты, моя радость! – умилилась тётя Сима. – Значит, на окулиста тоже можно не тратиться!

Холод – это панацея.
И назло семи ветрам,
закалил своих детей я,
так что *нет!* скажу врачам!

Кстати, мой любопытный читатель, а знаешь ли ты, почему в прошлом томе, а, значит, вчера Аида ни разу не позвонила своему непутёвому мужу? Да потому что ей тётя не дала – в целях экономии назарбаксов! Зато Аида умудрилась позвонить Салихдзянычу во сне, попеняв ему:

– Талгат, я что-то не поняла, почему ты снял обручальное кольцо? Неужели ты меня разлюбил?!

– Дорогая, я тебя умоляю! Кольцо в такую жару? Ты бы ещё про валенки спросила!

Жена трубача не поняла, при чём здесь валенки, и в раздражении проснулась.

О тесте и его друге

И, конечно, несколько слов о батыршинском тесте Якове Моисеевич, который уже несколько дней *сидел шиву* по покойному Абраше Цукерману у своего старого (во всех смыслах) друга Мойши Ароновича. Ни тому, ни другому это было не нужно, но расслабиться им не давало пресловутое *еврейство*, которое с царских времён, наряду с дворянством, купечеством, мещанством, офицерством, казачеством и крестьянством, было в числе так называемых *сословий* Российской империи. И хотя царя не было уже чуть ли не сто лет, да и все эти сословия давно канули в глубокую речку Поганку… тьфу, в Лету, но евреи, проживающие и в России, и в её соседке Саксаулии всё ещё цеплялись за своё несуществующее сословие. Странным было и то, что все они хотели уехать на историческую родину (хотя и родились в СССР), а там про какие-то сословия даже говорить не было принято.

Да будь я евреем преклонных годов,
а, может, и юным евреем,
иврит бы я выучил только за то,
чтоб смыться отсюда скорее!

Зато разговорами целый день были заняты наши персонажи. И первый из таких разговоров случился ранним утром.

– Доброе утро, Яков Моисеевич! – поприветствовал друга хозяин квартиры.

– Вот только не надо навязывать мне своего мнения, Мойша Аронович!

После завтрака разговоры на самые разные темы продолжились.

Сразу начинать *сидеть шиву* не хотелось, поэтому утреннее чаепитие затянулось, а вместе с ним и разговоры.

– Яков Моисеевич, – присмотревшись к гостю, обратился к нему хозяин. – А как вы таки думаете, почему у нас, евреев, такие большие носы?

– Да это же очень просто, Мойша Аронович, – потому что воздух, слава Яхве, до сих пор бесплатный!

– А я вот слышал, – начал новый разговор гость, – что французы утверждают, что из-за стола нужно выходить с лёгким чувством голода.

– Яша, а вы что, таки француз?

– Да нет, конечно!

– Ну тогда сидите и кушайте, пока вам уже дают…

– Да-да, извините, Мойша, я немножко забыл, что сегодня у вас в гостях!

Приметы в Тель-Авиве нет верней:
настанет лето – будет очень жарко,
свалился на́ пол нож – придёт еврей,
а в воздухе завис – придёт с подарком!

Затем старые друзья немного отвлеклись, послушав по радио утренний концерт по заявкам саксаульских трудящихся, после чего Яков Моисеевич воскликнул:

– Мойша Аронович, а почему у вас глаза на мокром месте?

– Ну вот же, вы слышали, только что была песню о девушке, которая не отвечала взаимностью еврейскому парню! И на меня прямо-таки нахлынули всякие воспоминания.

– Не понял, по-моему, песня как песня, может, я чего-нибудь не расчухал.

– Конечно, не расчухали! Вот же паренёк только что спел:

«А Любовь Каксон стороной прошла...»

– Ох, слушайте, не морочьте мне то место, где спина заканчивает своё благородное название!

Затем хозяин обратил внимание на то, сколько именно молока каждый раз подливает в чай его гость, и, не зная, как попенять ему потактичнее, решил начать издалека:

– Кстати, а вы помните историю про двух лягушек в кувшине с молоком? Когда одна утонула, а другая барахталась, сбила масло и спаслась?

– Конечно, помню! А к чему это вы?

– Да вот всё сижу и думаю: удалось потом продать это масло и остатки молока?

Многое в истории Руси
не совсем надёжно шито-крыто –
так, в исконном «Ой ты, гой, еси!»
чувствуются происки иврита!

– Мойша Аронович, а что вы таки скажете за женщин? Вот, к примеру, кто вам больше нравится – брюнетки или блондинки?

– Ой, Яша, и вы тоже не морочьте мою седую голову! Брюнетки или блондинки – какая разница в нашем возрасте? Лишь бы не мешали спать!

– Да, вы правы, возраст уже не тот. Я вообще думаю, что старость – это когда из половых о́рганов остаются только одни глаза.

– Но я таки надеюсь, – улыбнулся хозяин еврейской квартиры, – что взгляд на вещи у вас пока твёрдый?

А закончилась эта весёлая глава анекдотом под названием **О фаршированной рыбе**.

Скажу тебе, подруга Фира,
что люди правду говорят:
не сотвори себе кумира –

потом страдать ты будешь зря.
Вчера мы мужа «пропивали»:
тридцатник – славный юбилей,
предположить могли едва ли,
как много съедется гостей.
Помимо всех родных и близких,
коллег, знакомых и друзей,
приехал из Ханты-Мансийска
брат младший мужа – Моисей:
красавец – будто бы с картинки,
в него влюбились сразу все –
брюнетки, рыжие, блондинки,
и я, к несчастью. Моисей
со всеми очень был любезен,
и обаятелен, и мил,
но только вот в одном разрезе
себя он плохо проявил:
на фаршированную рыбу
он так накинулся, балда,
как будто с НЛО к нам прибыл.
Я прям сгорала от стыда!
Ушли все гости постепенно,
Остался Мойша ночевать.
Где уложить его? Проблема!
У нас всего одна кровать…
Посовещаться мы решили,
пока наш гость ходил под душ,
и Мойшу к стенке уложили,
я – в середине, с краю –муж.
Лежим, не спим. Я вся в томленьи:
такой мужчина рядом... Но
тут в тишине ночной весенней
заверещал дверной звонок.
Ну, раз мой муж улёгся с краю,
его удел – пойти открыть,
и Моисей (вот дрянь такая,
Фир, я не вру – чтоб мне так жить!),
меня коснувшись осторожно,
на ухо тихо прошептал
всего одно лишь слово: «Можно?»
Ох, обаятелен, нахал!
И я на ухо Моисею,
сама от страсти вся горя́,
шепчу: «Попробуй, коль успеешь»...
Но распалилась только зря –
не пахло сексом даже близко,
а я ждала. Ядрёна мать!
Но этот валенок сибирский
помчался рыбу доедать!

Глава 133. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ НИКОЛАИЧА

Об одном творческом факте

А в этой поистине страшной главе автор честно признаётся, что подобно своему тёзке Льву Николаичу, который, как известно, мазохистски любил переписывать большие куски своих собственных произведений, также шесть раз брался за неизвестные лично ему факты из биографии художника Муравлёва, делая упор именно на творческие факты, но каждый раз сбивался, ибо такой факт всё время оказывался всего один, поэтому во время седьмой попытки пришло решение всё-таки опубликовать его. Итак…

– Относительно моих успехов в работе, – частенько говорил Николаич своим друзьям-собутыльникам, – могу сказать, что в данный момент, святой Малевич, я мóю свою карьерную лестницу!

И при произнесении этой фразы он непременно вспоминал свою супругу – 100-килограммовую Наташу, которая в этой семейке и была подлинным художником, ибо каждое утром рисовала себе выспавшееся, свежее и счастливее лицо…

По утрам я так испуган –
как иду на пулемёт:
мне бы выспаться с супругой,
да, подлюка, не даёт!

О творческой составляющей семейной жизни

Женившись, живописец Муравлёв обрёл сразу несколько видов счастья: во-первых, теперь, когда у него начинало чесаться в одном месте, не надо было бродить среди бетонных домов своего микрорайона в поисках сомнительных приключений, во-вторых, посредством молодой упитанной супруги он значительно расширил рацион питания, который до встречи с любимой составлял 2 (два) блюда – яйца варёные и яйца жареные, и, в-третьих, в лице Наташи Валера нашёл фигуру для вдохновения, взяв для примера семейные отношения Рембрандта Харменовича ван Рейна и Саскии Ромбертусовны ван Эйленбург.

Правда, решив повторить знаменитую картину нидерландца «Автопортрет с Саскией на коленях», Николаич тут же нанёс урон и себе, и части домашней утвари. А дело было так: саксаульский рембрандт присел на стул перед трюмо и поставил перед собой мольберт, чтобы поглядывать в зеркало и перерисовывать там увиденное, а потом пригласил молодую жену присесть ему на колени. Но не поняв грандиозности творческого замысла, Наташа сходу бухнулась на тело тщедушного живописца, в результате чего нанесла ему страшные моральные увечья в виде сломанного стула, раздавленного тюбика с краской, которой изготовители присвоили красивое название *чайкентская вишнёвая*, а также отбитой задницы творца – вначале об стул, а потом и об пол.

Я ни в чём не виноватый,
только жизнь вот чепуха:
муки творчества – когда ты
не рисуешь, а буха…

Но на этом творческие муки Муравлёва не окончились: супруга, которая по всемирной женской привычке во всём обвинила самогó мужа, заставила его ремонтировать поломанный стул, а так как подобными навыками он (муж, а не стул) не обладал, то пришлось пожертвовать частью семейного бюджета, откладываемого на печенье «Привет»

О жене как *значительной* части творческой составляющей художника

Прожив с Наташей один год и отмечая это событие полтавским борщом с пампушками, свиными котлетами с картофельным пюре и компотом из сухофруктов, художник внезапно вспомнил, как на свадьбе многочисленные гости со стороны невесты нажрались так, что к новоиспечённому мужу подошёл его новый родственник, а именно тесть, прищурился, не узнал и спросил:

– Молодой человек, а вы что, со стороны потерпевшего?

Тогда он не понял этого странного вопроса, а вот теперь понимание пришло, – но, как это часто бывает у русских, слишком поздно. Понял саксаульский тициан и ещё одно: раньше, до женитьбы, он принимал алкоголь для удовольствия, теперь же прикладывался к бутылочке просто для того, чтобы немного забыться. Но молодая супруга забыть о себе не давала!

Несмотря на свой вес, она была страшно деятельной, и в перерывах между приготовлением разных блюд занималась чем попало – от сбрасывания этого са́мого ве́са до философских рассуждений о жизни. Так, однажды в магазине спорттоваров, куда она затащила Муравлёва, Наташа полчаса размышляла о том, заняться ли ей спортом или лучше сразу сдохнуть, а потом, следуя загадочной женской логике, купила себе новые кружевные трусики.

Нет бы, чтобы гармонично
говорить об основном, –
бабы наши так логичны:
запивают квас вином!

Вскоре молодой муж убедился: несмотря на то, что молодая жена накупила себе кучу всяких косметических флаконч*и*ков с кремами, которые его друг Кулемзин тут же прозвал *крематорием*, она утвердилась во мнении, что лучший блеск для губ – это остатки сливочного масла от вареников с картошечкой. Хотя, когда Николаич словно бы случайно заводил разговор о похудении, Наташа начинала утверждать, что для этого, во-первых, очень важна физическая нагрузка, а, во-вторых, хороший сон. Когда Валера рассказал об этом Альбионычу, тот, к его удивлению, подтвердил слова́ супруги живописца:

– Знаешь, Валера, в этом утверждении главное то, что всё-таки важнее всего именно наташин сон.

– Почему? – изумился Муравлёв.

– Да потому, яйчики-бабайчики, что только во сне она у тебя не ест!

И когда поражённый художник замахал руками на это страшное предположение, Володя добавил:

– Поэтому учти, что за фигурой надо непрестанно следить. Глядишь, чуть зазеваешься, а фигура уже сало трескает!

Стремишься вес столкнуть на минус?
Ведь спортом заниматься надо!
Так выбирай же агрофитнес –
наклоны с тяпкой и лопатой!

Чтобы избавиться от постоянных мрачных мыслей, Валера почти ежедневно пытался заниматься творчеством, начиная писа́ть (а иногда и рисовать) разные картины на самые фантастические сюжеты вроде пленения Гитлера лично Василием Тёркиным, но у него постоянно получалась только одна – под названием «Непреодолимая тяга»

О поддержке товарища

И, может, окончательно бы свихнулся этот персонаж романа «Русская кочерга», и, может, вообще бы не вошёл в число таких персонажей, если бы не старый товарищ художника – писатель Кулемзин, который, хотя и был женат всего один раз, но настолько тщательно проанализировал свой брак, что теперь мог бы зарабатывать деньги консультациями на эту тему.

– Да, распустился ты, старичок, – пенял художнику Альбионыч. – Прямо как календула под солнцем…

И, зажатый как пружина,
вновь презрев иммунитет,
распускается мужчина,
коли бабы рядом нет!

И эти слова не казались обидными, так как Николаич был уверен, что его друг лучше понимает суть проблемы. Правда, ему был не совсем ясен один постулат, который приводил Володя, но автор решил ознакомить с ним (постулатом, а не Володей) своего читателя, дабы тот самостоятельно пришёл к таким же выводам. А литератор сказал тогда вот что, причём, к удивлению Муравлёва, не о женщинах, а наоборот:

– Логика мужчин мне была ясна ещё с моего хрустального детства – из забавной сказки, когда некий Принц, чрезмерно приняв на балу *произвольные* напитки, резко забыл, как выглядит понравившаяся ему из-за этих напитков Золушка, после чего стал заставлять каких-то левых баб королевства мерить потерянную ею туфельку – видимо, тоже впоследствие принятия того же бухла.

И, заметив недоумение на лице живописца, добавлял:

– Но лично я не согласен с автором этого безобразия Шарлем Пьеровичем Перро, потому что считаю, что если бы эта растеряша оставила на ступеньках дворца не туфельку, а например, свои трусики, то сказка была бы гораздо интересней и веселей!

Опять я сплю, и мной владеет чувство
исподтишка утраченной вины.
Часы 12 раз пробили густо,
но не подряд, а как-то вдоль спины!
Когда часы пробили 117,
мы с Принцем раздавили пузырёк…
Хорошие мне сны по пьянке снятся –
стремглав, попарно, всмятку, поперёк!

Художнику, кроме Володи, не было кому пожаловаться на неудавшуюся семейную жизнь, так страшно перетасовавшуюся со своей личной, и поэтому он любил приходить к Кулемзину в гости, где хозяин выдавал ему листочек бумаги и авторучку – для того, чтобы гость мог записать его мудрые мысли типа

«Женщине столько лет, на сколько она выглядит перед завтраком»

или

«Чтобы вывести много жрущую бабу из себя, надо как бы невзначай сказать ей за завтраком:

– У тебя что-то на подбородке. Нет, не на этом, на другом!»

Но каждые такие посиделки заканчивались тем, что Альбионыч советовал другу:

– И всё-таки тебе лучше терпеть и любить Наташу до самой старости, потому что две пенсии в два раза лучше, чем одна!

Глава 134. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ АЛЬБИОНЫЧА

Посмотрите на него

Вначале тот читатель, кто впервые открывает эти страницы (а такие, уверяю вас, обязательно найдётся!) пусть познакомится с внешним обликом нашего главного героя. Первым делом надо сказать, что Кулемзин был здоровым, как снежный человек. При взгляде на него сразу бросались в глаза его крепкая римская шея, выпуклая, словно наковальня, грудь и огромный, как полковой барабан, живот. Издалека он напоминал китайского божка, ибо был таким же таинственным и пузатым.

Некогда похожая на спортивную, его фигура сейчас раздалась – видимо, под гнётом сидячего (и лежачего) образа жизни, а также некоторых гастрономических излишеств. И когда ему пеняли на это многочисленные знакомые мужчины и девушки, он твёрдо отвечал в том смысле, что заниматься в спортзале, чтобы стать стройным и красивым – это не для меня, а вот стать таким в результате чуда – на это я согласен!

Съест казан не только плова,
но и три батона:
ровно центнер весит Вова,
а ума – на тонну!

Не поэтому ли выглядел писатель земли русской и саксаульской так значительно, что поневоле внушал собеседникам мысль о том, что в затяжные дискуссии с ним пускаться очень накладно – как для внепланового лечения, так и для материального благополучия. Для тех, кто был знако́м с классической литературой, он был похож на героя одного древнеримского сочинения, в котором, в частности, описывался так: «Публий Сцилий Семвер был ражим, широким в кости мужчиной, охочим гетер и неразбавленного пива «Тянь-Шань»

В общем, никак нельзя было сказать, что марсианин смотрелся как молодое цветущее существо, хотя надо заметить, что по причине многолетней закалки он круглый год ходил в одной рубашке, и всегда, когда ему случалось стучаться в какую-нибудь дверь, на вопрос *кто?* честно отвечал «Вова без пальто!»

Рассказать мне надо прежде:
я всегда смотрюсь как вождь:
экономлю на одежде –
по природе чистый морж!

Поступь у нашего героя была тверда, взгляд властен и даже при мимолётном анализе было ясно, что он содержит в себе набор соответствующих истин:

Бей своих, чтобы чужие боялись!
Если вы меня не знаете, вы меня ещё узнаете!
Я вас выведу в чисто поле и поставлю у стенки!
и т.п.

Пленяло в Володе странное противоречие между эффектной внешностью рано созревшего мужчины и растерянным взглядом тринадцатилетнего мальчика, не до конца уверенного, нравится ли он девочкам. Автору иногда так и хотелось подойти к нему поближе, погладить по голове и воскликнуть: «Не переживай, нравишься!». Но при всём этом у Володи была такая сильная внутренняя энергетика, что ей, говорят, завидовал даже сам Чубайс.

– Да меня никто в жизни не поставит на колени, – говорил он (Володя, а не Чубайс) о себе. – Я как лежал, так и буду лежать!

Скорее всего, этим упрямством к жизни и окружающим его персонажам Кулемзин был обязан странному астрологическому знаку, под которым и был рождён на планете Земля, а именно Тельцу. Поэтому на каждый свой день рождения он неизменно вывешивал в месте всенародных празднеств и гуляний большой плакат с только одной, но очень значительной фразой:

, а на вопрос праздных вопрошающих, кого тут в этот раз пропивают, отвечал поэтически, но непонятно для окружающих:

Не мизантроп – скорее, я гелиотроп,
своей старинной жизни старый изотоп:
милей мне Солнце, а не чёрная дыра.
Тянусь за солнцем, как подвянувший укроп,
своей поэзии искуснейший холоп,
живу и думаю: а, может, мне пора?
Но не даёт уйти мне паранойя –
приятен её сладостный сироп.
И в голове моей опять потоп,
но сам себе ни бог, ни чёрт, ни Ной я…

Не потому ли наш герой на протяжении всей своей земной жизни искренне верил, что Вселенная существует конкретно для него…

О борьбе с собственным весом

По габаритам Альбионыч был похож на Илью Муромца, и был так же ленив, как этот народный герой в первые 33 года его жизни. Хотя надо признаться, что он (Альбионыч, а не Илья Муромец) пытался худеть много раз, но килограммы неизменно возвращались, а иногда даже и приводили с собой пленных .

– Жрёшь много, – философствовал он, поглаживая творческое пузо, – излишек откладывается в жир. Жрёшь мало – организм думает, что грядут тяжёлые времена, и начинает накапливать жир. Короче, ни единого шанса на какие-то изменения!

Когда он говорил, что является поклонником *здорового* питания, ему никто не верил,

и даже находились такие, кто со злорадной усмешкой спрашивал у крайне расстроенного писателя:

– Ты же жрёшь всё подряд!

На что он неизменно отвечал:

– Точно, яйчики-бабайчики! Но разве это не *здóрово*?

Но литератор, который не боролся с соблазнами, а дружил с ними, откладывал в памяти некую зарубку, хотя вслух говорил обидчикам другое:

– Не волнуйтесь, я не злопамятный, я взаимный!

Здоровый образ жизни на слуху.
И, посидев на всяческой диете,
я вам, друзья, скажу, как на духу:
«Нет образа печальнее на свете!»

Герой этих нелёгких глав любил поесть и мясо, и рыбу, считая, что путь к сердцу, например, вегетарианца усеян лишь шелухой, кожурой и огрызками. Он помнил, что потратил на еду уже так много денег, что похудеть после этого было бы просто глупостью, поэтому ежеутренне с удовольствием видел в зеркале своё лицо *радиусом* с кирпич.

Разговоры о его якобы лишнем весе возникали постоянно – в основном, при общении со знакомыми девушками, а иногда даже и женщинами.

– Если меня теперешнего, разделить пополам, – говорил он своим *свежим* подружкам, – непременно получится то, что когда-то уже было, то есть 25 лет и 50 килограммов! И даже не знаю, приятные ли это воспоминания…

А когда ему пеняли на то, что он просто болен перееданием, вспоминал, что у него был только один недостаток – отсутствие недостатков, и с усмешкой отвечал:

– Вы ошибаетесь, друзья! Если уж болеть, то какой-нибудь очень приятной болезнью – например, пельменным передозом.

После чего начинал утверждать, что после шести совершенно ничего не ест, а на недоверчивые ухмылки собеседников уточнял, что после шести литров пива еда как-то вообще не лезет!

Когда умру (а это неизбежно, знаю),
«Тянь-Шань» хороший положите в изголовье:
вдруг археологи когда-то откопают —
так сядут, выпьют за моё здоровье!

Издалека Кулемзин был похож на растолстевшего жокея, и так же насвистывал за любимой работой, как конюх во время чистки призовой лошади, но такая телесная избыточность Володи глубоко оскорбляла военную натуру его товарища – старшего прапорщика Талгата Батыршина, ибо тот, будучи человеком под погонами, в глубине души был свято уверен, что работники умственного труда обязаны быть худыми, сутулыми и шепелявыми.

– Нет в тебе, Вовка, силы воли, – пенял он покерному гуру.

– Ты не прав, Талгат, – мягко отвечал толстяк. – Для меня сила воли – это когда я вечером на ужин положил себе 10 сосисок, а потом вспомнил, что на диете, вздохнул и мужественно положил одну обратно в кастрюлю!

Даже наш суровый век
полноту ничуть не судит:
если славный человек,
пусть его побольше будет!

Глава 135. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ АЛЬБИОНЫЧА (продолжение)

Здесь Володя, о ком, собственно, сейчас и шла речь, решил немного отвлечься от глав о самом себе – для того, чтобы проверить качество готовящегося в духовке гигантского куска мяса. Он на минутку оставил гостей, затем прошёл в столицу своей квартиры, как он называл кухню и, немного приоткрыв духовой шкаф, проинспектировал кулинарный процесс. По кухне сразу же поплыл волшебный запах привнесённых в мясо специй – точно выверенная в 121° температура делала своё мистическое дело, доводя означенный кусок до фантастически нереальной и восхитительно-пленительной кондиции. Но – до конца процесса никто и никогда не мог посягнуть на эту вкуснятину.

Наша Таня громко плачет:
от неё тушёнку прячут,
прячут сало и картошку,
не дают к обеду ложку,
сельдь, кальмары, иваси –
даже, Таня, не проси!

Удовлетворившись внешним осмотром и (прости, русский язык!) одорологической проверкой, хозяин квартиры вновь проследовал к своим гостям. И сразу же заметил какой-то вороватый взгляд исподлобья, принадлежащий Нуртаю. Нехитрая марсианская технология, которая не раз выручала писателя в трудные минуты, показала, что в то время, которое он отсутствовал, ознаменовалось неблаговидным поступком коммуниста с педагогическим образованием: Мусаич, заметив в углу между сейфом и диваном какой-то блеснувший предмет, незаметно приблизился к нему и, сделав вид, что уронил несуществующую на рубашке запонку, поднял предмет.

Предметом оказалась монетка в 100 назарбаксов, которую Альбиоыч уронил позавчера, но из-за природной лени, о которой будет рассказано ещё в этой главе, поднимать не стал, а решил дождаться вторника, когда её поднимет приходящая venu bonne[268] Марина. А вот отобразить возмутивший его случай решил прямо сейчас – поэтически и несколько сказочно, но не при всех, поэтому радуйся, мой читатель, что тебе, в отличие от персонажей романа «Русская кочерга», такое счастье будет дано. Итак…

[268] *Горничная – фр.*

Басня о неблаговидном поступке Курманбаева

Муха по полю пошла,
муха денежку нашла.
Собрала она гулянку,
и все деньги пропила.

♠ ♠ ♠

Вот чему поэт Корней
учит маленьких детей!

О молодых годах

Уже с са́мого рождения наш герой предпочитал считать, что не он, а именно человечество вступило в его ряды. Детство его пришлось на конец пятидесятых – начало шестидесятых годов, когда сознание всей страны стало мучительно и медленно просыпать-

ся от многолетнего обморока затмения и страха. Ещё в юные школьные годы Володя начал рваться к знаниям и истине, поглощая на ходу, как абсолютно чёрное тело, всё добытое человечеством к моменту его рождения.

Но самое удивительное, что саксаульский гуманитарий, прошедший впоследствии не только среднюю и две высших школы, и в школе средней не путавший валет с вольтом, даже сегодня мог отбарабанить сложный закон Георга Иоганновича Ома и правило буравчика – примерно как скороговорку «Отче наш» – семинаристы четвёртого года учёбы.

В школе он сделал и свой первый поэтический опыт: после прочтения некой заметки в газете «Пионерская правда», которая ему и брату выписывала их мама, он написал следующее:

Убили гады Патри́са Лумýмбу[269]
и закопали неизвестно где!
Убил его предатель Касавубу[270],
и даже трупа не отдал жене!

[269] Патрис Эмериевич Лумумба – конголезский политический деятель левонационалистического толка, первый премьер-министр Демократической Республики Конго, основатель и руководитель партии Национальное движение Конго. Убит в январе 1961 года. Кстати, в этом же году имя Лумумбы было присвоено московскому Университету дружбы народов – прим. полит. редактора

[270] Жозеф Касонгович Касавубу – первый президент Республики Конго. Тоже плохо кончил: в результате военного переворота в 1965 году был сослан на ферму близ города Бома в Нижнем Конго, где, лишённый средств и медицинской помощи, вскоре скончался – прим. полит. редактора

Этот незамысловатый стишок, слегка отредактированный учительницей литературы, увидел свет в школьной стенгазете, а затем, безо всякого участия автора, на три дня стал приблатнённой песенкой, исполняемой страшеклассниками, впрочем, вскоре совершенно забытой. Кстати, ни одноклассники, ни учителя, ни даже весьма политически подкованный директор школы Иван Петрович Джапаридзе творчеством юного поэта не вдохновились, а лишь посмеялись над этими поэтическими потугами.

«Хорошо, что в годы моего детства самоубийство было не в моде», писал позже в автобиографии Кулемзин, «а то бы я несомненно покончил с собой!»

О хлебе 1963 года (личный Хроноклазм без номера)

1963 год. В то невыразимое время Володя Кулемзин ходил в третий класс и знал, что живёт в лучшей в мире стране, где через каких-то 17 лет наступит коммунизм, обещанный первым секретарём ЦК КПСС Никитой Сергеевичем Хрущёвым. Правда, и взрослые, и даже дети часто подсмеивались над вождём, а в пионерлагере, где наш герой отдыхал летом, даже разучил загадку про кукурузного правителя страны:

Не сеет, не пашет, –
только шляпой машет!

А пока… Ежедневно, пока родители, молодые и красивые, пропадали на совслужбе (с 9 до 18 часов), ему, третьекласснику, которому хотелось бегать и прыгать от звенящего детства в голове, читать новенькие 12 томов «Детской энциклопедии», которые удалось подписать маме на работе в обкоме партии, приходилось стоять в очереди, делая себя закалённым советским человеком.

Дело в том, что в будние дни 1963 года, когда Хрущёв неожиданно оказал помощь молодой революционной Кубе, отправив туда многие тысячи тонн зерна, в советских магазинах *на руки*, как тогда говорили, давали две буханки чёрного хлеба, а по воскресеньям – две буханки серого. Накануне же государственных праздников ещё и один батон белого – в одни взрослые руки.

Это ежедневное стояние начиналось где-то в 12.30 – после уроков, и заканчивалось часов в семь вечера, пока не приходила мама с младшим братом из детсада или папа с работы, которые и получали вожделенный хлеб.

Поэтому знайте: когда кто-то из советских (б) людей вспоминает *километровые* очереди, это не метафора, это – правда нашей горькой жизни.

Не пионером – октябрёнком,
советский маленький босяк,
в очередях стоял ребёнком,
и в них же вырос тоже я!

Глава 136. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ АЛЬБИОНЫЧА (ещё одно продолжение)

О володиной лени

У каждого из нас есть свои пороки, но немногие с ними борются – напротив, некоторые холят их и лелеют, ибо, как они утверждают, с ними жить гораздо веселее и интереснее. Был такой и у нашего героя Кулемзина, но здесь прослеживался как бы особый случай. Дело в том, что свою лень (а речь пойдёт именно о ней) он вообще считал не пороком, а достоинством. И вот почему.

«Именно труд сделал из обезьяны человека». Автору данного афоризма[271] Фридриху Фридриховичу Энгельсу было нелегко: в своё время он сам помогал деньгами своему другу Карлу Генриховичу Марксу, любившему пить пиво, но отказывавшемуся зарабатывать. И тем не менее лень лени рознь. Одно дело круглосуточное дуракаваляние, другое – попытка установить баланс между карьерой и личной жизнью. Люди привыкли воспринимать лень как нечто негативное, а, между тем, как считал Альбионыч, в ней нет ничего плохого, и рассматривал преимущества этого милого недостатка (да-да, именно недостатка, а не порока, и именно милого!) со многих позиций.

[271] Фридрих Энгельс «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (1876) – прим. полит. редактора

Во-первых, лень заставляет быть находчивым. Недаром говорят, что все великие открытия были сделаны именно из-за лени: например, Архимед догадался о гидростатическом законе, принимая ванну, Менделееву, как известно, его таблица химических элементов вообще приснилась, Альберт Германович Эйнштейн в школе отставал от сверстников, а Уинстон Рэндолфович Черчилль до са́мой смерти следовал энергичному девизу «Никакого спорта!»

С рожденья до могилы
живи, дружок, легко:
не трать на спорт ты силы,
а трать их на пивко!

Во-вторых, лень – это двигатель прогресса. Жалея себя и собственные силы, человек исхитрится и обязательно придумает самый простой и эффективный метод достижения

цели, ленивый сотрудник найдёт множество способов, как сэкономить энергию, время и финансы на реализацию задачи. Отдыхая, или проще говоря, бездельничая, человек переключает своё внимание, даёт мозгу расслабиться. Наше сознание никогда не дремлет, и такой отдых даёт возможность бессознательным процессам выйти наружу. К тому же, это вполне может натолкнуть на какую-то идею. Кстати, начальникам сто́ит приглядеться к своим подчинённым: быть может, их лень – это просто затяжной этап творческого процесса.

В-третьих, лень продлевает жизнь. Не верите? А, между тем, некие немецкие учёные давно доказали, что лень полезна для здоровья. Человек, умеющий лениться, – это человек, умеющий отдыхать, такой сотрудник в меньшей степени подвержен стрессу. Трудоголик загоняет себя на работе, накапливая стресс. Если же человек не расслабляется, он продолжает переживать стрессы, а это лишь приводит к серьёзным болезням типа гонореи. Шучу.

Так что учитесь снимать напряжение и правильно распределять своё время, не тратьте жизненную энергию зря, ведь в конечном итоге смысл жизни уж точно не в вечной каторге!

Хоть в конторе, хоть в болотах
силу мысли не тревожь:
отдыхай, а не работай, –
много больше проживёшь!

О володиной лени (окончание)

Нельзя сказать, что Кулемзин совсем уж не занимался спортом. Правда, из всех его видов любимым у него было фигурное лежание на диване. Володя всегда говорил про себя, что если бы лень была олимпийским видом спорта, то он занял бы четвёртое место. А почему именно четвёртое? Да потому, что тогда ему не пришлось бы лезть на этот пьедестал за медалью!

Вторым утверждением литератора было то, что если бы он выступал в рок-группе, то был бы только барабанщиком – потому что ударник не скачет по сцене, а сидит, работая. Третьем же утверждением героя этих глав было то, что если бы он нечаянно родился индейцем, то у него было бы родовое имя Стремительно Лежащий.

И, кстати, о лежании. Памятуя о своём годе рождения по восточному календарю, Альбионыч частенько выказывал желание стать змеёй, а на вопрос *почему?* лениво отвечал:

– Да чтобы на работу лёжа ходить…

Открываю я словарь –
сразу каменею:
врёт восточный календарь,
мол, похож на Змея.
Вы не слушайте бабья
(мол, Володя – нолик):
не Удав, не Полоз я –
тихий мирный Кролик!

Будучи бездельником обдуманно и с малолетства, марсианин бил баклуши сознательно и с удовольствием. Он был праздным человеком, но если мой проницательный читатель услышал созвучие со словом *праздник*, то тем легче ему напомнить, насколько коротка наша жизнь и как душевно важно это время праздновать, а не скорбеть или, тем более, усердствовать и надрываться.

С холодным и спокойным уважением наш герой относился к тем людям, что спешат и напрягаются, хотят успеть, достичь, взойти, заполучить, досрочно сделать и в большем количестве. Они того хотят, и *дедушка* им судья. А вот писателю это было даром ни к чему! Ему всегда казалось, что мудрые русские пословицы осуждают его лично, хотя со многими он мог бы легко поспорить. Например:

Не сиди, сложа руки, –
не будет скуки.

Но у бездельника Альбионыча её и так не было, ведь, кроме общественно-полезного труда на благо великой саксаульской родины, у него были книги – чужие и свои, а также компьютер, телевизор и *русская кочерга*.

Или ещё одна пословица:

Скучен день до вечера,
коли делать нечего.

Да ничего подобного! Ничуть не скучен день, который отдан праздности и лени. Впрочем, чего я рассказываю тебе, читатель, ведь именно об этом и написана эта книга. Володя, будучи отпетой крыловской стрекозой, ничуть не осуждал муравья, а даже наоборот: восхищался им и благословлял, хотя при этом и думал, что лучше замёрзнет и помрёт, чем обратится к нему за помощью. Но и себя он был не склонен осуждать. Из глубины веков донёсся до Володи сочувственный привет от великого Мишеля де Пьеровича Монтеня, тоже, кстати, не последней скотины в философии:

До крайности ленивый,
до крайности любящий свободу,
я лучше по капле отдам свою кровь,
чем лишний раз ударю пальцем о палец!

Спасибо мэтру, ибо в его фразе есть одно слово, ключевое и краеугольное для всех душевных устремлений автора, поэтому к понятию *свободы* мы с тобой, мой любопытный читатель, ещё не раз вернёмся, ибо трижды благословен и почитаем труд, но праздность и расслабленность – единственный источник его надежды на облегчение.

Я собою восторгаюсь,
я собою так горжусь,
что себе в занятье этом
я в подмётки не гожусь!

И вот, подводя итог этим главам о володиной лени, можно ещё раз вспомнить его мудрые афоризмы об этом любимом предмете, по которому сама Сука-судьба ставила ему сплошные пятёрки. Этих афоризмов много, и вот только несколько из них:

Готов служить хорошим примером на твёрдом окладе, но не более восьми часов в день!

Лень – это искусство отдыхать заранее!

Если лень заправлять одеяло в пододеяльник, залезайте в пододеяльник сами, а одеяло кладите сверху!

И, наконец, последний – уроком для любого, кто держит в руках эту книгу:

Родина – мать,
природа – мать,
а лень-то – матушка!

Глава 137. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ АЛЬБИОНЫЧА (и ещё одно про-олжение)

О возрасте

Когда Володю спрашивали, сколько ему лет, он обычно отвечал, что наконец-то достиг возраста, когда можно не сравнивать, а просто вспоминать.

Буду помнить, что родился,
пиво пил и не стыдился!

– Я так давно живу на белом свете, – говорил он, – что помню, как когда-то в нашей стране социализм сменился развитым социализмом, который вот-вот должен был обернуться коммунизмом, но пропустил нужный поворот и, разогнавшись во время перестройки и ускорения, прыгнул сразу в дикий капитализм, который, в свою очередь, плавно перевоплотился в некий вертикально выстроенный феодализм, и теперь на всех парусах мчится к рабовладельческой демократии!

Чем дольше живёшь, тем больше
у тебя становится прошлого.
К сожалению, за счёт будущего…

Свой возраст Кулемзин набирал не сразу, а, как настоящий землянин, косящий под марсианина, с детства и до сегодняшнего дня, причём, за время жизни перестал кого-то судить или оценивать, а стал просто классифицировать. Так, когда он учился в школе, то думал: «Вот же дебилы со мной в одном классе собрались!», а потом вырос, стал смотреть на жизнь шире и понял, что одним классом тут дело не ограничивается.

Детство и юность Альбионыча прошли без интернета, и, может, именно поэтому он понимал, что за языком нужно следить, а за слова отвечать. Он без усилий дожил до того возраста, когда уже миновала горячность молодости, но ещё не пришла степенность старости.

– Мне двадцать с лишним лет, яйчики-бабайчики, – утверждал он, вызывая шок у окружающих, после чего неизменно добавлял

– Вообще все годы после двадцати – лишние!

Неужели так сердце устало,
что пора повернуть и уйти?
Мне ведь так ещё мало, так мало, –
даже нет ещё ста двадцати!

Когда писателю стало немного за 50, и ему говорили, что, мол, его поезд ушёл, он никогда не расстраивался, так как твёрдо знал, что есть ещё яхты и самолеты! Не потому ли марсианин называл себя человеком поколения, которое ещё помнит, для чего мнут газетную бумагу!

Но как бы то ни было, он всё-таки приближался к старости, хотя и очень неторопливо, постоянно оглядываясь и иногда садистски мечтая, что когда-нибудь скажет своим внукам, что он старше интернета, и это взорвёт их неокрепшие мозги!

– Когда я буду старым, – говорил литератор, – я заведу себе двух льстецов с приличным окладом. Зачем? А когда я буду просыпаться, они будут стоять по бокам и хором говорить мне каждое утро: «Дорогой Владимир Альбионыч, как вы сегодня прекрасно выглядите!»

Он чувствовал себя достаточно пожившим человеком, чтобы хорошо понимать, что жизнь практически прошла, но гордился тем, что её стаж впечатляюще вырос, и был достаточно мудрым, чтобы с оптимизмом смотреть в будущее.

И вот теперь, прожив без малого целую жизнь, или, во всяком случае, *почав* её заведомо лучшую и заведомо бóльшую половину, дожив, короче говоря, до – страшно сказать! – пятидесяти лет, пережив Пушкина, Лермонтова, Ленина и даже Махатму Карамчандовича Ганди, Альбионыч нежданно-негаданно убедился, что в самóй жизни что-то всё-таки есть!

Всю молодость любил я поезда,
поэтому тот час мне не известен,
когда моя счастливая звезда
взошла и не нашла меня на месте…

Об отношениях с властью

Володя, сколько помнил свою жизнь, всегда представлял из себя политическое движение, состоящее только из одного человека – под названием «Идущие отдельно». Ещё с детства он выдавливал из себя упорно вдалбливаемое в него «Ура!» и «Даёшь!». Его изначально пугала принципиальная советская (б) скука, и надо ли удивляться тому, что Кулемзин вначале стал молодым антисоветчиком, а потом и старым, закалённым в идеологических боях, а потом и вовсе героем им же взбаламученного времени, бузилой прошлых лет, но героем, разумеется, не для страны, где он жил, а лишь для самогó себя.

Активно борясь с системой, Альбионыч хорошо изучил рыла свирепствующих псов ленинизма, и даже осознал, что жестокость палачей КГБ (б) была гораздо качественнее нацистских. Но, несмотря на это, ему всё-таки было легче, чем другим, противостоять советской власти (б), ведь поэзия с детства выбила из него всё, что поддаётся дрессировке и упаковыванию в пропитанную маргарином совковую коричневую бумажку. Не именно ли потому он и выбрал такой странный для всех способ жить в этой стране, – чтобы не стать тлёй, винтиком, картонной фигуркой или даже карандашным рисунком на бумаге, который можно просто стереть.

От жизни утробной
до жизни загробной
обидно плестись
по судьбе низкопробной!

Он менялся вместе с быстро крепнущим сознанием. Однажды, в 1982 году, тогда ещё молодой диссидент по привычке слушал радио «Свобода». Сквозь вой глушилок с несоветским придыханием, видимо, означающим крайнее волнение диктора, вражий голос сообщал, что в московском метро на станции «Авиамоторная» обвалился эскалатор, в результате чего несколько ранее счастливых жителей Страны Советов (б) стали жертвами. А родное телевидение в это время рассказывало о трудовой вахте по исполнению решений XXVI съезда КПСС, о строительстве газопровода Уренгой-Помары-Ужгород, об открытии новой художественной школы в Ашхабаде и других новостях счастливой, благополучной страны.

Наш герой не был манкуртом, но уже тогда в который раз признался себе, что не слишком любит эту страну, он презирал её двуличие и мрак, он ненавидел кильки в томате, варёную колбасу в серых пятнах и тощих, плохо ощипанных кур. И ещё его тошнило от баек про *развитой* социализм. И именно в этом 1982 году для него окончательно закончилась старая эра – в воскресенье 14 ноября по всесоюзному радио впервые прозвучала фраза: «…и *лично* Леонид Ильич Брежнев»

Как привычно, кагэбычно,
миновав страны инсульт,
говорим мы слово *лично*,
возводя ту личность в культ!

В годы брежневского застоя, которые многие тоскующие по тем временам даже называли *золотыми*, Кулемзин чувствовал себя чуть ли не оракулом, всегда опережая общественное мнение на год, а то и на два, причём, исключительно за счёт его нетерпимости к советской власти и усиленной работы мысли. Все вокруг ругали Сталина, а он – Ленина. Когда же, спохватившись, наконец-то добрались до Ильича I, Альбионыч уже вовсю крыл большевиков и в целом страшную Софью Власьевну[272]. Подобно своему картавому тёзке, он очень любил хлёсткие формулировки. «Если правда, которую ты вчера знал только один, сегодня известна каждому», говорил он (Альбионыч, а не Ильич I), то, стало быть, это никакая не правда. Копайте глубже!»

[272] ***Советская власть – диссидент. жаргон***

Глава 138. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ АЛЬБИОНЫЧА (почти окончание)

Об отношениях с властью (окончание)

В результате такой жизни у нашего героя сложились настолько твёрдые убеждения, что ими можно было колоть орехи. Вся его прежняя деятельность, пусть даже не на благо народа, к чему призывала ныне покойная партия КПСС (б), а, может, даже во вред него, органично скрывала в себе некий вынесенный за скобки жизни знак вопроса:

**А не является ли вся его многотрудная деятельность,
просто-напросто никому не нужной хернёй?**

И что-то подсказывало ответ Володе: «Да, является…». Тогда же он написал один из своих, как любили говорить ленинцы на съездах, программных стихов – под названием

Без власти

Скажу сейчас без этикетов,
что, впрочем, говорил не раз:
как не любил я власть Советов,
так и не люблю я власть сейчас.
Всерьёз не стал я диссидентом,
но всё ж давал серьёзный бой,
ведь мой удел интеллигента –
без власти жить любой. Любой!
Бывали всходы и уходы,
ведь я – обычный человек.

И всё же только смерть-свобода
мне даст безвластие навек…

Но перемены в стране, которая упрямо лишала нашего литератора личности, наступили, хотя и вдруг, и эта страна, в анкетах которой он в графе «Место рождения» всегда писал: «Подло рождён в СССР (б)», наконец распалась. С радостным удивлением Кулемзин принял капитализм, и, к удивлению для окружающих, очень быстро избавился от бытовой накипи и душевной ржавчины совковой жизни. И до этого жизнь будущего покерного гуру вместе со страной не раз меняла жанр: до тридцати пяти лет это был серенький соцреализм, потом несколько лет разнузданной фантастики, а вот теперь чистый уголовный роман с экономическим душком! И всё-таки он испытал почти физическое удовольствие, когда с главной площади страны был убран тяжёлый бронзовый Ильич I, как традиционно в жарких республиках типа Саксаулии, облачённый в пальто и коверкотовую кепку.

Овладев братвой голодной
и зайдя на Финвокзал [273],
кепку сжав в ладони потной,
Ленин путь нам указал!

[273] Финляндский вокзал – один из пяти действующих вокзалов Санкт-Петербурга. 3 (16) апреля 1917 года сюда приехал вернувшийся из эмиграции В. И. Ленин. В память об этом событии на площади у старого здания Финляндского вокзала в 1926 году был установлен памятник – прим. ист. редактора

Как-то быстро изменились люди, причём, изменились непоправимо: все без исключения (кроме непримиримых коммунистов) включились в гонку за деньгами и славой. Их не смущало даже то, что путь наверх был связан с унижением, предательством, подлостью – лишь бы туда, где пылает очаг материального благополучия! При советской власти (б), когда под запретом было всё, люди всерьёз интересовались поэзией, рок-музыкой, буддизмом, они выписывали толстые журналы и коллекционировали значки. Сегодня же все стали интересоваться только курсом доллара.

Раньше бедность не вызывала презрения, и, говорят, что интеллект даже был в высокой цене. Сегодня же, будь ты хоть семи пядей во лбу, тебя считали козлом, если ты был бедно одет, и у тебя не было хотя бы плохонькой машинёшки. Простая дружба утратила смысл, она обесценилась. Человеку начинали предлагать дружбу, а он тут же брался чеканить из неё звонкую монету. Не потому ли сегодня порядочного человека встретить так же трудно, как раньше было трудно встретить плачущего большевика[274]?

[274] Выражение из поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1924): «Если выставить в музее плачущего большевика, весь день бы в музее торчали ротозеи» – прим. лит. редактора

Увы, гормоны отыграли:
мы стали старше, тяжелей,
звеним, как старые медали,
скрипим итогами нулей.
Мы чуем уменьшенье часа,
блюдем спокойствие в паху,
из романтического мяса
вдруг превращаемся в труху…

Вначале новое время вызывало у Альбионыча чувство новизны и ужаса: он не сразу принял жизнь такой, какая она есть сейчас, и до сих пор не мог спокойно принимать общество, в котором *дедушка* удосужил его жить. Писатель видел, как современное общество пожирают нетерпимость, лицемерие и жадность, видел его цель – наживу, он не знал, долго ли можно прошествовать этой дорогой, и куда она заведёт, но чувствовал, что по этой дороге ему иди скучно и противно.

Ему казалось, что у общества должна быть какая-то высокая цель, пусть даже ложная, – это неважно! Ведь люди не собаки, им нельзя показывать кость и говорить, что именно это и есть их цель, – они тогда опошляются и тупеют. Раньше такой целью был коммунизм – недостижимая мечта человечества, мечта о всеобщем равенстве, мечта о халяве для всех, независимо от того, кто сколько сил вложил в достижение этой мечты. Теперь же мечтой стало набитое брюхо, и нашему герою было противно жить в таком обществе и наблюдать, как страна тонет во лжи, как то, что принадлежит всем, разделила небольшая кучка предприимчивых мерзавцев, а хорошие люди в это время загибаются, – в то время когда сволочь всё жирует и жирует…

Воспоминания грызут,
и всё я вижу в лицах:
на 5, на 6, на 7 минут
я опоздал родиться.
И угораздило ж порхнуть
мне в этот мир без нимба!
Вот если бы пораньше чуть, –
то был я не таким бы:
сейчас бы не писал стихов,
а сеял хлеб на поле,
или готовил знатный плов,
а, может, равиоли,
штурвал бы я рукой сжимал
в фуражке капитанской,
а, может, радовал Ямал
мелодией шаманской.
Но было суждено на 5,
на 6 минут иль больше
мне почему-то опоздать
с судьбою нехорошей.
Так чей же выполнен заказ
под веянье самума?
Но получилось, что сейчас
такой я, как задумал
мой рок, что в мир путёвку дал,
родив меня поэтом,
где каждый слог мой, точно шквал,
свистит зимой и летом,
где я на вас смотрю анфас,
презрев ума границы,
где я живу последний раз,
чуть опоздав родиться…

– Мне служить неинтересно ни *дедушке*, ни *иблису*, – в конце этой главы признался

писатель, – хотя именно это в традициях русской литературы. *Дедушке* вообще служили очень многие – например, величайший из великих Сергеич или мой тёзка Серёжа…

При этих словах внимательно слушающий необычную лекцию охранник тут же приосанился.

– …нет-нет, друг мой, на этот раз речь идёт не о тебе, а о Есенине. А вот великий пролетарский поэт (кстати, тёзка моего сына Вована Вованыча) – тот, сами понимаете, кому со всеми потрохами продался, не к ночи будь сказано. Но в том же славном ряду – и такие персонажи, как Редьярд Джонович Киплинг, и Лёвушка Толстой, и друг мой небесный Федя Достоевский. А из капиталистов самый иблисоидный – это мой большой друг Эрнест Кларенсович Хемингуэй – такой талантливый, чертяка… Так что у любого из нас весьма неплохие компании, поэтому с точки зрения лженауки кулемзиноведения, кою я имею честь сегодня представлять, оба пути равнозначны, оба пути хороши! А с точки зрения *дао* это даже иногда лучше, чем литр свежего пива…

Так что не удивляйтесь, что когда мне предлагают назвать самые мои положительные и отрицательные качества, я всегда говорю, что вначале могу на всё положить, а потом всё отрицать…

Хоть жил, не мельтеша и не спеша,
хотя никак не лез из пешек в дамки,
дозволенные рамки нарушал
я всюду, где встречались эти рамки!

Глава 139. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ АЛЬБИОНЫЧА (ещё одно почти окончание)

О творчестве

Как, наверное, и любой крупный писатель своей эпохи, Кулемзин начал *пописывать* практически с детства. Стада́ мыслей постоянно стучали копытами в нём внутри, прорываясь наружу не только стишатами, но иногда и гениальными афоризмами. Одно время родители даже стали водить его к врачам, так как не понимали, откуда 14-летний подросток брал, например, такие мысли:

Глупый лентяй изобрёл колесо,
а умный лентяй – диван!

Но советская школа (б) не давала развиться этим талантам, и наш герой на время стал прикидываться таким же, как и все его одноклассники. Правда, *глаголом* жечь избытки холестерина у окружающих было ещё рановато, и ему теперь приходилось заниматься афоризмами тайно: в то время, когда его товарищи по школе ночью под одеялом занимались онанизмом или читали с фонариком «Трёх мушкетёров», он – с тем же фонариком – быстро, как Ленин в шалаше, покрывал школьную тетрадь в арифметическую клеточку своими стихами – не по-детски взрослыми.

Стихотворные образы теснились в его голове, как подвыпившие гости в лифте, и удивительно ли, что уже в выпускном классе Ира Виноградова, сидевшая с будущим писателем земли русской и саксаульской, нашла в их общей парте листочек с пронзительными строками, написанными, судя по почерку, Вовой:

Смотреть судьбе[275] в лицо – что в зеркало глядеться,
и ощущать себя извечно не у дел.
Но некуда спешить, раз никуда не деться

от неумелых фраз и равноценных тел.
Унынье – это грех, а мы и так грешны
стремленьем в мишуре возвысить день вчерашний.
Но сердце не болит, лишь просит тишины,
и усмиряет бег так медленно и страшно…

[275] ***Естественно, Суке-судьбе! Хотя в те юные годы такое определение молодому поэту, скорее всего, было неизвестно – прим. автора***

Зато сейчас, вспоминая начало своего творческого пути, Альбионыч точно знал, что когда наступит Великий Наградной День, и кто-то начнёт навешивать медальки за диссидентские подвиги в глухие брежневские времена, он хотел бы напомнить о себе и потребовать свою законную висюльку, ибо по крайней мере с четырнадцати лет *инакомыслил* демонстративно и вслух. Да зачтётся это испытание нашему герою на том свете!

С головой уйдя в светлый капитализм, Володя впал в эйфорию новой жизни, в чём-то уподобясь своему тёзке по работе – Михаилу Юрьевичу, который когда-то также радовался перед выпуском его в самостоятельную жизнь: «Единственное, что меня поддерживает, это мысль, что через год я офицер! И тогда… *дедушка* мой! Если бы вы знали, какую жизнь я намерен повести! О, это будет восхитительно! Чудачества, шалости всякого рода и поэзия, залитая шампанским…»[276]

[276] ***Из письма М. Ю. Лермонтова М. А. Лопухиной осенью 1833 года – прим. автора***

Причём, также, как и его великие учителя Сергеич и Юрьич, которые к своим 37 и 26 годам умудрились написать по нескольку толстенных томов, Альбионыч тоже не чурался поэтической работы, ежедневно, как говорят горняки, выдавая на-гора́ не меньше чем по 200 зарифмованных строк.

Я рифмую шило с мылом,
с африканским крокодилом,
и с гориллой, и с Годзилой,
с рындой, веником, текилой.
Зарифмую полк солдат
и лукошко для опят,
и голубенькие глазки,
что с лукавинкой глядят!
К ним пристали облака,
на верёвочке рука,
чёрно-пестрая корова,
паутинка паука.
А в коробочке для вшей
скрылась пара малышей –
с белоухой мармозеткой[277]
и отравой для мышей,
Срифмовал я *Зевс* и *лес* –
к ним бубновый интерес,
и цыганского барона
вместе с полем для чудес.
И колючего ежа,
и вонючего бомжа,
прицепил я хрен моржовый
на ворота гаража,

и огарочек от свечки,
уголёк из чудо-печки,
этикетку от сиропа
и микстуру из аптечки.
Прочитал! И вывод, кстати:
я, должно быть, не писатель…

[277] Мармозетка Гёльди[278], или прыгающий тамарин – вид приматов из семейства игрунковых – прим. зоол. редактора
[278] Эмиль Августович Гёльди – швейцарский естествоиспытатель второй половины XIX века – прим. науч. редактора

Но в одном сомнений нет,
что я истинный поэт!

«Беда таких гениев, как я, яйчики-бабайчики», говорил наш герой, «в том, что мы частенько страдаем заниженной самооценкой!». Впрочем, как и все гении, он был очень падок на лесть, но так как ему не льстил никто, то он сам в своих произведениях описывал себя чрезвычайно нескромно. Кстати, было этому и ещё оно объяснение: у марсианина за время жизни накопилось слишком мало друзей, и поэтому он жил по принципу: кто захочет – приедет, кому надо – позвонит, кто скучает – найдёт! А кому пó хрену, тех на хрен! Наверное, поэтому его немногие друзья знали, что, несмотря на свои фанаберии, Кулемзин в дружбе был надёжен, как старая «Победа»

Чтобы быть немного похожим на других жителей планеты Земля, Альбионыч время от времени делал вид, что увлекается то йогой, то медитациями, то аутотренингом, но однажды попробовал пиво «Тянь-Шань» и понял, что оно ничуть не хуже! А чтобы его не одолевали разные контролирующие óрганы, он одно время даже открыл некое «ИП Кулемзин», которое в Республике Саксаулия переводилось как Индивидуальный Предприниматель, но сам Володя расшифровывал его как Игральный Павильон, имея в виду всё тот же Бермудский Учпучмак с занятиями великой *русской кочергой*.

Свой маленький бизнес на уровне местном
затеял я в третьем [279] году.
Теперь я, как в песне поётся известной,
«пред родиной в вечном долгу»…

[279] Разумеется, в 2003-м! – прим. автора

А завершить эту главку о творческих пристрастиях нашего главного героя хочется уверением, что он и по сей день остаётся незамутнённым осколком минувшей эпохи всенародной уверенности в завтрашнем дне!

Глава 140. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ АЛЬБИОНЫЧА (неокончательное окончание)

Об игре и пиве

Да, не удивляйся, мой читатель, что автор так смело объединил эти, казалось бы, далёкие друг от друга понятия. Но здесь нельзя не учитывать того, что говоря об игре, имеется в виду не какой-нибудь пошлый взрослый футбол или детские салочки, а вполне таки лучшую на Земле игру – *русскую кочергу*, а она, как ты уже успел убедиться, без лучшего на Земле напитка – пива «Тянь-Шань», вообще невозможна!

Очень просто быть счастливым –
и не нужен ганджубас[280]:
карты мечем мы под пиво,
ну, а пьём под возглас: «Пас!»

Володя, приехав на ПМЖ[281] в своё Личное Место-Имение, как он впоследствие назвал квартиру в доме № 17 во втором микрорайоне города Отцеябловска, сразу же познакомился с некоторыми представителями этого саксаульского ареала обитания, причём, с весьма утилитарной целью – сделать из них персонажей, отдалённо напоминающих умных людей, а потом и привлечь к занимательной и замечательной игре в русский покер. Знакомство прошло легко, хотя местные аборигены были несколько удивлены *представлениями* нового жильца.

[280] Жаргонное название марихуаны – прим. автора
[281] Это не Постоянное Место Жительства, как смело подумал мой читатель, а всего лишь Памятный Мавзолей Жратвы – прим. автора

Например, вначале он познакомился со старшим прапорщиком Талгатом Батыршиным и представился ему чрезвычайно скромно:

– Кулемзин, автор шеститомного собрания сочинений Патриса Лумумбы.

Вторым новым знакомым оказался бывший текстильщик ОХБК[282], а ныне сторож-охранник Серёжа Полтавцев, который услышал от пришельца вот что:

– Кулемзин, завотделом оргий и вакханалий НИИ ВСЕГО.

, после чего, заметив недоумённый взгляд собеседника, тут же расшифровал:

Несравненно-
Идеализированный
Институт

Всемирно-
Саксаульского
Единения
Галлюцинаторных
Образов

[282] Напомним читателям, что эта аббревиатура расшифровывается как Отцеябловский Хлопчато-Бумажный Комбинат – прим. гл. редактора

Серёжа, услышав такие страсти, хотел сразу же убежать домой и промыть уши, но не смог отказаться от предложения выпить немного пивка, и остался.

Затем второй знакомец познакомил Альбионыча со своим соседом Нуртаем, который, не дожидаясь представления толстяка, тут же уточнил свой социальный статус:

– Курманбаев, кандидат политических наук, член КПСС!

На что ему был дан в ответ социальный статус нового знакомого:

– Кулемзин, ПОСТ!

– Надеюсь, пост у вас значительный? – попытался пошутить саксаульский коммунист, но попытка зачтена не была, потому что Володя тут же уточнил, что ПОСТ – это

Председатель
Особой
Судебной
Тройки

– К-к-какой тройки? – заикаясь, спросил его Мусаич.

– Не знаю точно, – пожал плечами будущий покерный гуру. – Наверное, какая придёт! Надеюсь, что скоро к нам будут приходить тройки не простые, а пиковые, трефовые, бубновые и, не побоюсь этого слова, червовые!

Что в игре меня заводит –
это то, что в ней (вот блин!)
карты разные приходят –
побеждаю я один!

Позже, когда к покерной хевре присоединился художник Муравлёв, Володя по запарке тоже представился и ему – словами:

– Специалист АРФА.

И, увидев недоумение на лице Валеры, который вообще-то знал его давно, пояснил, что это всего лишь

Альтернативные
Разрешения
Фактических
Абсурдностей

Новым персонажам в жизни марсианина вскоре пришлось признаться себе, что предложение нового жильца об игре в *русскую кочергу* попало не просто в десятку, а угодило в самые затаённые уголки их душ, выковырнуло их на поверхность, придав им конкретные и ясные контуры. Хотя большевику Курманбаеву, который раскусил толстяка как диссидента и оппортуниста, не нравилось, что Володя выглядел, словно стареющий хиппи 70-х годов: длинноволосый, в распахнутой рубахе и с тем особо циничным взором, который появляется у очень умных людей, знающих тайну жизни. Да и выглядел литератор гораздо *значительнее* сухого и жёлчного Мусаича – например, Кулемзину, перебравшему пива и выпившему 12 бутылочек вместо привычных ему одиннадцати, можно было смело присваивать японский титул ёкодзуна [283].

[283] ***Высший ранг борца сумо – прим. спорт. редактора***

У кого-то кожа-кости,
я же отличаюсь чем?
Сумоист я очень толстый –
потому что много ем!

Глава 141. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ АЛЬБИОНЫЧА (ещё одно неокончательное окончание)

Об игре и пиве (окончание)

Да, всё было именно так: с тех пор, как наш герой организовал покерную хевру, бóльшая часть его доходов стала оседать в сомнительной лавке Калимы, точно «Титаник» на дне Атлантики. Альбиоыч пытался не думать об этом, и даже однажды сказал по телефону Серёньке Афанасьичу, что, от невзгод, мол, он делается циничен, но сторож, кроме какого-то *мола*, не понял ничего, и талантливая писательская мысль пропала в одной из чёрных дыр Вселенной, но, к счастью, не пропала на этих славных страницах.

«Наш человек», угощая друзей по *русской кочерге* пивом, думал покерный гуру, «должен быть беден и пьян, вот тогда он обаятелен и интересен, ибо устроен так, что и богат-

ство, и трезвость ему противопоказаны, ведь разбогатев, он сразу же превращается в хама, а в трезвом виде большего зануды трудно сыскать…»

У *дедушки* все списки –
подвал как и чердак:
богатый глушит виски,
а бедный пьёт шмурдяк!

А автор вполне таки согласился с мнением своего главного героя: кто-то счастлив оттого, что купил себе новый спортивный автомобиль, кто-то счастлив оттого, что заработал кучу денег, а Кулемзин был перманентно счастлив тем, что просто жил на так называемом белом свете…

Автор, как никто другой, знал, что Володя был простым и близким, но, заметьте, своего величия от этого не терял. Хотя список людей, мешающих ему жить, у него был невероятно длинен: это были и ближайшие соседи-алкаши по лестничной площадке, и депутаты мажилиса, и хамоватые продавцы в окрестных магазинах, и президенты – американский и российский, и, конечно же, муж Анны Петровны омуртай.

И всё-таки марсианин оставался таким же, как родившийся много лет на Земле мальчик по имени Вова – добрым, умным и честным, то есть человеком, который был вправе сказать, что «всем лучшим в себе я обязан себе!»

Мне вообще не надо рая!
Жить бы здесь, не помирая…

О жизненных предпочтениях

Наш герой был холост, хотя изредка не отказывал себе в коротких романах, которые, как большой писатель, и романами не называл, а так – небольшими повестушками, а то и просто рассказами.

Курманбаев, уже много лет женатый на идеологически правильной жене, иногда фальшиво жалел холостого литератора, говоря ему явную глупость:

– Кто же тебе в старости стакан воды подаст?

, на что ветеран неженатой жизни отвечал:

– Дворецкий.

, чем вызывал у педагога очередной приступ классовой неприязни.

Как савраски и пегасы,
господин как и холуй,
мы с тобою в разных классах –
пролетарий и буржуй…

Сам Альбионыч считал, что его Сука-судьба, как холостого человека, до определённого времени была в чём-то равносильна судьбе сказочной Золушки, какой она была до встречи с феей.

Множество разных вопросов задавал ему и другой обитатель дома № 16 – охранник Полтавцев. После шестой бутылочки мыльного пива с советским названием «Жигулёвское» он неожиданно озабочивался, например, таким вопросом:

– Володя, меня давно интересует вот такой интерес: а почему ты никогда не летаешь летом за границу?

– Эх, Серёнька, – отвечал ему покерный гуру, – с тех пор, как я познакомился с вашей хеврой, летом я летаю только за границу моих финансовых возможностей!

И всё-таки почему наш герой занялся игрой именно с этими персонажами? «Да потому», отвечал он на этот вопрос, «что за пропаганду дзен-буддизма мне впендюрили пять лет суеты!». И горько добавлял: «Без обжалования приговора…»

А вот и я – ваш божий дар:
любуйтесь на меня, зеваки,
возрадуйтесь, пришла звезда,
весьма способная на враки.
Надежда, вера и любовь,
на кнопки чаще нажимайте, –
хвалите дрябленькую плоть,
отрыжкам гения внимайте!

Болезнь у Володи была единственная, поэтому её диагноз он тоже поставил себе сам: гениальность, осложнённая перманентными приступами супермегаломании. И не считал такие слова шуткой, ибо знал, что у него был трезвый и где-то даже циничный взгляд на жизнь, что подчас позволяло ему математически точно выверять свои пути до цели.

Но, несмотря на этот цинизм, совесть нашего героя была чистая, как только что вышедшая из типографии таможенная декларация. Он был настолько честным человеком, что когда с ним знакомились и говорили при этом: «Приятно познакомиться!», он обязательно отвечал: «А вы не спешите с выводами…»

– Честно говоря, – объяснял писатель, – я как стрихнин: горек на вкус, а пользу для человека приношу огромную…

Хотя в приступах такой неожиданной честности иногда признавался, что он – просто ВОДА, а на недоумённое пожимание плечами покеристов и примкнувшего к ним саксаульского рафаэля расшифровывал это понятие вот так:

Великий
Организатор
Дезорганизационного
Процесса

Частенько бывало так, что при общении неких профессионалов с Кулемзиным у собеседников очень скоро развивался мощный комплекс профессиональной неполноценности. Если вы, к примеру, были сантехником, то через три минуты беседы с этим знатоком всего на свете, который, кстати, ни разу в жизни не закрутил ни одной гайки, то вам тут же начинало казаться, что вы имеете счастье разговаривать с чемпионом мира по монтажу санузлов, потому что ваш собеседник мог переспорить и переубедить кого угодно, и исключений пока было не зарегистрировано!

Держу себя в своих пределах.
И вырваться из них бы рад,
да видно, время не приспело
взять чьё-то счастье напрокат.
Что с ним, чужим, я буду делать,
хотя не помню своего?
Оно не разместится в тело –
в пределах сердца моего.
Мне, видно, в этих жить пределах,
как воину в кольце врагов.
Никто не сможет переделать
меня – чтоб был, как все, таков…

Не вызывали у него затруднения и ответы на вопросы о семейном и материальном положении. В анкетах, в графе «семейное положение» он честно писал: «Состоял, но зарёкся больше никогда не состоять ни под каким соусом!», а про своё материальное положение говорил только одно: «Могу себе позволить выбросить капустную кочерыжку, а иногда даже и два верхних листа!»

Добавим к рассказу о нашем герое и то, что он любил детей, и потому терпел садистское отношение к игрокам со стороны детей дворовых, которые ежедневно мешали всем сидящим на покерной скамеечке во время игры в *русскую кочергу*. «Посмотришь на них», говорил он, «и всё вдруг покажется никчемным: и музыка, и опыт, и какой-то *дедушка*, и даже книги…»

Кстати, о книгах. К ним наш герой относился с неизменной любовью и даже нежностью, ибо считал одним из величайших наслаждений взять в руки новую книжку с красивым названием типа «Между небом и мною»[284] или «По тени пройденных веков»[285] – с указанием фамилии автора на обложке, по воле великого Случая совпадающей с его собственной.

[284] Сборник стихов, из-во «La Mot Russe», Париж, 2013 – прим. гл. редактора
[285] Сборник стихов, из-во «Картуш», Орёл, 2015 – прим. гл. редактора

Одна к другой прижавшись потеснее,
храня в себе таланты многих лиц,
стоят в шкафу – одна другой умнее,
соскучившись по шороху страниц…

Глава 142. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ АЛЬБИОНЫЧА (окончательное окончание)

О жизненных предпочтениях (окончание)

В жизни Володя был прямой, как штык-нож СКС[286]. И когда он наконец-то стал работать исключительно на себя, то сразу же понял, насколько стало легче жить тяжело.

[286] Скорострельный карабин Симонова – прим. воен. редактора

– Трудно мне с русскими, – жаловался он во время работы. – Наверное, потому что я один из них!

Иногда, приняв шесть-семь бутылочек любимого пива «Тянь-Шань», писатель начинал чувствовать, что ему так порой всё остохреневает, что, с одной стороны, хочется уехать отсюда навсегда, а, с другой стороны, тоже хочется уехать отсюда раз и навсегда!

И всё-таки наш герой славился своим умением найти выход из самых трудных ситуаций, но ещё более славился умением найти туда вход!

До слёз, до яростного стона
вдруг захотелось быть как все –
чтобы не чокнуться совсем
от Канта, Ницше и Платона,
чтоб оградить от мук смертельных
рассудка слабую свечу...
Раз не дано, не по плечу –
уймись, проклятое смятенье,
я не факир, чтобы с апломбом
глотать подобные ножи!

Ведь высших истин стеллажи
сродни гигантским катакомбам –
о, сколько здесь блуждало шустрых
и многоопытных мужей –
и ни следов, ни рубежей,
и только хохот Заратустры!
Вот обступают благосклонно
легенды, числа, миражи.
А ведь хотелось – просто жить!
Но я отравлен был Платоном...

Ещё Кулемзин был надёжен – качество, встречающееся у современных мужчин реже, чем у лошадей крылья. И если что и действовало ему на нервы, так это люди, у которых было не всё в порядке с мозгами. Впрочем, он старался не сильно расстраиваться при виде таких индивидов, ибо их было большинство. Человечество вообще представлялось нашему герою одним Большим Дураком Без Отчества.

И всё-таки литератор был уверен, что наша человеческая раса при всей её замкнутости рано или поздно найдёт единомышленников во Вселенной – хотя бы потому, что одному в кровати скучно!

«Я материалист и презираю мистику», частенько говаривал Володя, «и даже не по сознанию, а по жизненному ощущению. Именно поэтому смерть – самая грубая реальность в нашем материальном мире. А вся наша жизнь до этой грани и есть мистика…»

Что ж судьба так коротка?
Видится в финале:
жил я в мистике, пока
не усоп в реале!

Ещё наш герой уважал совершенно не понятого ни современниками, ни ныне живущими странного философа Зигмунда Якобовича Фрейда. С ним марсианина роднили усталость от жизни и философский взгляд на несовершенство окружающего пространства. По ночам, начитавшись его книг под таинственными названиями «Весёлая наука», «Злая мудрость» или вообще «Человеческое, слишком человеческое», Альбионыч, не будучи лунатиком, всё равно смотрел на серебристый диск, столь привлекательный для волков и сумасшедших.

Он (Альбионыч, а не диск) мечтал к старости обзавестись тихим, *оберегаемым* особняком, где хорошо вышколенная прислуга могла бы бдительно следить за развитием его старческого маразма, вовремя пресекая любые попытки написания мемуаров. Ещё в планах Володи было повесить на свой подъезд мемориальную доску – о проживании в этом жилище, а внизу высечь на ней анекдот о том, что дом якобы охраняется государством.

Как и все великие, он не придавал значения таким пустякам, как история, и, может, именно от этого в непогоду у него болели душевные раны. Не пытаясь дискриминировать другие времена года, он испытывал особое наслаждение от зимы, когда можно было не только походить босиком по чистому снежку, но даже немного поваляться в нём с утра пораньше – чтобы не ранить чувства завистливых болезненных соседей.

Не стро́ю в душе́ из себя недотрогу,
и честно добавлю: характер не мёд!
Вчера чёрный кот уступил мне дорогу
и, сплюнув три раза, попёрся в обход…

И в заключение о лозунге нашего героя, избравшего для себя три латинских сло́ва:

Fortitudo. Sapientia. Dignitate.

, что каждый, кто когда-нибудь учил какой-нибудь язык, без труда переведёт их как

Сила. Мудрость. Достоинство.

♠ ♠ ♠

Вот и закончен наш короткий рассказ об этом удивительном человеке. А всё остальное, что было упущено в этих нелёгких главах, надеемся, найдёт своё отражение и в последней части этого тома, и ещё в трёх частях последнего тома…

Глава 143. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ МУСАИЧА

Об отрочество и юности

О детстве этого персонажа нашего романа было сказано уже немало, поэтому автор решил не затрагивать эту тему, а то ведь возьмёшься за неё, а потом окажется, что с са́мого рождения его не так воспитывали, и получится, что в том, что он стал таким, как есть сейчас, виноват не он, а родители. А вот о периоде отрочества, когда подросток уже начинает кое-что кумекать в жизни, а затем и юности, когда это кумеканье потихоньку становится жизненной позицией, пару слов сказать можно. Итак…

Полистал автор прежние тома́ «Русской кочерги», на страницах которых было кое-что о юном Курманбаеве, и понял, что добавить осталось совсем немного. Например, то, что тот старательно солировал в школьном детском хоре, хотя петь не умел вообще, но зато знал, что так надо: чтобы как-то выделиться из коллектива, надо или делать что-то лучше других, или просто громче орать.

Став пионером, Нуртайчик вместе с красным галстуком вдруг обрёл святую веру в некие идеалы, результатом чего стали его звонкие рапорты – дрожащим от волнения голосом, а также суровые *проработки* двоечников на заседаниях совета отряда, ну, и, конечно же, непременные ревностные соревнования между классами.

Рассуждаем по объёму,
кто герой у нас вполне?
Кто собрал металлолома
больше всех – и сдал стране!

Его одноклассники знали, что как товарищ, Нуртай был менее надёжен, чем самолёт братьев Уилбура и Орвилла Милтоновичей Райт. И если их (одноклассников, а не братьев Райт) родители воспитывали в духе коммунистических принципов, то будущий Мусаич, которому, кстати, с детства была известна старая заповедь «Не гадь там, где ешь», был настолько грешен, что изменял этой заповеди не задумываясь. Ему всегда казалось, что череда его саксаульских предков представляет собой как бы *симфоническую* процессию истинных патриотов, которые, в отличие от всякой хлестаковщины, уже внесли свои депозиты на алтарь отечества, так что к нему всяческие претензии были излишними.

Вы ко мне не обращайтесь –
я вам вряд ли помогу!
Не надейтесь, что раскаюсь –
говорю на берегу…

О зрелости

Из знаменитой книги профессора Фекалина «Жизнь как активная форма существования материи» нам известно, что гадкие утята, вырастая, не всегда, как в сказке, превращаются в прекрасных лебедей. Вот и наш персонаж, следуя этой научной мысли, стал злым и (простите, мадамы!) дристливым гусём. Уже с десяти лет он врал по любому поводу, правда, очень убедительно, словно советские газеты о темпах ежегодной посевной. Глядя на Нуртая, вначала вспоминалась старая истина о том, что некоторые только думают, что они активно живут, – на самом деле они лишь неутомимо суетятся.

Надо ли говорить, что всё, что оказалось заложенным в Курманбаеве ещё с детства, отразилось немного позже – когда он стал вполне сформировавшимся *совком*, но не стандартным, как, например, инженер на 120 рублях жалованья, а стремящимся непременно к руководящей должности, которая, как правило, подразумевала только одно: меньше работы – больше зарплаты. Поэтому прежде всего он отработал р*абочее* выражение лица – как политически грамотное, хотя, приглядевшись, всё-таки можно было заметить, что он скользкий, как кубик льда. Совковость его имела особый, мелодраматический оттенок, составленный из механической преданности былым идеям и постоянного мазохистского желания сигануть с крыши вниз головой, а подлость Нуртая представляла собой жуткую реальность, основанную на материалистическом восприятии мира, чьи убеждения представляли собой дичайшую смесь комсомольского кретинизма и базарного практицизма. Идеология Мусаича представляла собой этакую смесь буддизма, римской распущенности и лозунгов Французской революции.

Я объяснить вам в два счёта берусь,
что означают слова: «Ну и гусь!»:
пóверху плавают гуси, их стиль –
вниз (под себя) непрерывно грести!

Физиономия у него была невероятно благообразная, оттого как-то сразу верилось, что нож под ребро он загонит словно бы нехотя, изображая большу́ю печаль и тягостную необходимость побыстрее закончить с этим столь неприятным делом. Но особенно не нравилось людям, знающим его, то, что Курманбаев столько раз давал в жизни честное слово, что честных слов у него просто не осталось, и его начали справедливо относить к числу тех людей, которые производят впечатление абсолютной лживости ещё до того, как откроют рот. А открывал рот охотно он только в двух случаях: когда было нужно выступить на пионерском (комсомольском, профсоюзном, партийном) собрании и когда у него было настолько хорошее настроение из-за удавшихся пакостей, что хотелось спеть какую-нибудь отличную советскую песню типа

Наша родина прекрасна,
и цветёт, как маков цвет!
Окромя явлений счастья,
никаких явлений нет!

Мой грамотный читатель наверняка помнит, что в русских деревнях говорили следующее: первое счастье человека, коли стыда в глазах нет. Так вот автор этой книги авторитетно утверждает, что эта поговорка взялась как раз из знакомства деревенских людей с Нуртаем, когда тот проходил студенческую практику, как тогда выражались, в глубинке. Был он крученый, как поросячий хвостик, а наиболее приметливые крестьяне типа де-

да Михея из деревни Семижопино даже утверждали, что самолично видели, как на лбу будущего педагога время от времени вспыхивала *каинова печать* – вот такая:

Вот так и жил этот воспитанник общественных организаций и слётов прогрессивной молодёжи, усердный деятель правоверного партийного мировоззрения, а в дальнейшем оловянный солдатик партии и рубанок революционных сил. Он, выучив наизусть «Моральный кодекс строителя коммунизма», был всегда готов придти к друзьям в трудную минуту – чтобы посмотреть, как им плохо. И если другие подставляли плечо, то этот норовил выставить вперёд острый локоть, да и ещё и зацепить им пару рёбер.

Искать совесть у коммуниста Курманбаева было так же накладно, как Березовского на земном шарике, хотя все знали, что он (Березовский, а не Курманбаев) живёт-поживает в Лондоне, не зная горя и нужды. Каждый раз, когда Мусаичу надо было отклоняться от естественности человеческого порыва к честности, ему приходилось актёрствовать, или проще говоря, врать. Знающие его много лет, и некто Кулемзин в частности, поговаривали, что в своей лжи педагог даже превосходил даже русскую православную церковь.

Галстуки бы делать *из этих* без слов, –
не было б в мире крепче узлов!

Главный свой удар в жизни будущий преподаватель еврейского колледжа получил в годы правления Горбачёва, который, не спросив его мнения, затеял безобразную перестройку, закончившуюся крахом КПСС (б). Особенно в те дни Нуртая поразил телевизор, ведь за годы своей тусклой советской жизни он, кроме партийных съездов и кинофильма «Ирония Суки-судьбы», ничего по *ящику* не видел.

Но надо было как-то приспосабливаться к новой жизни, а саксаульский ленинец умел это как ничто другое. Со временем он привык к новому времени и стал считать, что идеальная жизнь – это хороший дом, хорошая жена, хорошие дети, хорошая зарплата и тихая дремлющая совесть.

К нам сегодня приползал
непонятный аморал.
Он сказал: «Моральный облик
я вчера здесь потерял!»
Мы ему: «Ты что, всерьёз?
Не по адресу заполз…»

Глава 144. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ МУСАИЧА (продолжение)

После развала СССР (б) Курманбаев принял единственно верное для настоящего коммуниста решение – повеситься. Но, придя в магазинчик Калимы, который вырос на том

месте, где ещё вчера ничего не было, узнал, что набор «Верёвка и мыло» очень дорогой, и решил подождать, пока его не будут продавать подешевле – *по акции*. Вынужденный врать всю жизнь, он и сегодняшнее настоящее решил начать с вранья, говоря всем знакомым и соседям о том, как ему нравится нынешнее существование, хотя и старался жить в нём, как пиранья в колхозном пруду.

Но внезапно его вранье, к которому давно привыкли все, кто его знал, начало давать сбой – после того, как Мусаич познакомился со своим ярким (прости, русский язык!) антиподом – литератором Кулемзиным.

О глобальном противостоянии

«Не знаю, как там насчёт любви», подумал педагог через некоторое время после такого знакомства, «но в ненависть с первого взгляда я поверил определённо!». Да, большевик не любил Володю за многое, но ненавидеть стал всего за несколько слов, связанных вот в такое двустишие, которое к тому же старый сатир Альбионыч назвал гениальным:

КПСС антинародной
покажем орган детородный!

Кулемзин быстро раскусил Нуртая и, как известный в определённых кругах реакционер, стал молча презирать педагога, считая его за типичного представителя молчаливого большинства. За что, спросит мой любопытный читатель. А автор ответит ему: да за жвачное спокойствие надежды, которое, как казалось строптивому ленинцу, когда-нибудь ниспошлёт ему партия и *иблис*. Таких, как Мусаич, Володя в своей многотрудной диссидентской жизни видел немало, и говорил о них так: «Если с уседием работать языком по 8 часов в день, то можно выбиться в начальники, после чего начать работать тем же местом уже по 12 часов в день!»

«Каждому человеку», считал Альбионыч, «нужно хотя бы раз в жизни перечитать «букварь» за первый класс – это позволит ему понять, в какой момент своей жизни он стал слишком сложным, надменным, угрюмым жлобом с непомерными амбициями!»

Курманбаев страшно завидовал писателю – по множеству причин: и то, что Кулемзин умнее его, и то, что независимее, и то, что явно богаче, и вообще как же так?! Видя эти муки, отража.юшиеся на на лице Нуртая, как в безупречном зеркале, марсианин вспоминал одну страничку из своей книжки «Четыре строки после мысли», в которую он когда-то[287] напихал 666 неких псевдоафоризмов, каждый из которых был сдобрен маленьким катренчиком[288]. А звучало это так:

[287] Сборник стихов, из-во «albion», Алма-Ата (2017) – прим. гл. редактора
[288] А катренчики, как выражается автор, большими и не бывают – они всегда четырёхстрочные – прим. филолог. редактора

Все жили бы хорошо, если бы некоторые не жели лучше…

После этой «мудрости», которую понимал лишь он один, Володя и напечатал упоминаемый катренчик:

Его – копейка, мой – пятак,
а общий – лишь мангал!

Зачем сосед живёт не так,
как я ему желал?

Поэтому удивительно ли, что с появлением в его жизни Кулемзина, большевик завёл некую книгу жизни, куда и стал записывать все выявленные грехи писателя – для какого-то мифического будущего *суда истории*. Со временем это оказался целый том, куда было скрупулёзно собрано и подшито в соответствующих разделах целое собрание володиных преступлений, для удобства пользования отсортированных цветными пластиковыми закладками, и помещённое в специальных тетрадках, коих на сегодняшний день накопилось уже одиннадцать, и тщательно велась двенадцатая, после которой Мусаич планировал переплести первый том и начать второй!

Скорее всего, именно в этом и проявилось комсомольское стукаческое прошлое товарища Курманбаева, имевшего немалый бюрократический опыт активно пишущего функционера. Кстати, некоторые листки были полны загадочных цифр и символов, разгадать которые ещё предстояло потомкам. А самым примечательным в этих тетрадках было то, что на самой первой странице каждой стоял вот такой штамп:

Но мой поистине многотерпеливый читатель, конечно же, заметил, что автор на протяжение всего повествования характеризовал Курманбаева (словами Кулемзина) по профессиональной принадлежности – именно как учителя, чтобы не характеризовать его по моральной, как застранца и мерзкого пакостника.

Нуртай с самого нача́ла их знакомства относился к Альбионычу плохо, но стал относиться ещё хуже после того, как писатель объяснил ему, причём, заметьте, в присутствии игроков в *русскую кочергу* и примкнувшего к ним морального отщепенца Муравлёва, кто именно является родоначальником марксизма-ленинизма. По его словам выходило, что это был… женский лифчик! А на заинтересованный вопрос старшего прапорщика Батыршина, почему, так как Мусаич никак не мог отойти от шока, объяснил, что лифчик, во-первых, объединяет левое и правое, во-вторых, поддерживает слабых, и, в-третьих, яйчики-бабайчики, привлекает широкие народные массы!

– Да наука, мать моя партия, – помнится, тогда в ажитации выкрикнул Нуртай, – не придумала ещё ничего более великого, чем теория марксизма-ленинизма!

После этого засмеялся даже туповатый Полтавцев, остальные же просто откровенно ржали несколько минут. А преподаватель еврейского колледжа, не останавливаясь, произносил длинный спич в поддержку своим первым словам, подпрыгивая, как Жириновский на трибуне Госдумы, при этом он (преподаватель, а не Жириновский) обличающе тыкал пальцем в Кулемзина и регулярно выбрасывал вперёд руку, чем сильно напоминал бесноватого фюрера Адольфа Алоизевича Шикльгрубера, выступающего перед соратниками по случаю десятой годовщины *пивного путча*[289].

[289] Неудачная попытка захвата государственной власти, предпринятая Национал-социалистической рабочей партией во главе с Гитлером и генералом Эрихом Августовичем Людендорфом 9 ноября 1933 года в Мюнхене – прим. ист. редактора

Помнится, после этого инцидента Володя написал свой акростих, и мой читатель сейчас несомненно обратит внимание на первые выделенные буквы в каждой строке:

Жемчужиной спора считаешь себя ты,
Елейность представив свою в лучшем виде!
Решив, что твои размышления святы,
Ты думаешь, что ты, конечно же, гений!
Верхушек одних нахватавшись по жизни,
Абри́сы рисуешь ты, не афоризмы!

Абри́сы рисуешь ты, не афоризмы!
Бывает и хуже, но реже, конечно!
Одно несомненно: на всё есть причина!
Раскинув мозгами, понять можно сразу
Ты что-то скрываешь под умной личиной!
А что? Ну, конечно! Читай акрофразу...

Глава 145. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ МУСАИЧА (окончание)

В общем, на этом можно было и закончить развенчивание этого персонажа, к которому не только Кулемзин, но и сам автор, честно говоря, относится как-то не очень. Но заглянул он (автор, а не Кулемзин) в свою творческую копилку, а именно в файл со скромным названием «Нуртай» и увидел там штук 40 разнокалиберных предложений на эту тему. И подумал: а не расширить ли знания моего читателя о Курманбаеве некоей нотацией, но не покерной, а назвать её, скажем,

Нуртаевская нотация обо всём

«Чтобы хоть на немного почувствовать себя настоящим мужиком, Мусаич представлял, что это он гордо уходит от жены, хотя просто выносил мусор»

«Володя, узнав Нуртая достаточно хорошо, частенько задумывался: почему по арбузу можно стучать, чтоб проверить хороший он или нет, а по людям нельзя?!»

«Близко знающие преподавателя полагали, что с такими грехами в аду его ждёт не котёл, а должность. Причём, весьма неплохая…»

Кто прожил жизнь
сварливым и угрюмым,
не бывши виноградом,
стал изюмом…

«Покерные игроки и примкнувший к ним саксаульский гоген давно убедились, какой Курманбаев зануда, но одна история, рассказанная автору соседом педагога по лестничной площадке водителем Сашей Дубровским, позволила ощутить это в полной мере.

– Подвёз я как-то Нуртая к фотосалону – он сказал, что ему срочно надо предоставить в канцелярию еврейского колледжа 6 фотографий. Ну, я человек не жадный – свозил его. А когда приехали, зашёл вместе с ним. Вот тогда я и узнал, какой мой сосед зануда.

– Напечатайте мне срочно 6 фотографий! – сказал он фотографу.

– 9 на 13? – спросил его фотограф.

– М-м-м... 117! А почему это вы спрашиваете?! – прищурил глаз Мусаич»

«Альбионыч знал, что Нуртай, конечно, не всегда был таким плохим человеком, поэтому – для объективной его оценки – даже сочинил короткий стишок о своём покерном визави:

Я не грешил и не страдал,
не подличал, не злился,
не пил, не ныл, не крал, не врал –
покуда не родился!»

«Писатель во время игры нет-нет да и делал замечание охраннику Полтавцеву, когда тот, обидевшись на героя этих нотаций, называл его старым пердуном.

– Серёжа, запомни, пожалуйста, поликорректную форму этого выражения: винтажный газогенератор!»

«Все слова отскакивали от Нуртая, как зубочистка от бронетранспортёра»

«Нуртай никак не мог отказаться от своих притязаний быть первым в игре, и держался за них крепко, – как нищий за тухлую рыбу»

«Взгляд его являл собой убойный коктейль из одних отрицательных эмоций»

«Во время игры Курманбаев вздыхал так громко и протяжно, что у его соперников начинало сосать под ложечкой, как у больных печенью от жирного»

«Стеснительности у Нуртая было как у БТРа»

«Нуртаю не поверили бы даже детсадовские дети, чьи легковерные родители по причине природной глупости доверили бы ему своих чад всего лишь на полчаса»

«Музыкальное ухо военного трубача зачастую замечало в плаче Курманбаева во время покерной игры некую мелодическую полифонию: плач этот был построен как бы наподобие симфонии в четырёх частях, и тональность всех четырёх была исключительно *ре*-минор, а менялись лишь скорость и сила от *форте* до *пианиссимо*»

Без меня, друзья, не пейте,
и скажу я вам (пардон!):
я рыдаю – пожалейте!
И верните миллион…

«В смысле интонации Нуртай был, как бы это точнее выразиться, неполным кастратом, потому что голосовые связки вибрировали у него в пределах полутора нот. Выдавал его и плешивый голос, который был под стать его плешивым бегающим глазкам»

«Внешне Мусаич был очень аккуратным и положительным: жена, дети, практически непьющ (по крайней мере, на свои), практически некурящ (хотя на халяву *стрелял* сигаретки не стесняясь). В общем, очень аккуратный был человек: если сделает кому пакость, то очень аккуратно – не по злобе, а так, по делу…»

«Иногда у Мусаича что-то щёлкало в голове, и он вдруг начинал вспоминать недолгое райкомовское счастье. Воспоминания настраивали его на лирическую волну, и он тут же переключался на какие-то заблудшие души, говоря об обстоятельствах, которые порой бывают сильнее человека, и только, мол, партия с его могучим потенциалом была способна этому человеку помочь.

Затем в его голове раздавался ещё один явственный щелчок, и педагог неожиданно менял тему, предпочитая в этот момент рассказать присутствующим о международной роли саксаульцев в мировом рабочем движении. Было видно, что перед глазами Курманбаева при этих насыщенных энергией словах мелькали картинки взятия Зимнего дворца, а у художника Муравлёва даже сами собой всплывали из памяти строчки бессмертной «Варшавянки»:

Мрёт в наши дни с голодухи рабочий.
Долго ли, братья, мы будем молчать?
Наших сподвижников юные очи
может ли вид эшафота пугать?»

«В профиль Нуртай был похож на карточного шулера, привыкшего к своей безнаказанности, а в фас – на человека высоких принципов, которого вдруг уличили в краже сливочного йогурта из супермаркета»

«В своих оценках политических событий преподаватель еврейского колледжа, как правило, ограничивался глубокомысленным молчанием»

«Семидесятилетняя советская (б) закваска нашего ленинца давала основание полагать о том, что совок – это неизлечимо, это беда на генетическом уровне!»

«Была у него и ещё одна одна черта, не поддающаяся классификации: вызывающая скромность в определённые моменты, словно в те секунды он набирал в рот полтюбика клея «Момент»

«Чтобы как-то сочетать понятия Нуртай и жадность, надо было знать только одно: педагог никогда бы не дал вам и глотка воды в пустыне, если только, конечно, этот глоток не был бы отравлен»

Глава 146. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ АФАНАСЬИЧА

Об одном из главных героев нашего великого повествования, то есть о Серёньке Афанасьиче Полтавцеве, в романе до этого момента было рассказано немало. Но тем и отличаются жизнеописания подлинных героев эпохи от заурядных биографий так называемых простых людей, что сколько о них ни рассказывай, всё будет мало, ибо буквально каждый день их жизни прибавляет новых случаев, произошедших с такими героями, новых историй, которые случаются так часто, что литератор типа Кулемзина просто не успевает записывать их в свой уже и так непомерно раздувшийся файл под скромным названием «Серёжа»

Но делать нечего – такова уж писательская Сука-судьба – донести до читателя все нюансы противоречивой фигуры своего героя, чем, собственно, автор сейчас и займётся, а мой любопытный читатель пускай наберётся терпения, ибо, если, например, «Неизвестные факты из жизни Мусаича» вполне уместились всего на 7 страничках, то те же факты из жизни Афанасьича займут не меньше чем страниц 20. Но согласитесь, что и фигура нашего героя намного масштабнее!

Как делали авгуры[290],
всю правду расскажу:
масштабные фигуры
масштабно опишу!

[290] Члены почётной римской жреческой коллегии, выполнявшие официальные государственные гадания – прим. ист. редактора

Представь, мой читатель, что ты встал рано утром, вышел на улицу – например, чтобы сделать зарядку на свежем воздухе, и вдруг увидел на скамеечке возле своего подъезда кем-то забытую книжку без обложки, открыл её на середине и обнаружил там полувырванный листок, на остатке которого прочёл фразу без начала: «…абота у него была скучная, и за последний год он развлекал себя только тем, что дочитал до конца инструкцию на висевшем на стене огнетушителе», после чего понятливо улыбнулся. Ведь если бы прочитанный кусочек, например, был таким: «…нязь Андрей остановился в Брюнне у своего знакомого, русского дипломата Билибина»[291], то догадаться было бы невозможно, а в данном случае всё просто: ба, да это же кусок из романа «Русская кочерга» – про Серёжу Полтавцева!

[291] Л. Н. Толстой «Война и мир», том I, часть II, глава X – прим. лит. редактора

А вот тем из моих читателей, кто прочёл уже пять с половиной томов нашего сиятельного повествования, гораздо легче, ибо опознание этого героя у них происходит на (прости, русский язык!) ментальном уровне. Но ведь наверняка есть и такие, кто впервые услышал об Афанасьиче – и, значит, эти весёлые гла́вы будут исключительно для них, хотя автор и уверен, что постоянные читатели тоже найдут для себя много нового. Итак…

Опознание персонажа

В своём физическом облике знатный уроженец деревни Семижопино застрял ровно на середине пути – от дворовой шпаны к рано постаревшему бомжу. Уши его, как и у большинства лохов, были такими большими, что напоминали открытые дверцы такси. Посмотревшему на Афанасьича человеку сразу же бросались в глаза его бессмысленные, как у Пьеро, приподнятые вверх густые брежневские брови К тому же, таинственный (ещё раз прости, русский язык!) филогенез принёс Серёже длинноватые обезьяньи руки.

Адам в ту ночь был, видно, пьян,
коль мы пошли от обезьян!

Анатомия для сторожа-охранника знавшим этого персонажа людям представлялась в одном предложении: «Если у вас нет головы, то вам всё по плечу». Короче, жил наш герой, не слишком тужил, но постоянно расплачивался за проказы неугомонной генетики, хотя и не знал об этом.

Не Ди Каприо[292] я, братцы,
с рожей – полный караул!
Чтоб ему с чертями знаться,
чтоб он, падла, утонул!

[292] Ди Каприо Леонардо Джорджевич – американский актёр и продюсер итало-немецкого происхождения – прим. киноредактора

Причём, он стал таким не в течение жизни, а был уже с детства, напоминая маршаковского Рассеянного с улицы Бассейной. Когда Серёжа подрос, он не перестал меньше верить в Деда Мороза, а с упорством, которое могло бы пригодиться где-то ещё, ежегодно 25 декабря писал ему письма вроде этого: «Дорогой Дедушка Мороз! Моя ро́дная бабушка Федора из деревни Семижопино сказала, что мне нельзя много сладкого, так как будут болеть зубки. Поэтому вышли мне, пожалуйста, ящик *полусладкого*…»

А после того, как он, приступив к работе на ОХБК, стал встречаться с ткачихой Зулей из своей бригады, на имя снежного дедушки пришло вот такое удивительное письмо, после которого старичок чуть не тронулся умом: «Дорогой Дедушка Мороз! Подари мне, пожалуйста, носков и трусов (много не прошу), а Зуле – зажим для языка, и ещё чтоб не просилась замуж за мене!»

В его анкете, которую он подал при устройстве на работу в ОХБК, было отмечено, что Полтавцев окончил какое-то профессионально-техническое училище, но было сразу видно, что назвать его выпускником ПТУ оказалось сложно, – скорее, он был его выкидышем. И если для других его соседей по парте и станку ПТУ расшифровывалось как **П**омоги **Т**упому **У**строиться, то для юного Афанасьича была придумана новая расшифровка: **П**ошёл **Т**ереть **У**нитаз!

.

Смелый я, как ас Гастелло[293]
(хоть погиб он, на беду):

ПТУ закончу смело –
туалеты мыть пойду!

[293] Николай Гастелло – советский военный лётчик, участник трёх войн, Герой Советского Союза – прим. воен. редактора

Кстати, именно во время учёбы в ПТУ в райцентре, куда Серёжа ездил на каникулы, случилось некое происшествие, до сих пор вспоминаемое жителями этого маленького городка. Там, в городском парке культуры имени Отдыха совсем недавно придумали сделать новый аттракцион – комнату страха, но когда туда попал птушник Полтавцев, комната была вынуждена признать, что такого страха она ещё не видела никогда!

Затем учащийся этого *недогоняльного* училища попал в комнату смеха, после чего самостоятельно, но в совершенстве овладел богатым языком жестов и мата, который впоследствие с успехом заменял ему не только книгу Ожегова, но даже все четыре тома толкового словаря Даля. Именно тогда у его друзей по ПТУ родилось убеждение, что у всех жизнь – зебра, а у их товарища Серёньки – негр!

Глава 147. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ АФАНАСЬИЧА (продолжение)

После армии к Полтавцеву без приглашения пришла пора́ работы, как тогда выражались, на благо общества. Правда, вскоре оказалось, что такая работа нужна не какому-то там обществу, а исключительно ему самому́ – для того, чтобы от голода не упали его треники, резиночка которых свисала над брюшком, как окорок на складе. Он перепробовал множество профессий, включая службу кочегаром при perpetuum mobile[294], разработанном одним из НИИ Саксаульской Академии наук, пока недалеко от его дома не запустили знаменитый на весь Отцеябловск ОХБК. В автобиографии при поступлении туда на работу пока ещё молодой Сергей Афанасьич в графе «образование» гордо и честно написал: «7 классов средней школы имени № 10 – закончил за 10 лет!»

[294] Вечный двигатель – лат.

Для кого, глядишь, и часто,
а для нашего так нет:
он в одном из средних классов
просидел 16 лет!

Тогда же он, как говорили в советские времена, прикрепился к поликлинике ОХБК, где вскоре на его медицинской карточке появилась страшная отметка:

Главный герой нашего романа Кулемзин познакомился с Полтавцевым через несколько дней после новоселья в доме № 17 второго микрорайона, и уже тогда испытал странное волнение, природу которого наконец-то понял, когда задумал написать свою книгу о таинственной игре под названием *русская кочерга* и людях, её осуществляющих, и начал

собирать разведданные о людях, составивших его окружение. Альбионыч сразу же выделил самого яркого персонажа, то есть Серёжу, который с похмелья особенно походил на небольшую человекообразную обезьяну.

Благодаря ежедневному общению с Афанасьичем Володя быстро пополнял список характеристик этого героя для опознания его будущими читателями: откровенный как штопор, психический инвалид детства, дефект природы и другие не менее обидные для нормального человека определения. Хорошо было то, что уроженец деревни Семижопино на них не обижался, а когда с уст писателя нечаянно срывалось что-то вроде того, что «Ты, Серёжа, человек будущего – поумнеешь не раньше, чем через двадцать лет!», тот остроумно отвечал так, как его когда-то научили в детском саду: «Сам дурак!», хотя литератор Кулемзин давно уже называл дураков могильщиками здравого смысла. При взгляде на Полтавцева он часто вздрагивал и мечтал сдать того в зоопарк на вечное хранение...

Одни взлетают аж до облаков,
другие на земле уж больно юрки:
немало на планете дураков,
а кто не дураки – те полудурки!

Что ещё можно добавить к подглавке об опознании нашего героя? Ну, разве только то, что зимой и летом до начала своей трудовой деятельности в постперестроечный период Серёжа носил засаленную фуфайку не то путейца, не то лесничего, а когда поступил на службу сторожем-охранником в магазин «Пингвин и гагара», то в своей нелепой камуфляжной форме стал походить на одну из близнецовых фотографий со стенда «Лучшие участковые района», где под каждой фамилией имелась краткая характеристика подвига типа: «Доблестный сотрудник милиции после операции по задержанию шайки взбесившихся металлистов». А когда приходила осень, то Афанасьич скрывал свою квадратную тыкву под глубоко посаженной чёрной вязаной шапочкой, становясь похожим одновременно на дебила и псевдопевца Децла.

Сам же он (Афанасьич, а не Децл) мечтал, чтобы к нему, как в сказке, вдруг приехал кто-то бодрый и сильный, поднял его за уши, выполоскал в горячей ванне с мылом, побрил, переодел в чистое и отнёс лежать на берег тёплого Баренцевого моря. Но годы шли, а мечта всё не сбывалась...

И хорошо, что в анкете этого персонажа его пол был обозначен не как деревянный, а как мужской, иначе, если бы он родился девочкой, то сильно рисковал со временем остаться в народной памяти героем стишка пересмешника Альбионыча:

Когда я маленькой была,
ждала, что принц припрётся,
и увезёт меня туда,
где хорошо живётся.
Я стала взрослой, но мечта
от возраста не тает:
чтоб принц скорей забрал меня,
мой муж теперь мечтает!

Швейк второго микрорайона

Больше всего писателю Кулемзину нравилось, что Серёжа, хотя и был глупым, но не злым человеком, – как знаменитый солдат Швейк из романа Ярослава Йозефовича Гашека. А, может, он за время жизни так и не научился пакостям и подлостям, которыми в совершенстве владел его сосед по лестничной площадке педагог Курманбаев. Особенно хо-

рошо это было видно, когда сторож спал (нет-нет, не подумайте чего – не на службе, а дóма!) – тогда его лицо разглаживалось и становилось простым и глупым, как на дембельской фотокарточке. Хотя когда незнакомые люди, немного с ним пообщавшись, начинали называть его дураком, он парировал эти нелепые обвинения ещё одной остроумной фразой: «Да я умный – до седьмого колена!». Кстати, Альбионыч, однажды услышавший эту фразу из уст самогó Полтавцева, про себя уточнил: «Скорее, до седьмого *полена*!»

В детстве я наступил на грабли.
Больше ничего не помню, ха-ха-ха.
Больше ничего не помню, ха-ха-ха.
Больше ничего не помню, ха-ха-ха…

У Полтавцева было типичное поведение шизофреника. Не знаешь, мой читатель, кто это такой? А это тот человек, который всегда является либо весёлым субъектом, либо угрюмым – третьего просто не дано. Кстати, 99 процентам жителей нашего кривого шарика по имени Земля это нисколько не мешает, так как они либо сами такие, кто свою придурь считают некой изюминкой, либо таковыми являются окружающие их люди. Володя же, будучи знатным писателем двух веков, считал, что у Афанасьича нет классического, описанного его тёзкой[295] Александром Сергеевичем Грибоедовым, гóря от ума, а есть простая радость от собственной придурковатости, и считал его (Афанасьича, а не Грибоедова) селекционным достижением деревни Семижопино.

[295] Напомним читателю, что всех писателей и философов Кулемзин считал своими тёзками – прим. гл. редактора

Во время мора и чумы
(оборони, *создатель*!)
у нас в селе одни умы!
А я – их председатель…

Марсианин с удовольствием общался с новым для себя персонажем, практически ежедневно пополняя странички будущего романа короткими рассказиками о Серёже. Так, он узнал, что от покойной бабушки Федóры Серёньке досталась немецкая (прости, русский язык!) лангета[296], накладываемая на место перелома. Вещь для него, разумеется, была совершенно ненужной, но из-за дороговизны выкинуть её Афанасьичу было жалко. «Так бы я и мучился», с восторгом рассказал он эту историю писателю, «если бы однажды мне крупно повезло – когда я сломал руку!»

[296] Медицинская затвердевающая повязка, изготовленная из гипса и покрытая обычным бинтом – прим. мед. редактора

Рассказал он Володе и о том, что, каждый раз покупая арбуз или дыню, обязательно щёлкает по ним пальцем. «Если честно», хмурился он при рассказе, «понятия не имею зачем, но ведь люди вокруг должны понять, что меня не проведёшь!»

Работая над романом, Кулемзин однажды посетил архив поликлиники ОХБК, где за небольшую взятку ему разрешили ознакомиться с личным делом и медицинской карточкой помощника мастера ПТФ-2[297] Сергея Афанасьича Полтавцева. Эта поликлиника, как бы рабочая, тем не менее была одной из самых крупных в городе, ибо на тот момент на комбинате работало ни много ни мало 8.000 человек – в три смены.

[297] Прядильно-ткацкая фабрика № 2 Отцеябловского Хлопчатобумажного комбината

Без душевного надрыва
и душевого вреда
пашем мы без перерыва,
ведь ударники труда!

Из этих медицинских документов Володя, например, узнал, что Серёжу постоянно осматривал психиатр, каждый раз занося новые данные о пациенте в медкарту. Так, из этого документа Альбионыч узнал, что Полтавцев любил читать детективы – за то, что в конце каждой книги всегда выяснял, что виноват в убийстве не он. Из другой странички документа Кулемзин узнал, что Афанасьич считал, что никогда не ошибается дважды, а делает это раз пять или шесть, – чтоб уж наверняка! На предложение врача: «Сейчас я выпишу вам таблеточки, будете принимать их пять раз в день» он заявил следующее: «Доктор, а где я вам возьму столько еды?!»

Кстати, однажды, пока он стоял в очереди к психиатру за справкой, что не состоит на учёте, помощник мастера ПТФ-2 до того распсиховался от потери времени, что, попав в кабинет к врачу, его тут же поставили на учёт, записав в карточку предварительный диагноз «Сотрясение отсутствия мозга»

Глава 148. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ АФАНАСЬИЧА (ещё одно продолжение)

Швейк второго микрорайона (окончание)

Изучив все анализы из поликлиники, главный врач всё-таки решил оформить Серёжу в станционар. Но когда знатный текстильщик попал туда, тут же заработал кличку Сомалийский Пират, – потому что в первый же день спёр из ординаторской *судно*.

Там же, то есть в стационаре, у него неожиданно разболелись зубы – скорее всего, из-за того, что они уже несколько дней не получали спецполоскание в виде разбавленного этилового спирта. Но когда Полтавцев в кабинете стоматолога увидел разложенные на столике блестящие инструменты, боль у него неожиданно прошла, но раз уж он пришёл к доктору, то решил воспользоваться моментом и прояснить один вопрос, который мучил его с детства.

Пожирая мясо с просом
в деревенской тишине,
с детства мучался вопросом:
сколько градусов в воде?

– Доктор, мать честна́я, – туманно начал он, – а вот скажите, расширятся ли у меня сосуды, если я прямо здесь выпью водки?

Врачу понравился забавный пациент, и он на полном серьёзе стал ему объяснять, что да, расширятся, а вот давление, соответственно, понизится.

– Это хорошо, – обрадовался Афанасьич. – Это как раз то, что нужно!

– А чему вы радуетесь? Потом же всё равно сосуды сузятся! – предупредил отзывчивый стоматолог.

– А вот этого, товарищ доктор, – серьёзно заявил больной, – я просто-таки никогда в жизни не допущу!

Глядя на охранника, литератор частенько думал о том, что теория существования материи без её отражения сознанием не такая уж и спорная, ибо людям, у которых нет чувства юмора, совершенно нечего бояться, – ведь самое страшное с ними уже произошло.

И вот это произошедшее Кулемзин по писательской привычке преувеличивать осознанные факты называл страшным для людей определением «Не слышны в мозгу даже шорохи!». Кстати, именно из знакомства с Афанасьичем у Альбионыча в голове родилась новая единица измерения интеллектуальной мощности – придурко-ватт.

Объяснил нам в клубе лектор
двадцать пятым октябрём:
чем измерить интеллекты –
рюмкой или стопарём?

А познакомившись с экс-текстильщиком поближе, писатель понял, что Серёжа является для него кладезем забавных историй, которые случались с ним так часто, что Володя иногда даже не успевал их записывать. Вот только некоторые из этих историй, которые автор во время работы над романом «Русская кочерга» раскопал в черновиках и записных книжках марсианина.

Он выяснил, что соображать охранник обычно начинал на следующий день после того, как что-то сделал, а то и позже. И однажды, когда узнал, что смерть всегда забирает самых лучших, стал усиленно намеренно деградировать! Получилось это у него хорошо, в доказательство чего Кулемзин приводил один разговор с Полтавцевым. На каверзный вопрос Володи, умеет ли Серёжа пользоваться твиттером, тот гордо ответил, что нет и не надо, потому что это иностранное слово у него как-то раз было по молодости, но потом он его вылечил!

Мой приятель Лев Ценципер,
семьянин и домосед,
подхватил внезапно триппер –
в пятьдесят неполных лет!
Позвонил мне на рассвете,
исступлённо хохоча:
дескать, нет ли на примете
венеролога-врача?

В другой раз сторож признавался литератору, что его много чего поражает в науке, а когда Володя попросил уточнить, что например, уточнил такими словами:

– Я вот по телевизору, царица лесная, испытания видел, просто ужас! Пасту для зубов проверяли на яйцах!

По жизни Афанасьича вполне можно было назвать самородком, ведь он никогда ничему не учился, и при этом никогда ничего не знал. Его ум спал вечным летаргическим сном, открывая новые возможности для бесконечной меры невежества.

– Да я просто думаю, – оправдывался он перед будущими читателями романа, – что факты говорят сами за себя, хотя я и не понимаю, как они могут говорить, если у них нет никакого рта!

– Ты, Серёжа, – говорил ему Альбионыч, наливая стопочку для пополнения копилки интересных историй, – наверное, в детстве читал книжку «Харакири: притворись его знатоком»?

На что сторож честно признался, что ни в детстве, ни в отрочество, ни даже в светлой юности книжек не читал вовсе, так как начал пить *горькую* уже с малых лет. И в доказательство этого объяснял, как понял знаменитую сказку Корнея Чуковского про какого-то скотского доктора, полагая, что благородный разбойник Айболит отреза́л ноги у богатых и пришивал их бедным!

Добрый доктор Айболит,
он под деревом сидит.
Не придёт к нему лечиться
ни корова, ни волчица,
ни жучок, ни паучок,
ни неведомый сморчок –
он поставил интернет!
И теперь приёма нет…

А ещё однажды уроженец деревни Семижопино рассказал ему про страшный случай, когда у него неожиданно завелись деньги, и Афанасьич решил сходить в ресторан, в котором до этого никогда не бывал.

– Что будете заказывать? – весело спросил его официант.

– Доширак, мать честна́я! – также весело отозвался сторож.

– Это ресторан! – построжел лицом работник общепита. – У нас такое не готовят!

– Ничего, – ответил Полтавцев. – У меня сегодня с собой! Вы мне только кипяточку принесите…

Но особенно часто Альбионыч доставал охранника вечером – после игры в *русскую кочергу*, когда покеристы и примкнувший к ним живописец Муравлёв традиционно расслаблялись в компании крепких напитков.

– Серёжа, – однажды спросил его Володя, видя, как охранник пытается что-то втолковать Батыршину, поминая при этом царицу лесную, – а ты сможешь без запинки произнести название марксистской книжки «Империализм и эмпириокритицизм»?

– Запросто! – тут же откликнулся Серёжа. – Пожалуйста! Маркситая книжка!

В другой раз Кулемзин озаботился недалёким будущим Афанасьича.

– Кстати, старичок, – тогда сказал он, – я бы, яйчики-бабайчики, на твоём месте всё-таки от психушки не отказывался.

– Это почему? – хмуро поинтересовался обиженный.

– Так для тебя это единственный шанс прокатиться на машине времени: попал в компанию слабоумных – как в будущем оказался!

Рада мама, рад отец –
стал придурком их малец!

Когда Серёжу увольняли из ОХБК, причём, с записью в трудовой книжке: «Уволен в связи с перестройкой», ему дали прекрасную характеристику, которой он очень гордился и надеялся, что она поможет ему как-то устроиться в жизни Среди прочего в характеристике были вот такие хорошие слова: «Искренний, Добрый, Исполнительный, Отзывчивый Труженик!». Правда, он так и не смог понять, почему все эти прекрасные слова были написаны с большой буквы. «Наверное, из большого уважения к моему мастерству», решил он, после чего стал носить бумажку в левом кармане пиджака – ближе к сердцу.

И, наконец, последнее. В том же архиве ОХБК Кулемзину показали серёжино письмо, написанное знакомым кривым почерком, которое редакция газеты, куда оно было направлено, передало почему-то в КГБ Республики Саксаулия. Письмо было достаточно длинным, но Володю поразили вот такие полторы строчки: «У меня конфисковали самогонный аппарат. Могу ли я получить компенсацию в связи с потерей кормильца?»

Без дрожжей и батареек,
чтоб поменьше он вонял,
самогон гоню из денег –
их так много у меня!

Глава 149. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ АФАНАСЬИЧА (и ещё одно продолжение)

И, конечно же, отдельной главой надо провести некоторые неизвестные факты из биографии нашего героя, относящиеся к тому периоду его жизни, которые писатель Кулемзин характеризовал такой фразой:

Как Полтавцев тянулся к знаниям из последних сил

Вначале Серёже, по выражению наиболее продвинутых музыкантов, все эти ненужные знания, которые надоели ему уже в школе, были *по барабану*.

«Я ваши книжки читать вообще не люблю», сообщил он как-то на уроке литературы деревенской учительнице Аграфене Ромуальдовне, а на её вопрос *почему?* уточнил, что они все неинтересные, так как в них часто повторяются одни и те же слова́. Разговоры с придурковатым подростком со временем стали превращаться в тяжкое звуковое свидетельство неравной борьбы человекоподобного с нормами русского языка.

Умственные способности будущего текстильщика, а затем и сторожа-охранника, находились в зачаточном состоянии – где-то между рефлексами ленточного червя и амбициями сержанта из стройбата. В области родного русского языка Полтавцев был чемпионом среди невежд, и даже фатальное для всех двоечников слово *корова* писал не как они – через *а*, а по-своему – через *ы*, а когда его просили обосновать такое невероятное написание, важно объяснял этим недалёким, как ему казалось, людям, не понимающим простых вещей:

– Что у умного на уме, то у глупого на языке!

, не подозревая, что говорит это о само́м себе.

Что мне знания все ваши
для познанья бытия?
В голове так мало каши,
что двух слов не знаю я!

Правда, иногда у него случались некие проблески. Получив однокомнатную квартиру от родного ОХБК, он однажды он заметил, что счета́ за газ стали приходить непомерно большими, а подозревать государство, что оно его обманывает, Афанасьич тогда ещё не научился. В конце концов он решил поделиться своей бедой с председателем профкома ПТФ-2, где он работал, Гульнарой Сидоровной Оганянц, которая, надо сказать, была неравнодушна к этому молодому, глупому, но по-деревенски сильному юноше, ещё не успевшему окончательно спиться.

Как активист, предпрофкома не могла пройти мимо беды подотчётного ей члена профсоюза, исправно платящего ежемесячные взносы, и за час до конца рабочей смены предложила Серёже отдать ей ключи на предмет осмотра его жилища, а потом там же и подождать передовика производства, пообещав выяснить причину газовой растраты. Полтавцев согласился, и не зря! Придя домой после смены, он застал Гульнару Сидоровну в домашнем халате (она, кстати, жила в соседнем подъезде, как и многие работники ОХБК), а на столе стояло две бутылки *беленькой* и хорошая закуска из холодильника активистки.

Чем закончилось это производственное свидание, думаю, моему читателю объяснять не надо. Когда рано утром передовика, которому сегодня не надо было идти на работу, растолкала предпрофкома, которой идти на работу надо было каждый день, он перед расставанием вспомнил о цели её прихода и прямо спросил, что у него не так с газом, и тогда товарищ Оганянц объяснила ему, что когда открыла дверь в жильё, там было очень тепло и страшно пахло газом.

– Ты зачем газ палишь, придурок? – ласково спросила она молодого любов… тьфу, товарища по производству.

– Дык для экономии спичек, царица лесная, – просто объяснил товарищ.

Отнеся в ломбард оглоблю,
став богатым, как король,
вновь на спичках экономлю,
и не трачу даром соль!

А вскоре в его бригаду пришла новая ткачиха по имени Зуля, с появлением которой были забыты все прежние увлечения. Так в его жизнь вошла любовь на всю жизнь с большой буквы З. Но страсть к исследованиям жизни и патологическая тянучка к знаниям усилилась ещё больше – после того, как он узнал, что новая подруга знает имя-отчество иностранного поэта Шекспира, а также помнит запавшую ей в память ещё со школы формулу площади круга, которая обозначается буквой, похожей на червяка:

$$S = \pi R^2$$

, хотя лично он считал, что такую формулу применять было нельзя, так как после знака = одна из букв была маленькой, а вторая большой, да ещё и с какой-то двойкой наверху, а ведь Афанасьич хорошо помнил,что двойка – это очень плохо, так как в том месте, куда его за двойки *отмечал* дедушка Михей, до сих пор к дождю непременно чесалось.

И своей главой кудрявой,
постриженной под горшок,
что ремень был с крупной бляхой,
я запомнил хорошо!

Но новый виток изучения жизни у сторожа-охранника произошёл после того, как Серёжа познакомился с новым соседом Володей Кулемзиным. Он, который, как выяснилось, вовсю тянулся к ненужным знаниям, попросил нового друга научить его работать на компьютере, после чего был немало удивлён, узнав, что то место, которое показывает картинки, называется не телевизор, а монитор, а та штука, на которой можно печатать разные словá, не машинка, а клавиатура. Альбионыч, обрадованный таким рвением к наукам, даже разыскал в чулане старую потрёпанную книжку под таинственным названием «РС[298] для чайников» и объяснил сторожу, что когда тот прочтёт её до конца, то сможет при помощи компьютера даже превращать сахар и дрожжи в самогон.

[298] ***Персональный компьютер – англ.***

Наш интеллект могучий
зависнет: *пить – не пить*?
Компьютер нас научит,
как правильнее жить!

Афанасьич вначале поинтересовался, что означает Рэ-Сэ в названии книжки, и получив объяснение, что это Рекордная Сакраментальность, понял, что книжка страшно учёная, после чего ретиво взялся за её изучение и вскоре очень обрадовался, узнав о том, что каждая клавиша на клавиатуре была подписана разными надписями и цифрами – точно так же, как в книжке на картинках, а, значит, учёба будет очень лёгкой. Но его ждало разочарование, после чего он совершенно охладел к идее компьютерного образования.

А дело было так: в какой-то момент он дошёл в книжке до строчки «нажмите на лю-

бую клавишу», а затем в течение нескольких часов искал клавишу с надписью *любая*, но так и не нашёл, расстроился и заявил, что вот когда ваши *компутеры* будут более совершенны в техническом отношении, вот тогда он и займётся этим делом вновь, а пока лучше лишний раз пригласит к себе подругу Зулю!

«Доверяй своей утробе»,
говорил, бухая, зять:
«чем напрячь мозги в учёбе,
я с подружкою – в кровать!»

Как Полтавцев тянулся к знаниям из последних сил (окончание)

С са́мого начала Серёжа попытался запоминать то, чему его учил Альбионыч, правда, получалось это не всегда – в основном, из-за плохой памяти, которая была частично разрушена употреблением разных нехороших напитков с юного возраста. Например, когда он по совету писателя начал учить английский язык, то словосочетание little boy[299] начало выскакивать изо рта Афанасьича как русское выражение *литрбол*. Когда Володя попросил сторожа пройти тест на IQ[300], тот сразу поинтересовался, зачем ему этот тест под названием «10 с хвостиком», после чего литератор тут же снял свои притязания.

[299] Маленький мальчик – англ. Читается как литл бой – прим. главы гильдии переводчиков романа «Русская кочерга»
[300] От англ. Iintelligence Quotient (коэффициент интеллекта), читается как ай кью – прим. главы гильдии переводчиков романа «Русская кочерга»

А когда Полтавцев однажды узнал от марсианина, что в нашем мире есть (прости, русский язык!) когнитивный диссонанс, то сразу же стал мечтать испытать его хотя бы разок, но понимал, что сделать это ему не позволяла школа-четырёхлетка, поэтому он так и продолжал по старинке тихо охреневать. А чтобы окончательно не сойти с ума, охранник попросил покерного гуру подсказать, в какой институт ему лучше пойти, чтобы немного набраться ума. Кулемзин помнил, что однажды уже предлагал Серёже пойти в московский институт Склифосовского, куда принимали без экзаменов, но на этот раз решил дать совет поэтически:

Не знаешь грамматики –
иди в математики!
Тупой для физмата –
учись на дипломата!
Денег нет –
поступай на бюджет!
Раздолбай хронический –
тебе в политехнический!
Мозгами не рискуйте –
учитесь в Инфизкульте!
Любишь мат восьмиэтажный –
дуй ты в техникум монтажный!
Стыда нет?
Иди гинекологом в Вет!
Совсем бездарный –
иди в гуманитарный!
Светит срок космический –
иди на юридический!

Вставляют вилы? Манит навоз?
Не думай, милый! Иди в сельхоз!

И всё-таки иностранный потихоньку давался охраннику – например, через год изучения он уверенно перевёл название одной володиной пластинки «In-A-Gadda-Da-Vida»[301] как «Дави гада Давида!». Узнав об этом, Володя тут же посоветовал сторожу:

[301] «In-A-Gadda-Da-Vida» – второй студийный альбом американской рок-группы «Iron Butterfly» («Железная бабочка») 1968 года. Альбом примечателен своей одноимённой композицией, которая в расширенной версии занимает всю вторую сторону пластинки. Дело в том, что рабочее название песни было «In The Garden Of Eden» («В саду Эдема»), но на одной из репетиций клавишник и вокалист Дуг Ингл был настолько невменяем, что смог выговорить только такой вариант, который впоследствии был принят и группой, и продюсером – прим. муз. редактора

– Ты русский бы выучил только за то,
что им разговаривал в детстве!

Глава 150. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ АФАНАСЬИЧА (продолжение продолжения)

Как видно из всех вышеприведённых фактов, знакомство Серёжи с писателем Кулемзиным сильно повысило интеллектуальный уровень семижопинца, причём, до такой степени, что однажды он целый месяц разглядывал картинки в данном ему Володей на время альбоме «Мастера эпохи Возрождения», после чего признался:

– Что-то я, мать честна́я, не до конца понимаю именно такой пласт искусства: где тут что и что из чего вытекает…

– А чего тут понимать? – удивился Альбионыч. – Да нет ничего проще: если произведение можно обойти вокруг, то это скульптура, а если висит на стене, значит, картина!

За мир становится тревожно,
когда умом нельзя принять:
искусство ваше слишком сложно –
его под пиво не понять!

После такого толкового объяснения уважение к знатоку со стороны Полтавцева возросло многократно. Но совершенно иное, почти мистическое чувство благодарности возникло у сторожа тогда, когда он получил от литератора в подарок книжечку для записей, которую сам же впоследствии назвал «Для му.мы.», то есть «Для мудрых мыслей»

Иногда (исключительно для пополнения впечатлений с целью их вставки в будущий роман) марсианин просил Серёжу ненадолго дать ему блокнотик, и когда получал, уходил в одну из своих комнат-трасформеров, где сам занимался так называемым творчеством, и тщательно изучал каракули Афанасьича, которые являлись гибридом иероглифов и вавилонской клинописи с шумерскими закорючками на конце. Было решительно невозможно догадаться, что там написано, но, судя по виду *иблиса*, пытающегося через володино плечо также расшифровать послание и кривившего при этом волосатые губы, там была какая-то неизвестная сура из корана.

– Кстати, Серёжа, – сказал Володя после такого очередного ознакомления, – твой тёзка по отчеству некий Булгаков был врачом, а прославился как писатель. И знаешь, почему? Да потому что из любого врача может получиться писатель, если у него разборчивый почерк!

– Не понимаю! – в отчаянии воскликнул экс-тестильщик. – У меня же наоборот.

– Так это же хорошо, – обрадовался разъяснитель.

– Что хорошо? – ещё больше расстроился владелец блокнотика.

– Хорошо, яйчики-бабайчики, что наоборот. Вот ты представь себе мир *наоборот.*

Задумался весь наш народ –
в мозгах как будто грим:
ведь МИР, где всё наоборот,
читается как РИМ!

– А эт’ как?

– Ну, например, все дышат углекислым газом, а выдыхают кислород, рыбы летают, а собаки плавают, днём спят, а ночью работают...

– А так разве бывает? – засомневался сторож, который, как уже успел узнать мой читатель, то сомневался в жизни, то не сомневался – в зависимости от литража.

– В мире наоборот бывает, – авторитетно подтвердил Кулемзин. – Но главное в таком мире, это добраться до некоего забора, где *одним твоим местом* будет написано слово

После такого объяснения Серёжа несколько дней ходил под впечатлением и даже стал задумываться: а не бросить ли ему саморазвитие, а то ведь так и до психушки недалеко, которую, судя по всему, Володя когда-то закончил с отличием. Но когда охранник узнал о страшной Суке-судбе Джордано Джованниевича Бруно, решил не сдаваться, а продолжать вовремя подвернувшееся в лице покерного гуру образование. Время от времени между учителем и учеником происходили странные диалоги, которым радовался исключительно учитель Кулемзин, ибо каждый такой разговор со временем обязательно трансформировался в новые странички его великого романа. И вот тебе, мой читатель, некоторые примеры таких разговорчиков.

Однажды Полтавцев увидел у Альбионыча дискету для компьютера, долго разглядывал её т даже понюхал, но понять, для чего, так и не смог, и был вынужден спросить:

– Эт’ чё? И для чего?

– Это такой электронный носитель, – доходчиво объяснил литератор.

– А почему он такой маленький? А кошки где? А почему трезвый? – как из прохудившегося мешка с горохом, посыпались вопросы из бывшего текстильщика.

– А при чём здесь кошки? И, кстати, второй раз при чём невыявленная моим сознанием трезвость?

– Да потому что ты обманываешь коллектив *интересантов* в моём лице! – задохнулся от возмущения любопытный исследователь жизни. – Я ведь уже давно догадался, что электронный носитель – это монтёр, обвешанный проводами разного сечения и *кошками* для ползания по столбам!

Откушав водку и окрошку,
отдав почтение грибам,
монтёр берёт с собою *кошку* –
чтоб ловко лазать по столбам!

Здесь марсианин понял, что проиграл интеллектуальный спор и пригасил неловкость предложением выпить по четыре бутылочки пивка – Серёже привычного «Жигулёвского», а себе «Тянь-Шаня», после чего дружба была восстановлена в полном объёме.

В другой раз в присутствии литератора охранник, наморщив и без того морщинистый лоб, читал про себя какую-то засаленную газетную страницу, которую на днях принёс из магазинчика Калимы – в виде упаковки для пары тухлых селёдок. И вот в разгар чтения он внезапно хлопнул себя по лбу, что всегда означало одно: он только что прочёл что-то его поразившее. Так произошло и на этот раз.

– Володя, вот смотри, что я прочитал, – весомо произнёс он. – Верблюд, царица лесная, оказывается, может не пить целых две недели!

– Ну и что? – пожал плечами Альбионыч..

– Да ничего! Это я к тому, что с сегодняшнего дня уважаю всех верблюдов!

Не какой-то я верблюд:
литр – в течение минут!

Такая же ситуация, то есть полное непонимание со стороны Полтавцева, возникло тогда, когда он проявил желание пополнить свою дырявую копилку знаний в области фундаментальной физики.

– Еврей же этот придумал кучу законов, – сообщил он о своём желании Володе, – а я что, лысый?

Помнится, Альбионыч тогда обошёл вокруг стремильца к знаниям и даже немного подёргал сторожа за грязные вихры.

– Нет, не лысый, – констатировал он. – Кстати, а о каком это еврее ты говоришь?

– Да всё о том же, – с сарказмом ответил Серёжа. – Об Исааке Исаакыче!

– Понял, – улыбнулся саксаульский просветитель и дал охраннику на два дня (с возвратом) журнал «Nature & Science»[302], название которого тот, напирая в разговоре на то, что блестяще владеет английским языком, тут же перевёл как «В натуре и вообще»!

[302] ***«Природа и наука» – англ.***

Вас учить не собираюсь:
я ж для умных мужичьё,
но в натуре разбираюсь,
как в природе, мать её!

После этого бывший текстильщик, а ныне кандидат в фундаментальные учёные два дня не выходил на улицу, шурша страницами журнала, как мышь в банных вениках. Потом он наконец появился, вернул журнал Володе и на его вопрос, *как, мол, оно?*, честно признался:

– После изучения данных тобой материалов должен констатировать, что мои познания в области физики Вселенной весьма поверхностны!

И подумав, добавил:

– Более чем.

Глава 151. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ АФАНАСЬИЧА (ещё одно продолжение продолжения)

И в это время хозяин квартиры, который отправился на кухню, чтобы через стеклянную дверцу духового шкафа посмотреть, как чувствует себя мясной рулет, услышал некий звук, смутно узнал его, но на всякий случай включил свой КОД, или **К**лассификатор

Открывания **Д**верей, после чего убедился, что да, – дверь только что открылась, а потом с громким звуком закрылась. Он, как и хотел, проверил мясо, убедился, что все процессы по его готовке идут как надо, и отправился обратно в большую, видимую гостям, комнату, где заметил, что одного из приглашённых им персонажей не хватает. Выяснилось, что отсутствовал Афанасьич.

Как нам лето предсказало,
что один из нас гоним:
из обеденного зала
гость пропал. И хрен бы с ним!

– И где же наш малыш, яйчики-бабайчики? – поинтересовался Володя. – Вспомнил, что забыл до́ма любимую игрушку – квадратный шарик для детского бильярда? Валера, не мог бы ты объяснить это таинственное исчезновение?

– Да запросто, святой Малевич, – не стал чиниться живописец, хотя и немного досадовал, потому что именно сейчас обдумывал (прости, русский язык!) концепцию своего будущего грандиозного полотна под названием «Дочь этолийского царя Фестия и его супруги Евритемиды и птица из отряда гусеобразных семейства утиных», не подозревая, что под таким же названием, только короче, а именно «Леда и лебедь», некий Франсуа Николяевич[303] Буше́ уже написал эту картину аж в 1740 году!

[303] Не ошибка: папу художника действительно звали Николя – прим. худ. редактора

– Так что насчёт Полтавцева? – ещё раз поинтересовался Кулемзин, видя, как его товарищ определённо стремится в астральные выси творчества.

Говорил я адмиралу –
по погонам молодцу:
«Я ваяю по астралу –
мне ваяют по лицу!»

– А? Что? – выходя из астрала, пробормотал Муравлёв, а потом более уверенно просветил домовладельца:

– Да, Полтавцев. Так вот: он неожиданно сорвался с места, крикнул, что ему срочно надо переодеться для обеда, и исчез в направлении своего дома № 16.

Писатель удивился, как это Николаич разглядел направление движения охранника через несущие стены его квартиры, но списал это на творческую фантазию, после чего рапорт принял. Он (писатель, а не рапорт) постоял несколько секунд в раздумьях, чем бы ещё занять гостей, так как мясо должно́ было доходить ещё не меньше чем 45 земных минут, но от мыслей его отвлёк голос Курманбаева:

– А Серёжа, мать моя партия, он вообще такой – непредсказуемый!

– А я вот слышал, – перебил его военный музыкант Батыршин, – что по имени человека вполне можно предсказать все его ёперные поступки. Володя, это правда?

– Астрологи говорят, что да.

– А ты?

– А я даже никогда, яйчики-бабайчики, не задумывался над такой чепухой, хотя вопросом в принципе владею.

– Ну, тогда, например, йодистое имя Сергей, – предложил Салихдзяныч.

Знаток всего на свете не стал чиниться и вот что рассказал собравшимся на субботний *квартирник*.

И попели, и сплясали,

и вина покушали:
на *квартирнике* бухáли –
музыку не слушали!

О значении имени Сергей

– Вряд ли вы поверите в это, други мои, – начал он просвещение коллектива, – но имя нашего товарища происходит от римского родового имени Сергиус, что переводится как высокий или высокочтимый. Так вот астрологи, которые якобы умеют создавать *натальные* карты или, проще говоря, персональные гороскопы, утверждают, что все Сергеи в детстве часто болели, доставляя много переживаний своим родителям. Правда, к пяти-семи годам они становятся крепче и здоровее, и в это же время более чётко начинают вырисовываться их характеры – видимо, тоже одинаковые.

В делах всё Серёжи добросовестны, обязательны и редко когда не выполняют свои обещания – кстати, это хорошо видно на примере известного пьяницы и повесы Сергея Есенина. Дважды им напоминать о чём-то не следует (нашему Серёже, например, нужно напомнать обо всём трижды, а лучше четырежды!). Здесь надо бы добавить и то, что Сергеи, как правило, немногословны…

– Да у него просто, мать моя партия, словарный запас маленький, – не удержался от комментария один из володиных гостей.

– …своё мнение о ком-то они предпочитают держать при себе, – продолжил квартирный лектор. – Многие Сергеи любят музыку, кино, принимают участие в художественной самодеятельности и часто становятся актёрами, музыкантами, композиторами и…

– …клоунами, святой Малевич, как наш Полтавцев, – прокомментировал ещё один гость литератора.

В костерке трещат поленья,
к пьянству мы идём вперёд,
а один нас в это время
развлекает тем, что врёт!

– А что насчёт ёкарной кармы? Есть такая у Серёжи?

– Какого Серёжи? – удивился Альбионыч.

– Ну, мы же про Полтавцева *маракуем*, – наивно предположил еврейский зять.

– Нет, Талгат, мы, как ты остроумно высказался, маракуем сейчас не о конкретном Афанасьиче, а об абстрактном имени Сергей.

– А-а-а, – сделал попытку понимания трубач.

– Так вот, о карме. Самые важные качества, которые проявляются в исследуемом нами имени – это так называемая внутренняя жилка, или, проще говоря, уравновешенность между твёрдостью и мягкостью, а также его незаметность, что в первую очередь связано с чрезвычайной распространённостью имени. Интересный факт: при таком изобилии Сергеев, например, в нашей соседке России, это имя всё же не так часто можно встретить среди каких-либо политических вождей, ну, разве что в виде отчества.

Кстати говоря, именно это может служить ярким подтверждением тому, что имя всё же довольно заметно влияет на судьбу, ведь по теории вероятности в одной только политической элите Сергеем должен быть как минимум каждый двадцатый, однако, такого не отмечается ни сейчас, ни в прошлые времена. Среди музыкантов, поэтов, писателей их сколько угодно, а вот в качестве заметной политической фигуры, в отличие от Александров и даже Егоров, всего два-три человека.

Мировые корнеплоды
затесались средь планет:
есть адольфы и володи,
а сергеев просто нет!

Глава 152. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ АФАНАСЬИЧА (почти окончание)

– Впрочем, здесь нет ничего удивительного, – продолжил лекцию Володя. – Человеку с таким именем обычно нет нужды мучительно самоутверждаться, разве что это связано с другими причинами, а потому и честолюбивые планы Сергея редко связаны с борьбой и противостоянием, что в психологии определяется как *отсутствие импульса к власти.* Иными словами, Серёжа не лидер: он или на равных, или же сам по себе.

– Серёжа Полтавцев или ёперный Серёжа абстрактный? – ещё раз уточнил неугомонный татарин, в котором, по всей видимости, наконец-то начала просыпаться тяга к посторонним от уставов знаниям.

Я живу не по уставу:
то лежу, а то и встану!

– Так что, други мои, всё это делает имя Сергея максимально благоприятным для нормальной жизни. На это имя хорошо опереться в трудную минуту, что прибавляет сил при отстаивании своих интересов…

– Да уж, святой Малевич! – воскликнул художник, который уже который день пытался после вечерней пьянки опереться на охранника, который в это время сам пытался опереться на педагога.

– …в нём также достаточно чувственности и человечности, однако поскольку твёрдость и мягкость находятся в равновесии…

– Какая человечность, мать моя партийная организация?! – возмущённо откликнулся Нуртай. – Я этому неабстрактному Серёже ещё в 1984 году занял 8 рублей, а он до сих пор не отдал, напирая на то, что у нас в стране давно уже ходят назарбаксы!

Володя вздохнул и продолжил увлекательную лекцию:

– К примеру, Серёжа может с возрастом стать чересчур жёстким или наоборот, уступчивым, однако, с учётом того, что сегодня процесс воспитания в большинстве случаев усреднён школой, влиянием улицы и мало предполагает индивидуальный подход, то скорее всего, Сергей так и останется достаточно уравновешенным человеком, способным и за себя постоять, и людям помочь.

Я, согласно нормативу,
что известен торгашу,
помогаю коллективу –
пиво из сельпо ношу!

– И последнее – кое-что из секретов общения. Уравновешенность Сергея (подчёркиваю: абстрактного Сергея!) нередко делает его прекрасным дипломатом, в споре он, яйчики-бабайчики, может быть упорным, но вывести его из себя не так и легко. При каких-либо попытках повлиять на него или в случае чрезмерных просьб, он, скорее всего, некоторое время будет терпеливо искать согласия, а потом попросту уйдёт в сторону.

Здесь все присутствующие тяжело вздохнули, так как на себе испытали приступы таких внезапных уходов[304] Афанасьича.

[304] Об одном из них, например, в главе 194 третьего тома романа – прим. гл. редактора

– Да, оказывается, сложная личность этот Полтавцев, – внезапно донёсся голос со стороны южного окна квартиры.

Все вздрогнули, а Кулемзин отодвинул занавеску и увидел припавшего к окну опального водителя Дубровского.

– Подожди, – отдал он короткую команду, после чего бегóм направился на кухню, на ходу ещё раз проверил состояние томящегося в духовке мяса, вытащил из холодильника одну из бутылочек своего персонального «Тянь-Шаня», прибежал обратно и так же, через окно, вручил её страдальцу.

В нашем круге есть основа,
что даёт тройной настрой:
похмелить кента больного
может только лишь герой!

– Всё это можно было, конечно, сказать про Полтавцева, – закончил речь Володя, – если бы не одно его отличие от Сергея астрологического – наш был дурак!

Об одном текстильщике и подруге одного текстильщика

Второй раз всё изменилось в жизни Полтавцева, когда он встретил Кулемзина, который подарил ему множество чудесных вещей и понятий, а именно:

а) подарил правила в прекрасную игру *русская кочерга*;

б) подарил красивый блокнотик без названия, который впоследствии стал называться «Для му.мы.»;

в) подарил смысл жизни.

А вот первый раз у мужчины в самом расцвете увядающих сил, как называл Серёжу Володя, всё изменилось в жизни, когда он встретил свою подругу Зулю, причём, встреча эта произошла в дружном трудовом коллективе ОХБК, где со временем обе родственные дýши стали передовиками производства.

И ты, мой дорогой читатель, не думай, что о родственных душах автор брякнул просто так – ради так называемого красного словца. Родственного в маленьком начальнике, то есть помощнике мастера, и простой ткачихе было много.

Ох, на радостях бухнý я
и качнусь, как в лодочке:
полюбил свою родную,
как бутылку водочки!

Во-первых, Афанасьичу очень понравилось, что его любимая была настолько скромной, что стеснялась попросить рюмочку, и поэтому пила прямо из горлá. Во-вторых, именно Зуля объяснила ему, что такое феминизм, хотя сама узнала об этом совсем недавно – из журнала «Крокодил», где было написано, что это трудное иностранное слово означает просто бабовладельческий строй. В-третьих, текстильщик считал подотчётную ему текстильщицу творческой личностью, потому что она, в отличие от него, постоянно смотрела всякие интересные кинофильмы, и иногда даже рассказывала о них. Он вспомнил, как однажды позвонил ей вечером и между ними произошёл вот такой диалог:

– Зуля, привет! Чё делаешь?

– Да кино интересное смотрю.

– Наверное, опять какую-нибудь гадость?

– Что ты! Это крутая немецкая мелодрама – о беспомощной девушке, у которой в ван-

ной сорвало кран, и ей на помощь пришли трое опытных сантехников и один электрик!

Полтавцеву, как бригадиру, было очень приятно, что его любимая женщина, даже находясь на отдыхе, не занимается до́ма чем попало, а смотрит такие интересные фильмы на производственную тематику.

Мне не надо ни солнца, ни туч, –
ты одна мне нужна в этом мире:
подарю тебе гаечный ключ
22 × 24!

А ещё ему нравилось в своей избраннице то, что с ней было очень интересно разгадывать кроссворды, потому что её нестандартное мышление доставляло тогда ещё текстильщику немало приятных минут, да к тому же раскрывало перед ним все тайны так называемой женской логики. Самым непостижимым для него в такие моменты было то, что все зулины перлы каким-то образом укладывались в строгие рамки отгадываемых слов.

Он часто вспоминал только один пример, после чего у него начинало сладко тянуть в одном месте. Вопрос в кроссворде, помнится, был непростой – «Побег из-под земли»[305]. И тогда Зуля после небольшого раздумья уверенно предложила ему отгадку в виде сло́ва ПОДКОП.

[305] Когда Володя узнал об этом случае, то сразу же понял, что речь идёт о слове РОСТОК, но говорить Полтавцеву не стал – прим. автора

– Почему?! – заорал Серёжа.

– А ты что, сам не соображаешь? Когда заключённые хотят совершить побег, то вначале делают подкоп в земле, потом пролезают в него, а потом и совершают *побег из-под земли*, как и было загадано!

У меня, братан, затея
(ты об этом ни гу-гу!):
не хочу сидеть в тюрьме я –
прямо ночью и сбегу!

Серёжа часто вспоминал, как первый раз пригласил Зулю к себе домой на ночь, а потом как-то раз по пьянке рассказал эту историю Альбионычу, а тот автору этой книги – вот так и получилось, что теперь её узна́ешь и ты, мой любопытный читатель.

А дело было так: сразу, на трезвую голову, Полтавцев, как передовик производства, переспать с Зулей не мог, и потому предложил ей немного бухну́ть, на что подруга радостно согласилась. Правда, потом возникла ещё одна проблема: Афанасьич уже перепробовал и пиво, и шмурдяк, и даже водку, но ткачиха всё никак не хорошела, как об этом рассказывали его друзья-пролетарии. Тогда они вместе (Афанасьич и ткачиха, а не друзья-пролетарии) до последней странички пролистали «Камасутру», которую ему дал почитать Володя – для более полного просвещения организма, а в конце даже прослезились, ведь герои, изображённые на этих весёлых картинках, так и не поженились!

«Камасутру» дед купил,
бабке вечером вручил.
Бабка в шоке:
«Дивный срам,
вот бы в молодости нам!»

Тогда, чтобы достичь полного счастья, они улеглись на серёжин продавленный диван и начали мечтать. Мечты были разные, но счастье они испытали тогда, когда Серёжа в

мечтах устроился сторожем на сахарный завод, а Зуля сторожихой на дрожжевой. Когда мечты закончились, а водка всё не брала, подруга спросила милого дружка:

– Серёжа, а из-за чего ты меня полюбил?

– Да из-за глаз, мать честная, – честно ответил счастливец.

– Что, они у меня такие красивые? – обрадовалась ткачиха.

– Нет, просто у меня зрение плохое!

И только после того, как текстильщик осилил не один литр, что являлось его привычной нормой, а полтора, он понял, что Зуля не только любит его, но и уважает!

Одного с тобой мы круга –
уважаем мы друг друга!

Когда швейк второго микрорайона рассказал писателю об этом случае, тот для уточнения переспросил его про первый поцелуй, но неожиданно получил ответ, что Серёжа действительно не может забыть его (первый поцелуй, а не писателя), потому что, когда ему было 10 лет, от заледеневшей трубы турника его отдирали четыре часа!

– Старик, а почему ты, яйчики-бабайчики, до сих пор не женился на Зуле? – спросил его литератор.

– Да я, когда с ней познакомился, – ответил счастливый влюблённый, – думал, что она будет мне готовить, как бабушка Федóра. А она начала бухáть, как дедушка Михей!

На что Альбионыч неожиданно прослезился и подарил ему (влюблённому, а не дедушке Михею) прекрасное пожелание:

– Ну что ж, дети мои, большому кораблю – большую кораблиху!

Если вдруг нападает икота
на меня среди белого дня,
замираю от счастья: ведь кто-то
вспоминает с волненьем меня!

Глава 153. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ АФАНАСЬИЧА (ещё одно почти окончание)

Уже немало горьких слов было сказано автором по поводу неизжитой плохой привычки героя этих трудных глав. Но эта привычка, то есть (прости, русский язык!) псевдолатентный, а, проще говоря, совершенно открытый алкоголизм, была напрямую связана ещё с одной привычкой, которую Серёже подарило наше нелёгкое время. Это было хроническое отсутствие денег, и хотя в последнее время Афанасьич устроился на престижную должность сторожа-охранника в магазин «Пингвин и гагара», деньги там – по заведённой капиталистическим временем примете – платили еженедельно, а зарплата, честно говоря, была небольшая, и потому таяла со скоростью сосульки в начале мая, которая до поры до времени пряталась на северной стороне дачного сарайчика.

Поэтому эту подглавку в исследовании автор назвал крайне жестоко, но правдиво:

О бухле, бедности, деньгах и советах друга Альбионыча

Когда Кулемзин немного ближе познакомился с бытом Полтавцева, то по старой писательской привычке описывать всё, на что падёт его шалый глаз, сделал новую учётную запись в файле со скромным названием «Серёжа»: «Третий же сопокерник Альбионыча жил так бедно, что выносил мусорное ведро полтора раза в месяц». Кстати, и сам бывший текстильщик тоже объективно считал себя бедным, – когда узнал от Володи призна-

ки богатства по китайской системе Ба Цзы, которая переводилась весьма странно – 8 иероглифов, хотя сторож специально три раза пересчитал количество слов в названии и понял, что их всё-таки два.

«Ду́рят китайцы», решил он и мысленно добавил: «Как всегда, царица лесная!»

Увидев, что (прости, русский язык, ещё раз!) вербальная информация доходит до семижопинца с трудом, литератор дал ему на время толстую книжку, которую написал какой-то китаец с русско-английско-русским именем Вон Кью Кит под названием «Искусство цигун», где как раз было подробно рассказано об энергии ци и как ей пользоваться в условиях капиталистической Республики Саксаулия.

Без излишних фраз трескучих,
начиная с буквы *аз*,
нас какой-то Кит научит,
как богатым стать за час!

Книжка оказалась занимательной, хотя и не совсем понятной. Например, этот Кит утверждал в ней, что богатство должно быть поддержано духом наслаждения или вызовом власти, к тому же для его роста (богатства, а не духа) у человека должно было быть наличие неких земляных земных ветвей, или, проще говоря, сокровищниц, в числе которых человек непременно должен обладать быком, козой, собакой и драконом. Серёжа, прочитав это, вначале обрадовался, потому что и бык (вернее, тёлка Зорька), и коза Машка, и собака Жучка у него остались в деревне Семижопино, и для достижения богатства ничего не стоило перевезти их в его городскую квартиру, но потом он решил отказаться от этой идеи, так как решительно не знал, где ему взять какого-то дракона, да к тому же не простого, а китайского!

Я мечтаю в бодуне:
«Где же взять дракона мне?!»

В общем, разочаровавшись в энергии ци, которая денег так и не прибавила, Афанасьич вернул книгу библиотекарю собственной библиотеки, и стал по-прежнему считать себя бедным. А Альбионыч, поставив книжку обратно на полку, так и не смог утешить охранника, ведь его утешение, как и все остальные в таких случаях, были не материальными, а духовными – он просто процитировал сторожу свой афоризм, написанный давно и непонятно по какому случаю:

Подлинная бедность –
это отсутствие умения пользоваться тем,
что у нас уже есть…

У бедности всегда мишенью
бывает лишь последний дуб.
И наступает вдруг прозренье:
не беден ты, а просто туп…

Каждое первое число месяца Серёжа отмечал праздник под названием «Через 15 дней будет полмесяца, как я получил аванс», а каждое пятнадцатое число – праздник с похожим названием, где слово *аванс* было заменено на *получка.* И всё-таки он ухитрялся выгадывать из скудного жалованья немного денег на главное развлечение в жизни, которое давало ему чистую радость – пять-шесть бутылочек плохого портвейна, который с приходом в Саксаулию капитализма стали делать из чего угодно, но только не из плодов, коих раньше в этой республике было очень много.

Я спросил подругу Майю,
что тушила патиссон:
«Пью портвейн – не понимаю,
из чего же сделан он?!»

Нехорошо было и то, что Полтавцева стало подводить здоровье. Например, наутро он частенько не мог вспомнить, сколько бутылочек «Жигулёвского» брал вчера *для догона* – после употребления портвейна. Приходилось тащиться сначала на кухню, где он пересчитывал пустые бутылочки, а потом в аптеку, которая открылась в доме № 18. «Вот уже и здоровье можно купить», думал Серёжа по дороге, «да пока ещё не на что…»

Когда он впервые посетил это коммерческо-лечебное учреждение и увидел цену на простой анальгин от головной боли, то тут же вышел из аптеки совершенно здоровым человеком. Во второе своё посещение, ибо он забыл, что ходил туда уже один раз, сторож вновь увидел цену на это же лекарство, только на 10 процентов бóльшую, чем раньше, и твёрдо решил, что никогда больше ходить сюда не будет, а станет лечиться молитвами и володиным пивным пособием под *русскую кочергу*.

Говорил пигмей пигмею:
«Что стоишь, как истукан?
Я молиться не умею –
дай-ка водки мне стакан!»

Глава 154. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ АФАНАСЬИЧА (окончание)

Хорошо ещё, что в жизни Полтавцева появился такой друг, как Кулемзин, у которого всегда были заготовлены советы на все случаи бытия. Правда, Альбионыч не просто беседовал с Афанасьичем на разные темы, а делал это с тайным умыслом, записывая самые интересные сведения из личной жизни охранника, чтобы потом использовать их при написании своего великого произведения. Например, он узнал, что увлекаться *этим делом* его герой начал рано. Так, однажды мальчик Серёнька попросил у дедушки Михея немного спирта – заправить фломастеры, а уже наутро попросил у старшего родственника пивка – заправить карандаши!

Из этих бесед Володя узнал, что Серёжа, когда был маленьким, мечтал, что в 50 лет у него будет машина, большой дом и высокооплачиваемая работа, а вот сейчас сбылось только одно – ему 50! Он же (Володя, а не Серёжа), узнав все подробности сегодняшнего бытия экс-текстильщика, назвал его (Серёжу, а не Володю) финансовым гением, а на вопрос *почему?* ответил, что только финансовые гении могут выжить в этой стране вообще без денег!

Я без денег выживаю:
пью – все бéды забываю!

О бухле, бедности, деньгах и советах друга Альбионыча (окончание)

Однажды жилец дóма № 16 поинтересовался у жильца дóма № 17, как часто ему можно пить водку? И тогда писатель изготовил, а потом и подарил алкогольному интересовальцу карманный календарик, в котором дни, когда можно было пить *беленькую*, были отмечены зелёными циферками, и счастливый семижопинец понял, что его друг дал ему тайный намёк на зелёного змия. Потом он (семижопинец, а не зелёный змий) разглядел, что некоторые циферки были выделены красным цветом, и марсианин объяснил ему, что так были выделены дни для красного вина!

Плохо было только одно: чтобы следовать советам календарика, нужны были большие деньги, а их не было по-прежнему, и Серёже осталось только изучать нерабочую поверхность володиного подарка, то есть саму картинку, на которой в художественной форме были изображены правила этикета при употреблении бухла. Например, к мясу предписывалось подавать красное вино, к рыбе – белое, а к одному плавленому сырку было необходимо закупить не меньше чем две бутылки портвейна. «Как же он знает жизнь!», восхитился сторож, но и эту полученную информацию также использовать не смог – всё по той же тривиальной причине.

Вот что в тыкву прилетело –
от похмельного рывка:
закусил портвейн я смело
лишь бумажкой от сырка!

От своего друга-литератора выпивоха узнал много полезного: например, то, что если к уху приложить пустой кошелек, то можно услышать, как плакали твои денежки. Альбионыч постоянно давал ему (выпивохе, а не кошельку) множество полезных советов о здоровье: например, почаще совершать длительные прогулки на свежем воздухе, а для душевного здоровья раз в месяц посещать ночной клуб со стриптизом.

Правда, выполнение этих заветов оказалось несколько специфичным: Полтавцев, поняв, что ведёт малоактивный образ жизни, стал ходить за бухлом не в сельпо Калимы, а в магазинчик, который находился аж в трёх кварталах от его до́ма. Денег от этого, понятное дело, не прибавлялось, и вскоре он вместо того, чтобы ходить на иностранное слово *шопинг*, стал шастать на исконно русское – *зыринг*! А что касается стриптиза, то был там Афанасьич только один раз, после которого его выгнали, а ведь он не делал там ничего плохого: просто у него, как всегда, не было денег, и он в трусы стриптизёрше просто решил крикнуть *спасибо*!

Наслаждался я изгибом –
промозолил все глаза:
денег не было – *спасибо*
стриптизёрше я сказал!

Но Афанасьич не отчаивался: когда есть было совсем нечего, он то смотрел телевизор, то ходил к кому-нибудь (да только к Володе! – Вл. Г.) в гости, или иногда выпрашивал у него немного денег на, как он выражался, образовательный тур (но об этом в конце этой страницы 378). Кулемзин при встрече с ним (с Афанасьичем, а не туром) интересовался, что у того нового, и Серёжа с радостной улыбкой разорившегося, но не сломленного бедняка рассказывал:

– Вот вчера посмотрел по телевизору передачу про коров в Японии. Представляешь, Володя, им с утрам делают массаж, потом моют, потом кормят свежей травой, потом они слушают классическую музыку, а потом их вообще ведут на прогулку, и не как наших зэков – один раз в день, а трижды !

– Старичок, а почему так восторженно? – настораживался Альбионыч. – Неужели у тебя созрело роковое решение поехать в Японии и немного поработать коровой?! Хотя вряд ли тебя возьмут на такой ответственный пост, ведь молока ты будешь давать так мало, что его не хватит даже на один омлет!

В другой раз бывший текстильщик рассказал марсианину о своём решении немножко попутешествовать по миру.

– А немножко – это сколько? – поинтересовался Володя.

– Ну, пока не потрачу все свои сбережения, – честно ответил Полтавцев.

Тогда писатель достал свой миниатюрный телефончик, вызвал на экранчик монитора калькулятор, немного пощёлкал кнопками и радостно объявил:

– По моим подсчётам, ты, старик, будешь дóма ещё четыре месяца назад, где-то к завтраку!

Жаль, билеты дорогие, –
потому останусь здесь:
ездят пó миру другие –
у кого алтушки[306] есть!

[306] *Деньги – русская феня*

Тогда охранник выпросил у друга немного денег и посетил Отцеябловский ботанический сад, билет куда стоил всего как две бутылочки «Жигулёвского». Серёжу это немного напрягло, но он быстро нашёл выход из положения: купил эти две бутылочки, быстро вылакал их из горлá, а в ботонический сад попал бесплатно – путём перелезания через забор в районе с густыми кустами.

– Ничего особенного, – делился он позже впечатлениями со спонсором культурного мероприятия. – Растений много, но все какие-то бесполезные: ни лука тебе, ни редиски! Правда, сирень цветёт да розы всякие, но ими же не закусишь!

– А тебе обязательно нужна закуска? – серьёзно поинтересовался писатель и даже на всякий случай приготовил заветную кнопочку *safe* – для запоминания ответа.

– Конечно, – степенно ответил Серёжа. – Я же тебе не алкаш какой-нибудь, чтобы бухáть по-чёрному без закуси. А особливо я уважаю пельмешки! Бывалоча, нальёшь воды в кастрюльку, вскипятишь, а потом туда для вкуса соли, зелени и лавровый лист. Ну, и если деньги есть, то ещё и пельмешки!

Да, я люблю пельмени: это правда!
И, собственно, за что их не любить?
Для языка – прекрасная услада,
всем тем, кто не привык голодным быть!

– Так как же всё-таки выжить? – однажды поинтересовался охранник у умного Кулемзина.

– А ты квартиру продай, а сам к Зуле уходи жить, – подумав, посоветовал Володя. – А денежки вместе пропивать будете!

– Да кто её купит? – возмутился Афанасьич.

– Зулю? – уточнил Альбионыч.

– Квартиру, – уточнил сторож.

– Купят, купят, – успокоил советчик. – Здесь главное – дать хорошее объявление. Например, напиши так: «Продам квартиру, подготовленную к евроремонту»

Но самый главный совет марсианин дал бывшему текстильщику на день рождения, и даже позволил записать его в книжечку «Для му.мы.»:

Если вам в жизни не хватает на что-то денег,
то надо просто стать богатым и успешным,
и тогда денег будет хватать!

Я без умыслов всяких, нежданно
иногда вытворяю такое,

что в моей голове тараканы
долго мне аплодируют стоя !

Но у самогó Володи уже давно родилась идея насчёт увековечивания памяти Полтавцева: надо просто повесить на дом № 16 мемориальную табличку вот с такой надписью:

♠ ♠ ♠

Итак, завершились глáвы о неизвестных фактах биографий наших героев, кои, как надеется автор, позволят ещё больше узнать о них моему читателю и (чем *иблис* не шутит!), может, даже и полюбить. Но, как опять-таки мой читатель наверняка помнит, субботнее блюдо Альбионыча должнó было томиться в духовке ещё целый час, и чтобы прожить его достойно, предлагалось два варианта. Володя понимал, что первый вариант, то есть заставить голодных страдальцев сыграть очередную партию в *русскую кочергу*, был делом тухлым, поэтому в дело вступил вариант второй, когда гостям Личного Место-Имения писателя было предложено скрасить своё несытое дообеденное существование привычным для них делом – рассказыванием всяких баек, которых у каждого по жизни накопилось не по одному мешку.

Под бухло и балалайку,
как почётный старожил,
расскажу друзья я байку,
как до встречи с ним жил!

Итак, вот несколько коротких историй от наших незабвенных героев.

Глава 155. ПРОФИЛАКТИКА (субботняя байка Васюхана)

Просмотрел автор последние 50-60 страниц текущей части романа и загоревал: оказалось, что на этом отрезке книжки он совершенно не вспоминал о приблудном члене покерной хевры, то есть Васюхане Митрохине. Хотя, приглядевшись к тому, чем сейчас занимался старший джус, автор даже немного позавидовал своему герою: антенщик сидел на полу, привалившись к холодной стенке камина, которая охлаждалась мощным кондиционером, и потихоньку попивал пивко «Тянь-Шань» из такой же холодной бутылочки. Наконец он сделал последний глотóк, передал пустую бутылочку хозяину марсианской квартиры и начал свою байку.

– Помню, друзья мои, что в *поздней юности* (это когда мне уже было лет под сорок) я жил ещё не в Отцеябловске, а в далёком маленьком городке на краю Саксаулии. Время

было тревожным: это был конец девяностых годов. И надо кое-что уточнить, чтобы понимать один нюанс: жизнь в нашем городке примерно лет на 10 отставала от, как тогда выражались по телевизору, московского времени. То есть, когда в столице СССР (б) все эти бандитские истории уже заканчивались, и все бандиты перешли в бизнес или политику, у нас все ещё мечтали стать бандитами!

Если буду я бандитом,
деньги будут все мои!
Буду грозным и сердитым,
и меня ты не серди!

– Для чего, мать моя партия?! – недоумённо перебил его Курманбаев. – Ведь куда как проще честно трудиться, два раза в месяц получать аванс и зарплату, а вечером под бутылочку кефира думать о том, как ты сегодня своим ударным трудом помог нашей родине обрести её величие!

Надо ли говорить, что последние 9 слов педагога старший трубач услышал уже на лету – в одну из небольших комнаток в доме литератора, которая как раз предназначалась для того, чтобы хорошенько обдумывать различные слова и выражения, звучащие в этом знатном, но пока без мемориальной доски, доме.

– Что это с ним? – покрутил головой Нуртай, но на него зашикали остальные слушатели, а Васюхан продолжил свой, как стало понятно, нелёгкий рассказ о поздней юности.

– Вот ты, Нуртай, интересуешься, зачем работать на заводе, если можно киоски *крышевать*, ничего не делать и получать вдвое больше рабочего? А мы в те годы были абсолютно убеждены, что работают только лохи, и поэтому мы, вроде бы уже не пацаны, тоже захотели попасть в эту среду и *подняться* на этом! К тому же, в голове постоянно звучала какая-то старая песенка – то ли из пионерского лагеря, то ли из какого-то советского фильма:

Колокольчики-бубенчики, бу-бу!
На работу больше в жизни не пойду:
пусть работает железная пила!
Ах, зачем же меня мама родила?

И вот однажды летом попал я в милицию. Так, ничего серьёзного, просто мелкое хулиганство. И повезло мне встретить там хорошего милиционера.

– А такие что, бывают, йодистые менты? – вытирая плохо пахнущие губы, поинтересовался вернувшийся из краткосрочной командировки Салихдзяныч.

– Конечно, нет, – весело ответил старший джус. – Но этот был как из сказки!

– Как это, мать честна́я? – поинтересовался ещё один рассказчик.

– Как-как? Во-первых, он был спокойным, словно советский танк, и, во-вторых, общался со мной очень вежливо и как будто даже понимал меня. И вот этим этот мент, конечно, психологически поставил себя на мою сторону.

Сейчас, конечно, не вспомню, что он конкретно говорил, и как до этого дошло, но в какой-то момент он предложил показать мне настоящую камеру – как в тюрьме, хотя это и была обычная *одиночка* в СИЗО. Разумеется, я согласился: интересно же посмотреть, где я рано или поздно окажусь, а, может, даже проведу часть своей жизни! Да, это была пустая одиночка: в ней не было задержанных, никто ни о чём не рассказывал, а меня просто запустили внутрь, а милиционер этот стоял снаружи и даже дверь не закрывал.

И вот стою я внутри этой камеры, а она чертовски грязная, вонь такая, что не описать словами, размером где-то метр на три. Да, полметра ширины занимала *шконка* – такой

железный прямоугольник с двумя старыми досками на нём, и я сразу подумал, что туда вообще-то можно было положить три или даже четыре доски, но, наверное, одну сломали, а вторую…

– …скурили, святой Малевич? – под общий смех предположил живописец.

Плоть в тюрьме не усмирить –
всё здесь нараспашку:
если нечего курить,
скурим и какашку!

Так и стояла эта шконка с двумя полугнилыми досками, а сразу за ней дырка в полу – для понятных целей. И что страшным показалось, это то, что стены, пол, потолок – всё чёрного цвета! Окошко 20×20 сантиметров примерно, не мытое никогда, да ещё и за двумя рядами решеток, то есть света почти нет. Электрического света тоже нет, – только из коридора, если открыть дверь. Я только к темноте привыкал пару минут.

И уже на следующий год я всё лето работал подсобным рабочим на стройке и дико радовался своим небольшим, но честно заработанным деньгам. Вот так мой взгляд на жизнь и изменился…

«Страшная история», подумал писатель, но его уже начала захватывать следующая.

Глава 156. О ВОЕННОЙ СМЕКАЛКЕ В МИРНОЕ ВРЕМЯ (субботняя байка Валеры)

– Все вы, кроме, разумеется, Нуртая, знаете, – начал байку художник, а педагог потупил глаза, – что в Советском Союзе, святой Малевич, солдаты служили где угодно, но только не в родном городе или селе.

– Это потому что СССР был самой большой страной в мире, – авторитетно пояснил Курманбаев, но был облит волной презрения десяти глаз, которые в своё время прищуривались для правильного попадания в цель из винтовки СКС[307].

[307] Скорострельный карабин Симонова – прим. воен. редактора

– Поэтому не буду говорить, где конкретно это было: в Павлово или Давыдово, а, может, и вообще в какой-нибудь Ворсме, и не потому что это большая военная тайна, тем более, в наше время, а просто я, как и вы все, кроме, разумеется, Нуртая, давали в своё время присягу, а там есть пункт о неразглашении.

– Точно! – взволнованно воскликнул старший прапорщик Батыршин, который знал толк не только в воинских уставах, но и текстах разных присяг, среди которых была присяга воина СССР (б), и тут же процитировал на память:

– Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооружённых Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь: быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну и далее по тексту!

Что случилось в этой жизни?
Как 700 мне дней прожить?
Присягаю я отчизне
года два пивка не пить!

– Валера, а можно поконкретнее? – попросил Митрохин, у которого уже давно закончилась бутылочка «Тянь-Шаня», но он знал, что в холодильных закромах володиной кухни его и остальных ожидают ещё как минимум по две таких же тары.

– В общем, выдвинулась наша Шумиловская часть куда-то в сторону Мурома…

– А почему часть, мать моя партия, а не все войска в целом? – снова проявил незнание основных воинских подразделений Мусаич.

– Да потому, – весело объяснил Николаич, – что если бы выдвинулось всё, что может стрелять, то через каких-то полдня от Европы, например, не осталось бы и кирпичика.

– Да какие там полдня! – поправил его единственный действующий военный в покерной хевре, то есть старший прапорщик Батыршин. – Пара часов – и Европа наша!

– Но это же не наши методы, – попробовал возразить, как видно, пацифистки настроенный коммунист.

– Нуртай, мать честная, – сурово и гендерно неправильно обратился к соседу Серёжа, – а ты можешь не перебивать? Или у вас, интеллигентов, так принято? Эх ты, а ещё в очках и шляпе!

Интеллигенту в нашем жилотделе
квитанцию отдали на квартплату.
Хотел спросить он: «Что вы, охренели?»,
но произнёс: «Ну как же так, ребята?»

Большевик вскочил, выдвинулся к зеркалу и внимательно осмотрел себя, но никаких очков, а, тем более, шляпы не обнаружил, но спорить не стал, ибо, как настоящий большевик, чувствовал себя сейчас в окружении врагов. И хорошо, что на память тут же пришли ленинские строки, которые помогли справиться ему с волнением: «Никакой пощады этим врагам социализма, врагам трудящихся. Война не на жизнь, а на смерть богатым и прихлебателям, буржуазным интеллигентам. С ними надо расправляться!»[308]

[308] В. И. Ленин «Как организовать соревнование», ПСС, том 35, стр. 201 – прим. полит. редактора

– Валера, яйчики-бабайчики, так что там дальше? – за весь коллектив попросил марсианин.

– В общем, выдвинулись, – продолжил рассказчик. – БМП, «КамАЗы» там всякие, БТРы, и, кстати, я до сих пор не знаю, зачем – нам сказали, что это военная тайна. И вот прёт вся эта железяка по трассе, только дым столбом. Но бойцы суровы, молчат, никаких шуток – секретная же операция!

Знает воин наш конкретно
(сам служил я без прикрас!),
операция секретна:
скажешь что – пристрелят враз…

И вдруг в одном маленьком населённом пункте выскакивает на дорогу… гусь – видимо, потомок тех гусей, что когда-то спасли Рим. Да не просто, сволочь, выскочил, а сразу под колесо БМП – так сказать, грудью прикрыл свою деревню от захватчиков. Вся колонна, естественно, по тормозам, а бабки на лавочке вдоль дороги аж подпрыгнули: трагедия ж какая!

Первым к погибшему животному подбежал старшой колонны, заглянул под колесо и вдруг как закричит:

– Твою ж медь, да эта скотина военный балансир сломала!

А потом обвёл окрестности суровым командирским взглядом и – к бабкам:

– Я военный дознаватель! Чей, твою растудыт в душу, гусь?

– Ну, мой, – произнесла одна бабка, пока ничего не понимая, но уже готовая за свое-

го гуся всех этих фашистов в советской форме положить прямо здесь – голыми руками!

– Да-а-а, – протянул «дознаватель» и вдруг снял каску – как перед покойником, – конец тебе, бабка, щас особисты приедут – из СМЕРШа. Это ж надо военную колонну на марш-броске остановить! Это ж какая диверсия против нашего рода войск!

– А что будет-то сынок, что будет? – засуетились остальные бабки.

– Ну, в военное время – это, как минимум, расстрел на месте, а в мирное – лет 15!

Генерал наш маракует:
«Мы судейских позовём –
за диверсию такую
всем вам яйца оторвём!»

– Да ты что, сынок, я ведь столько не проживу! – охнула хозяйка гуся, а потом неожиданно сменила тему разговора:

– А вот у меня до́ма самогоночка есть. Хорошая! Давай договоримся, потихоньку…

– А, давай, если что сам под трибунал пойду! У меня ведь до́ма тоже мама... Гуся твоего тоже заберём, как улику, но, если что, скроем!

– Да бери! – шустро нырнув домой и вернувшись с трехлитровой банкой *первача*, тяжело вздохнула бабка, – царствие ему небесное.

– Так что, святой Малевич, – закончил свою байку Муравлёв, – это ведь ещё Суворов говорил, что пуля дура, а штык молодец!

♠ ♠ ♠

Все немного посмеялись наивности местного населения и остроумию военного командира, а потом дружно посмотрели на Салихдзяныча.

– А я что? Я ничего, – привычно начал оправдываться он. – Я много таких историй из своей жизни рассказать могу. Правда, именно в этот момент у меня страшно пересохло в горле!

После этого сообщения все дружно посмотрели не только на хозяина квартиры Кулемзина, но, главное, на хозяина холодильника Альбионыча, в котором сейчас находилось сами знаете что. Тогда Володя молча направился на кухню, вынул из агрегата ещё 6 разномастных бутылочек с великим содержимым, вернулся к коллективу и также молча раздал их друзьям и Курманбаеву.

Военный трубач, привычно сковырнув пробочку супружеским кольцом, жадно припал к желанной таре, сделал несколько огромных глотков, потом продышался и приступил к своему рассказу.

Полюбило вновь сердечко,
вновь затеплилась кровать:
я женился, чтоб колечком
пивбутылку открывать!

Глава 157. О ШИРИНКЕ И РУЛЕТКЕ (субботняя байка Талгата)

– В начале 90-х годов, если кто помнит, жрать нечего было не только ёкарному населению страны, но и нам, военным трубачам. И поэтому наше ёперное начальство сквозь руки смотрело на незаконные подработки, иногда даже в рабочее время.

– Талгат, мать честна́я, подожди, – неожиданно остановил рассказ еврейского зятя Афанасьич, после чего соединил два указательных и два больших пальца в кольцо и стал смотреть сквозь него на унтер-офицера.

– Серёжа, – мягко, как главврач дурдома, обратился к нему музыкант. – Тебе что, от

«Жигулёвского» плохо стало?

– Не выдумывай, чего не знаешь, – сурово оборвал его экс-текстильщик. – От «Жигулёвского» мне завсегда хорошо, а вот голова что-то не понимает: как это твоё начальство смотрело на тебя сквозь пальцы? Вот так, что ли? – после чего вновь повторил свой весьма странный жест.

– Старичок, – ещё ласковее обратился к сторожу писатель, – давай я тебе потом объясню этот технический приём, а сейчас, яйчики-бабайчики, дай нашему товарищу поведать свою историю до конца.

Полтавцев тут же успокоился, и все стали слушать дальше.

– И вот решил я немного подзаработать – вместе со своим другом старшиной Кожамкуловым. Он вообще деловой уже тогда был, и как-то придумал возить *из-за бугра* микроволновки – вещь для саксаульцев практически диковинную.

Вот вам новая обновка –
СВЧ-микроволновка:
ваше время сэкономит,
всё быстрее приготовит,
и сварганить, и испечь
вам поможет эта печь!

А мне предложил торговать ими на рынке. И всё бы ничего, но дело было зимой, а йодистый мороз иногда опускался до минус 20, поэтому поверх своего армейского ватного комбинизона я ещё надевал гражданское пальтецо. Кстати, иногда этому был и некий плюс, так как несколько раз мимо меня проходил патруль из комендатуры, но ничего не заметил, ибо я, когда их видел, намеренно горбился – как тракторист какой-нибудь!

– Талгат, – неожиданно обратился к трубачу Мусаич, – а ты не мог бы дать мне номер телефона твоего начальства?

– Для чего это тебе ещё? – с подозрением посмотрел на него военный музыкант. – Заложить, что ли, хочешь?

– Ну что ты, мать моя партия! – возмутился преподаватель еврейского колледжа. – Как ты мог подумать? Я просто хотел кое-что уточнить…

– Ох, и неумный же ты человек, Нуртай, – в который раз опозорил ленинца его сосед по лестничной площадке. – А ещё, царица лесная, в райкомах заседал!

Я в райкоме заседаю –
комсомольцев утверждаю!

– Почему это неумный? – вскинулся Курманбаев.

– Да потому что информация от военного человека является секретной! У них на делах даже штамп специальный имеется: тпру, в смысле, стой, а то это секрет!

– Вот такой? – спросил Кулемзин, улыбнувшись на извозщицкий *тпру*, и, применив нехитрую марсианскую технологию, показал в прохладном воздухе комнаты картинку:

– Ага, – привычно ответил охранник.

– А как же он нам сейчас всё это рассказывает? – пожал плечами Митрохин.

– А Талгат полагается сразу на две вещи, – объяснил Кулемзин. – Во-первых, на нашу порядочность, и, во-вторых, на то, что наутро ни один из нас (кроме меня, конечно!) не будет ничего помнить из вчерашнего. Старик, так что там дальше про микроволновки?

Не могу себя охаять,
я ведь всё же не дебил.
Почему ж пропала память?
Неужели перепил?!

– А надо сказать, что такой ватный комбинезон – вещь очень хорошая, так как полностью закрывает грудь. Правда, есть одно неудобство: чтобы достать что-нибудь из штанов под таким комбинезоном, нужно расстёгивать на нём ширинку. И вот стою я однажды, печками этими импортными торгую, а покупатели в такой мороз редкие. И тут смотрю: девчонка крутится возле моего товара – пытается отлепить защитную плёнку с микроволновки. Я, конечно, подошёл к ней и мягко так спрашиваю:

– Что вы хотели?

– Да посмотреть что внутри хочется!

– Девушка, – говорю я ей, – да там внутри ничего нет, кроме ёкарной тарелки. Это же микроволновая печь

– А какая тарелка? – настырничает она.

– Ну, 29 сантиметров, объясняю я.

Я без всяких сантиментов
объясняю печки нить:
«29 сантиметров –
чтоб пельмени уместить!»

– Блин, ну это примерно хоть сколько? – растерялась девица.

И вот тут надо сказать, что у меня в комбинезонных штанах на всякий случай лежала рулетка, и поэтому я без задней мысли, но с раздражённым лицом, к тому же злясь на мороз и непонятливых покупателей, начинаю расстёгивать ширинку – со словами:

– Сейчас я вам покажу…

И уже до́ма, отогревшись вначале 150 граммами, а потом и горячим чаем, я вдруг понял, почему она сначала побледнела, потом начала пятиться назад, а затем резко развернулась и быстрым шагом, переходящим на бег, припустила от моего торгового места, как будто неожиданно сошла с ума…

♠♠♠

– Да, старичок, страшная у тебя была молодость, – резюмировал рассказ военного человека хозяин вре́менного катрана[309].

[309] Напомним читателю, что это слово на русской фене означает подпольное место для игры в карты – прим. автора

Где же ты, моё начало?
Я тебя не вижу в фас:
быстро молодость промчалась,
быстро старость прокралась!

Глава 158. О МАРСИАНАХ И БОЛЬШЕВИКАХ, или ПОЧЕМУ РККА ИМЕННО КРАСНАЯ АРМИЯ (субботняя байка Володи)

«Да и сейчас не лучше», поглядев на Салихдзяныча, хором подумали остальные участники квартирного (прости, русский язык!) саммита, а литератор тем временем следующим рассказчиком решил назначить себя. Но, в отличие от остальных байкеров[310], которые молотили что *дедушка* на́ душу положит, Володя всегда спрашивал коллектив, о чём бы тот хотел услышать. Вот и сейчас Кулемзин поинтересовался:

– Может, вам рассказать о том, почему Пизанская башня никогда не упадёт? А, может, вы хотите узнать, куда подевались сокровища майя, или от чего, яйчики-бабайчики, отрёкся Галилео Винченцоевич Галилей?

[310] Неологизм Вл. Горького. Этим словом он назвал рассказчиков баек – прим. гл. редактора

Затем он внимательно изучил реакцию потенциальных слушателей и понял, что этой реакции не было вообще. «Чем бы занять этих иблисов?», непедагогично подумал квартировладелец, но решил продолжить опрос:

– А, может, кто-то из вас хочет ознакомиться с моим 20-страничным исследованием под названием «Анализ взвешенных сетей коэкспрессии генов»? Или рассказать вам о том, что племянница одного из убийц Александра II дожила до распада СССР (б)?

– Ты, хозяин, нас учёными словами не дави, – наконец поставил точку в опросе Полтавцев. – Ты нам лучше про свой Марс что-нибудь расскажи, но только не в астрономическом ключе, а…

Затем Серёжа достал заветную книжечку «Для му.мы.», справился с ней, как делал всегда, чтобы казаться умнее, и продолжил словом, которое недавно записал, но смысл до конца ещё не постиг:

– …как бы *опосредованно*, чтоб было понятно нам, саксаульским землянам.

– Слушаюсь и повинуюсь, – улыбнулся Альбионыч и приступил к своей байке, название которой осталось в начале этой страницы 389.

Вёл нас галактический Сусанин,
обещая от греха всех нас спасти, –
обещал при этом марсианин,
что на Марсе будут яблони цвести!

– Опосредованно, говоришь? – после улыбки, неожиданно нахмурив брови, переспросил Альбионыч. – Ну что ж, считайте, что сами напросились, и особенно ты, Нуртай!

– Я? – изумился педагог. – Да это же Серёжа попросил про Марс.

– При чём здесь Серёжа, – ещё суровее перебил его будущий рассказчик, – когда мой рассказ называется «О марсианах и *большевиках*, или Почему РККА именно *Красная* Армия»? Или ты отказываешься слушать?

– Нет-нет, что ты, – дал обратный ход Мусаич. – Я как все!

Если надо, я качаюсь
от голимого вранья,
и ничуть не отличаюсь
от таких же, как и я!

– Итак, вопрос: почему Красную Армию всё-таки назвали красной? Можно, конечно, вспомнить древние времена, когда красный означало *красивый*, но не в плане модель-

ной внешности, а в плане сборки таких синонимов, как хороший, прочный, лучший. Думаю, никто из вас не будет спорить с тем, что красная дéвица это не фотомодель.

– Да уж, наша Галлюцинация точно не йодистая фотомодель, – под общий смех заметил старший военный трубач.

– А это, наверное, потому, что она вовсе и не красная, – под ещё больший ржач поправил его живописец Николаич, – а, в основном, святой Малевич, фиолетовая!

– Отставить смешки, яйчики-бабайчики! – дал команду рассказчик, и она возымела действие: все успокоились и принялись слушать дальше.

– Так вот, – продолжил Альбионыч, – красная дéвица в первую очередь по дому хреначить умела, потому и красивой считалась, хотя иногда и кривой была, и хромой.

Пилá вино краснá девúца,
и не могла вином напиться!

– А при чём здесь, мать моя партийная организация, Красная Армия? – не выдержал педагог.

– А при том, Нуртаилло, – построжев лицом, продолжил покерный гуру, – что писатели часто программируют будущее.

«А писатели-то тут при чём?», подумали все хором, но вслух проговорить это никто не рискнул.

– Да, так вот: конструкторы ракет зачитывались в детстве книгами Жюля Пьеровича Верна, и знаете, почему? Потому что, кроме самóй идеи, нужна красивая оболочка, заставляющая эту идею осуществить. А когда проходит время, мы уже и не помним, откуда всё пошлó. Итак. почему красная звезда наряду с серпом и молотом стала одним из символов СССР (б)?

Чтобы понять это, я предлагаю вспомнить фантастический роман некоего Александра Богданова[311] «Красная звезда», который вышел в России в 1908 году и был крайне популярен особенно среди будущих революционеров. В нём автор попытался проследить влияние научно-технической революции на (прости, русский язык!) социум. Правда, позже некий Ленин роман этот не взлюбил, обвинив Богданова в махизме[312] и идеализме.

[311] Александр Богданов (настоящая фамилия Малиновский) – российский учёный-энциклопедист, революционный деятель, врач, мыслитель-утопист, писатель-фантаст, один из крупнейших идеологов социализма – прим. ист. редактора

[312] Направление в философии и методологии науки конца XIX века – начáла XX века, основанное Эрнстом Вальфридовичем Махом и Рихардом Эдуардовичем Авенариусом – прим. философ. редактора

Услышав, в каком контексте Кулемзин упомянул фамилию вождя мирового пролетариата, Мусаич передёрнулся, но опять-таки не сказал ни слова, так как хорошо помнил, что в его (Кулемзина, а не вождя) холодильнике ещё оставалось ледяное пивко.

Смысл в сторонку никогда не уведём,
предлагая главное чуть приоткрыть:
выбирая между пивом и вождём,
мы всегда готовы про вождя забыть!

– А про что книжка была? – прорезался голос с пола, и все поняли, что этот вопрос задал антенщик.

– Да про Марс же, – удивился его незнанию писатель, а по совместительству лектор-байкер. – Там всё просто было: приходит, значит, к одному руководителю

коммунистической боевой ячейки некий парень в очках и говорит тому:

– Слушай, а ты не хочешь на Марс сгонять? У меня тут тарелка в кустах под Выборгом стоит – полностью керосином заправленная.

Обычно тарелки летают,
my frend [313].
Иная и по лбу
впендюрит в момент…
И никакие инопланетяне здесь совершенно ни при чём!

– Правда, в этом месте надо сделать небольшое пояснение. Согласно модели Пьера-Симона Жана-Батистовича Лапласа[314], которая была популярна в те времена, чем дальше от Солнца находилась планета, тем она считалась старше. Так вот, если Земля от Солнца третья планета, а Марс четвёртая, значит, он более древний, а потому и более развитый. А так как пик развития жизни – это разум, то пик развития общества – коммунизм.

[313] Мой друг – англ.

[314] Маркиз де Лаплас – французский математик XIX века, механик, физик и астроном; известен работами в области небесной механики, дифференциальных уравнений, один из создателей теории вероятностей – прим. науч. редактора

– Вот видите, мать моя Октябрьская революция! – глупо выкрикнул с места один из слушателей, но все остальные были настолько увлечены интересным рассказом, что не обратили на этот выкрик никакого внимания.

– Кстати, яйчики-бабайчики, – продолжил Альбионыч, – в наличии жизни на Марсе в те годы вообще не сомневались: телескопы уже были развиты настолько, что на Марсе хорошо просматривались каналы, которые землянам казались искусственного происхождения. И, значит, считали российские революционеры, марсиане должны быть не только более развитыми, но ещё и коммунистами, и именно на них надо равняться молодым че геварам!

Однажды к некому Петяне
во сне, как наяву, в кровать
ввалился инопланетянин
и стал наглядно приставать.
Всегда чужие почему-то
залезть без мыла норовят:
промешкай парень пол-минуты,
и что бы было? Свят-свят-свят!

– А дальше, – улыбнулся Володя, – началась такая скукотища: этот Богданов вместо научной фантастики начал детальное описание атомного ракетного двигателя, ЭВМ, телевидения и прочего прогресса, затем перешёл на классовую борьбу в условиях развитых планет, вспомнил плановую экономику, оценил возможности массовых жертв при строительстве каналов и на первом этапе строительства социализма вообще, затем дал прогноз, что коммунизм без освоения космоса (и наоборот) абсолютно невозможен…

Здесь все, кроме Курманбаева, дружно посмеялись.

– … потом рассказал о новой модели воспитания и семьи (кстати, большой привет братьям Стругацким! – Вл. Г.), затем завяз в пояснениях, что такое межпланетные войны, а закончил, как это любили делать многие революционеры той поры, свободными сексуальными отношениями в новом обществе. В общем, главный герой романа на Марсе без жены не скучал!

Кому-то секс совсем не нужен,
а мне без секса – пустота:
пока любимая на службе,
я у соседки тра-та-та!

– В общем, завершая обзор, – произнёс писатель, – эта «Красная звезда» была не просто романом, а наивным слепком эпохи предреволюционной России. И поэтому, когда мы сегодня говорим, что, мол, в советской традиции Марс символизировал защиту мирного труда, то сразу замечаем, что красная звезда в гербе СССР (б) расположена *над* Землёй, потому что этот герб так и читался: Марс – Красная звезда – революция – светлое будущее в виде коммунизма!

– А потом что, святой Малевич? – неискренне поинтересовался художник Муравлёв, которого на самом деле интересовало только содержимое володиного холодильника, где, как помнит мой читатель, ещё оставалась куча бутылочек пивка.

– Ну, а затем, – ответил ему писатель в нынешнем статусе лектора, – на фоне советских литературных чисток 1929 года этот роман благополучно забыли. В общем, наивный идеализм, однако. Но понятие *Красная звезда и космос* осталось. Вот так из фантастики и пришла в СССР (б) не какая-то, а именно Красная армия…

♠ ♠ ♠

– Ну, что ж, товарищи, – привстал со своего места педагог Курманбаев, правда, в следующую секунду его чуть не опрокинул вихрь в виде бросившегося в западную сторону володиной квартиры старшего прапорщика, спровоцированного невинным нуртаевским словом *товарищи.*

Коммунист посмотрел ему вслед и со вздохом продолжил:

– Моя очередь байку рассказывать. Но сразу предупреждаю, что глупостями, как некоторые, я заниматься не буду, а расскажу вам о том, как хорошо нам жилось при Советском Союзе, и о том, что мы потеряли с распадом нашей великой страны.

Здесь преподавателя информатики еврейского колледжа всё-таки смело́ неким ураганом, который образовался из-за могучего стремления остальных членов покерной хевры и примкнувшего к ним живописца, последовавших вслед за саксаульским фельдфебелем. Правда, вскоре вся хевра вернулась на место, сделав замечание педагогу, а Кулемзин даже поставил на голосование вопрос о том, что на заявленную тему вместо Мусаича выступит опять он, и все дружно проголосовали *за.*

Саммит наш неописуем
в полусумраке корчмы:
выпьем? – *за* мы голосуем,
по домам? – все *против* мы!

Глава 159. КАК НАМ ХОРОШО ЖИЛОСЬ ПРИ СССР (субботняя байка Володи, рассказанная им вместо Нуртая)

Но до начала рассказа все дружно стали пенять хозяину, что мяса ждать надо ещё целых 10 минут, а вот пиво закончилось уже сейчас.

– А, может, по одной ма-а-аленькой бутылочке? – предложил художник Николаич и даже показал указательным и большим пальцами руки тонкий просвет, видимо, обозначающий столь малую величину мифических бутылочек.

– Хорошо, – решился Володя. – Давайте только посчитаемся, – после чего начал бормотать какой-то псевдодетский катренчик, тыкая пальцами в каждого из пяти гостей, но не забывая и себя.

Раз, два, три, четыре, пять, –
научились мы бухать!
Ну, а дальше мы не знаем…
Может, вместе побухаем?

Правда, никто не обратил внимания на то, что считать писатель начал не с Афанасьича, который был первым по часовой стрелке, а почему-то с Васюхана, коий вообще был не в круге, а сидел на полу. А дело было в том, что только при таком счёте все названные 30 слогов считалки заканчивались на педагоге Курманбаеве. Но это, разумеется, было не жульничеством, а, напротив, актом гуманизма, так как в этом случае, отправив ленинца за пивом, Альбионыч мог спокойно озвучить свою версию того, что читатель видит сейчас в названии текущей главы.

Нуртай немного поворчал для вида, но потом смиренно принял очередную купюру и отправился в привычный поход, слегка негодуя на то, что Полтавцеву раньше было идти до лабаза Калимы на 18 шагов ближе, чем сейчас ему.

А литератор, закрыв дверь за скороходом, обратился ко всем оставшимся с заманчивым предложением:

– Хотите посмеяться?

– Хотим, хотим, – услышал он дружное желание в ответ и тут же рассказал вот что.

– Итак, что было при СССР (б) и что мы потеряли? Скажу сразу, что было чего много и также многое мы потеряли, но я бы, чтобы не занимать ваше время надолго, остановлюсь только на 12 пунктах, которые прошли мимо нашего сопокерника Курманбаева. Слушайте:

1. Пенопласт тогда делали из молочной пены, и им можно было кормить детей.

2. Сила гравитации в СССР (б) была слабее, чем сейчас, при капитализме, процентов на 80, и поэтому люди запрыгивали даже на третий этаж просто с разбегу.

3. Человек жил в среднем 150-200 лет, ведь болезней в нашей прошлой стране не существовало никаких, кроме, конечно, трудовых мозолей.

4. Если кто-то спотыкался на улице и падал, то к нему тут же подбегали незнакомые люди и засовывали ему в карман деньги, а потом целовались с ним, предлагали выпить и породниться, лишь бы он только быстрее забыл этот нелепый случай с падением.

Сон мой явью обратился,
ведь видал я в этом сне,
что упал, но не разбился,
ведь налили сразу мне!

5. На каждой советской кухне (б) зайцы и куропатки, которых в магазинах давали бесплатно, сами запрыгивали на сковородки.

6. За хлеб, кстати, тоже не надо было платить – напротив, при посещении булочной продавцы сами доплачивали покупателям и отпускали их домой с букетами цветов.

7. А в деревнях, которые в Советском Союзе (б) были зачастую крупнее городов, так как сельские жители не хотели уезжать от крыши дома своего, к местным речкам было не протолкнуться, ведь налимы и щуки, которые разводились сами по себе, прыгали прямо в котелок к рыбакам, и им оставалось только открыть заветную бутылочку под ухý.

8. Ночью советские люди иногда просыпались от счастливого доброго смеха, ибо им снились только приятные сны, а утром все поголовно (примерно как я в наше время) обливались холодной водой из ведра, в котором на ночь замачивали кто хвойные веточки, а кто и цветы ромашки.

С густопегой бородою,
где застряли пироги,
обливаюсь я водою
прямо с запахом тайги!

9. Срок беременности в СССР (б) составлял всего 4 с половиной месяца, а дети после этого рождались красивыми и здоровыми – по 12-15 килограммов, с белокурыми волосами и ясными голубыми глазами, в которых с первого дня рождения плескался ум, привитый им ещё в утробе счастливой советской матери. А после трёх месяцев, прошедших с рождения, дети просили отца, чтобы он взял их на завод – приучаться к ремеслу, ведь за трудовую династию отцу доплачивали к зарплате целый 1 рубль!

10. Хороши были и реки в стране: Волга, например, была сладкая, как напиток «Тархун», а Енисей вообще состоял из тёмного пива «Советское баварское»

11. Нравилось жить советским людям не только летом, но и зимой: обычно температура в это время года опускалась всего лишь не ниже 200°, и поэтому все ходили румяными и светились от здоровья.

12. А после совершенно ненапряжённой трудовой вахты, которая длилась минут 40-45, люди с удовольствием ходили в лес, где собирали ягоды размером с арбуз, их домашние коты были размером с собаку, собаки размером с корову, а коровы были большими как родной цех, в котором мужики в костюмах и галстуках после смены играли в шахматы по методике гроссмейстера Ботвинника, то есть мат конём ставили с первого хода!

Вся жизнь – сплошные шахматы, ребята,
похлеще, чем на шахматных полях,
где пешка может, угрожая матом,
заставить снять корону короля!

И тут, после этой короткой и весёлой володиной байки случилось сразу два события: одно хорошее, так как из бермудского магазинчика прибыл скороход Курманбаев с приятными бутылочками, а вот второе… Но об этом – в отдельной главе.

Глава 160. БЕЗ НАЗВАНИЯ (самая короткая и самая горькая в книге)

Кулемзин услышал звонок кухонного таймера, вытащил огромный кусок мяса, истекающий соком, из духовки, выгрузил его на большое праздничное блюдо, выложил туда же все заложенные в рецепте запечённые и протомлённые овощи, и торжественно вынес всё это роскошество гостям, которые не стали разбираться, чего там наготовил хозяин, а сожрали мясо за 4 минуты 42 секунды – и косточек не оставили, ибо их в этом куске (б) не было и раньше!

Мясо долго не лежало –
в рот обжорам убежало!

Глава 161. БЕЗ НАЗВАНИЯ-2 (тоже короткая и тоже горькая)

Сожрав приготовленное, гости расслабились, и обиженный хозяин Личного Место-Имения понял, что вот прямо сейчас вся эта вкуснятина, запах от которой ещё не успел выветриться, уже начала свой последний путь к различным унитазам. Писатель с кулинарным профилем печально оглядел друзей (б) и одного врага, как бы призывая их всё же оценить то, что он с таким трудом наготовил. Но все сидели расслабленные и счастливые, запивая сожранное холодным напитком жизни. «БЕДА», подумал Володя о поруганном мясе, а мой читатель, уже поднаторевший на этих бесконечных страницах, сразу

же понял, что сейчас будет расшифровка этой (прости, русский язык!) аббревиатуры. И он не ошибся:

Банкетная
Еда
Дармоедов-
Адептов

И тут раздался голос живописца Муравлёва, который всё-таки решил отблагодарить хозяина-повара. Он поднатужился мозгами и выдавил из себя аж 12 слов кряду:

– Володя, да я бы за такое блюдо́, святой Малевич, тебе прямо сейчас памятник поставил!

– Спасибо, старичок, – горько ответил страдалец за чужие желудки, – на памятник я, конечно, надеялся, но лет эдак, яйчики-бабайчики, через 30-40, а не сейчас!

– А у меня сейчас ни на какой памятник денег нет, – весело отозвался Валера.

Глава 162. О ПОЛЕЗНОЙ СОВЕТСКОЙ ЕДЕ (Кулинарный Хронотоп № 43)

И вот от погубленного гостями мяса в частности, мысли Альбионыча переключились на еду вообще, а затем и на еду прошлого века, когда он был молод и горяч, и когда однажды на́ спор съел 17 палочек шашлыка за один приём. «Неужели я такой старый», внезапно подумал литератор, «что так хорошо помню XX век? А, может, это просто свойство памяти, которая и позволяет писать такие крупные произведения, как мениппеи[315]?»

[315] Об этом термине – в первом томе романа, в предисловии «Матрица прошедшей жизни», глава III – прим. гл. редактора

Наваяю мениппею,
чтоб всем стало веселее –
не тусклее и хилее,
а взрослее и целее!

И тотчас в памяти нашего героя заструились воспоминания – некими ручейками, которые тут же стали сбегаться в полноводную реку этого Хронотопа.

«Например, я хорошо помню время», думал Кулемзин, «когда сливочное масло было полезным: его клали в горячую кашу, намазывали на хлеб и накладывали на блины. Тогда ещё оно было очень полезным, и особенно для детей.

Ещё я помню, что полезными тогда были даже дрожжи, опять-таки для подростков: когда у какого-то очередного подрастающего отрока начинался сезон прыщей, его мама начинала каждое утро на завтрак делать блины на дрожжах. И эти пухлые и офигительно вкусные блины были полезны, потому что в них были советские дрожжи (б).

Хорошо помню мясо, оно тоже было полезным, причём, любое: свинина, говядина, баранина, сайгачина, которую иногда привозили с охоты мамины братья – полезно оно было всем: и детям, и взрослым с их физическими нагрузками. И мозговые косточки были полезны, и даже хрящики!

Пожую сегодня хрящик –
организм мой кайф обряжет!

Курица была полезна почти вся, во всяком случае такая, какая была из магазина, то есть уже без кишечника, жёлчного пузыря и перьев. Самой полезной была грудка, но дети, которые об этом не знали, больше всего любили ножки, крылышки и потрошки.

Рыба тоже была полезная – вся, но особенно жирная, и особенно детям, которые не любили пить рыбий жир, а вот саму рыбу любили.

Молочные продукты были хорошие и полезные – все без исключения, даже противное на вкус сладковатое ацидофильное молоко, но особенно полезно оно было детям, беременным и больным. Творог любой жирности был полезным: все знали, что в нём много кальция, белков и витаминов. Сметана была полезная, и особенно деревенская, но, разумеется, и городская магазинная тоже приносила пользу – особенно в борще!

Каплет за окном унылый дождик,
неприлично хмур природы вид,
и поэт колючий, словно ёжик,
за столом, насупившись, сидит.
Но не за столом с домашним, вкусным,
свежим и наваристым борщом,
сваренным рукой жены искусной,
а за скромным письменным столом.
Он сидит и пишет о прекрасном,
о непреходящем и вообще,
но не пишет он совсем о красном,
аппетитно пахнущем борще.
Голова от тяжких мыслей пухнет –
о противоборстве зла с добром,
и он гонит прочь идущий с кухни
аромат пампушек с чесноком…

Борщ вообще был полезным: во-первых, это было горячее, а оно, как знали все советские люди, один раз в день было чрезвычайно полезным для любого организма, во-вторых, в борще тогда ещё было мясо, а оно полезно всегда и всем, и, в-третьих, там было полно полезных овощей.

Да, овощи были полезными все: свёкла, например, и особенно тем, у кого прыщи и запоры, да и для крови она была полезна, или морковка, которая помогала расти и хорошо видеть, ещё капуста славилась витаминами, горох был тоже полезный, как и помидоры, которые в те времена были внутри красными – без белых сгустков нитратов.

Полезными были каши. Кстати, любая крупа была очень полезна, особенно детям, да и мужикам тоже – если с мясом. Хотя с мясом было полезно всё!

Яблоки были полезные, особенно детям. Апельсины были полезные, особенно больным. Хлеб был полезным, особенно всем. Мёд был полезным, особенно зимой. Какао было очень полезным, тоже особенно детям. Чай с молоком был полезный, правда, и без молока тоже. И только кофе был вредным, если его много пить, а если не очень много, – то тоже ничего.

Нынче, конечно, у многих продуктов характер испортился. Вредные такие все стали, ужас! И только мы, жители прошлого века, помним, какими они были милыми и полезными когда-то раньше…»

Вспоминаю я, болезный,
из советской глубины:
было в детстве всё полезным,
коль все были голодны!

Глава 163. О ПОЛЕЗНОЙ СОВЕТСКОЙ ЕДЕ (Кулинарный Хронотоп № 43, окончание)

И этот неожиданный кулинарный Хронотоп вдруг заработал на полную катушку! Все присутствующие (кроме писателя, который уже *отстрелялся* своими воспоминаниями), перебивая друг друга, начали кричать о том, что сохранила их ещё не до конца пропитая память.

– А на нашей улице работала чебуречная, – сглатывая слюну, поделился детским святым художник Муравлёв. – И, представляете…

Здесь он даже зажмурился от восторга перед прошлым.

– … в ней мы с дворовыми друзьями покупали чебуреки – по 20 копеек. Сочные, святой Малевич, вкусные, с мясом!

– А у нас, – расцвёл лицом военный трубач, – недалеко от сельской школы, в которой я учился, был ёперный магазин…

– Сельпо! – под смех остальных поправил его Афанасьич, который частенько вспоминал своё такое же.

– …ну да, сельпо. Так там в буфете один раз в месяц – когда приезжала автолавка – мы с ребятами покупали мороженое! Помню, что там продавался йодистый пломбир сразу двух сортов – в обычных вафельных стаканчиках и в больших бумажных.

– А ты какое больше любил? – сделав детское лицо, поинтересовался старший джус Митрохин.

– Я больше любил, – сделав детское лицо, ответил Салихдзяныч, – покупать мороженое в большом бумажном ёкарном стаканчике. Кажется, оно стоило аж 40 копеек, а вот в вафельном – всего 20…

Боясь, что слипнется вдруг что-то,
я плоть свою не огорчил:
мороженое вмиг я слопал –
и, тьфу, ангину получил!

– А у меня, друзья, как вы все знаете, было голодное детство! – посмурнел рожей уроженец деревни Семижопино охранник Полтавцев. – У нас, как и у Талгата, тоже было своё сельпо, так вот там, сколько я себя помню, не было ничего, мать честна́я, а только огромные пирамиды из консервных банок с морской капустой. А из выпивки – две газировки: «Тархун» и «Байкал»

– Так вот почему, яйчики-бабайчики, твой дедушка Михей, увлекался производством самогонки! – пришло понимание жизни к литератору Кулемзину.

– Ну да! – подтвердил Серёжа. – Так что теперь я алкоголик не по своей воле, а по вине советского Госплана, который неправильно планировал поставки еды в наш регион!

Услышав это страшное сообщение, все принялись успокаивать детского страдальца, а Валера даже позволил отхлебнуть ему из своей бутылочки «Тянь-Шаня». Сторож отхлебнул, поморщился, подумал о том, что жигулёвское куда как лучше, и стал страдать дальше, но молча.

– А я, друзья мои, – поделился своими воспоминаниями антенщик Митрохин, – в отличие от Талгата и Серёжи, провёл своё детство в городе, и больше всего мне запомнился наш магазин – рядом с домом. Он был большим, потому что в каждый отдел, помнится, нужно было пробивать свой чек!

– Не может быть, царица лесная! – воскликнул Афанасьич. – Ну, это ты, Васюхан, немного загнул!

Какая, однако, бравада!
Но с ней далеко не уйдёшь:

заведомо зная всю правду,
смешно слушать сладкую ложь!

– Ничего не загнул! Это ты что, старик, намекаешь, что я вру? – нахмурил брови старший джус.

– Да нет, – старинным русским присловьем отбоярился экс-текстильщик. – Это у меня прямо из чресел души нечаянно вырвалось!

– Так вот, – продолжил воспоминания гость покерной хевры. – В хлебный отдел был свой чек, в молочный – свой. Поэтому сначала нужно было отстоять очередь в кассу, затем в ней пробить чек, а потом идти, допустим, в хлебный отдел, где отстоять ещё одну очередь уже за самим хлебом!

– Как же хорошо, что эта страшная советская действительность (б) уже окончилась! – резюмировал хозяин квартиры, не заметив того, как поморщился, но ничего не произнёс в ответ педагог Курманбаев.

– А ты, Нуртай, тоже помнишь, как всё было? – неожиданно спросил его Николаич.

– Конечно, помню, – сердито ответил коммунист. – Особенно хорошие воспоминания у меня связаны почему-то с молочными продуктами. Как сейчас, помню, что молоко, например, продавалось или в таких бумажных треугольничках, или в стеклянных бутылках – с серебристой фольгой вместо крышки.

– Да-да, точно, – подтвердил Васюхан. – А у кефира была такая же крышечка – только зелёная!

– А у ряженки – жёлтая! – воскликнул живописец и почему-то вспомнил супругу Наташу, которую не видел уже несколько дней.

«Эко их всех растащило!», подумал Володя и незаметно вынул из кармана бумажку с напечатанным на принтере планом построения данного тома «Русской кочерги», затем заглянул в него и понял, что пора закругляться, так как до нача́ла третьей части осталось всего лишь четыре страницы.

Что остаётся в итоге?
Сумма наших потерь:
развенчаны мифы, а боги
давно не стучатся в дверь.
Не верь вчерашним кумирам,
их роли, стихи, всё – прах:
безумие правит миром
и вечный животный страх.
Мы больно теряем память,
нам горько её терять:
цари обещают править,
рабы обещают врать…

Глава 164. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ

И вроде бы такими милыми, такими хорошими были эти воспоминания, но, как и после каждого Хронотопа, у собравшихся в Личном Место-Имении литератора Кулемзина осталось щемящее чувство тревожной ностальгии: вроде бы как всё упомянутое уже и прошло, а приглядишься, обрывки его вылазят каждый день – разными проявлениями. Альбионыч сообразил это в мгновение, и решил, что оставлять своих гостей в таком настроении – не дело. И тут ему помог живописец Муравлёв.

– Володя, а кроме своей «Кочерги», ты больше ничего в последнее время не создавал? – обратился он к демиургу второго микрорайона.

– Как раз таки создавал, – весело ответил Альбионыч. – Например, на днях я закончил оформлять для своего пятого тома некую древнегреческую доску объявлений.

«Совсем с ума съехали», тепло подумали о Валере и Володе остальные. «Один всё какой-то том поминает, а другой – так и вообще кочергу!»

Вас ничуть не интригуя,
вижу как бы в стороне:
вспоминаю кочергу я –
синяками на спине!

– А это что такое? – живо заинтересовался Полтавцев и даже (на всякий случай!) достал из котомки заветную книжицу «Для му.мы.»

Володя подождал его приготовлений и пояснил:

– Как вы, наверное, догадываетесь, я провожу свои долгие вечера (иногда захватывая и ночи) в полном одиночестве – по причине глобального отсутствия такого важного компонента семейной жизни, как жена. И вот тогда мне приходят в голову всякие интересные мысли и придумки. А ДДО, или Древнегреческая Доска Объявлений пришла ко мне в тыкву на днях. И хорошо, что я не поленился записать всё придуманное.

А придумал я следующее: на горе Олимп, где согласно древнегреческим мифам, обитали одноимённые, то есть древнегреческие боги, рядом с троном их пахана Зевса висела такая доска, на которой каждый бог мог оставить своё объявление…

«Зело мудёр Альбионыч!», подумал Серёжа и торопливо записал в заветный блокнотик: «Много всякой чепухи, чуши, глупости, бреда, абсурда, дури, ереси, вздора и прочей ерунды слышал я от Володи, но такого ещё не доводилось!»

Мимоходом пробегала
по аллее чепуха, –
были то Дали и Гала,
обожравшись лопуха!

Итак, вот объявления с этой таинственной доски:
«Вставлю молнию в брюки» **Зевс**
«Продам печень – всё равно не нужна» **Прометей**
«Досуг для взрослых» **Афродита**
«Куплю печень – очень нужна» **Бахус**
«Коррекция фигуры за один сеанс» **Прокруст**
«Экотуризм с максимальным погружением в природу» **Цирцея**
«Дельтапланеризм с опытным инструктором» **Икар**
«Шубы из элитной овчины» **Язон**
«Концерты и кооперативы (живой звук)» **Орфей**
«Делаю всякую ненужную фигню» **Сизиф**
«Квест «Выйти из комнаты». Оригинальные подарки» **Минос**
«Уборка квартир, домов и конюшен» **Геракл**
«Скупка и продажа лома драгметаллов» **Мидас**
«Изготовление памятников из материала заказчика» **Медуза Горгона**
«Морские туры на Итаку» **Одиссей**

Однажды кучка алконавтов,
решив сбежать от верных жён,
бухну́ли и – «Уходим завтра,
уже корабль наш снаряжён!»

Был Одиссей у них зачинщик,
налево тот ещё ходок,
а тот, кто хочет, вечно ищет,
где слабина́ промежду ног…

«Овечья брынза. Самовывоз» **Циклоп Полифем**
«Конкур и джигитовка. За утерянную целостность хребта ответственности не несём» **Кентавр Хирон**
«Лодочные прогулки в одну сторону. Любые монеты для нумизмата. Дорого» **Харон**
«Элитная охрана круглосуточно. Дорого. Надёжно» **Цербер**
«Тренировки, организация соревнований по тяжёлой атлетике» **Атлант**
«Поддержим вашу кандидатуру на выборах» **Кариатиды**
«Оренбургские платки, самоклеящиеся палантины. Прочно, практично, оригинально» **Арахна**
«Органические удобрения. Недорого» **Авгий**
«Макраме, кружева, циновки, горскопы» **Мойры**
«Любые сделки без посредников. Виртуозно, взаимовыгодно» **Гермес**
«Акция: две головы по цене одной!» **Гидра**

Я, сражаясь, паникую, –
ты на Гидру посмотри:
отсечёшь одну башку ей –
вырастает сразу три!

«Аниматоры для взрослых» **Вакханки** (спросить на горé Парнас)
«Мастер непорочного зачатия. Обучение. Феминисткам скидка» **Гера**
«Экстремальное катание на колесницах» **Фаэтон**
«Качественная пряжа от производителя. Прочность гарантируем» **Ариадна**
«Стрельба из лука по движущимся мишеням. Корпоративы, тим-билдинги» **Амур**
«Защитим суставы ног и сухожилия» Центр травматологии «**Ахиллес** & Со»
«Нескучные подарки и сюрпризы к любому случаю» ТОО «**Троянский конь**»

«Дар речи» − часто говорят,
«Язык мой – враг мой» − тот же ряд!
Подобный дар, я так сравню,
собрат троянскому коню…

♠ ♠ ♠

«Ну вот», удовлетворённо подумал Володя, «теперь можно смело заканчивать вторую часть этой книжки. И по традиции хотелось бы завершить её каким-нибудь хорошим стихом. Вот только на какую тему?». И тут его взор упал на маленькую дверку в стене, которая вела в крохотное, но такое важное для хозяина помещение под названием *чулан*, где он хранил всякие нужные и ненужные вещи. «Вот об этом и будет стишок», мудро решил Альбионыч.

Глава 165. О НЕНУЖНЫХ ВЕЩАХ

Причудлив мир моих хранилищ –
чулан в дому, подвал – под ним:
здесь вещи сами разложились,
иные – старые как дым.

В чулане полка с инструментом,
которым не было работ,
мешочки с мелом и цементом
для занятости всех суббот,
а также скорых воскресений,
когда не делать ничего,
кроме простейших устремлений,
и составляет существо.
Под полкой старые тетради,
где мысли вялые живут,
тома блокнотов в баррикаде,
какой-то странный медный прут.
Сундук с невнятным содержимым
от всех упрятался в углу,
в другом – такой же анонимный,
во власть отданный барахлу.
Под потолком – остатки люстры,
чей свет давно уже угас:
плафончик, как кочан капусты,
без лампочки совсем безглаз.
Обои хлопьями свисают,
символизируя уют,
который здесь не воскресает.
В чулане мелочи живут.
А вот в подвале посерьёзней,
потяжелей живёт народ.
Здесь на стене набиты гвозди –
на них висит коловорот,
велосипед, без цепи, правда,
зато со стареньким звонком,
чугунно отвисает ванна,
советским хвастаясь значком.
Таким же знаком, что мы звали
«знак качества» в СССР,
шесть стульчиков разрисовали,
и каждый – грязно-тёмно-сер.
В углу движок от лодки быстрой,
и рядом – лопасть от весла,
а вот и лодка смолянисто
на пол тихонько прилегла.
Две тумбочки и этажерка
валяются, а не стоят,
как будто в рубку эти жертвы
представлены, и здесь казнят.
«Саратов» – старый холодильник
не помнит, что такое ток,
на нём – без голоса будильник,
и рядом – старый альпеншток.
Зачем, скажите, вещи эти?
Кому хочу их сохранить?
Давно из дому вышли дети,

что их смогли бы оценить.
У них давно свои квартиры,
где в каждой есть такой чулан,
как новизны ориентиры,
как всей дальнейшей жизни план.
И в каждом доме есть подвальчик,
который с истеченьем лет
подаст детишкам свой сигнальчик
о том, что жизни больше нет…

Конец второй части

Часть III. Вечер

Глава 166. О ПОЭТИЧЕСКОМ ВСПЛЕСКЕ ПО ПРОСЬБАМ ГОСТЕЙ

«Ну всё, яйчики-бабайчики!», подумал Альбионыч. «Пора прекращать эти простои на производстве!», а вслух попенял коллективу покеристов:

– Ну всё, яйчики-бабайчики! Пора прекращать эти простои на производстве!

– На ёперном производстве чего? – попросил уточнения Салихдзяныч.

– На производстве новых строчек в *покерную раскладку*! – уточнил игровой гуру.

И тут он заметил, что неиграющие гости его Личного Место-Имения, то есть Валера и Васюхан, о чём-то тихо перешёптываются, словно заговорщики. И как же был прав в своём предположении хозяин вре́менного катрана, ибо через па́ру секунд художник, попросив сло́ва, проговорил умильным голосом:

– Да твой покер, Володя, никуда не денется. А вот если мы, святой Малевич, лишимся возможности послушать твои гениальные стихи прямо здесь – в так называемом поэтическом цехе, в творческой мастерской, в гнезде вдохновения и созидания, то это будет большим ударом по нашим трепещущим сердцам, жаждущим великих произведений.

Лесть, конечно, была так себе, и Кулемзин понимал, что слова́ Николаича – это не искренний комплимент его таланту, а шитый белыми нитками дешёвый трюк, направленный только на то, чтобы не начинать очередную партию, а, напротив, попить ещё немного пивка. Да, он понимал это, но поделать с собой ничего не мог!

– А, может, мать моя партия, не надо стишков? – скривил губу партийный педагог. – Я вот, например, как-то ими совсем не вдохновляюсь.

Поэты – люди бесполезные:
они все истины известные
и все законы жизни пресные
в одном стакане разведут,
добавят терпкие метафоры,
немного соли, перца, сахара,
приправят всё своими страхами,
и выпьют! И ещё нальют…

И Нуртай (разумеется, для себя) был прав: он вспомнил, что как-то зашёл на один российский сайт, в котором литератор публиковал свои новые стишки про кишки, и случайно узнал сразу две поразившие его вещи: во-первых, то, что таких «гениев», как Кулемзин, там не меньше чем полмиллиона штук, а, во-вторых, что все эти «поэты» называют свои «творения» ни больше ни меньше, как *философские* стихи!

– Чего это не надо, царица лесная? – грубо перебил его сторож Полтавцев, и губа Мусаича скривилась ещё больше. – Я вот лично завсегда восхищаюся володиными стишками, хотя и не понимаю в них ни хрена! А иногда мене даже прошибает скупая мужская слеза, и поэтому я завсегда таскаю в кармане большой глазной платок для вытирания одноимённой жидкости!

Я плакал, лёжа на спине,
и затекали слёзы в ухо,
и в ухе было не вполне,
в связи с процессом этим, сухо!

– Так что, если тебе не нравится, – гневно добавил охранник, – то можешь идти к себе домой, а Володя заодно и спишет тебе 100 очков – как дезертиру!

– Нет, нет, – тут же начал врать ленинец. – Я тоже с наслаждением послушаю!

– Просим, просим! – неожиданно поддержал коллектив старший джус Митрохин, потóм секунду подумал и предложил, как ему показалось, оптимальный вариант, причём, весьма невинным голосом:

– Володя, тебе помочь донести бутылочки из кухни?

Ну как тут было отказать страждущему коллективу! Писатель взял с собой Васюхана и с его помощью доставил в большую комнату аж 12 разномастных бутылочек: 8 «Тянь-Шаня», 2 «Маршала» и ещё 2 «Жигулёвского». Затем вытащил из чулана маленькую табуреточку, встал на неё, как ребёнок Дениска в детском саду, и поинтересовался, на какую тему слушатели хотели бы отблагодарить его искренними аплодисментами.

– А у тебя что, на любую тему есть? – недоверчиво спросил Курманбаев.

– На любую, – подтвердил знатный поэт двух веков.

Коммунист на мгновение задумался, а потом хитро, как ему показалось, улыбнулся и попросил:

– А вот, например, мать моя партийная организация, про Транссиб[316]?

, после чего победно посмотрел по сторонам: вот, мол, как я его сделал!

[316] Транссибирская железнодорожная магистраль, или Великий Сибирский путь – железная дорога через Евразию, соединяющая Москву с крупнейшими восточносибирскими и дальневосточными промышленными городами России. Это самая длинная железная дорога в мире, длина её магистрали составляет около 9300 километров – прим. ист. редактора

– Ну что ж, как говорится, по заявкам гостей, – улыбнулся Володя, но затем враз стал серьёзным и звенящим голосом прочёл одну из своих нетленок под названием

Транссибирский экспресс

Поезд стучит по стыкам,
ломится сквозь пургу,
вязнет надрывным криком
тонкий гудок в снегу.
Заметены все тропки

на перегон вперёд,
жаркое жерло топки
уголь с лопаты жрёт.
Окна купе погасли,
ночью побеждены.
Ходят в холодном масле
поршни и шатуны.
Ни огонька снаружи,
только снега, снега,
мёртвым дыханьем стужи
выморена тайга.
Старого машиниста
медленно клонит в сон –
раз уж, наверно, 300
здесь проносился он,
только сегодня тяжко
в долгой ночи ему:
он теребит фуражку,
пялит глаза во тьму.
Стынут во мраке ели,
сгрудившись вдоль пути,
сквозь пелену метели
тянут ветвей культи.
Но не дотянут, полно,
и не задержат бег:
словно корабль сквозь волны,
поезд идёт сквозь снег.
На кочегарской кепке
выступил едкий пот,
А буфера и сцепки
утяжеляет лёд…

Глава 167. О ПОЭТИЧЕСКОМ ВСПЛЕСКЕ ПО ПРОСЬБАМ ГОСТЕЙ (продолжение)

И тут чтецу-декламатору пришлось прервать талантливое выступление – он заметил, как слева от него возникло какое-то движение. Скосив глаз, Альбионыч увидел, как Талгат ставит в уголок свою уже пустую бутылочку «Маршала» и открывает рот, – видимо, для очередного вопроса. Так оно и оказалось.

– А ты не можешь покороче? – нетерпеливо просипел Батыршин, гло́тка которого отчаянно нуждалась в добром глотке́ саксаульского эля.

– Я бы рассказал короче, – вздохнул писатель, – так ведь написано именно так. К тому же, таланта не хватает.

– Как это, мать честна́я? – вскинулся охранник.

– Ну, краткость же сестра таланта, – объяснил Володя, – как некогда остроумно заметил один сельский врач.

– А разве не художник? Не святой Малевич? – поинтересовался Муравлёв.

– Конечно, нет, Валера, на этот раз твой кумир ни при чём, – и, заметив недоумённый взгляд живописца, объяснил:

– Да Чехов же, – после чего продолжил стих:

Вьюга в стекло стучится,
искры летят во мрак.
Что-то должно случиться,
только когда и как?
Все остальные люди
этой порою спят:
медленно дышат груди,
вялые рты храпят –
заперты по вагонам,
вырваны от основ,
два или три – со стоном,
но большинство – без снов.
Спят, позабыв устало
тайны, интриги, страсть,
пламени и металлу
отданные во власть,
планы не вспоминая,
раны не бередя,
и ничего не зная,
и ничего не ждя.
Спят они в первом классе,
спят они во втором…
Поезд стучит по трассе.
Кто-то скрипит пером.
Что-то должно случиться!
Ночь все темней, темней:
поезд сквозь вьюгу мчится
и пропадает в ней…

– Какие ещё будут пожелания, яйчики-бабайчики? – войдя во вкус, улыбнулся марсианско-саксаульский поэт.

– А можешь ещё про БАМ рассказать? – вновь попытался сделать заявку настырный преподаватель еврейского колледжа, но был подвергнут (прости, русский язык!) остракизму со стороны персонажей, ещё не охваченных поэтической волной Кулемзина.

Затем эти неохваченные посоветовались и решили делать заявки по очереди – в алфавитном порядке, взяв за основу начальные буквы своих имён: Валера, Васюхан, Серёжа и Талгат.

– А можно мне как-то вклиниться между Васюханом и Серёжей? – вновь проявил ненужную инициативу Мусаич. – Я же не знал, мать моя КПСС, что вы будете так считаться – без меня!

Но и это предложение было отвергнуто, так что следующую заявку сделал саксаульский тициан с отчеством Николаич.

– Старичок, – попросил он, внезапно вспомнив не только жену Наташу, но почему-то и тёщу, которую забыл, как звать, – а ты не можешь, святой Казимир Северинович, рассказать какой-нибудь стишок о любви?

– Конечно, могу, – не стал чиниться литератор. – Как раз об этом отсутствующем у меня чувстве я наваял множество стихов – в целях поддержания имиджа талантливого поэта прошедшего и текущего веков, способного писáть на любую тему! Итак, стих под иностранным названием…

– А под русским, мать моя партия, нет? – с тоской вопросил большевик.

– Нет, – коротко ответил поэт и тут же озвучил название очередной нетленки:

Full Circle [317]

Случилось это всё давно,
но вижу, как на съёмке:
я помню, пили мы вино
и заедали сёмгой.
По подбородку рыжий жир
стекал на край бокала.
Тебе я голову вскружил,
и ты меня ласкала.
Давно исчезло то вино,
и сёмги нет на свете,
но снова вижу, как в кино,
себя на этой Свете.
Зачём мне вспомнилось вино
и рыбка та златая?
Давно судьбой обретено
сукно, что залатал я.
Воспоминаний наплету
для новой летаргии.
Но пьют вино под рыбку ту
какие-то другие…

[317] ***Полный круг – англ. Читается как фул сёркл***

«О чём это он?», тоскливо подумал Курманбаев, но эти никому не нужные мысли тут же были перебиты голосом живописца Муравлёва, который словно передавал эстафетную палочку дальше:

– Теперь ты, Васюхан! Смотри не подведи…

– Да я-то не подведу, – почему-то с сомнением в голосе произнёс антенщик, после чего повернулся к сторожу:

– Серёжа, хочу с тобой посоветоваться.

От радости, что его мнение спрашивает такой важный человек, у Афанасьича чуть не случился приступ внеплановой шизофрении, но он взял себя в руки, унял сердцебиение и ответил:

– Советуйся, Васюхан! Кстати, если в другой раз захочешь посоветоваться – сразу ко мне. А я, если чего не знаю, у Володи спрошу.

– Хорошо, я вот о чём: и ты, и я одновременно любим и сказки, и басни. Давай сразу распределим, кто что будет заказывать.

– Давай, царица лесная, – согласился бывший текстильщик, – сначала ты по алфавиту закажешь сказку и басню, а потом я.

– Нет, тут надо что-то одно их двух, – попенял ему человек с техническим образованием. – Правда, Володя?

– Правда, – не стал отнекиваться чтец собственных произведений. – Давай, Васюхан, без всяких советов. Ведь ты же сейчас первый по упомянутому Серёжей алфавиту. Хотя я и подозреваю, что он не до конца понимает значение этого древнегреческого сло́ва.

– А-а-а, значит, так можно? – обрадовался Митрохин. – Ну, тогда сказку!

После уже четырёх принятых до́ма бутылочек «Тянь-Шаня» Альбионычу спорить ни с кем не хотелось, и он тут же согласился, озаглавив новое произведение как

Другая сказка, или О рыбаке без рыбки

У синего моря, где ветер неистов,
у фьордов, открытых Маклаем-Миклухо,
примерно в трёх милях от пляжа нудистов
старик проживал со своею старухой.
Старик был когда-то лихим мореходом
и в море ходил, а жена у оконца
от солнца заката до солнца восхода
ждала, невзирая на происки солнца.
Промчались экспрессами юность и зрелость, –
увы, но теперь в перспективе осталось
лишь то, что преклонным влюблённым хотелось:
дожить без коллапсов и кризисов старость.
За прежние годы нажили немного:
кровать, пару стульев да шкаф с антресолью.
Старик не сдавался и пил до полёга!

♠ ♠ ♠

Его звали Грэем, старуху – Ассолью...

– Ничего не понимаю! – озаботился старший джус. – Володя, а разве в этой сказке не должно быть никакого Пушкина?

– К-к-какого Сергеича? – стал заикаться декламатор. – А при чём здесь он?

– А разве не он ходил к Золотой Селёдке и выпрашивал всякую бытовую технику?

– Ну, ты, Васюхан, даёшь! – попенял ему Полтавцев. – Это же сказка, как Володя и говорил, *другая*, а не та.

– А-а-а, – наконец понял Митрохин и ту же вручил виртуальную эстафетную палочку объясняльцу.

– А мне, о друг Володя, – по-былинному начал свою просьбу Афанасьич, – поведай какую-нибудь улётную басню. Я их, мать честна́я, страсть как люблю!

– Нет-нет, товарищи, погодите, – вновь встрял в чужой разговор неугомонный Курманбаев, и хорошо, что именно в этот момент сло́ва *товарищ* не слышал военный трубач, так как, о чём-то думая, напряжённо ковырялся в носу.

Глава 168. О ПОЭТИЧЕСКОМ ВСПЛЕСКЕ ПО ПРОСЬБАМ ГОСТЕЙ (окончание)

– Что ты хотел? – кротко спросил Кулемзин, хотя ему уже давно хотелось бросить эту внеплановую Поэтическую Субботу и наконец приступить к желанной *русской кочерге*.

– Я хотел уточнить, – озвучил намерение большевик. – А при чём здесь, мать моя партия, русский этнограф и путешественник Миклухо-Маклай, да ещё и неправильно тобой названный?! Разве так можно с людьми, о которых пишет сама Википедия?!

– Можно, – лапидарно ответил саксаульский данте. – Ещё вопросы будут?

– Нуртай, завязывай со своими вопросами! – воскликнул сторож. – Теперь моя очередь принимать *блаженство* от талантливого слова!

Володя благодарно посмотрел на Серёжу и специально для него рассказал басню (памяти покойного дедушки Крылова) под названием

Самая страшная басня на свете

Собачке *дедушка* послал кусочек мяса.
На ель бедняжка взгромоздясь,
чего не делала доселе отродясь
(да вот река конкретно разлилась),
позавтракать совсем уж было собралась,
да призадумалась,
а мяса кус во рту держала.
На ту беду с Мазаем рядом лодка проплывала!
Мазай увидел кус –
Мазая понесло:
он, поудобнее перехватив весло,
без всплесков, тихо к пёсику подходит,
вертит веслом, и с мяса глаз не сводит.
Прицелился он тихо – чуть дыша,
и как веслом ударит по ушам!
Собака взвизгнула во всё собачье горло,
пошла ко дну, из раны кровь попёрла!
Мазай с тех пор же потерял покой:
собака ночью выла под луной –
погромче Баскервиллей был тот вой!
А то к Мазаю шастала домой:
он поседел, замкнулся, стал немой,
и, чтоб не сильно мучаться виной,
спасать он зайцев стал от наводнения – весной.

♠ ♠ ♠

Но по ночам, не зная почему,
топил собак, мыча загадочно: «Му-му»...

«Ничего не понимаю», ошарашенно подумал экс-текстильщик, но, будучи другом писателя, решил его не расстраивать, а похвалить:

– Молодец, Володя. Всё прямо в точку выдал! А смысл – так вообще на Шнобелевскую премию тянет…

– Это что, иносказание? – внезапно догадался Талгат.

– Конечно, – ответил литератор. – Я бы даже сказал, аллюзия, а если ещё полнее: аллюзия диссидента в иллюзиях детанта…

– А ведь я тоже, царица лесная, стихи знаю, – неожиданно заявил Серёжа, после чего объявил:

– Неизвестный автор! – причём, во время объявления посмотрел почему-то на художника Муравлёва.

Затем началась собственно декламация:

– Я пишу тебе, голубоглазая,
может быть, последнее письмо.
Никому его ты не показывай –
из тюрьмы написано оно!

– Браво! – воскликнул Валера, который решил, что этот стих, который оказался ничуть не хуже кулемзинского, посвящён именно ему.

– Ну, теперь ты, Талгат, заказывай, – обратился чтец-декламатор к унтер-офицеру саксаульских музыкальных войск.

В ответ на это Батыршин показал пальцем, которым только что ковырялся в носу, на

Митрохина, коий, услышав «стих» Афанасьича, впал в интеллектуальную кому. Кулемзин подошёл к антенщику, немного пихнул его в плечо, и тот как бы пробудился, после чего тут же объяснил причину такого впадения:

– Я же, друзья мои, не всё вам рассказал о своей воинской службе – только о первом годе. А ведь я весь второй год провёл на зоне…

«Весь мир – театр, и в нём полно дерьма!»,
вещал Шекспир в палате ли, в сенате ли.
А я считаю, что весь мир – тюрьма,
и в ней лишь единицы – надзиратели...

– Ты что, мать моя Октябрьская революция, сидел?! – взвизгнул педагог, отскакивая от Васюхана на целый метр, и все невольно подивились быстроте реакции преподавателя еврейского колледжа

– Не пугайся, – мирно ответил старший джус. – Просто меня перевели во внутренние войска – зэков охранять. Я, честно говоря, стараюсь не вспоминать этот год, но вот серёжин стишок такую ностальгию вызвал, что прямо хоть в магазин беги…

– Отлично! – обрадовался хозяин поэтического катрана. – Расскажешь какие-нибудь истории из этого среза твоей жизни? А мне как раз будет чем наполнить копилку таких историй и в ещё неоконченном шестом томе, да и в седьмом тоже.

– Конечно, только попозже, – согласился бывший солдат. – А то ведь сейчас очередь Салихдзяныча. Давай, Талгат, жги!

И здесь старший прапорщик задумался. А потом радостно засмеялся и заявил:

– Я в прошлом году дачный участок прикупил, и вот теперь после этого стал к природе как-то по-другому относиться. А в чём дело, не пойму. Может, ты, Володя, своим стихом что-то объяснить сможешь?

– Конечно, – не стал чиниться Альбионыч и продекламировал стих под названием

Без названия

До закатной полосы
не добраться на трамвае:
бьют песочные часы –
на осколки добивают.
За́ ночь острого песка
наметает по колено,
средизимние века
окружают постепенно:
сыплют из холщовых сит
металлическое пламя –
время мёрзлое скользит
под стальными башмаками.
Посыпают гололёд –
солнце дергают за вымя!
Свет песчинками течёт,
не простыми – золотыми…

– Ну, как? – прослушав последнюю реализованную заявку, спросил он у саксаульского обер-корнета, но ответа сразу не получил, так как увидел, что слушателя реально душат рыдания. Шутка.

И в это время хозяин квартиры заметил, как Полтавцев поочерёдно загибает кривые

пальцы, потом вновь разгибает, что-то пришепётывая при этом.

– Серёжа, если ты считаешь количество своих прожитых лет, то давай я это сделаю за тебя: шестой десяток!

– Да нет, Володя, – ответил сторож, – я просто посчитал, сколько ты наших заявок исполнил, и оказалось, что пять, а потом пересчитал нас всех, и оказалось, что шесть. Значит, кто-то один остался *без удовлетворения*?

– Это так, – подтвердил марсианин. – Без удовлетворения, как ты остроумно выразился, остался я. Поэтому в конце нашего self-battle[318] мне придётся выступить сразу в двух ролях – и заказчика, и исполнителя. А посему – последний стих в этих трёх главах:

Не стремись свою жизнь шифровать,
не стремись продолжать эпилог,
ведь в глазах – всё без вечности пять,
а на небе – без вечности бог.
И с судьбою ты сколь ни мудри,
и с судьбою ты сколь ни мирись,
на часах – всё без вечности три,
на душе – всё без вечности жизнь…

[318] ***Битва с самим собой – англ.***

Глава 169. ИГРА НА ХАТЕ (Об исторической роли серёжиной котомки)

Что отличает взрослого человека от ребёнка? Прежде всего, это (как ни странно звучит) *ответственность*. Именно она создаёт ощущение потерянного рая для того, кто решил повзрослеть. Но это слабенькая философия, так как подобная мысль трюизматична, её много раз повторяли в своих книгах и писатели, и философы, – короче, те, кого наш герой Кулемзин называл своими *тёзками по жизни*.

А вот следующая мысль – уже достояние самого́ Альбионыча, и звучит она так:

Ответственность делится
на внешнюю и внутреннюю.

И вот расшифровка. Более-менее понятно с внутренней ответственностью (а другой люди зачастую и не знают) – она в тебе, и только ты вправе решать, за что быть ответственным в этой жизни. Но вот внешняя…

Внешняя ответственность не то что надумана, но всегда навязывается человеку – воспитанием, общественной моралью, поведением, привычками, принятым в том месте, где ты родился. Ты просто-таки обязан нести ответственность за своё *соответствие ожиданиям* окружающих: если по воскресеньям принято ходить в церковь – ты должен ходить туда, или же тебе придётся стать изгоем.

Церковь ты не обходи:
пусть она убога,
ходят все – и ты иди,
хоть не веришь в бога…

Такая внешняя ответственность подобна кандалам: у тебя просто нет выбора, ты просто должен следовать чужому ви́дению, чужому сценарию – не рассуждая. И этот вид ответственности давит подобно каменной плите, обеспечивая преждевременную старость. Ты начинаешь быть ответственным перед своими родителями, своими детьми, правительством и даже трамвайным кондуктором! И жизнь твоя становится постоянным выполнением неизвестного долга…

«К чему бы такое отступление?», подумал сейчас мой читатель, а автор ответит ему: да к тому, что именно такую, то есть внешнюю ответственность и навязал Володя своим визави по покерной скамеечке (кроме художника Муравлёва), как бы исподволь и невзначай, путём строжайшего соблюдения правил *русской кочерги* заставив их быть в рамках этой великой игры, а любой шаг за эти рамки карался строго и беспощадно – штрафами разной степени ужасности.

И самым первым правилом, а, вернее, *соблюдаемым пунктом* было то, что начало каждой партии – чтобы не было ни намёка на какое-нибудь *хлюздование* или предоставление (прости, русский язык!) преференций одному игроку перед другими, был розыгрыш первого хода (и первой же заявки). Читатель, прочитавший уже почти 6 томов нашей великой (во всех отношениях) книги, знает, что такой пункт разыгрывался очень просто – как это сейчас сделал *записывающий* хозяин квартиры. Альбионыч, рассадив своих гостей в произвольном порядке за круглым обеденным столом, взял в руки колоду и положил перед каждым игроком по одной карте рубашкой кверху.

Знают даже в автошколах –
нет в колоде тормозов:
короли здесь все в камзолах,
а валеты – без трусов!

И тут случилось то, чего ещё никогда не случалось за предыдущие 3400 страниц нашего повествования!

– А почему это ты, мать честна́я, всё время решаешь, кому из нас первым ходить? – неожиданно завопил Полтавцев.

– Вообще-то это не я решаю, а Сука-судьба, – неуверенно ответил писатель. – Сейчас посмотрим: у кого карта старше, тот первым и ходит.

– Нет, я не о том, – твёрдо настоял на своём сторож, а потом произнёс ещё одну фразу, спедалировав неизвестный русскому языку глагол. – Я о том, почему именно ты *ложишь* эти карты всякий раз?!

И тут володина неуверенность переросла в уверенность – в том, что именно этого *подпункта* в описываемом нами первом пункте никогда не было!

– А как же тогда? – растерянно спросил он. – Ну, давайте поручим это действо Валере – всё равно он без дела сидит.

– Как это без дела, святой Малевич? – возмутился Николаич. – А кто же за вас болеет, причём, всей так называемой душой?!

Берёт идиот пулемёт,
та-та́-та – и снова затих:
душевнобольной – это тот,
кто болен душой за других!

И вот здесь в дело вступила знаменитая на весь Бермудский Учпучмак полтавцевская котомка, она же сидор, она же хурджин. Афанасьич пошарил в ней рукой и неожиданно вытащил два игральных кубика, похожих на *кости* от кулемзинских фирменных нардов, присланных ему одной поклонницей из ныне зарубежного города Баку.

Город Баку!
Он лежит на боку…

Помнится, звали её Лейла Бабаева, и она стала поклонницей стихотворчества нашего героя после того, как прочла на российском сайте stihi.ru вот такой володин катренчик:

Меня посещает шизá
раз 314 в год:
то выскочит прямо из-за,
то вылезет криво из-под…

– А ты, ёкарный Серёжа, зачем эти кубики вытащил? – поинтересовался старший трубач, после чего внимательно разглядел предметы и даже понюхал их – как наверняка догадался мой читатель, на всякий случай.

– Так будем бросать по очереди – сразу два. И у кого сумма выпадет больше, тот и будет разыгрывать первый ход!

– А если, мать моя КПСС, эта сумма совпадёт с кем-то ещё? – начал придираться к новым условиям Курманбаев.

И, кстати, это было весьма вероятным: например, сумма 7 могла образоваться сразу в трёх комбинациях: 1+6, 2+5 и 3+4, а чуть с меньшей вероятностью могли образоваться и другие пáрные комбинации.

– Так, может быть, яйчики-бабайчики, – улыбнулся покерный первопроходец, – у тебя на этот случай есть ещё одна пара таких *костей*?

– Про кости ничего не знаю, давно не грыз, – степенно ответил почётный семижопинец. – Да и кубиков запасных тоже нет. А вот что есть – так вот это!

И он ловким движением, которому позавидовал бы сам Гарри Меерович Гудини[319], вытащил из хурджина… два пасхальных крашеных яйца – синего и оранжевого цветов.

[319] Уроженец Австро-Венгрии (1874), настоящее имя Эрик Вайс. Впоследствии знаменитый на весь мир американский иллюзионист, прославившийся сложными трюками с побегами и освобождениями – прим. ист. редактора

– И чего с ними делать? – нахмурил брови партийный педагог. – Надеюсь, не жрать?

Голубые и рябые,
весовые и тупые,
вкусовые, дармовые,
земляные, золотые:
сочиню им всем сонет –
яйца я люблю любые:
и глазунью, и омлет!

– Зачем же жрать в скорлупе? – рассудительно ответил охранник. – Стучаться ими будем! У кого суммы одинаковые, те и стучаться будут.

Но все остальные, глядя на разноцветную еду, в это время сидели и думали: и как же этому иблису Афанасьичу удалось сохранить явно пасхальные яйца через 125 дней после главного церковного праздника?! [320] Подумал об этом и марсианин, ибо тут же вынес вердикт:

– А, по-моему, надо вернуться к первому варианту…

, после чего решительно подвинул карты к художнику. И тот (впервые за все пять книжек!) осторожно взял их в руки и стал сдавать всем по одной карте. Сáмой значительной картой стала дама треф, которая попала в лапы военному дудочнику. И уже после этого случилась абсолютно та же картинка: Салихдзяныч точно также сдал по одной карте, все перевернули их и выяснили, что сáмой значительной картой стала дама пик, которая попала в лапы сдающего. Талгат пригляделся к карте и вдруг узнал на картинке явно подмигивающую ему супругу Аиду.

[320] В описываемом 2003 году пасха приходилась на 27 апреля – прим. богосл. редактора

Мозг себе промаринуя,
разум картами губя,
в даме пик узнал жену я,
а в шестёрке – сам себя!

«Ёперным «Маршалом» навеяло!», решил он и в очередной раз (уже для игры!) стал сдавать остальным покеристам по одной карте – для производства первой *тёмной*.

Глава 170. ИГРА НА ХАТЕ (Локальные вóйны до средней *тёмной*)

И тут автор, прочитав предыдущую главу, пришёл в ужас: игра ещё не началась, а три последние страницы были отданы томý, чтобы рассказать, как игроки готовились к битве. «Так жить нельзя!», подумал он, после чего пропустил описание начальных робберов, которые редко когда бывали напряжёнными, а, напротив, зачастую походили друг на друга, как (прости, русский язык!) гомозиготные близнецы.

В огурце живут жильцы –
семена как близнецы!

Поэтому или последняя, или предпоследняя (Как пойдёт! – Вл. Г.) в этом шестом томе игра началась с седьмого роббера, когда Курманбаев сдал себе и остальным сопокерникам по шесть карт. К этому времени расклад сил оказался таким: на четвёртом месте плёлся Володя, которому Сука-судьба почему-то отказала во взаимности, на третьем – педагог, на втором на условно белом коне восседал Афанасьич, который очень пугался такого прогресса, а на первом к удивлению всех временно оказался обер-корнет, который такого прогресса не испугался, а, напротив, был уверен, что всё это не случайно, потому что именно он, как единственный в коллективе действующий воин, и достоин занимать верховные позиции в *русской кочерге*!

И вот тут страшно повезло сразу двум персонажам нашего великого повествования – Валере Муравлёву и Васюхану Митрохину: только было они навострились сидеть молча и скучая, как разные разговорчики, которые и раньше случались при игре, словно бы вылупились, начиная с этой страницы 413, и начали активно разбавлять и без того нескучные страницы романа. Николаич и Васюханыч в ажитации пихнули друг друга локтями и стали жадно внимать игровым диалогам, чего автор желает и моему читателю!

Разговаривают люди,
а о чём, я не пойму –
словно в чуждой инвалюте
занял другу денег тьму!

Так, заказав три взятки на роббере из семи карт, Мусаич – в результате ошибки Полтавцева, который, вместо того, чтобы забрать младшего джокера мугалима[321] своим джокером старшим, – неожиданно взял заказ полностью и, забыв партийные приличия, заорал на весь Бермудский Учпучмак:

– Какой я молодец, мать моя партия! Хоть на доску почёта вешай!

[321] ***Учитель – сакс.***

– Причём, за шею – и навсегда! – уточнил пунктуальный писатель.

Нуртай тут же сделал вид, что оглох на все три уха, включая среднее, расположенное почему-то внутри головы, ослеп на оба глаза, точно близнецы Кутузовы, и отупел на оба полушария, словно бывший текстильщик.

Так, Серёжа, видимо, сделав выводы из случившегося, в следующем роббере намеренно перебрал одну взятку, поднявшись всего на три очка вместо запланированных сорока́ пяти, но при этом посадил ленинца. Преподаватель информатики, осознав этот прискорбный факт, вначале поперхнулся глотком пивка, а потом посмотрел на своего соседа по лестничной площадке как на школьника, завалившего экзамен по чистописанию при переходе во второй класс.

Затем противники нахохлились, будто воробьи на снегу, и наконец большевик замахал руками, как испортившаяся мельница, а вот уроженец деревни Семижопино, напротив, сидел сейчас со скромным видом Давида Иессеевича Вифлеемского, только что победившего Голиафа, уроженца города Гефа.

Бой ведя на негативе,
башковит и боевит,
Голиафу дал по тыкве
маленький еврей Давид!

Так, Салихдзяныч, просмотрев очередной пришедший роббер, неожиданно перевернул свои карты, уложил их на володин стол рубашками кверху, встал, подошёл к художнику и антенщику, приобнял их за плечи, сдвинув головы, и тихонько прошептал:

– Я обязательно выиграю.

– Откуда знаешь? – также шёпотом осведомился наташин супруг.

– Мне это сегодня приснилось, – доверчиво объяснил почётный знаменосец президентского оркестра.

Но его слова услышал обладающий тонким радистским слухом Кулемзин, который не преминул заметить, правда, тоже очень негромко – чтобы его слышали только участники этого разговора:

– Есть такое активное проявление (прости, русский язык!) экстраполяционного процесса.

– В смысле? – удивился старший джус Митрохин.

– В смысле, яйчики-бабайчики, как предвидение грядущих событий, – просто объяснил литератор.

– Вот и я говорю, – обрадовался Талгат. – Обязательно начешу всех сегодня!

Объяснил я политру́ку:
«К битве пагубной готов:
я возьму расчёску в руку –
причешу друзей-врагов!»

Но и сам Альбионыч тоже не сидел, закрыв рот на замо́к. В очередном роббере на восьми картах зарвавшийся Серёжа, которому показалось, что теперь он будет выигрывать всегда, заказал аж четыре взятки, но сумел кое-как взять всего лишь две.

– Похоже, сынок, ты опять проиграл, – пожалел его марсианин.

– Откуда ты знаешь, царица лесная? – запальчиво возразил Полтавцев. – У меня ещё есть шанс…

– Вообще-то, незачем неотрывно следить за луной, – вновь пришлось объяснять философу, – чтобы понять, что в следующую минуту она не превратится в квадрат.

Глядя на Афанасьича, покерный гуру в очередной раз вспомнил, что наш мозг на 80 % состоит из жидкости, и подумал о том, что мало того, что у Серёжи она тормозная, так её ещё и не долили как следует. Кстати, претензии к бедокуру оказались и у большевика.

– Старик, – гендерно обозвал он почётного семижопинца, – вот зачем ты сначала скинул на моего короля какую-то двойку, а потом, когда я пошёл дамой, забрал её своим тузом? – занервничал педагог. – Это же, мать моя КПСС, нелогично!

– А это Володя виноват, – тут же открестился от греха обиженный на голову.

– В смысле?! – вскипел Володя. – А я здесь при чём?

– Но ведь ты мне на днях рассказал, что логика – это наука не наша, а греческая.

– И что?

– И то, что, значит, нам она ни к чему! – парировал охранник.

«Что-то в голову вступило»,
рассказал нам паренёк,
«нелогично поступил я:
логика – не мой конёк!»

Но критика снизу явно не подействовала на Полтавцева. Все присутствовавшие, включая *иблиса*, притаившегося за креслом возле камина, увидели, как у сторожа, который разглядел пришедший роббер, неожиданно покраснела рожа. Не в силах совладать с эмоциями, он буквально преобразился: его раскрасневшееся лицо было до такой степени исковеркано волнением, что нельзя было даже приблизительно понять, чего больше он сейчас испытывает – счастья или ужаса. А всё дело было в том, что впервые за всю историю дворовых игр к охраннику пришли сразу все *крупняки*, то есть покер и три джокера, и он решительно не знал, что же с ними сейчас делать!

«Бабушка Федора», обратился он к покойнице, «помоги!». Но давно усопшая родственница его не слышала, так как в это мгновение собирала морошку с какого-то райского куста. «Хорошо-то как», думала она, «что именно мне архангел Гавриил поручил собирать ягоду. Вот сейчас дособираю и попрошу его о краткосрочном отпуске – всего на один день, чтобы навестить супруга Михея – в аду!»

Глава 171. ИГРА НА ХАТЕ (Локальные вóйны до средней *тёмной*, окончание)

И, к счастью для Валеры и Васюхана, такое веселье продолжалось до сáмой средней *тёмной*. Сопокерники, потихоньку прихлёбывая уже начавшее теплеть пивко, старались изо всех сил, напрягая остатки пропитых за неполную неделю мозгов. Счастлив был и автор: не обращая внимания на *иблиса*, он тоже притаился – за другим креслом, и радовался тому, что разговорчики, которые проходили в володиной квартире, можно было хоть сейчас вставлять абсолютно в любую *игровую* главу шестого тома. Он прислушался к тому, что говорится за круглым столом, и услышал начало нового разговора.

– Лучше всего теорию относительности, – говорил в это время хозяин дома, тщательно отсортировывая козыри от остальных карт, – можно легко объяснить как раз на примере пива.

– Как это, мать честнáя? – поразился охранник.

– А так, что, если сегодня суббота, и я смотрю в холодильник и думаю, что закупился на неделю, то тут же у меня наступает просто-таки космическое прозрение, а дух незабвенного Альберта Германовича Эйнштейна уже нашёптывает мне на ушко: «Пролетел ты, сынок! Кто же знал, что именно сегодня к тебе явится вся эта *псюрня* и сожрёт весь недельный запас!»

Рассказал своей плутовке,
что ко мне явилась вдруг:
«Уничтожил заготовки
мой один голодный друг!»

После этого трагического спича Володя заглянул в *раскладку*, которую сочинял собственной рукой, и вдруг воскликнул – на одном из европейских языков:

– Serge, mon ami, je vous félicite - vous venez en premier![322]

– Comme ça?[323] – поразился Афанасьич.

– Vous avez juste oublié qu'à la fin du chapitre vulgaire, quand toutes les grandes cartes sont venues à vous, vous avez quand même pris vos cinq tours![324]

– Colossal![325] – тут же перешёл на язык двухлетнего изучения Полтавцев.

[322] Серж, друг мой, поздравляю тебя – ты на первом месте! – фр.
[323] Как это? – фр.
[324] Да ты просто забыл, что в конце прошлой главы, когда к тебе пришли все крупные карты, ты всё же взял свои пять взяток! – фр.
[325] Колоссально! – англ.

– А вы не могли бы говорить по-русски? – язвительно отозвался на непонятный разговор красный педагог. – Или, в крайнем случае, по-саксаульски?

И тут же пожалел о своей просьбе, потому что его сосед по лестничной площадке немедленно выполнил просьбу – вот в таком виде:

– Сіз қандай сұмдықсыз![326]

[326] Какой же ты придурок! – сакс.

Разумеется, остальные сидельцы покерной скамеечки ничего не поняли и только остро позавидовали читателю, открывшему этот том на этой странице, которому доступно просто заглянуть чуть ниже и прочесть перевод в сноске.

Смысл до разума доводит
и за ним не прячется:
переводчик переводит,
а читатель *тащится*!

– Отставить разговорчики! – дал команду себе и охраннику Альбионыч и твёрдой рукой сдал по 12 карт – но не для *тёмной*, которая появится только в следующей главе, а для простой игры на максимальном количестве карт.

То, что это серьёзно, знали все, ибо здесь и сейчас решалось многое: кто-то пролетит на энное количество очков, и потому на *тёмной* захочет рискнуть и заказать побольше, а кто-то (например, бывший текстильщик), кто находится сейчас на первом месте, напротив, рисковать не будет, а закажет или две, или одну взятку, или вообще – на всякий случай! – скажет *пас*.

Я игру вот так мозгую,
чтоб не ширились зрачки:
понапрасну не рискую –
пусть рискуют дурачки!

После просмотра пришедшего роббера сделали заявки все игроки: Афанасьич, как Володя и предполагал, рисковать не стал, заказав всего две взятки, хотя из 12 карт у него было аж пять козырей и младший джокер, Салихдзяныч, сидящий за ним по очереди, решил заказать четыре взятки, чтобы немного подтянуться перед серьёзной *тёмной*, Мусаич тоже не захотел отставать, заказав покерную трёшку, а сам Альбионыч, подсчитав, что остальные заказали на круг 9 взяток, объявил пас.

И этому, казалось бы, нелогичному решению было сразу два обоснования:

1. Сука-судьба по-прежнему игнорировала его, и вот сейчас подсыпала ему в руку одни разномастки, среди которых не было ни одного козыря, и

2. он сообразил, что если сумеет вручить каждому из противников по лишней карте, то вместо запланированных 45-60-75 очков они получат всего лишь по 3-4-5!

А чтобы максимально облегчить себе задачу, он сделал ещё две вещи:

1. сосредоточился на выполнении собственного задания и

2. решил не запрещать посторонние разговорчики, а, напротив, продолжать их, убалтывая противника. К тому же, он знал, что при этом произойдут сразу две вещи:

1. рассеивание внимания Серёжи и Талгата, и

2. Нуртай не сможет отказаться от исполнения любимых песен, на которые так остро реагирует старший корнет-а-пистонист.

Ох, и вышло всё зловеще,
когда шёл на всех войной:
запланировал две вещи,
но не вышло ни одной!

И всё-таки начало этого серьёзного роббера не осталось без представления: Курманбаев картинно схватился за голову, и все с интересом посмотрели на притворяльца.

– Мать моя партия, голова болит от вашей игры, – наконец жеманно произнёс он.

– У приличных людей, – рассердился Серёжа, – голова болит с перепою. А у тебя, царица лесная, вечно от всяких глупостей…

И вот игра началась. Никто из присутствующих не объявил мизе́р, и это было тревожно, так как предполагать можно было что угодно, а вот располагать – только собственными силами в виде пришедших карт. Первым пошёл охранник – бубновым тузом, правда, некозырным, и, как ни странно, все скинулись по бубям и дали ему (охраннику, а не тузу) взять первую взятку. Полтавцев был так поражён этим фактом, что немедленно пошёл таким же королём, и тут выяснилось, что и эта взятка не была побита никем. Тогда он мысленно перекрестился и пошёл бубновой дамой.

Постирав свою пижаму,
что размером подошла,
я с надеждой кинул даму –
и она домой ушла!

«Ну, это уже хамство!», мысленно воскликнули остальные и стали ждать развязки, которая случилась через несколько секунд: Батыршин выложил козырную пятёрку, Курманбаев – такую же десятку, а Кулемзин, в мгновение поменяв первоначальный план (помните, что он хотел всем дать по перебору?), решительно забрал взятку младшим джокером и тут же сходил покером:

– По джокерам!

– А можно уточнить, каким именно? – ужасным шёпотом поинтересовался педагог.

– Любым, яйчики-бабайчики, – уточнил писатель.

Военный музыкант со стоном в 5 децибелов выложил старшего джокера, а коммунист со стоном в 7 децибелов – младшего.

После этого Альбионыч решительно бросил на покерный столик козырную двойку – на растерзание толпы. И она (толпа, а не двойка) её (двойку, а не толпу) растерзала: ленинец, который бросал карты последним, алчно хапнул взятку козырным валетом, что не могло не найти отражения в осуждении некоторых членов коллектива.

– Вот ты, мать честна́я, коммунист, – сурово начал Серёжа.

– И горжусь этим! – запальчиво поддержал мысль педагог.

– А ходишь, как меньшевик! – припечатал охранник.

– Точно-точно! – хором подтверили не принимающие участия в игре В. М. и В. М., то есть Валерий Муравлёв и Василий Митрохин – по родным паспортам.

Знать, у каждого дорога –
под своё же колесо:
меньшевик берёт немного,
большевик захапал всё!

– Серёжа, оставь его в покое, святой Малевич, – попросил сторожа художник.

– Так выиграть же хочется! – развил свой план семижопинец.

– Как-то ты быстро хочешь победить, Серёжа, – неодобрительно покачал головой Кулемзин. – Прямо-таки veni, vidi, vici[327]…

[327] Пришёл, увидел, победил – лат. По свидетельствам древних источников, таковы были слова́ Юлия Юлиевича Цезаря из его донесения сенату о победе над понтийским царём Фарнаком I Митридатовичем III[328] – прим. ист. редактора

[328] Хорошо, что ист. редактор расставил эти римские цифры, потому что был ещё и Фарнак II Митридатович IV – это уже царь Боспорского царства – прим. автора

– Да никакой я не Вицин, – заоправдывался охранник.

– Заметно, – улыбнулся писатель. – Кай Юлий Полтавцев…

– Тебе бы только обзываться, – обиделся экс-текстильщик, после чего сделал по очереди три хода – и всё оставшимися козырями!

Здесь застонали трубач и педагог, которые наивно рассчитывали на получение своих взяток или хотя бы на перебор. Спокойным оставался только один марсианин, заказавший, как помнит читатель, пас.

В общем, всё закончилось хорошо: Афанасьич перебрал, Альбиоыч перебрал, а Салихдзяныч и Мусаич недосчитались по две взятки.

Сторож, в очередной раз закрепившийся на первом месте, вскочил с покерной скамеечки, обратил свой немытый лик к небу, перекрестился и горячо пробормотал:

– Спасибо, *дедушка*, за явленное тобой чудо!

После чего повернулся в литератору и небрежно произнёс:

– Ну и тебе, Вовка, большое саксаульское grand merci…

Раз пришёл я в синагогу,
да и как тут не вспылишь:
помолился страстно богу,
а в ответ мне бог – кукиш!

Но, к счастью, писатель не расслышал этих паскудных слов, так как в это время успокаивал нервного и впечатлительного татарина.

– Талгат, тебе не кажется, что ты немного неправильно строишь тактику боя? – пенял он военному.

– Какого ёперного боя? – обалдело покрутил головой по сторонам прапорщик.

– Игра – это тот же бой, – терпеливо объяснил Кулемзин. – И выигрывается он только при тщательной подготовке. Сначала точный план сражения, и не торопиться. Поверь мне – первым делом авиация, потом артиллерия, и только потом – рукопашный бой, а лучше всего – штык в живот!

– Какая йодистая артиллерия? Какой ёкарный штык? Чего ты мне голову морочишь?

– завопил музыкант.

– Ну как хочешь, – мягко произнёс Володя. – Я своё дело сделал – дал твоему сознанию толчок…

– В смысле унитаз, что ли? – с пониманием подхватил охранник. – А ведь и я об этом всё время думаю…

Навернувши чайник чаю
и сожравши ананас,
я вниманье обращаю
на текущий унитаз!

Глава 172. ИГРА НА ХАТЕ (Про эгре́гор)

Кульминацией первой половины каждой игры, что уже давно известно моему постоянному читателю, была как раз средняя *тёмная* – всё на тех же 12 картах, но с одним отличием – их нельзя было посмотреть до сделанного заказа, который свершался также, как писание неким Гомером эпической поэмы «Илиада», то есть *вслепую*.

И вот тут автор, чувствуя на себе всю ответственность за этот важнейший раунд игры, позволит себе немного отвлечься от собственно битвы, – чтобы рассказать о некоем явлении, космически проникающем в каждого участника, хотя трое из них не знали об этом, а один, то есть Кулемзин, знал. И речь здесь пойдёт об *эгре́горе*.

Что, мой внимательный, умный, проницательный и любопытный читатель, не слышал ты этого знатного словца? Тогда слушай сейчас, и ты поймёшь, как оно сочетается с той же *русской кочергой*, с которой сочетается не только игровая составляющая, но и поистине вселенская, и марсианская в частности.

Гудели на авиабазе
пилоты: «Это ж надо, м-м-мать!
Играют в карты и на Марсе,
да в телескопы не видать!»

Итак, что же такое эгрегор? А это, други мои, чисто психоаналитическое понятие, и означает оно следующее. Специалисты-мутотисты и их братья специалисты-похренисты называют его по-разному: матрица сопричастности, тонкий организм коллективности и тому подобная хрень. Суть же этого понятия заключается в том, что абсолютно всё в мире взаимосвязано, всё общается со всем посредством неких психоэнергетических связей, и даже неживые предметы каким-то необъяснимым образом воздействуют на живые организмы, – например, карты и *раскладка* на покерных игроков.

Само слово эгрегор происходит от древнегреческого ἐγρήγορος, то есть бодрствующий – эдакий (прости, русский язык!) ментальный конденсат, порождаемый мыслями и эмоциями группы или общности людей, и обретающий самостоятельное бытие. Почему это слово незнакомо большинству населения и России, и великой Саксаулии? Да потому что понятие эгрегора чаще всего используют в эзотерике и оккультизме, а отношение к этой *хиромантической* братии в наших странах сами знаете какое!

«Видно, каждому – по вере!»,
говорят страдальцы:
хиромант всё знал о хере,
хиромант – о пальцах!

Самые простые примеры проявления эгрегора с точки зрения сторонников таких уче-

ний – это, например, синхронное поведение стаи птиц, косяка рыбы или опять-таки массы людей, связанных эмоционально и информационно. Кстати, первым автором, который использовал это слово в современных языках, был Викто́р Жозефович Гюго. Эгрегор у него появился уже в са́мом первом выпуске поэтического сборника «La Légende des siècles»[329] – сначала как прилагательное, а затем как существительное, правда, с весьма неясным значением. Кстати, поэт Кулемзин, анализируя этот момент, пришёл к заключению, что, по всей видимости, французский эгрего́р понадобился поэту Гюго просто для рифмы с богиней утренней зари Авророй, коя по-французски звучит как Орор!

[329] «Легенды веков» – фр.

Всё, как в книжке детективной,
где от тьмы до полутьмы:
наш эгрегор коллективный –
пиво пьём под карты мы!

Если принять в качестве посыла теорию, что в рамках именно такого объединения людей предполагается взаимное развитие эгрегора и индивидуумов через обмен информацией и энергиями, что способствует развитию гипотетической «коллективной психики», то в общем случае эгрегор можно охарактеризовать как некое порождение мыслей группы людей, *действующее независимо* от каждого из членов коллектива, а возможно, и от всего коллектива в целом.

Перечитай, мой читатель, ещё раз эту только что промелькнувшую перед твоим сознанием фразу, и ты поймёшь, что это написано как бы специально для той группы людей, о которой, собственно, и сочинена эта нескончаемая книга. Кстати, забавным автору здесь показалось то, что для каждого из пятерых сейчас сидящих на покерной скамеечке в теории эгрегора существовало своё определение.

В учпучмакской паранойе
всяк себя в кустах найдёт:
расскажу о всех героях –
кто болван, кто идиот!

Так, Кулемзин был ярко выраженным *эгрегориальным лидером*, то есть человеком, находящимся на вершине эгрегориальной пирамиды и, казалось бы, получающим от эгрегора огромную подпитку.

Нет иной такой планиды,
чем прославиться в бою:
на вершине пирамиды
всем бананы раздаю!

Так, Курманбаев мог бы называться *человеком эгрегориальной массы*, то есть среднестатистическим индивидуумом, который сильно подвержен влиянию большого количества эгрегоров и подчиняющегося эгрегориальным тенденциям, в результате чего среднее мышление таких людей меняется не сильно, так как влияние разных эгрегоров словно бы компенсирует друг друга.

Третьим типом были так называемые *эгрегориальные шатуны*, то есть люди, которые поочерёдно увлекаются то одной идеей, то другой, достаточно длительное время тратящее на каждое своё увлечение. Таким типом в нашей хевре был, разумеется, военный музыкант Батыршин.

«Хоть в лесу мы все коллеги»,
пресекал медведь бузу,
«я губач[330]-шатун-эгрегор –
информацию грызу!»

[330] Медведь-губач, или как называют его учёные-зоологи, Melursus ursinus, встречается в основном в низменных лесах и степях. В наш исторический период проживания на Земле обитает в Индии, Непале, Бутане и Шри-Ланке – прим. автора

А вот сторож-охранник Полтавцев в описываемом нами коллективе был так называемой *эгрегориальной марионеткой*, то есть тем, кто, как правило, пытается прикрыть свою психологическую травму эгрегориальной идеей по принципу: «Я чувствую себя ущербным, но зато состою там-то…». Кстати, именно это состояние, по мнению игрового гуру, и заставляет людей вступать в разного рода религиозные секты. И это совсем не пустые словá: вспомни, читатель, кто из покерной хевры был наиболее сильно привержен идее несуществующего *дедушки*.

И, наконец, *внеэгрегориальный человек*, в котором легко узнавался художник Муравлёв-Самогонов. Люди, подобные ему, в силу своих врождённых способностей или сознательной установки имеют в своей психике специальную защиту, которая на подсознательном уровне даже может блокировать влияние других эгрегоров. Не потому ли наш товарищ живописец так легко переносил мысль о том, что личная жизнь не удалась, но в то же время ничего не хотел в ней менять?

Но самым забавным было то, что в этой теории нашлось место даже для отсутствующего в данный момент антенщика Митрохина, который был типичным *надэгрегориальным человеком*, то есть тем, кто, обладая слабой защитой от всяческих эгрегоров, создал свой персональный эгрегор, который подчиняется исключительно воле его сознания, и особенно в моменты вынужденной трезвости…

Алкоголик-неврастеник,
потерявший стыд и честь,
трезвый я, когда нет денег,
пьяный я, коль деньги есть!

Глава 173. ИГРА НА ХАТЕ (Средняя *тёмная*)

Мой внимательный и измученный «Русской кочергой» читатель уже хорошо знает, что средняя *тёмная* – это крайне ответственный роббер в нашей игре. Само слово *тёмная* сразу же настраивает игроков на что-то печальное, если не сказать опасное, и они невольно концентрируются на своих заказах, даже если такая игра происходит, как сейчас, в вечернее время суток, когда такая концентрация давно размыта и подорвана огромным количеством употреблённого с утра пивка. Значимо в этом выражении и слово *средняя*, так как именно этот роббер является как раз средним между первой и второй половиной игры, а если учесть, что в *русской кочерге* таких робберов всего 27, то получается, что в первой половине 13 таких раундов, и во второй – ещё 13. И, значит, этот серединный роббер – просто подарок для суеверных игроков!

Я люблю число 13 –
точно так же, как 15,
точно так же, как и 100 –
то, что в рюмку налито!

Трагизма в текущей ситуации добавляло и то, что показатели, с которыми игроки по-

дошли к волнующему моменту, были, строго говоря, нестандартными: на первом месте уверенно закрепился Серёжа, на втором с большим отрывом находился Талгат, а на третьем и четвёртом Нуртай и Володя соответственно. И особенно печально было писателю, хотя он как никто знал, что Фортуна, эта внебрачная дочь великого Случая, дамочка весьма капризная, и задобрить её, как полагают наивные верующие, обращающиеся к несуществующему *дедушке*, а на самом деле выпрашивающие себе банальную удачу, не получается практически никогда, а если получается, то это не результат бессвязного бормотания так называемых молитв, а просто случайность, которая тоже является одним из проявлений всё то же Случая.

Поэтому автор и написал, что Альбионычу было всего лишь печально, а не, например, тяжко, безнадёжно, горько, трагично, ужасно или катастрофично. Он (Альбионыч, а не автор, хотя и автор тоже) знал, что впереди ещё 13 робберов, а, значит, есть… нет, не глупая надежда… а всего лишь вероятность того, что положение можно выправить настолько, что занять, например, второе место, а то и первое. Хотя такое стремление к безусловному успеху, кое вот уже третий век практикуют в Америке, ему было и чуждо, и противно: марсианин как никто знал, что такой успех – призрачен и ненадёжен, и всегда говорил о том, что побеждённый лучше победителя, ибо победителю стремиться больше некуда, а вот побеждённому – наоборот!

Жизнь судьбину обозначит –
ей ты, друг, не навреди:
проиграл ты – это значит,
что победа впереди!

Между тем, этот важный роббер уже был готов начаться: покеристы сделали свои заявки вслепую, не видя пришедших робберов, и сейчас с внутренним напряжением переворачивали карты, чтобы или вскрикнуть от восторга угадайства (мысленно!) или же тихо застонать от ужаса будущего пролёта (тоже, разумеется, мысленно). Больше всех боялись пролететь Мусаич и Салихдзяныч, которые, как помнится, были на третьем и втором местах: педагог – того, что может откатиться назад, а старший трубач – того, что потеряет с таким трудом завоёванную вторую ступеньку пьедестала.

А лучше всех себя чувствовали Афанасьич и Альбионыч: сторож-охранник – оттого, что по-прежнему находился в лидерах, и мысли о будущей неудаче даже не держал в голове, а литератор – потому, что главной мыслью на этот отрезок игры у него была такая: «Да пошло оно всё!»

От себя не жду отдачи,
коль полно ещё вина,
не волнуюсь об удаче –
пусть волнуется она!

А спокоен он был потому, что и далее планировал придерживаться заданного курса. Как наверняка помнит мой внимательный читатель, этим курсом было стремление не пресекать, а, напротив, поддерживать всякие разговорчики, – с тем, чтобы сбивать с так называемого русского панталыку остальных игроков, тем более, что о разговорчиках во время игры в правилах великой *русской кочерги* ничего сказано не было, хотя Кулемзин и считал это своим упущением при первоначальной учёбе.

Дело в том, что марсианин заявил три взятки, а пришли ему всего лишь три небольших козыря и ни одного *гранда*, но зато в руке он держал пару тузов некозырных национальностей, а в голове – будущую песнь победы!

Первый ход на беду делал саксаульский коммунист, который заказал аж четыре взятки – в надежде на выравнивание ситуации в свою пользу. Нуртай тщательно прицелился и выстрелил в центр зального стола пиковой семёркой, или Его Величеством Покером.

– По джокерам, мать моя КПСС! – звонко выкрикнул он таким страшным голосом, каким партийные политруки кричали «В атаку!» почти 60 лет назад.

Паучок Джон, живший в квартире литератора уже не первый год, от грома среди ясного потолка поджал лапки, но быстро опомнился и побежал по паутинке в свой юго-восточный угол стены, где у него был маленький невидимый другим домик.

Страшное выяснилось не сразу, а только через пару минут, когда тяжёлый роббер закончился, но сейчас ещё никто не предполагал, что преподаватель еврейского колледжа задумал очередную пакость. Дело было в том, что к нему пришла не просто хорошие карты, а очень хорошие, среди которых были не только названный покер, но и младший джокер, четыре весьма приличных козыря, включая туза, а также последний некозырный туз, ибо ещё два были, как мы помним, у хозяина катрана.

Со стоном, который планировался ещё на прошлой странице, свои джокеры отдали Батыршин и Полтавцев, Володя же скинул какую-то ненужную тройку, после чего (прости, русский язык!) экзекуция продолжилась: Нуртай выложил на стол оставшегося джокера и заявил *по козырям*. И этот ход можно было признать удачным, ибо в результате его вылетели козырные дама и валет, которые до этого тихо-мирно поживали в руках старшего прапорщика и младшего охранника на доверии. А если мой читатель позабыл, то возглас «По козырям!» обозначает то, что нужно выкладывать именно самые старшие козыри, а при мизе́ре – самые младшие.

В результате токсикоза,
что ужасно болево,
застрелился старший козырь –
от величья своего!

Поняв, что происходит что-то ужасное, все тут же забыли корпоративный дух игры, который безуспешно насаживал в коллективе Альбионыч, и начали хапать то, что удавалось хапнуть. И только писатель не показывал своего волнения, так как знал, что козыри закончатся уже скоро, после чего придёт пора́ его двух тузов и одного короля. Вскоре так оно и произошло: Курманбаев нахапал шесть взяток вместо четырёх, Володя взял свои три, а вот саксаульский обер-фельдфебель и сторож без погон и винтовки пролетели значительно – Талгат на две взятки, а Серёжа аж на три! Так что результатом средней *тёмной* остался доволен только хозяин Личного Место-Имения, перескочивший с последнего места сразу на второе.

Виновником такой покерной аварии Афанасьич справедливо посчитал большевика, после чего отвернул лацкан своего пиджачка, вытащил из-за отворота иголку с белой ниткой и незаметно уколол педагога в спецместо.

– Ты что, совсем с ума съехал? – заорал Курманбаев.

– Да это, мать честная, Володя меня научил, – начал оправдываться Серёжа.

– Яйчики-бабайчики, когда? – изумился Кулемзин.

– Ну, ты же в прошлый раз говорил, что когда Нуртай будет так играть, нужно подвергнуть его остракизму[331]!

[331] Гонение – гр. Смешно, но это слово происходит от гр. ostrakon, то есть черепок. В Древней Греции изгнание опасных для государства граждан решалось путём тайного голосования посредством черепков, на которых писались имена изгоняемых – прим. ист. редактора

Лишний раз не заругаю
я того, кто безголов:
остракизму подвергаю
друга, шило в зад вколов!

Затем досталось и недоделанному младшему лейтенанту.

– Чего ты против своих? – воскликнул бывший текстильщик, и даже в знак своей правоты тут же допил пáру глотков из батыршинской бутылочки «Маршала»

Салихдзяныч, признавая свою вину за то, что во время игры перебил полтавцевского валета своим королём, потупился.

– Да-да, товарищ старший прапорщик, нехорошо поступаете, – поддержал охранника Володя. – Вы прямо как Суздаль в XIII веке, который пошёл войной на дружественный ему Новгород. А ведь эти два древнерусских гóрода были, как остроумно заметил наш друг Полтавцев, *свои*…

Хотя по большому счёту Серёжа мог бы и не ругаться, ибо своё первое место он сохранил, до этого далеко оторвавшись от коллектива – как космический аппарат «Спутник-1» от Земли в 1957 году. Но самым смешным оказался тот факт, что ленинец Мусаич, хапнувший больше всего взяток, получил всего лишь 12 очков за перебор – вместо запланированных 150-ти, и в результате этого скатился на последнее место, которое до этого занимал Альбионыч, взявший сейчас 120 очков.

Это просто гривуазно[332]:
вроде я невозмутим,
но на пьедесталах разных
мы с товарищем стоим!

[332] От фр. grivois – игривый, легкомысленный

И, наверное, была в этом какая-то высшая справедливость, как подумали все за володиным столом, включая неиграющего живописца Валеру. Все, кроме самогó Володи, который был уверен в том, что случай есть Случай – и не более того, и если он случился, то, значит, так и было надо беспокойной Суке-судьбе…

Глава 174. ИГРА НА ХАТЕ (Под посторонние разговорчики)

Но всё произошедшее было, разумеется, только первой половиной игры, а мой поднаторённый в покерных ситуациях читатель уже хорошо знает, что за оставшиеся 13 роббберов может случиться всё что угодно, тем более, что никто из игроков, как видно из предыдущих томов нашей книжки, (прости, русский язык!) трискаидекафобией, или боязнью числа 13, не страдал, а Серёнька Афанасьич однажды в разговоре с Кулемзиным даже таинственно признался, что номер его квартиры 31 – это как раз перевёрнутая цифра 13, хотя Володя представлял себе эту картинку несколько иначе:

Здесь хозяин катрана заметил, что все, включая неиграющего Николаича, облизывают губы, и понял, что пиво закончилось, а свежего больше не было.

– Может, царица лесная, за пивком сходить? – робко предложил Полтавцев.

– Ага, – иронично отозвался Альбионыч, – а за тебя, яйчики-бабайчики, пока Валера поиграет!

– А что, святой Малевич, – расхрабрился живописец, – могу! Я, например, уже выучил, что в колоде две красных масти и две чёрных! А ещё знаю, что пятёрка больше четвёрки…

– Нет-нет, – открестился от заманчивого предложения сторож, который ни за что не хотел терять своего первого места. – Давайте уж лучше потерпим…

– А вот это правильно, – похвалил его писатель. – Тем более, что полпартии, как показывает наша практическая практика, длятся всего лишь 20-22 минуты.

– У нас ещё в запасе 14 минут! –

с энтузиазмом известил коллектив педагог – словами Владимира Войновича на музыку Оскара Фельцмана.

– Лучше бы ты, Нуртай, – тут же опроверг его оппонент из числа знатных саксаульских литераторов, – спел такие слова:

«А до смерти 4 шага!»

, кстати, Алексея Суркова на музыку Константина Листова.

Только вы, друзья, заметьте,
что на карточной стезе
дружно мы шагаем к смерти,
но при этом живы все!

При этих словах он справился с *раскладкой* на предмет того, кто сдаёт очередной роббер – на 12 картах, и подвинул колоду к Салихдзянычу. Военный музыкант недрогнувшими руками схватил её и начал молча метать карты на стол, и все невольно подивились его выдержке и твёрдости. А удивляться здесь было нечему, ибо старший прапорщик хорошо помнил текст воинской присяги, где в третьем абзаце были слова о том, что он клянётся быть мужественным и смелым!

Не расстроился отказом от игры и Муравлёв, ибо хорошо помнил слова́ автора из главы 169 о том, что именно ему (Муравлёву, а не автору) и Митрохину страшно повезло – тем, что игра продолжалась не молча, а под занятные диалоги наших персонажей. То и дело в процессе битвы сыпались реплики типа:

– С тебя толку, мать честна́я, как с козла слоновой кости!

– Не учи ёкарного папу Карло дрова колоть!

– Прямо не в бровь, яйчики-бабайчики, а ниже!

– В силу, мать моя КПСС, данного мне таланта…

В игровой альтернативе
я в сознанье небольном,
ведь талантлив в картах, пиве –
потому и в остальном!

И хорошо, что такие разговорчики были, так как длинные робберы, то есть на 12, 11, 10 и 9 картах, были несколько напряжённее, чем остальные, и эти отвлечения хотя бы по минимуму сохраняли общий психический, психологический, а иногда даже и психиатрический климат в коллективе.

Так, проиграв две взятки из заказанных четырёх, Батыршин впал в незапланированную депрессию, и только короткий разговор с Володей помог ему выйти из неё.

– Ты, старик, имеешь одну плохую черту, – обратился писатель к убитому горем трубачу. – Ты всё ещё на что-то надеешься в этой жизни. А иллюзии в наше не терпящее сантиментов стальное время непростительны, ведь они имеют обыкновение разбиваться…

– Ну, ты же тоже надеешься на выигрыш, когда садишься за игру? – горько уточнил Талгат.

– Я – другое дело, – пояснил Кулемзин. – Я сразу родился циником, а броня цинизма, как ничто другое, надёжно защищает от жизненных разочарований и отлично сохраняет персональную нервную систему.

Всяк по-своему свинячит,
страшен всяк в своей красе:
циник я, а это значит,
что мне по хрену вы все!

Так, Курманбаев, сделав очередную пакость, причём, не только одному Полтавцеву, но и менталитетам остальных игроков и даже примкнувших к ним Валеры и Васюхана, посмотрел на глядевшего на него исподлобья Кулемзина и порадовался тому, что сейчас день и вокруг них находятся люди.

– Нехорошо как-то, – ханжески известил педагог. – Я прямо чувствую, как растёт масса агрессии против меня!

Причём, последние слова́ он произнёс с такой интонацией, с какой в былые советские времена произносились фразы из отчётных докладов ЦК КПСС (б) очередным съездам партии: растёт, мол, империалистическая агрессия против стран мирного социалистического лагеря, то есть с едва сдерживаемой душевной тревогой и полным осознанием масштаба и важности проблемы.

Затем, увидев, что ему никто не отвечает, закончил спич уверенной фразой:

– Но будущее всё-таки за нами, коммунистами всей планеты!

На что тут же получил ответ от штатного философа второго микрорайона города Отцеябловска:

– Скажу тебе, Мусаич, безо всякой астрологии: нет у тебя никакого будущего, потому что просто не может его быть. Потому что, Нуртай, если есть у тебя хоть какое-то будущее, то другим вообще не нужно никакого будущего – потому как тогда всякое будущее не будет иметь смысла!

«Ловко!», мысленно похвалил философа Серёжа и, достав заветный блокнотик «Для му.мы.», пополнил его странички такой мыслью: «Бессмысленно будущее коммунистов всей планеты, потому что они разрознены в своей борьбе и с каждым веком их становится всё меньше!». Он перечитал написанное и порадовался, насколько же его искромётная мысль куда как лучше расплывчатой кулемзинской.

Мысль должна быть точной, чёткой,
чтоб её просёк дурак,
чтоб не захлебнулся водкой,
чтоб рассеялся вмиг мрак!

Так, Афанасьич, вспомнив, как он трижды удостаивался значка «Победитель социалистического соревнования», не очень внимательно рассмотрел пришедший роббер на десяти взятках и неожиданно выкрикнул

– Пять!

Володя вздрогнул, записал нелепую заявку и только потом посмотрел на головного страдальца тем взглядом, каким смотрит мудрый отец на своё неразумное чадо, неожи-

данно предложившее самим переделать их старенький *запорожец* в межпланетный звездолёт – для полёта в субботу на Луну. Заявка была нелепой по определению, потому что у самогó гуру в этот момент на руках были два джокера – старший и младший, да к тому же целых четыре весьма недурных козыря. Так что возглас Полтавцева Кулемзин расценил как очередную *невзначайку*, а прокачивать такие невзначайки наперёд у знатного охранника получалось как у деревенского астролога.

– Зря ты так, старичок, – попенял он бывшему ударнику соцтруда.

– Я так и подумал, что вы меня неправильно поймёте, как я правильно не понимаю вас, – высказал наболевшее Серёжа.

Литератор при этом завистливо посмотрел на страдальца: ему с его несколькими высшими образованиями и даже учёными степенями было очень далеко до составления подобных перлов. Но не ответить на это утверждение было нельзя.

– Ты мне сейчас напоминаешь некоего Христа, – посетовал писатель, после чего семижопинец приосанился и даже стал выглядеть на 11,6 процента лепее[333], чем раньше.

[333] ***Антоним русского слова нелепее – прим. филолог. редактора***

Голова моя как репа,
кислый мозг мой как кефир:
но себе кажусь я лепым,
ведь нелеп весь этот мир!

– Да, так вот: этот библейский литературный герой тоже однажды подошёл к какой-то смоковнице[334] и увидел, что на ней нет плодов. Что бы сделал на его месте менее эксцентричный человек, которому в этот момент сильно хотелось бы есть? Бегóм бы побежал искать следующее дерево. А этот не нашёл ничего лучшего, как взять и проклясть её! Вот так, впрочем, и у меня самогó, – неожиданно закончил он. – Моя жизнь – это поезд. В лучшие моменты жизни мне казалось, что я им управляю, в худшие я представлял себя его пассажиром. А теперь понимаю, что всё это время лежал на рельсах...

[334] ***Евангелие от Матфея, 21:8-19 – прим. богосл. редактора***

Глава 175. ИГРА НА ХАТЕ (Под посторонние разговорчики, продолжение)

Вот под такие разговорчики, кои страшно любили художник и антенщик, промелькнули длинные робберы, и пришла очередь не то чтобы коротких, но вполне таки средних. К этому моменту некое выравнивание ситуации всё же произошло: так, Кулемзин переместился на второе место с четвёртого, поменявшись местами с Курманбаевым, Батыршин как был, так и скучал на третьем месте, хотя сделал это с большим трудом, а вот Полтавцев грыз зубами каждого, кто покушался на его лидерство, и хотя на рожах игроков следы укусов пока не были видны, первое место так и сохранилось за сторожем.

Серёжа был опытным бойцом, хотя и несколько дураковатым, но даже он сейчас понимал, что, как неоднократно говорил его сосед по лестничной площадке Нуртай, надо вдвойне, а ещё лучше втройне усилить бдительность, правда, как это сделать реально, не знал, и очень этим мучился.

Я буду бдить, как часовой!
Моя кликуха – Броневой…

«Может, Володя что-нибудь подскажет?», подумал сторож и стал прислушиваться к разговорам, которые, с одной стороны, мешали ему сосредоточиться, а, с другой, радовали, что игра протекает не так скучно. И дождался!

– Никто не пожелал отведать парадокса, – внезапно пробормотал Альбионыч, который вместо запланированных двух взяток нечаянно хапнул ещё две лишних. Его не расслышал ни один из присутствующих за игровым столом, кроме, разумеется, внимательного Полтавцева, который сейчас следил за каждым словом покерного гуру. Результатом такого следопытства стала следующая запись в книжечку «Для му.мы.»: «Если наш парадокс никто, не забудь его как следует раскусить!», что, впрочем, было вполне логично.

Но здесь оказалось, что просто такого следопытства было мало, так как старший дудочник тоже перебрал одну взятку, а вот страдалец Афанасьич и саксаульский ленинец Мусаич пролетели каждый по одной взятке.

– Молодец, Талгат! – довольно воскликнул писатель. – Ты прямо как тот Семёнов!

– Может, Кожамкулов? – с сомнением произнёс военный музыкант, который вспомнил своего друга старшину, на которого, честно говоря, хотел быть похожим уже много лет, потому что у того была трёхкомнатная квартира в центре Отцеябловска, большая дача с плодовыми деревьям и кустарниками, а также три любовницы, одна из которых служила балериной того самого театра имени Бабая, где и подрабатывал обер-корнет.

– Нет-нет, именно как Семёнов, – услышал он ответ марсианина и вместе с ним вышел из незапланированных воспоминаний.

Говорила пню кобыла:
«В голове моей дыра:
вспоминаю то, что было –
ну, хотя бы вот вчера!»

– А это кто? – поинтересовался Муравлёв, которому было интересно всё, лишь бы оно не относилось к игре.

– Да был такой замечательный прапорщик в годы правления русского царя Александра № 1. Он храбро воевал с французами в 1812 году и даже был представлен к ордену святой Анны III степени – за то, что малыми силами сражался с превосходящим числом противника и направил своих солдат в штыковую атаку, после чего европейцы дрогнули и отступили. Кстати, этому храброму прапорщику на тот момент было всего 13 лет!

– Так ты что, намекаешь, что мне тоже положен орден? – дрогнувшим голосом выдал своё тайное стремление военный человек.

– Нет, я намекаю на то, – весело резюмировал Володя, – что, судя по твоему ходу, количеством лет с этим храбрым прапорщиком ты не отличаешься нисколько.

– Почему это? – обиженно завопил еврейский зять.

– Да потому, балда, – тут же присвоил Салихдзянычу новое воинское звание покерный гуру, – что предпоследнюю взятку ты мог сбросить *за простую*, и тогда тебе не пришлось бы брать ещё и лишнюю последнюю.

– Так у меня же был сам покер! – попробовал оспорить решение суда трубач.

– И что? Серёжа пошёл как раз пиковым королём, а твой покер, кстати, тоже пиковой масти, – при наличии нескольких граммов разума – превращался как раз в ноль.

В глупость иногда впадая,
коли радуюсь бабью,
превращаюсь в ноль тогда я,
если пиво с водкой пью!

– Точно! – проснувшись от мыслей о своих двух бывших жёнах, авторитетно, как эксперт, произнёс Митрохин, но по взгляду шнапс-капитана понял, что только что нажил себе ещё одного врага.

А вот следующий роббер на семи картах продолжить оказалось затруднительно, потому что ход был сторожа, но он вместо того, чтобы сделать очередной заказ, стал в «уме» подсчитывать сумму своего заработка в магазине «Пингвин и гагара», если попросит хозяина добавить ему три дополнительных дежурства в месяц.

– Серёжа, ты ходить будешь? – оторвал его (охранника, а не хозяина) от сладких мыслей Кулемзин. – Или опять мечтаешь о чём-то?

– Мечтаю, – признался сторож.

– И о чём?

– Да о пенсии! – легко соврал сторож. – Вот когда выйду на неё, то буду сидеть дóма и *просто* – без зарплаты – смотреть телевизор и разгадывать кроссворды…

Когда-то юным пионером,
играя с бабками в лото,
мечтал я стать пенсионером.
Ну, вот на пенсии… И что?!

И тут Муравлёв с Митрохиным, хотя уже и сидели которую минуту без пивка, обрадовались ещё раз, потому что условно отвлечённые разговорчики – хотя и про игру и под игру – продолжали продолжаться! А очередной из них, заметив кое-что, не слишком заметное другим, по традиции начал покерный гуру.

– Знаешь ли ты, Нуртай, что матроса только в одном случае называют человеком?

– В каком?

– Когда он за бортом!

– Как это? – внезапно обеспокоился живописец Николаич, как будто собирался завтра же устраиваться на курсы молодого моряка, а сейчас решил выяснить нюансы этой нелёгкой профессии.

– Да так, Валера, – объяснил знайка, – что когда наглотавшийся рома матрос падает, например, в Индийский океан, все дружно начинают орать: «Человек за бортом!»

– А при здесь я? – забеспокоился педагог.

– А ты подумай.

Серёжа тут же достал знаменитый блокнотик «Для му.мы» и сделал следующую запись: «Нуртай никогда не будет человеком, потому что он не матрос!»

Честно я отвечал при опросе:
«Я не вру, и сейчас побожусь:
никогда я не буду матросом,
потому что водички боюсь!»

А начал этот разговор Кулемзин не на пустом месте, ибо заметил, что одна карта из тех, что судорожно сжимал в потной ладошке педагог, вдруг совершила некий стремительный кульбит, проскочила в колоду, а обратно в ладошку вернулась уже не та. Альбиоыч понимал, что Нуртай все эти пакости проделывает не сам, а с помощью иблиса, притаившегося за креслом, и мог бы, конечно, сейчас же убрать строптивого чертяку из своего дóма – например, как прошлый раз, с помощью истиазы[335], но решил, что доигрывать эту последнюю партию на хате осталось всего минут 10, и мудро остановился в законной мести.

[335] Молитва в исламе для изгнания иблиса. Эпизод, о котором вспоминает герой, произошёл ещё в первом томе романа, в главе 293 – прим. гл. редактора

Когда Курманбаев делал именно такие вещи, начитанному литератору всегда вспоми-

нался случай из античной истории – о казни некоего доносчика Филолога (!), выдавшего убийцам Цицерона. Так вот, вдова Квинта, брата Цицерона, по имени Помпония, получив право на расправу с Филологом, заставляла его отреза́ть куски мяса от собственного тела, жарить их и есть. Просто какие-то их нравы!

– А ты к чему этот разговор начал? – густо покраснев, спросил большевик, тем более что секундой ранее нисколько не удивился, обнаружив в остатках роббера новую карту – бóльшую по значению и по масти.

– Да к тому, – объяснил писатель, – что английском языке есть идиома – pick pennies in front of a steamroller, а буквально – подбирать монетки из-под асфальтового катка.

– Как это? – подпрыгнул на володином стуле сторож, чуть не развалив его.

– Ну, то есть подвергаться огромному риску ради копеечной прибыли, – объяснил хозяин катрана.

Не люблю молву людскую,
ведь её не прекратить:
жизнью я своей рискую,
чтоб копеечку добыть!

Глава 176. ИГРА НА ХАТЕ (Под посторонние разговорчики, окончание)

Услышав второе слово в иностранном выражении, Нуртай немедленно ещё раз густо покраснел.

– Что с тобой, старичок? – поинтересовался Васюхан, который сидел как раз напротив педагога.

– Да Володя, как всегда, всё опошлил, – выдавил из себя Мусаич.

– Я?! – возмутился марсианин. – И в чём же?

– Да в том, что в нашей приличной компании сказал про какого-то пениса!

– Серёжа, – ещё больше возмутился покерный гуру, – ты же блестяще владеешь каким-то языком…

Полтавцев важно кивнул головой и стал вспоминать, каким именно.

– …так объясни этому иблису, что я имел в виду!

– Ну, во-первых, сосед, – начал свою научно-просветительскую лекцию охранник, – тебе нужно лучше мыть уши.

– При чём здесь какие-то уши? – поперхнулся Курманбаев.

– Да при том, что люди с чистыми ушами – как, например, я – всё слышат правильно. Ведь Володя сказал не пенис, а пеннис, причём по-английски.

– И что это значит? – заинтересовался чужим пеннисом художник. – В нём два *н* – потому что длиннее?

Вам скажу, не ерепенясь:
«Что ж, совсем я идиот?
У кого длиннее пенис,
тот быстрей почёт найдёт!»

– И ты туда же, – расстроился экс-текстильщик. – Тогда слушайте ещё раз: в Англии, кою я сейчас имею сомнительное удовольствие представлять…

Здесь ему пришлось на полминуты прервать лекцию, слушая звуки выбиваемой пыли из спины педагога под мощной дланью старшего трубача.

– …с давних времён и по сей день имеет хождение некая монетка под названием пенни, правда, употребляется и такое название, как пенс.

«А-а-а, понял», обрадовался живописец. «Это тот же пенис, только теперь короче!»

– Так вот по-английски, – завершил лекцию научный обозреватель Афанасьич, – одна такая монетка пишется penny, а когда их несколько, то pennies. А уже чего кому неприличное послышалось, так тот пусть скажет merci родной коммунистической партии, которая воспитала такого неразумного члена.

Услышав последнее слово, Альбионыч густо покраснел и свернул лекцию, предложив играть дальше, чем все тут же и занялись. А автор, чтобы читатель не подумал, что все эти диалоги придумались из-за страшной жары в Бермудском Учпучмаке, предоставляет возможность самому́ убедиться в существовании этого предмета разговора:

Надо заметить, что в покере Альбионыч был мудр, как Фалес Милетский. Автор, конечно, надеется, что этого первейшего мудреца Древней Греции, жившего в VII-VI века́х до нашей эры, знает большинство просвещённых читателей. Но для немногих неучей, затесавшихся в наши славные ряды, добавим, что ещё за три века до Евклида этот учёный создал линейную геометрию, а также первым с точностью до одного дня предсказал затмение солнца.

Знают даже лихие японцы –
под сакэ на двоих, на троих:
от пороков людских наше солнце
затмевается чаще других!

К чему бы такие отступления? – воскликнет мой читатель. Да к тому, что если уж пошла игра с посторонними разговорчиками, то писатель хотел воспользоваться своим правом вставить между робберами предыдущее знание о древнегреческом мудреце, но решил, что, пока он не на первом месте, это будет выглядеть неприлично, и делать этого не стал. А вот мой читатель, как бы ни возмущался такими перебивками, теперь в любую секунду сможет заглянуть на эту страницу 430 и освежит в памяти подвиг математика.

А честная *раскладка*, тем не менее, в очередной раз отразила сразу два показателя: во-первых, то, что наши игроки наконец-то подошли к заключительному робберу под названием *последняя тёмная* – вновь на 12 картах, и, во-вторых, показала всем участвующим и неучаствующим, что непотопляемый в этой партии Афанасьич по-прежнему гнездился на первом месте, на четвёртом также по-прежнему оставался бравый оловянный прапорщик Салихдзяныч, а вот за второе и третье места́ предстояло посражаться Альбионычу и Мусаичу.

Как в каких-то пыльных тирах,
где стреляют антилоп,
бьёмся мы не на рапирах –
козырями лупим в лоб!

Итак, все стали делать свои заказы.

Серёжа, как и положено лидеру, осторожно заказал три взятки, то есть допустимый минимум, а также с помощью калькулятора, спрятанного в володином мобильнике, подсчитал, что даже если пролетит на одну взятку, то всё равно будет победителем.

Нуртай, решив проявить себя настоящим коммунистом, осмелел до того, что заказал аж 5 взяток, тем более, что за несколько секунд до этого вспомнил замечательную работу Владимира Ильича Ленина «Философские идеалисты», а из неё не менее замечательные строки о смелости: «Судите теперь о *смелости* заявлений Богданова, будто в философии Маха «абсолютно нет места для свободы воли», когда сам Мах рекомендует такого субъекта, как Клейнпетер…»[336], хотя понятия не имел, ни кто такой Мах[337], ни тем более кто такой Клейнпетер[338]!

[336] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 233 – прим. полит. редактора
[337] Эрнст Вальфридович Мах – австрийский философ-позитивист – прим. философ. редактора
[338] Ханс Герхардович Клейнпетер – австрийский философ, популяризатор махизма – прим. философ. редактора

Талгат, решив сделать последний рывок, чтобы обойти того, кто окажется на третьем месте, также заказал 5 взяток, хотя и трепетал от ужаса космического толка. Шутка.

В голове сидит занозка,
в сердце льда кусок проник,
пролезает в поры мозга
космоса ужасный лик!

И, наконец, Володя, проанализировав позицию, сложившуюся к концу партии, сделал скромный заказ в три взятки. Почему? Этому было сразу несколько причин: во-первых, чтобы в случае прихода не очень хороших карт было легче взять свои, во-вторых, чтобы было проще обойти своего основного на этот соперника, то есть Курманбаева, и, в-третьих, сэкономить кучу нервных окончаний, которые сгорят у других, но только не у него!

Когда все разобрали карты, ибо делали заявки *втёмную*, то есть не глядя в пришедшие робберы, на благословенной территории кулемзинского Личного Место-Имения послышались разные звуки: стоны, всхлипы, крики радости и прочие эмоциональные выражения, которые всякий раз возникают за карточным столом.

Писатель заглянул в свои карты и успокоился: они были таковы, что смело можно было брать и четыре, и пять взяток, но при желании, скинув в процессе игры лишнее, взять свои три взятки. И это было правильным решением – сразу с двумя вариантами развития: первый – подождать до пятого-шестого хода, посмотреть, сколько к тому времени хапнет преподаватель еврейского колледжа, а потом скорректировать его игру своими двумя маленькими джокерами, и второй – сразу же начинать бомбить всех (в том числе и ленинца!) – в надежде, что именно он не уйдёт, как писал некий Алексей Курганов в своём произведении под названием «Кантата о суровой правде, мерзкой подлости и справедливом возмездии, чтобы везде и всегда этим скотам не жилося!», от сурового возмездия!

Скукожатся созвездия
в хранилище богов:
суровое возмездие
постигнет всех врагов!

И получилось так, как он (писатель, а не некий Курганов) задумывал: первое место ос-

тавил за собой охранник, последнее обер-корнет, а вот третье место, за кое бился строптивый коммунист, Володя закрепил именно за ним, сам же вышел на второе место, приписав себе в общем рейтинге ещё 3 очка.

Кстати, распределяя все сомнительные подвиги этого роббера, он списал Батыршину, и так находившемуся на последнем месте, не только 90 очков за недостачу двух взяток, а ещё и 100 очков (удвоенные 50) за нарушение. Дело в том, что саксаульский трубач в игровом раже пропустил крестовый ход семижопинца, и забрал взятку маленьким козырьком, хотя и обязан был отдать взятку, так как имел трефовую двойку, которую чаще всего (если она, конечно, не козырная) бьют все, кто хотят!

– Да я случайно! – начал оправдываться Салихдзяныч.

– А случайное есть частный случай закономерности? – сурово спросил гуру.

– Какая чепуха! – воскликнул Курманбаев.

– Кстати, это не я придумал, а некий Маркс, – улыбнулся Володя и, чтобы не оставлять иллюзий, уточнил:

– Карл Генрихович.

Педагог досадливо поджал губки.

А вот Кулемзин вдруг ощутил странное жжение в своей тыкве и тут же понял, что её посетил очередной Хронотоп, а потом и осознал его тему, которую мой читатель узнает буквально из следующей нерифмованной строчки.

Хоть роман, а хоть поэму,
хоть стишки про дортуар[339]:
на любую пишем тему,
лишь бы дали гонорар!

[339] *От франц. dortoir – общая спальня для воспитанников в закрытых учебных заведениях*

Глава 177. КРИТИКА «КАПИТАЛА» КАРЛА МАРКСА И МАРКСИЗМА В ЦЕЛОМ (Хронотоп № 44)

Многие считают, что идеи Маркса, изложенные в его фундаментальном труде «Капитал», незыблемы и до сих пор актуальны. Но жизнь в виде исторического развития показала, что это далеко не так. Вот главные темы книги, на которых до сих пор спотыкаются поклонники «Капитала», но не признаются в этом даже под пытками. Шутка.

Это возникновение прибавочной стоимости, оценка качества труда и создание объективного критерия такой оценки, оценка само́й стоимости, справедливое распределение доходов согласно «полезности» работника и некоторое другое. К тому же, надо учесть, что во времена Маркса вообще не было понятия плановой экономики, по которой СССР (б) и другие соцстраны жили почти три четверти века. И, наконец, главный *спотыкач* сторонников Маркса: краеугольный камень марксизма – его подход к пониманию исторического развития общества. Попробую развеять несколько мифов вокруг этой книги.

Из бумаги и металла
мы деньгою строим храм:
мифы возле «Капитала»
~~разобью~~ разопью, как 200 грамм!

О прибавочной стоимости

Сразу скажу, что подход Маркса к возникновению прибавочной стоимости был крайне субъективен, ибо предполагал её наличие не научно, а, скорее, интуитивно, тогда как

строго научное определение прибавочной стоимости требует другого подхода. Как и любая другая сущность, конкретный труд всегда может быть адекватно описан и количественной, и качественной характеристикой, ведь стоимость какого-то конкретного товара, создаваемого в процессе производства, связана с объективной оценкой качества воплощённого труда при его создании. И только после такой оценки можно переходить к оценке вре́менных затрат для определения стоимости.

Отсюда и разногласия в оценке качества труда. Она возможна только в условиях *справедливого рынка* труда, а это означает, что все члены общества имеют равное отношение к средствам производства, а также то, что рынок труда *сбалансирован*. Подобно оценке потребительной стоимости товаров, которую можно определить только на условном рынке товаров, качество конкретного труда может быть определено только при правильно организованном рынке труда.

А такой сбалансированный рынок труда означает, что общественный спрос и предложение на все виды экономической деятельности *выравниваются.* Если справедливый рынок труда не организован, то не может быть и объективной оценки качества труда, поэтому тут же исключается возможность объективной оценки стоимости товаров, а определение прибавочной стоимости в таких условиях становится также невозможным. Вот именно этого и не учёл товарищ Маркс, а позже товарищ Ленин, поверивший ему на слово, не поправил бородатого основоположника!

Не под *коксом*, не по пьянке,
не нашедши компромисс,
Ленин верил Марксу рьяно,
строя свой социализм!

Приведу простой пример, иллюстрирующий мои слова́. Простоты ради допустим, что всё, в чём нуждается человечество, может быть выращено на одном большом поле – с использованием неких технологий и неких орудий труда. И вот хозяин, обладающий всем этим, говорит:

– Люди! Если мы не обработаем это поле, не засеем его и не соберём урожай, мы все погибнем! Я вам предоставлю всё, что необходимо для работы на нём. Собрав урожай, мы все останемся живы и счастливы. Но поскольку поле моё, то будет справедливо, что распределять полученный продукт буду тоже я. Итак, вы получите 75 % урожая, а я 25 %.

– Зачем тебе так много? Тебе будет достаточно всего 1 % от произведённого продукта, поскольку ты не сможешь потребить остальные 24 %.

– Но ведь это именно я приобрёл большое поле, разработал технологии и создал орудия труда в должном количестве, а вашим делом было только *мотыжить*! Впрочем, если не согласны, – погибайте: у меня достаточно средств для выживания ещё на па́ру лет.

– *Иблис* с тобой, давай инструмент!

Ну, и как в таком случае определить происхождение прибавочной стоимости? Ведь хозяин поля мог назначить себе долю в 10 % или 0,1 %. Отсюда вывод: оценочного критерия организаторского и производственного труда *на субъективном уровне* нет и не может быть!

Не хочу я валерьянки,
самогона на клею́:
нет критериев для пьянки:
захочу – и ви́ски пью!

Так как же создать такой объективный критерий? И всё-таки он может быть создан на

основе рынка труда, но… только в условиях социализма, где отношение к средствам производства у всех членов общества *равное*. Но это возможно лишь тогда, когда собственность на средства производства общенародная! Например, государственная собственность не может обеспечить равного отношения к ней для всех членов общества, так как она управляется представителями государства, следовательно, при ней не может быть справедливого рынка труда.

И такая неизбежно возникающая *система назначений сверху* и появление хозяйственной номенклатуры служит этому подтверждением. И именно это, утверждаю я, оказалось глубинной причиной поражения социализма в СССР (б), так как неадекватный экономический базис привёл к невозможности изменить политическую систему, которая страшно хотела стать коммунистической, а по своей сути осталась буржуазной!

Всю экономику межуя,
не развиваясь в вышину,
сидели в партии буржуи –
и развалили всю страну!

Разберём это положение на примере. Пусть (как по Марксу) предприятие находится в государственной собственности, его дире́ктора поставили сверху представители государства и назначили ему твёрдую зарплату, например, в миллион рублей в месяц. Тогда, согласно Марксу, всё нормально: предприятие находится в государственной собственности и работает по спущенному сверху плану. Однако ясно, что внутри такой гигантской зарплаты имеется то, что присваивается только частниками и только при капитализме. Из этого следует, что возникновение прибавочной стоимости и её присвоение отдельными субъектами экономической деятельности появляется вследствие субъективности оценки труда.

Например, *на частных предприятиях* объективная оценка распределения дохода невозможна, поскольку собственники и управленцы будут трактовать распределение доходов в свою пользу. Но в условиях государственной собственности это может иметь место, так как назначения на должности и оценка деятельности руководителей осуществляется сверху представителями государства. Посмотри, мой читатель, на зарплаты и так называемые «золотые парашюты», которые получают сейчас топ-менеджеры *государственных* корпораций, и ты поймёшь, что я прав!

Славны мы своей обоймой,
и нам горе не беда:
парашютик золотой мой,
ты спасёшь меня всегда!

При общенародной собственности и наличии правильно организованного рынка труда, где управленческий состав *не назначается, а выбирается*, а зарплата определяется работниками предприятия, такая субъективность исключается. Поэтому Марксу надо было искать такую форму экономического устройства, которая исключала бы субъективизм в оценке труда каждого работника, а он (Маркс, а не каждый работник) этого не сделал. Но если такая форма не была найдена, то об объективности оценки труда не может быть и речи!

И, наоборот, если удалось найти такую форму, то у субъектов экономической деятельности появится возможность объективно оценивать труд каждого работника. Поэтому и бородатый основоположник, и и его ученик Ульянов, а далее, поверивши им, и другие вожди социализма по всей планете допускали одну и ту же ошибку: они отождествляли

государственную и общенародную собственность на средства производства. Однако государство и общество не тождественны друг другу: общественная собственность может быть только общенародной, то есть она должна принадлежать не государству, а всему народу. И если бы в СССР (б) это было так, тогда приватизация и залоговые аукционы в 90-х годах прошлого столетия, где государство распродавало свою собственность в частные руки, стали бы просто невозможными. А так появились олигархи, то есть самые крупные капиталисты, не приложившие к созданию своего капитала никакого труда!

Стать богатым так несложно
(люди гибнут за металл!):
я ворую где возможно,
пополняя капитал!

Глава 178. КРИТИКА «КАПИТАЛА» КАРЛА МАРКСА И МАРКСИЗМА В ЦЕЛОМ (Хронотоп № 44, продолжение)

О стоимости

Если говорить о трудовой теории стоимости, то Маркс, к сожалению, неадекватно оценивает и её. Как говорилось выше, это требует оценки качества труда, а оно может быть оценено только в условиях *справедливо организованного* рынка труда, и вот именно этому автор «Капитала» не уделил должного внимания. Более того, оценка качества труда должна происходить при справедливом распределении доходов именно между работниками: если труд одного оценивается рынком больше, чем тот заслужил, а другого – меньше, то труд как таковой объективно не оценивается, хотя и участвует у Маркса в определении меры стоимости.

Стоимость – это медаль, у которой две стороны. Одна сторона – это стоимость потребительная, которая может быть оценена только сбалансированным рынком товаров при условии отсутствия монополий. В определении этой стоимости участвует всё население, голосуя рублём и своими ногами за какой-либо товар. И вот такая потребительная стоимость здесь несет несколько иную смысловую нагрузку, чем это было у Маркса: она, как и меновая стоимость, описывается качественной и количественной характеристиками.

У Карла Генриховича потребительная стоимость товара – это полезность этого товара, что является чисто качественной характеристикой. А вот понятие *спрос товара на рынке* объединяет обе характеристики: если товар пользуется спросом на рынке, то он обладает полезностью, и наоборот, если товар полезен, то на него будет спрос на рынке.

У меня в мозгах граната –
я мозгами не скриплю:
мне полезно то, что надо,
а не надо – не куплю!

Однако спрос на рынке включает в себя ещё и *величину потребности* в товаре для общества, то есть количественную характеристику. Соотношение спроса и предложения товара на рынке определяет потребительную стоимость, выраженную в форме стоимости всеобщего эквивалента, или проще говоря, денег, то есть в цене товара. Если спрос на товар больше предложения на рынке, то потребительная стоимость, выраженная в деньгах, будет выше меновой, если спрос на товар меньше предложения, то потребительная стоимость, выраженная в деньгах, будет ниже меновой. Но и то, и другое приводит к неэквивалентному обмену между продавцом товара и его покупателем.

В первом случае, когда спрос больше предложения, производство товара увеличится, что приведёт к выравниванию спроса и предложения на рынке. Во втором случае – уменьшится с тем же результирующим эффектом. При равенстве спроса и предложения на товар меновая и потребительная стоимости совпадают, и обмен между продавцом и покупателем становится эквивалентным. Так что меновая и потребительная стоимости товара образуют некое диалектическое единство, синтезом которого и является стоимость как таковая при равенстве спроса и предложения.

Я не ставлю на колени,
но оправдываю риск:
денег нет – давай взамен мне
почку, печень и мениск!

Вторая же сторона этой медали – меновая стоимость, которая оценивается произведением среднестатистических трудовых затрат на производство товара в масштабах общества, и качество труда, воплощённого в него. Но это действует лишь при условии справедливого распределения доходов среди работников, а оно гармонично объединяет два аспекта стоимости. В случае несправедливого распределения, когда количество бедных в обществе велико, потребительная стоимость (спрос) на дешёвые товары будет повышаться, а на дорогие понижаться. При этом цены на предметы роскоши будут в разы превосходить их себестоимость.

Сама справедливость распределения в обществе тоже имеет два аспекта. Первый – это цена товара, по которой он реализуется на рынке. Справедливость в этом случае определяется качеством рынка и его организацией. В условиях здоровой конкуренции без монополий и картельных сговоров, что есть характерная черта только капиталистического рынка, качество рынка наивысшее – если рынок сбалансирован, то есть спрос и предложение уравниваются, а цены стабилизируются.

Важно и то, что организация рынка оптимизируется в том случае, если при движении товара минимизируется количество посредников. Самый идеальный вариант, когда предприятие представляет собой замкнутый цикл, то есть производство, хранение, логистика и реализация в торговых сетях собственной продукции находится под его управлением. В этом случае посредников нет, и учёт трудовых затрат во всей цепочке объективен.

Второй аспект – это справедливое распределение доходов предприятия в рамках рабочего коллектива. Экономические исследования сегодняшнего дня показали, что 95 % доходов населения любой страны с большой точностью подчиняются (прости, русский язык!) логнормальному распределению, а оставшиеся 5 % аномально высоких доходов, выходящих за рамки этого распределения, как раз и объясняются капиталистическим способом производства. Кстати, именно это может служить доказательством существования прибавочной стоимости при капитализме.

Пусть звучат победные фанфары:
я на рынке скоро воцарюсь,
ведь прибавлю стоимость товара –
и на этом крупно наварюсь!

Отмечу, что логнормальное распределение[340] вообще является фундаментальным законом, которому подчиняются многие явления как живой, так и неживой природы. Хотите примеры? Их есть у меня:

в биологии – это измерение размеров живых организмов;

физиологические измерения (например, артериальное давление крови);

в гидрологии – при анализе экстремальных значений месячного или годового уровня осадков, а также водостока рек;

в экономике – распределение доходов населения;

в финансах – изменения в обменных курсах валют, индексов цен и фондовых бирж;

в механике – коэффициенты трения и износа и т.п.

[340] ***Термин теории вероятностей, обозначающий двухпараметрическое семейство абсолютно непрерывных распределений – прим. науч. редактора***

Резюмируя, можно сказать, что только при реализации этих двух аспектов *справедливости распределения* в условиях *справедливого рынка* труда можно объективно оценивать стоимость товаров. А если кто хочет убедиться, как об этом, но по-другому написал в своё время Маркс, милости прошу к его «Капиталу»!

Поэтому, затевая поход за мороженым, запомните на всю жизнь: стоимость товара определяется на трёх стадиях, связанных с производством:

1. в процессе производства – это организация справедливого рынка труда,

2. на стадии распределения – справедливое распределение доходов между работниками

3. и на стадии обмена – сбалансированным рынком товаров, качеством и организацией рынка товаров!

И машинки, и косынки,
и для прыганья батут –
мне на справедливом рынке
всё бесплатно отдают!

Глава 179. КРИТИКА «КАПИТАЛА» КАРЛА МАРКСА И МАРКСИЗМА В ЦЕЛОМ (Хронотоп № 44, ещё одно продолжение)

Историческая ремарка

В 70-х годах прошлого столетия в СССР (б) в высших эшелонах партийной и советской власти возникла дискуссия по поводу реформирования системы экономического управления страной. Правда, до народа эти разговорчики не доводили, но народ без этого знал, что экономика в лучшей стране мира строилась как раз по Марксу. Но, видимо, уже тогда появились отчётливые признаки стагнации и негативных явлений в экономике, связанные с нарастающей технологической отсталостью. В ходе этой дискуссии обсуждали два варианта.

Первый вариант – действующая командно-административная система, второй – хоть и жалкая пародия, но всё-таки некоторое приближение к рыночным реформам, поскольку при нём предполагалось предоставить предприятиям некоторую свободу в хозяйственной деятельности с переходом на хозрасчёт. Хотя о социалистическом рынке труда с отменой системы назначений сверху речь не велась. Не удивительно, что в конечном итоге победили представители первого варианта.

Рассуждают дезертиры:
«Как в живые бы пролезть?»
Побеждают командиры –
дробь у них! И порох есть…

Логика победивших была вполне понятна: сто́ит чуть-чуть ослабить вожжи, и можно потерять всю власть над обществом, а ведь мы уже так привыкли к полному всевластию!

Поэтому корыстные личные интересы перевесили интересы страны. Утверждаю: именно отсюда началось окончательное поражение советского социализма, хотя чисто внешне (идеологически и экономически) ситуация была вполне благопристойная. Но сколько раз такую ситуацию не повтори, результат будет всегда один – предательство.

И уже в конце 80-х годов партийные и советские руководители прекрасно знали, что *титаник* под названием СССР (б) уже тонет, поэтому властьпредержащие стояли у кормы, так сказать, *в ожидании шлюпок*. Сохранить своё господство не трудно, вот только для этого теперь потребуются большие деньги: в стране, где нет народовластия, для несменяемой элиты ничего невозможного нет – сколько надо, столько и сделаем…

А вот в стране, где есть народовластие, таким действиям был бы поставлен тройной барьер, преодолеть который просто невозможно. Во-первых, это сменяемость управленческой элиты через выбор из числа достойных. Но такой «элиты», которая сформировалась в Советском Союзе (б), близко не было бы у власти. Во-вторых, решения по смене государственного строя не смогла бы принять и подписать кучка людей, пусть даже на вершине власти – для этого потребовался бы референдум, обязательный для исполнения (просто такое было бы законодательство). И, в-третьих, если «элита» обойдёт закон, она встретится с массовыми акциями гражданского неповиновения и будет низвергнута.

В неравенстве всегда болит,
когда народ – овны!
Не признаёт народ элит:
«Пусть будут все равны!»

Но ничего подобного, как известно, в СССР (б) не происходило, поскольку не было подлинного народовластия, а власть была узурпирована несменяемой элитой. И это вполне закономерно, так как командно-административная система всегда порождает именно такую форму власти. А для предотвращения этого необходима демократизация прежде всего экономической жизни общества, которой, естественно, нет и не может быть в буржуазном обществе, но не было и при советском социализме.

Не хватает демократов –
как каких-нибудь домкратов!

Глава 180. КРИТИКА «КАПИТАЛА» КАРЛА МАРКСА И МАРКСИЗМА В ЦЕЛОМ (Хронотоп № 44, и ещё одно продолжение)

Почему «Капитал» Маркса труден не только для понимания, но даже для чтения? Да потому, что его страницы изобилуют экономическими терминами, но живых примеров того, о чём нам пытается втюхать Карл Генрихович, просто нет, а если и есть, то они остались слишком далеко от нашего сознания – в середине XIX века[341]. Но чтобы понять саму суть экономики, надо сначала хотя бы умозрительно представить её идеальную модель. Попробую сделаю это на своём образном примере.

[341] *«Капитал» Маркса был впервые издан в 1864 году – прим. экон. редактора*

Всем хорошо известны знаменитые фонтаны в Петродворце под Санкт-Петербургом. Проведём аналогию, в которой количество воды в системе фонтанов будет связываться с количеством денег, вращающихся в экономике, а сами фонтаны во всём своём великолепии и разнообразии будут ассоциироваться с товарами и услугами в обществе.

Без особого вреда
для моей гортани

деньги льются как вода
в ленинград-фонтане!

Как известно, количество воды, циркулирующее в системе фонтанов Петергофа, неизменно, то есть вся вода, летящая ввысь, порадовав этим зрелищем посетителей, собирается вновь коллекторами, и при помощи насосов, обеспечивающих необходимое давление, готова к вторичному использованию. И это представляет собой не просто инфляционную модель некоего воспроизводства. Например, если архитекторам придёт в голову расширить экспозицию фонтанов, то нужно будет пропорционально увеличить количество воды в системе, при этом система останется не инфляционной, но как бы отображающей расширенное воспроизводство.

А теперь представим ситуацию, когда часть воды из системы фонтанов утекает в некое подземное хранилище, которое тоже входит в систему, но не используется для подачи воды в фонтаны. Чтобы фонтаны по-прежнему радовали зрителей, придётся всё время подкачивать воду в эту систему из постороннего источника воды. При этом со временем у нас образуется некое подземное море, которое не участвует в функционировании фонтанов. Именно это и характеризует собой инфляционную модель капиталистической экономики, поскольку общее количество воды, которое необходимо для поддержания функционирования фонтанов плюс подземное море всё время увеличивается, а количество самих фонтанов – нет.

Как всё жидкое похоже!
Что меня здесь увлекло?
Был бы рад фонтанам больше,
если б пиво там текло…

Возвращаясь к теме этого исследования, резюмирую: всё, что произведено, должнó потребляться, а это требует справедливого распределения. При этом общественное благо, которое не потребляется, должно перераспределяться в пользу *всех членов общества*. И если это требование игнорируется, то появляется никому не нужное «подземное море», которое искажает политику и нравственность всего общества, а также приводит к абсурду в экономике.

О двух рынках

Итак, в чём же состоит отличие рыночной и плановой экономики? Рынок в различных формах существовал на протяжении всей истории человечества, и есть полное основание утверждать, что он будет существовать и дальше неопределённо долгое время. Автоматизация и роботизация производства в отдалённом будущем будут изменять область деятельности человечества, которая будет перемещаться в сферу услуг, недоступную для роботов, заполняя интеллектуальную и духовную сферы.

Доведёт меня до гроба
механизмам фимиам!
написал поэму робот:
вместо строчек – гайки там!

Рынок в наше время означает просто обмен товарами и услугами, что имело место и при натуральном хозяйстве, и при первобытно-общинном строе, если, конечно, предположить, что племена вступали между собой в обмен чем-либо. Однако с общественным разделением труда и экономическим обособлением производителей доля рынка только возрастает и требует введения всеобщего эквивалента обмена, то есть денег. Форма же,

которую приобретает рынок, прежде всего, зависит от отношения его участников к собственности на средства производства, господствующей в обществе.

При капитализме рынок будет капиталистическим, при государственном капитализме, как это было в Советском Союзе (б), он будет государственно-капиталистическим, при общенародной собственности на средства производства (новом социализме) – социалистическим. Однако только в последнем случае он способен гармонизировать отношения в обществе. Но для этого должны быть капитальные (не по Марксу) предпосылки!

Многие нынешние экономисты, до сих пор изучающие экономику по «Капиталу», считают, что в СССР (б) роль рынка была низведена практически до нуля. Но это – типичное заблуждение! В Стране Советов (б) был обмен товарами и услугами посредством всё тех же денег, но только при участии посредника – в лице государства. Несовершенство такого рынка было связано с нарастающей во времени некомпетентностью в управлении со стороны плановых органов, а также (что тоже важно) с формированием бюрократической системы, которая приводит к *принципиальной несменяемости* власти, что и есть прямая дорога к волюнтаризму и полной деградации общества во всех аспектах своего бытия. Эх, хорошо сказал!

Я представляю мир турниром,
где все сражаются, трубя:
волюнтаристы правят миром,
а я – правитель сам себя!

Изучая «Капитал» параллельно с изучением современной мировой экономики, меня чаще всего поражал тот факт, что многие ортодоксальные марксисты до сих пор считают, что чисто плановое хозяйство является атрибутом социалистического общества, хотя не только теория, но даже практика уже показали несостоятельность этой концепции. В качестве метода исследования общественных явлений Маркс пользовался диалектическим подходом, однако одно из самых важных понятий общественной жизни, то есть управление экономикой, он рассматривал, как это ни смешно звучит, по наитию!

Как и любое другое сложное общественное явление, понятие управления экономикой может быть представлено как философское, диалектическое единство противоположностей, одно из которых стихийно-рыночное управление, а второе – полностью *заорганизованно*е централизованное (командно-административное) управление. Но ведь гармоничный синтез противоположностей должен представлять собой нечто третье, принципиально новое, что содержит в себе некоторые свойства первого и второго, и представляет собой развитие, которое несет в себе положительное. Сами по себе крайности не могут считаться правильным выбором, так как исключают гармоничный синтез.

Не люблю я крайности –
много в них случайностей!

Подведу некоторые итоги.

Отрицательные свойства полностью стихийного рыночного управления – это далеко не всегда рациональное использование материальных и людских ресурсов, это банкротства, экономические кризисы, появление товаров и услуг, не отвечающих интересам общества, расточительное потребление ресурсов, экологические проблемы. Положительные свойства – возможность адаптации к возникающим в экономике диспропорциям, устремлённость в будущее посредством ускоренного технологического развития, стимул к трудовой деятельности в условиях ограниченного ресурса потребления.

Отрицательные качества полностью планового хозяйства – это запоздалая и слишком

ограниченная возможность адаптации к возникающим в экономике диспропорциям, а также неспособность точного предсказания будущих путей технологического развития; не всегда адекватный стимул к труду и, пожалуй, главное, – это формирование жёсткой вертикали власти, которую трудно или невозможно контролировать. Поскольку экономика тесно связана с политикой, то всё это переносится и на политическую систему, грозя полным перерождением в буржуазное общество.

Положительные качества планового хозяйства – это возможность концентрации материальных и трудовых ресурсов на первоочередные важнейшие направления, что особенно важно при осуществлении мобилизационного проекта, когда преодолевается отсталость в техническом и технологическом аспектах, и проводится организация *разумного потребления* ресурсов и согласие с требованиями экологии.

Отсюда следует, что *гармоничным синтезом* для управления экономикой должно являться планово-рыночное управление, сочетающее в себе положительные свойства как первого, так и второго. Принимая во внимание, что диалектическое противоречие между прошлым состоянием экономики и её будущим состоянием получает своё разрешение в настоящем положении дел, можно утверждать, что успешное снятие такого противоречия должнó учитывать последнее. В чисто плановом централизованном управлении экономикой акцент делается на прошлом, а настоящая ситуация в экономике игнорируется, что равнозначно ограничению обратной связи. Но, как известно из законов управления, управление без обратной связи ущербно и приводит к плачевным результатам.

Был наивно-скоморошьим
я, как выводок горилл:
не имея связи с прошлым,
я грядущего не зрил!

Но Маркс, как известно, ратовал за государственную собственность на средства производства и полностью централизованное плановое хозяйство. Иначе говоря, идеи Карла Генриховича, человека, безусловно умного и даже гениального (для своего времени) не имели ничего общего с освобождением труда. А ведь именно для этой цели он и задумывал свой глобальный труд по спасению всего человечества…

Глава 181. КРИТИКА «КАПИТАЛА» КАРЛА МАРКСА И МАРКСИЗМА В ЦЕЛОМ (Хронотоп № 44, окончание)

О главной ошибке Маркса

И в конце – о краеугольном камне марксизма, то есть о подходе бородатого основоположника к пониманию исторического развития общества. Здесь надо обязательно иметь в виду, что переход от капиталистического способа производства к следующему, то есть социалистическому, имел свои особенности: если ранее переход осуществлялся без влияния на то каких-либо *нравственных установок* общества, то есть путём естественной смены экономически господствующего класса, который впоследствии без особой борьбы устанавливал своё доминирование в политике и духовной сфере, то последний уже требовал качественно нового подхода, так как его целью являлось построение бесклассового общества, где понятие господства одних над другими не должно иметь место.

В головах полно соломы,
как в столовой гуляшей:
уничтожим класс господ мы,
ведь холопами лучшéй!

И вот как раз здесь Маркс допустил ошибку, действуя в своих рассуждениях *по аналогии*, что недопустимо тогда, когда рассматриваются качественно различные вещи. Карл Генрихович рассуждал так: раз смена экономически господствующего класса ранее приводила к изменению способа производства, что требовало вызревания экономических условий в обществе, то это будет верно и для перехода к социализму. При этом он предполагал, что пролетариат (то, что мы сейчас называем наёмными работниками) и будет являться господствующим классом, следовательно, для перехода требуется вызревание экономических предпосылок.

Однако время подвтердило, что количественное преимущество далеко не всегда обеспечивает лидирующее положение в обществе. Простой пример: количество овец в стаде может всё время увеличиваться, но это никогда не приведёт к их лидирующему положению, даже если они недовольны тем, что их слишком часто стригут или вообще употребляют на шашлыки.

На еду я деньги трачу:
люб пирог и огурец.
Ем шашлык – всё время пла́чу:
очень жалко мне овец!

Лидирующего положения пролетариата в обществе не было никогда, нет его и сейчас – по двум причинам: во-первых, концентрация национального достояния всегда происходит в руках буржуазии, а во-вторых, что является следствием первого, в её (буржуазии, а не концентрации) руках оказывает гигантский аппарат морального и духовного порабощения в виде пропаганды неких буржуазных ценностей и буржуазной культуры в целом. Таким образом, в экономике, политике и духовной сфере господство буржуазии не только остаётся, но даже закрепляется. И именно поэтому для перехода к социализму не требуется экономических предпосылок, как это было ранее.

Вообще требования, согласно которым сущностные изменения общественных отношений должны быть обязательно обусловлены экономическими, абсурдны, – так может быть только при *стихийном* общественном развитии при полном отсутствии роли общественного сознания как источника развития. Общественное бытие определяет общественное сознание, – *но в статике*, а в динамике источником развития является общественное сознание. Именно этика определяет, какой быть экономике, а не наоборот, если в обществе осуществляется переход от угнетения к свободному творчеству – во всех сферах человеческого бытия.

Жил, не вникаючи в детали,
от мыслей даже облысел:
меня чекисты угнетали,
но я творил! И вскоре *сел*…

И вот эта неправильная оценка ситуации привела великого экономиста Маркса к ложной мысли о необходимости революционных преобразований, венчающих назревшие или даже перезревшие противоречия между трудом и капиталом. Он, написав свою гениальную (для того времени – Вл. Г.) книгу, так и не смог понять, что это не только отодвигает процесс социалистических преобразований на неопределённый срок, но и обрекает его на неудачу. Поскольку подобная революция всегда будет основана на широкомасштабном насилии, то она потребует установления *длительной диктатуры*, управленческая верхушка которой со временем морально деградирует, делая все многочисленные жертвы революции напрасными, а существование диктатуры будет неизбежно в течение

длительного времени, так как общество в целом и частности просто не будет готово к новым общественным отношениям.

Поэтому запомните все: *диктатура приводит к разделению на господ и рабов*, формируя и у тех, и у других соответствующий строй психики, что *неизбежно* приводит к реставрации капитализма как наиболее адекватного такому состоянию общества экономическому устройству.

Диалектики мне чужды –
я для умных антипод,
и психую, потому что
из рабов – не из господ!

Но правильный подход к решению проблемы, как ни странно, можно найти в учении самого́ Маркса. Вы не поверите, но *естественный переход* от капитализма к социализму возможен в том случае, если в рамках ещё действующего капитализма будут создаваться условия для формирования в будущем экономически господствующего класса. Это означает создание экономического уклада, основанного на общенародной собственности, который в силу своего преимущества постепенно вытеснит экономический уклад на основе частной собственности.

В чём же состоит это преимущество? Во-первых, это отсутствие налога на прибыль для социалистических предприятий, во-вторых, справедливое распределение доходов между всеми работниками, в-третьих, полный контроль над финансовой и производственной деятельностью предприятий со стороны этих работников, в-четвертых, демократическое распределение должностей, и, наконец, в-пятых, это возможность по своему желанию покинуть предприятие, организовав своё *собственное дело* за счёт общенародных средств. Только тогда социалистический уклад вытеснит частнособственнический уклад не только в экономической, но и в политической, и в мировоззренческой сфере, поскольку капиталистический экономический уклад будет постепенно лишаться социальной базы, а реформирование политической системы будет происходить параллельно экономическим преобразованиям.

Скажу я вам со всем цинизмом:
не надо дурака валять!
Придёт конец капитализму –
и нечего нам будет жрать!

При этом решаются сразу три задачи: отсутствует революционная диктатура, растёт новый экономически господствующий класс, который, вытеснив собой остальные, наконец, создаёт среду, не требующую диктатуры, а значит, предоставляющую возможность организации народовластия. Началом революции можно будет считать приход к власти неких политических сил, которые начнут такие преобразования. Эти преобразования будут включать в себя создание общественных институтов, организующих и служащих основой общенародной собственности, а также правового пространства, в рамках которого она будет развиваться, изыскание изначальных средств для развития социалистического экономического уклада до тех пор, пока не произойдёт переход на самофинансирование, поддержание правопорядка в рамках созданного правового поля. При этом насилие должно быть сведено к минимуму и должно касаться только тех, кто будет препятствовать таким реформам.

♠ ♠ ♠

И последние три фразы.

Философский анализ причин неудачи построения социализма приводит к неутешительному выводу, что искусство диалектики как высшей формы проявления разумной человеческой деятельности, известной с античных времён, к сожалению, пришло в полный упадок.

Противоречия свойственны человеческому разуму, а не само́й природе, поэтому диалектика относится к сфере познания мира человеческим разумом.

В той мере, в которой диалектика относится к сфере познания, она относится и к развитию человеческого общества.

Закончу свой я политчас
лишь тем, что распознал:
хороший дядька был К. Маркс,
но многого не знал…

Глава 182. ОБ ИСКУССТВЕННОМ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ

И только было все зашевелились, чтоб хотя бы движениями как-то выразить своё сочувствие к человеку, который последние 10 минут втирал им такую лабуду, как весь дом, а вместе с ним и квартира № 4, в которой сейчас присходило действие этого тома, содрогнулись – как при землетрясении, и тут же толчки участились и стали какими-то (прости, русский язык!) перманентными.

Хозяин катрана и его гости вскочили с разных мест и бросились к окну, чтобы своими глазами увидеть причину постигшего их катаклизма. И они увидели! За окном, то возникая на секунду, то исчезая вновь, начало мелькать искажённое му́кой лицо старшей по дому Жанны Пантелеевны, или, как кратко называл её Кулемзин, Ж. П.

Володя распахнул окно, куда сразу же стал стремительно врываться горячий воздух с так называемой улицы, и прокричал в раскалённое пространство:

– Жанна Пантелеевна, что с вами? Неужели вас, яйчики-бабайчики, всё-таки одолел вирус прыжокус идиотис?

– А? А? А? – откликнулась Ж. П., постепенно снижая колебания организма.

В тыкву разное взбредает –
и тогда всех достаёт
то, что внутри нас попадает:
страшный вирус Idiot!

Общественница наконец остановилась, отдышалась и объяснила своё поведение:

– Володя, так делать нельзя! Вы удалились неизвестно куда уже как 1 час 47 минут, и вся общественность нашего дома встревожена этим трагическим случаем. А так как никто не заметил, в какую именно сторону вы исчезли, я решила проверить, не находитесь ли вы внутри – доступным мне способом!

Альбионыч, убедившись, что способ, избранный старшей по дому, стал доступным и для всех его гостей, вновь закрыл окно и печально произнёс:

– До этого момента мне казалось, что нам всем пора выходить в люди, по крайней мере так, как это представлялось моему тёзке Максимке (Алёше) Несладкому[342]. Но теперь я понимаю, что пик жары лучше всё-таки пересидеть здесь.

[342] «В людях» – вторая повесть в автобиографической трилогии Максима Горького, впервые напечатанная в 1916 году, описывающая жизнь автора, начиная от одиннадцати лет, и рассказывающая обо всех его злоключениях – прим. лит. редактора

И он знал, о чём говорил! Поэтическая душа писателя, а в данный момент поэта, просто-таки прокричала только что сочинённые пронзительные строки:

Выйду и с разбега
занырну в сугроб:
заморожу душу,
не болела чтоб!

Гости катрана взглянули на его хозяина и содрогнулись: даже тех па́ры минут, что он простоял перед открытым настежь окном, хватило на то, чтобы начать истекать по́том, как дуршлаг – водой.

Пекло! Огнь! Жарища! Зной!
Люд всерьёз встревожен:
Клён зелёный, лист резной
вона как скукожен.
От жарищи (я не вру!)
дрёма и зевота.
Как поют дрозды в жару
вы слыхали? То-то!

И тут марсианин заметил, как лица присутствующих напряглись. «К чему бы это?», подумал он, и в то же мгновение сообразил, что перед ним разворачивается старая картинка: кому-то из них сейчас предстояло выйти на раскалённый воздух Бермудского Учпучмака, потом преодолеть 22 метра от места уличных сражений до сельпо Калимы, а затем проделать тот же путь обратно.

Особенно интересно было смотреть на педагога-большевика: Мусаич сейчас одновременно делал сразу три дела: 1. охал и стонал, как бы страдая от неведомой другим боли; 2. почёсывал одной рукой где-то за спиной, а другой – в ложбинке под правой коленкой; и 3. приговаривал скороговоркой, как его внезапно скрутил застарелый ишиас.

– Мои дорогие друзья, – мягко проговорил литератор. – Поднимите руку те, кто хотя бы на микро-, да что там на микро-, на наносекунду поверил болезни Нуртая.

Вверх взметнулось сразу 6 рук. Курманбаев недоумённо пересчитал руки, увидел, что Муравлёв поднял их сразу две, и художник понял, что только что нажил нового врага. А Кулемзин уже выстроил всех по кругу и начал отсчёт только что сочинённой считалкой:

Наши мы продлим турниры –
будут с пивом животы:
из володиной квартиры
за пивком попрёшься ты!

Последний слог *ты!* тычком в грудь как бы пришпилил палец писателя к груди Васюхана, и вместе с этим жестом облегчённо вздохнули все остальные. Митрохин тяжело вздохнул, словно бы собрался отправиться на длительную каторгу, а затем обратился к старому другу:

– Валера, а, может, ты сходишь со мной?

– Зачем это, святой Малевич? – с подозрением на измену поинтересовался Николаич.

– Да затем, чтобы не ходить два раза! Набьём пивком серёжину котомку, а потом ещё и карманы!

Рацпредложение было принято на ура, и друзья отправились в суровый поход. А Володя, чтобы время для оставшихся не тянулось слишком долго, рассказал им некую исто-

рию, которых знал во множестве, так как последние годы копил их для многочисленных вставок в свои разбухшие книжки романа «Русская кочерга»

В мыслях крайне презабавен,
не оставив на потом,
анекдотом я разбавил
слишком длинный толстый том!

Глава 183. БАЙКА ВОЛОДИ ПРО ЕГО ОДНОКЛАССНИКА ЛЁШУ БОРИСКИНА

– О чём же или о ком вам рассказать? – вслух задумался будущий рассказчик. – Может, об английском враче Уильяме Джеромовича Гилберте, который вместо того, чтобы честно лечить людей, сел да придумал термин *электрический*?

– Нет-нет, – открестился от такой возможности охранник Афанасьич. – Про врачей, царица лесная, не надо – мы про них и так всё знаем!

Альбионыч с сомнением выслушал такое странное возражение, и стал размышлять дальше:

– А, может, рассказать вам о некой (прости, русский язык!) спектроскопии с так называемыми длинными щелями, которые помогают астрономам изучать кривые вращения галактик?

Но и эта тема была забракована тремя голосами из четырёх – при одном воздержавшемся Мусаиче.

– Володя, расскажи лучше что-нибудь про нелёгкую воинскую службу, – внезапно попросил единственный действующий военный в составе покерной хевры. – А то как-то начинаешь забывать о ёкарном долге перед родиной…

– Согласен, – кротко отозвался писатель, и в результате этого согласия перед тобой, мой читатель, уже на следующей странице возникнет эта байка.

Без существенной утайки,
как позволит мне чутьё,
расскажу сейчас вам байку
про тяжёлое житьё!

Альбионыч ещё раз взглянул на любопытного унтер-корнета и внезапно решил в своей байке объединить сразу два начала, которые давно характеризовали его друга Салихдзяныча, – воинскую службу на сомнительную радость родной Саксаулии и основной инстинкт, во время исполнения которого тот ненадолго забывал о своём долге перед родиной. А что такое основной инстинкт, наверняка хорошо помнят те, кто когда-то видел фильм под таким названием [343].

[343] «Основной инстинкт» (англ. «Basic Instinct») – эротический триллер 1992 года режиссёра Пола Адриановича Верховена, с участием актеров Майкла Кирковича Дугласа и Шэрон Уильямовны Стоун, в котором главный герой детектив Ник Каррэн ведёт расследование жестокого убийства богатой рок-звезды, в ходе которого у него завязываются отношения с подозреваемой – загадочной писательницей Кэтрин Трамелл – прим. кинередактора

Просто из-за любопытства,
словно пьяный винодел,
фильм про секс и про убийство

я со страхом, но глядел!

– Про этот страшный инстинкт, – начал байку литератор, – написано и рассказано немало – недаром же он называется основной.

– Про какой такой инстинкт? – завопил старший трубач, который не слышал мысленных рассуждений рассказчика.

– Талгат, не торопись, – осадил его Володя. – Слушай дальше.

Шнапс-капитан немного поворчал, но затих.

– Итак, или в конце семидесятых, или в начале восьмидесятых годов прошлого (прости, русский язык!) миллениума на одном из островов курильской гряды из-за осложнений советско-японских отношений было решено организовать воинскую часть, куда волею Суки-судьбы и армейского приказа попал мой одноклассник Лёша Борискин.

Приказ есть приказ, и вот подразделение, где он служил, было срочно переброшено на какой-то остров – для первичных организационных работ. И тут же прошёл слушок, что на другой стороне óстрова расположен действующий рыбкомбинат. Ну, первым делом, конечно, разбили палаточный городок, чтобы было где жить, потом солдаты перекусили сухим пайком, а тут и отбой.

– А кто от кого, мать моя КПСС, отбивался? – наивно поинтересовался педагог Курманбаев, который не служил ни одной родине ни одного дня.

Все немного посмеялись над неразумным, а марсианин продолжил свой рассказ.

– Не успел ещё забрезжить рассвет, как вдруг раздались крики и выстрелы! Вы спросите, при чём тут основной инстинкт, ведь выстрелы – это явная диверсия, а, может, и начало войны, но всё было совсем не так.

– Пулемёт тащи, пулемёт! – размахивая пистолетом, отдавал приказы лейтенант.

– Да у нас его отродясь не было! – опешил старшина, всю жизнь прослуживший в части, которая в простонародье называлась стройбатом.

При носилках, при лопате,
не для девок терема,
строят воины в стройбате
офицерские домá…

– Постреляю как бешеных собак! – не унимался лейтенант, после чего для острастки и своего успокоения пульнул еще несколько раз в воздух.

Воины в палатках проснулись и с интересом прислушивались, стараясь рассмотреть ситуацию через щели. На улице стоял какой-то гул, но гул странный: не от моря, не от чаек, а состоящий из… недовольных и призывных женских выкриков!

Предполагать можно было всё. Но ведь всегда лучше опираться на факты, хотя про это ничего не написано в воинском уставе.

– Надо срочно вызывать подкрепление! Срочно! Где у нас рация? Заводи свою шарманку, – бросился лейтенант к прикомандированному к роте радисту. – Сокол, Сокол, я Ковчег, мне срочно нужно подкрепление! Мой взвод не продержится и часа! – орал он. – Товарищ полковник, их здесь сотни! Тысячи! Дайте хотя бы два пулеметных расчёта! Или хотя бы несколько обойм для моего пистолета. Какие переговоры?! Они все осатаневшие! Кто-кто? Как будто вы сами здесь раньше не были! Ну, вы думайте, а я пока буду стрелять на поражение, по-другому мне их не остановить!

Принял бой я – это значит,
что погибну за себя!

А невеста дома плачет,
до сих пор меня любя…

Ситуация накалялась. Выручил, как всегда, старшина.

– А его фамилия была не Кожамкулов? – спросил Талгат, который всё никак не мог дознаться у своего товарища, откуда у него медаль «За отвагу на кухне»

– Нет, мой дорогой, – ответил Кулемзин, – его фамилия была… а. впрочем, эта история до сих пор засекречена… так что извини! – после чего продоложил.

– Куда прём, бабоньки, куда прём?! – заорал этот секретный старшина в темноту, – постреляют вас! Через недельку-две основной контингент перебросят, тогда и сразимся. Посмотрим кто кого!

И его житейский рассудительный вердикт остановил противника. Гул стал удаляться в обратном направлении, после чего лейтенант снял фуражку и вытер пот.

– Но как, как они узнали, мы же на разных сторонах óстрова? – обратился он к мудрому старшине.

– А такие вещи и узнавать не надо, это же основной инстинкт! Ты чувствуешь, лейтенант, воздух-то здесь какой – сладкий! Они же полгода мужиков не видали, а наши солдатики уже по году девиц не наблюдали. А этим – как их там… флюидам 20 километров óстрова, как два пальца об асфальт. И то ли ещё будет, когда не только нас, но и всю остальную часть перебросят!

– Надо нашу часть, – вздрогнул от такой перспективы молодой командир, – от этого долбанного рыбокомбината колючей проволокой отгородить, да так, чтобы мышь не проскользнула!

Невозможно отделиться
от того, к чему стремится
неуёмная душа!
Может, проще мне напиться,
коль в штанах уже дымится?
Как же дева хороша!

– Да, молод ты ещё, летёха, – тяжело вздохнул старшина. – Ты бы ещё заминировал здесь всё! Пойди-ка лучше фельдшеру скажи, чтобы антибиотиков побольше заказал, а то чует моё сердце, что скоро они понадобятся. Ох, как понадобятся, товарищ лейтенант! Основной инстинкт, мать его!

Глава 184. ПЕЩЕРА НАСЛАЖДЕНИЙ И ПОРОКА

И ещё одно, что автор в своём стремлении объять необъятное, от чего его предупреждал некий Козьма Прутков, забыл сделать сразу же после того, как за старыми друзьями Валерой и Васюханом закрылись двери володиного катрана. Оставшиеся в сиротстве покеристы тут же ощутили, как их дом повторно качнулся, а потом несколько раз содрогнулся, словно бы на его крышу забралась сразу сотня дворовых детей и по команде на́чала там прыгать, рискуя провалиться в квартиру медсестры Ариадны Покровской[344], жившей на третьем, самом верхнем этаже.

[344] Подробно об этом персонаже – в главе 76 второго тома романа – прим. гл. редактора

Все бросились к окну и успели заметить, что Муравлёв и Митрохин понеслись к лавке Калимы так стремительно, как это обычно делает пожарная команда по вызову на загоревшийся пороховой завод, а локальное ритмичное землетрясение было лишь следст-

вием топания их суровых ног. Но и Володя, и Талгат, и Серёжа, и Нуртай не стали выказывать недовольство по этому поводу, так как хорошо понимали, что такое стремление обусловлено страстным желанием вновь обрести счастье – в пещере наслаждений и порока, как называл сельпо хитрой саксаулки покерный гуру Кулемзин.

Почему туда все шпарят –
в этот радостный ларёк?
Магазинчик вновь подарит
счастье, что скользнёт нам в мозг!

Достигнув заветной дверцы, товарищи по скуке и лени, ибо они не принимали участия в покерных битвах, проскользнули внутрь и, немного привыкнув к полумраку, который здесь традиционно царил, стали оглядываться. Ни Николаич, ни Васюханыч сегодня ещё не были в царстве Калимы, и потому всё увиденное казалось им интересным, тем более, что новые товары в лабазе появлялись ежедневно. Вот и сегодня в одном из углов они заметили груду каких-то рулонов, в которых, приглядевшись, узнали обои.

А дело было в том, что двоюродный брат лавковладельцы Жаппай работал на предприятии, изгототавливающем эти самые обои, и раз в полгода избавляющемся от старых и ненужных – например, от тех, что придирчивые покупатели не купили за последние три года. Такие обои просто списывались, а потом за гроши продавались фирме, которая наловчилась делать туалетную бумагу «Белоснежка», о которой уже однажды упоминалось в нашем сиятельном повествовании. Именно поэтому ловкий проныра Жаппай не считал зазорным немного поживиться на своём предприятии.

А художник, увидев этот новый товар, сразу же вспомнил, как совсем недавно Альбионыч рассказывал ему сочинённый за пару минут стишок о некоем происшествии, случившемся как раз с предметом последних абзацев. Правда, в точности повторить он (художник, а не Альбионыч) его не мог, а вот автор может, что с удовольствием и делает:

На углу Пекарской и Пожарской
продавал обои магазин.
По привычке полупролетарской,
шла *словесница*, глотая аспирин.
Как же надоели дети в школе!
Взгляд её на вывеску упал.
«Как же так? В приколе иль в проколе
кто такую надпись наклепал?!
Кто их учит? В умные кто прочит?
Как меня бездумье довело!»

♠ ♠ ♠

И поправила учительница ночью
вывеску на «ОБА» - всем назло!
Вот так:

Оба!

~~Обои~~

Быстро затарившись разномастным пивком для разных персонажей и оглядев магазинчик ещё раз, Валера наклонился к уху Васюхана и тихо произнёс:

– Стиль позднеежовский ампир…

, а старший антенщик подумал, что это ему померещилось – от чрезвычайных впечатлений, оставленных лавкой. Он отошёл от приятеля, который начал хлопать себя по карманам в поисках денег, и стал разглядывать разные разности, предлагаемые Калимой.

Больше всего его поразила полочка, на которой были выставлены пластиковые бутылки с жидкостью молочного цвета, из чего саксаульский джус заключил, что это молоко. Но приглядевшись к этикетке, он узнал, что это не совсем так, так как на ней было написано истинное название товара:

Весёлый фермер Кожамкул
Молочный продукт

Если бы здесь находился главный поэт второго микрорайона Кулемзин, то он бы наверняка за пару секунд выдал вот такой рекламный (прости, русский язык!) слоган:

Это хит на все века:
молоко без молока!

«Ну, может, и на книгах», подумал Митрохин, «когда-нибудь будут писáть «Книжный продукт», после чего загляделся на полупрозрачный пакетик, внутри которого в слипшемся комке чего-то из теста с трудом опознал пельмени, а потом с изумлением увидел над пакетиком ценник с надписью:

Пельмени конские
«Чингизхановские»

Васюхан подавил в себе чувство тошноты и вспомнил, что читал в одной из книг по кулинарии, которые приобрёл, когда потерял вторую жену, строчку как раз об этом изделии: «Пельмень – это мучная раковина, таящая мясную жемчужину». И здесь он окончательно отвлёкся от мыслей, в которые ушёл слишком глубоко, так как услышал голос своего товарища Муравлёва:

– А вы не могли бы выбрать мне пару селёдочек, но только обязательно с икрой.

– Здрасте! – неожиданно поздоровалась с ним хозяйка лабаза. – Так мне что, сбéгать в поликлинику и сделать им УЗИ?!

– Нет-нет, – открестился живописец и тут же услышал следующий вопрос:

– Так вы платить будете или нет?

– Да-да, конечно, – засуетился Валера и вновь захлопал себя по карманам.

– Может, у вас карта есть? – увидев его старания, смягчилась магазинщица.

– К-к-какая к-к-карта, святой М-м-малевич? – начал заикаться саксаульский васнецов.

– Карта нашего магазина, – вновь начиная злиться, объяснила Калима.

– Да не нужна мне никакая карта, – тоже начал злиться Валера. – Я в вашем магазине и так прекрасно ориентируюсь! – после чего наконец нашёл деньги и расплатился за лучший в мире товар.

Быть хлебом для души! Заслуги нет громадней,
ведь пиво и судьба давно слились в одно:
давно им свойство людям общее дано –
с годами всё же становиться ароматней!

Глава 185. ЗАМЕНА КОЛОДЫ КАК ПРЕДВЕСТНИК НОВОЙ ИГРЫ

А что же поделывали в это время осиротевшие без любимого напитка сопокерники? Если ты, мой читатель, подумал, что они, пригорюнившись, сидели в глубокой печали, то, значит, ты не всё понял в этой толстой книге. Ведь Альбионыч, тот самый Альбионыч, который был не только душой этой странной компании, но и её двигателем в разных направлениях, чтобы его гости не скучали, попеременно сделал два дела.

Во-первых, он заметил, что педагог Мусаич ковыряется в карточной колоде, по недоразумению оставленной возле него. Оказалось, что саксаульский большевик, совершенно забыв о «Моральном кодексе строителя коммунизма», нарушил сразу три его пункта, а именно:

3. «Забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния»;
7. «Честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни» и
12. «Братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами»!

Не удалось мне мозг зашить,
и всё в нём загнивало:
хотел по кодексу я жить,
но подлость не давала!

Тщательно проверив колоду, писатель обнаружил, что все три *гранда*, именующие себя джокерами, теперь имеют по одному немного надорванному кра́ю. Ленинец густо покраснел и стал убеждать, что он сделал это чисто машинально.

– Ну ты, Нуртай, и пропадлюка! – не удержался марсианин от своего родового проклятия и стал выполнять второе дело.

Итак, во-вторых, он тщательно заперся в так называемой спальне, почти шёпотом произнёс секретное заклинание, после чего заглянул в одну из открывшихся комнаток-трансформеров, где взял новую карточную колоду, пробурчав при этом что-то вроде того, что это, мол, на счастье, но на чьё именно, не уточнил.

Выйдя из секретной, а потом и несекретной комнаток, он показал колоду гостям, которые придвинулись поближе и начали изучать это настоящее произведение искусства, то есть карты под названием «Белый Палех» – сувенирные картонки с лаковым покрытием размером 58×90 миллиметров Ленинградского[345] комбината цветной печати, артикул 2619-р, а сам вспомнил, что в этой же комнатке, превращённой в кладовку, хранятся много разных вещей, о которых он иногда сочинял весёлые стишки. Например:

[345] ***Не ошибка! – прим. автора***

Стих про старушку

Однажды на свете старушка жила,
и как-то в кладовке вибратор нашла:
с ним внучка любила в былые года́
зимой вечерок скоротать иногда.
Какой-то до боли знакомый предмет!
С ним, верно, гуляет по улице мент –
похоже как-будто на жезл у мента,
похоже, но всё же окраска не та.
Старушка в передник вибратор кладёт

и с тяжкою думой на кухню бредёт –
бредёт и не может старушка решить,
куда бы находку свою применить.
Втыкает в розетку она проводок,
пустив по цепям электрический ток,
на кнопочку жмёт, регулятор верти́т –
вибратор трясётся и мелко дрожит!
Старушка довольна находкой своей –
на кухне так много полезных идей:
прибору покоя она не даёт –
то тесто катает, то яйца взобьёт…

– Да-да, товарищи, эти карты значительно лучше прежних! – раздался покаянный голос Мусаича, который решил, что пока вся хевра не покинула гостеприимного володиного гнезда, не раздражать хозяина, а то ведь, во-первых, можно лишиться халявного пива, и, во-вторых, если совсем не повезёт, то могут и выгнать, а это уже точно будет потерей того количества благословенного напитка, которое ему на сегодня предназначил Верховный Генсек на небесах, которого Кулемзин называл странным погонялом *дедушка*.

«Записать бы тебя», подумал Володя, косясь на саксаульского большевика, «как выражались некогда староверы, *в книгу животну под номером будущего века*», хотя до конца и не понимал, что именно эти странные бородатые люди имели в виду.

И тут раздался долгожданный звонок в дверь, означающий новое счастье для всего коллектива. Звонок был не неуверенным, каким его делал сосед Володи мальчик Рома, и не наглым, когда к Альбионычу припирался сосед Батыршина алкаш дядя Петя, а радостным и звонким, каким только могут звонить гонцы, принесшие хорошие вести.

Вмиг доложу невесте,
хотя и на ушко:
«Принёс тебе не вести,
принёс тебе пивко!»

И, действительно, открыв дверь, марсианин увидел две сияющие рожи – живописца Муравлёва и старшего джуса Митрохина, которые тут же прошли в главную комнату и стали раздавать присутствующим бутылочки, как это обычно делает войсковой старшина взвода, который снабжает первогодков патронами из *цинка*[346] – перед первыми учебными стрельбами.

[346] *Специальный металлический контейнер для патронов – прим. воен. редактора*

Глава 186. О ЗАМКА́Х, ЗАЩЁЛКАХ И ЗАПОРАХ

Все блаженно захлюпали смачными пивными глотка́ми, и тут Валера неожиданно сорвался с ме́ста и побежал по старому маршруту, то есть в коридор. Оставшиеся сурово посмотрели на Нуртая, но он только недоумённо пожал плечами, что в данном случае означало его полную непричастность к незапланированному побегу Николаича.

– Валера, мать честна́я, ты чего? – прокричал вслед художнику охранник, но не получив ответа, отправился вслед за беглецом. Через минуту, услышав перешёптывание уже двоих ушедших, в коридорчик потянулись и остальные, да и самому́ хозяину было интересно, что могли увидеть гости такого, чего не видели раньше. Оказалось, что Муравлёв и Полтавцев стояли перед входной/выходной дверью володиной квартиры и пялились на систему замков.

Я избегу сквозной проверки,
запутав слабенький свой след:
замок пристраиваю к дверке,
чтоб гости знали: дóма нет!

– Так вы что, яйчики-бабайчики, раньше этого не видели? – удивился литератор.

И напрасно он удивился, что подтверждает и автор нашего повествования! Дело в том, что в прошлых томах, а, вернее, в главах, посвящённых визитам сопокерников и им сочувствующих в кулемзинский катран, было всего лишь описано, как стремительно входили и выходили эти герои, а зачастую даже при выключенном в коридорчике электричестве, так как минимум света, достаточный для того, чтобы не сверзиться в тесном помещеньице, проникал через кухóнное окно в узкий коридорчик, идущий параллельно со входом в ванную комнатку.

А вот теперь выяснилось, что живописец, уже неделю просиживающий с покеристами за одним столом и вкушающим вместе с ними сначала лёгкие напитки, а потом и тяжёлые, которые Володя называл *черноплодными*, оказывается, не пропил своей внимательности[347], так как его условно острый глаз художника всё-таки заметил то, что он сейчас решил рассмотреть более капитально:

[347] Что-то сомневаюсь я! – прим. гл. редактора
[347] А я так тем более! – прим. автора

Впрочем, то, что показалось володиным гостям удивительным, объяснялось довольно просто: своей предпринимательской деятельностью он начал заниматься ещё в так называемые лихие девяностые годы, когда по стране ходили исключительно наличные деньги – пачками, *дипломатами* и даже мешками. Вот тогда-то наш герой и справил в своей квартирке сразу два хороших приобретения: железную дверь с набором запоров и металлический ящик, громко названный сейфом. Надо признаться, что нападений ни на нового саксаульского предпринимателя, ни на его жильё, ни на сам ящик с купюрами так ни разу и не случилось, но за промелькнувшие с тех пор годы ответственный квартиросъёмщик настолько привык к этим уже ненужным хозяйственным девайсам, что решил оставить их как памятник эпохе.

Пусть завидуют мне лохи:
не тону я, а плыву,
и, как памятник эпохе,
у себя в дому́ живу!

Видя, что его гости не на шутку заинтересовались увиденным, хозяин катрана ещё раз прикинул, что купленного пивка хватит не только на очередную партию в *русскую кочергу*, но и на короткую лекцию о замка́х, запорах и защёлках, так как не упускал ни одного момента в своей просветительской карьере, чтобы не втюхать в тыквы подотчётного коллектива каких-нибудь новых, хотя и совершенно бесполезных знаний.

– А не рассказать ли вам, други мои, – предложил он, – обо всех этих, яйчики-бабайчики, железяках? Не беспокойтесь, мой рассказ будет недолгим – как раз к окончанию неспешного прихлёбывания по одной бутылочке пивка на условную душу населения…

Раскрывая чутко уши
и вздыхая глубоко,
мы готовы вечно слушать
всё, что хочешь, – под пивко!

К его удивлению, коллектив согласился сразу же, причём, горячо, так как его члены знали, что если марсианин увлечётся рассказом, то под это дело можно будет выхлебать не одну, а, например, две или даже три бутылочки любимого напитка! А как увлечь лектора, знали буквально все присутствующие: надо было время от времени задавать ему наводящие вопросики, и как только он ответит на один, тут же, как патрон в ствол, *дослать* ему другой. Поэтому не удивительно, что первый вопрос прозвучал тут же, а вот от кого, догадайтесь сами:

– Володя, мать честна́я, а их вообще когда придумали?

Кулемзин вспомнил свою последнюю фразу и решил уточнить:

– Железяки эти или бутылочки? Могу рассказать и о тех, и о других, хотя технологии их изготовления совсем разные…

– Да нет, – уточнил Полтавцев, – я про замки́. А про бутылочки мы и сами всё знаем!

– Ну-ну, – усомнился просветитель, после чего начал лекцию:

– Вообще-то изобретение замко́в, как и сопутствующих им ключей, относится ко времени, предшествующему так называемому рождеству так называемого Христа, и поэтому упоминание об этих железяках даже встречается в библийском Ветхом Завете и разнообразных мифах. Да, кстати, о железяках. Тогдашние замки́ были выполнены вовсе не из металла, а из дерева, и отличались примитивной конструкцией, но именно они послужили (прости, русский язык!) прототипом для изготовления современных (прости, русский язык, ещё раз!) штифтовых замков. Как водится, были среди мастеров и особо мастеровитые, и наилучших мастеров замочных дел приглашали мастерить замки́ даже для королевских дворов, европейских соборов и церквей. Вот только одно было плохо: вместо того, чтобы делать упор на качество изделия, эти мастера увлекались сложными и изысканными орнаментами, которые по моде того времени отражали религиозные сюжеты.

– А что было хорошо, святой Малевич? – проявил активность ещё один слушатель.

– А хорошо было то, – ответил Кулемзин, – что, несмотря на низкое качество замко́в, их никто и не пытался раскоцать: королей боялись, соборы охранялись тщательно, потому что там хранились немалые сбережения глупых верующих, а в сельские церквушки воры не лазили сами, так как в те годы боялись *дедушки* больше, чем тюрьмы.

Проведу вас на мякине

и ограблю я буфет:
церковь грабить не с руки мне –
там в подвалах пива нет!

Глава 187. О ЗАМКА́Х, ЗАЩЁЛКАХ И ЗАПОРАХ (продолжение)

– Не может быть, мать моя КПСС! – неожиданно воскликнул один из маловеров из числа саксаульских большевиков.

– Не может быть что? – уточнил рассказчик. – Ты про *дедушку* или про тюрьму?

– Да нет, – привычным согласно-несогласным трюизмом ответил Курманбаев. – Я про то, что замки́ были из дерева!

– Тем не менее это так, – подтвердил знатный учёный-замковед. – Кстати, этому есть несколько подтверждений. И сделаны они некими древними муравлёвыми. Например, в одном из музеев Востока хранятся рисунки старинных замко́в именно из дерева, так как на них (и рисунках, и замка́х) хорошо видны природные рисунки в виде текстуры, сучков и даже сердцевидных лучей. А самый древний замо́к был найден при раскопках на территории дворца Саргона II Тиглатпаласаровича, царя древней Ассирии.

– А этот Сайгон чего охранял? – поинтересовался Митрохин. – Богатый был, что ли?

– Об этом, Васюхан, история умалчивает, – улыбнулся Альбионыч. – А замо́к, о котором я веду речь, был огромный, так как им запирали так называемые охранные ворота.

Детям каркала ворона:
«Почему я не грущу?
Заперла надысь ворота –
вора в дом свой не пущу!»

– Сомневаюсь я, царица лесная, – вновь примкнул к разговору охранник Полтавцев. – Что это за замо́к такой – из дерева?! Вот ты бы себе такой поставил?

– Я бы нет, – ещё раз улыбнулся лектор-просветитель. – Будучи человеком сразу двух веков, я понимаю, что деревянные замки́ – это несерьёзно, но где же в те годы этому Тиглатпаласаровичу было взять металл для изготовления? Вот и приходилось мучиться, увеличивая охрану воро́т вдвое, а то и втрое… Но самое смешное в другом.

– И в чём же, мать моя партия, позвольте уточнить, – позволил себе уточнить преподаватель еврейского колледжа.

– Да в том, что такие деревянные замки́ до сих пор используют кое в каких африканских республиках, в коих проживают одноимённые племена. Цивилизация, которая наивно пробивалась к ним много веков, наконец бросила это неблагодарное затятие и ушла обратно в Европу – отмывать грязные от африканских болот ноги!

– А им-то это зачем, святой Казимир Северинович? – встрял ещё один слушатель, который понял, что если сейчас не встрянет, то о нём могут забыть навсегда.

– А у них до сих пор всё деревянное, – пояснил пояснитель, – и замки́, и посуда, и хижины, и даже, как я подозреваю, тыквы! А замочки свои они делают в виде животных – хранителей очага, хотя я лично не представляю, каким образом деревянное (!) изделие может сохранить огнедышащий очаг…

Но не угольным брикетом,
не бумажкой по рублю:
я очаг топлю не чем-то –
буратинами топлю!

– Но дерево – это ещё что! – продолжил просвещение коллектива литератор, а в дан-

ное время лектор-надомник. – Знаете ли вы, что глупые земляне много веков для замыкания стальных (!) дверей употребляли верёвки, сделанные из волокна или даже камыша?!

– Нет, не знаем, – пришлось признаться непросвещённому коллективу покеристов и примкнувших к ним. – А зачем же они так?

– Да затем, что эти люди свято верили не в науку, коей тогда вообще не было, а в суеверия! Им казалось, что верёвка, завязанная определённым узлом, служила как бы символом безопасности.

– А-а-а, – протянул старший джус, – это не про гордиев ли узел ты хочешь нам рассказать? – после чего все, кроме Альбионыча, остро позавидовали такому неведомому знанию, а Афанасьич даже на всякий случай приготовил свою знаменитую на весь Отцеябловск книжечку «Для му.мы.»

– Именно, – подтвердил догадку антенщика Володя. – Узел, завязанный этим фригийским королём Гордием, больше знаменитый как гордиев узел, закреплял ярмо к оглобле его колесницы, и в соответствии с речами оракулов, развязать его мог только человек, которому было предначертано покорить Азию. И вот однажды к Гордию явился некий Шурик Филиппыч по фамилии Македонский, который уже давно лелеял мечту о покорении Азии. Но он не стал размышлять, как можно развязать этот сложный узел, а вытащил меч да и разрубил верёвку!

– Вот это да! – восхитился сторож. – Как же он догадался?

– Кстати, этим методом Македонского до сих пор пользуются воры-домушники, которые вместо того, чтобы подбирать ключи к замка́м, просто подсовывают под них *фомки* и ломают дужки!

– А фомки – это маленькие дети неизвестного Фомы? – поинтересовался Мусаич, который из всего жизненного опыта хорошо разбирался только в марксизме-похренизме.

Без особенных примочек,
словно левою ногой,
фомкой вскрою я замочек
к сердцу девы дорогой!

Тут охранник спохватился, что может забыть только рассказанную марсианскую мудрость и быстро застрочил на чистой страничке своего блокнотика: «Однажды один македонский Гордей навязал узлов и думал, что так и надо, но к нему пришли дети неизвестного Фомы и всё поломали!». Он ещё раз перечитал записанное и порадовался тому, что такой рассказ в его интерпретации получился куда как увлекательнее, чем у Володи, хотя у того и было на два высших образования больше.

«Знай наших!», ещё раз порадовался он совершенно дебильным трюизмом, который мог родиться только в такой непредсказуемой стране, как Россия. «Не забыть бы рассказать эту историю вечером Зуле!»

И тут экс-текстильщик отошёл от своих мыслей и грёз, так как «осознал», что Кулемзин не молчит, а продолжает свой увлекательный рассказ.

– Поскольку мы, как я надеюсь, современные люди, – говорил в это время учёный-запоровед, – и поэтому не очень-то верим в привороты и заклинания от краж, я позволю себе привести классификацию замко́в.

– Позволяй, святой Малевич! – позволил ему саксаульский гоген. – То есть приводи!

Литератор сурово глянул на перебивальца и продолжил:

– Пожалуй, сегодня я не буду вдаваться в детализацию устройства замко́в, а только расскажу о ретроспективе их производства.

– А завтра, мать моя Октябрьская революция? – поинтересовался Мусаич.

– А завтра, если мы окажемся живы, может быть, вдамся, – туманно пообещал лектор, но ушлый ленинец не поверил ему, ибо в этот самый момент вспомнил слова своего вечного патрона Ильича I именно о вере: «Современный пролетариат становится на сторону социализма, который привлекает науку к борьбе с религиозным туманом и освобождает рабочего от *веры* в загробную жизнь…»[348]

[348] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 12. стр. 119, статья «Социализм и религия» – прим. полит. редактора

Вы в статье своей отметьте:
я не думаю тужить –
свято верю: после смерти
в коммунизме буду жить!

– Так что там с йодистыми замка́ми? – вернул тему лекции в прежнее русло военный музыкант.

Писатель благодарно поглядел на него (военного музыканта, а не русло) и продолжил:

– Так вот, первый металлический замо́к появился в 870-900 годах так называемой нашей эры…

«А что, была ещё и не наша?», подумал Афанасьич, но вслух сомневаться не стал.

– ….и за давностью времён сейчас с полной достоверностью трудно установить, в какой именно стране он был впервые произведён, ведь металлургическое производство в те смурные годы ещё не было массовым.

– А потом, царица лесная? – поинтересовался сторож.

– А потом было, – уточнил Володя и заметил, как Серёжа поставил ещё одну закорючку в свою книжечку, после чего понял, что насыщение ненужными фактами и знаниями продолжается полным ходом.

Здесь надо заметить, что когда Альбионыч увлекался передачей своих знаний партнёрам по *русской кочерге* и друзьям партнёров, то частенько не замечал, что происходит перед его носом. Так, например, сейчас он не заметил, как некий Васюхан Митрохин наклонился к плечу Валеры Муравлёва и жарко прошептал ему на ушко:

– Ты не знаешь, когда эта хрень закончится?

– Какая? – также жарко уточнил на ушко соседа художник.

– Да вот про эти замки́! Пиво-то когда пить будем?

– Хозяин – барин, – страшным русским трюизмом ответил ему Николаич. – Так что будем терпеть…

В голове сплошной нокдаун
(что должно́ насторожить) –
барин наш такой хозяин:
как сказал – так будем жить!

Глава 188. О ЗАМКА́Х, ЗАЩЁЛКАХ И ЗАПОРАХ (ещё одно продолжение)

– В общем, яйчики-бабайчики, – продолжил увлекательную, как ему казалось, лекцию марсианин, – с XIV по XV века́ значительных усовершенствований в замочных механизмах почти не было.

– А чего ж они так? – обиделся за древних людей уроженец деревни Семижопино. – Вот я, например, в первый год изучения какого-то языка знал 14 новых слов, и среди них одно аж из 22 букв – deinstitutionalization[349], а уже через год свободно владел 41 словом, включая слово electroencephalographically[350] – из 27 букв!

[349] ***Деинституционализация – англ.***
[350] ***Электроэнцефалография – англ.***

– И что, – ревниво спросил Салихдзяныч, – прямо так сам и выучил? И никакой ёперный учитель тебе не помогал?

– Помогал, – степенно ответил учёный сторож, – только не ёперный учитель, а ёкарный Володя.

– Понятно, – ответил обер-корнет, чем тут же подтвердил неясные слухи о том, что армия не только защищает родную страну, но и отупляет её воинов.

Мама с папой говорили:
«Вырастешь – пойдешь в десант»
В военкоме мне сказали:
«Вам дорога лишь в стройбат!»

– Можно продолжать? – осведомился Кулемзин. – Так вот, научившись делать простые замки́, ремесленники стали изготовливать для богатых людей их красивые (прости, русский язык!) аналоги, и надо признать, достигли чрезвычайно высокой орнаментации! Кстати, такие (прости, русский язык ещё раз!) эксклюзивные замки́ стоили очень дорого – например, как три бочки вина.

– Да я, мать честна́я, за такое количество бухла лучше всю жизнь дверь запирать не буду! – в ажитации воскликнул один из слушателей лекции, чем тут же подтвердил неясные слухи о своём прогрессирующем алкоголизме.

– Кстати, – продолжил замко́вое обозрение просветитель, – тогда же и родилась первая реклама, ведь мастера́ выставляли на обозрение свои шедевры без покрытия, – чтобы были видны составные части механизмов, их работа, декоративная отделка корпусов и даже метод сборки.

– Ну, всё понятно, мать моя партия! Чувствую, что тогда же родился и капиталистический мир чистогана! – воскликнул ещё один слушатель, чем тут же подтвердил неясные слухи о своём психическом расстройстве на почве социальной справедливости, о которой так заботились коммунисты всего мира.

Это вам не черви-масти
и не джокер-подхалим:
мир разделим мы на части
и всем поровну дадим!

– А так как производить слишком простые замки́ для талантливых мастеровых было западло, они стали заниматься разработкой замков без ключей, после чего стали появляться замки́ с цифровым и буквенным кодом отпирания, а затем и некие дополнительные ухищрения, которые сигнализировали о том, что кто-то пытается открыть замо́к и проникнуть в защищённое помещение.

– А ты, Володя, не мог бы назвать их фамилии? – уточнил третий слушатель ускоренных замко́вых курсов.

– Кого? – уточнил Альбионыч.

– Да мастеров этих, – уточнил любопытный.

– А тебе зачем? – уточнил лектор.

– Для общего развития, святой Малевич, – уточнил настырный, чем тут же подтвердил неясные слухи о том, что творческие личности в счастливом браке теряют до 87 процентов так называемого ума.

«Жизнь вдвоём – она как пе́тля»,
говорил под водку кум.
«Я женился – и немедля
потерял последний ум!»

– Нет, Валера, фамилии этих умельцев в истории, к сожалению, не сохранились, но зато хорошо известно, что изобретателями первых секретных замко́в являются именно мастера Востока. Там впервые придумали такие замки́, которые обладали определённым количеством колец, выстроив которые особым образом, можно было открыть замо́к.

– А вот у меня, – поделился жизненными впечатлениями почётный гость Бермудского Учпучмака Митрохин, – всего два замка́ на дверях, но зато, как нажрусь, они оба сразу становятся секретными! Иногда по полчаса вожусь, чтобы вспомнить их тайну…

Альбионыч покосился на перебивальца, но делать замечание не стал, а продолжил исторический обзор:

– А открыть такие замки́ можно было, только зная некое слово или набор цифр. Кстати, один из таких замко́в под названием «Эврика» как-то приобрело Казначейство США – для своего сейфа. Так вот в этом механизме число цифр и букв давало возможность набора 1.073.741.824 комбинаций, а, значит, открыть его было нереально. И всё-таки однажды это случилось!

– А как? – зашумели слушатели.

– Да в один прекрасный день главный американский казначей поступил так же, как Васюхан в только что прозвучавшем рассказе, то есть, яйчики-бабайчики, нажрался до беспамятства.

Старший джус потупил очи, но было заметно, что он остался довольным упоминанием его скромного имени на страницах американской истории.

Проиграл викторию[351],
совершил прокол:
вляпался в историю,
то есть в протокол!

[351] ***Победа – лат.***

– Ну-ну, дальше, мать честна́я! – поторопил лектора самый нетерпеливый слушатель, у которого как раз закончились последние капли в бутылочке «Жигулёвского»

– А дальше было страшное, – укоризненно поглядев на Афанасьича, продолжил рассказ марсианин. – Похлопал казначей по карманам, вывернул их наизнанку, но бумажки с шифром не нашёл, и тут вспомнил, что вчера в кабаке отдал её одной шлюхе с Бродвея, уверив её, что это – его секретный номер телефона, на который можно звонить только по четвергам, с 19.00 до 19.05!

– А страшное в чём, мать моя партия? – поинтересовался ленинец еврейского колледжа, а затем наивно предположил:

– Наверное, в том, что они так и не встретились?

– А страшное, старичок, было в том, что ему – как должностному лицу – нельзя было признаваться, что он утратил секретный документ при таких обстоятельствах.

– А при каких таких, святой Малевич? – перебил литератора ещё один знаток жизни. – Да я при таких обстоятельствах, *правда, до свадьбы*, побывал не раз – и ничего!

– Так то, Николаич, ты, а то казначей – человек при должности, у которого в кармане, можно сказать, находились все денежки державы!

– А-а-а, – наконец оценил степень потери живописец – одной буквой алфавита, как это умеют делать только русские люди.

«Как же я нажрался вдруг!»,
мысли ковыляли.
Он молчал, но все вокруг
Ваню понимали!

Глава 189. О ЗАМКА́Х, ЗАЩЁЛКАХ И ЗАПОРАХ (окончание)

– Да, Володя, умеешь ты страха нагнать! – посетовал антенщик Митрохин. – Казалось бы, какие-то железяки, а сколько, оказывается, ужасного в их истории!

– Да уж, – неопределённо отозвался домашний лектор и в продолжение решил рассказать о реалиях, более близких слушателям.

– А теперь, – неожиданно воскликнул он, да так, что Салихдзяныч чуть не подавился последним глотком из заветной бутылочки «Маршала», – я расскажу вам о реалиях, более близких вам, то есть о русских висячих замка́х.

– Почему только русских? – тут же возмутился Мусаич. – А о замка́х саксаульских?

– К сожалению, Нуртай, о таких мне ничего не известно. Кстати, надо позвонить моему хорошему знакомому – профессору Фекалину, фамилию которого я при вас неоднократно упоминал. Может, у него в какой-нибудь книге есть что-то про такие замки́?

Кулемзин тут же вытащил из кармашка свой миниатюрный аппарат, вызвал искомый номер и проговорил куда-то вниз телефонного прибора:

– Здравствуйте, Филоктимон Флавианович. Это я.

Оказалось, что на том конце невидимых телефонных проводов Володю, несмотря на то, что он не назвал своего имени, узнали, потому что вверху его аппаратика забулькали разные буквы, складывающиеся в слова, которые, впрочем, были совершенно неразборчивы для других слушателей таинственного разговора.

Как в досаде ты не цокай,
как мозги не белени,
связь бывает однобокой:
мы всё слышим, а они…

– Я хотел узнать, – дождавшись окончания приветственного бульканья, вновь заговорил Кулемзин, – нет ли в ваших книгах упоминания каких-нибудь саксаульских замко́в? Нет? Жаль. Что? Есть упоминания о саксаульских за́мках?! Как интересно! Ах вот как… Хорошо, жду. Всего доброго.

Он отключил аппаратик и увидел, что на него уставились четыре с половиной пары вопрошающих глаз, так как Курманбаев в это время по-ленински прищурил одно своё око.

– Сообщаю вам, други мои, что сегодня, ближе к вечеру, знаменитый на весь Отцеябловск профессор Фекалин нанесёт нам визит – с целью подарить мне свою новую книгу!

Здесь количество глаз увеличилось до пяти, так как нуртаевские зенки внезапно расширились, словно рельсы при высокой температуре.

– Но об этом позже, – поднял руку Володя, пресекая расспросы. – Итак, вернёмся к висячим замка́м! До наших дней эти старинные железяки дошли как изделия древних римлян, греков, египтян и китайцев. Учёные историки, к славной когорте коих я могу причислить и себя, полагают, что они впервые использовались в качестве неких дорожных замко́в – для, так сказать, ограждения товара на древних торговых дорогах от нападений раз-

бойников. Они (замки́, а не разбойники) производились всяческих размеров, от самых маленьких до громадных, и в форме всевозможных геометрических фигур, животных, рыб и птиц, что говорит об эстетической составляющей мастерства древних умельцев.

Услышав последнее предложение рассказчика, у художника Муравлёва тут же созрел замысел монументального полотна под названием «Геометрические фигуры как основа художественного замысла древних замочников китайской провинции Шицзячжуан». А автор, который, как известно моему читателю, хорошо относится к своим персонажам, в этот момент пожалел о том, что такое полотно не только не было никогда написано, но даже его название было проглочено художником с первым же глотком следующей бутылочки пива «Тянь-Шань», и поэтому больше никогда не вспомнено в этой книге.

Сколь бутылочек ужасных
мы распили на троих,
сколько ж замыслов прекрасных
утонуло в чашах сих!

– И чтобы закрыть эту тему…

– Каку таку тему, царица лесная? – удивился сторож.

– Тему висячих замко́в, – уточнил лектор. – Так вот, чтобы закрыть эту тему, скажу только одно, что самый массивный висячий замок был выкован в период правления русского царя Николая с порядковым номером 2: сверху замка́ находилось большое круглое кольцо, которое ввинчивалось в замочную скважину для разблокировки запирающего механизма, и когда скобу ставили на запирание, ключ нужно было вынуть, а на это место вставить затычку, чтобы создавалось впечатление, что замочной скважины нет вовсе!

– Хитро задумано, йодистый царь! – воскликнул унтер-офицер саксаульской армии. – Интересно, зачем это ему было нужно?

– А ты, Талгат, не забывай, – улыбнулся Альбионыч, – что Николай, яйчики-бабайчики, хотя и был царём, но всё-таки русским, поэтому ему, как и простому русскому мужику, были присущи так называемые русские народные понты. Ну, не мог же он пользоваться обычным замко́м! А вдруг к нему в гости кто-то из европейских монархов приедет? А он раз – и огромный замок покажет! Вот так русские цари Европу и лажали!

Закусив квасок укропом,
что продали торгаши,
облажали всю Европу
наши русские левши!

– И уж совсем напоследок, други мои, расскажу вам о двух французах и их историях с замка́ми. Например, знаете ли вы, что один из французских королей был замочных дел мастером?

– Нет, нет, не знаем, – наперебой откликнулись присутствующие, но такими ржавыми и скрипучими голосами, словно не в их гло́тки сегодня пролилось уже несколько литров лучшего напитка на Земле.

– Так вот, этого короля звали Людовик Людовикович XVI...

– А это не тот ли Людовик из династии Бурбонов, – неожиданно перебил рассказчика Васюхан Митрохин, – который по паспорту звался Луи Капет? Володя, рот закрой. Нуртай, рот закрой. Валера, рот закрой. Талгат, рот закрой. Серёжа, рот закрой.

– Т-т-тот, яйчики-бабайчики, – выдавил из себя Альбионыч, потом встряхнул головой, так как решил, что ему всё это послышалось, и продолжил:

– Вообще-то говоря, это был какой-то странный король – ему не очень нравилось быть монархом, а гораздо больший интерес он проявлял… к механическому труду.

– Ему что же, святой Малевич, – возмутился художник Муравлёв, – зарплаты буржуйской не хватало? Вот я бы на его месте…

– И я бы тоже, мать честная! – поддержал стремление Валеры к халявным деньгам охранник Полтавцев.

Если только аккуратно,
если ты без закавык,
на халяву так приятно
пиво пить и есть шашлык!

– Все высказались? – поинтересовался лектор.

– Я, я ещё не высказался, мать моя партия, – тут же включился в разговор партийный коммунист-большевик Курманбаев. – Я часто задумывался над этим вопросом, но однажды раскрыл один из томов Владимира Ильича Ленина из полного собрания его сочинений, а именно том 37-й…

– Стоп! – твёрдо оборвал Нуртая Володя. – Итак, всё своё свободное время этот странный Людовик проводил на территории своей мастерской (сразу за дворцом, конюшней, хлевом и гостевыми беседками), где тайно занимался ковкой металлов и изготовлением замко́в. Но особенной гордостью короля был потайной шкафчик, который он вначале без всякого смысла встроил в стену, а потом додумался, что там можно держать свои личные бумаги.

– Может, он был ёкарным шпионом? – вслух заподозрил Салихдзяныч. – А ёперные историки об этом просто не узнали?

– Кстати, этот ящик позже был вскрыт неким Гамэном – железных дел мастером, который, собственно, и научил молодого короля всем этим некоролевским штучкам с металлом, и в этих бумагах нашёл множество улик, по которым можно было судить, что король хорошо разбирался не только в замка́х, но и в придворных девушках-фрейлинах.

– Молодец какой! – похвалил давно усопшего исторического персонажа обер-корнет Батыршин, который тоже хорошо разбирался не только в музыке, но и в музыкантшах оркестра Отцеябловского театра оперы и балеты имени Бабая, где он подрабатывал в свободное от службы в саксаульской армии время.

Научён я военкомом,
что нельзя бойцу блудить:
мимо девушек знакомых
я стараюсь не ходить!

– А второго француза, – не обращая внимания на реплику, продолжил писатель, – звали Шарль Жан-Жакович Курне́. Ещё будучи ребёнком, он увлекался всем тем, что мог самостоятельно разобрать, а потом снова собрать, но особенно привлекали его, как вы, наверное, уже догадались, замки́. И вот в эти крайне молодые годы могла начаться его карьера как мастера по замка́м…

– Но, судя по всему, не началась? – опечалился за француза старший джус.

– Ты прав, Васюхан, – не стал кривить душой рассказчик. – Неожиданно для родни, а также друзей и знакомых он принял решени стать… водолазом!

– Почто, царица лесная? – вскричал бывший текстильщик Полтавцев, который в молодости тоже грешил мечтами о разных карьерах.

– Да чтобы проделать всё то, о чём было рассказано в книге «Двадцать тысяч льё под водой» его знаменитым прадедушкой Жюлем Пьеровичем Верном!

– Это не тот ли Жюль Верн, – вновь прервал лектора неугомонный демиург Муравлёв, – что в конце своей жизни написал на языке эсперанто роман «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака»? Володя, рот закрой. Нуртай, рот закрой. Талгат, рот закрой. Васюхан, рот закрой. Серёжа, рот закрой.

– Т-т-тот, – ещё раз подтвердил Володя и понял, что давно пора закрывать замочную тему, иначе так и до психушки на улице Каблукова недалеко.

За шарами и киями,
чтоб по-взрослому блистать,
слишком много пью с друзьями –
как бы психом мне не стать!

– А почему же именно водолазом, мать моя КПСС? – поинтересовался педагог еврейского учебного заведения, и все поняли, что Курманбаев этот роман не читал.

Альбионыч проигнорировал и этот вопрос, так как пора было начинать новую главу 190, где уже не будет никакого намёка ни на какие замки́.

– Прошло время, и мальчик наконец-то смог реализовать свою мечту. Обладавший талантом взламывать замки, он начал вскрывать сейфы затонувших кораблей. Кстати, именно этот Курне первым вскрыл замóк на глубине 400 футов[352] и возвратил миллионы разным спасательным обществам. А международная слава к Шарлю Жан-Жаковичу пришла именно под *погонялом* Замочный Мастер!

[352] 122 метра – прим. науч. редактора

Глава 190. О КАРАНДАШЕ СЕРЁЖИ И ДРУГÓМ КАРАНДАШЕ

Закончив суровый рассказ о мастерах прошлого и их творениях, Альбионыч замер, задумавшись о чём-то своём, а остальные маленькой толпой ещё раз сходили к входной/ выходной двери, видимо, для того, чтобы лучше прочувствовать рассказанное. Но так думал хозяин квартиры, а на самом деле покерная хевра с примкнувшими к ней художником и антенщиком удалились для того, чтобы разработать очередной план раскрутки Володи!

– Ну что, начнём очередную игру? – бодро поприветствовал литератор вернувшихся в лоно *русской кочерги* покеристов и болельщиков.

И тут он заметил, как старший прапорщик и охранник подтолкнули вперёд Мусаича и понял, что к нему направляют парламентёра. Так оно и оказалось.

– Видишь ли, Альбионыч… – издалека начал свою речь педагог.

– Всё, стоп! – оборвал его ответственный квартиросъёмщик. – Я всё понял: для продолжения битвы вам надо ещё пивка.

– Точно, святой Малевич! – радостно выдохнул болельщик из числа живописцев.

– Хорошо, тогда давайте считаться:

Получив аккредитивы
и включив ходуль движок,
побежишь сейчас за пивом
очень быстро ты, дружок!

На этот раз последний слог *жок* выпал на преподавателя еврейского колледжа, который было открыл рот, чтобы опротестовать результаты считалки, но вспомнил, что только что сам был парламентёром, и вздохнув, протянул руку за субсидией. Получив требу-

емое, он покинул коллектив, мысленно попрощавшись с каждым и, выйдя из квартиры и подъезда, не спеша затрусил в сторону сельпо Калимы.

И тут все заметили, что пока провожали ходока, Афанасьич успел вытащить из своего хурджина заветный блокнотик «Для му.мы.» и стал смотреть на марсианина.

– Чего тебе надобно, старче? – словами великого Сергеича[353] спросил его Володя.

[353] *А. С. Пушкин «Сказка о рыбаке и рыбке» (1833) – прим. лит. редактора*

– Да очень твоя считалка понравилась, – стесняясь, ответил семижопинец. – Хочу её записать – на память веков!

– На память веков, говоришь? – улыбнулся Кулемзин. – А слабо записать, как запомнил?

– Конечно, нет, – удивился такой наивности блокнотовладелец. – Сейчас, сейчас…

Он тут же плюхнулся на пол возле камина и начал старательно изображать в книжечке красным концом двуцветного карандаша какие-то каракули.

– Всё! – через пару минут известил он коллектив и протянул блокнотик Володе:

– Всё правильно?

Писатель взял книжечку и на открытой страничке с удивлением прочёл следующее:

Нам таких совсем не жалко:
чтобы радость принести,
побежал Нуртай за фантой
на своих кривых ногах!

– Однако! – воскликнул он, удивившись неологистическим рифмам *жалко-фантой* и *принести-ногах*, но потом решил не расстраивать автора и вынес вердикт:

– Гениально!

А автор в этом месте решил наконец-то дать изображение знаменитого на весь Бермудский Учпучмак карандаша Полтавцева, которым он записывал исключительно мудрые вещи – как он выражался, «для общего разветвления»:

И пока мой читатель любуется этой картинкой, литератор подошёл к окну и, приставив ладонь ко лбу козырьком, стал смотреть вдаль – в надежде разглядеть спешащего обратно коммуниста, но ничего не разглядел, вздохнул, и произнёс:

– А не рассказать ли вам, други мои, байку о таком же, как у Серёжи, карандаше, но только (прости, русский язык!) несколько необычном?

– В смысле? – удивился экс-текстильщик, так как знал точно, что других карандашей просто не бывает.

Байка Кулемзина о приключениях цангового[354] карандаша

[354] ***Цанговый, или механический карандаш представляет собой инструмент в виде стержня, применяемый для письма, рисования и черчения, в котором пишущий стержень карандаша вставляется в специальную оправу – прим. тех. редактора***

– Однажды в некой лаборатории № 12-бис, – начал рассказ хозяин катрана, – некоего секретного научно-конструкторского бюро, разрабатывающего хрен знает что на радость друзьям и страх врагам Советского Союза (б), неожиданно настал дефицит цанговых карандашей. Надо заметить, яйчики-бабайчики, что в те годы особенно ценились карандаши типа *тяни-толкай*, где грифель можно было вставлять сразу с двух сторон, а потом затачивать его *лопатками*[355] разной толщины. «Лопатками» чертить гораздо быстрее – это вам скажет любой человек, умеющий пользоваться (прости, русский язык!) кульманом.

«Наверное, Кульман – это еврейский брат Кулемзина», с симпатией подумал Батыршин, у которого в Отцеябловске, в отличие от родного Татарстана, были сплошь семитские родственники.

[355] ***Особенность карандаша-лопатки – создавать на чертеже контурные линии одинаковой ширины, что достигается именно тем, что грифель затачивается не на конус, а на параллелепипед – прим. тех. редактора***

Думал я, вися на рее,
как один из бунтарей:
«У меня родня – евреи,
потому что сам еврей!»

Глава 191. О КАРАНДАШЕ СЕРЁЖИ И ДРУГО́М КАРАНДАШЕ (окончание)

Естественно, что советская карандашная промышленность – в лице завхоза секретного конструкторского бюро – дефицит покрыть могла, но принципиально не хотела, а. вернее, не хотел, так как завхозом был суровый мужик Митрич.

– Вам цанговый карандаш, – говорил завхоз, сверяясь с какой-то бумагой, – один на полгода положен. И всё! Грифелей и ластиков берите сколько хотите, ватманскую бумагу извольте экономить, думая головой, а карандашей не дам, не просите.

– Но как же мы без них? – чуть не плакали чертёжники. – А чем же нам чертёжи секретной хреновины ПРКСТФЖНЩ-115/29 делать?! А ежели враг нападёт?

– Вы это прекращайте, – пенял им Митрич. – Я вот вам в прошлый раз такие карандаши дал, а вы ими (сам видел!) в ушах ковыряли, а один так вообще в туалетной кабинке забыли! Нет, нет и нет, и нечего меня уговаривать. А если будете жаловаться, я нашему директору расскажу, куда вы весь лабораторный спирт расходуете…

Между тем, с карандашами действительно творилось что-то неладное: неделя, месяц, максимум два месяца – и карандаши таинственным образом исчезали, причём, разных марок и разной твёрдости, независимо от размеров и конструкции. Чертить становилось невозможно, падали сразу два показателя: производительность труда и деревянная стружка на пол. Надписи на корпусе изделия «Украдено у меня» или «Кто сопрёт – уколется и заснёт» не помогали!

Сколько их арестовали,
сколь в подвалах избивали,
сколько к совести взывали,
не могли торжествовать:
в СССРе воровали
всё, что можно своровать!

И тогда специалисты решили вот что.

– Знаешь что, Саша, – сказал конструктор второй категории и председатель совета молодых специалистов в одном лице своему коллеге, – если мы с тобой с каждой зарплаты будем покупать пяток карандашей каждый, мы не разоримся. А через несколько месяцев окружающее нас пространство насытится материальными предметами до такой степени, что они перестанут пропадать!

– Вы правы, Юрий, – ответил ему вновь избранный секретарь комсомольской организации и конструктор первой категории, красуясь перед симпатичным техником-лаборантом Ольгой, – но, чтобы не разориться с гарантией, предлагаю делать это по очереди: месяц ты, месяц я. Таким образом, насыщение пространства произойдёт несколько позже, но для вечности это совершеннейший пустяк.

Без буянства и жеманства,
без дилемм и теорем,
насыщаем мы пространство
не идеями, а всем!

На этом и порешили. А за разговором, правда, ничего не расслышав издалека, наблюдал руководитель группы Виктор Николаевич, тоже страдающий от нехватки цанговых карандашей.

Зарплату выдавали сегодня, а назавтра Саша принёс пять обусловленных договором канцелярских изделий, четыре из которых убрал в стол, а одним сразу же начал набрасывать сборочный чертёж пресс-формы для изделия «Гранат»… т-ссс, это секрет!.. для изделия ПРКСТФЖНЩ-115/29.

– Ну, как процесс? – спросил приятеля Юра во время перекура, – насыщается пространство?

– Ещё как насыщается, – затянулся сигаретой «Космос» Саша, – у меня до обеда два карандаша пропало! Вроде и не ходил никуда, только в первый отдел и в библиотеку за справочником. И главное, не было никого в лаборатории, кроме Ольги и Виктора Николаевича, ведь в командировках все. Я сейчас опять в первый отдел пойду, а карандаш на столе оставлю, так ты спрячься за кульманом и посмотри.

И Юра увидел вот что: к столу подошёл руководитель группы, взглянул на чертёж и, застенчиво озираясь, положил карандаш в нагрудный карман халата. Причём, из этого кармана уже торчало три карандаша!

Друзья обсудили ситуацию.

– Может, он клептоман? – сделал вывод Саша, – ну, не может же руководитель группы, коммунист, кандидат наук и пожилой человек (ведь ему 43 года!) тырить карандаши ради наживы?

Как-то раз пожилой клептоман
запустил девять пальцев в карман
извращенцу известному,
тоже парню бесчестному,
но нащупал там плотный банан!

– Или шизофреник, – поддержал его Юрий, тоже уверенный в моральных качествах Виктора Николаевича, – на этом ведь много не заработаешь.

Их рассуждения были прерваны неожиданным появлением сорокатрёхлетнего пожилого человека, кандидата наук, коммуниста и руководителя группы.

– Товарищи! – начал он издалека, – настало время тяжёлого и трудного для меня раз-

говора, которого не удастся избежать. Всем известно, что в лаборатории пропадают цанговые карандаши. Сегодня я провёл эксперимент и понял, что причина кроется в Саше, которого недавно ошибочно избрали секретарём комсомольской организации.

– С чего это вы взяли, Виктор Николаевич? – оторопело спросил Саша.

– А с того, что я у вас сегодня *экспериментально* упёр четыре карандаша, а вы даже не возмутились. Откуда у вас столько незапланированной канцелярии, спрашивается?

Таким образом, философский эксперимент по материальному насыщению пространства столкнулся со встречным экспериментом в области этики, что, кстати, только подчёркивал научный характер работы этой лаборатории…

В процессы вовлечённые,
на Западе гнилом,
работают учёные
лопатой и кайлом!

♠ ♠ ♠

И вот в этом месте автор с горечью должен констатировать, что эта байка, единственная за 6 томов нашего великого повествования, оказалась неоконченной, так как у входа в володин катран раздались сразу несколько шумов: во-первых, с громким стоном распахнулась дверь, во-вторых, прозвучало протяжное «Уффф!», и, в-третьих, чьё-то сдавленное «Помогите…».

Все дружно кинулись на помощь неизвестному, но сразу же выяснили, что это оказался вполне известный персонаж, и не только нашим героям, но даже читателям. На пороге, шатаясь, стоял партийный педагог и прижимал к груди тяжёлую от бутылочек серёжину котомку, – как раненый фашистами комбат в своё время прижимал к себе полковое знамя, без которого невозможно было получить орден Красной Звезды, а, значит, и прибавку к пенсии в 7 рублей в послевоенное время.

Оказалось, что Курманбаев, удачно сочетая в себе жадность и арифметическое образование, подсчитал, что если купить не 12 бутылочек, как завещал ему великий Владимир Альбионыч, а 18, то на каждого игрока и независимого художника придётся не по две, а по три полулитровых сосуда с жидким счастьем. Но дело было в том, что писатель субсидировал скорохода купюрой в 500 назарбаксов, а для такой глобальной покупки их требовалось аж 648! Поэтому при расставании с владелицей лабаза он лично пообещал Калиме, что недостающие 148 назарбаксов Володя занесёт ей ещё сегодня!

– Надеюсь, вы меня понимаете? – таинственным шёпотом осведомился он у саксаульской магазинщицы.

Та кивнула головой, но всё-таки занесла славное имя марсианина в записную книжечку, в которой вела список должников.

Я б тебя на гильотину,
да боюсь гнилой тюрьмы:
будешь должен мне, скотина,
все шесть лет, что вместе мы!

Глава 192. ЗА 5 МИНУТ ДО ИГРЫ, или ЕЩЁ РАЗ О СТАКАНЕ

Увидев, что Мусаич принёс пивка несколько больше заказанного, Володя расстроился до невозможности, ибо хорошо понимал, что игра в *русскую кочергу* опять оттягивается неизвестно на сколько, поэтому он решительно отобрал котомку у пивного пришельца, выставил на обеденный стол ровно 6 бутылочек из 18 принесённых, а остальные отнёс на

кухню и там не только уложил их в два рядка на нижнюю полку агрегата, но и наложил на сам рефрижиратор марсианское заклятие *ввввъъоооррръъъ* от несанкционированного проникновения – на всякий случай, после чего вернулся к условно родному коллективу.

Здесь выяснилось, что все пивные бутылочки уже оказались открытыми, и володина тоже, которую и подал ему Афанасьич со словами, которым его когда-то обучила семижопинская бабушка Федóра:

Чтоб была счастливей жизнь,
пей, касатик, не давись!

Литератор никак не отреагировал на серёжиного *касатика*, но всё-таки сделал гигантский глотóк из своей бутылочки и для того, чтобы немного разрядить общее напряжение, совершил небольшой интеллектуальный вброс в компанию:

– А знаете ли вы, други мои и Нуртай, что лучше всего с заказом пива было в древнем Риме?

– Почему, царица лесная? – изумился охранник, не обращая внимания на кислую гримасу педагога, и даже споро вытащил из кармана заветный блокнотик «Для му.мы.»

– Да потому, яйчики-бабайчики, – улыбнулся ответственный квартиросъёмщик, – что если в современном баре посетитель показывает бармену вот такой жест:

, то официант приносит ему всего две кружки, а вот в древнем Риме несли сразу пять!

– Почему, святой Малевич? – изумился ещё один пивохлёб, чуть не подавившись не до конца сделанным глотком.

– А ты помнишь, Валера, как пишется римская цифра 5? Вот то-то…

– А как она пишется? – тихонько спросил вопрошалец на ушко старшему джусу по фамилии Митрохин.

– А я откуда знаю, – также тихонько ответил ему Васюхан, после чего писатель убедился, что его незатейливая шутка провалилась с треском.

Пусть здесь каждый осознает:
на кретинов тут кладут –
если шутка не канает,
значит, все тупые тут!

«Нет», решительно подумал марсианин, «всё-таки через пять минут надо продолжать игровой сезон», но, как человек совестливый, осознал, что пока эти черти не допьют любимый напиток, игра всё равно не начнётся, и решил продолжить интеллектуальные мероприятия. И тут, поглядев на свою пинту[356], он вспомнил, что где-то в прошлых томах уже начинал исследование на тему наполовину полного/пустого стакана, но сделал это как-то впопыхах и не до конца, поэтому поднял свой наполовину полный/пустой стакан для пива, о котором автор только что сообщил в ссылке внизу этой страницы 468, и произнёс, обращаясь к Курманбаеву:

[356] Барный стакан для пива цилиндрической формы, расширяющийся кверху, и изготовленный из тонкого стекла с утолщённым дном – прим. алк. редактора

– Как ты думаешь, Нуртай, вот эта моя *пинта* наполовину пустая или полная?

– Видишь ли, Володя, мать моя КПСС… – начал развивать ненужную мысль саксаульский педагог, но его перебил Полтавцев, который, как выяснилось, с первым же словом Нуртая стремительно зажал уши своего друга Салихдзяныча:

– Вовка, ты этого иблисоида не спрашивай – он всё равно правды не скажет!

Но не любит правды тот,
кто в гостях всё время врёт!

– Почему это? – возмутился ленинец.

– Да потому, – передразнил его сторож, – что ты ленинец.

– И что? – ещё раз возмутился коммунист.

– Да к тому же коммунист! – ещё раз припечатал большевика метким словом представитель простого трудового народа. – И, кстати, Володя, а что такое пинда?

– Не важно, – ответил литератор.

– А что важно, ёкарный хозяин? – спросил военный музыкант, потирая уши, которые только что подверглись механической обработке лапами бывшего текстильщика.

– А важно то, что я, пока вы допиваете свои бутылочки, расскажу вам несколько забавных историй, связанных как раз с моим наполовину полным/пустым стаканчиком.

– Просим, просим, – на два голоса отозвались старые приятели Муравлёв и Митрохин, и все присутствующие в очередной раз удостоверились в том, что если два русских человека совместно пьют не один год, то и мысли, и слова у них (прости, русский язык!) унифицируются до одновременности и параллельности.

Ты алкаш, и я пьянчуга,
вместе утром мы блюём,
ведь похожи друг на друга,
потому что вместе пьём!

– Вначале я сообщу вам, – начал очередную просветительскую лекцию, но на этот раз о чрезвычайно важном предмете, Альбионыч, – мнения некоторых компетентных людей

О пустом стакане

Пессимист скажет, что в стакане ничего нет.
Оптимист скажет, что этот стакан можно заполнить.
Алкоголик знает, чем именно можно наполнить этот стакан.
Садист знает, что этим стаканом можно убить.
Извращенец знает, куда его можно засунуть.
А математик посчитает, что это полый цилиндр, закрытый снизу.

Глава 193. ЗА 5 МИНУТ ДО ИГРЫ, или ЕЩЁ РАЗ О СТАКАНЕ (продолжение)

– Володя, мать честна́я, – оживился началом лекции бывший текстильщик Полтавцев, – а вон тот третий, он что, самый умный?

– Какой третий? – начал вспоминать свои слова марсианин, и вспомнив, подтвердил:

– Да, яйчики-бабайчики, самый, если, конечно, пьёт не в компании, а один!

Серёжа стремительно открыл книжечку «Для му.мы.» и так же стремительно накаракулировал на чистой страничке: «Мой друг Кулемзин только что подтвердил, что если я когда-нибудь стану разведчиком, то мой секретный позывной будет Третий!»

Потомок волжских самураев
и подполковник КГБ
Вилен Эдмундович Сараев
с утра проснулся не в себе,
а в симпатичной негритянке,
расположившейся на нём,
как пулемётчик на тачанке
под перестрелочным огнём,
а если быть ещё точнее,
очнулся он, лицом мрачнея,
внедрив себя в одну из двух
доступных местных молодух!

– Вот и всё, дорогие соотечественники, что я вам хотел рассказать о мнениях разных людей про пустой стакан. А теперь – мнения других людей

О полупустом стакане

Оптимист считает, что стакан наполовину полон.
Пессимист считает, что стакан наполовину пуст.
Клиент считает, что в стакан не долили.
Бизнес-аналитик считает, что половины стакана хватит.
Тестировщик считает, что в стакане дырка.
Программист считает, что стакан в два раза больше, чем нужно.
Маркетолог считает, что на стакан можно сделать скидку.
Дизайнер считает, что стакан иллюстрирует полуминимализм.
«Ничего не понимаю, царица лесная!», подумал один из слушателей.
«Ничего не понимаю, мать моя партия!», подумал второй слушатель.
«Ничего не понимаю, святой Малевич!», подумал третий слушатель.
«Ничего не понимаю, ёперный стакан!», подумал четвёртый слушатель.
«А этот Кулемзин не такой дурак, как кажется!», подумал пятый слушатель.

Известно в городе подлунном,
где гений есть и есть кретин:
дурак не может быть неумным,
ведь он такой у нас один!

А этот *Кулемзин не дурак* в это время продолжал образовывать ранее необразованный коллектив:

– И в заключение ещё несколько мнений различных специалистов об исследуемом нами предмете:

Реалист думает, что стакан заполнен наполовину.

Алкоголик думает, что из этого стакана уже кто-то пил водку.

Критик думает, что стакан ужасен.

Американец думает, что в воду нужно было добавить сахар, и что его большу́ю порцию картошки фри уже должны были бы давно принести.

Наркоман думает, что это не стакан, а крокодил.

Мусульманин думает, что стакан оскорбляет его религию.

Зомби думает, что это ГРХАБЛ БААРХГЛ!

Пусть зомби услышит,
пусть зомби придёт,
пусть зомби меня непременно сожрёт!
Ведь так не должно быть на свете,
чтоб не были съедены дети…

– А мы? – с обидой спросил Васюхан, и для наглядности даже показал свою бутылочку «Тянь-Шаня», в которой ещё оставалось не меньше чем 8 глотков благословенного напитка жизни.

– В смысле? – вопросительно поднял бровь стаканный лектор.

– Вот мы же тоже разные, – уточнил старший антенный джус. – А нас как-то можно разделить по стаканному принципу?

– Молодец, старичок! – восторженно заявил Альбионыч и даже пожал руку Митрохину. – Об этом я как-то не подумал, но благодаря тебе начинаю думать сию же минуту!

– А разве мы разные? – удивился старший трубач президентского оркестра.

– Ещё какие! – воскликнул писатель, перевернул покерную *раскладку* и предложил всем назвать свои дни рождения.

Володины гости настороженно переглянулись, но возражать и хозяину, и спонсору в одном лице не стали, а стали колоться, как рецидивист Жорик Ашхабадский, когда следователь вместо одного окурка показал ему отпечатки пальцев на пистолете, сберкнижку на имя убитого, золотое кольцо его супруги, а также продемонстрировал магнитофонную запись с собственным признанием Жорика, сделанным его другом Тофиком Бакинским вследствие употребления ими двух с половиной литров водки «Hazar deňzi»[357].

[357] ***«Каспийское море» – турк.***

Наконец, все дни рождения были выяснены, проанализированы и наконец-то объяснены, зачем они вообще были взяты у покерной хевры. Оказалось, что Володе известен некий гороскоп, из которого можно было выяснить, какие знаки зодиака как относятся к каким стаканам!

«Не может быть!», должен бы воскликнуть в этом месте мой читатель, но лучше пусть он этого не делает, так как знатный бермудский астролог уже начал свой сногсшибательный прогноз. Правда, прежде он выписал в столбик, кто из присутствующих имеет какой небесный знак. Сам писатель, как известно, был Тельцом, старший прапорщик Батыршин – Раком, Серёнька Афанасьич – Бараном… тьфу, О́вном, живописец – Львом, партийный саксаульский педагог, как уже неоднократно упоминалось на наших страницах, Девой, а замыкающим в этом астрологическом строю стал Васюхан Васюханыч – его, как обладателя одинаковых имени и отчества, при рождении записали Близнецами.

Если опыт странный нажит,
если ты не идиот,

гороскоп всегда покажет,
кто, когда и кто с кем пьёт!

Глава 194. ЗА 5 МИНУТ ДО ИГРЫ, или ЕЩЁ РАЗ О СТАКАНЕ (окончание)

Именно в таком порядке, какой был описан на предыдущей странице, писатель-астролог и решил рассказывать о тайнах каждого знака, и начал с себя как Тельца. Итак…

Тельцы

Тельцы сразу решают проблему со стаканом. Причём, неважно как: заберут чужой полупустой стакан или шарахнут своим стаканом об стену, важно при этом, что проблемы стакана больше нет! Нет и всё! Правда, и самогó стакана тоже, но для Тельцов важнее отсутствие проблемы, чем наличие какого-то там стакана.

И вообще, слишком долгие разговоры о стакане утомляют и оскорбляют Тельцов: «и дался вам этот стакан», скажут обладатели этого знака, и где-то быстро раздобудут, украдут или купят новый стакан – ничем не хуже предыдущего, зато полный! А если никого не будет рядом, Тельцы быстренько освободят стакан и приложат его к стене, чтобы послушать, что другие знаки зодиака делают со своими стаканами!

Вальяжен, мудр Телец как сом –
он ко всему построже:
всегда решителен во всём,
и со стаканом тоже!

Раки

Раки точно будут знать, что стакан заполнен наполовину. То, что другие этого не понимают, будет их неимоверно раздражать. Кроме того, Раки сразу поймут, что если в стакан добавить пакетик, то получится чай, если лёд, то виски, а если мяту, то коктейль мохито. Но в итоге не сделают ничего: они будут смотреть на полупустой стакан и ждать, пока трупы других полупустых стаканов не проплывут мимо них по реке Жизни.

В тягостном ожидании Раки-мужчины будут рвать на себе волосы, и даже под мышками и на груди, а Раки-женщины – пробивающиеся усы, и заодно сделают себе эпиляцию в зоне бикини. Рыдая над собственной жизнью и полупустым стаканом, Раки выпьют его до дна, и получат действительно пустой стакан, вгоняя себя в депрессию, из которой их смогут вывести только какие-нибудь другие практичные знаки зодиака.

Они во всём как бирюки,
для них важны масштабы:
бухают Раки-мужики –
их манят Раки-бабы!

Овны

Эти сразу заявят, что стакан в принципе в два раза больше, чем надо: вот если бы был такой стакан, как нужно, он был бы полным! И потребуют стакан в два раза меньше! Если Овны и дальше углубятся в процесс, то начнут и дальше критиковать стакан, рассказывая, как он ужасен. Потом Овны раскритикуют этот весёлый гороскоп про стаканы, говоря всем, что это неправда.

Немного посплетничав и обсудив чужие стаканы, Овны позже возьмут ещё один полупустой стакан, перельют его в первый, и радостно сообщат всем о своей гениальности

или же, наоборот, гордо и молча будут демонстрировать это своим видом. Но уже через несколько минут они вообще перестанут думать об этом хре́новом стакане. И действительно, где Овны, и где какой-то там стакан?!

Нажраться, чтоб всё как в дыму,
при виде женских бёдер:
стакан нам, О́внам, ни к чему –
мы будем пить из вёдер!

Львы

Львы, прежде чем начать пьянку, созовут всех посмотреть на их огромный, лучший и идеально наполовину наполненный стакан. Они возьмут линейку и штангенциркуль, и заставят всех мерить стакан, доказывая, что он идеально заполнен лишь наполовину! Используя интерферометры, плоскомеры, а также средства измерения эвольветных поверхностей и параметров зубчатых зацеплений, Львы докажут, что их стакан самый лучший, но при этом они могут его случайно задеть, перевернуть, скинуть со стола или банально разбить.

И даже если в стакане была просто H_2O, Львы будут долго сокрушаться о своей неуклюжести, и о том, что как могло быть всё замечательно, если бы они были более удачливы в этой жизни. В конце концов, Львы соберут весёлую компанию и предложат всем выпить из наполовину полного стакана за то, чтобы этот наполовину полный стакан никогда не опустел!

Давно всё нами испито́,
но всё ж не добела:
мы пьём в компании за то,
чтоб выпивка была!

Девы

Дева попытается всем доказать, что проблему стакана и отношение предмета и налитой в него жидкости нужно рассмотреть в разных аспектах и со всех точек зрения. Потом незаметно выпив наполовину пустой стакан, Девы попытаются доказать, что в стакане вообще ничего нет. Окончательно задолбав всех разговорами о стакане, Девы незаметно положат его в карман. В конце концов, такой уникальный стакан должен быть только у них!

Долго думая над тем, существует ли в действительности разрыв функции на сопредельной границе раздела двух сред, Девы на некоторое время могут выпасть из реальности. И хотя Девы твёрдо уверены, что стакан создаёт в их жизни контролируемые совокупности пространства, энергии и времени в своей абсурдности и инфантильности, что дальше делать с этим стаканом, Девы не знают, но никогда в этом никому не призна́ются!

Студентам говорил декан:
«Не пейте, как в огне:
для Дев опасен не стакан,
а то, что в стакане́!»

Близнецы

Близнецы возьмут полупустой стакан в руки и будут его долго рассматривать. Затем сфотографируют стакан и выложат фотографию в социальные сети. Потом обзвонят всех своих знакомых и расскажут им про проблему со стаканом. Причём, одним знакомым или

друзьям Близнецы расскажут, что стакан ужасен и похож на крокодила, а другим, что он милый, хотя и похож на сволочь или суку из бывших. Дальше Близнецы поймут, что дальше так жить нельзя, и выкинут стакан из своей жизни.

Затем, горько рыдая над обломками стакана, Близнецы будут рассказывать, как им его не хватает. Причём, Близнецы-мужчины будут делать это искренне, а Близнецы-женщины при этом будут параллельно встречаться с другими полупустыми стаканами. Вот так и проведут всю свою жизнь Близнецы, безнадёжно ища свой стакан, перебирая между полупустыми и наполовину полными.

Словно масти пики-крести,
этот знак всегда един:
Близнецы бухают вместе,
в вытрезвяк идут один!

♠ ♠ ♠

Завершив свой необычный гороскоп, писатель заметил, что слушатели потрясены его рассказом настолько, что даже не допили из своих бутылочек разномастное пивко, и тут же придумал афоризм, который впоследствии вошёл в копилку Вселенской Энергетической Мудрости:

**Пока оптимист с пессимистом спорят,
наполовину полон стакан или наполовину пуст,
реалист допивает всю бутылку!**

Глава 195. МУР

– Ну, а теперь, други мои, за работу, яйчики-бабайчики! – пока не очухался подотчётный коллектив, предложил Кулемзин. – Нас ждёт великая *русская кочерга*, подвиги, связанные с нею, а также неувядаемая слава – для тех, кто займёт в последней *домашней партии* первое и второе местá!

– А для тех, кто ёперное третье и, не дай *дедушка*, ёкарное четвёртое? – сглотнув последнюю каплю пива из уже совершенно тёплой бутылочки «Маршала», поинтересовался младший фельдфебель саксаульской армии.

– А для таких слава будет чуть меньше! Но всё же будет… – твёрдо пообещал Альбионыч, после чего уверенной рукой сдал всем (кроме художника Муравлёва и антенщика Митрохина) по одной карте картинками, или так называемым лицом, вверх.

На сей раз сдавать первому выпало педагогу Курманбаеву, и он этим фактом страшно расстроился. А почему? Да потому, что если бы, например, сейчас сдавал Афанасьич, сидящий слева от него, то и первая заявка, и первый ход был бы его, Мусаича, а это значит, что возможность *забора* первой взятки была бы не меньше чем 83 процента!

На козырной на десятке,
при отсутствии всех дам,
заберу я ваши взятки,
а взамен какашку дам!

Именно поэтому Серёжа, как боец, уже значительно поднаторевший в покерных битвах, уверенно заявил одну взятку, все остальные ожидаемо отпасовались, и через пару секунд сторож вначале счастливо прижал к груди первую в этой партии взятку, потом поочерёдно расцеловал все четыре карты, включая свою козырную четвёрку, а затем важно обратился к записывающему марсианину:

– Володя, ты это… не забудь мне 50 очков записать… я же их своим умом выиграл!

Литератор улыбнулся и исполнил волю ~~покойного~~ просителя, но потом спохватился и предложил всему коллективу (кроме сторожа) за эту выдающуюся победу тут же вручить ему переходящий сосновый гроб.

Следующий ход был также на одной карте, но уже не в *тёмную*, как только что сыгранная взятка, а привычно в открытую. Впрочем, такое развитие сюжета тоже было привычным и к тому же сохраняло нервы игроков, так как здесь в отличие от долгих средних робберов, слишком крупных подводных камней не предвиделось. И всё же у кого-то личный счёт начал расти, а у кого-то наоборот. Так, к робберу из семи карт положение на володином обеденном столе сложилось в такой пропорции: у самогó хозяина набралось 112 очков, у его товарища по команде «БронеКалибр»[358] Талгата – 99, у охранника из деревни Семижопино – 82, а замыкающим стал коммунист Мусаич со своими 30 очками.

[358] О создании этой команды в главе 112 пятого тома романа «Русская кочерга» - прим. гл. редактора

«Это ничего!», панически думал он. «Это только начало! Это ещё можно выправить!». И, в принципе, именно здесь автор вынужден согласиться со своим героем, ибо великая *русская кочерга* подчинялась не только правилам игры, но и тем непредсказуемым извивам Суки-судьбы, кои случались с незавидной регулярностью. А если же учесть и те факторы, что Нуртаю, как никому из игроков, везло больше других, да помощь в игре его потустороннего патрона *иблиса*, да нескончаемые мелкие пакости саксаульского большевика, которые можно было бы не делать, то мечты педагога об исправлении ситуации были вполне реальными.

Как Ильич, я прокартавлю:
«Ми’г меняю по г’ублю:
ситуацию исправлю –
всех в округе погублю!»

И одно только было плохо в начавшейся партии – это скучающие болельщики Муравлёв и Митрохин, которые, не следя за игрой, в которой всё равно ничего не понимали, сидели потихоньку, как мышки у прогрызенного мешка с овсом, и на ушко переговаривались о чём-то своём, а так как делали это они также тихо, как сидели, то их не слышал даже автор нашего сиятельного повествования, и потому предполагает, что разговор шёл о двух вещах, о которых традиционно говорят русские мужики – о выпивке и бабах.

Но вот неожиданно разговоры художника и антенщика прекратились как бы сами собой, ибо к середине партии, когда робберы становились крупнее, атмосферы игры сгущалась настолько, что к привычным возгласам «По мизéрам!» или «По крупным козырям!» начали добавляться эмоциональные нотки, и иногда даже с долей истеричности. А именно это неиграющие друзья любили в русском покере более всего, болея не за кого-то конкретно, а только за то, чтобы партия закончилась как можно быстрее, когда можно будет выйти на просторы родного Бермудского Учпучмака да сесть на родную покерную скамеечку, от коей всего 22 метра до магазинчика Калимы, у которой в холодильнике хранится жидкое счастье для всего коллектива.

С другом мы влаголюбивы,
пьём всегда мы с ним вдвоём:
холодильник прячет пиво,
ну, а мы его найдём!

Тем временем истеричные нотки, о которых сообщалось в предыдущем абзаце, стали

усиливаться – по мере продвижения участвующих в битве к середине партии, помеченной в покерной раскладке как *средняя тёмная*.

Так, старший музыкант президентского оркестра Батыршин, увидев пришедший роббер на 10 картах, неожиданно стал чесаться, и хорошо, что не под мышкой или, не дай *дедушка*, в каком другом непричном месте, а всего лишь за ухом. В это время он стал поразительно похож на растерявшегося первоклассника у доски, которому похмельный учитель арифметики предложил не ответить на сложный вопрос типа *се́мью во́семь*, а заставил прочесть наизусть любую страницу из «Таблицы четырёхзначных логарифмов и натуральных тригонометрических величин» Владимира Модестовича Брадиса[359], который, судя по всему, был математическим гением, но садистом.

[359] Советский математик-педагог, основатель теоретической разработки вопросов повышения вычислительной культуры учащихся средней школы – прим. науч. редактора

Было видно, что Талгат явно не верил в свои силы: с таким настроением можно было только продавать морковку на рынке. И тут же и игроки, и сочувствующие, и даже дворовые дети, на мгновение остановившие свои шумные игры, услышали страшный скрежет, как будто какой-то пьяный придурок типа Глав-Буха начал елозить по стеклу куском пенопласта. Через секунду выяснилось, что это скрежетали зубы старшего трубача музыкальных войск, а писатель Кулемзин тут же отложил в память фразу для шестого тома романа: «Звук этот был очень резким и поразительно похожим на скрежет рельсов за Полярным кру́гом»

Паровоз исходит гарью,
прочищая дымоход,
мёрзнут рельсы в Заполярье –
не дают вагонам ход!

В глазах Володи, у которого в этот момент на руках совершенно случайно оказались покер, старший джокер и четыре козыря, читалась жалость к человеку, который с трудом дослужился до своего высшего воинского звания, но так и не научился смотреть вглубь событий. Ему было жалко еврейского зятя, но игра есть игра, и ход, который задумал марсианин, всё же последовал.

– Против пушки –
всё игрушки!

– поэтически-весело произнёс Альбионыч, выкладывая на столик самую главную карту колоды – семёрку пикей, или Его Величество Покера, а потом добавил одну из самых неприятных фраз в этой игре:

– По козырям, яйчики-бабайчики!

– Это ёкарный покер, что ли? – глупо спросил Салихдзяныч, когда наконец смог пристроить челюсть на место, и даже вопросительно посмотрел на Валеру.

Живописец глянул на место сражения острым взглядом демиурга и подтвердил страшное предположение военного кивком головы. От удивления глаза обер-корнета вылезли на лоб, как у краба при виде трала, но только в первое мгновение, а вот во второе он (обер-корнет, а не трал) зарычал, будто лев от приступа африканского геморроя.

– Извини, старичок, – глядя на него (обер-корнета, а не льва), промолвил покерный гуру, – стрелять мимо я не умею…

– Ты мне разум йодистыми портянками не заматывай! – произнёс какую-то уж очень страшную военную угрозу татарский воин, но вынужденно сбросил на бывший обеден-

ный, а ныне игровой стол своего козырного туза, на которого очень надеялся перед началом роббера.

И хоть я окончил вуз,
не помог в игре мне туз!

Надо ли говорить, что всё это закончилось, как, наверное, и в любой другой игре, одновременно хорошо и плохо, то есть победой одних и поражением других. Правда, хорошим для всех было то, что прошла только половина партии, а, значит, у тех, кто выиграл сейчас, было время укрепить свои позиции, а у тех, кто проиграл, оставалась надежда, как выражаются учителя физкультуры, стоя перед турником, подтянуться.

Физкультура многолика,
от неё я очумел:
взгромоздился на турник я,
возомнив себя великим, –
подтянуться не сумел!

Глава 196. МУР (продолжение)

Удивительно, но в следующем роббере ситуация повторилась практически так же, как и в предыдущем: к Володе вновь пришли покер и старший джокер, а также четыре козыря, правда, на этот раз другой национальности. Он мельком глянул на карты, словно бы показывая соперникам, что ничего интересного там нет, затем заметил настороженный взгляд большевика, который тут же перешёл в облегчённый вздох, дождался, пока тот не скажет «Четыре!», а затем громко повторил то же число, но не объявил ничего дополнительного.

«А почему же Кулемзин, имея на руках и покера, и старшего джокера, не объявил мизе́р?!», мог бы спросить в этот момент мой поднаторевший в *русской кочерге* читатель, а автор бы ему ответил: «В этом был свой смысл…»

Да, в этом был свой смысл, и вот какой. Именно таким приёмом Володя пользовался крайне редко – для того, чтобы в памяти его соперников он (приём, а не Володя) не откладывался слишком сильно, а проходил мимо их сознания как ход случайный. Но, как уже успел заметить всё тот же мой читатель, ничего случайного писатель в этой игре себе позволить не мог.

Вот и сейчас в этом эпизоде сражения появился некий нюанс: дело в том, что первым делал заявки старший дудочник, за ним Курманбаев, потом сторож, а последним – сам покерный гуру. И главное в этом нюансе было то, что независимо от очерёдности заказов, первым делал заявку Нуртай, а уже потом Альбионыч, который видел свои хорошие карты, а вот какие у педагога, не знал. И когда Мусаич торжественным голосом, как на пионерской линейке в одноимённом лагере, произнёс: «Четыре!», внутри писательского организма зазвучали майофоны[360] и фидлы[361], причём, почему зазвучали именно ирландские музыкальные инструменты, не смог бы объяснить не только литератор, но даже сам автор нашего великого произведения.

[360] Раннесредневековый ирландский деревянный духовой инструмент, представляющий собой длинную коническую трубу с открытой тростью – прим. муз. редактора
[361] Исландский народный смычковый инструмент, состоящий из резонаторного ящика и двух струн – прим. муз. редактора

Играй с судьбой – и не мудри,
играй, до пепла выгорая!

Играет музыка внутри –
всё потому, что я играю…

Настал тот момент, когда прозрение, о котором так много писали поэты прошлых веков, наконец-то пришло (а, быть может, даже явилось) к Володе ибн Альбиону. «Вряд ли наш саксаульский ленинец заказал бы 4 взятки, если бы, яйчики-бабайчики, у него не было двух младших джокеров, ибо, как видно из первой строчки на этой странице, у меня 2 самые главные карты в игре». Это было смелое, но и одновременно правильное предположение, и писателю в этом эпизоде осталось сделать только две вещи: ограничить ЗОВ и включить РОВ. А чтобы моему читателю была видна вся глобальность задуманного марсианином, расшифруем эти нехитрые понятия:

Зона
Обострённого
Восприятия

Режим
Особого
Внимания

Итак, эта важная в плане тактики игра началась. Первым делал заявку Салихдзяныч, и он также ходил первым, смело кинув на обеденный стол, временно ставшим покерным, бубнового (не козырного) туза. У Кулемзина из 11 карт было аж две маленьких бубнушки, но ему был нужен ход, и он, мысленно попросив прощения у старшего фельдфебеля, забрал его взятку единственным возможным в этой ситуации способом, то есть покером. «А почему не старшим джокером, ведь он младше?», ещё раз в недоумении мог бы спросить мой читатель, а автор (как он понимает эту игру) мог бы объяснить ему, что писатель этим игровым (прости, русский язык!) перформансом достигал только одного – чтобы Мусаич поверил в то, что у него нет не только бубновых карт, но и старшего джокера, ибо оба младших находились сейчас в руках мугалима[362]. Вот теперь ты видишь, мой читатель, сколько тонкостей и нюансов возникает буквально в каждом роббере этой замечательной игры!

[362] ***Учитель – сакс.***

Получив ход, Альбионыч пошёл пиковым (при трефовых козырях) тузом, благо дело в его руке был зажат ещё и такой же король. И вот тут Курманбаев, решив, что полностью прочухал все марсианские замыслы, забрал этого туза одним из своих младших джокеров. У него тоже были маленькие пики, но нельзя же было отдавать такую знатную взятку литератору! После этого он смело пошёл оставшимся джокерком, произнеся при этом формулу *по старшим козырям!*, так как наивно полагал, что эта карта с изображением шута с бубенцами на колпаке, осталась самой сильной в игре. И уже через мгновение коммунист понял, как же **а)** он жестоко обманулся и **б)** его жестоко обманули!

Нé дал *дедушка* талантов,
и дурной я, словно пень:
растерял своих я *грандов*,
приголубив шелупень!

Мало того, что его карта была безжалостно погублена старшим джокером писателя, но в придачу к ней у Серёжи и Талгата ещё вылетели два крупных козыря! А дальше всё было, как писали в своих инструкциях советские изготовители железных мясорубок, «де-

лом техники». Четыре сэкономленных Володей козыря – от крупного до не очень – произвели разрушительное опустошение в стане противника, правда, было жаль, что не только у Курманбаева, но и Полтавцева, и Батыршина тоже! «Quae vitari non potest»[363], подумал Альбионыч при этом, правда, почему-то на одном из мёртвых языков.

[363] ***Чему быть, того не миновать – лат.***

Надо ли говорить, что итог этого небольшого локального сражения был разрушителен для всех покеристов, кроме писателя. Из 11 разыгрываемых карт он, не прилагая больших усилий, нахапал аж семь, зато по одной взятке недобрали Афанасьич и Салихдзяныч, что равнялось минус 25 очкам, а вот Мусаич сидел и чуть не плакал, ибо его минус был больше других проигравших, то есть 45 очков. А если учесть, что он (Мусаич, а не минус) до этого был на третьем месте, то сейчас, мысленно рыдая, как некая книжная Ярославна[364], кряхтя начал обживать четвёртое место, которое вот уже несколько лет традиционно оставалось за Серёнькой.

[364] ***Ефросинья Ярославна – один из центральных персонажей «Слова о полку Игореве» (вторая половина XII века), жена новгород-северского князя Игоря Святославича, дочь галицкого князя Ярослава Владимировича Осмомысла – прим. ист. и лит. редакторов***

Был и ещё один плюс во всех этих минусах: несмотря на то, что сразу двое володиных соперников пролетели на одну взятку, оба они (в предварительном зачёте) поднялись на одно рейтинговое очко: на третье место переместился сторож-охранник, который тут же стал мечтать о победе во всей партии, а на второе – военный музыкант, у которого тоже была мечта – чтобы его еврейская супруга Аида с детьми ещё на несколько дней задержалась у своей тёти в Кустанае.

Мне б для сердца батарейку,
чтоб в любви был дерзновен,
ведь люблю жену-еврейку
даже больше, чем портвейн!

Глава 197. НУ, ЕСЛИ ТАК СЛУЧИЛОСЬ, ТАКИ УЖЕ ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

И вот здесь автор, не успевающий следить за развитием сюжета и своими героями, которые так и норовили выбиться из Великого Плана Построения Шестого Тома Романа «Русская Кочерга», решил: «Ну, если так случилось, что некий Батыршин вспомнил про свою семитскую супругу, то пусть следующим на повестке дня станет пресловутый еврейский вопрос – совсем немножко, на па́ру глав…»

А вспомнив самого́ старшего прапорщика, автор, который совсем недавно выпытывал у своего героя Кулемзина подробности жизни его друзей-покеристов и примкнувшим к ним живописцев и антенщиков, вспомнил и сверхкороткую байку Альбионыча о том, как Талгату однажды попался на глаза перевод с *ивритского* языка Устава израильской армии, состоящий всего лишь из трёх пунктов:

1. Не отвечать вопросом на вопрос;
2. Не давать ценные советы старшему по званию;
3. Не вступать в коммерческую связь с противником.

Ещё тогда татарский воин, и он же еврейский зять, размечтался о том, чтобы попасть служить именно в эту армию именно с таким уставом, но тут же вспомнил, что давал при-

сягу не только лично товарищу Назарбаксову – главнокомандующему Саксаульскими вооружёнными силами, но в далёкой молодости, когда он начинал свою военную карьеру, и некоему Леониду Ильичу.

Я стране не изменяю,
буду родину любить!
Дал присягу – выполняю:
присягал ведь пиво пить!

И если уж волею автора моему читателю вновь была предложена эта нескончаемая тема, то, конечно, надо вспомнить и о двух старых друзьях – Якове Моисеевиче и Мойше Ароновиче, которые вот уже шестой день сидели шиву[365] по покойному Абраше Цукерману. Делать это по всем правилам еврейской науки было крайне утомительно, и приятели, кроме исполнения обязательных ритуалов, развлекали себя тем, что беседовали на разные темы под жидкий чаёк и сухие баранки.

[365] См. прим. к главе 18 первого тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

Например, именно сейчас, откусив слишкой большой кусочек баранки, батыршинский тесть чуть не подавился, заперхал, мужественно перенёс хлопки́ по тщедушной спине, а потом ответил на вопрос компаньона по шиве.

– Яков Моисеевич, как вы себя чувствуете?

– Вас, Мойша, это таки не должно беспокоить.

– Да как же так? Я же из сочувствия! Почему?!

– Да потому что вас нет в моём завещании!

До могилки ковыляя,
как последний идиот,
завещаю три рубля я,
кто на кладбище придёт!

Затем аидин папа, поняв, что допустил небольшую бестактность, решил исправить положение, переведя разговор на другой предмет.

– Мойша Аронович, когда мы хоронили Абрашу, я заметил, что вы купили чётное количество цветов – прямо как русский! Но при этом так и не положили их на могилку…

– Яша, всё очень просто. Я уже не первый раз так делаю, и сейчас подарю вам этот совет, причём, заметьте, совершенно бесплатно. Перед входом на кладбище – там, где сидят цветочницы, ты просишь у них шесть роз, они на тебя сочувственно смотрят и таки уже делают большую скидку. А потом мне становится страшно выгодно: три розы жене, три любовнице!

И вот здесь автор на время расстаётся со своими еврейскими персонажами, так как неожиданно вспомнил некую историю о наших советских евреях – физиках-теоретиках, которых по случаю пригласили в Италию на конференцию, посвящённую, ну, скажем, проблеме бета-дельта-частиц, если их хорошенько перемешать в синхрофазотроне с альфа-гамма-трионами.

Растолок кусочек мела
и открыл пивка бутыль –
в микроскопе вижу мелочь:
кварки, атомы и пыль!

Итак, трое наших евреев и трое зарубежных физиков собираются ехать на поезде в ка-

кой-то другой город – для продолжения конференции. И вот тут произошло то, о чём ещё долго помнили бестолковые иностранные учёные. Когда вся делегация встретилась перед кассой на вокзале, первыми в очереди оказались итальянцы, которые по странному правилу, видимо, принятому в Европе, купили *по одному билету на человека*. А потом с удивлением увидели, что советские евреи, которым, как это водилось в СССР (б), выдали очень мало валюты каждому, купили *один билет на всех*!

«Как же так?», удивились итальянцы. «Ведь у нас в поездах контролёры, и вас без билетов оттуда выгонят!»

«Не волнуйтесь», отвечают наши евреи, «у нас есть свой научный метод!»

Мы же вам не криворуки,
и к тому ж не без манер:
мы плутуем по науке,
ведь живём в СССР!

И вот перед отправкой поезда итальянцы рассаживаются по вагонам, но стараются проследить за применением загадочного еврейского метода. И видят, что советские физики, забыв про физику, становятся исключительно советскими евреями, так как всей научной кодлой набиваются в один туалет! И когда контролёр подходит к этому туалету и стучит, то дверь немножко приотворяется и оттуда высовывается рука с билетом, после чего итальянский служивый человек забирает его и идёт дальше искать нечестных на руку соотечественников. Ну, а наши физики без проблем едут в пункт назначения!

И вот после конференции те же персонажи этой байки вновь встречаются на вокзале. И тогда итальянцы, воодушевившись еврейским методом по-советски, совершают страшную ошибку – они тоже покупают *один билет на троих*! И с колоссальным удивлением видят, что советские физики в это время не берут *ни одного билета*!

Итальянцы, разумеется, в шоке:

«Друзья, а что же вы покажете контролёру на этот раз?»

«За нас таки не беспокойтесь», говорят умные советские учёные. «У нас и на этот случай есть свой метод!»

И вот после отправления итальянцы, пользуясь передовым опытом физиков из Страны Советов, набиваются в один туалет, а наши евреи – в другой. Но незадолго до отправления один из наших физиков подходит к туалету, где прячутся итальянцы, и громко стучит в дверь. И когда оттуда высовывается рука с билетом, то наш еврей забирает билет и возвращается к коллегам. Ну, а дальше, я думаю, рассказывать не надо…

Так что вот вам, господа иностранцы, мораль:

**Нé хрен использовать еврейские методы,
не понимая, как они работают!**

Вряд ли стану я когда добрее,
хоть я и из русских добряков:
не пытаюсь обмануть еврея –
у него ведь опыт 100 веков!

Глава 198. НУ, ЕСЛИ ТАК СЛУЧИЛОСЬ, ТАКИ УЖЕ ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС (окончание)

И таких историй у автора, который много лет плотно общался со своим героем Кулемзиным, было не счесть. А раз уж он (автор, а не Кулемзин) пообещал, что еврейскому воп-

росу будет посвящено две главы нашего шестого тома, то вам ещё одна обещанная глава – с одной байкой и одним стишком-анекдотом. Но – вначале байка под названием

Как доктор Лифшиц бакинок принимал

Герой этой истории Борис Яковлевич Лифшиц ныне проживает в Израиле, а вот в молодости жил в советском городе Баку и работал в роддоме. Нет-нет, не подумайте ничего плохого, – электриком.

И надо сказать, что в одном здании с роддомом, как это часто бывало в СССР (б), размещалась женская консультация. Именно в этом здании тогда ещё молодому электрику Боре выделили небольшую комнатку, в которой он мог скучать в ожидании вызовов и заполнять разные ненужные бумажки. А комнатка эта находилась как посредине между кабинетами, в которых вели приём два заслуженных врача-гинеколога с азербайджанскими фамилиями. На дверях их кабинетов, чтобы беременные женщины ничего не перепутали, висели роскошные чёрные с золотом таблички – с перечислением всех чинов и званий.

И тогда Боря от скуки посмотрел на свою дверь, после чего тоже прибил на неё табличку – очень скромную, без всяких регалий, указав только свою фамилию с инициалами.

Чтоб не стало диареи
при желудка мятеже,
заходите в дверь скорее,
где есть буквы **М** и **Ж**!

И едва он закрепил табличку и занялся бумагами, как в комнату неожиданно вошла какая-то женщина, и, прежде чем ошарашенный Боря успел что-то сказать, обрушила на него целый поток жалоб на свои интимные проблемы! Здесь надо заметить, что герой нашей байки был большим любителем женщин, и в их сложных проблемах разбирался как бы не лучше, чем в родном электричестве. Поэтому не удивительно, что он быстро пришёл в себя, не растерялся и усадил незнакомку на диван, после чего подробно расспросил её, используя некоторые слова, которые подслушал при работе в этом специфическом заведении от азербайджанских специалистов, а после даже немного пощупал беременную, жалея, что в его комнатке не было настоящего смотрового кресла.

На прощание он дал женщине какой-то туманный совет и очень удивился, когда увидел, что она ушла от него довольная. И тут почти сразу же за первой в борину комнатку вошла вторая женщина, а потом ещё одна и ещё. Так что до обеда новоявленный гинеколог успел принять пять посетительниц и хотел уже осмотреть шестую, но тут ему позвонили и срочно вызвали чинить проводку.

В непромокаемом жилете
чиню я ток, как будто йог:
искрит проводка в туалете,
ведь там есть мокрый ручеёк!

А вот на обратном пути его поймали на лестнице оба заслуженных гинеколога союзной республики и в категорической форме, угрожая физической расправой, потребовали немедленно снять табличку. Боря поднялся на этаж и увидел, что стулья для посетителей перед обоими кабинетами угрожантов пусты, зато перед его дверью выстроилась огромная очередь. Видимо, сработало так называемое *сарафанное радио*, после чего беременные бакинки стали массово игнорировать профессора, доктора медицинских наук Алимханова и члена-корреспондента Академии медицинских наук Азербайджанской ССР Магомедова, и все как одна захотели лечиться у скромного доктора Б. Я. Лифшица!

И в заключение этих весёлых (а, может, и не очень) глав – обещанный стишок-анекдот под скромным названием

Угадывание фамилии

Когда вино допито, и бутерброды с сыром
все съедены, чем можно день длинный скоротать?
И вот в купе экспресса четыре пассажира
фамилии друг друга решили угадать.
«Моя, скажу вам братцы, фамилия простая»,
сказал попутчик первый. «Он добрый и большой:
зимой лежит в берлоге, а летом промышляет,
но больше всё по мёду. И зверям хорошо –
не надо им бояться, не волк он, не лисица...
Пожалуй, мне не надо вам дальше намекать»
Второй в игру вступает: «Покуда нам не спится,
а ну-ка, угадайте мою́ – она легка:
он маленький и шустрый, мой серенький трусишка,
линяет, всех боится, с коротеньким хвостом.
Намёком сим, надеюсь, вас затруднил не слишком,
и отгадать здесь проще, чем номер в «Спортлото»
«Моя чуть-чуть сложнее», сказал попутчик третий.
«Две части в ней – и в каждой есть смысл глубокий свой.
Полу́чите мою́ вы фамилию в ответе,
логически раскинув сей ребус непростой.
Часть первая расскажет вам всем, мои соседи,
о том, что съезд партийный народу посулил.
Народ за дело взялся с девизом «Надо, Федя» –
в борьбе за процветанье своей родной земли.
Вторая ж часть, ребята, по правде вам расскажет,
что наш народ в итоге имеет до сих пор...
Ну вот – намёк закончен. Сказал я много даже.
Теперь ответ давайте, как был наш уговор»
Тут пассажир четвёртый тотчас же встал проворно
и красную книжонку соседям показав,
сказал железным тоном: «Довольно разговоров!
Что здесь наговорили – мне хватит за глаза.
Мои все реквизиты прочесть вам не угодно ль –
фамилию и имя, и званье заодно?
Товарищи Медведев и Зайцев, вы свободны,
а вас, товарищ **Райхер**, прошу пройти со мной!»

♠ ♠ ♠

И только один Салихдзяныч во время этой весёлой еврейской паузы был задумчив и печален. «Ох, не к добру всё это Володя вспомнил», думал он, «ох, не к добру…».

И кто же знал, что его мрачные предчувствия сбудутся уже очень скоро!

Глава 199. МУР (ещё одно продолжение)

И ещё одну главу автору хотелось бы посвятить двум оставшимся до середины партии робберам – каждой по 12 карт, где в первом случае игра велась в открытую, а вот во втором – в *тёмную*. Обе они были очень важны: во-первых, потому что делали некий за-

дел на вторую половину партии, и, во-вторых, как бы давали последний шанс немного выровнять игровую ситуацию – особенно для игроков отстающих, коими в данный момент, как это ни удивительно, были Нуртай и Талгат.

И так как в первой из этих игр пришедшие карты можно было не только посмотреть, но даже не очень долгое время поизучать, практически все бермудские покеристы (кроме Володи) относились к ней несколько легкомысленно, считая, что, если они знают свои карты, то совершенно не важно, какие в этот момент пришли к соперникам. И тогда становится неудивительным то, что таких покеристов в такой ситуации покерный гуру (правда, про себя) называл *похеристами*.

Разглядим вопрос со всех боков –
даром, что ли, стали атеистами:
похеристы – те из игроков,
кто когда-то были покеристами!

Особенно такой беспечностью страдал Серёнька Афанасьич, который иногда, положившись непонятно на что или кого, вообще не смотрел в пришедшие карты, а, выплюнув мифическую муху из приоткрытого рта, просто называл первую пришедшую ему на «ум» цифру – от одного до пяти, а раздосадованный Кулемзин думал в это время только одну короткую думу, которую в нашей книге смело можно оформить как некий афоризм:

Игра без дураков, как цирк без клоунов!

А вот наблюдающие за битвой старые друзья Николаич и Васюханыч были счастливы на 92 процента, ибо недостающие до полного счастья 8 процентов были отсутствием пивка, которое, как и всё хорошее во Вселенной, заканчивается слишком быстро.

Поплутав по небесным тоннелям
вместо года паче [366] десяти,
не вернулась ракета на Землю –
пива-топлива ей не хвати…

[366] Больше чем – древнеславян.

А понаблюдать и порадоваться было чему! Так, Валера заметил, что после изучения пришедшего роббера из 12 карт, усы писателя вздыбились к ушам, что, как хорошо известно из «Краткого курса психолингвистики» профессора Фекалина, означает повышенное внимание. И если бы он (Валера, а не профессор Фекалин) знал, что к Володе сейчас пришли сразу два джокера – старший и младший, то он, конечно же, порадовался бы за своего друга, ибо такое приобретение всегда было тем же, что на рыбалке вытащить из утреннего озерца сразу двух тёплых и вёртких карасей на один крючок.

Так, после просмотра своих карт у сторожа-охранника появилось выражение абсолютной, как космический вакуум, тупости на лице, дополненное невыразимой и светлой грустью, которую раньше могли наблюдать только туристы в Копенгагене близ сидящей посередине залива Русалочки. Все знали, что скоростью «мышления» Афанасьич отличается от остальных игроков, как деревянные счёты от компьютера, и потому не удивились, когда увидели, что знатный семижопинец прижал к себе эти карты, будто кормящая мать грудного ребёнка, после чего внимательный глаз художника Муравлёва определил, что в его позе появилось что-то от «Мадонны» Рафаэля Джованниевича Санти.

Как же сложно всё в таланте,
как его нам понимать?

Показал «Мадонну» Санти –
оказалось: чья-то мать!

Так, Курманбаев вначале сидел с задумчивым видом, как тибетский отшельник перед нью-йоркским небоскрёбом, затем сделал озабоченный вид, будто бы показывая, что ничего хорошего ему сейчас не пришло, а потом, словно бы спохватившись и увидев какую-то ранее не замеченную карту, засиял так, словно предстоящая игра на этом важном роббере была для него стрельбой по пустякам.

«Ну и свинья!», проявил марсианин обширные знания в области животноводства, правда, судя по кавычкам, не вслух, а только для личного использования. Гипоталамус его никак не хотел успокаиваться, ведь Володя помнил, что когда к Нуртаю приходили хорошие карты, тот поступал как серийный убийца с исковерканным детством, то есть настырно пробиваясь вперёд, словно танк через склад с туалетной бумагой «Счастье есть!», не жалел никого на своём пути.

Так, старший прапорщик, который, как известно из предыдущих томов «Русской кочерги», относился к тем людям, что учатся исключительно на своих ошибках, да и то только тогда, когда повторят столько раз, пока не заучат их наизусть, сморщил лицо, потёр лоб в том месте, где ему сейчас давила несуществующая парадная фуражка, и мысленно так начал плакаться по поводу своей невезухи, что впечатлительному литератору, который хорошо слышал мысли трубача, показалось, что пора бы на всякий случай запастись несколькими спасательными кругами.

Я даже в море криворук,
как пьяный иерей:
спасальный круг, *спасальный* круг,
спаси меня скорей!

Но – настало время обозначить предполагаемые реалии этого роббера, после которого должен был случиться один из основных – по 12 карт на *тёмной.* Как уже было сообщено двумя страницами ранее, отстающими на этот момент были Нуртай и Талгат, поэтому не удивительно, что даже не смотря на то, что карты у обоих были не то чтобы плохими, а просто средненькими, оба воспылали сразу двумя задачами: 1. для начала обойти друг друга, чтобы не оставаться на последнем месте, и 2. максимально продвинуться вперёд, чтобы подойти к следующему робберу с достойными показателями. А результатом такого решения стало то, что оба отстающих заказали по 4 взятки.

Что здесь сказать? Автору только и остаётся, что согласиться со своим героем Альбионычем, который, включив на мгновение свой КУСОК, или

Кулемзинский
Усилитель
Смыслов,
Определяющих
Карты

, сразу же понял, что ни того, ни другого не получится ни у того, ни у другого, ибо предположил, что оба этих плана провалятся, как педаль отказавших тормозов.

Совсем по-иному в плане предстоящего заказа действовал Полтавцев. Ему вдруг стало скучно делать это в привязке к пришедшим картам, и он решил, что можно изменить свою жизнь прямо сейчас, после чего открыл рот и стал смотреть через окно зала, где проходило сражение, на угол своего до́ма № 16, за которым скрывался стоящий следом дом

№ 15. «Если сейчас из-за угла выйдет мужчина», подумал он, «то я закажу 3 взятки, а если женщина, то 4!»

– Серёжа, мать моя партия, ты чего рот раскрыл? – осторожно позвал впавшего в ожидальческую нирвану Курманбаев.

– А он просто не наелся володиным мясом, святой Малевич, – предположил Муравлёв, – и, наверное, ждёт, что ему в рот залетит маленький кусочек в виде мухи!

– А, может, он, яйчики-бабайчики, думает о заявке? – улыбнулся хозяин катрана.

Набить кишку – так актуально,
но не комками макарон.
«Ловлю я мух!», сказал печально,
«а надо бы – ворóн!»

И в этот момент рот охранника закрылся и тут же открылся вновь, ибо он увидел, что из-за угла дóма появилось нечто, не напоминающее ни мужчину, ни женщину. Это был маленький цирковой медвежонок, крутящий педали блестящего велосипеда. А вот откуда он взялся и во втором микрорайоне Отцеябловска, и на этой странице 485, не знает даже автор нашего повествования.

Зато Афанасьич наконец-то определился с заявкой, грустно, словно бы сидел на унитазе второй час, сообщив записывающему Володе:

– 5, царица лесная…

Гляжу вокруг –
чужие вижу лица.
С кем радостью,
с кем горем поделиться?

Глава 200. МУР (и ещё одно продолжение)

Оставалось сделать только собственную заявку и, выслушав все нелепые предположения соперников, марсианин заказал четыре взятки, таким образом увеличив общий предполагаемый фонд до 17 взяток, но мой поднаторевший в *русской кочерге* читатель наверняка помнит, что в последнем до средней *тёмной* роббере разыгрывалось их всего 12, а, значит, как выражаются не только игроки, но и спортсмены о своих сухожилиях, *рвалось* сразу 5 взяток! И ещё это значило то, что бой предстоит не только напряжённый, но и кровавый. Шутка.

А вот не шуткой было то, что когда Володя объявил о том, о чём было написано в прошлом предложении, заволновались и задвигались все, включая не только неиграющих художника и антенщика, но и вне кулемзинской квартиры, то есть на территории Бермудского Учпучмака, где тише забéгали дворовые дети, медленнее стали кидать старые карты микрорайоновские пенсионерки, занимающиеся сейчас старинной русской забавой *в дурака*, и даже алкаши Глав-Бух и Галлюцинация, прячущиеся в заблёванных кустах позади покерного столика, на миг прекратили свои блевательные потуги.

А автор в этот момент подумал о том, что он и так нагнал жути по поводу в общем-то рядового роббера, после чего пропустил его описание и сейчас даёт просто итог этой локальной битвы: Володя, как и планировал, взял свои четыре взятки, чем значительно укрепил своё положение, выйдя даже не на первое место, ибо уже до игры был на нём, а на какое-то нулевое, бывший текстильщик, несмотря на то, что пролетел аж на три взятки, откатился на 60 очков, но чудом удержался на втором месте, а вот педагог и Батыршин потеряли по одной взятке, или по 25 очков, и в результате остались на тех же местах, то есть на третьем и четвёртом.

Надежду вера наплодила,
да только всё не так легло:
прошла минута – всё как было,
и быть иначе не могло!

А это значит то, что теперь у всех (кроме Кулемзина) была надежда только на среднюю *тёмную.* Но как же мой читатель хорошо помнит, что надежда, эта нелепая, равно как и вера, сестра из церковной триады, никогда не помогает в реальных делах, а, напротив, только отвлекает человека от истинного осознания происходящего.

И вот настало время средней *тёмной*, которая, как уже неоднократно сообщалось на этих славных страницах, была одним из ключевых этапов каждой игры, превращая её (игру, а не *тёмную*) в битву, сражение, схватку, баталию, поединок, а то и жуткое побоище! И здесь повторилось всё, что было в начале прошлого роббера, но только с одним отличием – теперь пришедшие карты нельзя было посмотреть до того, как не сделаешь заявку. А что поделаешь – *тёмная*!

Когда мы думаем, что раем
боец отважный был бы рад,
тогда мы втёмную играем,
что означает наугад!

Автор, который на протяжение вот уже шести дней во время покерных игрищ прятался за карагачами, образующими естественный шатёр над игровым столиком, хорошо видел, как раз за разом в те моменты, когда надо было делать заявки *вслепую*, на лицах игроков, словно на цветной глянцевой фотографии, отпечатывалось не просто банальное отчаяние, но и безнадёжность, непоправимость ситуации, подавленность, некая обречённость, а иногда даже уныние, горе и печаль. И всегда он (автор, а не игровой столик) поражался этому: ведь, как выражался русский народ, не корову же они проигрывали! А вот один из его героев, а именно писатель Кулемзин, не поражался, ибо был одним из тех, кто, как выражается всё тот же русский народ, на своей шкуре чувствовал накал страстей.

На своей я чую шкуре
ужас страшного – де-юре!

Наверное, поэтому Володя был сейчас спокойнее других: он просто последовал правилу *русской кочерги* не заказывать на *тёмной* менее трёх взяток, после чего сказал:

– Три.

и спокойно взял с так называемого обеденного, а ныне игрового стола свои карты и внимательно изучил их, стараясь не мимикой или жестикуляцией, не говоря уже об общем выражении лица, показать *качество* пришедшего к нему роббера. Мусаич досадливо поджал губки, ибо напряжённо вглядывался в лицо Альбионыча, но так и не понял, хорошая или плохая карта пришла к хозяину. И не помнил он того, что удача не ходит одна, ибо в этот момент литератор был не только хозяином квартиры, где происходили описываемые события, но и хозяином положения. А почему? Да потому, что к нему, кроме одинокого покера, пришли сразу 6 козырей пиковой национальности, включая женщину, воспетую не только поэтом Сергеичем, но и композитором Ильичом[367]!

[367] Пушкин и Чайковский – прим. лит. муз. редакторов

Крестовая осень у пиковой дамы,
и ветер разносит листвы оригами:
хрустальное небо, разбитое счастье,
скамейка у склепа и в сердце ненастье…

После этого предстояло сделать свои заявки остальным игрокам, но они мялись, как бы испугавшись перспектив. «Экая бзделоватость», подумал марсианин на одном из земных языков. «И чего тут бояться?», хотя только он один сейчас знал, что бояться надо было именно его – с могучим набором пришедших карт. Затем он на всякий случай включил свой персональный иблисометр и убедился, что на данный момент курманбаевский патрон отсутствует, видимо, удалившийся в свои пропадлючьи сферы для зарядки своих опять же пропадлючьих аккумуляторов.

После этого Володя начал приглядываться к остальным покеристам, отмечая, кто как ведёт себя перед решающим роббером. Так, Батыршин, долго и тяжело смотрел на карты рубашкой кверху и наконец, видимо, что-то в них высмотрев, заказал 4 взятки. Так, Курманбаев, суетливо перебирая карты ручками, как белка орешки лапками, но не переворачивая их (карты, а не орешки), ибо санкции за это преступление были ужасными, и особенно на *тёмной*, тоже решился на отважный поступок: вначале он поинтересовался у *записывающего* марсианина, сколько у кого набралось очков к этому моменту, затем долго шевелил губами, подсчитывая не только предполагаемые барыши, но и возможные потери от рисков, и в конце концов назвал цифру 3.

Перед разумом немея
(ибо это мой кумир),
я до трёх считать умею,
ибо это 6 поллитр!

Но забавнее всего было наблюдать за «умственными» страданиями Полтавцева. Осознав, что роббер предстоит важный и даже в чём-то определяющий, сторож тут же придал своей позе некое значение, правда, этого никто не заметил. Недалёкое будущее обещало очень мало радостного, и эта мысль легко читалась на физиономии Серёжи.

– Ты бы прибавил сахара на роже, – благожелательно посоветовал ему Альбионыч, – а то сидишь серьёзный, как подросток в переходном возрасте, когда его фотографируют на паспорт.

– Какой подросток, мать честна́я? Какой паспорт, царица лесная? – вспомнив всех мифических персонажей, очулся от тяжких дум охранник, вдруг ощутив страшную неопределённость своего положения.

– Слушай, старик, ты когда-нибудь, яйчики-бабайчики, начнёшь использовать то место, которое только по глубокому недоразумению называется у тебя головой?

– Начну, – твёрдо пообещал Афанасьич, ещё раз подтвердив неясные слухи о своей творческой импотенции.

Он бросил гипнотизировать карты, поспешно открыл котомку, нашёл книжечку «Для му.мы.» и стал напряжённо её листать.

– И что ты там забыл, мать моя КПСС? – насмешливо спросил Мусаич, которому не терпелось разгромить всех идеологических врагов.

– Да ищу один володин афоризм – как раз к этому случаю. А-а-а, вот нашёл:

**Человеку свойственно ошибаться,
и он пользуется этим свойством
часто и с удовольствием.**

Без натужности улыбок,
без надежд на сон-траву
я в плену своих ошибок
с удовольствием живу!

– Так это, святой Малевич, про себя? – воскликнул художник. – Вот это самокритичность!

– Да нет, Валера, это я про Нуртая, – попенял ему блокнотовладелец.

– А я здесь при чём? – закричал большевик.

– А при том! – припечатал его привычной народной шелухой экс-текстильщик, после чего твёрдым голосом пообещал произвести сенсацию в предстоящей игре:

– Пять!

Глава 201. МУР (почти окончание)

– Серёжа, а ты хорошо подумал? – допивая последние капли в своей бутылочке пива «Тянь-Шань», поинтересовался Митрохин, который сделал это только по одной причине – чтобы о нём случайно не забыли в игровом коллективе.

– Эх, Васюхан, – тут же попенял ему рисковый заявлялец. – Как ты не понимаешь, что это очевидно!

– И что же тебе *очами видно*? – расшифровал последнее слово охранника знатный филолог Кулемзин.

– Да что я победю! – ответил самонадеянный игрок.

– Кстати, об очевидности, – произнёс штатный рассказчик коллектива. – Как-то был у меня приятель, обожающий советские песни и их историю. И вот однажды, желая его поставить на место, так как он занял у меня 7 рублей 14 копеек и не отдавал уже три месяца, я его спросил:

– Игорёха, а как ты думаешь, где служил возлюбленный Катюши, о которой ты так любишь напевать, сидя на унитазе?

– Да это же очевидно, – совсем как наш друг Серёжа, воскликнул мой приятель. – Эта песня написана в 1938 году, тогда же, кстати, когда и «Три танкиста», то есть во времена боёв у озера Хасан и на реке Халкин Гол, значит, герой этой песни служил на Дальнем Востоке!

И тут, увидев его победную улыбку, я предложил ему поспорить на то, что он сегодня же вернёт мне долг, если окажется не прав. И он согласился! И тогда в качестве доказательства я привёл третий куплет этой знаменитой песни:

«Ой, ты песня, песенка девичья,
ты лети за ясным солнцем вслед,
и бойцу на дальнем пограничье
от Катюши передай привет!»

– И что? – не понял приятель. – Вот же прямо сказано: на дальнем пограничье, то есть на Дальнем Востоке!

А я ему пояснил:

– Жаль, Игорёха, что ты в своё время плохо изучал в школе природоведение. Вот смотри: раз катюшина песенка девичья лет летит *вслед за солнцем*, то, значит, она летит *с востока на запад*, то есть на Дальнем Востоке в этом куплете находится как раз девушка, а боец служит на дальнем от неё западе, например, где-нибудь в районе Смоленска!

– Ловко! – похвалил рассказчика Полтавцев. – А долг-то он отдал?

– Отдал, пропадлюка, – улыбнулся марсианин. – Спор наш при так называемом честно́м народе происходил числом аж 11 человек – в пивнушке «Дружба народов» на отцеябловской ВДНХ. Пришлось ему в тот день побегать по родственникам!

– А что это за дэ-нэ-хэ такая? – забыл советские реалии сторож.

– А это, Серёжа,

Володины
Делишки
Неопределённой
Херомантии

– А-а-а, понятно, – протянул Афанасьич, ещё раз подтвердив неясные слухи о детских пытках, применявшихся в школьные годы в семье бабушки Федоры и дедушки Михея, о которых потихоньку шептались в райотделе образования деревни Семижопино.

Наконец, когда черновые наброски предстоящей битвы были определены, она так-таки началась. И началась она с того, что наконец-то расшифровалось название последних пяти глав, то есть МУР, которое, естественно, никак не было связано ни с каким Московским уголовным розыском.

– Мизе́р, мать честна́я! – воскликнул Серёжа, толком не разглядев все карты, но успев заметить среди них па́ру младших джокеров. «Это шанс!», забилась в его квадратной голове дурацкая фраза, услышанная в каком-то зарубежном фильме 28 лет назад.

Посмотрев пять раз, не сразу,
как какой-то папуас,
я в кино запомнил фразу:
«Ха-ха-ха! Здесь Фантомас!»

И вот тут произошло страшное. Все начали ещё раз тщательно изучать свои карты, пытаясь найти там пару *грандов*, которая могла бы отменить безумное предложение бывшего хлопчатобумажника, но, разумеется, не нашли, ибо ещё двумя страницами ранее было записано, что к Володе пришёл покер со множеством козырей пиковой национальности, а, значит, пара к нему по имени старший джокер была у кого-то ещё – да хоть у того же Полтавцева! И означало это только одно – страшная аббревиатура, поставленная автором в заголовок этих глав, означала только одно:

Мизе́р
Усиленного
Режима!

Да, охранник и раньше слышал, что счастье иногда бывает – хоть и маленькое, скукоженное, но всё-таки счастье. И когда, раскрыв карты, он увидел на руках сразу двух джокеров, то понял, что вот это и есть тот самый звёздный час, самый лучший момент его полубродяжьей жизни. К тому же, после угощения писателя ему не очень хотелось есть! От таких сладких мыслей он даже открыл рот, и хорошо, что дело происходило в квартире писателя, а то не миновать бы Афанасьичу очередной мухи в рот.

– Серёжа, ты чего, яйчики-бабайчики, такой загадочный? – вопросил хозяин катрана.

– Да перспективами вдохновляюсь! – очнувшись от грёз, объяснил мизерщик.

– Да у него просто совести нет, – зачем-то попенял своему соседу Мусаич. – Знает же, что это последняя партия у Володи, а туда же!

Меня шатало и швыряло,
как пластилиновый комок:
случайно совесть потерял я,
но всё ж играл, как только мог!

– Дык я потому и хочу выиграть, что последняя, – туманно объяснил экс-текстильщик. – Просто ты, Нуртай, забыл, а, может, и не знал никогда, что один умный человек иногда сетовал вот по какому поводу:

Я сетую на то, что колода плохо перемешана, лишь до тех пор, пока не придёт хорошая карта…

– Это не ты ли, мать моя Октябрьская революция, этот умный человек? – скривил губки саксаульский педагог.

– Да нет, – привычным русским отрицанием ответил ему семижопинец. – Я на втором месте, а этот, мать честна́я, который на первом, – Джонатан Джонатанович Свифт.

Он талантлив был и жертвен,
и в писательстве мудрец,
Свифт, хотя работал в церкви,
всё же умным был, подлец!

– А как ты? А откуда ты? – начал блеять Курманбаев, но его невнятное мычание перебил голос старшего трубача Батыршина:

– Ходить уже можно?

, после чего бросил на стол без скатерти не какую-то простую карту, а целую тройку, которая при игре на мизе́рах равнялась не меньше чем королю, и хорошо, что не козырную. Но сделано это было так *значительно*, что всем показалось, что именно за эту карту надо подраться как следует. И после того, как Володя сбросил такого же не козырного туза, Серёжа лихо попытался забрать взятку одним из своих младших джокеров. И именно в этот момент выяснилось, у кого из игроков до поры до времени прятался джокер старший. Таким счастливчиком оказался преподаватель еврейского колледжа, который благополучно пригрёб первую взятку и тут же пошёл двойкой всё той же масти.

«Отомщу!», мелькнула глупая мысль у сторожа, и ты, мой читатель, даже не сомневайся, что именно глупая, ибо любая мысль о мести является таковой. Полтавцев не стал расходиться делом с собственной мыслью и, дождавшись, пока все скинут кто что, забрал эту никчёмную двойку последним младшим джокером, оставшись буквально ни с чем.

В горне жизенных сумятиц
и я раньше был никем,
нищ теперь я, так как братец
разорил меня совсем.
Потому-то из злорадства
в поле я спалил всю рожь –
отомстил я, но богатства
больше стало ни на грош!

Нескладной оказалась и дальнейшая игра охранника: мало того, что он никому не отомстил, так ещё и не добрал две взятки, после чего не принял смиренную позу с подставлением очередной щеки, как учила одна забавная толстая книжка без картинок[368], а стал вопить, как сумасшедший кит, по ошибке принявший прибрежный риф за подругу жизни.

[368] ***Нет-нет, это не «Русская кочерга», а библия! – прим. гл. редактора***

– Старичок, ты чего разорался? – произнёс писатель.

– А ты что, сам не видишь?! Я же проиграл!

– И что? Твой локальный проигрыш должен именно сейчас отменить русское слово взаимопонимание?

– А эт’ чё? – стал остывать почётный Швейк Бермудского Учпучмака.

– Серёжа, – удивлённо вскричал Володя, – неужели ты не понимаешь этимологии сло́ва *взаимопонимание*?!

– Конечно, нет, – с отчаяньем ответил сторож. – Я не понимаю даже этимологии сло́ва *этимология*!

Ох, живу я безголово,
как принявши веронал[369]
и такой тупой, что сло́ва
канделябыр не слыхал!

[369] Лекарственное средство, обладающее снотворным действием – прим. мед. редактора

Глава 202. МУР (и ещё одно почти окончание)

Если бы на месте Полтавцева сейчас сидел Кулемзин, то он, как выдающийся литератор двух веков, мог сказать, что произошедшее с Серёнькой было похоже на ощущение какого-нибудь олигарха, которому на цветном фоне своей жизни внезапно показалось, что его за углом подстерегает мужик с вилами. К такому ощущению, конечно, можно привыкнуть, как, например, с потеющим ногам, но душевного комфорта оно, разумеется, не добавляет. Вслух же Володя произнёс совсем другое – исключительно для закрепления воспитательного эффекта:

– Так чего ж ты ломаешься, как кисельная барышня на погосте?

– Как это? – оторопел сторож.

– Да неважно, главное, что красиво сказано!

Тенора́ми и басами,
поднеся «ТТ»[370] к виску,
мы красивыми словами
заглушаем боль-тоску…

[370] «ТТ» («Тульский Токарева») – первый армейский самозарядный пистолет СССР образца 1933 года – прим. воен. редактора

И тут внимание игроков и им сочувствующих внезапно отвлекло какое-то мелькание за окном. Все невольно повернули головы в южную сторону володиного зала, где посередине стены и находилась, как сообщали советские учебники по архитектуре, специиально задуманная в конструкции здания архитектурная деталь строительства, служащая для поступления света в помещение и вентиляции, или просто окно. Но из-за быстрого мелькания его природу определить было трудно, и тогда марсианин встал, подошёл к окну, открыл его, впуская молекулы саксаульской летней жары, и опознал странное явление. Набрав значительную амплитуду, параллельно стене дома № 17 прыгала общественница по кличке Ж. П.

– Жанна Пантелеевна, – обратился к ней хозяин потревоженной квартиры. – Батут изволили прикупить?

– Сам ты Батум[371]! – старо-географически обозвала вопрошальца прыгунья.

[371] Батуми – столица автономной республики Аджария, до 1936 года носившая имя Батум – прим. геогр. редактора

И тут Альбионыч, прислушавшись к прыжкам, амплитуда которых уже сокращалась, сам догадался, в чём было дело. Каждый прыжок завершался каким-то шлёпающим звуком, как будто в дождевую лужу плюхали мешок с репой. «Ну точно – кондиционер!», удовлетворённый своей догадкой, подумал Альбионыч.

«Чтоб в тыквах не было разлада»,
дал поясненье инженер,
«*кондёр* нам делает прохладу…
тьфу, кондиционер!»

И правда, старшая по дому уже который день подряд никак не могла застать момента, когда покерная хевра, за которой по-хорошему нужно было следить не переставая, куда-то исчезала. И вот сегодня, заметив небольшую лужицу под володиными окнами, активистка поняла, что она (лужица, а не активистка) – следствие работы кондиционера, а, значит, вся игровая банда была в гостях у буржуя!

– Не устали, Жанна Пантелеевна? – продолжал домогаться писатель.

Старшая по дому наконец остановилась и сурово поинтересовалась:

– Все на месте?

– Так точно! – по-прапорщицки ответил хозяин и, не дожидаясь дальнейших расспросов, пообещал:

– Скоро будем на привычном месте! Прошу никого не расходиться и подготовить к нашему плановому выходу торжественную встречу с чепчиками, лифчиками и плюшевыми зайчиками!

– А зайчики кому? – растерянно отозвалась активистка.

– Дворовым детям – на радость жизни! – ответил литератор и звучно захлопнул окно, вспугнув стайку воробьёв, обживших подоконник со стороны улицы.

Не чужим, а только этим…
ну, своим, что всех святей…
подарю игрушку детям –
но одну! Толпе детей…

Ж. П. ещё немного потопталась в кондиционированной лужице и отправилась наводить порядок во вверенный ей Бермудский Учпучмак.

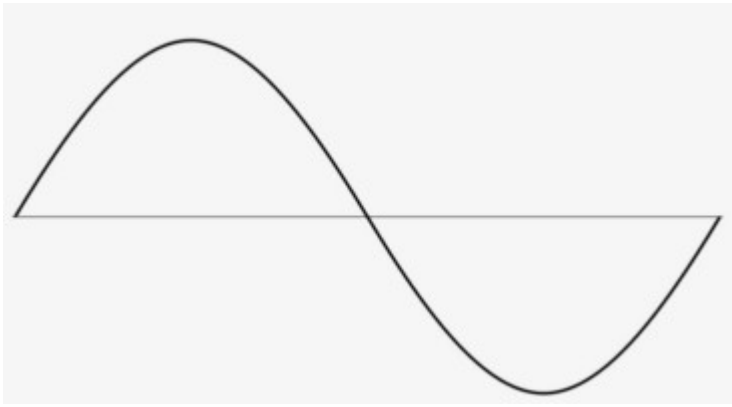
– Может, на улицу уже пойдём? – несмело предложил Васюхан.

– Так здесь же прохладнее, – удивился его бестолковости Володя и показал рукой на свой кондиционер-бесперебойник.

– Курить охота, – объяснил свою странную просьбу старший джус, и с ним неожиданно согласились остальные, включая некурящего педагога, который обязательно стрелял сигаретку-другую, если она доставалась ему на халяву.

Ответственный катраносъёмщик Кулемзин очень не любил вот такие отвлечения от игрового процесса, считая их не только потерей темпа, но, что ещё хуже, потерей концентрации внимания. И если потеря темпа была для игроков привычной (вспомним хотя бы перерывы на пивопитие, бесконечные байки героев или эпизоды с неглавными персонажами нашего повествования типа Танкиста, Одиссея или Саши Дубровского), то потеря концентрации ощущалась как раз в тот момент, когда до начала вечера, который всегда наступал в 18.00 по местному времени, оставалось совсем немного – что-то около часа.

Концентрация внимания в *русской кочерге*, по представлениям знатного учёного Альбионыча, была похожа на математическую синусоиду – вот такую:



, и если смотреть не неё, как принято у русских, слева направо, то начальная нижняя точка будет весьма условной концентрацией внимания утром, а, точнее говоря, вовсе никакой, затем где-то к обеду она доходит к своему верхнему пику, и затем, как и всё в этом мире, снова скатывается вниз – к завершению дня. А затем, как и видно на этом выразительном рисунке, всё начинается сначала…

После всех этих перепетий играть простой роббер на 12 картах было не особенно сложно, но, как уже было художественно показано на предыдущей странице, концентрация внимания несколько уменьшилась. К тому же, неожиданно произошло то, что так часто происходило на игровом пространстве наших героев, – начало страшно везти кому-то одному, и литератор порадовался, что успел намного обойти своих соперников, так что ещё пару-тройку робберов можно было ни о чём не беспокоиться. Выяснилось, что на этот раз Сука-судьба вдруг приняла сторону Курманбаева, и взятки сыпались к нему, как фашистские *мессершмидты* после русского зенитного залпа. Вот и сейчас у Мусаича, который заказал аж 5 взяток, вновь оказались отличные карты, и Володе страшным волевым усилием пришлось притормозить, как асфальтовому катку на повороте.

Коль сам приказал, то лети –
дорога пусть будет гладка:
не стой на суровом пути
асфальтового катка!

Он понял, что надо чем-то рассеять внимание большевика, мысленно проверил в памяти, нет ли наказания за такой поступок, не нашёл оного и важно произнёс:

– Мой большой косой друг однажды сказал…

– Какой косой? – неожиданно встрял охранник. – Который в «Неуловленных мстителях» играл? Помнишь, он всё время с сельхозинвентарём по дорогам стоял?

– Нет, старичок, это был не Крамаров. Этот косой жил чуть раньше – лет за 500 до нашей эры, и звали его Конфуций. Так он однажды сказал мне вот такую забавную фразу:

Плати добром за добро, а за зло
плати по справедливости!

Тогда я его не совсем понял, а вот сейчас, глядя на игру Нуртая, понимаю вполне!

– А чего тут понимать? – удивился военный. – Они нам ракету, а мы им – две!

– Это ты про кого? – удивился писатель. – Про древних китайцев?

– Зачем же – про американцев, конечно!

Альбионыч, сетуя на то, что саксаульский педагог никак не отреагировал на его вызов, подивился извивам прапорщицкой мысли, а заодно заметил, что Серёжа, высунув испачканный химическим карандашом язык, что-то торопливо записывает в знаменитый блок-

нотик «Для му.мы». И это было неудивительно, ведь никого бы не оставили равнодушными слова́ великого китайского мыслителя. Володя наклонился поближе и включил свой портативный марсианский прибор – каракуле-русский переводчик. Переводчик напрягся, немного подымил от перенапряжения, но всё-таки перевёл: «Заплати добром за зло, и это будет справедливо! Или несправедливо! Помаракую эту мысль вечером с Зулей…»

Мы поймали мысль такую,
раскопав на самом дне:
мы с подругой *маракуем* –
три бутылки взять иль две?

И потому никто не удивился, что коммунист на этот раз выиграл роббер, чрезвычайно возбудился, и это было очень похоже именно на оргазмическое возбуждение: он покраснел, расстегнул во́рот рубашки, как бы задыхаясь от переполнявших его чувств, и словно в бреду пробормотал:

– Спасибо тебе, мать моя партия! Ленин, партия, комсомол! Владимир Ильич! Леонид Ильич! Нуртай Ильич!

Глава 203. МУР (практически окончание)

Писатель страшно удивился последнему произнесённому *ильичу* и решил проверить партийного преподавателя на мозговую ориентацию.

– Нуртай, – медово обратился он к Мусаичу, – а ты случайно не помнишь, что происходило на Земле с 1598 по 1613 годы [372]?

[372] Этот период, который характеризовался частой сменой правителей на престоле, появлением царей-самозванцев, крестьянскими выступлениями, стихийными бедствиями и интервенцией поляков и шведов, историки назвали Смутным временем – прим. ист. редактора

– Очень *смутно*, – пришлось признаться Курманбаеву.

– А чего ж ты тогда себя Ильичом величаешь? – справедливо попенял ему Володя.

Все то́лпы в мире многолики,
но все за славою спешат.
Я стану завтра же великим –
не надо только мне мешать!

Затем пришло время высказаться каждому по поводу только что отгремевшего роббера и его победителя. Каждый переживал произошедшее в меру своей впечатлительности. Так, потрясённый Полтавцев сидел с приоткрытым, как форточка, ртом, куда лишь потому, что дело происходило в володиной комнате, не залетела никакая мошка, хотя время от времени закрывал пасть, но только для того, чтобы вновь открыть её и произнести привычную чушь про царицу лесную. Так, Салихдзяныч, пристально глядя на педагога, пообещал ему в скором времени незабываемый ёперный визит в йодистую реанимацию. Так, Володя доходчиво объяснил свою точку зрения на родословную ленинца, прошёлся по его умственным способностям, и в завершение послал в район Колымы, не дав с собой в дорогу даже куска хлеба.

– Нуртай, яйчики-бабайчики, – в заключение обличительного спича предложил он. – Скажи мне, что ты обо мне думаешь, и я подумаю о тебе ещё хуже!

Мусаич как бы виновато опустил голову, но если бы кому-то пришла мысль подсмотреть его выражение лица, то он бы увидел, что учитель информатики еврейского коллед-

жа широко улыбается случайному успеху. А случайному – потому, что на этот раз отсутствующий *иблис* попал в небольшой временной затор: прибыв на место зарядки пропадлючьих аккумуляторов, он увидел, что все розетки заняты, и, усмирив свои *калибровочные бозоны*, покорно встал в очередь.

Нет ненужным идеалам –
и не надо здесь мудрить:
заряжусь потенциалом –
и пойду опять шустрить!

– Права, ох, как права диалетика, – почесал голову саксаульский марсианин. – Какие большие знания нужно иметь, чтобы делать маленькие выводы…

Короче, это была короткая фаза инерции – то состояние, когда игра уже сделана, все необходимые активные действия выполнены, и остаётся только отслеживать нормальное развитие цепи конечных событий. Предстояло сыграть ещё несколько важных робберов, и Альбионыч немедленно активировал свой РОВ, или, чтобы было понятно читателю,

Режим
Особого
Внимания

«Кажется, создавшееся положение», подумал покерный гуру, «угрожает перерасти в угрожающее…». А подумал Володя такие неприятные мысли неспроста – выяснилось, что в последнем роббере игры, то есть *тёмной* на 12 картах, где, казалось бы, уже всё было предрешено, внезапно возникла *аргентина* – именно так некие люди на воровской фене называют всякие непонятные ситуации[373]. А началось всё с того, что в последней попытке занять как можно высокое место в общем рейтинге партии, Курманбаев вдруг почувствовал чуть ощутимый удар по левой половинке задницы чьим-то упругим хвостом, и тут же понял, что к коллективу покеристов незримо примкнул его патрон *иблис*!

[373] Есть ещё одно слово на фене, обозначающее то же положение – это чичигага – прим. вора в законе Гарика Джезказганского

Я знаю тех, кто злопыхает,
готов кто друга освистать, –
лишь тем чертяка помогает,
кто сам готов чертякой стать!

От счастья Нуртай расплылся, словно изображение в комнате смеха, и даже хотел было по-пионерски отсалютовать *иблису* пухлой ручкой, но потом вспомнил, как Батыршин рассказывал ему о запрете в армии прикладывать руку к *пустой* голове, и с трудом сдержался, сделав по возможности суровое лицо. Если бы сейчас кто-то (кроме автора этого повествования) пристально вгляделся в рожу педагога, то увидел бы, что он (педагог, а не автор) сейчас напоминает партийца, измученного тяжёлыми комплексами, которые привил ему Устав КПСС (б).

Что-то в отношении Мусаича заподозрил Володя, и зная, что пакости коммуниста были вечны, как формула C_2H_5OH, начал сверлить его (Мусаича, а не спирт) ледяным взором имени Игнасио Гонзальевича [374]. В ответ Нуртай посмотрел на Альбионыча равнодушным взглядом птицы-секретаря.

[374] Игнасио де Лойола – католический святой, в XVI веке основатель ордена иезуитов – прим. ист. редактора

– Нуртай, пожалуйста, не начинай играть в настоящего мужчину! – кинул пробный камень Кулемзин.

– Я так болею, мать моя всемирная революция! – тут же привычно фальшивым голосом пожаловался педагог.

– А вот *косить* не надо, – ты не в военкомате! – бросил второй камень литератор.

– Да честно-честно!

– И о честности ты бы лучше помалкивал! Детям, во всяком случае, брать с тебя пример брать определённо не сто́ит…

Внезапно к обличению примкнул живописец Муравлёв, который до этого мирно и на ушко беседовал с антенщиком Митрохиным и, казалось, вообще не слышал, о чём переговариваются игроки.

– Вот эти твои слова, Нуртай, – осуждающе проговорил Валера, – говорят о том, как ты, святой Малевич, бесконечно далёк от простого народа – в моём лице!

Такова моя природа,
у меня особый век:
как далёк я от народа –
потому что я генсек!

Услышав такое страшное обвинение, Курманбаев в сердцах даже отвернулся, и лицо его сразу стало каменным, а сладкое топлёное масло в глазах превратилось в лёд.

А писатель Кулемзин, пытаясь осмыслить этот диалог для запоминания и вставки его в один из томов будущего романа «Русская кочерга», кроме этого, зафиксировал в памяти сразу четыре мысли, пришедшие в голову из-за (прости, русский язык!) инцидента:

1. Порядочность, как и девственность, теряется только один раз…
2. Самая невкусная еда – горькая правда жизни…
3. В жизни вообще всё правильно, кроме людей…
4. Да, таких только в петровской Кунсткамере банка со спиртом успокаивает. С завинчивающейся крышкой!

На полках изобилие диковин,
чудных скелетов, раковин, жуков, –
здесь целый мир засушен и засолен
стараниями разных чудаков.
Отдельно собрана коллекция уродов –
в стеклянных банках, словно сотни будд,
ошибки и нелепицы природы,
застыв в спирту, безмолвие блюдут!

И тут Нуртай почувствовал более сильный удар иблисовым хвостом – на этот раз в правую половинку задницы, и смело заказал аж 6 взяток! Альбионыч всё понял и, чтобы не скатиться на второе место, вынужденно заказал три взятки, хотя до этого хотел рискнуть на большее количество. Испугавшись страшной партийной *шестёрки*, по три взятки заказали Салихдзяныч и Афанасьич, а Серёжа, видимо, чтобы подбодрить сам себя, даже произнёс глупую трюизматическую фразу насчёт того, что против некоего лома, царица лесная, есть один таинственный приём.

Против пули нет ответа,
если нет бронежилета!

И в конце концов произошло то, что и должно было произойти. Педагог, пока стар-

ший прапорщик месил колоду потными ладонями, точно тесто для шарлотки, сидел с видом римского императора, который замыслил разгромить на своём поле очередную футбольную команду варваров. Сторож-охранник не стал брать себя в руки, а поступил, как самурай перед боем, напоминая сейчас невменяемого, который рвёт на себе тельняшку и с криком «Банзай!» бросается под фашистский танк.

Эх, Саратов-Калуга!
Эх, село Полумрак!
Попрессую я друга,
что играет как враг!

Володя старался не показать смятения, но это удавалось плохо Он чувствовал, что машина его продвижения к победе неожиданно забуксовала всеми пятью колёсами, включая пробитое запасное. «Бесперспективняк», запутался в простых русских буквах знатный филолог.

В общем, все игроки (кроме преподавателя еврейского колледжа) сидели как «Тени забытых предков»[375] – помнишь ли ты, мой читатель, такой советский (б) фильм? И только Васюхан и Николаич сидели друг против друга в позе Кирилла и Мефодия – на памятнике у станции московского метро «Китай-город»

[375] Художественный фильм Сергея Параджанова по мотивам одноимённой повести Михаила Коцюбинского (1964) – прим. киноредактора

Глава 204. МУР (окончание)

Но – надо было доигрывать эту последнюю гостевую партию, тем более, что хозяин квартиры Кулемзин, будучи настоящим мужчиной, пообещал некой женщине с паспортными инициалами Ж. П. вскоре появиться в Бермудском Учпучмаке, причём, не один, а с покерной хеврой и примкнувшими к ней преданными болельщиками из числа живописцев и старших джусов.

Володя оформил все заказы в *раскладку* и открыл свои карты, после чего закусил губу и тут же включил свой ВОКАЛ, или

Взятко-
Определяющий
Калькулятор
Альбионыча
Легендарного

, для того, чтобы правильно подсчитать, удастся ли ему сохранить первое место, если заказанные 6 взяток возьмёт Мусаич, а он сам при этом пролетит хотя бы на одну взятку. А всё шло именно к этому, ибо стараниями *иблиса* из всех 12 карт у литератора было всего три козыря, да и то среднего достоинства, один младший джокер и один некозырный туз.

«Как же трудно быть первым», подумал писатель, «когда вокруг столько вторых, идущих впереди третьих, не говоря уже о четвёртых!», после чего сделал ещё одно марсианское усилие, активировав в своём организме спецаильный потенциал, который по-марсиански назывался *ъъпрррртрррръъъ*, а по-русски просто ДНК, или

Динамический
Натиск
Кулемзина

Правда, у Батыршина и Полтавцева, судя по их гримасам при просмотре пришедших карт, дела были тоже не фонтан.

Рассудил своим умишком
то, чем я сыграть не смог:
не фонтан мои делишки –
так, лишь слабый ручеёк…

Наверное, поэтому и Талгат, и Серёжа, чтобы хоть как-то показать свою состоятельность, решили начать с угроз педагогу.

– Я тебе покажу, где раком зимуют, – погрозился Афанасьич.

– А я тебе покажу вообще! – создал в своей тыкве страшную, но совершенно непонятную никому формулу угрозы Салихдзяныч, после чего замкнулся в просмотре своих карт, сидя при этом с суровым видом, словно Дзержинский на допросе в царской охранке.

И тут такую же необоснованную эстетическую ошибку сделал и Альбионыч, вслед за сторожем и музыкантом поэтически пожелав Мусаичу вот это:

– Чужую ресницу
в твою глазницу!

Он, конечно, понимал, что гнев плохой советчик, но зато при этом знал, какой гнев проницательный аналитик! И всё-таки не тут-то было: большевик совсем не испугался, так как к тому времени тоже открыл свои карты и, увидев их, засиял, как икона-*новодел.* До этого прилизанные волосы Курманбаева вздыбились к зальной люстре, под псевдохрустальными подвесками которой и проходила последняя партия, что, как известно из книги профессора Фекалина «Краткий курс психолингвистики», однозначно означает повышенное внимание.

Одно было только хорошо – что иблисозависимый педагог не сообщил в этот раз о разыгрываемом мизере. Об этом не подумал никто, кроме Серёжи, которому в тыкву пришла редкая по значимости мысль: «Ага, мать честна́я, значит, у него нет двух грандов!». Впрочем, что делать с этой пришедшей на «ум» информацией, он не знал, и решил положиться на Суку-судьбу, правда, не учёл того нюанса, что Сука-судьба, будучи дамой весьма строптивой, сама выбирает, кого ей казнить, а кого миловать.

Я не лещ и не пиранья,
но живу, как в западне:
иль судьба моя – нырянье,
или просто – жить на дне!

И в это время экс-текстильщик понял, что роббер уже начался, так как услышал страшное предложение, сделанное голосом его соседа Курманбаева:

– По джокерам, мать моя партия!

И это была, как говорят сотрудники правоохранительных органов, полная конфискация, ведь Нуртай своим артиллерийским покером умудрился выбить сразу трёх джокеров – у трёх своих соперников! Причём, всё это тут же стало иметь некие последствия: у Полтавцева случилось то, что можно было назвать неологизмом *нутротрясение*, Батыршин чуть не потерял сухость нижнего белья (кальсон), которое, даже несмотря на то, что сейчас шло лето, всегда надевал под штаны, а Кулемзин сидел просто ошарашенный, словно Исаак Исаакович Ньютон, только что получивший яблоком по темечку.

«Что ж, придется отступить», мудро решил Володя. Кстати, так же однажды поступил некий Кутузов в войне с французами, пока не настал момент дать решительные, но заве-

домо выигрышные сражения под Тарутином и Малоярославцем. Правда, чувствовалось, что в данном случае эти сражения вполне могли случиться уже в новой партии, которую престояло играть на так называемом условно свежем воздухе.

И вот тут надо было просто забыть о таком афронте, сосредоточиться на своих картах и продолжить битву, призвав на помощь глупую помощницу по имени надежда. Но не таков был единственный *действующий* гвардеец во всей компании, то есть Салихдзяныч. В этот момент он решил, что лучшим оружием против коммуниста будет русский мат, после чего потихоньку, чтобы не травмировать психику дворовых детей, начал называть разные русские слова, которые смело и громко говорятся лишь в казарме противоминного гусарского эскадрона имени Дениса Давыдова. А литератор, глядя на всё это безобразие, неожиданно вспомнил свой старый стишок под красноречивым названием

О русском мате

Если некто скажет слово,
коим место означают
то, что в кресло водружают,
на ногах стоять устав,
или всуе обозначит
тот процесс, что учиняют
с полом противоположным,
к оным страстью воспылав,
или в речи нечестивой
назовёт охально орган,
коим все осуществляют
упомянутый процесс,
или им в пылу беседы
будет названа особа,
что любовью одаряет
всем приличиям вразрез,
иль обмолвится он снедью,
съеденной вчера, а ныне
создающей на планете
почвы плодородный слой,
надлежит ему очистить
свой язык, погрязший в скверне,
вымолвив «Прости, *иблисе*!»,
и уста омыв водой…

Вторым ходом, перед которым Мусаич произнёс не менее рокóвые слова «По старшим козырям!», резервы его противников уменьшились на козырные даму, валета и десятку, кстати, обозначив степени военной оснащённости у каждого. Все трое, как по команде, закусили губы, но, как выяснилось, сделали это по разным причинам: Володя, как уже было написано ранее, решил не сопротивляться, ибо число его побед оставалось несравненно выше по сравнению с другими, Талгат, отматерившись, немного размяк и решил, что лучше немножко проиграть, чем лишиться покерно-пивного процесса в целом, а вот Серёжа, будучи человеком с тыквой, которая с детства страдала больше других óрганов, всё-таки решил сопротивляться, но по-своему, то есть хитрить и ловчить, – точно был самым умным в компании.

Дождавшись очередного хода саксаульского марксиста, который вновь пошёл крупным козырем, семижопинец не стал отдавать свою четвёрку, а решил заначить её *на по-*

том, и когда Нуртай сделал следующий ход трефовым тузом, заодно к первому пресступлению совершил второе, то есть не скинул трефовую десятку, а забрал этого туза заначенным козырьком. Преподаватель еврейского колледжа вздрогнул, но ничего не сказал, так как по правилам игры проверять правильность ходов можно было только после розыгрыша роббера, но на всякий случай пропел куплет одной из лучших песен, которые знал ещё с пионерского детства:

Чтоб жизнь наша сделалась краше,
дивизия крепнет на марше!
Во имя высокой мечты
втыкай вдохновляющий штык!

Но не подумал он, неразумный, о том, что Афанасьичу его вокальные достижения будут по барабану, а вот обер-юнкеру как раз по ногам, которые сами понесли военного музыканта в многострадальные бермудские заросли, где он, чуть не наступив на лежащего вусмерть пьяного Глав-Буха, сделал то, что делал здесь всегда, испоганив восточную сторону этого кустарника.

Короче, можно было бы долго описывать дальнейшие упражнения педагога по дискредитации его политических противников, но автор решил этого не делать, так как моему умному читателю уже наверняка стало ясно, что Курманбаев перебрал, нахапав аж 8 взяток, а все остальные пролетели кто на сколько мог. И об одном только жалел Нуртай – что он так и не смог догнать Володю, отстав от него всего на 13 очков…

Игра завершилась, но начались разборы полётов.

Глава 205. РАЗБОРЫ ПОЛЁТОВ

И только было Володя, как хозяин катрана, хотел объявить о том, что пора выходить на условную улицу, как главные пострадавшие в последней партии, то есть Батыршин и Полтавцев, стали взаимообвинять друг друга, хотя на взгляд Альбионыча главным пострадавшим в этой ситуации был как раз педагог, который сильно хотел, но так и не сумел его догнать, да ещё *иблис*, который вообще опозорился в стремлении помочь нечестивому большевику.

Словно в фильме пародийном,
что мозги привык мутить,
помогает чёрт партийным
все партвзносы утаить!

По мнению Кулемзина, всё это выглядело абсолютно абсурдно и неестественно, как, например, бутылка *пепси* в руках у Тараса Бульбы во время встречи с сыновьями, ибо напоминало русскую народную забаву махать кулаками после драки. Вот только вмешиваться в процесс разбора покерный гуру не стал, так как посчитал, что подобные перепалки послужат неким эквивалентом и взаимной учёбы, и экзаменом на псевдомозговую деятельность его соперников.

– Вот, Серёжа, скажи, – словно петух, наскакивал на бедного сторожа трубач. – После третьего хода ты зачем мою бубновую даму перебил?

– Да я это сделал исключительно по вине чужого беспокойства, – туманно объяснил свой поступок охранник, а мысленно пожелал вопрошальцу: «Чтоб тебе 100 лет младшего лейтенанта не видать!»

– По какой такой вине? – страшно заорал на своего, как теперь выяснилось, бывшего друга военный.

– Ну, ладно, признаю́сь, – конфузливо улыбнулся Афанасьич. – Не сдюжил.

– При чём здесь не сдюжил? – уже тише проорал единственный фельдфебель на территории Бермудского Учпучмака. – Да ты знаешь, что ты меня просто сглазил? Как я теперь дальше играть буду? Да мне сегодня только и осталось, что нажраться в стельку!

– А ты сплюнь через левое плечо, – предложил верный приём против сглаза Серёжа, как его в своё время научил дедушка Михей.

– Это как раз в сторону Нуртая будет, – тихо добавил Митрохин, но ленинец его услышал, и старший антенщик понял, что нажил ещё одного врага в этой и без того сложной компании.

Эх, бокальчики святые,
вас не скоро раскроим –
отношения простые
запиваем непростым!

– Ну ты и пропадлюка! – вновь на несколько децибелов усилил голос Талгат. – А ещё другом называешься!

– Да я… да мне… я же не хотел… – зачастил Серёжа.

– Не хотел он, – вновь сбавил тон обвинитель. – Эх ты, поц-монтек![376]

[376] ***Простофиля – идиш***

Литератор слушал эти глупости и размышлял: «Считается, что мозг способен сыграть с человеком злую шутку, но всё это чепуха. Самые злые шутки с человеком играет как раз его безмозглость!»

Он давно знал, что даже у гениальных людей бывают такие *заскоки сознания*, что ни встать, ни сесть, так что уж говорить о героях нашего романа! Порой даже гении отчебучивают такое, что вначале кажется полной дурью, а через какое-то время издатели очередной энциклопедии, чтобы не опозориться перед читателями, вынуждены объявлять такую дурь некой творческой и милой выходкой, вообще присущей знаменитым людям.

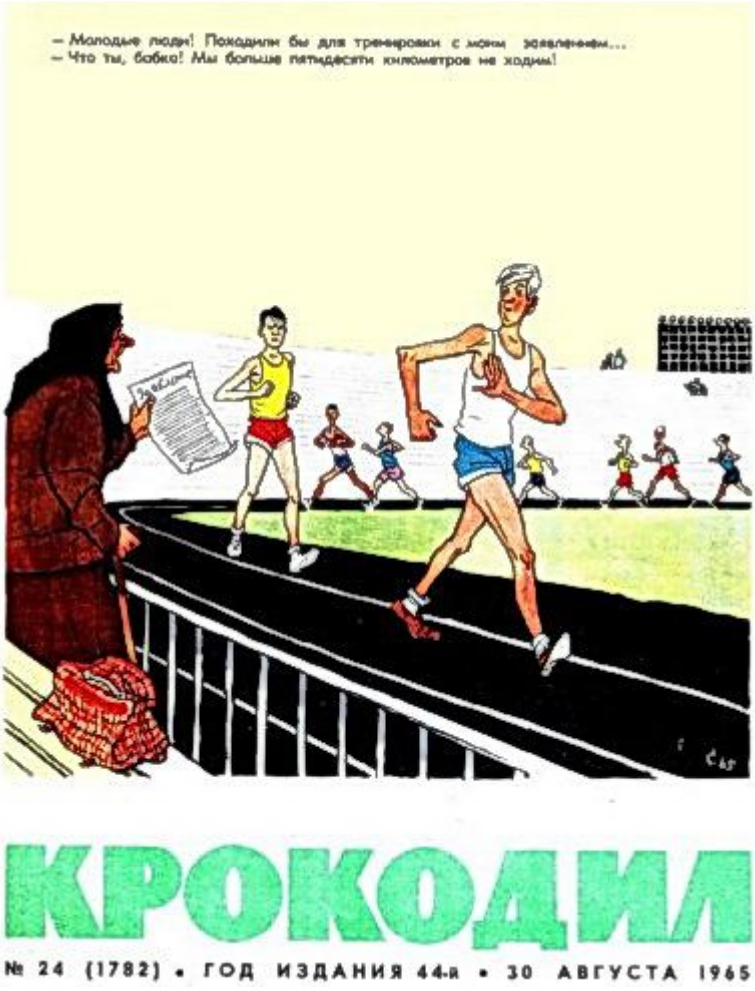
Если в абсолюте
мы берём концы,
творческие люди
не во всём творцы!

И вот сейчас, слушая глупые перепалки своих сопокерников, Володя вспомнил такой случай: однажды в 1965 году знаменитый советский композитор Дмитрий Шостакович, сидя на даче в шезлонге, потихоньку потягивал грузинский коньячок «Сердце Арагви», который только-только появился в *цековском* буфете, перелистывал сатирический журнал «Крокодил», а потом вдруг соскочил с шезлонга, побежал в комнату с роялем и начал что-то творить! Через какое-то время работа была окончена, и на нотной тетради появилось такое название (не вздрагивай, читатель! – Вл. Г.) – «Пять романсов на слова из журнала «Крокодил» (вокальный цикл для баса и фортепиано, соч. 121)»

И вот теперь скажите, нормальный человек такое бы сделал? А ведь все советские люди до этого дня считали композитора Шостаковича нормальным, но после этого случая стали считать его гениальным! А чтобы у моего читателя не создалось впечатление, что автор всё это придумал лишь для собственного развлечения, то вот тебе обложка того самого «Крокодила» № 24 от 30 августа 1965 года, а неразборчивый текст вверху карикатуры расшифровывается так:

«– Молодые люди! Походили бы для тренировки с моим заявлением…

– Что ты, бабка! Мы больше пятидесяти километров не ходим!»



Глава 206. РАЗБОРЫ ПОЛЁТОВ (окончание)

«Как бы прекратить эту глупые споры?», подумал Альбионыч. «Пожалуй, начну с основного потерпевшего – с детства!»

– Серёжа, ты, яйчики-бабайчики, – попенял он охранику, – когда начинаешь анализировать (если я правильно применяю это слово в контексте тебя) действуешь строго по одной красивой арабской пословице.

– Правда, царица лесная? – обрадовался неразумный, но тут же погас взором и на всякий случай достал из котомки заветную книжечку «Для му.мы.», после чего уточнил:

– А какой?

– Пиши, – разрешил покерный гуру.

Оправдание хуже вины

Полтавцев записал, потом прочёл записанное, но ничего не понял и уточнил ещё раз:

– Может, хуже вина́?

– Нет, старичок, над этой мыслью, кроме арабов, поработали ещё и некоторые умные русские люди – вроде меня, так что всё правильно…

– А ты что сказал по этому поводу?

– А я не только сказал, но даже написал некий стишок – под названием

Не люблю дураков

Не мечтатель, не ласкатель,
не любитель двойников –
я великий отрицатель
утешенья дураков.
От меня не жди отдачи,
дураковая печаль:
дураки в жилетку плачут –
мне же их совсем не жаль.
С головами в полном хламе,
к гласу разума глухих,
с их дурацкими мозгами
оставляю их одних.
Не люблю чужое горе,
кое пестует дурак.

♠ ♠ ♠

Что, жестоко? Я не спорю,
но живу я только так…

После этого спор между сторожем и трубачом как-то прекратился, и вот тут Нуртай понял, что наконец-то настал его звёздный час.

– Видишь ли, Володя, в чём дело… – начал он так, как когда-то научил его начинать все разговоры старший товарищ по идеологии второй секретарь райкома КПСС (б) Андрей Андреевич Константиновский-Забубённый. – Я думаю, что ты не совсем прав…

– Именно сейчас? – уточнил Кулемзин.

– Конечно! – со всей марксистской убеждённостью воскликнул Мусаич.

– А кто сейчас выиграл партию? – тонко усмехнулся хозяин нынешнего игрового заведения. – Кто сейчас честно заработал 4 очка в общеигровой рейтинг?

И тут большевик увидел, что на вопрошальца оказались нацелены сразу четыре указательных пальца – Серёжи, Талгата, Валеры и Васюхана. «Как же они все далеки от дела рабочего класса!», растерянно подумал педагог.

Средь внеклассовых и прочих,
словно засланный агент,
как далёк я от рабочих,
ибо я – интеллигент!

– Но я же не дурак, – глупо заявил он и вновь расстроился, так как по суровым лицам собравшихся в зале кулемзинской квартиры увидел, что все думают именно так.

– Да, Нуртай, не дурак, – подтвердил его опасения Володя, – но ты абсолютно бездарен. У тебя это на лице написано.

– А у тебя что написано? Что ты гений? – попытался иронизировать педагог.

– Я – гений, – спокойно подтвердил писатель. – Потому что в своей душе я уже давно уничтожил все категории, все те системы координат, на которых базируется человеческое сознание. А материальное я давно презираю и как факт, и как философию… А теперь поблагодари дяденьку за дополнительное развитие своей тыквы.

– Спасибо, – жидким, словно столовский куриный бульон, голосом ответил преподаватель еврейского колледжа.

– Правда, в своих заблуждениях ты не одинок, – увидев, что сильно расстроил партнё-

ра по *русской кочерге*, успокоил его марсианин. – Например, в любимой тобой коммунистической идеологии (б) случались ошибки и похлещё.

– Нап’име’, батенька? – заложив пальчик за несуществующий лацкан отсутствующего пиджака, строго вопросил ленинец.

– Например, такая роковая ошибка случилась однажды на премьере спектакля «Сказка о потерянном времени» по пьесе гениального драматурга и одновременно антисоветчика Евгения Шварца в кукольном театре Сергея Образцова, которая, кстати, состоялась в юбилейном для Страны Советов (б) 1967 году. Так вот там на афишах, очевидно, по недосмотру московских властей, под названием спектакля было написано: «50-летию Великого Октября посвящается!»

Ох, «Аврора» вмантулила шибко –
задрожал даже невский причал!
Ильича роковая ошибка –
та, что выстрел в ночи прозвучал!

Здесь уже заржали все, кроме Курманбаева, который, когда слышал святые слова типа «КПСС» или «Страна Советов», отключался разумом от действительности.

– Не понял, – промямлил он и увидел, как Володя тычет пальцем в Афанасьича, словно призывая его объяснить неразумному партийному, над чем они сейчас смеются.

– Нуртай, – давясь от смеха, объяснил экс-текстильщик, – спектакль назывался «Сказка о потерянном времени», и именно об этом названии было сказано, что оно посвящается юбилею революции!

После этого сам Серёжа немного загрустил, ибо, послушав несколько минут препирающихся Альбионыча и Мусаича, начал думать грустную думу. «Что-то рядом с этими витийствующими светилами интеллектуального фронта», думал он, «я чувствую себя недоразвитым дегенератом, удравшим из приюта для умственно отсталых подростков, и попавшим по воле рока на заседание учёного совета Саксаульской Академии наук…»

И вот тут наконец в доме Володи всё окончилось, и наши герои вышли наружу.

Глава 207. ГЛАВНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО ВЫХОДА НА СВЕЖИЙ ВОЗДУХ ПЕРЕД ДУШНОЙ КВАРТИРОЙ

Правда, Володя немного задержался в квартире, но не для того, чтобы покрепче запереть уже описанные замки́, задвижки и щеколды, а всего лишь для смены рубашки, ибо считал весьма неприличным появляться в таком знатном общественном месте, как Бермудский Учпучмак, в одежде, пропитанной по́том отгремевших сражений. На этот раз он выбрал тщательно отутюженную рубашку цве́та оперения чилийского фламинго, после чего решил присоединиться к коллективу.

Но, знаете ли вы, что именно сделали эти персонажи, которые и до этого отличались крайне нестабильным поведением, когда вышли на условно свежий воздух Великого ▲? Первым делом они закурили! Причём, во-первых, сделали это, даже не добравшись до покерного столика, а прислонившись к первому попавшемуся карагачу, и, во-вторых, одну сигаретку, нашедшуюся в кармане Васюхана, на всех! А нашему писателю только и осталось, что вдыхать вместе со всеми противный дым, и налетевший неизвестно откуда ветерок едва-едва перебирал его (дыма, а не писателя) пласты, закручивая их причудливой спиралью, словно свивая плащи невидимым теням.

И так как подобное вдыхание было страшно противным для некурящего литератора, он тут же вспомнил, что является знатным поэтом двух веков, и в голове его мгновенно

сложился катрен большой идеологической силы, ибо это был не просто катрен, а эпитафия на собственную могилку – с тем условием, что скончается Альбионыч именно от канцерного табачного дыма:

Я был, конечно же, не прав,
проигнорировав Минздрав:
я обожал табачный дух…
И вот я прах, земля мне – пух!

– Эх, хорошо, но мало, мать честна́я! – воскликнул один из куряк, когда сигаретка слишком быстро окончила своё существование.

– Да, жалко, святой Малевич, что у нас нет ещё! – воскликнул второй никотинозавр.

– А, может, случится какое-нибудь чудо, мать моя КПСС, – воскликнул третий курильщик, – и у нас прибавится сигарет? – после чего печально посмотрел на вечного спонсора коллектива.

– Да, не мешало бы проветрить ёкарные лёгкие! – воскликнул четвёртый затяжколюбитель. – А то они уже совсем забились свежим воздухом…

Сделать свои лёгкие как мумии –
смерть себе пораньше прописать!
Это ж добровольное безумие –
мерзкий дым себе в нутро пихать…

При этом автор последнего восклицания, видимо, в знак внимания к своей просьбе, выразительно пощёлкал своей золочёной зажигалкой, которая раньше, как по́мнилось моим читателям, работала словно компактный огнемёт, а вот теперь издавала только пошлые и бесполезные щелчки.

– Ну что ж, – тяжело вздохнул учпучмакский спонсор, сообразив, что всё равно придётся за пивком, – так и быть, возьмём вам ещё этой отравы.

– Сам схожу я в магазин –
притараню *релаксин*!

, – добавил он, изъял сам у себя из кармана бледно-розовой рубашки весьма солидную купюру, отобрал у Серёжи хурджин и тяжело зашагал в сторону сельпо Калимы.

– И спичек возьми! – заорал вслед ему Митрохин и даже изобразил двумя руками аборигентский жест, когда два пальца правой руки словно бы чиркают о сложенную щепотью ладонь левой.

По дороге, чтобы поход не стал скучным, покерный гуру, оттолкнувшись мыслью от ора старшего джуса, начал вспоминать, сколько же стоили спички при Брежневе, а потом навспоминал ещё много чего, и в том числе вот это.

1 копейка – коробок спичек
2 копейки – позвонить любимой девушке
3 копейки – стакан воды с сиропом
4 копейки – позвонить девушке и один раз попасть не туда
5 копеек – маленький стакан семечек
22 копейки – мороженое в шоколаде «Ленинградское»
56 копеек – один доллар
Один рубль двенадцать копеек – два доллара
2 рубля 87 копеек, 3 рубля 62 копейки, 4 рубля 12 копеек – три бутылки водки

8 рублей 80 копеек – ночью на такси до моста через улицу Шевченко и обратно, по дороге купить цветы, дать таксисту на чай и потерять 3 рубля [377]

[377] Ох, и трудная жизнь, судя по всему, была у нашего главного героя! – прим. гл. редактора

44 рубля – просто бешеные деньги
160 рублей – зарплата как цель жизни
5000 рублей – автомобиль «Жигули»
10000 рублей – автомобиль «Волга»
15000 рублей – 10 лет с конфискацией
1 миллион рублей – не бывает такой цифры!
150 миллионов – население Союза Советских Социалистических Республик...

Смерть нам в Штатах ворожили –
нам поджарить словно хек,
но в Стране Советов жили
миллионы человек!
Но ответим мы по роже,
станем мы ещё лютей, –
хорошо, что было больше,
чем в Америке людей!

Сам Кулемзин свою последнюю сигарету выкурил ещё во время службы в армии, то есть без малого 30 лет назад. Он искренне не понимал людей, которые, живя в задымленном промышленном городе, где, кроме того, по улицам бегают с полмиллиона машин, добровольно вместе с ужасным воздухом запихивают в свои лёгкие ещё и табачный дым. Литератор много раз спрашивал у курильщиков, знают ли они, что курение вредно, и всегда получал честный ответ, что знают. А на вопрос, какого же *иблиса* тогда они курят, в ответ получал лишь саркастические ухмылки, которые, видимо, должны были означать, что он полный кретин, а вот они знают о курении что-то ещё, что его разуму *априори* [378] было недоступно.

[378] От лат. apriori – буквально «от предшествующего». Заранее известное знание – прим. философ. редактора

Под такие мысли наш философ достиг магазинчика Калимы, привычно закупил у неё разномастное пивко, после чего с содроганием приступил ко второй миссии, чем немало удивил хозяйку, которая прекрасно знала, что он не курит. Марсианин слышал, что совсем недавно саксаульские власти в сфере табакокурения ввели некое новое правило – 30 процентов поверхности сигаретных пачек теперь занимала страшная реклама – каких-то мучительных болезней, от которых по идее и должен был если не скончаться, то страшно мучиться каждый потенциальный курильщик.

Поэтому сейчас, содрогаясь всем организмом, Володя купил пять одинаковых пачек, но с разными картинками: Курманбаеву он решил вручить «Недоношенность», Полтавцеву – «Мёртворождение», Батыршину – «Пародонтоз», Митрохину – «Рак головы», а Муравлёву – просто «Мучительную смерть», хотя и предполагал, что страшные картинки на упаковках – это несусветная глупость. «Если на упаковке кефира, яйчики-бабайчики», подумал он, «напечатать фото са́мого здорового желудка, то это будет выглядеть также омерзительно!»

Вам скажу сейчас тираду,
как в прекрасное билет:
пей кефир, желудок радуй –
проживёшь 120 лет!

Разглядывая страшные сигареты, Альбионыч думал о том, что если сейчас картинки на тему «Курение убивает» занимают 30 процентов площади сигаретной пачки, то пройдёт ещё каких-то года два-три, и страшные угрозы будут покрывать все 100 процентов! Но и на этом борцы с чужим пристрастием к никотину не остановятся: например, киоскёров при продаже обяжут кидать пачку в лицо курильщика со словами: «Подавись, сволочь!», а потом кричать ему вслед: «Я тебя, скотина, запомнил! Попробуй только ещё раз тут появиться!». Правда, к счастью, оба при этом будут понимать, что это простая формальность.

А вот что бы сделал он сам, так это на пачках сигарет для женщин вместо страшных картинок предложил бы приклеивать маленькое кривое зеркальце!

Мадам, прошу вас, не курите:
ведь здесь же дети – посмотрите!
Ухмылка по лицу скользнула:
«Так я как раз у них *стрельнула*…»

Возвращаясь назад к покерному столику, Володя неожиданно столкнулся с каким-то до этого неизвестным ему человеком – по виду, тоже курильщиком. Тот сидел на бордюрном камне, который кру́гом обрамлял цветник перед входом в лавку, и курил, но не так, как это делают обычные куряки. В одной руке у мужика была зажата такая же пачка сигарет, что только что приобрёл писатель, а в другой зажигалка, которая, в отличие от батыршинской, работала вовсю, давая огонёк, коим незнакомец водил по пачке – как шаман по бубну.

– Позвольте поинтересоваться, – поинтересовался Кулемзин. – А что это вы сейчас делаете?

– Да сигареты перепрограммирую, – ответил ему саксаульский шаман

– Это как? – удивился Володя.

И тогда таинственный незнакомец показал ему пачку, на которой темнела ужасающая надпись «СЛЕПОТА», только вместо первой буквы огонёк зажигалки сделал симпатичное чёрное пятно, в результате чего получилось новое слово – «ЛЕПОТА»!

Глава 208. ТРИ БАСНИ В БЕРМУДСКОМ УЧПУЧМАКЕ

К удивлению скорохода Кулемзина, остальные персонажи, к тому времени уютно устроившиеся на покерной скамеечке, не стали разглядывать страшные картинки на пачках, а, как истинные халявщики, сразу же приступили к освоению поступившего материала.

Вот Салихдзяныч непослушными, словно брёвна, пальцами содрал *золотинку* с пачки, разогнул картонную крышечку и, выцарапав сигарету, ещё раз – на всякий случай – щёлкнул дешёвым китайским *крикетом,* после чего спросил у Володи, не принёс ли тот спички. Писатель молча протянул ему коробо́к и предложил проверить покупку на качество. Выяснилось, что качество постсоветских спичек было отвратительным, так как первой зажжённой был присвоен порядковый номер 6.

Мы сестрички-невелички –
зажигательные спички:

человеку дарим пламя
и дотла сгораем сами!

Вот Афанасьич прикурил от той же спички, что и музыкант, после чего синий дымок, как бы стесняясь отсутствия всякого ветерка, замер над его головой, точно нимб, и так же, как нимб, вскоре растаял.

Вот и у Николаича между пальцами его правой руки вскоре задымилась сигаретка, и Валера с неудовольствием заметил, что её кончик мелко дрожит – в точности как овечий хвостик.

Вот и Васюханыч, сделав первую глубокую затяжку, от счастья прикрыл глаза и сразу стал похож на китайского курильщика опиума середины XIX века, когда на территории Китая то и дело случались военные конфликты между западными странами и великой империей Цин.

И только Нуртай всё неловко разминал свою сигаретку, совершенно не хотя травиться, но всё-таки сунул её себе в рот, вынужденно затянулся, закашлялся, но продолжил дымить, ибо халява для него была гораздо важнее здоровья.

Иду мимо кладбища, молча курю,
на холмик могильный с опаской смотрю.
Вдруг голос из гроба: «Тебя проводить?»
Вот так очень быстро я бросил курить!

Наконец все ритуально докурили свои гадости и, словно очнувшись от табачного дурмана, приступили к очередному распитию лучшего напитка на планете Земля. А когда это в нашем блистательном повествовании подобное распитие происходило без искромётного сло́ва литератора? Да никогда! Вот и сейчас, заметив пять вопрошающих взглядов в свою сторону, Альбионыч не стал чиниться и решил рассказать не одну, а сразу три басни, так как помнил, что их очень любит один из главных героев романа «Русская кочерга», а именно Полтавцев, а вместе с ним слушают и остальные знатные бермудцы. К тому же он знал, что стишки под пивко производят определённый терапевтический эффект.

И первую из них (басен, а не бермудцев) писатель, а в данное время поэт-баснописец решил посвятить только что отгремевшей битве в своей квартире, о чём и известил присутствующих слушателей.

– А мы поймём? – задал глупый вопрос тот, кому посвящалась первая басня, но был высмеян сопокерниками и им сочувствующими, после чего марсианин откашлялся и начал выступление:

Нет, басня моя не про ветку сирени –
о том, как под вечер, откушав вина,
Лягушка раздула из Мухи Слона
и ноги отгрызла Слону по колени!
Она поступила, конечно, жестоко:
Слоном было пролито озеро слёз, –
остался бы в тайне интимный вопрос,
однако процесс наблюдала Сорока…
Сорока шепнула Вороне на ушко,
Осиновке с Дятлом, потом Воробью,
и всем говорила: «Сболтнёте, убью!
А если не я, то убьёт вас Лягушка!»
Но Дятел-болтун поделился с Дятлихой,
Ворона поведала новость Козлу,

Воробышек, ночь промолчавший в углу,
под утро сознался во всём Воробьихе,
а эта болтунья… Ну, в общем, короче:
о том, как Лягушка в открытом бою
Слону доказала силёнку свою,
узнал даже Заяц, до тайн неохочий!

♠ ♠ ♠

Мораль этой басни покрыта вуалью,
сорвать бы вуальку с морали, да жаль –
потребна ли басне сегодня мораль?
Потребны ли обществу басни с моралью?
И всё же два сло́ва про ветку сирени,
чтоб вы не искали в ней скрытый подвох:
хоть запах цветущей сирени неплох,
однако в избытке приводит к мигрени…

Прослушав первую басню, все разом загомонили, видимо, и впрямь представив себя членами жюри поэтического конкурса имени Всероссийского Дедушки Крылова.

– Я думаю… – начал своё выступление охранник, но его заглушил общий хохот над вторым словом жюриста. Собственно, на этом выступление и закончилось, хотя сторож хотел сказать многое, а, главное, узнать, под личиной какой скотины в басне был выведен он сам. «Ну, не Зайца же, царица лесная!», подумал он.

– Володя, мать моя партия, – торжественно начал своё выступление педагог-евреист, – я нисколько не сомневался, что только твой талант, который ты блестяще демонстрировал нам и до этого…

– А-а-а-а, ы-ы-ы-ы, – перебил его дифирамб военный трубач и стремительно понёсся к многострадальным учпучмакским кустам, остро жалея о том, что во время выступления знатного баснеписца успел выхлебать больше половины из новой бутылочки ёперного «Маршала»

Пивко – прекрасное из жиж,
и хоть мы пропиты,
по свежей травке побежишь
от пива, братец, ты!

И вот эта пакость прохиндея Курманбаева сподвигла Володю на чтение второй басни под названием **Страшная неожиданность**, хотя минутой ранее он хотел рассказать басню под названием «Как Кулемзин обеспечил себе блестящую победу над тремя покеристами в Личном Место-Имении». Он дождался, когда в строй вернулся страдалец с погонами старшего корнета и, призвав коллектив к вниманию путём поднятия указательного пальца правой руки, приступил к чтению:

У попа была собака
и питалась холодцом,
а как съела кусок мяса,
Так остался поп скопцом.

♠ ♠ ♠

Если пёс твой любит мясо,
то носи штаны под рясой!

И только было антенщик Митрохин открыл рот, чтобы наконец-то высказать и своё мнение по поводу прозвучавшего, как тут же закрыл его, так как наткнулся на остановившийся взгляд Салихдзяныча. Пробыв уже несколько дней в новой для себя компании, он успел заметить, что такой взгляд у его нового друга Талгата становится только после того, как тот замечает неких особ, носящих платья вместо штанов. Вот и сейчас Васюхан повернул голову и убедился, что прав в своём предположении: возле володиного подъезда появилась проводница Ира во всём своём великолепии, то есть в маечке, в тесноте которой её выдающиеся боеголовки держались только чудом, а также цветной юбке с модным в этом году (прости, русский язык!) *принтом* – сценками из индийской «Камасутры».

– Старичок, – попытался вернуть трубача в действительность старший джус, – по-моему, эта девушка прошлый раз тебя отшила.

– Почему отшила? – очнулся от грёз еврейский зять. – Она тогда сказала: «Гуляй, Вася!», а ведь я – не Вася…

«Волнующие конфигурации», бросив взгляд в сторону подъезда, подумал чтец-баснописец. «И всё-таки есть в неё что-то от крупного рогатого скота…», после чего тема последней из запланированных трёх басен сложилась сама собой:

Вдали от шума городского,
в зелёных пойменных лугах
паслась прекрасная Корова
на длинных жилистых ногах.
Паслась, паслась и допаслася –
связав могучие рога,
Корову превратили в мясо
два здоровенных Мужика…

♠ ♠ ♠

Морали в басне нет, однако
совет мой девушкам таков:
бегите, девушки, далёко
при виде дюжих Мужиков!

А наш писатель, чтобы подвести эту главу к концу, завершил всё эпиграфом, правда, не вслух, чтобы лишний раз не расстраивать впечатлительного Серёньку Афанасьича:

«Всех в баснях обличал
старик Крылов.
Так почему ж вокруг полно козлов?!»

Глава 209. ГРОМ НЕБЕСНЫЙ ОТ АНГЕЛИНЫ ИВАНОВНЫ

И только было Володя собрался объявить начало последней партии сегодняшнего дня, потому что время неумолимо приближалось к шести часам вечера, а впереди для игроков и им сочувствующих было ещё много интересного, как оказалось, что оно, то есть время, к этой отметке, то есть к шести часам вечера, уже приблизилось настолько близко, что в следующую секунду наших героев застал настоящий гром небесный!

– Говорит радиостанция «Азия Минус», – страшным децибельным голосом объявило нечто, донёсшееся со второго этажа дома № 16, где проживала старая неприятельница покерного коллектива Ангелина Ивановна. – Местное время – 18 часов. Передаём обзор новостей, пришедших к нам в редакцию в этому часу…

Новостные репортажи
(что могло быть и смогло):
нам приёмник всё расскажет –
что и где произошло…

Сказать, что вздрогнули все, будет не сказать ничего. Сразу двоих из вкушающих бессмертный напиток глобального вселенского счастья, а именно Салихдзяныча и Афанасьича, словно пробило током в 26 миллиампер, после чего последние глотки́ пивка систем «Маршал» и «Жигулёвское» пролились на передние части их одеяний. Альбионыч порадовался тому, что как раз успел заглотнуть аж 67 миллилитров «Тянь-Шаня», до этого набранного в рот. Мусаич, который и здесь оказался самым хитрым, практически не пострадал, ибо успел вылакать свою бутылочку раньше, чем включилось радио, и его персональный толчок сознания плавно перекатился в толчок пустой стеклотары, которая мягко шлёпнулась на позднелетнюю травку, росшую вокруг места сражения.

А вот Николаича и Васюханыча громогласное сообщение о времени, наступившем в Отцеябловске, застало врасплох, когда они как раз собирались сказать друг другу какие-то глупые пивные тосты, кстати, без которых пивко и так прекрасно усваивалось в организмах, и они в это время смотрели друг на друга, отчего в тот же миг каждый облил своего визави из своей бутылочки.

– Не расстраивайтесь, друзья, – поспешил успокоить их писатель, – ведь у вас в бутылочках было совершенно одинаковое пивко!

Но тут же выяснилось, что нашим персонажах кое в чём всё-таки повезло. Несмотря на вечернее время, распоясавшееся солнышко ещё вовсю продолжало свою пропадлючью деятельность по разжижению мозгов игроков и болельщиков, так что через па́ру минут их пострадавшие майки, рубашки и штаны плавно перешли из разряда пострадавших в разряд свидетелей.

Выжму воротник от пота,
выпью ледяной воды –
август, чёртова суббота!
Дерзко зной сожмёт кадык...

Но не только наши главные герои, но и второстепенные тоже потерпели некоторые нарушения в своих жизненных циклах. Например, некоторые из дворовых детей, которые до этого неистово прыгали на месте, словно опившиеся бражки молодые козлята, даже попа́дали на травку, правда, не причинив себе большого ущерба, а вот соседки-пенсионерки, играющие *в дурака* за Старушечьим Столиком, или СС, как называл его пересмешник Кулемзин, тут же бросили карты на стол и стали лихорадочно принимать успокоительные таблетки, гневно оглядываясь в сторону радиоокна.

В нашей книге описание всего произошедшего, как видит мой читатель, заняло целую страницу, а в реальности прошло всего несколько секунд, ибо уже в следующее мгновение радиостанция «Азия Минус» приступила к очередному обзору случившегося за день.

«Вначале о российских новостях», объявила ведущая таким радостным голосом, словно сочинила их лично.

«Неприятное событие случилось сегодня утром на заседании Госдумы России. Депутат Зюганов предложил осуществить мечту российского народа – выплатить всем зарплату. После этого предложения с криком: «Ты что, хочешь убить мечту народа?» в драку полез депутат Жириновский»

Он в споре настойчив, упорен и ярок, –
конечно, он тоже не божий подарок,
и кто его знает, на что он горазд,
но верить хотелось бы – он не продаст!

– Эх, если бы я был депутатом, – мечтательно протянул Нуртай, – я бы, мать моя партия, обязательно направил весь свой ум и талант на улучшение жизни учителей, преподавателей и педагогов.

– И первым твоим предложением, яйчики-бабайчики, – поддержал идею литератор, – было бы выделить каждому мугалиму[379] один свободный день в неделю…

[379] См. прим. к главе 196 шестого тома романа «Русская кочерга» (стр. 477) – прим. гл. редактора

– Именно! – горячо воскликнул несостоявшийся депутат.

– Дай докончить, – попросил Володя. – Один свободный день на поиски денег…

– Тише вы, мать честна́я! – зашикал на них, как видно, самый главный в Бермудском Учпучмаке любитель новостей Полтавцев, вовсю тянущийся к бесполезным знаниям.

А ведущая всё продолжала радовать невольных слушателей российскими сенсациями дня.

«Сегодня утром в одном из государственных вузов Москвы был арестован преподаватель китайского языка – за то, что шесть лет учил русских студентов придуманному им языку»

«В Северной Осетии пресечена деятельность секты «Свидетели СССР». Её организаторы призывали членов секты не платить за услуги ЖКХ!»

И пистолет, и партбилет
в руке сектанта голый вред
надуманных идей:
каких сектантов только нет,
едящих мозг людей!

«Все женские бани на территории России в самое ближайшее время будут оснащены видеокамерами. Как стало известно, такой законопроект сейчас готовится в Годуме. «Мы приняли решение поставить на голосование и единогласно одобрить вопрос об оснащении всех женских банных отделений России видеокамерами», рассказал нашему корреспонденту депутат, пожелавший остаться неизвестным. «Данная мера будет введена в целях повышения уровня безопасности российских женщин в банях, а также в рамках борьбы с коррупцией и экстремизмом». По словам собеседника, после установки видеокамер следить за безопасностью посетительниц бань будет ОМОН, солдаты срочной службы и даже депутаты Госдумы лично. Думское меньшинство предлагало также установить видеокамеры и в мужских банях, но данное предложение было отклонено»

«И две новости из мира науки. «Роскосмос» только что заметил и сообщил о приближающемся к Земле астероиде. По итогам многолетних наблюдений с помощью мощных телескопов была обнаружена корреляция…»

– Прости, русский язык! – прошептал марсианин.

«…между масштабом космических угроз и тем, что чаще всего внеземные цивилизации атакуют в периоды бюджетирования на следующий земной год. Это необычное явление учёные назвали чёрными дырами бюджета»

Запомнить всем давно пора
(смотри, не одурей!):
в России главная дыра –
бюджет! И нет черней…

«Учёные инновационного центра Сколково установили, что на советских октябрятских звёздочках был изображён не Володя Ульянов, как считалось ранее, а детское фото российского певца и композитора Аркадия Укупника»

Альбионыч тут же вызвал в памяти вот такое изображение:

и, внимательно его рассмотрев, понял, что далёкие российские исследователи были совершенно правы!

Размечтавшись, что расту,
и вкушая бублики,
с детства я носил звезду
имени Укупника!

Глава 210. ГРОМ НЕБЕСНЫЙ ОТ АНГЕЛИНЫ ИВАНОВНЫ (окончание)

«Переходим к новостям нашей родины», печальным голосом объявила радиоведущая, словно до этого на контрасте, рассказывая о новостях сопредельной России, ей хотелось плакать от счастья. «Вначале о новых разработках наших учёных»

«Саксаульские учёные-историки в результате многолетних исследований выяснили, что сначала таблица Менделеева приснилась Пушкину, но он ничего в ней не понял»

«Саксаульские учёные-физики выяснили, что если 11 вольт умножить на 45 килограммов и разделить на 260° по Кельвину, а из полученной величины извлечь квадратный корень, то получится какая-то хрень!»

«Саксаульские учёные-вексиллологи[380] установили, что шахматные клеточки на флаге Хорватии нанесены для отпугивания насекомых»

[380] ***Специалисты вспомогательной исторической дисциплины, занимающиеся изучением знамён, штандартов и флагов – прим. ист. редактора***

При этом сообщении Володя вновь воспользовался той же технологией, после чего у него в мозге возникло вот такое изображение:

«Ну что ж», подумал знатный бермудец, « а почему бы и нет? Ведь наверняка у этих учёных есть свои дети, которых надо кормить – точно также, как детей ядерщиков, фармакологов и историков…»

Сами склеиваем ласты,
но даём, что запасли:
кормим мы детишек часто,
чтоб быстрее подросли!

«Проведённые на днях исследования показали, что, оказывается, в Республике Саксаулия на всех дорогах остались только треугольные дорожные знаки! Учёные утверждают, что выяснили причину такого феномена: круглыми знаками хорошо закрывать бочки с капустой, а из квадратных получаются отличные снегоуборочные лопаты»

«И последнее сообщение из мира науки. Клинические исследования саксаульских учёных-стоматологов показали, что у тех людей, которые ежедневно жуют подушечки «О́рбит», по крайней мере есть зубы»

«К сожалению, как всегда, в нашей редакции скопилось и немало новостей с криминальным оттенком»

Лежала бабка в луже кро́ви
у магазина «Мир ковров»,
а из окна пел Джон Бон Джови,
а, может, Александр Серов.
Лежала бабка неживая,
с улыбкой, может, или без,
в руках морщинистых сжимая
ещё дымящийся обрез.
Зияла рана у кассира
во лбу, как чёрная дыра.
(Вторую часть «Войны и мира»
зубрила в школах детвора.)
Успела выстрелить старушка,
но в этом нет её вины:
хотела просто взять на мушку
ассортимент и рост цены.

Тяжёлым роком для бабульки
играет музыка с небес,
а с крыши падают сосульки,
заиндевелый тает лес…

«Антиквар Жаппар Жаппаров, купивший на Отцеябловском аукционе «Отдай миллион» фарфоровую вазу, произведенную якобы пять тысяч лет назад, с ужасом обнаружил, что это была китайская подделка всего лишь трёхтысячелетней давности!»

«Сегодня, как и принято в нашем городе по субботам, на дорогах Отцеябловска введён в действие план «Перехват»: сотрудникам ГАИ нужно срочно *перехватить* денег до получки!»

«Наконец-то и в нашем городе появилось модное российское поветрие: в Отцеябловске замечена первая девушка-Робин Гуд, как утверждают пострадавшие, по имени Сауле. Она периодически выходит замуж за богатых саксаульцев и делает их бедными»

«И ещё два сообщения, которые наверняка порадуют наших горожан»

«Отцеябловская кондитерская фабрика «Теттім»[381] освоила производство шоколадных конфет «А ну-ка, отними!», на обёртке которых изображён контур Крымского полуострова. Как ожидается, эти конфеты будут пользоваться особенным спросом на Украине»

[381] «Конфетка» – сакс.

«И последняя новость из мира спорта. К сожалению, на чемпионате мира по плаванию наш спортсмен Аблай Аблаев занял всего лишь третий шкафчик»

Может быть, мешали ветры,
может, просто психанул –
не доплыл я пары метров,
потому что утонул!

«И наконец новости со всего света», утомлённым голосом объявила ведущая, и Володя, который и сам когда-то работал на радио, понял, что утомилась она, разумеется, не от напряжённой работы мысли, а от выпивания шестой-седьмой чашечки кофе в перерывах между включениями.

«Невероятная новость пришла к нам из Монголии. Там в одном из местных роддомов найден мальчик с бриллиантом в мозжечке. Приглашённые в роддом монгольские учёные долго ломали голову!»

«Обворована квартира депутата Госдумы от КПРФ Иванова. По словам потерпевшего, у него ничего не пропало, а вот у его безработной жены украдено 2 миллиона долларов!»

«Немецкая киностудия «Die Historische Wahrheit»[382] готовится к съёмкам многосерийного байопика [383] о Владимире Путине «Из Штази[384] в князи». На главную роль приглашён российский актёр Сергей Безруков»

[382] «Историческая правда» – нем.
[383] Фильм-биография о жизни известной личности – англ.
[384] С 1950 по 1990 годы министерство государственной безопасности (тайная полиция) ГДР – прим. ист. редактора

Начинал он резидентом,
занимал немалый пост:
из чекистов в президенты –
вот такой карьерный рост!

Глава 211. ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА ПОСЛЕДНЕЙ СУББОТЫ ЛЕТА

Да-да, мой нетерпеливый читатель, именно такой трагический для автора заголовок пришлось дать этим нескольким главам, а трагическим он (автор, а не заголовок) назвал его (заголовок, а не автора) сразу по двум причинам: во-первых, посмотри на номер этой страницы 515, и ты поймёшь, что наша очередная книжка страница за страницей стремительно катится к своему завершению, а, во-вторых, есть ли печаль у творца больше, чем знать, что вот уже скоро его творение уйдёт от него навсегда, и какой-нибудь издатель типа Васи Курочкина своим печатным станком перережет ту волшебную пуповину романа, которая и связывала данное произведение с автором, а ему только и останется, что вспоминать бессонные ночи в поисках нужного сло́ва или рифмы да смотреть на старые обои, насквозь пропитанные запахами ночного кофе.

Всюду гость и нигде – хозяин,
шут гороховый при короле,
из любой подворотни облаян,
я как в профиль живу на земле.
И не Фауст, и не Мефистофель,
я при этом полутораглаз:
всё ненужное вижу я в профиль,
а что надо – я вижу анфас!

И всё же, прежде чем начать эти главы о последней игре, хочется сказать одно: ничто на Земле – ни игра в *русскую кочергу*, ни питьё волшебного пенного напитка, ни хорошая еда и даже ни вечерний просмотр телеящика не обходятся без наших желаний. Да, именно желания насыщают нашу жизнь, и даже у самого удовлетворённого человека, если он хорошо подумает, найдётся что пожелать себе ещё. А что же делать с неизжитыми желаниями? Ответ очевиден: изживать! Однако обычной человеческой жизни не хватает на то, чтобы изжить желания и даже сколь бы то ни было значительную их часть.

Что может быть печальнее, чем вид неудовлетворённого, беспокойного, запутавшегося в своих несбыточных желаниях старика7 И сколько их было, есть и будет – живущих и умирающих несчастными, не знающими покоя людей? Сколько же ещё понадобится им тел и жизней, чтобы загасить этот пожирающий их изнутри огонь?

Выход может быть только один – это накопление мудрости. Нелёгкая задача! Однако другого пути нет ни для кого. Путь – один для всех. Кто-то ползёт по нему медленно, как улитка, но есть и такие, кто мчится вперёд, как ракета. Мудрый идёт быстро: он знает, что нельзя терять время драгоценной жизни, и использует каждую секунду и каждую ситуацию для продвижения вперёд. Но это только для тех, кто хочет этого. Ведь и они, умудрённые лишними знаниями, хорошо понимают, что эти знания умрут вместе с ними.

Кто на тихом полустанке
захрипел, но песню спел?
Только тот, кто жизнь с изнанки
до конца узнать успел…

Так что же делать, спросим мы вместе с Николаем Гавриловичем[385]. А попробуем мы найти ответ вот в этих словах Ипполито Джиованниевича Ньево[386]:

[385] Н. Г. Чернышевский – русский философ-материалист, публицист и писатель – прим. лит. редактора

[386] Итальянский писатель, публицист и политический деятель, сподвижник Джузеппе Гарибальди – прим. лит. и полит. редакторов

Кто ничего не желает, тот обладает всем…

Так почему же именно о желаниях подумалось автору, который замыслил описать последнюю на сегодняшний день битву? Да потому что из шести сидящих сейчас на покерной скамеечке только один Кулемзин желал великой игры страстно, а вот у пяти других было совсем другое желание – как можно быстрее покончить с *русской кочергой*, чтобы приступить к тому, ради чего они, собственно, и терпели эти интеллектуальные пытки целый день. Догадываешься, мой умный читатель, о чём это?!

И в желании чугунном
каждый в ересь выпадал:
как же хочется бухну́ть нам, –
тем, кто целый день страдал!

Правда, одного желания Альбионыча было мало, ибо в том, что касалось его любимой игры, он был настоящим тираном, и остальные знали об этом, но не противились, так как противление такой тирании могло закончиться тем, что игра просто бы завершилась, после чего все мирно разошлись бы по домам, кляня в душе подлого деспота, диктатора и самодура разными нехорошими словами, сдобренными привычными читателю присказками типа *мать честная* (и она же *царица лесная*), *святой Малевич*, *ёперный сатрап* и даже *мать моя Октябрьская революция*!

Наверное, именно поэтому, хорошо зная о крутом нраве марсианского гуру русского покера трое игроков и двое им сочувствующих на время затаили свои алкогольные желания, а некий игрок из числа военных музыкантов даже нервно схватил колоду и сдал всем по одной карте – *рубашкой* кверху, что означало всего лишь выяснение порядка ходов в этой, как все надеялись, последней партии сегодняшнего дня. На удивление первым выпало ходить ему же, и Батыршин почувствовал лёгкий укол зависти к другим игрокам, так как понял, что именно он может устать больше других, а это, конечно, несправедливо.

Но эти глупые мысли сразу же были перебиты володиным возгласом:

– Талгат, яйчики-бабайчики, ну ты уже понтовать будешь?!

Оп-па, а это что за хулиганский (прости, русский язык!) сленг на наших чисто литературных страницах? А вот и нет! Знаешь ли ты, мой достославный терпеливый читатель, что в момент заказа взяток игроки называются именно *понтировщиками*? Кстати, выражения *взять на понт* или просто *понтоваться* были взяты русским народом именно из карточного лексикона. Так что *понтовать* – это всего лишь брать на себя определённые обязательства при игре. Вот так, только к концу VI тома нашего великого романа, ты, читатель, обзавёлся ещё одним совершенно ненужным при чтении этой книжки знанием. И слава автору!

В се́ти покерных ловушек
зреет Чёрная Дыра –
игроки в понтах по у́ши!
Впрочем, это ведь игра…

Наконец все определились со своими маленькими понтами: старший прапорщик традиционно заказал одну взятку, остальные так же традиционно отпасовались, после чего Салихдзяныч кинул взгляд на козыря (им оказался король червей) и бросил на покерный столик червового же валета.

«Вот так повезло!», забилась в его военной голове слабая в конктексте *русской кочерги* мыслишка. А слабая потому, что даже ты, читатель, который никогда не играл в эту замечательную игру, знаешь, настолько непредсказуемо ведёт себя Сука-судьба, когда дело касается поведения трёх строптивых сестёр – Прухи, Пёрки и Везухи.

– Ну, сейчас ты у меня попляшешь! – вдруг услышал трубач энергичную угрозу Нуртая и увидел, что тот побил его оказавшегося малышом валета своим козырным тузом.

Курманбаев победно поглядел на коллектив, затем подмигнул Митрохину, который ничего не понял в развёртывающейся с первого же хода драме, дождался полтавцевского сброса какой-то невнятной некозырной девятки и выжидательно посмотрел на последнего участника битвы – Володю.

Но здесь надо заметить, что упомянутый строкой ранее Володя в игре всегда был оптимистом, и как бы его ни бил по тыкве нелепый Случай, всё время старался падать исключительно *орлом*. Вот и сейчас он (Володя, а не Случай) с удовольствием констатировал, что его сердце билось с частотой мелодии *диско*, то есть 120 ударов в минуту. Писатель улыбнулся и, перевернув карту, которую ранее смотреть было нельзя, тихонько положил её поверх только что набросанных.

И ею оказался младший джокер! Педагог, давно торжествуя эту маленькую локальную победу, даже взвизгнул от растерянности, остановившимся взором поглядел на то, как его верная взятка сгинула в пучине торжества справедливости, а литератор, увидев неподдельное горе своего противника, в утешение тихонько пропел ему всего одну строку абсолютно никому, да и ему тоже, неизвестного автора:

– Этой ночью я засну в слезах?..

Но хуже всех в этой ситуации пришлось, конечно же, унтер-корнету Батыршину: ему, сдуру заказавшему одну взятку и надеявшемуся на халявные 50 очков, пришлось довольствоваться теми же 50 очками, но только с огромным жирным знаком – вот таким:

, который человеку несведущему мог бы показаться фрагментом картины Казимира Севериновича Малевича «Чёрный супрематический квадрат», но только наши герои и читатели этой книги не ошибутся, назвав сей рисунок *минусом*!

Знает и клошар бульварный,
знает врач ветеринарный,
аппарат вестибулярный
и трудяга кочергарный,
как игрок наш блефовал:
минус – знак подчас коварный,
означающий провал!

И вот здесь марсианин понял, что слова́ утешения придётся сказать уже второму за такой короткий роббер игроку.

– А вам, поручик, – глядя в глаза несчастному военному музыканту, произнёс он, – я советую сдать все дела в канцелярию полка́ и застрелиться!

И это прозвучало даже более сильно, чем строка модного в XVIII веке писателя Бенедиктинова: «Я настоятельно вам советую бросить молодую любовницу и вернуться к старой жене и сопливым детям!»[387]

[387] ***Да никогда Бенедиктинов такого не писал! Безобразие! – прим. лит. редактора***

Глава 212. ЗАПЛАНИРОВАННАЯ КАТАСТРОФА

И вот этот первый афронт партийно-коммунистического большевика и члена партии Курманбаева как был дал настрой на всю последующую игру. И то ли помогающий ему *иблис* отбыл на очередную подзарядку своих пропадлючьих аккумуляторов, то ли просто перестало везти Нуртаю, то ли остальные трое игроков вспомнили все его пакости за прошедший день, но определённо можно было сказать только одно: эту партию ему не выиграть! Понял это и он сам, и тогда – по своей внутренней логике – решил, что будет сажать всех без разбора, а там авось что-нибудь да и выгорит.

Но, разумеется, это была слабая в части тактики посылка и, хотя Мусаич вовсю взялся реализовывать её, все его пакости оказались слишкими мелкими, как укусы перепившегося муравейника случайно упавшего на него алкаша Глав-Буха.

Не поднимаясь с четверенек,
он день приятный омрачил –
алкаш свалился в муравейник,
но тут же с воплем подскочил!

А партия тем не менее продолжалась. Издалека сборище игроков и им сочувствующих очень напоминало консилиум в так называемом *доме скорби*: склонённые к столику фигуры, сосредоточенные ли́ца, красноречивое молчание, иногда перемежаемое громкими криками. За несколько минут были сыграны уже пять так называемых коротких роббберов, и вот тут произошёл некий стопор, который можно было смело назвать горем, бедой, несчастьем, отчаянием, сокрушением надежд и даже катастрофой. Догадался, мой проницательный читатель, что случилось? Нет? А ведь это вполне очевидно, ибо, перекрывая крики дворовых детей, которые сейчас с воплями бегали по периметру Бермудского Учпучмака, как участники совместного забега с кенгуру в Отцеябловском зоопарке, со стороны ~~деревни Чмаровки~~ дома № 16, напротив которого располагалась остановка так называемого общественного транспорта, раздался грозный и визгливый окрик, по обертонам которого можно было догадаться, что кричит женщина:

– Талгат, чёрт нерусский, ты почему меня с детьми не встретил? Я же тебе всю ночь звонила, а ты не отвечал!

Логики в произнесённой фразе не было вообще, да к тому же от страха у старшего трубача вдруг пропал голос, и он только открывал и закрывал рот, как подлещик, впервые попавший на крючок деревенского мальчика Сеньки.

Для чего на свете стервы?
Чтобы нам мочалить нервы!
Чем натянут их сильнее,
тем сдержаться нам труднее!

Обернувшись и увидев супругу, Талгат тут же сделал такое лицо, как будто решал, куда ему сейчас надо бежать: то ли в тайгу к медведям, то ли вместе с Жаком-Ивом Даниэлевичем Кусто попроситься на десятилетний поиск затопленной фашистами Атлантиды. А глаза его супруги всё больше сверкали обещаниями жутких и сильных впечатлений.

Затем старшая прапорщица, которая уже давно похоронила надежду когда-нибудь называться генеральшей, заметила, что её муж сидит не один, а в ненавистной ей компании придурков, среди которых главным был её персональный враг Кулемзин! Увидев соседа-писателя, Аида Яковлевна стала выглядеть такой изумлённой, что будь сейчас здесь какой-нибудь завалящий художник типа Тициана, могла бы получилась бы неплохая кар-

тина по названием «Вернулся муж из командировки». Но, к сожалению, в Великом ▲ сейчас находился только один художник, да и тот, по мнению еврейки, такой же алкаш, как её супруг. Однако ещё более изумлённой оказалась физиономия самогó Салихдзяныча, который вновь начал открывать и закрывать рот, но уже не как подлещик, а чуть шире – словно корова перед стогом сена.

Тучна и толстоброва,
наев свои бока,
жуёт траву корова, –
чтоб дать нам молока!

Рядом с приехавшей мамой к её коленям жались несчастные дочки саксаульского унтер-офицера, явно не узнавая в опухшем от пьянки мужике их родного папу, который раньше по воскресеньям развлекал их игрой на полковой дудке. Ещё немного покричав для порядка, но так и не подойдя к компании на опасно короткое расстояние, Аида забрала дочек и отправилась домой, стараясь трясущимися от гнева руками вытащить ключи из сумочки. Наконец её фигура скрылась в подъезде, и все шесть человек, занявших оборону на покерной скамеечке, облегчённо вздохнули.

– Йодистый Володя, вот ты умный, – наконец смог вымолвить несколько слов Талгат, правда, почему-то по-серёжиному. – Скажи, как мне её приструнить?

– Старик, да рецепт простой, тем более, в рифму, – улыбнулся знаток семейных отношений. – Ты просто его забыл:

Посуду – в мойку,
сама – в койку!

– Забыл, – сокрушённо заметил прапорщик. – Вспомнить бы ещё, для чего в койку…

И тут Кулемзин заметил, что Серёжа что-то быстро-быстро каракулирует в знаменитом блокнотике «Для му.мы. Том 2». Марсианин тут же навострил свой ВЗОР, или

Вселенско-
Заданный
Оптический
Радар

, и с лёгкостью прочёл кривые строчки сторожа-экспроматора:

В мойку ты поставь стакан, –
и в постели будешь хан!

– Однако! – ошеломлённо произнёс знатный саксаульский поэт двух веков, который никогда не мог подняться до такого уровня творчества, после чего подумал: «Надо бы реабилитироваться хотя бы перед самим собой!», а вслух предложил закрыть внезапно возникшую тему сложных семейных отношений некой сказкой под названием

Как *дедушка* Еву создавал

Однажды по просьбе ~~трудящихся~~ первого человека Адама, которому было страшно скучно одному шляться по райским кущам, *дедушка*, не покладая рук, целый день создавал ему подругу Еву – из извлечённого хирургическим путём адамового ребра и найденного неподалёку куска глины.

День клонился к сумеркам, Ева была уже практически готова, но в руках доморощенного пигмалиона всё ещё оставалась глина. *Дедушка* мял её, катал в ладонях, разлеплял

и снова соединял в одно целое, думая при этом: «Что же делать с лишним материалом, куда его прилепить, чтобы было и (прости, русский язык и персонально Кулемзин!) перфектно, и смотрелось гармонично?». А упомянутый *творцом* Альбионыч в это время как раз вспоминал свою коротую, но полную трагизма пьесу про Пигмалиона и Снежную Галатею:

Какой покой со всех сторон,
какая нега!
Вчера слепил Пигмалион
меня из снега.
Трудился, не жалея сил,
с лицá и с тыла,
и даже шарфик нацепил,
чтоб не простыла.
Но вечер лёг, и с ним мороз –
а мы ж не греем!
Пигмалион совсем замёрз,
и – к батареям!
Каких чудес на свете нет!
Его желая,
увидела в окошке свет
и ожила я!
– Пигмалион! Я здесь! Ты рад?
Вдруг ноги – вата:
он там – другую клеит, гад! –
из пенопласта!

Вначале *дедушка* хотел всё оставить одним целым куском, но тут вспомнил, что перед Евой он слепил некую корову, а повторяться *создателю* было как-то западло, и поэтому он снова разделил глину на два куска и продолжил мять её и катать. Затем он примерил обе сферы к голове Евы, но понял, что это выглядит просто нелепо. Ниже талии выглядело неплохо, но несколько излишне раскидисто.

Тогда он попробовал прилепить имеющейся материал на спину, но проходящий мимо верблюд цыкнул зубом через губу, сплюнул и удалился жевать свои колючки. Короче, устав от экспериментов, *дедушка* выматерился, запустил в сердцах лишние детали в будущую Еву и ушёл отдыхать, подумав при этом, что придумает, куда их деть, завтра.

Но так вышло, что за ночь эти две полусферы к Еве таки приросли. И, оглядев утром результат, *создатель* воскликнул:

– А что, смотрится вполне прилично!

Вот так у Евы и появилась полная грудь из двух полушарий, причём, на том месте, где все мы привыкли видеть её у женщин, – чудный по своей красоте óрган, который по своей суммарной композиции не повторяется ни в одном другом существе, живущем на планете Земля.

Так что с тех пор единственной проблемой женщин остались мужики. Но, как известно, мужиков-то рожают сами женщины. А отсюда наш вывод: бабы всегда сами создают себе проблемы!

Я в детстве начитался кафок,
акутагав и кобо аб,
и вот теперь живу спокойно
без баб!

Глава 213. ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА ПОСЛЕДНЕЙ СУББОТЫ ЛЕТА (продолжение)

Мой читатель уже, вероятно, привык, что после драматической первой *тёмной* на одной карте поезд партии начинает немного разгоняться. Но, как оказалось, не в этом случае. Жирный минус[388], который получил Талгат, оказался той самой локальной шпалой, которой его словно приложили по военной тыкве. Уже давно был роздан второй короткий роббер – вновь на одной карте, но на этот раз её перед игрой можно было изучить, а Салихдзяныч всё сидел с кислой рожей, показывая коллективу, что ему не только не повезло с личной жизнью, но вот сейчас не везёт и в игре тоже. Кроме него, все уже сделали очередные заказы, и теперь терпеливо ждали, когда у дудочника закончится меланхолия. Первым, хотя и считал себя другом фельдфебеля, не выдержал Полтавцев.

[388] *См. стр. 520 – прим. гл. редактора*

– Талгат, может, закажешь что-нибудь? – тоскливо произнёс он, который уже давно допил последний мыльный глоток из своей бутылочки «Жигулёвского». – Не иголки же тебе под ногти загонять…

Меня бумажкой щекотали,
меня комарик оседлал,
меня иголками пытали,
но я заначку не отдал!

Услышав страшное предупреждение, старший прапорщик вздрогнул и громко, испугав сразу двух мифических персонажей этой главы – карликовую русалку и старого во́рона в листве карагача, воскликнул:

– Ёперные пять!

– Так кар-р-рта всего одна, пр-р-ридур-р-рок! – завопил в ответ во́рон, но его никто, кроме Володи, не понял.

Тогда Афанасьич обошёл прапорщика сзади, взял его тыкву без фуражки и, наклонив её в сторону карты, которая лежала на столе перед татарином, тихо сказал на ухо:

– Карта, царица лесная. Одна карта. Прояви свой дуализм!

От страшного незнакомого слова Батыршин вздрогнул, вывернул голову назад и так же тихо поинтересовался у умного семижопинца:

– А эт’ чё такое?

– Ну, скажи: или одну взятку заказываешь, или пас.

– И вот это вот называется дурализм?!

– А ты как думал? Володя плохому не научит!

Старший музыкант подумал про себя, что лучше бы Кулемзин вместо дурализма придумал какой-нибудь умнизм, и, внимательно изучив рожу младшего джокера, который словно кривлялся над его неудачей, пролепетал:

– Пас.

Рожа хоть белее мела
(жаль, что нечего допить!),
я пасую очень смело –
не хочу друзей гнобить!

– Наконец-то всё пр-р-равильно, тр-р-рубач! – воскликнул во́рон, который, сидя выше наших персонажей, уже успел изучить все четыре карты, пришедшие четырём игрокам.

«Да как же правильно?», возмутится сейчас мой читатель. «Ведь к корнету пришла одна из самых сильных карт в игре! А если учесть, что карт роздано всего 4 из 54 возможных[389], то…». И на этом его (читателя, а не корнета) возмущение закончилось, потому что Курманбаев уже сделал первый ход, за ним бросил свою карту Володя, потом своего джокерка оркестрант президентского оркестра, вдруг осознав, что только что пошёл *грандом*, а завершил всю комбинацию сторож, у которого неожиданно нашёлся ещё один джокер, но главнее батыршинского на одно воинское звание, то есть с приставкой старший – словно армейский ефрейтор с одной лычкой на погоне, который и забрал всю взятку.

[389] Не ошибка. Карт в покерной колоде русской кочерги действительно 55, но одна из них уже открыта как козырь – прим. автора

«Лиха беда начало», глупым русским трюизмом подумал татарский воин, который порадовался тому, что *записывающий* Володя аккуратно списал ему в *раскладке* 5 честно заработанных на пасе очков, и теперь у него там не ужасное число минус 50, а всего лишь каких-то жалких минус 45!

«Мне сейчас бы кокаину-с!»,
думал я под тихий блюз.
«Залетел в огромный минус!
Как бы выбраться мне в плюс?»

А дальше, когда стопоривший всю игру прапорщик получил своё маленькое счастье, дело пошло быстрее. Короткие робберы – от двух до семи взяток – пролетели над территорией Бермудского Учпучмака как слабый летний ветерок. И после одного из таких робберов, а именно на семи взятках, коллектив душевно поздравил смущённого вниманием есаула – с тем, что ему наконец-то удалось выбраться из ямы, в которую, надо признаться, он сам себя и загнал. Таким образом, у Талгата сейчас было 4 плюсовых очка, у Нуртая – 88, у Володи – 93, а у Серёжи, который патологически любил плестись в хвосте игры, аж 14!

И тогда педагог вывернул шею, заглянул в раскладку, увидел явное безобразие по отношению к своей персоне, заключающееся в преимуществе Альбионыча аж в 5 очков, после чего решил переключить своё паскудное внимание исключительно на писателя. Саксаулец марсианского происхождения Кулемзин легко услышал эти гнусные мысли и только ухмыльнулся в так называемой душе. А почему? Да потому что, чтобы свалить какого-то игрока, усилий одного соперника явно маловато – нужно заранее договариваться, как делать такую пакость уже описанном в третьем томе романа триумвиратом[390].

[390] О таких объединениях – в главе 125 третьего тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

Не учёл строптивый коммунист и такой немаловажный нюанс, что литератор сейчас сидел слева от него, то есть – если игра идёт по часовой стрелке – Альбионыч делал ход *после него*, так что зарубить его взятку Мусаич мог только в одном случае – когда покерный гуру сделает первый ход в очередной взятке, а он, Нуртай, последний. Вот видишь, мой любопытный читатель, идёт уже шестой том нашего блистательного повествования, а ты узнаёшь и узнаёшь всё новые подробности этой великой игры!

Всяк неумный бесполезен,
не ко всем идёт успех, –
чтоб играть, как В. Кулемзин,
нужно петрить больше всех!

Поэтому, а, может, по другому поводу, но игра ленинца никак не ладилась. И тогда он принял историческое решение, которое уже не раз принимал на этих славных страницах: сажать всех без разбора! Он понимал, что в этом случае все игровые шишки будут валиться именно на него, но ведь он был не один – с ним было великое ЕПУ, или Единственно Правильное Учение, а когда это было видано, чтобы коммунисты боялись возмездия правых оппортунистов и их малодушных приспешников!

Но уже вскоре оказалось, что принятое решение реализовать будет нелегко. «Вот если бы я объявил об этом вслух», глупо мечтал Мусаич, «то все они наверняка бы испугались и начали проигрывать!». Ну и объявил бы, что с того? – может сказать читатель. Да именно что ничего – мало ли каких глупых объявлений уже было на этих страницах. Но ведь Нуртай, кроме того, что был мелким, средним и крупным пакостником, был ещё и большим трусом, и сейчас думал, что такое объявление может быть расценено покерным гуру как подсказка, а это чревато сами знаете чем!

Зато игроки по фамилиям Батыршин и Полтавцев старались вовсю, зачастую вообще не задумываясь над ходами, ибо перед их туманными взорами уже маячили светлые горизонты вечернего *распития*, а в ушах, немытых с са́мого понедельника, словно звучали волшебные строки средневекового персидского учёного, философа и врача Абу Али Хусейна ибн Абдаллаха ибн Сины, которого западные *умники*, не в силах выговорить такое простое имя, назвали просто Авиценна:

Вино – наш друг, но в нём живёт коварство:
пьёшь много – яд, немного пьёшь – лекарство.
Не причиняй себе излишеством вреда,
пей в меру – и продлится мир и царство!

Так, начиная играть очередной роббер, Талгат к месту и не к месту сыпал услышанными в казарме дурацкими прибаутками, коими игроки поглупее всегда подстёгивают, как им кажется, Суку-судьбу, вроде

Если нету в картах масти,
мы поедем в гости к Насте!

или (с явным татарским акцентом)

Деньга есть – Уфа гуляем,
деньга нет – Чашма́ сидим!

, причём, на просьбу Васюхана объяснить, что это за таинственная Чашма какая-то, начинал городить всякую ерунду типа того, что это просто чаша, в которую вместе с напитком попала буква *мэ*.

Глава 214. ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА ПОСЛЕДНЕЙ СУББОТЫ ЛЕТА (странный визит таинственного незнакомца)

Не только каждый роббер, но практически каждый ход комментировал и Серёжа, у которого к концу дня явно проре́зался талант комментатора. Так, взяв свои три взятки, он упоённо воскликнул:

– Эх, хорошая игра, мать честна́я! И кто только её придумал?

– Точно не знаю, – задумчиво ответил ему Кулемзин, – но премию я бы этому человеку вручил. Как минимум – премию Ленинского комсомола Саксаульской ССР (б).

Когда же Афанасьичу немного не везло, он становился неуправляемым и предпочитал переходить на крик, словно его вопли могли бы хоть как-то изменить ситуацию. Вот

только что Курманбаев, уже взявший свои две взятки, как и задумал ранее, решил перебрать и остановил свой выбор почему-то на стороже, лишив его таких нужных в концовке игры 25 очков.

– Нет, ну это вообще свинство! – завопил дурным голосом экс-текстильщик, а потом ещё и пригрозил:

– Ну, смотри, Нуртай, чаша моего терпения лопнула! По трём краям…

Сам же Нуртай, слыша обвинения в свой адрес, индифферентно глядел куда-то в сторону без всякого выражения, как будто рассматривал рыбку в аквариуме.

Без речной изишней мути,
что рыбёшек допекла,
крабик ползает в сосуде
из природного стекла!

Здесь Володя, переживая за Суку-судьбу своего друга Полтавцева, не сдержался и от всей души врезал противному педагогу по его наглой роже – жаль, что мысленно! И тут же, конечно, пожалел об этом, ибо такой виртуальный поступок был нелеп сразу по двум причинам: во-первых, такого удара коммунист не почувствовал вообще, и, во-вторых, он не принёс удовлетворения самому́ *нокаутеру*. Затем Альбионыч сообразил, что им внезапно овладели УГРО, и успокоился.

Что, мой внимательный читатель? Ты ещё не знаешь, что означает эта аббревиатура, похожая на милицейский сленг? Так вот знай, что это

Удивительно
Грозные
Реакции
Организма

А между тем, последняя партия последней субботы лета, как и было заявлено в последних заголовках этих последних глав, приближалась к своему логическому завершению. И это стало ясно после того, как не только все игроки, но даже не участвующие в сражении Николаич и Васюханыч стали постоянно интересоваться у *записывающего* Володи, сколько у кого очков набралось к этому времени.

Литератор улучил момент, поинтересовался этим же у самого́ себя и сам себе ответил, что, оказывается, он сейчас на втором месте, потому что ещё два роббера назад его обошёл военный музыкант, неожиданно взявший аж четыре взятки. Можно, конечно, было не обращать внимания на такие мелочи жизни, но ведь здесь речь шла именно о последней партии дня, поэтому было так важно сохранить приятные впечатления о приятно проведённом времени на возможно больший период, то есть на остаток субботы с переходом на утро воскресенья.

В голове Синатры [391] пенье,
знать, на Эллу [392] начихать:
я проснулся – воскресенье!
Значит, снова отдыхать…

[391] Фрэнсис Мартинович Синатра – американский певец и киноактёр, одиннадцатикратный лауреат премии «Грэмми» – прим. муз. редактора
[392] Элла Уильямовна Фитцджералд – американская джазовая певица – прим. муз. редактора

«Ну что ж, дети мои, пора уже вам иметь бледный вид с фиолетовыми пятнами!», по-

думал марсианин, на ходу перестраивая стратегию игры, хотя это было сделать сложно – из-за того, что осталось доиграть всего шесть коротких робберов да последнюю *тёмную* на 12 картах.

Но, как известно из «Сборника трюизмов русского народа» (автор-составитель Вл. Горький), человек предполагает, а Сука-судьба располагает! Как уже не раз случалось на наших славных страницах, неожиданно произошло некое событие, в результате которого игру, которую уже давно было пора заканчивать, вновь пришлось приостановить.

– Господа! – раздался чей-то твёрдый голос с восточной стороны Бермудского Учпучмака. – А нет ли среди вас господина Кулемзина?

– Я! – по-прапорщицки воскликнул Володя и привстал навстречу пришельцу.

Тот не замедлил перебраться через оградку Великого ▲ и, прижимая к груди портфель и явно волнуясь, приблизился к Альбионычу.

– Здравствуйте, Владимир! – поприветствовал он литератора, а затем представился:

– Я – профессор Фекалин Филоктимон Флавианович.

Ни балбессор, ни бельместор,
ни другой официал, –
посетил наш клуб профессор,
выпил всё – и вновь слинял!

– Очень приятно, – ошеломлённо пожал руку пришельцу покерный гуру. – И что же вас привело в нашу скромную обитель пивного порока и игрового блуда?

– Поясняю, – по-профессорски начал ответ знатный учёный, параллельно пожимая руки остальным бермудцам. – На днях я провёл исследование своего персонального творческого сайта, на котором опубликовано уже 47 моих книг на различные темы, и выяснил, что больше всего откликов, а именно 47, поступило как раз от вас, Владимир, за что вам моё сердечное фекалинское merci!

– Спасибо, конечно, за то, что вы… яйчики-бабайчики… так сказать, лично... и прочее, – смущённо проговорил Кулемзин.

– И я решил, – тут профессор сделал торжественную паузу, – сделать вам памятный подарок – мою новую, 48-ю книгу под названием «Проникая в тайны сознания». Вот она – с дарственной надписью!

Фекалин вынул из портфеля толстый фолиант, зачем-то показал его не только учпучмакцам, но даже старушкам-пенсионеркам, сидящим за соседним СС, или Старушечьим Столиком, после чего торжественно вручил его своему лучшему читателю. Володя, смахнув виртуальную слезу, открыл книгу и прочёл на её форзаце:

Кто знает, зачем существует
наша Вселенная?
И всё же, и всё же…
В. Кулемзину от автора

До конца держа интригу
про горилл и про берилл,
написал свою я книгу
и знакомым раздарил!

Володя держал подарок, мелко кивая головой в знак благодарности, и не видя, как лицо Курманаева покрылось красными пятнами от зависти. Наступило неловкое молчание, и тут всех выручил никто иной, как Серёнька Афанасьич, протянувший пришельцу свой знаменитый *двухсотовый*, наполненный каким-то напитком с мыльным запахом.

– Товарищ профессор, – задушевным голосом обратился он к учёному, – не поспособствуете ли своему организму оценить это выдающееся химическое соединение?

– Отчего же, – благосклонно принял стакан знатный писатель-просветитель. – Конечно, поспособствую, – после чего лихо *махнул* 200 граммов дурнопахнущего пивка и даже занюхал принятое левым плечом семижопинца, облачённым в старенькую маечку непонятного колера.

Ради радости – не смеха –
залпом оприходую:
мне поллитра не помеха,
да и литр освою я!

Немного посмаковав принятое «Жигулёвское», он вернул *двухсотовый* владельцу и задал ему вопрос :

– Я вижу, молодой человек, вы капитально изучили мою книгу «Твои возможности, человек», не так ли?

Афанасьич, которого молодым не называли последние четверть века, страшно обрадовался и, чтобы не расстраивать хорошего человека, решил соврать:

– Да не без этого, товарищ профессор! А вы, царица лесная, к нам надолго?

– К сожалению, нет, – опечалился взором пришелец и посмотрел на часы. – Ровно через 44 минуты запланирована моя лекция в Отцеябловском планетарии для депутатов городского мажилиса об обсессивно-компульсивном расстройстве саксаульских астрономов, изучающих созвездие Южная Рыба.

Я куплю на две гинеи
гео-анти-синклиналь:
Рыба Южная вкуснее,
чем на Севере голавль!

– Тоже надо, – пробормотал охранник и на прощание пожал руку Фекалину:

– Так вы заходите, если что…

– Вснпрмнно, – пообещал совершенно пьяный от непривычного «Жигулёвского» учёный, повторно пожал руки членам покерной хевры и, пошатываясь, отправился в сторону улицы Жубанова, на ходу диктуя адрес воображаемому таксисту:

– Шеф, сначала в бар «Гоп-стоп», а потом по девочкам!

А чтобы мой читатель не сомневался, что такое питейное заведение на самом деле существует в описываемом нами городе, то вот тебе его подлинная вывеска:

Глава 215. СКАЗКИ III МИЛЕНИУМА (Тринадцатый блок)

– Какой хороший человек! – неожиданно воскликнул живописец Муравлёв. – Святой Малевич, и почему я до сих пор не прочитал ни одной его книги, а?

И он остановившимся взором обвёл сопокерников и своего неиграющего друга Митрохина.

– А я что? Я ничего, – привычным русским трюизмом отбоярился от ответственности антенщик, а потом, немного подумав, пообещал:

– Вот получу зарплату и обязательно куплю одну его книгу. Володя, посоветуешь, какую? А то ведь профессор сказал, что ты все читал?

– Конечно, – подтвердил Альбионыч, и было непонятно, что именно: посоветует или читал.

Но оказалось, что и то, и другое, так как марсианин тут же попросил Полтавцева вырвать страничку из книжечки «Для му.мы.», что тот сделал с великой неохотой, и записал на ней (страничке, а не неохоте) название одной из лучших книг учёного профессора Фекалина: «О комплексе неполноценности, который хорош уже тем, что им вполне можно уравновесить манию величия»

Гении лишь славу возрождают,
отличая лица от личин –
манией величия страдают
только люди малых величин!

– Вот спасибо, старичок! – воскликнул старший джус, а саксаульский литератор двух веков подумал при этом, что надо бы встретиться с писателем Фекалиным ещё раз и предложить ему тему для написания новой книги под предварительным (рабочим) названием «Пиво «Тянь-Шань» как заместительная терапия при профилактике шизофрении»

И вот последняя игра последней субботы лета, как и было объявлено ранее, стала логически подходить к своему концу, и игроки, а также неиграющие Николаич и Васюханыч, что немало удивило Кулемзина, взмолились о некоем отдыхе, напирая на то, что трудились, не покладая рук («…и ног», добавил Серёнька Афанасьич), и надо бы немного передохнуть, а то сил на последующую выпивку не останется!

Последний довод окончательно убедил покерного гуру, что персонажи бесповоротно свихнулись, вот только от чего – от игры, от предчувствия са́мого лучшего периода сегодняшнего дня, то есть предстоящей пьянки, или от по-прежнему палящего солнца .

Я убит по Фаренгейту,
Цельсий мне стругает гроб,
дует в огненную флейту
летний ангел-долболоб!
И взлетает, там где 40,
птичкой в градуснике ртуть –
пот струится, словно морок,
с переносицы на грудь...

– Хорошо, – согласился штатный диктатор второго микрорайона, – отдыхайте! А сколько вам на это надо минут?

– А как раз столько, сколько ты будешь рассказывать свои миллениумические сказочки, – легко выговорив страшное слово, объяснил Полтавцев.

– Ну что ж, – вздохнул известный саксаульский сказочник, – так тому и быть!

♠ ♠ ♠

1

Сидит Колобок, доедает остатки Лисы и говорит:

– Да, странная какая-то сказочка получается…

2

– Винни, посмотри! Тут художник мой портрет нарисовал!

– А почему, Пятачок, ты здесь разделён на части, да ещё и пронумерованные?

– Так художник – мясник! Он так видит…

3

Жили у отца три сына. А своё жильё сдавали квартирантам…

4

– Тётушка фея, а ты любого человека можешь сделать счастливым?

– Ну что ты, Золушка, конечно, нет, – я же не водка!

Тихо в доме... Синдерелла[393],
день закончив в суете,
русской Золушкой сидела,
свесив ноги, на тахте.
Лунный свет светил в окошки,
кроткий взгляд из-под ресниц:
«Вспомню два мешка картошки,
трупы связанных сестриц…»

[393] ***Золушка – англ.***

5

«Во попёрло так попёрло!», подумала собака Баскервилей, заметив, что вслед за Герасимом по тропинке понуро бредёт академик Павлов.

6

Буратино вообще был странным парнем: когда все вместе ехали на природу на шашлыки, он первым делом заскакивал в воду и кричал:

– Я мокрый, я мокрый!

7

Пошёл как-то Кащей Бессмертный самоубиваться. И бросился он в бурную реку с высокого моста, потом бросился под поезд, потом спрыгнул с небоскрёба, потом сиганул в бассейн с соляной кислотой, потом проглотил цианистый калий.

Короче, развлекался как мог!

8

И говорит Дед Золотой Рыбке:

– Совсем с ума сошла старуха проклятая – корыто новое просит!

– Хорошо, – отвечает Золотая Рыбка, – не печалься, ступай себе с *дедушкой*, – будет ей «Лада Калина»…

9

Подходит Али-Баба́ к волшебной пещере и говорит:

– Сим-сим, откройся!

А пещера ему в ответ:

– Пожалуйста, введите ваш пин-код!

10

Сидит Айболит под деревом, пришивает зайцу ногу и приговаривает ласково:
– Вот пришью тебе новую ножку, и ты опять побежишь по дорожке!
А несчастный заяц просит его умоляющим голосом:
– Доктор, а, может, не надо? У меня их и так уже сорок пришито…

Бедный доктор Айболит!
Он под деревом смердит.
Приходи к нему проститься
и корова, и волчица.
Он вчера, друзья, поверьте,
говорил со старой Смертью:
«Приходите, здрасьте… Мама!
Это кто – рентгенограмма?
Вам в десятый кабинет!»
Но старуха молвит: «Нет!
За тобой, Айболит, я припёрлася!»
«Ах, курносая-безносая моя,
безволосая раскосая моя!
Я те косу заплету, заплету,
да улягусь за плиту, за плиту!»
Смерть ответила ему:
«Поступаешь по уму…»
И теперь рыдают звери:
«Ни хрена себе потеря!
Кто же будет нас лечить,
ай-ай-ай?
Гигиене нас учить,
ай-ай-ай?
Эх, прощай профилактика
с практикой!»

♠ ♠ ♠

Закопали Айболита.
Сверху досточка прибита:
«На кого ты оставил нас, дедушко?!»

Глава 216. ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА ПОСЛЕДНЕЙ СУББОТЫ ЛЕТА (ещё одно продолжение)

Перед роббером на шести картах Володя ещё раз проверил *раскладку*, остался доволен предварительным результатом, ибо уверенно лидировал, но всё-таки решил не поддаваться детскому успокоению. «Перефразируя покойного Ильича I», подумал он, «мочить, мочить и мочить!», хотя, как знает мой читатель, вовсе не отличался особенным бесконтрольным садизмом.

Альбионыч открыл пришедший роббер и – лёгкий холодок удачи прошёл по его загривку: в руках писателя сейчас находилось 4 козыря из 6 карт. Правда, были они разного достоинства, но даже такой расклад сулил как минимум три взятки, поэтому он, не подвергая себя напрасному риску, заказал две взятки. Рисковать идти сейчас на три взятки было тем же, что пловцу перед заплывом на 100 метров надеть на ноги свинцовые штиблеты водолаза. Кстати было и то, что первый ход согласно раскладке назначался тоже ему, а вот почему кстати, будет видно уже через несколько строк.

И тут оставшиеся трое игроков неожиданно заказали тоже по две взятки, то есть наступила ситуация, которая на игроцком сленге называлась *две рвутся*, означающее то, что или кто-то один пролетит на две взятки, или двое покеристов не доберут по одной.

Не умею по приборам
я летать, как захотел:
переборы, недоборы –
всё равно я пролетел!

Так как хороших карт у Альбионыча было полнó, он, схватил эту комбинацию, что называется, *верхним нюхом*, и не задумываясь, пошёл средним таким козырем – бубновой десяткой, что оказалось сюрпризом для остальных. Талгат, сидевшим за ним, вынужденно скинул козырную тройку, так как чувствовал, что эта взятка ему не обломится никак, Серёжа, понадеявшись на удачу, побил прилетевшее на столик бубновым королём, а вот Нуртай, тщательно прицелившись, слёту сбил козырного дедушку младшим джокером.

Кстати, этим ходом Володя добился сразу трёх положительных результатов в роббере, но автор надеется, что мой умный читатель, поднаторевший в результате чтения аж шести книг подряд, наверняка и сам поймёт, каких именно.

– За что, *дедушка*? – простонал сторож, который сейчас чувствовал себя как сказочный мальчик Ивасик, которого Баба-Яга усадила на лопату, чтобы отправить в печь.

Но не слышал его *дедушка*: слишком много, наверное, в этот день таких же, как Серёнька Афанасьич, просили прекратить испытания, выпавшие на их долю. От горя семижопинец прикрыл один глаз и стал напоминать гестаповца Айсмана из советского сериала «Приключения Макса фон Штирлица в Берлине и других местах». Из прострации его вывел сочувствующий голос писателя:

– Серёжа, ты такой умный. Тебе, яйчики-бабайчики, череп не жмёт?

– А? Чё? Кто, царица лесная? – начал озираться охранник, словно получил по тыкве невидимым марсианским лучом.

– Не волнуйся, Серёжа, человек ко всему привыкает, – сделал ещё одну попытку успокоить своего товарища покерный гуру. – Даже к виселице: подёргается, подёргается и успокоится…

Натворил что, помню смутно –
вот теперь давай виси!
Мне в петлé так неуютно –
побыстрей б на небеси!

Зато Мусаич, хапнувший первую взятку, ~~улыбался счастливо, как студент, с восьмого раза сдавший сопромат,~~ стремительно удерживал на лице счастливую улыбку кормилицы, выдающей своё дитятко замуж за хорошего человека. Правда, эта улыбка вскоре сошла с его лица, так как обвинения – как справедливые, так и незаслуженные, посыпались на большевика со всех сторон. Да, Рахметов[394] чувствовал себя на гвоздях уютнее, чем Нуртай сейчас на покерной скамеечке, которая, казалось, горела под его педагогической задницей.

[394] Главный герой романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1867) – прим. лит. редактора

– Да, старичок, – напоследок попенял ему (Нуртаю, а не Рахметову) Кулемзин. – Надо быть проще, – и люди к тебе потянутся.

Затем тихо, как в театре, добавил *в сторону*:

– Своими волосатыми и потными руками…

В это время, словно спохватившись, что ход теперь его, партийный бросил на столик ещё одного младшего джокера, да не просто так, а со словами:

– По козырям, мать моя партия!

, что означало, как диктуют суровые правила русской кочерги, *по старшим козырям*.

И вот это стало его главной ошибкой: дождавшись, пока литератор и бывший текстильщик скинули свои самые большие карты, Салихдзяныч, который, как выяснилось, всё это время сидел в засаде, забрал эту взятку, к коей уже тянулась лапа преподавателя еврейского колледжа, ни чем иным, как покером!

Курманбаев только крякнул от досады, отдёрнул руку от *чужой* взятки и испытал нечто похожее на первый удар барабана из похоронного оркестра.

Родня внимает закавыку
из десяти своих гримас:
покойник слушает музы́ку –
но, кажется, в последний раз!

«Браво, гусар!», мысленно поздравил трубача с таким успехом марсианин и, прищурившись, стал ожидать следующего хода, параллельно обдумывая, когда же он наконец возьмёт свою заказанную вторую взятку. И тут ему повезло: обер-корнет, закрепляя успех, пошёл ещё одним козырем – валетом, и Володя мог бы смело расправиться с ним (валетом, а не обер-корнетом) своей дамой, но не стал этого делать, а с тяжёлым вздохом, как бы символизирующем крутую печаль, скинул козырную четвёрку.

И зачем? – спросит автора читатель. А затем, ответит ему автор, что если бы Кулемзин сейчас забрал эту взятку, то пришлось бы брать и следующую, так как к тому времени ни у кого, кроме него, козырей уже не оставалось. Нет, разумеется, перебор в данном случае тоже был бы неплохим вариантом, но куда лучше вписать в *раскладку* честно заработанные 45 очков, чем всего 3 переборные!

В общем, такой непростой роббер всего на шести картах завершился вторым вариантом, обозначенным в начале прошлой страницы, то есть двое игроков – Мусаич и Афанасьич – недобрали по одной взятке, что значительно изменило общий расклад сил на текущий момент.

А штатный афоризматик Бермудского Учпучмака к месту вспомнил своё давнее изречение, к тому времени уже вошедшее во многие мировые сборники на разных языках, но под одним тривиальным названием «В мире мудрых мыслей»[395]:

[395] Например, в Киеве этот сборник вышел под названием «У світі мудрих думок» – прим. гл. редактора

Главное – не победить, а сделать так, чтобы проиграл другой!

Слышал я ещё от деда
о хороших и плохих:
«Не моя важна победа –
поражение других!»

Глава 217. ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА ПОСЛЕДНЕЙ СУББОТЫ ЛЕТА (окончание)

После такого, казалось бы, не самого важного роббера, все почувствовали, что нервы в процессе игры стали как кисель. Игроки, да и их болельщики выглядели так, словно не сидели целый день за картами и пивком, а делали тяжёлую и трудную работу по составлению годового отчёта по лесозаготовкам в ИТУ-37 УВД Винницкой области.

Вот Курманбаев. Из-под его бровей выглядывали по-кошачьи виноватые глаза, глядя в которые, так и хотелось налить ему в блюдечко молока.

Вот Батыршин. Маленькая проблема, написанная на его военном челе, словно бы вопияла, что если её не решать, она может превратиться в большую беду.

Вот Полтавцев. Его надежда хотя бы на третье место только что сверкнула как-то вяло и неубедительно, и через короткое время это странное чувство подтвердилось, потому что она тут же развеялась, как мираж в Синайской пустыне.

Вот Кулемзин. Сейчас он сидел, прикрыв глаза перед решающим роббером – 12 картах на последней *тёмной*, но вместо того, чтобы думать об игре, вспоминал один из своих стихов, сваянных им в момент душевной тревоги, под названием:

От рождения до смерти

Играю жизнь под клавишный сюжет
и струны рву с оттяжкой, неумело,
и тетива с расстегнутых манжет
дрейфует в лист межстрочно – и всецело.
Чего я жду? – избитый happy end
глазами каждодневных восприятий?
Всё решено. Меня прибьют на стенд,
и не спросив о качестве объятий.
Тяну я век в замедленном кино
и слышу, как смеются в звёздах дети:
эффектами костяшек домино –
от самого рождения до смерти…

, но при чём здесь были стихи, и для автора, и для моего читателя, думается, навсегда останется крайне загадочной причинно-следственной связью.

Вот Муравлёв. В это время он тоже не думал о картах, тем более, что ничего в них не понимал, а вспоминал, как к своему *полтинник*у нашёл ту единственную любовь, которую сначала надо было окольцевать, а потом уже глумиться над ней вдвоём.

Вот Митрохин. Он, как и его друг Николаич, тоже не думал о картах, но не потому, что ничего в них не понимал, а потому, что не думал о них никогда, но тоже вспоминал, правда, не своих любимых, а слова́ толстого марсианина Альбионыча, который на днях, глядя ему в глаза, сказал странную фразу о том, что он, как писатель-клиницист, твёрдо знает, что болезнь надо ловить в самом начале и душить её в зародыше, но смысла этой фразы не уловил и сейчас этим мучился.

«С похмела как будто в горне»,
мне признался детектив.
«Задушу болезнь я в корне,
две 0,5 употребив!»

И всё-таки последний роббер в сезоне сегодняшней субботы был сыгран! К этому моменту сложилась следующая ситуация: независимо от результата этой партии, первое ме-

сто оставалось за Володей, четвёртое с благодарностью принимал на себя Серёжа, а вот за второе и третье местá шла главная борьба. Как помнит мой читатель, в общем игровом рейтинге *русской кочерги* второе место гарантировало три очка, а третье – всего два, и вот за эту малую разницу сейчас и должна была случиться основная битва.

И если отвлечься от зарабатываемых в игре очков, то для наглядности такой рейтинг можно было представить в виде следующего меню

4 место = кусочек хлеба
3 место = кусочек хлеба + масло
2 место = кусочек хлеба + масло + кусочек сыра
1 место = кусочек хлеба + масло + кусочек сыра + кусочек колбасы!

Так что теперь вы понимаете, как важно было занять если не первое, то хотя бы второе место в игре?! И если вы не понимаете, то бросьте этот том, а возьмите самый первый и начните перечитывать всё сначала!

Поучал меня родитель:
«Открывай пошире рот –
кто в войнушке победитель,
колбасу всю и сожрёт!»

Именно поэтому и Альбионыч, и Афанасьич, не рискуя, заказали минимальное при *тёмной* количество взяток – по три, а вот Мусаич и Салихдзяныч, стараясь переплюнуть друг друга и страшно рискуя при этом, заказали: один пять взяток, а другой шесть! Сторож, услышав эти глобальные цифры, схватил володину ручку, перевернул *раскладку* и стал молча складывать заявки *в столбик*, как научила его ещё во втором классе учительница арифметики Афина Прокоповна Сердоболова.

Остальные с уважением ждали конца подсчётов, хотя у семижопинца всё время получались разные числа: то 15, то 19 с половиной, а то и 13 с тройкой в периоде! А закончились подсчёты тем, что Кулемзин отобрал у Серёжи ручку и, даже без применения своего внутреннего марсианского калькулятора, сообщил, что заявок накопилось всего 17 – из 12 возможных, а это значит, что будут *рваться* аж 5 взяток.

И вот тут автор решил позволить себе некоторое лирическое отступление – правда, в тему этих заявок, а, вернее, *о замыслах и их реализации*. Он вспомнил, как работая над романом «Двадцать тысяч лье под водой», Жюль Пьерович Верн хотел максимально использовать огромный интерес французской публики к польскому восстанию 1863-1864 годов. Его капитан Немо первоначально даже должен был стать неким польским аристократом и бороться против Российской империи!

В ненаглаженной пилотке,
с папиросой на губе
плавал Немо на подлодке,
проводя всю жизнь в борьбе!

И тогда писателя от этой идеи неожиданно отговорил его издатель Пьер Лорентинович Этцель, но… не по политическим мотивам, а исходя из здравого смысла. По его словам, убедить читателей в том, что у польского аристократа могли быть деньги на постройку подводной лодки, представлялось абсолютно невозможным! И вот тогда капитан Немо и стал индийским набобом, но от *польского следа* романа всё же остался портрет революционера и генералиссимуса армии Речи Посполитой Тадеуша Анджеевича Костюшко в капитанской каюте…

Но не будем отвлекаться от главного. Всё шло, как и предполагал в своём сценарии сценарист Кулемзин: и он, и Полтавцев взяли по три своих взятки, так что пролететь пришлось главным противникам последней партии – Курманбаеву и Батыршину. И именно на этом, уже последнем этапе игры, случилась ситуация, которая ранее не освещалась на наших блистательных страницах.

Оба кандидата на второе место сумели набрать по 4 взятки, и теперь от Володи, у которого остался *бесполезный* младший джокер, зависело, кому лично он отдаст эту локальную победу. Все присутствующие знали, что Альбионыч плохо относится к педагогу, а к саксаульскому есаулу – хорошо. Но знали они также и то, что писатель с покерным уклоном при таких выборах был абсолютно честен, и сейчас с интересом смотрели, как он выкрутится на этот раз. Дело было в том, что у Талгата сейчас было на 11 очков больше, чем у Нуртая, что, собственно, и спровоцировало последнего на заказ с бóльшим количеством взяток.

Кичиться званием буржуя
я не привык при бодуне:
тому победу присужу я,
кто забашляет лично мне!

И марсианин выкрутился!

– Серёжа, яйчики-бабайчики, доставай свои кости, – попросил он сторожа.

– Не надо глодать мои кости, царица лесная! – испугался бывший хлопчатобумажник. – Сожри лучше Нуртая – вон он как разжирел на своих еврейских денежках!

– Да я не о тех костях, – нахмурился литератор.

– А какие ещё есть? – подпрыгнул на покерной скамеечке Афанасьич.

– Как какие? – удивился Альбионыч. – Те, которые ты вытаскивал из своего хурджина ещё в главе 169, когда мы играли у меня на хате!

– А-а-а, – понял уроженец деревни Семижопино, – кубики, что ли?

– Ну да.

– А для чего?

– Для внутреннего использования, – объяснил Володя.

– Так внутри же брюхо! Ты что, сожрать их хочешь? – вновь озаботился охранник.

– Нет, для другой цели, – туманно пояснил Володя, затем взял предложенные кости и бросил их на покерный столик, по которому они тут же откатились к тому краю, где мышками притаились неиграющие живописец и старший джус.

Муравлёв наклонился поближе, опознал выдавленные на косточках впадинки, означающие очки, и торжественно произнёс:

– 6:3, святой Малевич! А что это означает?

– А означает это, други мои, – объяснил покерный гуру, – что левую от меня кость я

поставил на Талгата, а правую – на Нуртая. Но, как вы видите, на левой кости очков больше, чем на правой, и поэтому…

Здесь Кулемзин сделал мхатовскую паузу, после чего… забрал взятку, на которую и претендовал педагог, своим джокером, подумав при этом: «Ну, вот и ещё одна зарубка на прикладе!»

Мозгом я не зависаю:
победить в сраженье чтоб,
я приклад ножом кромсаю,
как врагу стреляю в лоб!

– Ой, мать моя КПСС! – по-детсадовски воскликнул Мусаич. – Так ты же перебрал!

– Да, это так, – улыбнулся победитель партии, – но зато ты недобрал. А это означает только одно – на второе место выходит наш друг шнапс-капитан!

– Правда? – засиял старший прапорщик, только что получивший внеочередное воинское звание, после чего от нахлынувших чувств внезапно перешёл на родной язык:

– Рәхмәт, йодистый дус![396]

[396] ***Спасибо, друг – тат.***

– А я? – чуть не расплакался партийный педагог.

– А ты, – вместо покерного гуру ответил ему Афанасьич, – иди по своему привычному адресу!

Хоть нет короче адреса,
длиннее нет пути –
без карты и без компаса
приходится идти.
И даже если там уже,
иди опять туда,
а вот уйти оттуда мы
не сможем никогда!

Глава 218. ПУТЕШЕСТВИЕ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР (Страшная сказка перед походом)

И здесь вечный спонсор пропитонского коллектива понял, что сегодня (рáвно, как и вчера, позавчера, позапозавчера etc.[397]) отвертеться от того, что смело можно было называть ГУППИ, или

Глобальная
Учпучмакская
Пьянка
Пропитонских
Индивидуумов

[397] ***И т. д. – лат.***

ему не удастся, тем более, что живописец Муравлёв и старший антенщик Митрохин, которые до этого последние пару минут загибали пальцы на четырёх руках, что-то высчитывая, радостно объявили, что сегодня уже можно не играть, так как за 30 октября 2003 года, то есть за текущий день бермудскими покеристами было сыграно ни много ни мало 6 с половиной партий, и марсианин, сам не чурающийся занятий математикой, удивился,

где же эти доморощенные вычислители или потеряли половину партии, или, напротив, приписали лишнюю.

– Ты, старичок, святой Малевич, не сомневайся, – видя мучительные раздумья писателя, обратился к нему Валера. – Мы с Васюханом на четыре раза всё пересчитали…

Не белки́ и углеводы
для компании мишень:
посчитали счетоводы,
что на брата – три 0,7!

– Да я и не сомневаюсь, – горько проронил Альбионыч, и только было уже полез в карман для извлечения из него особо крупных купюр, что было всегда, когда закупалось *не пиво*, как решил сделать последнюю попытку отсрочить неизбежное.

– А не рассказать ли мне вам сказку по случаю?

– По какому такому ёкарному случаю? – возмутился старший прапорщик Батыршин. – И потом – ведь ты совсем недавно рассказывал нам свои сказочки.

– Так это были сказочки, так сказать, запланированные, – попытался выкрутиться писатель. – А эта – по случаю нашего неизбежного похода в магазин.

– А она короткая, мать моя Октябрьская революция? – сделал строгое, как на отчётном партсобрании, лицо коммунист Курманбаев.

– Ещё какая, – тяжело вздохнув, подтвердил штатный рассказчик Великого ▲.

– Ну, давай, мать честна́я, – разрешил самый главный любитель сказок на обозначенном в прошлой строчке пространстве.

По иблисовой указке
закрывается мошна.
Почему мы любим сказки?
Потому что быль страшна!

И литератор дал, назвав своё повествование

Страшная сказка про магазин

– Поженились как-то королевич Елисей с некой царевной…

– Что значит с некой? – неожиданно возмутился художник-малевист. – Народ требует уточнений!

– Хорошо, яйчики-бабайчики, – не стал спорить рассказчик, решив – для продолжения дальнейших расспросов – назвать ещё и отчества главных персонажей. – Итак, поженились как-то королевич Елисей Полуэктович с царевной Людмилой Петровной. И стали они с ней жить-поживать и, как водится, добра наживать.

И вот собрался однажды королевич на войну, а царевна взмолилась: не ходи, муженёк, на войне небось страшно. Но Елисей Полуэктович всё равно пошёл. А по пути купил чебурек.

И вот узнала королева Антонина Михайловна, то есть свекровь нашей героини, что царевна осталась одна, и решила её погубить. Переоделась королева схимницей[398], постучалась к Людмиле Петровне и попросила хлебца. Царевна была девушкой не жадной, отрезала от каравая горбушку и подала страннице. А лжесхимница Антонина Михайловна за это угостила царевну яблоками. Съела несчастная яблоко и умерла. А королева снова переоделась в парадную одежду, села в карету и думает: дай-ка я подаренную горбушку съем – чего добру пропадать? Съела и… тоже умерла.

[398] ***Люди, окончательно порвавшие со своим прошлым и лишённые возможности вернуться к прежней жизни, не понеся строгого церковного наказания – прим. богосл. редактора***

Стали серыми пейзажи,
хоть мольберты напружинь:
умирают персонажи,
сокращая книге жизнь!

И вот возвращается королевич Елисей Полуэктович домой и бегом в сортир – знать, отравился заморским чебуреком аж до поноса! Потому, кстати, и вернулся, идёт еле живой, какая уж тут война?

И вдруг видит: мамаша его королевская лежит мёртвая. Спрашивает: что, мол, случилось, а бабка-ключница ему и объясняет: хлебушка твоя мамаша поела да и откинула свои королевские копыта! Стало королевичу любопытно: а что же дальше будет? И вот приходит он домой, а там царевна – тоже мёртвая, а рядом валяется недоеденное яблоко.

И подумал тогда Елисей Полуэктович: «Это на войне-то страшно? Да это в магазин идти страшно!»

Жизнь свою переупрямя,
душу изогнув дугой,
налеплю пельмени сам я,
а в продмаги – ни ногой!

Рассказал Володя свою страшную сказочку, перевёл дух и посмотрел на слушателей из числа покеристов и сочувствующих, после чего с изумлением увидел, что она их нисколько не ужаснула, не застращала, не испугала и не повергла в трепет, и понял, что в магазин идти всё-таки придётся.

А мой читатель в этом месте вправе спросить: а почему прошедшая глава так странно названа? Неужели эта невинная сказочка про просроченные продукты и есть пресловутое путешествие в параллельный мир? Конечно, нет, ответит ему автор, а правильный ответ – уже не за горами…

Глава 219. ПУТЕШЕСТВИЕ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР (Начало путешествия)

И вот тут произошло то, что уже происходило не раз на этих славных страницах: только что все собравшиеся (кроме писателя) страшно хотели взалкать немного черноплодных напитков, но, как всегда, никто не хотел за ними идти, так что пришлось прибегнуть к старой, но уже проверенной методике определения ходока – путём некой считалочки, фишка которой была в том, что шёл тот человек, на которого в итоге выпадал последний слог такой русской речёвки-потешки.

А так как старых считалок уже давно никто не помнил, Володе пришлось тут же сочинить новую. И он её сочинил, после чего стал ритмично рассказывать, тыкая в грудь всех без исключения указательным пальцем:

Нас никто́ не одурачит –
мы прямы́ без закавык!
За бухлом ходок поскачет:
тот, в который палец – тык!

И тут с великим удивлением и горечью Альбионыч вместе с последним слогом *тык* ткнул в грудь сам себя! Делать было нечего: пришлось самому себе лезть в карман за наличными, так как магазинщица Калима до сих пор не удосужилась поставить в своё сельпо приспособление для считывания банковских карт, самому себе выписывать путёвку для доставки продукта, самому себе желать приятного путешествия и скорого возвращения и даже для самого себя держать включённым некий внутренний марсианский калькулятор КИВИ – опять же для того, что надежды на ушлую торгашку, постоянно обманывавшую покерную хевру, было не то что мало, а не было вообще. И перед этим походом осталось только расшифровать ранее не звучавшую в нашем романе аббревиатуру загадочного марсианского прибора Кулемзина:

Калькулятор
Используемых
Возможностей
Игрока

Но сразу уйти в суровый поход нашему скороходу из числа гениальных саксаульских литераторов не удалось – остальные вразнобой начали давать ему наказы, словно он собрался идти не в магазин, а на службу в Красную Армию, где надо было не просто отдать родине два года и без того короткой жизни, а обязательно вернуться оттуда отличником боевой и политической подготовки.

Хотят ли русские? Хотят!
Узнать бы только, сколько…

И тут марсианину несказанно повезло: освобождая знаменитую на весь второй микрорайон города Отцеябловска котомку, её владелец Афанасьич неожиданно запутался в лямках и, пытаясь распутать их, запутывался ещё больше, одновременно потряхивая свой хурджин, из которого на покерный столик, покерную скамеечку и близрастущую к ним траву высыпались предметы, которые, к удивлению собравшихся, каждый день были разными. На этот раз, помогая сторожу, игроки и болельщики собрали:

начатую упаковку валидола;
тоненькую брошюру с заголовком на обложке «Главные жанры поэзии раннего Средневековья»;
лампочку от советского фонарика «Жук» с динамо-машиной;
сапожную щётку, тут же начавшую одорологическую атаку на коллектив
и штуковину металлическую, опознать которую не удалось никому.

А повезло Володе потому, что Митрохин, как главный специалист в коллективе по механике, предложил Серёже идти с писателем тоже, надеясь на то, что Калима, как опытная торгашка, легко развяжет все запутанные узлы. Вот так и получилось, что скороходов, несмотря на итоги считалочки, оказалось двое.

Вместе мы с аккредитивом
в непростой поход идём:
ведь вдвоём идём за пивом –
значит, больше принесём!

И вот, наконец, собрав все наказы в кучку, наши ходоки двинулись в южную сторону родного города, заранее зная, что им предстоит преодолеть аж 22 метра до шопа Калимы.

– А мы к водочке пивка немного возьмём? – забегая вперёд и преданно глядя в глаза спонсору коллектива, поинтересовался Полтавцев.

– А мы что, водочку брать будем? – удивился Альбионыч.

– Так как насчёт пивка? – потребовал уточнения диспозиции бывший текстильщик.

– Слушай, Серёжа, – не зная, как отвязаться от собрата по партии[399], ответил ему литератор, – мы бы взяли всё, что ты хочешь, да категорический силлогизм[400] не даст!

[399] Разумеется, по партии в русскую кочергу! – прим. автора
[400] От др.-греч. συλ-λογισμός – подытоживание, подсчёт, умозаключение – прим. философ. редактора

– Наоборот! – завопил охранник. – Как раз категорический силлогизм как дедуктивное умозаключение, состоящее из трёх простых атрибутивных суждений, то есть двух посылок и одного заключения, и поможет нам в этом!

– Ну-ну, – с сомнением пожал одним только правым плечом штатный философ данного ареала. – Может, обоснуешь?

– Да легко! – согласился Афанасьич. – Вот послушай мои две посылки и одно заключение:

Все покеристы не могут жить без пива.
Все покеристы – люди.
Значит, все люди не могут жить без пива!

– А теперь представь, – закончил речь новоявленный силлогист, – что пивка мы возьмём не для всех людей, как я только что *убедительно* доказал, а именно для нас! Представляешь, какая это экономия?

Мне продукт не всяк целебен –
существую нелегко:
экономлю я на хлебе,
чтоб хватило на пивко!

Крыть было нечем, и подивившись, откуда семижопинец набрался таких премудростей, Кулемзин согласно кивнул головой. А когда до крылечка саксаульского продмага, пафосно названного хозяйкой супермаркетом, оставалось всего три метра, из тени, бросаемого магазинчиком, словно привидения, выступили старые знакомые и наших бермудских героев, и моего читателя тоже – бомжи Танкист и Одиссей. До встречи с Володей и Серёжей клошары занимались тем, что вели разговор на интеллектуальную тему – влияние современного бомжевания на Суку-судьбу (и наоборот).

– Жаль, что некоторые герои родились так рано, – говорил другу старший апатрид[401] Танкист.

– Как это? – прямо по-полтавцевски спрашивал его Одиссей, который, надо сказать, интересовался многим на свете.

– Вот ты же знаешь Верёвочку?[402]

[401] Лицо без гражданства – гр.
[402] Об этом персонаже – в главе 117 третьего тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

– Знаю, – подтверждал младший апатрид.

– Так вот он, который в прошлом веке прогуливал школу пять дней в неделю, собирая

пустые бутылки на бухло, сейчас запросто мог стать лауреатом Нобелевской премии по экологии!

В золочёной красной папке
за заточку средних пил
Нобель выделил мне бабки,
я же с другом их пропил!

– Как это? – попугайски повторил Одиссей, но ответа не получил, и вот почему.

Глава 220. ПУТЕШЕСТВИЕ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР (Начало путешествия, окончание)

Оказалось, что нелёгкий поход учпучмакских игроков, сопровождавшийся философской беседой, закончился тем, то они нос к носу столкнулись с микрорайоновскими клошарами, и чтобы эта встреча не стала рокóвой в плане перехода насекомых из бомжовских одёжек, марсианин быстро вынул из кармана штанов пару небольших металических денежек, сунул их в руки страдальцев от режима, пробормотав что-то вроде: «Исключительно на дело развития народного творчества…», после чего ходоки наконец-то нырнули в жаркое и тёмное помещение металлического контейнера, уже который год притворявшегося магазином – словно в парнýю общественной бани № 2 городского Быткомбината № 3.

Скоротай же вечерок,
но не в кегельбане, –
если любишь ты парок,
дуй скорее в баню!

И тут Альбионыч вспомнил, что за весь сегодняшний день он ещё ни разу не побывал в этом общественном месте, и, пользуясь случаем, решил немного оглядеться – для набора писательских впечатлений для концовки шестого тома своего великого романа. Подтолкнув сторожа, он стал почти вслепую пробираться вперёд, пока его глаза не привыкли к полумраку лабаза, после чего, включив уже известную читателю кнопочку *safe* в голове, стал запоминать увиденное, параллельно обсуждая это с Афанасьичем.

– Серёжа, – тихо спросил он экс-текстильщика, – а ты не знаешь, яйчики-бабайчики, почему вот эта колбаса у Калимы такого подозрительного цвета?

– Может, она, царица лесная, из хамелеонов сделана? – предположил Полтавцев и тут же горячо и горько зашептал писателю на ухо:

– Ты знаешь, Володя, я уже просто устал жить во лжи!

– В смысле?! – поражённо, но так же тихо воскликнул в ответ литератор.

– Вот смотри, – ткнул пальцем в витрину семижопинец, показав на какую-то прозрачную стеклянную баночку с содержимым, похожим на разбавленную зубную пасту.

– «Майонез оливковый», – прочёл на этикетке Кулемзин. – И что?

– Да то, что он не оливковый, а белый!

– И впрямь, – пробормотал Альбионыч, после чего странный дуэт двинулся дальше.

«Как я истину добуду?»,
говорил один поэт.
«Окружает ложь повсюду,
говоря, что правды нет!»

Продвигаясь всё ближе к заветному прилавку с лучшим на свете напитком, друзья по *русской кочерге* по дороге обсудили ещё несколько товаров, причём, некую минеральную воду литератор назвал компотом из камней, потом посетовал на то, что вся Европа нашла свалку именно в «супермаркете» Калимы, а закончил обзор товаров следующим горячим рассуждением:

– Уберите с сегодняшних по́лок все продукты с добавлением сои, пальмового масла и разных пищевых добавок Е, и советский дефицит покажется вам изобилием!

Здесь надо признаться, что из володиного спича 92 процента слов его партнёру по пиводобыче были неизвестны, поэтому он отреагировал на них как сумел:

– Вот именно, мать честна́я!

– Да, страхотно[403], – обозрев богатства лабаза, пробормотал Володя, чем вызвал ещё один культурологический шок у Афанасьича.

[403] ***Прекрасно – болг.***

После этого друзья-скороходы обратились к хозяйке пивошопа Калиме с просьбой помочь им набить котомку, на что она с радостью откликнулась, тут же подтвердив предположение Васюхана (тремя страницами ранее), и ловко освободив серёжину котомку от запутавшихся лямок. Наконец закуп *тяжёлого* согласно заявкам коллектива был осуществлён, и Кулемзин решил, что пришла пора побалова́ть и свой собственный организм, ибо черноплодными напитками не увлекался из принципа, сберегая здоровье для написания своего великого семитомника.

– Калима, и шесть бутылочек «Тянь-Шаня», – попросил он хозяйку продмага, но та решила впарить ему некий продукт, который благополучно простоял в подсобке уже две недели, отчего значительно прокис.

– А вот новый квасок «Саксаульский особый», – медовым голосом произнесла она.

Писатель глянул на пластиковую бутылочку, проник в её сущность взглядом демиурга и увидел, что вместе с квасом в таре плавают какие-то хлопья – видимо, в качестве нехитрой закуски.

Чтоб в башке не стало вьюжно,
продавец не соблазнит:
квас распить нам очень нужно
в тот же день, когда разлит!

– Спасибо, думаю, что мои друзья не заслужили такого счастья, – твёрдо отбоярился он от предложения магазинщицы и, провожаемый её ужасным взором, вместе с Полтавцевым вышел из лабаза.

Здесь оказалось, что бомжи от магазинчика никуда не делись, ибо, посовещавшись, решили, что за предоставленные Володей денежки было бы неплохо поблагодарить его очередным вокальным номером. Так что в то же мгновение литератор и охранник были очарованы незамысловами строками, положенными на незамысловатую мелодию:

Как у пятого барака
завязалась ночью драка,
а гулянка славная была:
что же тут такого –
я сказал полслова,
а братва меня не поняла!
Вовка был всегда хорошим,
пацаном таким надёжным,

только, выпив водки, одурел,
и пошёл, такой скотина,
на меня (меня!) с дубиной,
я же увернуться не успел…

Прослушав грустную оду до конца, Альбионыч смахнул непрошеную слезу, поблагодарил самодеятельных артистов за выступление и, поняв, что остальные покеристы и им сочувствующие из-за дальности расстояния не слышали шедевра, предложил Танкисту и Одиссею далеко не уходить, а быть как бы на подхвате, после чего вместе с подельником Афанасьичем проследовал к месту сегодняшних боёв – к сожалению, уже бывших…

Глава 221. ПУТЕШЕСТВИЕ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР (Собственно путешествие)

Удивительное дело: вот только что за покерным столиком сидели вполне таки приличные люди, а увидев, как на него плюхнулась котомка, полная жидкого счастья, разом, как выражается мудрый русский народ, окосели. И не пили ведь ещё ничего *тяжёлого*, а глаза уже затуманились, носы неожиданно приобрели красноватый оттенок, движения стали развязными и хаотичными, и даже разговоры, которые до этого как-то претендовали на что-то умное, стали невнятными и всё на одну тему! А вот на какую, думаю, моему умному читателю хорошо известно самому́.

Как же нам привычна схема –
то, что в голову взбрело:
под бухло одна лишь тема –
это самое бухло!

И вот ру́ки одновременно двух человек – Николаича и Васюханыча – потянулись к котомке, как их опередили жадные клешни Мусаича.

– Давайте помогу! – забормотал он, спешно вытаскивая из серёжиного хурджина разные бутылочки.

Володя только было открыл рот, чтобы отвлечь приятелей, катящихся по алкогольной плоскости в 40°, каким-нибудь интересным рассказом, но было слишком поздно – главные предметы учпучмакского быта, то есть колода карт, *раскладка* и ручка для записей результатов, были спешно отодвинуты в сторонку, а место в центре покерного столика заняли две бутылочки – туркменского вина «Чашма» ёмкостью в 0,7 литра и водки «Петька» из чапаевской серии ценностью в 500 миллиграммов.

Мысль мою́, в веках размыту,
вам даю я как печать:
если в сердце дверь закрыта,
надо в печень постучать!

– Кстати, йоркширский Володя, раз ты открыл, – явно глумясь над непьющим крепкого спиртного лидером, обозвал его новым определением Салихдзяныч, – то скажи уже какой-нибудь тост, а то как мы будем сейчас вкушать без повода?

Писатель горько усмехнулся и произнёс:

– А сто́ит ли искать повод в субботу – для того, чтобы выпить? Суббота сама по себе уже достаточный повод…

– Отлично, мать моя КПСС! – расцвёл лицом ленинец Курманбаев. – Лучше не скажешь! – после чего произнёс слова́, которые никогда не преподавались в Институте марксизма-ленинизма:

– Давайте за это и хряпнем!

Хряпнули и тут же налили ещё. И вот тут выяснилось, что одна из бутылочек, а конкретно под названием «Петька» внезапно закончилась.

Между первой и второй
начинается запой!

– Так вы что, сразу с водки начали? – огорчился литератор. – А как же поговорить? А как же послушать умных людей? – видно, явно намекая на себя.

– Так мы и слушаем, святой Малевич, – подняв вторую пайку, произнёс живописец. – К тому же, всем нам хорошо известно, что ты самый умный из нас, а, значит, и твои тосты – самые актуальные!

– Актуальные, говоришь? – горько усмехнулся непьющий. – Ладно, пейте, черти, а я скажу вам ещё один тост, но так как он является моим личным *копирайтом*… – и, чтобы было понятно коллективу, нарисовал веточкой в пыли вот такой знак:

И только вновь открыл рот, чтобы произнести тост, как его перебил Серёнька Афанасьич:

– Подожди, подожди, царица лесная, ты же сказал, что это пират какой-то на букву *кэ*, а сам нарисовал *сэ*, да ещё и в кружочке.

Говорит моя наука
без ненужного вранья:
копирайт – такая штука,
что придумал лично я!

– Серёжа, не мешай, – зашикали на него остальные, руки которых уже устали держать полную тару.

И Володя сказал:

– *Дедушка*, пошли нам трудную жизнь и лёгкую смерть!

Серёжа с уважением посмотрел на тостоговорильца, потому что знал все слова́ по отдельности, но никогда бы так ловко не связал, и спросил:

– А эт’ чё, молитва такая?

– Нет, скорее цитата, – ответил знатный афоризматик.

– Из кого? – уточнил сторож.

– Из меня, – уточнил писатель.

Уважение Полтавцева тут же увеличилось на 61 процент, но это не помешало ему лихо опрокинуть мятый пластиковый стаканчик в разверстую пасть.

«Да, яйчики-бабайчики», подумал Альбионыч, «жизнь можно любить или всей душой, или остатками печени…»

С водкой печень побраталась,
хоть на кладбище ложись:
мало печени осталось –
знать, она не любит жизнь!

Полтавцев, выдув очередную пайку, шумно выдохнул, и так как закусить было нечем, решил проявить интеллектуальные особенности своего развития, после чего спросил Кулемзина:

– Володя, вот ты много пишешь разных дурацких стишков. А нет ли у тебя чего-нибудь поумнее?

– В смысле? – удивился знатный поэт двух веков. – Про философию, что ли?

– Да нет, какая там философия, – поморщился сторож, поглаживая по холке пса Борю, который именно в этот момент примкнул к странной человеческой компании. – Про алкогольный дурман, например…

– Про алкогольный дурман, говоришь? Нет, такого стиха у меня действительно ещё никогда не было. Но специально для тебя, старичок, как для лучшего друга, я сочиню его в течение одной минуты!

– Давай, мать честна́я! – благосклонно разрешил заказчик, а сам поспешно записал в книжечку «Для му.мы.» слова́ писателя о признании его лучшим другом советских физкультурников.

– Тогда слушай, – улыбнулся (прости, русский язык!) спонтанный сочинитель, поглядев на Борю, – а лучше запиши:

Знают даже доберманы,
что у нас есть идеал:
алкогольные дурманы
нам нужнее, чем реал!

– Ого! – в восторге закричал ценитель прекрасного. – Да ты превзошёл самого Ивана Сергеича!

– Это какого йодистого Сергеича? – уточнил трубач.

– Эх ты, деревня, – попенял ему семижопинец, – да Пушкина, конечно!

– А почему это превзошёл? – недовольно вопросил педагог, который страшно не любил, когда кто-то оказывался умнее него.

– Да потому, – победно воскликнул бывший текстильщик, – что Альбионыч не только рассказал нам про алкогольные дурманы, как и было заявлено мной в устном *заявочном листе*, но также приплёл сюда и Борю во множественном числе. По́мните: «Знают даже доберманы…»?

– Точно, ёкарный поэт! – восторженно воскликнул Батыршин. – Наливай!

– Подожди, подожди, – вновь, как и страницу назад, притормозил развитие сюжета Серёжа. – А ведь я один прочухал, что в володином гениальном стишке осталось ещё одно непроясненное место!

– Какое, мать моя партия? – выдавил из себя Курманбаев, которого очень покоробило определение *гениальный.*

– А последнее слово в стишке – реал.

– Ну, это как раз понятно, – снисходительно ухмыльнулся коммунист. – Реал – это такая денежка в испано- и португалоязычных странах, – причём, при слове *денежка* глаза его странно заблестели.

Все мы с филками[404] дружны –
всех они дороже:
деньги разные важны,
и реалы – тоже!

[404] ***Деньги – феня***

– Нет, Нуртай, – печально произнёс Кулемзин. – Мой РЕАЛ не денежка, а аббревиатура, посвящённая всем вам, а, вернее, вашим любимым напиткам:

Русское
Единое
Алкогольное
Лекарство

Глава 222. ПУТЕШЕСТВИЕ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР (Собственно путешествие, продолжение)

И в это время володин телефон издал звук, которого традиционно пугались все женатые члены коллектива, то есть раздался банальный звонок, от которого одновременно шарахнулись Мусаич, Салихдзяныч и Николаич, а вот Альбионыч, Афанасьич и Васюханыч порадовались, что в данное время их никак не опутывают так называемые брачные узы.

Мужчина наш труслив до неприличия:
когда идёт на женские редуты,
он в связь вступать готов неограниченно,
но в брак вступать боится почему-то!

Правда, Кулемзин радовался меньше всех по времени, так как успел заметить, что на маленьком экранчике вверху наборных цифр высветился номер его прилипчивой подруги Стеллы. Писатель вздохнул, привычно перевёл телефон на громкую связь, ибо считал неприличным что-то либо утаивать от родной хевры, и усталым голосом произнёс дружелюбное приветствие:

– Ну, чего тебе ещё?

Подруга в ответ шумно, как лошадь в гору, вздохнула, но тоже решила поставить голос на приветливый тембр, сообщая чрезвачайно важную информацию:

– Вот, позвонила.

– Ценная информация, – иронично отозвался бермудский абонент. – И что?

– Хочу к тебе сегодня заехать – по делу.

Вот вам национальная идея:
любить подруг, не от диет худея!

– Вот как, – не зная, что сказать, несколько безлично отозвался квартировладелец.

– Ты не подумай ничего, просто последний раз, когда я у тебя была, я потеряла заколку для волос, зеркальце, губную помаду, брелок для ключей, пропуск на работу…

«Так ты, оказывается, всё-таки где работаешь?», про себя удивился литератор.

– …расчёску, маникюрный набор, – продолжила перечисление потерь Стелла, – блокнот, салфетки для лица, запасные колготки, сердечные капли…

«Скорее, бессердечные!», ещё раз подумал Володя.

– …конфетку «А ну-ка, отними» и лапку кролика, – завершила обзор забывчивая растеряха.

Опять дала подруга маху –
недаром рождена Овном:
она такая растеряха –
теряет совесть в основном!

– Ну, ты даёшь! – поражённо воскликнул марсианин. – А я-то второй день ломаю го-

лову, откуда под моей кроватью взялась лапка кролика? И почему только одна лапка, а не все четыре? И почему, в конце концов, не весь кролик, из которого я вполне бы мог приготовить праздничное (прости, русский язык!) фрикасе по рецепту моего друга французского повара Алена Дюка́сса – знатного специалиста по провансальской кухне?

– Опять издеваешься? – истерично заорала звонилица и тут же отключилась.

И хорошо, что разговор завершился именно так, иначе Кулемзину, как честному человеку, пришлось бы признаться, что названное блюдо из кролика невозможно приготовить только из кролика – к нему ещё нужно обязательно добавить говяжью печень, копчёную грудинку, грибы, лук, чеснок, много зелени, пару ложек коньяка, красное сухое вино, горчицу, эстрагон, муку и сахарную пудру!

– Да, Володя, – тоном преподавателя марксизма-энгельсизма произнёс Курманбаев, – я вижу, мать моя партия, не ценишь ты хороших отношений с женским полом. А надо бы хоть немного…

– Не ценю, – признался Альбионыч и даже было вознамерился объяснить почему, но был перебит вопросом Муравлёва:

– А как ты с ней, святой Малевич, вообще познакомился?

И тогда литератор вспомнил, что он не только писатель, но местами ещё и поэт, и ответил на вопрос художника в свойственной ему манере, то есть стишком, благо дело стишок этот был написан им уже давно:

Я помню чудное мгновенье:
передо мной *явилось* ты,
как озаренье, как прозренье,
как слово после немоты,
как свежий тёпленький троллейбус
пред замороженной толпой,
ты как загадка, ты как ребус,
как Якубович пред *таблой*.
Ты – словно шуба для селёдки,
как для студента пирожок,
как опохмелка после водки,
как вместо памперса горшок,
ты – будто сцена для артиста,
как для щенка говяжья кость...
Ты так *неслось* навстречу быстро
ко мне! И мимо *пронеслось*!

– Класс! – восхитился Полтавцев. – Ты только одно проясни, пожалуйста: вот это про *помню чудное мгновение* – это же кто-то до тебя написал, правильно?

– Правильно, Серёжа, был такой хороший человек по фамилии Наше Всё.

– А про Евгения Печенегина не он случайно придумал? – задумчиво осведомился любопытный охранник, вовсю тянущийся к ненужным знаниям.

«Откуда он знает, мать моя Октябрьская революция?!», подумал первый из бермудских слушателей.

«Откуда он знает, ёперный Пушкин?!», подумал второй слушатель.

«Откуда он знает, яйчики-бабайчики?!», подумал чтец-декламатор, а вслух лапидарно подтвердил:

– Он.

И тут, как это часто случается в нашем блистательном повествовании, пушкинская тема внезапно продолжилась… мухой! Да-да, мой читатель, мухой, которая села на покер-

ную *раскладку* и, хотя она (*раскладка*, а не муха) сегодня уже была не нужна, стала чистить лапки (муха, а не *раскладка*) прямо на столбике, помеченном буквой Б, то есть графе́ с достижениями старшего прапорщика Батыршина.

Я стреляю много метче,
ибо чувствую, что прав,
и в графе́ успех отмечу,
ибо я – тот самый граф!

А при чём здесь Пушкин? – мог бы воскликнуть читатель, но лучше этого не делать, так как Володя, конечно же, всё объяснил сам:

– Надеюсь, други мои, вы все по́мните, что самым значительным произведением моего друга Сергеича считается роман в стихах «Евгений Онегин». Но не все помнят одну забавную подробность – в этом произведении есть такие строчки, кстати, относящиеся к дяде героя:

«Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел и *мух давил*»

– А при чём здесь какой-то дядя? – недовольно скривил губку ленинец.

– Мы давно воспринимаем эту фразу буквально, – не отвечая на глупый вопрос Мусаича, подчеркнул невольный литературный лектор, – но речь тут, яйчики-бабайчики, идёт вовсе не о насекомых!

– А о чём же, йоркширская муха? – поражённо выдохнул военный трубач.

– А о том, что в то время, когда творил русский гений Сергеич, странное выражение *задавить муху* означало просто выпить…

– Предлагаю за это просто выпить! – воскликнул старший джус Митрохин, но на него зашикали все, включая его друга Валеру.

– Прошу пардону, – покраснев, как видно, от спиртного, по-французски извинился антенщик, а марсианин тем временем продолжил просвещение коллектива:

– Именно отсюда до нашего времени и дошло выражение *быть под мухой*. А ведь оба выражения произошли не сами по себе, а от названия ма-а-аленькой рюмочки в 15 граммов, которую и называли мухой.

Я привык бухать богемней,
добираясь до высот:
чтоб напиться, как свинье, мне,
нужно граммов 900!

Глава 223. ПУТЕШЕСТВИЕ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР (Собственно путешествие, ещё одно продолжение)

– Так что, други мои, у выражения *быть под мухой* есть совершенно чёткое происхождение. А началось всё это, между прочим, с русского царя Петра № 1. Именно он вместо кабаков, бывших простыми питейными заведениями, повелел открыть по всей России некие трактиры, где люди не только бы пили, но ещё и активно закусывали. А для привлечения, так сказать, клиентов (или по-нашему *бу́харей*), которым нововведение не очень-то понравилось, было решено первую рюмку наливать бесплатно!

– Класс, царица лесная! – ещё раз повторил сторож, сделав глаза такими мечтательными, словно бы прямо сейчас с удовольствием отправился в петровские времена на машине времени.

– Но, во-первых, – продолжил рассказ Альбионыч, – трактирщики в то непростое время были жадными, во-вторых, размера тогдашних рюмок вполне хватало для того, чтобы почувствовать лёгкое приятное опьянение, в-третьих, клиенты трактиров сразу же взяли за моду выпивать бесплатную первую рюмку, а потом (не закусывая!) идти себе дальше.

– Да я бы, святой Малевич, – воскликнул ещё один мечтатель о машине времени, – если бы туда попал, за час бы все трактиры исходил, и уж вы мне поверьте, рюмок 40 бесплатных не упустил!

Надеюсь, помнишь ты, товарищ,
что нам кабак – *не для поесть*:
халява сладкая тогда лишь,
когда бесплатно водка есть!

– Поэтому специально для трактиров, – подошёл к концу увлекательной исторической лекции Кулемзин, – были заказаны рюмки вместимостью всего 15 граммов, а ведь это примерно 1 столовая ложка: чтобы и трактирщики не разорились на бесплатной выпивке, и клиентам хотелось бы выпить ещё, но уже за свой счёт. Наверное, поэтому такие маленькие рюмочки и окрестили *мухами*. А настырные посетители трактиров тут же приспособились ходить от заведения к заведению, чтобы выпить как можно больше бесплатных *первых мух*.

– Так, значит, отсюда, царица лесная, и пошло́ выражение *ходить под мухой*? – наконец догадался семижопинец – о том, о чём уже давно догадались все, кто слушал володину лекцию.

И только было писатель с лекторским уклоном порадовался, что за время его рассказа не было выпито ни одного грамма спиртного, как он, да и другие покерные бермудцы вздрогнули от громового голоса, раздавшегося под их коллективным ухом.

– Опять пьянку развели! – услышали они недовольный голос старшей по дому по кличке, придуманной литератором, – Ж. П.

– Не кричи, Жанна Пантелеевна, – попробовал урезонить её саксаульский унтер-офицер Батыршин. – Лучше выпей вместе с нами!

Говорим на нашем вече
тем, кто дал нам прикурить:
«Выпей с нами – будет легче
жить, творить и говорить!»

– А у вас что? – наклонилась, как бы принюхиваясь к бывшему покерному, а ныне алкогольному столику, общественница. – Как?! Туркменское вино «Чашма»?! Да вы с ума сошли! – заорала активистка в полный голос, после чего стала оскорблённо и стремительно удаляться в сторону до́ма № 17, старательно зажимая при этом нос двумя пальцами, словно прищепками, как бы намекая на то, что такое пойло невозможно не только употреблять, но даже нюхать!

– А она ничего, йодистая дамочка, – прищурил глаз на удаляющуюся *корму* корабля по имени «Ж. П.» единственный действующий воин Бермудского Учпучмака.

Если вечером принять –
баба ягодка опять!

И тут раздался повторный звонок володиного телефончика. Он кинул взгляд на монитор и увидел на нём сразу две цифровые комбинации – одну длинную и одну короткую. Длинная комбинация определилась приборовладельцем как номер телефона, с которого поступил запрос, и немного подумав, Альбионыч вспомнил, что это номер домашнего аппарата муравлёвской тёщи. Он вновь включил громкую связь и произнёс в трубочку:

– Слушаю тебя, Наташа!

– Как это ты всё время угадываешь? – воскликнула валерина супруга и от восторга даже забыла, зачем звонила, после чего замолчала.

Когда молчание перевалило за 40 секунд, учпучмакский абонент понял, что надо задать наводящий вопрос, и спросил:

– Наверное, ты хочешь узнать, как поживает твой муж Валера?

– Да чтоб он сдох! – тут же ответила любящая жена. – Кстати, а где он?

– Да вот сидит тут рядом и готовится к исполнению твоего пожелания.

– Как это? – удивилась Муравлёва.

– Листает сейчас каталог образцов похоронного бюро «Все там будем!»

В самом жизненном начале
без надежды и прикрас
«Все там будем!» – обещали
мне в роддоме в первый раз!

Тут Наташа сообразила, что над ней снова издеваются, и отключилась, а Альбионыч ещё раз посмотрел на короткую цифровую комбинацию и увидел на мониторчике всего четыре цифры, разделённые арифметическим знаком деления:

– Смотри-ка, – ~~удавился~~ удивился он, – а ведь уже шесть часов вечера.

– Не шесть, а восемнадцать! – перебил его большевик, который умудрился подглядеть мониторчиковую циферку, хотя и сидел напротив литератора.

– Много ты понимаешь, мать честна́я! – опозорил педагога не только перед коллективом, но даже перед дворовыми детьми Афанасьич.

– Так вот, – вновь начал свою мысль покерный гуру. – Вроде бы уже шесть часов, вроде бы уже покушать пора, а к ужину ещё в колокол не звонили. Да и из пушки, по-моему, не стреляли…

«Совсем с ума съехал от моей поддержки», обрадовался семижопинец.

Но педагог решил не сдаваться.

– Вот ты такой умный, – решил он снова поддеть марсианина, – а сам мясо трескаешь!

Вредно ведь!

– Знаешь, старичок, – улыбнулся в ответ Кулемзин, – если бы *дедушка* – при всём его старческом маразме – хотел видеть всех человеков вегетарианцами, то он непременно снабдил бы нас рогами, копытами и хвостами…

Как славно быть вегетарьянцем,
стремленье к мясу побороть –
бок помидора вкусно-глянцев,
хрустит зерна тугая плоть.
Коровы, овцы, куры, хрюшки
достойны жизни – не котлет,
пух нужно вынуть из подушки,
мехам и коже молвить *нет*.
Носить кожзам, а лучше лапти!
Живите ж, белки и лещи, –
глядишь, улучшится характер,
и можно счастье в мир тащить…

После такой искромётной сентенции литератор, словно вспомнив, в какой компании сейчас находится, вынул из кармана иностранную купюрку в 5 долларов – вот такую:

и положил её рядом с собой на горячий столик, на всякий случай придавив тяжёлой покерной колодой в 55 листов. А вот для чего – будет объяснено чуть позже…

Глава 224. ПУТЕШЕСТВИЕ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР (Собственно путешествие, и ещё одно продолжение)

Но разговоры разговорами, а наши персонажи (кроме, разумеется, Володи) своё дело знали туго! Вот уже закончилась бутылочка туркменского портвейна, и тут же из серёжиной котомки была извлечена следующая – местного портвейна с романтическим названием «Голубые зори». Что это означало в контексте того, что напиток был выраженно фиолетового цвета, никто не знал и, похоже, узнавать не собирался.

Наши герои неспешно разлили бутылочку ровно по 100 граммов каждому, так как она была ёмкостью в поллитра, и подняли стаканчики на 20-30 сантиметров от столика, словно приветствуя кучку человеков-невидимок. И, видимо, это было неким знамением, ибо в тот же момент они (герои, а не человеки-невидимки) увидели за оградкой Великого ▲ незнакомую компанию, которая совместными усилиями изображала детскую игру «Море волнуется раз»

Море, вод качливых полных,
призывает нас не пить

и шатает, как на волнах,
обещая утопить!

Один из подозрительной компании мутным взором оглядел сидельцев бывшей покерной, а ныне алкогольной скамеечки и обратился к ним на неизвестном языке:

– Мжки, двйте вмсте бхть!

– Нет-нет, товарищ, идите куда шли, – тут же открестился от предложения Курманбаев, который, оказывается откуда-то знал неведомый язык.

Шатающийся, нисколько не расстроившись, тут же присоединился к остальным шатающимся, и все вместе они зашатались к своему псевдосчастливому будущему. Володя посмотрел им вслед и промолвил:

– Порой мне кажется, что вот у таких алкашей в нашем Отцеябловске есть какой-то таинственный диспетчер, который на протяжении дня распределяет их по городу.

– Как это, царица лесная? – подпрыгнул на скамеечке сторож.

– Ну, шатается без дела вот такой, – объяснил великий придумщик, – и тут ему прямо в остатки мозга поступает команда: «Во второй микрорайон срочно нужен свободный алкашок, чтобы *гоголем* пройтись мимо мусорки!». А тот – также виртуально – отвечает диспетчеру: «Принято! Буду через 4 минуты!». А другому – другая команда: «В парке имени Горького Пьяницы есть свободные алкашики?». «Есть!». «Тогда тоже срочно – надо немного поспать с драной задницей на скамейке возле девушки с веслом!»

Покупал автомобили,
чтобы она быстрей сдалась:
вот так вóт одну любил я,
а она веслом дралась!

Компания незнакомых алкашей, которая очень напомнила Кулемзину компанию алкашей знакомых – сидящих прямо перед ним, неспешно удалялась в сторону улицы Жубанова, и писатель смотрел им вослед, словно запоминая и надеясь вставить только что случившуюся сценку в какую-нибудь весёлую главу шестого тóма своего романа. А отвлёк его от созерцания чей-то знакомый голос, прозвучавший прямо под ухом:

– Володя, а вот эти ёперные доллары – они для чего?

– Вообще-то я их приготовил для одного дела, – ответил деловой, – но чувствую, что дело это сегодня так и не сварится.

– А что за дело-то, святой Малевич? – поинтересовался другой знакомый голос.

– Давайте я лучше расскажу одну небольшую историю – и вы всё поймёте сами!

Сняв свои противогазы
и крича про *вашу мать*,
гости слушали рассказы,
успевая наливать!

Получив согласие покерной хевры в виде энергичных кивков тыквами, штатный рассказчик Бермудского Учпучмака приступил к очередной байке, – как выяснилось через мгновение, с историческим уклоном – под названием

О некоем фельдмаршале и сэкономленных деньгах

– Когда знаменитый прусский генерал-фельдмаршал граф Хельмут Карл Бернхардович фон Мольтке был ещё полковником и участвовал в каких-то воинских манёврах, он несколько дней подряд обедал за общим офицерским столом, – начал рассказ о былом литератор.

«Кто все эти ёкарные иностранцы?», подумал саксаульский обер-фельдфебель, которому до звания фона Мольтке было ещё целых 14 воинских ступеней.

А Володя тем временем продолжил занятную историю:

– И вот во время обеда будущий генерал-фельдмаршал поразил всех офицеров, но не аппетитом, как сейчас показалось Серёньке Афанасьичу, а своим странным поведением.

«Как он узнал, царица лесная?!», изумился сторож, но виду не подал, а стал слушать дальше.

– Сев за стол на третий день, этот знатный пруссак, – вернулся к истории учпучмакский историк, – вынул из кармана десять золотых рейхсмарок и положил их возле своего прибора, а отобедав, встал из-за стола, обвёл всех своим суровым взглядом, положил монеты в карман и ушёл. И так продолжалось ещё несколько дней.

Увидали пропитые
весь хребет моих побед:
марки, марки золотые
заплатил я за обед!

Офицеры терялись в догадках, пытаясь объяснить странное поведение своего начальника. И наконец один из офицеров набрался смелости, отдал честь фон Мольтке и спросил его:

– Товарищ полковник, яйчики-бабайчики, а чего это вы с денежками делаете?

И ответил офицеру будущий полководец:

– Когда я принял ваш ёперный полк, то заметил, что за обеденным столом вы и ваши друзья постоянно заводите разговоры, но не о воинских приёмах или тактике и стратегии ведения боя, а исключительно, мать честна́я, о женщинах, ска́чках или картах! И тогда я решил вручить десять золотых первому из вас, кто заведёт разговор на более умную тему, но никто из вас до сих пор почему-то не получил эту сумму. Вы не догадываетесь, святой Малевич, почему?

– И почему? – эхом отозвался антенщик Митрохин, и только было собрался Альбионыч пояснить всё на пальцах, как его опередил знатный семижопинец Полтавцев:

– Понимаешь, в чём дело, Васюхан, этот руссак-фьордмаршал был просто жмотом – как наш Курманбаев, и поэтому выдумал причину, чтобы не тратиться на кого попало…

Вот так на этой оптимистической ноте и кислой роже большевике и закончилась эта хронотопная байка.

Не главнач библиотеки,
не знаток марихуан –
то, что было в прошлом веке,
нам расскажет марсиан!

Правда, один из слушателей байки всё же посетовал про себя, что так до конца и не понял, как можно провести ёкарную параллель между десятью иностранными рейхсмарками и родными пятью долларами…

Глава 225. 100 ГРАММ С ПРИЦЕПОМ, или ПОЧЕМУ ПОДОРОЖАНИЕ ВОДКИ НЕ ВСЕГДА ПОМОГАЛО В БОРЬБЕ С ПЬЯНСТВОМ (невольный Хронотоп № 45)

И вот в это время произошло то, что ни ранее, ни сейчас не удавалось сделать автору, и виной тому был, как ни странно, его главный герой Кулемзин. Как уже известно, Аль-

бионыч не употреблял вместе с остальными *тяжёлых* напитков, а пил только любимое пивко «Тянь-Шань». Но участвовать в разговорах, как части алкогольных посиделок его персонажей, ему всё-таки приходилось: во-первых, из вежливости, и, во-вторых, для того, чтобы эти запомненные диалоги попозже вставить в один из томов своего романа.

Но так как вопросы, которые ему задавали не совсем трезвые участники процедуры, иногда отличались некоторым садизмом, ему приходилось туго. Например, сделав огромный глото́к «Тянь-Шаня», он уловил некий спор между Нуртаем и Валерой, а, прислушавшись, понял, что Курманбаев настаивает на том, что в СССР (б) главным аргументом в борьбе с пьянством было, мать его партия, удорожание алкогольной продукции. Живописец Муравлёв утверждал обратное, напирая на старую русскую трюизматическую сентенцию о том, что «как пили, святой Малевич, так и пить будем, несмотря на цену!»

Не ухватишь гегемона –
мы без водки не уснём:
будет водка три *лимона*[405],
всё равно её возьмём!

[405] ***Миллион – феня***

Так чего же не смог сделать автор? А не смог он одновременно рассказать и о том, как протекал этот научный спор, и о том, что думал по этому поводу Альбионыч. И тут на помощь автору пришёл старый, но надёжный и проверенный приём под названием Хронотоп! Да-да, именно Хронотоп, благодаря чему мой читатель уже много узнал так до сих пор неузнанного из области отечественной истории. И решил он (автор, а не читатель) рассказать сейчас то, что так ловко скрылось в названии этой главы, а именно: почему же подорожание спиртного в Стране Советов (б) не всегда помогало в борьбе с этим национальным злом? А рассказ свой он решил разбить на четыре части, каждая из которых будет представлять какой-то определённый исторический период. Итак…

1. Вино выливать велено!

После Великого Октябрьского переворота, который один из спорщиков величал более пафосно, из всех *пережитков проклятого прошлого*, как тогда любили выражаться с партийных трибун, молодую советскую власть едва ли не больше всего беспокоило именно пьянство. Поэтому большевики продлили действовавший с начала первой мировой войны царский (!) *сухой закон*.

Кто только нас не агитирует
рукою трезвости махать:
сухой закон лишь гарантирует,
что мы… не будем просыхать!

В конце 1919 года Совнарком принял декрет о запрете изготовления и продажи спирта и других крепких напитков на территории всей страны. Кстати, во время гражданской войны за его нарушение полагалось 5 лет с конфискацией (!), но иногда сгоряча *контру* самогонщика могли поставить и к стенке! Недаром придворный пролетарский поэт Демьян Бедный стращал народ вот такими стихами-агитками:

Вино выливать велено,
а пьяных – сколько ни будет увидено,
столько будет расстреляно!

Однако победить алкогольную контру было нелегко: изголодавшийся по выпивке народ, презрев революционную опасность, массово занялся самогоноварением. И вскоре большевики, поняв, что так можно перестрелять буквально всё население страны, пошли на попятный: решили возродить официальное производство спиртных напитков. А поскольку председателем Совнаркома СССР с 1924 года (вместо почившего дедушки Ленина) стал товарищ Алексей Рыков, то пошедшую в продажу первую советскую водку под названием «Русская горькая» стали называть в его честь.

Писатель Михаил Булгаков записал в своём дневнике от 20 декабря 1924 года вот такое наблюдение: «В Москве событие – выпустили 30-градусную водку, которую публика с полным основанием назвала *рыковкой*. Отличается она от царской водки тем, что на десять градусов слабее, хуже на вкус и в четыре раза её дороже!»

Говорил алкаш-сиротка –
грязноват и бесноват:
«Эсэсэровская водка
хуже царской – это факт!»

Но недобравшая в градусе советская водка всё же выгодно отличалась ценой (1 рубль за бутылку!) от деревенского пойла, поэтому вскоре стала весьма популярной в городах. А вот в сёлах дела у *рыковки* шли хуже, к тому же водку в деревне зачастую стали продавать в комплекте с зубным порошком, мылом и другими средствами гигиены, которые у сельчан особым спросом никогда не пользовались!

К тому же дело русской выпивки, которое издревле было важнее других дел, осложнялось в эти годы тем, что, кроме такой желанной пьянки, приходилось ещё и работать, ведь новая партия, вставшая у руля власти, так прямо и объявляла: работайте, мол, мужики, а мы, люди партийные, будем кататься на нашем революционном паровозе под названием «Вперёд лети!» и следить за вашим выполнением плана..

Наш поезд встал, и некого винить,
что паровой котёл его расколот.
Всё это невозможно починить:
из инструментов – только серп да молот…

2. Сообразить на троих

Вплоть до Всемирного фестиваля молодёжи и студентов, который проходил в Москве в 1957 году, водку продавали во всех точках общепита и даже многочисленных *уличных* буфетах, где можно было выпить *100 грамм с прицепом*: то есть 100 граммов водки, кружку пива и съесть бутерброд. В буфетах на избирательных участках в дни выборов и по пути следования демонстраций трудящихся в дни государственных праздников рюмку водки и бутерброд с горбушей можно было купить меньше чем на 50 копеек!

Я цирроза не боюсь
с целью благородною,
ведь на три рубля напьюсь –
с кучей бутербродною!

Однако уже в декабре 1958 года ЦК КПСС (б) и Совет Министров СССР (б) приняли постановление «Об усилении борьбы с пьянством и наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками». Эта очередная попытка отрезвить советских людей началась с запрета отпускать водку в розлив – в столовых, закусочных и чайных! В результа-

те вместо скромных 100 граммов, которые они могли выпить в относительно культурных условиях, страждущие теперь были вынуждены покупать це́лую бутылку и искать компаньонов, чтобы разделить её.

Именно так и родился советский обычай *сообразить на троих*, который вскоре приобрёл поистине всенародный размах. На троих распивали в подворотнях и подъездах, в скверах и даже на детских площадках, а из-под полы ушлые торгаши продавали всем желающим водку в кафе и даже рабочих столовых (Какой ужас! – Вл. Г.)

Каждому страждущему в то время был понятен клич *По семь рваных!*, который означал скинуться по 7 рублей на самую дешёвую водку *красная головка*, то есть запечатанную красным сургучом, стоившую 21 рубль 20 копеек. А называлась она – не поверите – «Простая»!

С водки мы всегда свежели,
как был свеж Зелёный Змей:
нам чем проще и дешевле,
тем забористей и злей!

Полюбуйся на неё и ты, мой внимательный и любопытный читатель.

Глава 226. 100 ГРАММ С ПРИЦЕПОМ, или ПОЧЕМУ ПОДОРОЖАНИЕ ВОДКИ НЕ ВСЕГДА ПОМОГАЛО В БОРЬБЕ С ПЬЯНСТВОМ (невольный Хронотоп № 45, окончание)

После денежной реформы 1961 года эта водка неожиданно исчезла из продажи, но её тут же заменила «Московская», стоившая уже не 2 рубля 12 копеек, что было бы логично при (прости, русский язык!) деноминации, а 2 рубля 87 копеек! И тогда призывный клич несколько изменился на *По рублю – и в школу не пойдём!* А сдачи в 13 копеек хватало как раз на скромную закуску в виде плавленого сырка.

В общем, Никита Хрущёв, ещё правивший в этом году, так своего и не добился: пить меньше граждане не стали! Если в 1958 году советские люди употребляли в среднем по 3 литра спирта на душу населения, то через 10 лет этот показатель вырос в два с лишним ра-

за. И в дальнейшем остановить этот рост помогло лишь подорожание водки: например, в начале 70-х годов самая дешёвая *беленькая* стоила 3 рубля 62 копеек, а уже в 1981 году подорожала до 5 рублей 30 копеек. Правда, неунывающий советский народ на это откликнулся угрожающей прибауткой:

Если водка станет 8,
всё равно мы пить не бросим:
передайте Ильичу [406] –
нам и 10 по плечу!

[406] Имеется в виду тогдашний генсек ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев – прим. ист. редактора

А вот успели ли передать это народное обещание Брежневу, историкам неизвестно – жить генсеку оставался всего год…

Пока мы бредили бедово
по нашим кухням и дворам,
один генсек сменял другого,
нисколько не мешая нам...

3. «Андроповка» (она же «Первоклассница»)

Единственным советским генсеком, решившимся снизить цену на водку, стал Юрий Андропов. Он не был ярым борцом за трезвость – скорее сторонником распространения культуры потребления спиртного. Именно при нём вновь возродились рюмочные, правда, поскольку водку в них *отпускали* с наценкой и обязательной закуской, популярностью такие заведения не пользовались: выпить *150 за два с полтиной* для многих было, хотя и сильно хотелось, просто дорого!

Не нужна дорогая нам водка –
пусть и к ней прилагалась селёдка!

Однако в са́мом начале осени 1983 года в магазины СССР (б) поступила в продажу новая водка. От прочих она отличалась тем, что почему-то не имела названия, но главное отличие было в цене – она стоила 4 рубля 70 копеек, в то время как самую дешёвую и ходовую под названием «Русская» продавали за 5 рублей 30 копеек, а «Столичную», «Московскую особую» и «Пшеничную» так вообще по 6 рублей 20 копеек! И благодарные советские алкаши тут же дали новой водке название, а, вернее, просто расшифровали слово на этикетке:

Вот
Он,
Добрый
Какой
Андропов!

А поскольку эта водка появилась 1 сентября, то её стали называть «Школьницей» или «Первоклассницей», но среди выпивох прижилось народное название *андроповка.*

4. Минеральный секретарь

В отличие от Андропова Михаила Горбачёва советские алкоголики вспоминали исключительно недобрым словом, ведь всего лишь через несколько дней после вступления

в должность генсека он написал в своём рабочем дневнике страшную фразу:

Бой пьянству!

Так в стране началась широкая антиалкогольная кампания. 7 мая 1985 года были приняты постановления ЦК КПСС (б) и Совета Министров СССР (б) о мерах по *преодолению* [407] пьянства и алкоголизма. При Горбачёве было закрыто огромное количество магазинов, торговавших ликёро-водочной продукцией. Цены на водку повысились – с августа 1986 года она стоила минимум 9 рублей 10 копеек, а страждущим приходилось часами отстаивать в очередях в уцелевшие торговые точки.

[407] Курсив мой – прим. автора

Не за мясом, не за кашей,
но на радость комарью,
в длинной очереди нашей
я за счастьем отстою!

В глубинке ситуация вообще доходила до абсурда. Например, в одном из сёл Калужской области единственный на всю округу магазин, где можно было купить спиртное, работал только один день в неделю (!), да и то всего несколько часов. За два дня до его открытия (!) здесь скапливался народ – и тут же выпивали то, за чем пришли, закусывали и даже ночевали перед крыльцом.

А лично автор этих строк, который в те страшные годы ещё увлекался алкоголем, причём, в так называемом возрасте Христа, даже посвятил Горбачёву стих, от которого сегодня в памяти остались только четыре строки:

Горел желаньем что-то в мире значить,
стремился невпопад и сгоряча
всё перестроить и переиначить
с пытливостью творца и палача…

Антиалкогольная кампания катастрофически отразилась на винодельческой отрасли и виноградарстве, а виноградники во многих местах были беспощадно вырублены. Да, в 1985-1987 годах во время *полусухого закона*, повысилась средняя продолжительность жизни, выросла рождаемость и сократилась смертность. Однако уменьшение продаж алкоголя нанесло серьёзный удар по бюджету, а народ, как когда-то при большевиках, снова перешёл на самогон!

Сверху активно насаждались безалкогольные свадьбы, банкеты и юбилеи, пить спиртное по любому поводу стало просто опасно, и народ начал потихоньку звереть. Естественно, это сказывалось и на отношении к самому́ Горбачёву, которого злые языки стали называть *минеральным* секретарём.

Генерально-нереальный,
социально-фигуральный,
что ж ты, падла, нас гнобишь?
Секретарь наш минеральный –
сам не пьёшь, и нам – кукиш!

Надо ли говорить, что последующие руководители страны учли эту ошибку и резких шагов на антиалкогольном направлении больше не предпринимали, что, впрочем, не ме-

шало и не мешает государству время от времени поднимать минимальную цену на самый русский напиток…

Глава 227. ПУТЕШЕСТВИЕ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР (Прыжок в поэзию)

И вот промелькнул этот тяжёлый Хронотоп в двух главах, и очнулся от раздумий наш философ Кулемзин, после чего с удивлением осознал, что спор Нуртая и Валеры о спиртном уже окончился, а начался некий коллективный (прости, русский язык!) коллоквиум по поэзии! И вот это уже было совсем удивительно, так как среди шести персонажей, сидящих сейчас на покерной (б) скамеечке, был только один настоящий поэт, который, кроме того, что иногда кропал стишки на разные темы, знал ещё и то, что поэзия – это не только *кровь-любовь* и *розы-морозы*, а некий особый способ *организации* речи, некое словесное художественное творчество, причём творчество, узаконенное самим названием жанра, ибо русское слово поэзия произошло от греческого ποίησις, что как раз и означает *сотворение.*

Стих пишу – и не виляю,
как какой глухонемой:
ловко я слова́ вставляю
в свой стишок, причём, с рифмо́й!

Володя стал прислушиваться к спорщикам и понял, что происходит одно из двух: либо он сам сошёл с ума, либо все вот эти, сыпящие в громких разговорах, даже перекрывающих крики дворовых детей, терминами типа силлабо-тоническое стихосложение, анафора и ритмическая инверсия, или рассуждающими о характере (прости, русский язык!) клаузулы, гипердактилических рифмах, амфибрахиях и анапестах, причём, при произнесении последнего слова педагог Курманбаев покраснел, как будто видел в нём нечто неприличное.

Затем Альбионыч на мгновение впал в ересь гордыни, ибо подумал, что не он ли за годы знакомства вбил в тыквы этих героев «Русской кочерги» такие сложности, но потом вспомнил, что нет, не он, так как его так называемого ума хватило лишь на то, чтобы более-менее научить своих адептов правилам великой игры.

Повсюду смута и умов броженье.
Зачем, зачем явился я на свет –
интеллигент в четвёртом приближенье
и в первом поколении поэт?!

(А автор в этом месте счёл нелишним извиниться перед своим читателем, что именно в этих двух главах будет наблюдаться некий перебор рифмованных строчек, коих и так бессчётно в опубликованных шести томах. Правда, и этому было своё объяснение: а чем, по вашему, можно будет отличить будущим исследованиям творчества Вл. Горького книги этого великого саксаульского писателя от прочих других?)

От услышанного (если, конечно, не вспоминать 15 бутылочек употреблённого «Тянь-Шаня») у литератора немного закружилась голова и, чтобы привести её в порядок, он стал думать на непростую тему творческой востребованности, мысленно обращаясь неизвестно к кому: «Ну, вот скажите, кому в наше прагматичное время нужны поэты? Духовная нищета поразила общество!»

Не зря я выбрал тяжкий путь поэта,
не зря мое тщеславие страдало:

я счастлив, если мятый лист сонета
хотя бы чья-то жопа прочитала…

Впрочем, наслаждаться собственным умом ему пришлось недолго, так как он почувствовал, что его его тормошит в правое плечо Афанасьич, который уже давно занимался получением из разных источников ненужных знаний.

– Володя, мать честна́я, – гендерно неправильно обратился сторож к поэту, – а я вот недавно слышал стишок, про который потом подумал, что это не стишок.

– Как это? – заинтересовался марсианин, который всегда писал в полной уверенности, что пишет именно стихи.

– Да по звучанию это был вроде стих, – объяснил Полтавцев, – по крайней мере, всё это в нём выдавало: и фонетическая инструментовка, и константный ритм, и интонационно-стилистические фигуры, и даже энклитика, а вот рифмы в нём я не нашёл!

И так горько произнёс это охранник, что всем стало неловко, а сам Володя, чтобы разобраться во всём и помочь товарищу, спросил:

– А ты сам стишок не помнишь?

– Да как же, конечно, помню. Вот он:

Христос домой приносит мясо
из магазина «Гастроном»,
и из кусочков собирает
живых коровок и свиней!

– Вот ты, Володя, самый умный, скажи: это стишок или не стишок? А то я который год думаю над этим, и всё зря!

– Безусловно, яйчики-бабайчики! – ответил ему поэт Кулемзин. – Я и сам иногда – как правило, после одного-двух ящиков «Тянь-Шаня» совершенно теряю все рифмы, но всё равно пишу так, чтобы люди видели: это не проза!

– Как это, мать моя партия? – неожиданно заинтересовался Мусаич, который любил именно прозу, а самым лучшим её образцом считал толстую книгу под названием «Материалы XXV съезда КПСС (Очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики)». – А пример привести можешь?

– Да сколько угодно! – не стал кичиться Альбионыч и с выражением продекламировал три стишка подряд:

Однажды поздно ночью Свету
вдруг разбудил ночной кошмар!
Заснуть потом ей было сложно:
пришлось идти на кухню жрать…

Хотел повеситься, проснувшись,
но было очень лень вставать:
попробовал горизонтально –
не вышло! Просто так лежу…

К друг дружке жмутся, замерзая,
в холодной страшной темноте
пельмени! Я сейчас спасу вас,
согрею, милые мои…

Прочитав эти талантливые строки единым духом, великий саксаульский поэт двух веков, как настоящий артист, откинул назад шевелюру, стукнувшись затылком о карагач, и

стал ждать заслуженных аплодисментов, но почему-то не дождался. Тогда он вернул шевелюру на место, почесал потревоженный затылок и стал пристально приглядываться к тем, кого до этой роковой минуты считал своими лучшими друзьями, не считая, конечно, врага Мусаича.

И тут Кулемзин с горьким удивлением и разочарованием увидел, что никто из них совершенно не вдохновился его прекрасными строками, а, напротив, все увлечённо только и занимались тем, что с радостью разрушали свои организмы черноплодными напитками. «Ничто так не унижает талант», обиженно подумал он, «как отсутствие поклонников!». Налицо сейчас образовалось то, что Альбионыч называл АПОРТ, или

Анти-
Покерная
Оппозиция
Раскрепощённых
Технологий

И только одно радовало сейчас нашего главного героя – это то, что рассуждая про какую-то неведомую им поэзию, остальные герои хотя бы на короткое время забывали о черноплодных напитках. И радость от этого была так велика, что Альбионыч не выдержал и словно в бреду разом прочёл стих, о котором уже давно забыл сам, но вот память, которая по словам Владислава Гжегорчика[408], является единственной мерой времени, как бы вытолкнула его (стих, а не Гжегорчика) прямо в гортань – ближе к выходу на просторы Бермудского Учпучмака:

Идёт печаль в минутах еле слышно
пешком через песочные часы,
фиксируя моменты фотовспышкой,
звучат покоя вечного басы.
Зажав листок с загадками подмышкой,
качает сфинкс усталой головой,
что тоже был девчонкой и мальчишкой,
пока печаль не родила покой.

[408] Польский писатель-афорист – прим. лит. редактора

Афанасьич, открыв рот, дослушал стишок до конца, смахнул вполне ожидаемую слезу и спросил:

– Володя, а свинксы, мать честна́я, – это кто такие?

– Хрюшки древнеегипетские, – ответил поэт.

Серёжа поражённо вытаращил на него пропитые зенки, но тут же очнулся, вытащил книжечку «Для му.мы.» из котомки и быстро, чтобы не забыть полученное знание, записал очередную узнанную им мудрость: «Печаль родила покой древнеегипетских свинок, потому что их, скорее всего, обнаружили жрецы покойного фараона Тута-Хам-О́на!»

Глава 228. ПУТЕШЕСТВИЕ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР (Прыжок в поэзию, окончание)

К удивлению единственного настоящего литератора в подвыпившем коллективе, стихотворная тема всё никак не хотела отпускать знатных бермудцев. С одной стороны, это радовало, и Кулемзин даже наивно подумал о том, что именно он является тем духовным стержнем, который до сих пор не дал распаться разумам этих людей. Но, с другой стороны, только он один знал, что до конца субботы, а, значит, и нашего шестого тома остаёт-

ся всего ничего, а именно 40 страниц. А ведь надо успеть рассказать о завершении этих вечерних посиделок, о *расходе по мастям* основных героев, о наступлении ночи и т.п. Но и эти печальные мысли не были додуманы им до конца, так как перебились очередным вопросом очередного интересующего – под явным влиянием алкогольных паров.

Где купить мне вакуоли[409]?
Есть ли рифма к слову *мать*? –
под влияньем алкоголя
я хочу всё-всё узнать!

[409] От лат. vacuus – пустой. Большая одномембранная (прости, русский язык!) органелла в центральной части растительной клетки – прим. автора

– Володя, а что такое игзанметр? – услышал он голос художника Муравлёва, у которого, как только что выяснилось, полтавцевскую тягу к ненужным знаниям не смогли перебить ни спиртные напитки, ни жара, долбящая в его персональную тыкву со скоростью иголки работающей швейной машинки имени товарища Исаака Адамовича Зингера.

– А тебе зачем? – прищурил глаз марсианин.

– Хочу всё знать, святой Малевич! – подтвердил только что прозвучавшую в позапрошлом абзаце просьбу Николаич – названием старого советского киножурнала для детей с отклонениями.

– Хорошо, – не стал чиниться просветитель. – Я тебе лучше пример приведу:

Если ты хочешь здоровье вернуть и не ведать болезней,
тягость забот отгони и считай недостойным сердиться,
скромно обедай, о винах забудь, не сочти бесполезным
бодрствовать после еды, полудённого сна избегая,
долго мочу не держи, не насилуй потугами стула.
Будешь за этим следить – проживёшь ты долго на свете!
Если врачей не хватает – пусть будут врачами твоими
трое: весёлый характер, покой и умеренность в пище…

– Да это-то всё понятно, – уверенно произнёс саксаульский гоген, ещё раз подтвердив неясные слухи о том, что его трудное детство всё ещё продолжается, – а особенно про потуги из пятой точки… тьфу, строчки. Вот только одно как-то пролетает мимо сознания: к чему ты всё рассказал?

– Так это же и есть гекзаметр! Ты же о нём спрашивал?

– Разве? – изумился художник. – Вообще-то я хотел узнать у Серёжи, не осталось ли у него в котомке ещё чего-нибудь *принять*?

Альбионыч сочувствующе покачал головой и горько обратился ко всему спившемуся коллективу:

– Неужели вам, яйчики-бабайчики, так сильно хочется скрасить прекрасное общение со мной пошлым этанолом?

Без указок прокуроров
и других диспетчеров
пьём без всяких разговоров
мы с утра до вечера!

– Нет, конечно, – неожиданно вступил в разговор старший трубач Батыршин, и, слава *дедушке*, не на поэтическую тему, – этой йодистой гадости иностранной не хочется, а вот ёкарной водочки бы – в самый раз!

«О, как же они неисправимы!», только успел подумать писатель, как оказалось, что мысль саксаульского шнапс-капитана стала продолжаться дальше, и на этот раз, увы, на поэтическую тему:

– Володя, вот ты всё правильно про всех рассказал…

«Когда?!»

– …а про меня нет. Неужели я, стоящий на страже родины, а конкретно, второго микрорайона, не достоин твоих искромётных строк?

– Талгат! Немедленно домой! – раздался громовой голос супруги татарина со стороны балкона.

– Папа, папа! Бросай эту сомнительную компанию! – вторили ему (голосу, а не балкону) тонкие детские голоса, в которых Салихдзяныч опознал своих дочек.

«А они что, уже приехали?!», изумлённо успел подумать он, но отвлёкся от этих печальных мыслей, так как Кулемзин, мгновенно соединив просьбу защитника родины с его семейным положением, тут же выдал экспромт на заданную тему – причём, ещё одним модным в последнее время поэтическим приёмом, где в катрене последняя строка была неправдоподобно короткой:

Лежишь, мечтаешь, как придушишь,
как спрячешь тело в гараже,
тут бац – и золотая свадьба
уже!

– Ого, царица лесная! – восторженно закричал бывший текстильщик. – Такого я ещё не слышал! Сам придумал?

– Нет, – скромно ответил учпучмакский поэт. – Стишок-то мой, конечно, а вот приёмчик сообразил кто-то из молодых, да ранних.

– А про нас, святой Малевич, можешь так? – с придыханием поинтересовался Валерий Николаич.

– Про вас с Васюханом? – уточнил Володя.

– Про нас, художников, – уточнил художник.

– Конечно, – не стал чиниться Альбионыч и с выражением произнёс очередное поэтическое четверостишие:

«Спустись в каюту, Айвазовский!»,
кричат матросы. «Скоро шторм!»
Но отвечает живописец:
«Всё норм!»

«Да когда же это всё кончится?», с тоской подумал литератор.

«Скоро», ответил ему автор нашего повествования. «Осталось только два поэтических чтеца – Курманбаев и Полтавцев». И точно: не успели все присутствующие переварить гениальный катрен про армянско-русского художника, как большевик выдал один из лучших стихов, который выучил когда-то по молодости:

Эх, как вспомню я, ребята,
как шагали мы когда-то –
всё с порывом молодым,
коллективом трудовым!
Это ж было так красиво:
под портретами вождей
прошагать всем коллективом

по брусчатке площадей,
славно в рвении ретивом
(помню, будто бы вчера)
проорать всем коллективом
троекратное «Ур-р-ра!»

В это время пробегавшие мимо дворовые дети остановились как вкопанные, ибо увидели, что, кроме дяди Нуртая, за покерным столиком не было никого, а вот из ближайших кустов слышались многократные стоны и другие неприличные звуки, которые были не под силу многим людям, и автору почему-то кажется, что любой из читателей догадывается, что это было на самом деле.

А завершились внеплановые поэтические чтения стишком Афанасьича, причём, он на голубом глазу утверждал, что придумал их лично:

Если ищешь рифму
к слову *тинейджер*,
немного подожди,
я сброшу тебе её на пейджер!

Глава 228. ПУТЕШЕСТВИЕ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР (А тема не отпускала)

Поглядел сейчас автор на своё последнее предложение в прошлой главе и понял, что поторопился с выводами, ибо когда это наш человек, особенно если он *выпимши*, что-то добровольно заканчивал, и ещё особеннее, когда на это ему намекают.

Пятеро наших главных героев наконец возвратились из учпучмакских кустов, примкнули к Курманбаеву, который сделал вид, что это не он туда их отправил, и, чтобы наверстать упущенное, разлили по пластиковым стаканчикам какой-то спиртной напиток. Угадать, что в бутылке, было невозможно, потому что, во-первых, она была без этикетки, во-вторых, какого-то невероятного цвета, который художник Муравлёв, прищурившись и отставив вперёд большой палец, определил как угнетающе-фиолетовый, словно на картине Пьера Огюста Леонардовича Ренуара «Зонтики», переходящий в бархатно-чёрный, как на полотне Вильяма-Адольфа Бугро́ [410] «Богоматерь. Утешение», и, в-третьх, издавал такой запах, что дворовые дети, точно сговорившись, продолжили свою беготню по некой кривой – метрах в двух от бывшего покерного столика.

[410] Французский живописец, видный представитель салонного академизма конца XIX века – прим. худ. редактора

Не нужна нам безопасность,
что нужна лишь нашим снам:
что мы пьём, порой неясно,
но зато как вкусно нам!

Всё происходящее никак не укладывалось в рамки трезвого сознания марсианина.

– Воистину, яйчики-бабайчики, наш благословенный Бермудский Учпучмак се есмь юдоль слёз и страданий! – печально проронил он и стал приглядываться к картине разрушения сознания, чтобы было чем наполнять страницы шестого тома романа. Вот он увидел, как непонятный напиток совершил несколько коротких путей от кадыков к желудкам потерпевших, быстро улёгся на места, после чего произошло то, чего все и ожидали: ноги-руки бермудцев сделались податливыми посторонним влияниям, в их ушах зашумело, а мысли, коих и до этого было немного, разбежались в разные стороны. Налетевший ве-

терок тут же стал эквивалентом чистого воздуха, который ударил по са́мым слабым местам, то есть тыквам, членов БАКЛАНа, который переводился как

Бермудский
Алкогольный
Кружок
Латентных [411]
Антагонистов
Настоящего

[411] ***От лат. latentis – скрытый, невидимый***

А в означенные Кулемзиным рамки не укладывалось то, что поэтическая тема никак не отпускала подвыпивших персонажей, и странно было слышать обрывки вспыхивавших там и тут разговоров на эту непростую тему.

– Да что же я, вашего Лермонтова не знаю, что ли, – обижался Полтавцев, держа за условную пуговицу митрохинскую маечку. – Это же он доказал учёным филологам типа Альбионыча, что Пушкин стрелялся на дуэли в пьяном виде.

– Что?! – поражённо воскликнул Васюханыч. – С чего ты это взял!? Да я лично ещё со школы помню…

– С чего, с чего? Да со стихов же моих любимых, – явно соврав, попенял ему Афанасьич. – Удивляюсь, как ты до сих пор не знаешь этого исторического факта!

– Ну, и какие же это лермонтовские стихи?

– А вот такие:

Погиб поэт, невольник чести,
пал, оклеветанный молвой,
с *винцом* в груди и жаждой мести…

– С винцом, понял? Эх, ты, царица лесная, а ещё декодеры и ресиверы всякие изучал!

Поняв, что подчистую выиграл нелёгкий спор, семижопинец тут же налил себе, как победителю, с размахом, по-шолоховски, полный стакан с краями, после чего выпил его достаточно лихо, хотя в конце и закашлялся. Правда, этот короткий кашель вызвал в его тыкве небольшую перестановку шариков и роликов, потому что сторож возмутился ещё раз, причём, до этого момента никто с ним не спорил и такую тему не поднимал:

– Да что же я, вашего дедушку Крылова не знаю, что ли? Это же он послал Вороне кусочек сыра, а потом так и не дал его сожрать?

Володя изумлённо поглядел на вконец распоясавшегося персонажа, и вспомнил свою басню на предложенный бывшим хлопчатобумажником сюжет, рассказав её вслух – так как она была мала по объёму. Итак…

Ворона и водка

Вороне *дедушка* послал бутылку водки.
Ворона, обалдев с такой находки,
и взгромоздясь на сук,
нажраться собралась.
Но на её беду наряд там мимо проезжал:
бутылку водки он конфисковал!
Не знала, дура, что милиция не дремлет
И пьянство на природе не приемлет.

♠ ♠ ♠

Вороне штраф был выписан большой!
Не отдохнёшь теперь на улице душой…

– А можно высказаться по этому трагическому ёперному поводу? – поднял руку, как в классе, военный музыкант.

Чтецу-декламатору было неудобно отказывать в такой малости своему товарищу, и он приветливо кивнул головой: давай, мол, жги! И тут с Салихдзянычем случилось то же, что минутой ранее с Полтавцевым, но только без кашля: тема предстоящего обсуждения вылетела, как пробка из перегретой бутылки российского шампанского «Наследие мастера. Левъ Голицынъ», после чего последовал бурный спич трубача.

– Да у меня, между прочим, четыре автономных ёкарных плавания! – видимо, вообразив себя моряком, начал он рассказывать прижавшемуся из-за тесноты на скамеечке к его плечу коммунисту.

Нуртай, услышав такое признание, чуть не заплакал, остро завидуя Талгату, ведь в его (Нуртая, а не Талгата) неинтересной жизни не было ничего такого, о чём он мог бы сейчас рассказать покерному (б) коллективу.

Увидев, что педагог не реагирует на его рассказ, Батыршин обвёл затухающим взором коллектив и тут же нашёл себе новую жертву, сосредоточив внимание на Николаиче.

– Вот ты, Валера, удивишься, но ведь мои автономные плавания – не простые, а подводные! – в ажитации воскликнул он и даже провёл левой рукой под столиком, как бы иллюстрируя именно подводность некоего плавания.

Грозя Америке бедою,
по дну моря исколеся,
подлодка наша под водою
идёт вперёд, заряд неся!

– Конечно, святой Малевич, это удивительно! – ответил ему художник, чтобы не обижать собутыльника. – А зато я владею техникой лессировки, – наконец вспомнил он. И хотя никто его об этом не просил, тут же начал с жаром уточнять:

– Ты вот думаешь, что есть только один способ работы с маслом!

Прапорщик кивнул головой, как бы соглашаясь, что, да, только один – намазать его на кусок хлеба и затолкать в рот.

– Нет, нет, – часто закивал головой Муравлёв. – Их много, и лессировка только один из них! Это когда можно писать жидкими слоями…

При этих словах присутствующих непроизвольно затошнило.

– … да, жидкими, практически как акварелью, когда один прозрачный слой накладывается на другой, и получается ещё один цвет или оттенок.

– А зачем вообще писать йодистым маслом? – икнув, поинтересовался саксаульский есаул. – Его лучше сожрать!

– Что ты! Вот, к примеру, подумай…

При последнем слове, обращённом к военному, Володе стало немного смешно.

Прибегая к позитивам
как к основам бытия,
я смеюсь над коллективом,
мыслить что не в состоя…

– …подумай, что нужно, чтобы писáть картины маслом?

– Я думаю, что для этого нужна бумажка и масло, – ответил музыкант.

– Это если бы ты писáл! – воскликнул Валера. – А в идеале нужен мольберт, этюдник, пара палитр…

– Пара поллитр? И как ты после них собираешься рисовать? – удивился Талгат.

– …да, пара палитр – в идеале деревянных лакированных, а также маслёнка, мастихин, кисти плоские из натуральной щетины – от первого до 25-го номера, да ещё тряпки – протирать кисти. А ещё нужны растворитель (в идеале № 4, который называется *пинен*), льняное масло (правда, можно и растительное), а ещё лак и скипидар, которые нужно смешивать в маслёнке в равных пропорциях!

«Смотри-ка, как сложно!», удивился фельфебель. «Хорошо мне – засунул в рот дудку и дуди себе на здоровье!». Здесь сознание его сделано какой-то необъяснимый кульбит и он громко воскликнул:

– А вообще-то я в душе конституционный демократ!

– А по-моему, Талгат, ты никакой не домкрат! Знаешь, на кого ты похож? На этого… как его… эмирского бухáра!

Хоть персона я non grata[412],
но похож на демократа!

[412] ***От лат. Persona non grata – нежелательное лицо***

Глава 229. ПУТЕШЕСТВИЕ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР (А тема не отпускала, продолжение)

Альбионыч оглядел вконец распоясавшихся персонажей и вспомнил, что настоящий лидер всегда возглавит коллектив, как бы это ни было трудно. Да, он не пил *тяжёлых* напитков, но ведь сказать тост для своих друзей всегда мог! И он это сделал.

– Дерхаб! – поднял бутылочку Володя.

– А? – встрепенулся Серёжа.

– Есть в Дагестане такой тост. Он означает: пусть у всех присутствующих не будет поводов для печали, пусть у всех будет много детей, и пусть они все будут здоровы, пусть в ваших очагах всегда горит огонь, а в котлах варится вкусная еда, пусть уродится хороший урожай и его не съест саранча. И пусть над всеми будет чистое небо… Короче, дерхаб!

– Ну что, дерхабнем, святой Малевич? – похабно улыбаясь, призвал остальных к исполнению тоста живописец.

– Конечно, дерябнем, царица лесная! – с энтузиазмом поддержал его глуховатый уроженец деревни Семижопино.

В этот День хронометриста,
что придумал Жора Ом[413],
мы дерябнем грамм по 300,
а потом ещё нальём!

[413] ***Георг Иоганнович Ом – немецкий физик, автор знаменитого закона Ома – прим. науч. редактора***

«А интересно, почему Афанасьич вырос таким глуховатым?», подумал писатель. «Неужели всё-таки из-за пьянства?!», додумал он мысль до конца и решил помочь товарищу по партии[414].

[414] ***Разумеется, по партии в русскую кочергу – прим. автора***

– Серёжа, – обратился он к больному глухотой, – а я вот слышал, что есть такие врачи

– прямо во сне кодируют от пьянства! Дать тебе телефон?

– Зачем? Я ведь во сне не пью! – резонно ответил ему сторож, и тут же, решив пошутить, толкнул плечом сидящего рядом Салихдзяныча:

– Ты вот лучше такой телефон Талгату дай, а то у него вечно 33 беды: то жена, то дети, то тесть, то тёща, то недополучение на армейском складе по вещевому аттестату!

«Откуда он знает?!», забилась мыслишка у старшего корнета музыкальных войск Саксаулии. И волнению было своё объяснение: музыкант закручинился оттого, что вспомнил, что в этом году ещё не получал некие элементы новой формы для прапорщиков: во-первых, ботинки, в которых прорезáли отверстие для пальцев – чтобы было удобнее хапать не только руками, но и ногами, и, во-вторых, недавно разработанные портупеи для парадов – широкие и крепкие, крест-накрест во всю грудь, чтобы прапорщики не лопнули от зависти, видя, как воруют офицеры, таща домой всё, что хорошо и плохо лежит.

Всё не так уж безнадёжно,
коли есть где что нам взять:
мы воруем всё, что можно
и особенно нельзя!

– А лично я предлагаю выпить за ВПУК, – застенчиво предложил Митрохин.

– Ты кончай здесь ёперный воздух портить! – строго попенял ему военный трубач.

– При чём здесь воздух? – удивился Васюхан. ВПУК – это

Великое
Покерное
Учение
Кулемзина!

«Откуда он знает?!», поразился Альбионыч, но услышал голос Курманбаева.

– Ты, мать моя партия, кончай здесь волюнтаризмом заниматься, – ерепенился в этот момент педагог, который, как известно, признавал только ЕПУ – Единственно Правильное Учение, или, проще говоря, марксизм-ленинизм (б).

– Ребята, давайте не ссориться! – попросил внеклассовый Николаич. – Пусть васюханский ВПУК будет

Внутри-
Партийным
Укреплением
Корешей!

– О, вот за это выпью даже я! – согласился марсианин. – Реальные двести «Тянь-Шаня», яйчики-бабайчики, и виртуальные три ведра самогона!

Здесь Нуртай, увидев, что начинает терять авторитет в этой странной компании, как и положено бывшему третьему секретарю райкома комсомола, решил сплотить коллектив, для чего тут же запел грустную песню о замерзающем в степи человеке, которого датско-русский этнограф Владимир Йоханович Даль остроумно охарактеризовал так: «Крестьянин, живущий в ямý[415] и отправляющий извоз и гоньбу[416]»

[415] Ям – почтовая служба в России XIII-XVIII веков, где содержали ямских (разгонных) лошадей – прим. ист. редактора

[416] Историческая почтовая служба в России, которая существовала с XIII по XIX века и занималась в основном перевозкой казённой корреспонденции – прим. ист. редактора

Справедливости ради нельзя было сказать, что Курманбаев пел плохо. Неправда, пел он просто безобразно, с подвываниями, заставляя вспомнить некоего медведя, как раз и шатающегося по таким певцам – исключительно для того, чтобы наступить им на свободные уши. Кроме того, совершенно чудовищный двойной акцент – моджахедско-семитский с псевдофранцузским грассированием, или, как выражался образованный писатель, с растяжкой фрикативного *р*, делал песню о русском бедолаге похожем на 46-й кюй саксаульского композитора Курмангазы и одновременно на известную в определённых кругах песню «Семь со́рок»

Мне с кентами вечер до́рог –
стол с водярой – это храм:
вместе мы споём «7.40» –
рюмок 7 по 40 грамм!

– Ты бы, сосед, лучше помолчал! – видя, как унтер-офицер держится из последних сил, чтобы в очередной раз не навестить учпучмакские кусты, воскликнул Серёжа. – Помнится, о таких, как ты, великий русский писатель Иван Петрович Забулгаков писал, что, мол, не умеешь пить… тьфу, петь, так, мол, и не берись!

– Когда это он писал такое? – бросив песню, переключился на обструкцию большевик. – И где ты такое прочитал? И вообще, ты читать-то умеешь? Что-то я у тебя до́ма ни одной книжки Булгакова не видел! Ты хоть знаешь, кто он такой?

– Да что же я, мать честна́я, Забулгакова вашего не знаю? – уже в третий раз за последние полчаса возмутился бывший текстильщик.. – Да я ещё со школы помню, что он кулинарную книгу написал – правда, очень однобокую!

– Кулинарную?! – обалдел писатель. – Однобокую?!

– Конечно! «Мастер по маргарину» называется…

Лишь сознанием куриным
фору даст не книголюб:
Маргариту с маргарином
перепутает, кто дуб!

Но, как оказалось, вспоминание великого имени дало новый толчок «сознанию» охранника.

– Ребята, – проникновенно произнёс он. – Я предлагаю держаться нам всем вместе – друг за друга.

– Зачем? – поинтересовался коммунист Мусаич.

– Тогда мы, царица лесная, не потонем!

– А почему это мы, мать моя КПСС, должны тонуть? – снова спросил настырный ленинец.

– Эх ты, соседушко, – по-семижопински попенял педагогу Афанасьич. – А ещё с высоким образованием! Да потому что мы тяжелее воды!

Глава 230. ПУТЕШЕСТВИЕ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР (А тема не отпускала, окончание)

Спорить с этим убийственным аргументом было трудно, и остальные, чтобы закрепить только что полученное от Полтавцева знание, решили продолжить алкогольные забавы, после чего сторож вытащил из хурджина новую бутылочку, которая, как успел заметить Володя, была наполнена *всклень*[417]. Разлив всем поровну (кроме писателя), сторож

залпом выпил свою пайку, крякнул, занюхал рукавом собственной маечки и тут же воспользовался народной мудростью, которая показалась Кулемзину сомнительной:

– Да, тоска – не туман…

[417] Вот как объясняет это слово Владимир Иванович Даль в своём «Толковом словаре живаго великорускаго языка» издания 1880 года книгопродавца-типографа М. О. Вольфа: «о жидкости в посудинѣ: по́лно, вровень с краями» (т. I, стр. 266) – прим. филолог. редактора

– В каком йодистом смысле? – поинтересовался старший трубач.

– Да в смысле, что пока не поддашь – не рассеется! – объяснил ему знаток деревенских примет, и тут же спросил у Альбионыча, подняв перед собой уже, к сожалению, свой пустой *двухсотовый*:

– А вот ты не знаешь, откуда вообще эта тара берётся – для бухла?

– Конечно, знаю, – не стал отнекиваться знаток всего. – Если говорить персонально о твоём стакане, то об этом знают уже все – из глав 188 и 189 второго тома моего искромётного романа «Русская кочерга», а вот об остальной таре я, как крупнейший поэт двух веков, сейчас расскажу вам стихами:

Рюмочка златая, откуда ты?
С Алтая!
Рюмочка чумаза, откуда ты?
С Кавказа!
Рюмочка затейна, ты откуда?
С Лихтенштейна!
Рюмочка медна –
вино держать вредно!
Рюмочка железна –
пить дюже полезно!
Рюмочка из стали –
пить мы не устали!
Рюмочка из бронзы,
отвлеки от прозы!
Рюмочка алюминиевая!
Не пройди мимо неё!
Рюмочка хрустальная –
пьём за Сталина!
Рюмочка спиртного, ты откуда?
От Смирнова!
Рюмочка красива, ты откуда?
С Тель-Авива!
Кьянти два стакана, вы откуда?
С Ватикана!
Кальвадоса два бокала:
сколь ни пей – всё будет мало!
Выпьем за Ремарка,
чтоб стоял, как Триумфальная арка!
Бренди два ковша,
вы откуда? Из США!

– И так далее, – переведя дух, решил закончить стекловидное обозрение поэт Кулемзин, так как знал, что если вовремя не остановиться, но оно могло бы продолжаться до ка-

тегории человеческого мышления, используемой для характеристики безграничных, беспредельных, неисчерпаемых предметов и явлений, для которых невозможно указание границ и количественной меры, или, проще говоря, до бесконечности.

Альбионыч давно заметил, что употребление крепких спиртных напитков несколько меняет людей, и вот теперь только что выяснилось, что антенщик Митрохин, приняв, как говорят анатомы, на грудь уже не менее чем 0,5 литра *тяжёлого*, вдруг стал крайне любопытен по части философии. Пользуясь минутной передышкой, он пересел от Муравлёва к Батыршину, после чего не преминул поинтересоваться у музыканта:

– Вот ты, Талгат, военный. Скажи, почему винтовку можно собрать и разобрать, а человека нельзя?

– Вопрос понял, отвечаю. Вот представь себе, Васюхан, что ты себя развинтил, спать лег, а тут ёкарная боевая тревога. Ты второпях всё обратно свинтил, а вместо головы приставил жопу…

«В принципе, оно сейчас у всех них именно так», подумал писатель.

Всё не так: тройное пузо
и ленивый мозжечок,
вместо жопы – два арбуза,
вместо *тыквы* – кабачок!

– И что получается? – продолжал дудочник. – Ёперная пилотка не налазит, йодистая гимнастёрка не застёгивается, все кричат *ура*, а ты?!

– А, может, я в тот момент болею? – попытался уйти от ответственности старший джус всех антенщиков города Отцеябловска.

– Ты это брось, – строго, по-военному попенял ему обер-фельдфебель. – Болеть в армии можно только в медсанчасти, а где ты на поле боя её возьмёшь?

Вряд ли нужен лист больничный
для приёма внутрь *столичной*!

И вот тут литератор отвлёкся на дворовых детей, которые сейчас зависли на импровизированном турнике в остром (южном) углу Великого ▲, точно колокольчики на шее козы Машки, а потом по очереди спрыгивали с него, поднимая пыль.

– С доскою я гляжу на наше поколенье, – пробормотал марсианин, стряхивая пыль со штанов.

– …да я в этом деле как Цезарь! – в это время похвалился Полтавцев, но так как Альбионыч отвлёкся на несколько секунд на дворовых детей, то ни он, ни автор этого повествования, ни даже ты, мой читатель, так никогда так и не узнаем, в каком же деле Серёжа чувствовал себя римским консулом!

Хоть простой советский слесарь,
и люблю я самогон,
и умён, как Юлий Цезарь,
но наивен[418], как и он.
Я по жизни ведь не каин –
никого не обдеру:
трёшку мне суёт хозяин,
ну, а я рублём беру!

[418] Древнеримский государственный и политический деятель I века до н.э. Гай Юлий Цезарь был убит в результате зáговора своим другом Марком Юнием Брутом – прим. ист. редактора

– А вот ты, Володя, когда, святой Малевич, пить бросил? – неожиданно поинтересовался живописец.

– Да я это делал много раз, – честно признался писатель. – Но один случай запомнился мне особенно

– Расскажешь? – хором попросил коллектив.

– Конечно, – не стал чиниться покерный гуру. – Давно это было, – по-былинному начал он рассказ, – в то время, когда я бухáл так, что не только пил семь дней в неделю, но ещё и умудрялся пускаться в запой.

Все присутствующие, что называется, примерили ситуацию на себя и содрогнулись.

– И вот тогда, когда в очередное утро я не смог встать и подойти к холодильнику за похмельным пивком, решил я нанять себе сиделку – как раз для таких случаев.

Я сиделку нанимаю –
долгопрудненскую Майю!

– И что, ёкарный писатель, нанял? – поинтересовался старший прапорщик. – Она хоть красивая хоть была?

– А главное, мать моя партия, за сколько? – поинтересовался Курманбаев, который вообще по жизни очень интересовался этим вопросом

– А шустрая была, мать честнáя? – вспомнив свою подругу Зулю, поинтересовался экстекстильщик.

– А… а… а?... – не вспомнив ничего, так и не поинтересовался Васюхан.

– Отвечаю на все вопросы сразу, – ответил Альбионыч. – Проработала эта сиделка у меня всего один день – пока я не понял, что за такие деньги можно вполне нанять себе не сиделку, а лежалку!

– Так лежалка – это уже после похорон! – отвлекаясь на что-то своё, грустно промолвил Валера.

Отзвучат поминальные речи,
выпьют горькой по 150,
и огромную, в мраморе, печень
над могилой друзья водрузят!

Глава 231. ПУТЕШЕСТВИЕ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР (О неконтролируемых речевых потоках и загадке Кулемзина)

Чувствовалось, что такая не совсем привычная постоянная говорильня (ибо, например, во время игры персонажи разговаривали на 78,8 процента меньше) иссушала горло и настойчиво требовала продолжения банкета. Состояние неконтролируемой свободы не только не расслабляло учпучмакцев, но, напротив, мобилизовывало их на давно, ещё с утра ожидаемые алкогольные подвиги.

«По-моему, пора перестраивать метаболизм этих явно спившихся тел!», запоздало подумал Альбионыч. И он действительно несколько запоздал с обеспечением контроля над процессом заполнения организмов черноплодными напитками. С трудом отойдя от столь тяжёлых дум, Володя сделал гигантский глотóк из которой уже по счёту бутылочки любимого «Тянь-Шаня» и вновь стал вслушиваться в неконтролируемый речевой поток игроков (б) и их верных болельщиков, как вдруг с удивлением услышал в этом потоке своё славное имя, а, вернее, фамилию.

– Страшный человек этот Кулемзин, царица лесная! – произнёс один из них.

– Почему, святой Малевич? – поинтересовался второй.

– Да ему закуска заменяет выпивку!

– Да-а-а, это точно, мать моя КПСС! – резюмировал третий.

Исключительно по-русски,
миновал чтоб лазарет,
пью я водку без закуски –
для закуски места нет!

Правда, по своему жизненному опыту писатель знал, что в выпивающих компаниях ни одна тема не держится в разговоре более минуты. Так произошло и на этот раз. Старший трубач неожиданно сорвался с места, обошёл столик с надветренной стороны и тяжело упал рядом с Васюханом.

– Знаешь, друг, – обняв Митрохина за плечо, поделился сокровенным военный музыкант, – когда ко мне однажды пришла настоящая ёперная любовь, мне очень повезло: моей ёкарной жены Аиды не было дома!

И не успел старший джус переварить это неожиданное признание, как с другой стороны его обнял за другое плечо единственный текстильщик на территории Бермудского Учпучмака. Когда он открыл рот, чтобы (по примеру других) сделать своё волнующее признание, оказалось, что его начало он уже как бы проговорил про себя, а самую концовку приберёг для антенщика.

– И вот тогда, Васюхан, этот иблисов доктор мне и говорит:

– У меня для вас, Серёнька Афанасьич, две новости: хорошая и плохая. Так с какой начать?

– Ну, давайте с хорошей, доктор, – говорю я ему.

– Печень у вас здоровая, – улыбается врач.

– А плохая новость? – затаив дыхание, спрашиваю я.

– А ты, яйчики-бабайчики, затаивал дыхание для чего? – вклинился в разговор писатель, потому что думал в этот момент не о разгоревшейся, как пионерский костёр, пьянке и сопутствующим ей разговорам, а исключительно о том, какие интересные истории будет вставлять в главу 231 шестого тома романа «Русская кочерга»

– А затаил я дыхание, Володя, потому что с волнением почувствовал, что узна́ю сейчас нечто страшное.

– Ну и как, узнал?

– А то! Мне тогда этот врач-внутринолог и сказал, что печень у меня не просто здоровая, а здоровенная. Короче, я так ничего и не понял…

Вероятно, от сгущёнки,
кою я люблю зело,
разрослась моя печёнка –
стала весом в три кило!

В общем, сюрреалистический марафон продолжался. Отравленная спиртом кровь с рёвом била в слабые мозги в нём (марафоне, а не спирте) участвующих.

– Серёжа, твой йодистый тост, – сурово напомнил Салихдзяныч.

– Вот именно, – вставил партийные копейки Курманбаев. – А то всё ерунду какую-то рассказываешь.

– Да запросто, – не стал чиниться охранник и поднял стаканчик, не обратив внимания на бранное слово *ерунда* из нечистых уст ленинца. – Ну, короче, мать честна́я, как говорил некий Дуртаньян, один за всех и прочая байда в том же роде…

– В смысле, святой Малевич? – поднял бровь живописец Николаич.

– В смысле всего-всего вам са́мого-наиса́мого!

Писатель с многолетним стажем с завистью посмотрел на гениального придурка и понял, что до таких высот алкогольно-народного стиля ему не добраться даже за 30 лет непрерывной писательской работы. «Зато я хорошие загадки загадываю», глуповато подумал он, и тут же решил реализовать вспомненное.

– А вот задачка по математике, – весело воскликнул Альбионыч, после чего как бы встревоженно посетовал про себя:

– Впрочем, кому это я говорю? Вот этим моим подвыпившим друзьям (б)?

– А ты не чинись, – рассудительно произнёс Афанасьич. – Говори!

– Хорошо, – решился загадчик. – Особенно попрошу внимания нашего единственного в компании действующего воина.

Ведь не всё на мозг влияет,
что постигнешь головой:
всё на свете тот лишь знает,
кто в пилотке полевой!

– Меня, что ли? – встрепенулся Талгат.

– Тебя, – подтвердил Кулемзин. – Итак, дано: некий генерал-майор с неким генерал-полковником распили бутылку российского пятизвёздочного коньяка. Вопрос: сколько всего звёздочек можно было насчитать во время этого события?

– А их фамилии, мать моя партийная организация, можно уточнить? – вступил в отгадывательный процесс первый отгадчик.

– Звёздочек? – уточнил Володя, так как говорил о них последними.

– Нет, генералов этих, – уточнил Мусаич.

– К данной загадке это не имеет никакого отношения, – твёрдо оборвал его марсианин. – Итак, кто первый?

– Я, царица лесная! – заявил второй отгадчик, затем, явно волнуясь, схватил покерную раскладку, перевернул её и стал покрывать чистую сторону какими-то математическими символами.

Заглянув в листок, Кулемзин с удивлением увидел коряво написанные формулы, изобилующие цифами и числами, корнями квадратными и кубическими, а также значками факториала и сравнения, пропорциональности и тождественности, и, кроме того, латинскими буквами из уравнений (прости, русский язык!) квантора существования и квантора всеобщности.

Очень точно отмеряю
то, что будет налито́:
математику я знаю –
разливаю всем по 100!

Затем сторож вытер пот, выступивший от напряжённой умственной работы, и торжествующе заявил:

– По 10 звёздочек на брата!

– А как ты, Серёжа, догадался, что эти генералы были братьями? – изумлённо вопросил его Васюхан.

– Вычислил, царица лесная! – победно поглядел на него бермудский математик.

– Так, кто ещё? – спросил загадчик и, воспользовавшись некими марсианскими технологиями для упрощённого отгадывания, воспроизвёл в жарком мареве Великого ▲ этикетку, видимо, того самого коньяка – вот такую:

– А, ну теперь всё понятно! – глянув на неё, воскликнул саксаульский шнапс-капитан. – Так бы сразу и сказал! На этикетке 5 ёперных звёздочек, значит, на каждого йодистого генерала пришлось по две с половиной звезды!

– Какие ещё будут мнения? – улыбнувшись ответу, вопросил Володя.

– А я вот, мать моя КПСС, всё же хочу уточнить, – поднял руку, как во 2 классе, педагог Курманбаев.

– Ну, давай, – разрешил загадчик.

– А что обозначают вот эти 42° в нижнем левом углу? Думаю, что это знание является ключевым для понимания всего происходящего.

– Нет, Нуртай, – твёрдо ответил Альбионыч, – этого я тебе сказать не могу, иначе ты, как выражаются снукерные комментаторы, можешь получить комфортное преимущество перед своими товарищами!

«Кто бухáет в мавзолее?»
Как хурмину сладкую,
преимущество имея,
отгадал загадку я!

– Ах, вот в чём дело! – торжествующе заявил большевик. – Тогда я знаю точный ответ, но до поры до времени не буду говорить его – чтобы им не воспользовались оппортунисты разных мастей!

– Хорошо, – согласился литератор. – Васюхан, ты остался один. Будешь отгадывать?

– Конечно, – кивнул головой старший джус. – А премия будет?

– Будет, – пообещал Володя. – Ровно 100 граммов из этой виртуальной бутылочки!

– Тогда так: во время этого события я насчитал 13 звёздочек. Ничего, что такое некрасивое число?

– Правильно, яйчики-бабайчики! – довольно воскликнул Кулемзин.

– Как правильно? Почему правильно? – хором заголосили проигравшие интеллектуальную битву.

– Да потому, что к пяти звёздочкам на этикетке коньяка нужно было ещё прибавить две звёзды на погонах генерал-майора да шесть звёзд на погонах генерал-полковника, так что 2 + 6 + 5 = 13!

Тост плюс тост плюс тост плюс тост –
как на пик взобраться:
нужно очень много звёзд,
чтобы нам нажраться!

– Так я так и знал! – завопил коммунист. – Я же ещё раньше говорил, что знаю! Това-

рищ Митрохин, надеюсь, вы поделитесь со мной своим выигрышем?

– Да я тебе его весь отдам! – пообещал счастливый антенщик, сообразив, что предложенные хитрованом загадчиком 100 граммов – виртуальные.

Вот так закончился очередной раунд бермудского путешествия в параллельный мир.

Глава 232. ПУТЕШЕСТВИЕ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР (Гонка за лидером)

Но вот напряжение, которое не отпускало бермудцев во время отгадывания сложной загадки Кулемзина, наконец-то спало, и пьянка – к неудовольствию покерного гуру – продолжилась. Да-да, мой читатель, автор знает точно: то, что так не нравится нашему главному герою, особенно нравится тебе. «Вот весёлые странички!», радостно думаешь ты, как только очередной том начинает подходить к концу, – так же, как подходит к своему окончанию очередной день учпучмакских персонажей. Альбионыч не спеша прихлёбывал свой привычный «Тянь-Шань» и внимательно разглядывал бухáющий коллектив – для нового набора писательских впечатлений.

В алкогольный транс впадая,
изредка в кусты блюя,
визави мои бухáют,
а закусываю я!

Вот он заметил, как, выпив очередную пайку, Митрохина внезапно перекосило, как собаку от кошачьего *вискаса*.

Вот Муравлёв неожиданно приподнялся со скамеечки и все подумали, что он хочет сказать очередной тост, но Валера неожиданно сделал признание, что именно сегодня ему просто необходимо быть ответственным за ЖКХ, а на недоумённый вопрос партийного педагога, почему, ответил расшифровкой этой хитрой аббревиатуры: за

Женщин,
Коньяк и
Хату!

Вот лицо Курманбаева, у которого уже давно болела печень, но он никак не мог остановиться, приобрело яркий тетрациклиновый цвет.

Вот Полтавцев после особо ударного принятия черноплодных напитков начал подниматься со скамеечки, как Панночка из гоголевского «Вия» – с закрытыми глазами и вытянутыми вперёд руками, но тут же был усажен обратно силами художника и антенщика.

Вот писатель отметил, что пластиковый стаканчик Батыршина был давно пуст, но военный музыкант продолжал сжимать его, как убитый при вражеской атаке знаменосец – полковой штандарт.

В общем все развлекались, как могли, и только Альбионыч напряжённо работал головой, пытаясь запомнить не только каждое мгновение происходящего, но и все неожиданные диалоги, которые возникали и тут же исчезали в пучине безжалостного и коварного Времени. Причём, иногда даже не нужно было всматриваться в рожи диалогистов, так как они легко угадывались по специфическим выражениям, которые давно и хорошо знакомы моему читателю. Например:

– Скажи, а какая твоя ёперная заветная мечта?
– Бросить пить, святой Малевич!
– А чего же ты не бросишь?
– А как же потом жить – без мечты?!

или

– Ну, за то, мать моя партия, чтоб заработать все деньги!
– Нет, мать честная, всех денег не заработаешь. Их же всё время печатают…

Я поспорить хочу, ребята:
жизнь прекрасна, довольно ныть –
можно жить на одну зарплату!
Правда, очень недолго жить…

А при слове *деньги* неожиданно торкнуло сразу двоих – одного видимого (литератора) и одного невидимого (автора), и теперь уже не разберёшь, кто из них поспособствовал тому, чтобы на этой стр. 575 неожиданно появилась миниатюра под этим же названием

Деньги

Деньги!

Их нельзя презирать, ибо это будет ложной гордыней, которая сама достойна презрения.

Их нельзя любить, ибо настоящая любовь всегда безответна, а деньги никогда не ответят вам взаимностью.

Их нельзя уважать, ибо они в этом не нуждаются и поэтому не обратят на вас никакого внимания.

Деньги нельзя копить, ибо у вас тогда не будет времени ни на что другое.

Перед ними нельзя заискивать, ибо они примут вас за нищего и ограничатся подаянием.

С деньгами, конечно, можно заключить договор – они честные партнёры, но дело в том, что условия договора вы неизбежно нарушите первым, и тогда неотвратимо последуют санкции...

Вчера знакомый аналитик
на рынке мировых финансов
охрип: сипел, как сифилитик,
со мною проводя сеансы,
давал, болезный, мне советы,
старался из последних сил,
однако вдруг в конце беседы
деньжат немного попросил!

– Может, сыграем в домино? – неожиданно предложил Муравлёв.
– А где ты его возьмёшь? – поинтересовался охранник.
– Могу съездить! – отважно предложил Валера. – А лучше поехали вдвоём!
– Зачем это? Оно что, тяжёлое?
– Да не в этом дело: ты будешь отвлекать Наташу, а то вдруг она уже вернулась, а я в это время достану доминошки из чемодана под кроватью.
– А лото у тебя нету? – поинтересовался Афанасьич.
– Лото нету, – горько признался художник. – Было когда-то, да я как-то раз по пьянке все бочонки с балкона покидал – в какую-то собаку всё никак попасть не мог!

Он ярко представил скрипящий голубой в белый горошек мешочек, гладкие бока бочонков с рифлёными цифрами на донышках, затрёпанную колоду продолговатых карточек с разбросанными там и сям цифрами, и понял, как ему не хватает в жизни именно лото, а потом и вовсе прислонился затылком в карагачу, закрыл глаза и как наяву перед

его внутренним взором выстроились маленькие, словно игрушечные, кадушечки с затейливыми народными названиями:

1 – совсем один
2 – лебедь
3 – на троих
4 – стул
7 – топор
11 – барабанные палочки
24 – лебедь на стуле
33 – кудри
41 – ем один
55 – перчатки
66 – валенки
77 – топорики
80 – бабка
81 – бабка с клюшкой
85 – перестройка
88 – крендельки
90 – дедушка.

Отослав подругу Раю
я за водкой к Ильичу,
сам с собой в лото играю,
про *квартиру* всё кричу!

Глава 233. ПУТЕШЕСТВИЕ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР (Гонка за лидером, окончание)

– Нет, ну так решительно нельзя! – услышал Николаич как бы сквозь сон голос Верховного Покерного Жреца и очнулся.

Оказалось, что Володя, устав хлебать своё пивко в полном одиночестве, решил взять функцию вождя на себя.

– Давайте-ка, други мои, поговорим со мной, – предложил он диктаторским тоном, и все неожиданно согласились, так как знали, что когда Кулемзин что-то предлагает, с ним лучше не спорить.

А автор, прячущийся сейчас за карагачом, где так недавно отдыхал затылок Муравлёва, даже обрадовался, ибо испытывал к своему главному герою особое почтение. Но остальные герои пока молчали, так что начало серьёзного разговора о жизни пришлось снова взять на себя Альбионычу.

– Было это до перестройки, – начал вспоминать писатель, – когда на дворе, яйчики-бабайчики, стоял полусухой закон.

– Как это – полусухой, мать честна́я? – заинтересовался охранник.

– А так: выпить хотели абсолютно все, но выпивки достать было нельзя!

В ежедневном обороте
каждый трезвый – как балласт:
выпить был никто не против,
только кто же нам продаст?

Было видно, что волна воспоминаний, принесшая с собой мусор недавнего прошлого, накрыла его с головой. И чтобы избавиться от этого нахлынувшего чувства, он встряхнулся, как собака, пришедшая домой из-под дождя, и протянул наполовину наполненный стаканчик к остальной таре, в которой чего только не было.

– За меня! – трагично произнёс литератор, коим, видимо, основательно овладела мания величия. – За меня, основателя нового учения о старом человеке!

«Вроде бы с нами не пил, а совсем с йодистого ума съехал», тепло подумал старший прапорщик и, поднапрягшись, начал новую тему:

– Скажи, а вот правду говорят, что старый ёперный друг лучше новых ёкарных двух?

– Конечно, правду, – не стал спорить знаток народных пословиц. – Кстати, с подругами как раз всё наоборот!

И чтобы не развивать тему, которая очень быстро закончилась его искромётным афоризмом, тут же начал новую:

– А знаете, что такое поллитра на троих?

В мире всё совсем не хитро,
лишь бы было нас самих:
на троих одна поллитра
словно литр на шестерых!

– Конечно, знаем, – хором перебили его музыкант, сторож, художник, педагог и старший джус.

– Прошу не перебивать! – сурово оборвал стройный хор пропитонов бытовой философ. – Итак, ещё раз: что такое поллитра на троих – но по-африкански?

Все стыдливо промолчали, причём, Курманбаев снисходительно улыбался: как же, я-то знаю, но, конечно же, не буду портить оратору праздник. Наконец и он не выдержал, закричав на всех:

– Ну что, сдаётесь? – после чего выразительно посмотрел на Альбионыча.

– А, между тем, ответ очень прост: это когда двое пьют, а третьим закусывают!

Марсианин ещё не закончил историю, как Нуртай решил ввернуть свои три копейки:

– А вот я, мать моя КПСС, знаю один анекдот!

– А я знаю, что ты сейчас пойдёшь домой – до завтра, – ласково поглядел на него покерный гуру.

Педагог тотчас же заткнулся: он не хотел терять ни халявного пива, ни возможности провести этот вечер не в семье. «Какие несносные характеры у этих русских писателей», неприязненно подумал Мусаич.

Я за рифмами ныряю,
как с младенчества привык,
и по-русски сочиняю –
у меня ж один язык!

А Кулемзин в это время сидел и думал очередную горькую думу. Только что он примерно вычислил, что каждый из его сопокерников (б), включая примкнувших к ним Валеру и Васюхана, приняли уже граммов по 500 весёлых напитков повышенной крепости, но вёл себя каждый из них где-то граммов на 550! «Как бы пацаны ангедонию[419] не заработали!», озаботился моральным обликом пропитонов знатный писатель двух веков.

[419] Ангедония – снижение способности получать удовольствие от жизни. Это понятие противоположно гедонизму – древнегреческому учению, развитому Аристиппом, Пла-

тоном и Эпикуром, основанному на приоритете жизненных удовольствий в системе человеческих моральных ценностей – прим. философ. редактора

– Володя, не задумывайся слишком, – неожиданно попенял сидевший рядом с Кулемзиным Митрохин. – Скажи лучше тост – для всего коллектива.

– Тебе, Васюхан, отказать не могу, – поднял свой стаканчик с «Тянь-Шанем» внезапно тостующий. – Вот слушайте: люди просто перехитрили время – эту самую беспрерывную и безызъянную категорию жизни. Но ведь хорошо понятно: чтобы разомкнуть её, надо быть по меньшей мере светом…

«Кому это понятно, мать моя партийная организация?», подумал большевик, педагог и пропитон.

– А тут простой человеческий выход – Новый год, – продолжил философ-пивофил. – И это, по сути, единственная точка, где время спотыкается, как мы порой – на скрытой ковром ступеньке. Так давайте же все поголовно выпьем за время и за нас, человеков, похожих на джокеров!

Человек похож на птицу:
любит так же материться!

«При чём здесь, святой Казимир Северинович, Новый год?», подумал живописец. «И, главное, при чём здесь какие-то джокеры?!»

– Отлично сказал, ёкарный тост! – громко восторгнулся саксаульский трубач. – И ведь как всё правильно: сколько водки ни пей, а организм всё равно на 80 процентов состоит из воды!

«Вообще-то я говорил несколько о другом», удивлённо подумал спонсор коллектива, но спорить с пьяным товарищем не стал – всё равно ведь завтра ничего не вспомнит! И тут Володя вновь убедился, что все уже допились до какого-то вегетативного состояния, а это означало только одно: процент содержания интеллекта в целочисленных показателях явно уступал содержанию алкоголя в крови.

Коль осмотреть внимательно окрестности –
любому станет ясно человеку:
есть в мире куча разных интересностей,
что не дают пройти в библиотеку!

«А ведь пора расходиться», решил Кулемзин, но не знал, как сообщить это страшное известие покерному подразделению, куда по нелепости затесались двое неиграющих алкашей. И тут его выручили как раз они, то есть неиграющие алкаши Валера и Васюхан.

– Так что ты, Нуртай, знай, – явно перепутав своего товарища с партийным недругом, втолковывал Митрохину художник-концептуалист, – что если что, я с тобой в разведку не пойду!

– А я пойду, – ничего не путая, согласился антенщик, а потом и вовсе предложил:

– А пойдём прямо сейчас!

– Пойдём! – наконец согласился Николаич, но тут же был сражён неизвестно откуда взявшейся на Земле силой тяжести.

И это было удивительно: вот только что её не было, а тут раз – и взялась! «Да это коммунисты во всём виноваты!», успел подумать живописец и начал проваливаться в тёмную яму, из которой был только один путь – на тот свет.

Стремится сдохнуть тот, кто спятит –
я эту мысль определил:

на тот мне свет совсем не катит –
мне этот свет пока что мил!

– Так вы в ёкарную разведку? – обрадовался старший корнет. – Тогда и я с вами!

– А меня забыли, царица лесная! – обиженно завопил охранник. – А я знаете как люблю в разведку ходить! Не знаешь, не знаешь ничего, а в разведку сходил – и всё узнал!

– А ты, Мусаич? – серьёзно обратился Володя к ленинцу. – Как тебе идейка?

– К-к-какая идейка? – начал заикаться преподаватель еврейского колледжа.

– Насчёт разведки.

– Хорошая идейка, мать моя партия, – неожиданно одобрил Курманбаев. – Помнится, ещё в речи на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 года Ильич сказал: «Сейчас положение такое, что мы, опираясь на произведённую *разведку*, делаем проверку того, что нами сделано…»[420]. А уж если Ильич на разведку опирался, то нам и подавно надо!

[420] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 45. стр. 221 – прим. полит. редактора

И тут в никак не хотящем остывать мареве Бермудского Учпучмака сам собой (но на са́мом деле созданном марсианскими технологиями) выткался некий символ веры, хотя никому из сидящих на скамеечке, кроме Володи, верить в это не хотелось:

Глава 234. ПОЧЕМУ ВЕЧЕР СУББОТЫ НИЧЕМ НЕ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ВЕЧЕРОВ ДРУГИХ ДНЕЙ НЕДЕЛИ?

Альбионыч вытащил из кармашка свой миниатюрный телефон и посмотрел на мониторчик, который тут же показал ему наступившее время – 19:47. «Ого!», по-народному подумал писатель. «Однако так допоздна мы в романе ещё не засиживались!». Он ещё раз оглядел собирающихся на покой индивидуумов, к месту вспомнил, что эта лексема (покой, а не индивидуумы) является корнем слова *покойник*, и вновь порадовался сразу двум вещам: во-первых, тому́, что день явно удался, и, во-вторых, тому́, что из-за первого пункта удался и этот том «Русской кочерги», о котором пока знал только он один.

Его товарищи по русскому покеру и их верные болельщики, такие разные в течение дня, сейчас были все как под копирку, но было в них одно, что объединяло этих людей – они наконец-то не были похмельными, как это случилось с сегодняшнего утра.

«Ох, проклятое ты зелье»,
говорит нам детвора.
«Утром он страдал с похмелья,
к вечеру опять нажра…»

Да, мой дорогой читатель, вместе со мной дошедший до этих последних страниц, знай, что только к концу третьей части, а, значит, и всей шестой книжки нашего великого повествования, автор может с полной уверенностью констатировать, что применительно к его героям сейчас абсолютно подходит прекрасное выражение, которое, кстати, существует только в русском языке – *больные наконец-то здоровы*!

Солнце размером с большую тыкву уже уткнулось в горизонт и вот-вот должно было сплющиться, как проколотый детский шарик. Закат отражался в до сих пор не высохших лужицах и скромно подкрашивал символическую саксаульскую флору.

Картина пряна и медова,
да только не для всех широт.
Закат – коротенькое слово,
а сколько красок в нём живёт.
Они, как бы кристаллизуясь,
затушевали камыши.
И я закатом тем любуюсь
на широте моей души…

И вот на фоне этой красоты начался очередной расход по мастям. В свой суровый поход вначале двинулись два соседа по одной лестничной площадке дома № 16, то есть педагог Курманбаев и сторож Полтавцев. Они нежно поддерживали друг друга за ручки, и одновременно пытались прислушиваться к голосу разума своего визиви.

– А ты знаешь, Нуртай, – тянул за рукав Мусаича Афанасьич, – что все шашлычники, умершие с шампурами в руках, после смерти попадают в Мангаллу?

– Конечно, знаю, – врал как всегда ленинец. – А я вот уверен, что ты не помнишь, что в моём любимом СССРе (б) была такая консерва – «Завтрак туриста»!

– А вот и нет, Нуртаилло ты хре́ново, как раз помню, и всегда жалел, что в ней не было ни грамма *крепкого*!

В стандартном «Завтраке туриста»
должна быть водка – граммов 300!

А писатель, с трудом расслышавший разговор уже удалившихся на приличное расстояние персонажей, порадовался, что успел внять новому обзыванию строптивого преподавателя еврейского колледжа. «Да, Нуртаилло ты хре́ново – это надо запомнить», решил он.

– Пора валить, святой Ван Гог! – услышал литератор ещё одно обращённое в никуда обращение, и по присказке сразу же догадался, что исходит оно от Муравлёва.

Оказалось, что Валера с трудом поддерживает своего друга Васюхана, чтобы тот сейчас не пришёл в досрочное соприкосновение с планетой пребывания.

«Насколько всё-таки тонок русский язык!», в очередной раз порадовался Альбионыч. «Вы обращали внимание, что выражение «Пора валить!», сказанное о себе и о ком-то друго́м, имеет совершенно разные значения?»

Под личиной патриота
этой зимнею зимой
завалил я бегемота
и *свалил* к себе домой!

Из раздумий нашего героя вывел очередной визгливый голос, который, как наверняка уже догадался мой читатель, принадлежал активистке Жанне Пантелеевне, или Ж. П., как кратко называл её Кулемзин:

– А где это, интересно, Нуртай и Серёжа? Я тебя, Володя, спрашиваю!

– А что случилось? – поинтересовался старший по покерному столику.

– Ты что, с ума сошёл? – сходу поставила диагноз старшая по дому. – Сегодня же суббота, и у нас объявлен общедомовой субботник. Явка обязательна!

В словах моих не усмотри́те лжи и фальши,
но, несмотря на то, что вы мне как родные,
идите на́ хрен или, может, даже дальше
вы с предложеньем поработать в выходные!

– А у нас – это у кого? – уточнил марсианин.

– Не умничай! – вновь уличила Ж. П. писателя в неизвестной, но явно психической болезни. – Сам всё знаешь!

– А можно переодеться? – попросил Володя.

– Давай! Только быстро! – отдала чёткие, словно служила в армии, команды общественница, но тут же переключила своё внимание, так как услышала голоса́ военного музыканта Батыршина и вышедшей встречать непутёвого супруга Аиды Яковлевны.

– Вот видишь, дорогая, чудеса бывают! – пытаясь удерживать буквы в словах, втирал жене пьяненький трубач. – Сегодня вечер вторника, а я трезв, как мартышка и очки!

– Не хочу тебя расстраивать, урод и отец моих детей, – странно ответила ему Аида, – но сегодня уже вечер субботы!

Живота полна́ канистра –
как вчера, я снова пьян:
пролетело время быстро –
восемь литров плюс стакан!

– Ты иди, а я ещё попрощаюсь с друзьями! – отвернулся от неё обозванный и пошёл назад, к трём «В» – Володе, Валере и Васюхану.

– Сволочи! – исчерпав все аргументы, кинула в пространство еврейская супруга и гордо удалилась строить семейное счастье в одиночестве.

– Как это старо, – вздохнул Альбионыч. – Все мужики сволочи, все бабы дуры, а верёвка есть вервие простое[421], а Волга впадает в Каспийское море, а крокодилы ходят лёжа. Старо, как серёжина бабушка Федо́ра из деревни Семижопино, к счастью, уже давно покойная – чтобы не видеть всего этого ужаса современной жизни…

[421] Фраза из басни «Метафизик» (1783) русского поэта Ивана Ивановича Хемницера – прим. лит. редактора

Век мой тяжким увенчался:
друг – урод, жена – пила,
как я вовремя скончался!
Жизнь взаправду тяжела…

Володя, ни на миг не переставший быть знатным поэтом, видел, как нежные сумерки постепенно скрывали уродство и грязь окружающей действительности, а сам в это время думал о том, что из нормальной жизни, которой живёт большинство людей во всем мире, мы переместились в смежную реальность, где царствуют не факты, не тенденции, а мифологемы и призраки, но как и почему это произошло, уже становится неважно…

Он попрощался с Талгатом, заметил, что тот, расставаясь с Николаичем и Васюханычем, так и не попал своей военной дланью в их трясущиеся руки, и с тяжёлой улыбкой на-

чал глядеть ежедневное представление под названием «Поход Салихдзяныча с войны до дому, до хаты». Сполохи в голове обер-фельдфебеля саксаульской армии были видны даже замеревшим от ужасного зрелища дворовым детям, а пенсионерки, сидевшие за своим СС, или Старушечьим Столиком, услышали, как под эти сполохи изо рта татарского зятя вырываются отдельные звуки, но на каком языке они были произнесены, определено не было.

А вот остальную часть представления увидел только сам писатель, так как воспользовался нехитрой марсианской технологией *бръътръъхрааъъ*, позволяющей заглянуть прямо через стены подъезда: вот Батыршин, добравшись до двери своей квартиры, вначале услышал чей-то знакомый голос, а потом, с трудом держась за дверной косяк, попытался вникнуть в смысл произносимых визгливых слов. Наконец он понял, что это недоступно его остаточному разуму и произнёс:

– Аида, мать твою, ёперное солнышко, ты всё напиши, а я утром прочитаю…

У меня в мозгах затяжки,
словно стянута тесьма:
напиши про грех мой тяжкий
в виде внятного письма!

И в конце, пожелав счастья неизвестно кому, в сторону улицы Жубанова отчалили старые друзья Муравлёв и Митрохин, причём, кто ка́к отбыл на свои исторические родины, так и осталось тайной даже для автора нашего повествования. А Кулемзин, оглядев опустевший покерный столик с прилегающей к нему покерной скамеечкой, с грустью подумал о том, что с территории Великого ▲ наконец-то исчез МОЛЧУН, или, чтобы было понятно моему читателю,

Международное
Олимпийское
Лобби
Чемпионского
Урезания
Неприятностей

Глава 235. СМУТНЫЕ СУМЕРКИ ЧУВСТВ

«Пора приобщаться к Личному Место-Имению и мне», подумал Володя, оглядывая начинающий стремительно пустеть Бермудский Учпучмак. Соседки-пенсионерки, наигравшись вволю *в дурака*, как и главные герои нашего романа – в *русскую кочергу*, стали в два ручейка расходиться на своим квартирам – кто куда, то есть в дома́ №№ 17 и 16.

Следом за ними вороватой тенью неожиданно промелькнуло тщедушное тело вечного врага покерного коллектива бывшего таксиста омуртая. Почему же в этом томе ему нашлось место лишь в са́мом конце нашей толстой книжки? Да очень просто, объяснит автор: омуртай с са́мого утра не смог завести свою старенькую *волгу*, поймал собственную нехитрую мысль из одного слова «Сломалась!», открыл капот, прояснил небольшую поломку и пошёл в магазин запчастей, который на его радость находился всего лишь в трёх кварталах от места проживания. Но, увидев ценники, которые выставил хозяин торговой точки – такой же жадный, как и он сам, бывший советский водитель внезапно понял, что означает выражение, которое ранее не давалось его разуму – *иблис* кроется в деталях.

В шалях, кралях и печалях,
и зубных врачах:

дьявол кроется в деталях –
значит, в мелочах!

Затем он (водитель, а не *иблис*) объехал ещё несколько магазинов, потратив существенную сумму кровно заработанных назарбаксов на троллейбесные и автобусные билеты, но и там обитали такие же жлобы. И вот сейчас он, крайне опечаленный крохоборством, скаредностью, жадностью, скупердяйством и скопидомством отдельных отцеябловских торговцев, шёл домой, рассчитывая лишь на одну сегодняшнюю приятность – ужин, приготовленный его супругой Анной Петровной.

Писатель проводил омуртая взором и тут же стал глядеть вправо, откуда пришёл какой-то упорядоченный шум и гул, после чего поразился ещё больше: вот уже третий вечер подряд у второго подъезда его дома № 17 стояла знакомая машина, на которой вороватый сосед привозил на продажу картошку – по дешёвке. Но самое поразительное было в другом – к открытому борту грузовика опять стояла очередь, словно бы за прошедшие сутки местные жители успели сожрать по мешку или два так нужного им овоща.

Очередь, как длинные стихи,
тянется, потом свернёт за угол –
женщины, мужчины, старики
медленно рифмуются друг с другом…

Путь к родному подъезду шёл возле неоднократно поруганных на протяжение всего романа кустов, и вначале Альбионыч решил обойти их справа, так как слева из них торчали четыре ноги – две в раздолбанных мужских сандалиях и две в босоножках, бывших когда-то стабильного белого цвета, понял, что конечности принадлежат местным пропитонам Глав-Буху и его подруге Галлюцинации, а сделав пару шагов в левую сторону, убедился, что и с этой стороны тёплые места в виде невыметенных дворником Надей листьев также были заняты, что было отмечено очередными четырьми ногами, но на этот раз одной парой, обутой в рваные кеды, а второй вообще голой, так как подошвой для них служили грязные наросты на пятках.

«Ба, да это мои друзья клошары!», чуть не воскликнул он, осторожно раздвинул кусты и, убедившись, что Танкист со своим другом Одиссеем мирно спят в зарослях, тихо прошёл мимо, сожалея о том, что сегодняшний вечер не завершится искромётным исполнением какой-нибудь блатной песни в воплощении бомжей.

Но разве может автор, искренне любящий своего главного героя, отказать ему в такой малости? И вот не на бермудско-учпучмакские просторы, а всего лишь на тесное пристанище этой страницы 584 полилась душевная песня о суровой доле русского человека, который никак не может жить в одной (прости, русский язык!) парадигме с законом:

Сижу я в несознанке,
жду от силы пятерик,
но тут случайно всплыло это дело.
Зашел ко мне Шапиро –
мой защитничек, старик,
сказал: «Не миновать тебе расстрела»
И вот меня побрили,
костюмчик унесли,
на мне теперь тюремная одежда.
Квадратик неба синего
и звёздочка вдали
сияет мне как слабая надежда.

А завтра огласят мне
мой последний приговор,
м скоро, детка, встретимся с тобою,
ведь утром поведут меня
на наш тюремный двор,
и там глаза навеки я закрою…

Прослушав вирутальное исполнение, марсианин внятно ощутил, как начинающиеся сумерки этого предпоследнего дня недели плавно совпали с его персональными смутными сумерками чувств, но не расстроился этому, а поразился, так как и раньше подозревал, что окружающая его природа способна влиять на течение жизни. Он ещё раз оглядел опустевшее пространство Великого Игрового Треугольника, на котором к этому времени не осталось даже вездесущих дворовых детей, кои буквально за минуту до этого ещё вели себя непредсказуемо, как весенний лёд под ногами пропойцы.

Литератор вошёл в своё родное гнездо и решил, что не будет отходить от привычных дел, которые ежевечерне намечал себе перед сном. А дела эти были следующими: лёгкий ужин, сопровождающийся парой ледяных *тянь-шанчиков* из чрева холодильника, писанием пары страничек какой-нибудь *успокоительной* прозы да одного-двух стишков, прослушиванием хорошего диска из его могучей рок-коллекции, которое он называл *вечером оргазмной музыки*, чтением одновременно нескольких книжек, так как читать что-то одно Володе было скучно, и, наконец, сном или, вернее, его попыткой, так как Альбионычу было жалко тратить последние годы жизни на это вре́менное отключение от действительности.

Между явью и дремотой
я тоскую по питью:
засыпаю с неохотой –
пиво ведь во сне не пью!

Он вспомнил каждую из выпитых сегодня полулитровок «Тянь-Шаня» плюс весьма обильную жратву в гостях у самого́ себя, и решительно отказался от чего-то плотного, поэтому вместо запланированного на вечер бараньего бока с розмарином, тимьяном и орегано просто выложил на противень шестинедельную голубую куропатку, к которой ещё вчера приготовил черничный соусом с трюфелями, а окружил птичку порезанными на чевертинки одной красной репкой, одной зелёной репкой и одним крупным бататом, чуть-чуть смазав их хорошим оливковым маслом «Extra Virgin», то есть холодного, или первого, отжима.

Из оливков жму я масло,
чтоб жизнёха не погасла!

– Карнавал! – включив духовку на 41 минуту, прошептал хозяин квартиры № 4.

И пусть читатель не подумает, что марсианин внезапно съехал с ума, ибо вряд ли хотя бы один из держащих эту книгу в руках знает, как переводится данное весёлое слово. А переводится оно почти как название недописанного романа Эрнеста Кларенсовича Хемингуэя «Прощай, мясо!» – от позднелатинского carne (мясо) + vale (прощай). И сколько ещё таких открытий ждёт тебя, мой любопытный читатель, далее – например, в седьмом томе романа «Русская кочерга»

Затем он вспомнил глупое народное пожелание отдать свой ужин врагу и порадовался, так как смертельных врагов у него не было, а, значит, можно было с полным правом всё сожрать самому́.

Если б я мог понять!
Силюсь и не могу –
пословицу надо менять:
«Ужин отдай врагу»
Не голову оторви,
не кожу с него спусти,
не утопи в крови –
так, чтоб не смог грести,
не вышли к нему детей,
взрывчаткой их начинив,
не беспощадней, лютей
к ближнему будь ревнив,
не ненависти обет
размажь себе по усам,
а «С другом дели обед»?
К *иблису* – всё съем я сам!
Кто там умней меня?
Это, конечно, враг!
Пословицу надо менять,
а то не пойму никак…

Глава 235. СМУТНЫЕ СУМЕРКИ ЧУВСТВ (продолжение)

Затем он придумал замену старой пословице – о том, что «Кабачки съешь сам, а баклажаны оставь *в рагу*», порадовался этой находке и понял, что день прошёл не напрасно. И тут, как это бывало уже не раз, его вечерний отдых был прерван целой серией телефонных звонков от разных людей.

Первой позвонила его нестабильная подруга Стелла, которая не теряла надежду окольцевать строптивого писателя.

– Зайчик ты мой! Лапочка моя! – защебетала она в трубку. – Я вот сижу сейчас в полном одиночестве на своей кухне…

«…прямо как я», успел подумать Володя.

– …и вспоминаю, какой же у тебя мужественный взгляд! А какие бугры мышц, а какая у тебя широкая и щедрая душа!

Пропорции соблюдены,
хотя душа *шире* спины!

– Денег на шубу всё равно не дам, – оборвал поток признаний квартиросъёмщик.

– Вот ты жлоб беспонтовый! – сразу же сменила тон звонившая. – Слизняк засохший! Додик косоглазый! И откуда только такие мужики берутся?!

Тут же вместо визгливого голоса раздались спасительные гудки прерванного разговора, а Кулемзин всё не переставал недоумевать, почему же его, ещё не носящего ни пенсне, ни монокля, обозвали не просто каким-то додиком, а ещё и косоглазым! И не успел он как следует обдумать странное прозвище, как звонок повторился и, к его удивлению, вновь пришёл от нестабильной по фамилии то ли Кудряшкина, то ли Энгельгардт.

– Прости меня за всё! – покаянным голосом, в котором ещё угадывались отголоски только что кипевшего вулкана, произнесла она.

– Сразу за всё? – уточнил литератор.

– Да, – уточнила абонентша.

– Очень удобно, – промямлил Володя, не зная, что говорить дальше, но его выручила

сама звонившая.

– Я позвоню тебе завтра, – томным голосом объявила она своё решение и, к явной радости Альбионыча, отключилась.

А так как эта второстепенная героиня нашего романа больше не появится в этом томе, автор позволит себе привести небольшой стишок, в котором раскрывается

Сон Стеллы

Полюбила я поэта
за какие-то грехи:
он читает до рассвета
вместо секса мне стихи –
всё про очи да ланиты,
песни мне свои поёт…

♠ ♠ ♠

Девки, дворника любите:
он вас так не подведёт!

Следующий звонок, судя по обертонам, принадлежал также женщине, но на этот раз жилец Личного Место-Имения был более решительным, прервав разговор сразу же после чьего-то вопроса и его собственного ответа:

– Мужчина, а вы холостой?

– Нет, заряженный и очень хочу пострелять!

Чтобы успокоить расшатанные женщинами нервы, он включил телевизор, где сразу же попал на канал, на котором уже который вечер подряд шли бразильские страсти. Даже если бы человек не знал, о чём снимался этот сериал, то уже с первых кадров было понятно, что там происходит: родственникам некоего неугомонного Педро, неизвестно как очутившихся в комнате главных героев, по большому счёту было наплевать и на него, и на его жену, которая сейчас оказалось голой – вместе с каким-то другим бразильским мужиком, потому что у них (родственников, а не главных героев), судя по *отвлечённым* разговорам этих второстепенных персонажей, хватало своих проблем, поэтому разгоревшаяся перепалка между ними, любовниками и рогоносцем, казалось, была создана для того, чтобы окончательно запутать бедных телезрителей.

На советском на контрасте
сам себя перемудрю:
сериал заморской страсти
как трагедию смотрю!

И в это время раздался уже третий за вечер телефонный звонок. «Телепатия, яйчики-бабайчики», успел подумать писатель перед тем, как снять трубку, «конечно, давным-давно осуждена передовой научной общественностью и где-то даже развенчана как лженаука, но что-то такое в ней всё же есть…»

Володя не успел алёкнуть в трубочку, как услышал незнакомый плачущий голос:

– Папа, мне срочно нужны деньги! Я только что сбила человека! А сотрудник ГАИ, который сейчас стоит рядом, говорит, что может мне помочь, но не бесплатно!

– А? А? А? – несколько секунд не мог ответить на ужасное признание отец преступницы, пока не сообразил, что никакой дочки у него нет, а есть только сын Вован Вованыч, причём, не в Отцеябловске, а в Подмосковье, после чего наконец ответил:

– Дочка, ты что, идиотка? Я же тебе ещё вчера засунул в бардачок свой пятизарядный

американский пистолет двойного действия с ручной перезарядкой «Semmerling LM4», так что грохни сначала гаишника, потом свидетелей и быстрее сваливай оттуда!

Затем Кулемзин с удовольствием услышал, как на том конце виртуального провода кто-то чем-то подавился, и отключился.

Если в лоб тебе несётся пуля,
испытать его на прочность чтоб,
спину ты не стой свою сутуля –
подготовь ко встрече с пулей лоб.
Тряпочкой протри его, не морщи,
стой спокойно, словно сталактит:
пусть она со всей природной мощи
в лоб, как в тыкву с мякотью, влетит!

Правда, к концу этой занятной сценки выяснилось, что, услышав звонок, жилец квартиры № 4, а, вернее, 500 [422] тут же автоматически убрал звук телевизора, и теперь опрос родственников бразильский рогоносец продолжал в полной тишине, и их ответы оставались для него (Володи, а не рогоносца) полной загадкой. Но, судя по жестикуляции этого иностранного Педры и его роже, жизнь бедной изменщицы повисла на волоске!

[422] История этого номера – в главах 187-188 пятого тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

И после всех этих незначительных приключений пришёл ещё один… даже не то чтобы звонок, а так – некоторое треньканье. Литератор удивился этому звуку, но тут же понял, что это свой дивный сигнал подаёт духовка, о которой он, признаться, успел немного подзабыть. «Твоя шестинедельная голубая куропатка уже готова!», во весь голос кричала духовка. «И не забудь полить её черничным соусом с трюфелями!»

– Не забуду, – проворчал голодный хозяин своего гнезда, тут же вытащил *готовку* из печки, осуществил пожелание кухóнного механизма и, не дожидаясь, пока приготовленное остынет, быстро-быстро употребил его, запив божественное блюдо не менее божественным «Тянь-Шанем», которое на данный момент после возникновения Вселенной оставалось лучшим пивом на Земле.

Говорил подруге Свете:
«Ты, Светлана, не буянь:
пиво лучшее на свете –
это наш родной «Тянь-Шань»!

Глава 236. СМУТНЫЕ СУМЕРКИ ЧУВСТВ (окончание)

И вот это соединение прекрасного с прекрасным неожиданно проявило старую возможность его организма – незаметного заглядывания в чужую жизнь. А увидел Альбионыч некую часть чужого жилья, а именно кухню своего идейного врага Курманбаева, на которую последний раз заглядывал ещё в главе 112 третьего тома «Русской кочерги». Мусаич недовольно щурил и без того не слишком широкие азиатские глазки и не строго (а то ведь мог получить и *ответку*) спрашивал жену:

– Ну, и что у нас сегодня на ужин?

– Рыбный плов с огурцом.

– Что?!

– Да вот хотела тебе роллы сделать, но как-то не получилось, – весело проинформировала супруга.

После этого педагог-большевик быстро метнул предложенное блюдо, не сильно вдаваясь в его вкусовые ощущения, и чтобы перебить нарастающее раздражение, стал читать увлекательную книгу, всегда помогающую ему поднять настроение, – «Правила гигиены в СССР»

Мысли страшные корёжат –
организм как обдурить:
книга правильно поможет
мне кота переварить!

А Кулемзин в это время сделал то, что было необходимо его истерзанному напряжённым субботним днём организму: он не позволял себе половинчатых решений, поэтому сейчас, заглянув в квартиру одного своего персонажа, решил произвести то же самое и в отношении других.

Ближе всех в географическом плане находилась хижина старшего трубача Батыршина, и марсианин заглянул туда. *Хоронительница* очага, как иногда называл чужую жену Володя, сейчас была похожа на развязную *менаду*, подобную тем, что когда-то растерзали несчастного музыканта-лириста Орфея Эагровича. Она была занята тем, что, ругаясь на чём свет стоит, тащила несчастного мужа – алкоголика и игромана – на кровать.

Салихдзяныч упирался, потому что сознавал, что на полу ему будет спать удобнее, по дороге что-то мыча и раскачиваясь, как только что родившийся телёнок. Правда, сознанием он пока не отключился, ибо, закрыв глаза, представлял, как его сейчас тащит в постель новая гобоистка оркестра, где он подрабатывал, по имени Артемида, а в его шалой военной тыкве стробоскопически мелькала сомнительная мыслишка его друга Кулемзина, которая так вовремя всплыла в памяти:

Жизнь надо прожить так,
чтобы не было мучительно больно
за *безразвратно* прожитые годы!

– Мороз-воевода дозором
обходит владенья свои!

, – промурлыкал поэт Кулемзин чужие строчки поэта Некрасова из его поэмы с пронзительным русским названием «Мороз Красный Нос», после чего возник взором в следующей квартире – сторожа-охранника Полтавцева.

Увиденное чрезвычайно расстроило путешественника по пространству: Серёжа в данный момент сидел перед дверцей нараспашку открытого пустого холодильника и, судя по диалогу, беседовал со своим покойным дедушкой Михеем:

– Дед, скажи, а как вы раньше без интернета жили?

– Как-как, – усмехался в седые прокуренные усы супруг бабушки Федóры, – дырку в стене бани сверлили!

Страшно огорчившись видением чужого горя, Володя при помощи нехитрой марсианской технологии *жруъъъъ* тут же соорудил своему товарищу по *русской кочерге* два чебурека с экзотическим мясом австралийского вомбата и поставил рядом с сидящим на полу бывшим текстильщиком его знаменитый *двухсотовый*, в данный момент наполовину заполнив его японским сакэ-нигоридзакэ, то есть нефильтрованным – в 32 алкогольных °. Альбионыч не стал дожидаться, пока обалдевший от счастья семижопинец примет внутрь организма этот, как он полагал, дар небес, и отчалил по следующему маршруту.

Не верь в разлуку, старина, –

придут другие времена!

А вот в следующей квартире – художника-передвижника Муравлёва его посетило некое удивление: Валеры в жилье не было вовсе, но нельзя было и сказать, что оно необитаемо, так как по давно неметённому полу металась супруга живописца Наташа. Она уже час как вернулась из затянувшейся командировки в квартиру своей мамы, и вот сейчас, не найдя мужа ни живым, ни мёртвым, не знала что и думать! Затем невидимый Кулемзин, притаившийся в углу под вешалкой, увидел, как она раскрыла один из трёх объёмистых пакетов с едой, которыми снабдила её родительница, и стала поглощать домашние печеньки, противно отдающие ванилином, запивая их соком из огромного (прости, русский язык!) тетра-пака ёмкостью в 2 литра.

«Где же этот иблис?», подумал пространственный странник, и в этот момент его посетила некая мыслишка, которую он тут же решил проверить. А сделать это было несложно, так как из всего маршрутного листа, намеченного на сегодняшний вечер, у Володи осталось посещение всего одного гнезда – старшего джуса Митрохина. Силой мысли он мгновенно добрался до васюханской квартиры и увидел практически полное повторение сцены у Афанасьича: на полу перед открытым холодильником (правда, наполненным разной едой) сидели старые друзья Николаич и Васюханыч и занимались тем, что распивали нечто крепкоалкогольное одной из многочисленных заначек хозяина.

– Товарищ, – явно не узнавая Митрохина, строго выговаривал Муравлёв, – я же просил вас дать мне болгарское каберне-совиньон 1977 года, а вы подсунули мне грузинское киндзмараули из микрозоны Кварельского района Кахетии.

– Товарищ, не выдрючивайтесь, – явно не узнавая Муравлёва, парировал Митрохин, – пейте, что дают, а то скоро и этого не будет!

Володя пригляделся и увидел наклейку распиваемого напитка – это было так любимое учпучмакскими пропитонами Глав-Бухом и Галлюцинацией «Фиолетовое крепкое»

Не выходя из алкокруга,
легко слывущем в житии,
на па́ру квасят оба друга,
не узнавая визави!

Посчитав миссию Вселенского Странника выполненной, Володя вернулся назад.

Глава 237. ОСТАТОК ДЕЛ – И ДЕНЬ ОКОНЧЕН!

Ему оставалось выполнить всего два-три намеченных на вечер и ночь пункта, и Володя не стал думать, какое из них сделать вначале, а какое потом. Он кинул взгляд на одну из книжных полок, полностью занятую его виниловой рок-коллекцией, и наугад вытащил замечательную пластинку одной из его любимых групп «Deep Purple». Это был 7-й студийный альбом группы 1973 года под названием «Who Do We Think We Are», что означало «За кого мы себя принимаем?»[423].

[423] Альбом был назван именно так, потому что во время его записи в Италии местные жители, возмущённые уровнем шума на ферме, где записывался альбом, задавали повторявшийся вопрос: «За кого они вообще себя принимают? – прим. муз. редактора

«Вот повезло!», подумал счастливый владелец коллекции и немедленно поставил диск на *вертушку* стороной А, где первой композицией шла знаменитая «Woman From Tokyo», или «Женщина из Токио», и когда после каких-то красивых щёлкающих звуков, которые издавал ударник группы Иэн Андерсонович Пэйс, и бас-гитары Роджера

Нормановича Гловера зазвучал дивный голос Иэна Билловича Гиллана, Альбионыч, не сдерживая эмоции, стал подпевать вокалисту:

– Fly into the rising sun,
Faces, smiling everyone.
Yeah, she is a whole new tradition,
I feel it in my heart.
My woman from Tokyo,
She makes me see,
my woman from Tokyo?
She's so good to me! [424]

[424] Лечу на солнечный восход:
все эти лица, улыбчивый народ.
Да, её традиции сугубы и новы –
я это чувствую всем сердцем.
Моя женщина из Токио
открыла мне глаза,
моя женщина из Токио –
хорошая такая вся! – англ.

«Какое клёвое лабалово!», оценил Кулемзин, который очень любил эту группу, которую ставил на второе место после лучшей группы всех времён и народов «Led Zeppelin». Он считал, что «Deep Purple», начинавшие с конца 60-х годов прошлого века как кавер-щики [425] на хиты того времени, уже к четвёртому альбому обрели то, что называется *собственный стиль*, а когда эпоха хард-рока закончилась, пёрплы окончательно возвели такой стиль в совершенно отдельный жанр, и его точкой максимума стали альбомы 90-х годов «The Battle Rages On» [426] и «Purpendicular» [427]. Но дальше, к сожалению, всё пошло́ на спад, но этот спад, как и всё в мире, был логичным и ожидаемым. Музыканты старели и играли примерно одно и то же, но, например, для 16-го альбома это вполне нормально, и предъявлять тут кому-то претензии было бы глупо. Но именно такое жанровое разнообразие, считал марсианский знаток рок-музыки в конце концов и превратило группу из банального успешного проекта в великий памятник мировой культуры!

[425] Кавер-версия (от англ. cover – покрывать), в рок-музыке – новое исполнение существующей песни или композиции – прим. муз. редактора
[426] «Боевая ярость продолжается» – англ.
[427] «Перпендикуляр» – англ.

Светло, красиво и бескрайно
плывёт мелодии сюжет.
Какая в музыке есть тайна,
коль слушаю их столько лет?
Волной прекрасной наплывая,
пронзительная, как стилет –
так почему не отпускает
меня «Deep Purple» столько лет?

Дослушав композицию до конца, знатный рок-музыковед двух веков смахнул непрошенную слезу, снял диск с *вертушки* и вернул его обратно к товарищам по коллекции. Почему же Володя не стал дослушивать его до конца? Да потому, что как раз с последними тактами диппёрпловской токийки он бросил взгляд в окно и с удивлением увидел,

что за стеклом практически ничего не видно, кроме еле заметного огонька, притаившегося среди железных нагромождений магазинчика Калимы.

«Неужели так быстро пришла ночь?», подумал он (Володя, а не магазинчик), и ещё раз посмотрел в дымку, окутывающую преступное сельпо, пока его окончательно не затёрли вечерние сумерки, постепенно переходящие в ночные. Да, это была она – очередная, шестая по счёту ночь с начала нашего повествования. Синеющая косынка неба стала стремительно покрываться первыми звёздными блёстками, и вместе с ними там, наверху, обозначилась сволочь-луна, зависшая в пространстве, как игрушка на ёлке.

Тут же, словно кто-то включил их по команде *сверху*, застрекотали ночные сверчки. Земля безуспешно изгоняла из себя излишнее тепло, набранное за день. Тёплая ночь, как огромная кошка, улеглась пушистым брюхом на город, но на календаре всё ещё стояла глубокая суббота.

Узнал я у седого психиатра,
что истиной казалось прописной:
закончилась суббота, значит, завтра
нам выпадет воскресный выходной!

Наш герой приоткрыл окно, забранной сеткой от мелких ночных животных, и ощутил, что ночь пока не принесла желанной прохлады – она была душной, словно дело происходило в каком-то космическом валенке, полном мерцающих звёзд. Вначале писателю, который даже ночью предпочитал набираться впечатлений для будущих произведений, и сейчас рассматривал в кухонное окно соседний дом № 16, казалось, что люди уже уснули, но потом он заметил, что в некоторых окнах там и сям мелькают какие-то огоньки, и понял, что люди не спят, а то и дело распахивают свои холодильники.

«А почему бы и мне не сделать то же?», просто подумал философ с пивоманским уклоном и, не отходя от подоконника, открыл свой агрегат, который тут же услужливо подмигнул ночной лампочкой, словно бы говоря: «Бери, хозяин, всё что хочешь!». Но Альбиоыч хотел не всё, а только одну маленькую – в 500 миллилитров – холодненькую бутылочку пивка «Тянь-Шань», которая одна могла примирить его с духотой и несправедливостью жизни. И она его примирила, но как-то слишком быстро, словно до этого огромное брюхо Кулемзина не познакомилось сегодня с добрыми двумя дюжинами этого славного напитка.

Право, думать не грешно:
«Пива много быть должно»
Если ж будет мало пива,
жизнь моя свернётся криво!

Глава 238. ОСТАТОК ДЕЛ – И ДЕНЬ ОКОНЧЕН! (продолжение)

Но ни один вечер, как наверняка уже заметил мой читатель, у нашего главного героя не проходил без сочинительства. В конце дня он словно бы вспоминал, что является не только покерным гуру и почётным председателем сразу двух ОПС-ОПС, или, чтобы было понятно тому, кто сейчас с трудом удерживает в руках эту тяжёлую книгу:

Общество
Покерного
Столика

и

, но и простым русским и саксаульским писателем, который для поддержания этого высокого звания писáть был обязан каждый день! «Не поэтому ли мой пожизненный друг Сергеич стал великим», думал Альбионыч, «что записывал всё, что ему приходило в голову, а напридумывал аж…»

Володя допил пивко, вышел из кухни и прошёл в главную комнату, где по всем четырём стенам располагались пóлки с собранными за жизнь книгами. Он подошёл к одной из пóлок, нашёл собрание сочинений Сергеича и додумал мысль до конца: «…аж 10 томов!», после чего решил, что переплюнуть своего кумира ничего не стоит – просто надо постараться.

Старик Державин слишком рано помер,
не дотянул до нынешнего дня,
а если б он не Пушкина – меня
благословил? Вот это был бы номер!
Везде мелькал бы чёткий профиль мой,
цитаты б из моих стихов тащили,
в граните я стоял бы на Тверской,
и речи в честь меня произносили.
Я был бы *нашим всем*, а Пушкин – нет,
но я не подгадал родиться в срок,
меня старик Державин не дождался…

♠ ♠ ♠

Тут под рукою Шурик оказался!
Наглядный исторический урок…

А начать переплёвывать Сергеича Кулемзин решил уже давно – с того момента, когда начал собирать фактический материал для написания своего давно задуманного семитомника под названием «Русская кочерга», причём, решил писать не для славы, не для триумфа или поклонения со стороны коммерческих издательств, хотя и они были приятны, а для того, чтобы хоть один человек понял его правильно и узнал истинные свойства его души, порядком затемнённые скитаниями блудного мужа истины.

Вот уже несколько утр и вечеров он посвятил сочинению предисловия к своему многотомнику, так как считал, что именно после прочтения предисловия из 1000 его читателей останется всего лишь 10, но зато это будут те, кто впоследствие не дадут зарасти народной тропе к его грядущему памятнику.

Сюда придёт под памятник толпа
сметливых почитателей народных, –
к нему не зарастёт народная тропа,
пока неподалёку нет уборных!

Он нашёл в Word'е, где хранил всё добытое из своей тыквы, заветный файл предисловия к роману под названием «Матрица прошедшей жизни» и стал сочинять его продолжение:

«Мне, как бытовому философу-надомнику, всегда казалось, что поэзия гораздо ближе к фундаментальной науке, чем принято считать, а порой и более универсальна. В самом

деле, читая, например, знаменитое творение древнеримского поэта Тита Лукреция Кара «О природе вещей» или рубаи́ Омара Ибрахимовича Хайяма, сонеты Уильяма Безотчествовича Шекспира или «Маленькие трагедии» Пушкина, поэмы Велимира Хлебникова и Томаса Стернзовича Элиота, мы едва ли не согласимся с мыслью, что истинной поэзии присуща удивительная способность *атомизировать* время, обнажая до предела еле уловимый ход ускользающего от нас времени жизни, что ей под силу обнаруживать тайный сговор причин и следствий там, где, возможно, даже самая рафинированная математика бессильна, и что у неё почти пророческий дар за горизонтом случайных событий прозревать наше будущее и в несбывшихся подробностях мифологизировать прошлое. Не возьмусь судить, в какой степени представленное здесь произведение отражает стремление к этой несомненно верной мысли, но надеюсь, что оно вам будет небезынтересно»

Затем он на всякий случай ещё раз перечитал написанный кусок и понял, что за горячностью изложения упустил внутреннюю связь и логику. «Ужас какой! Поймёт ли это кто-то, кроме меня?», подумал он, перечитав только что сочинённое, а затем решил, что надо бы отработать кое-какие детали, а заодно усугубить некоторые мысли, более чётко выразить свою авторскую позицию, уточнить некоторые положения, упорядочить способ изложения, а также сделать эффективную концовку! А, может, оставить всё как есть?

Так врать иль снова размышлять,
что кое-как в роман втесалось?
А, может, и не исправлять,
что сердцем нервным написалось!

Здесь наш демиург почувствовал, что только что наваянный им практически научный текст отнял слишком много душевных сил, и чтобы немного привести голову в порядок, ему надо всего лишь сочинить несколько рифмованных строк. Задумок у Альбионыча было множество, правда, иногда Володя давал сам себе весьма странные на первый взгляд задания. Вот и сейчас он недолго думал – и придумал: написать 8 поэтических строк, чтобы в этих двух катренах – не нарушая правил русской орфоэпии – был всего лишь 1 знак препинания, а именно точка, но в двух экземплярах. Сложно, скажешь ты, мой читатель? Ещё бы! Но не существует таких трудностей, какие бы с лёгкостью не преодолевал наш поэт Кулемзин! И посему – полюбуйся на результат:

На кончике жаркой и чёрной иглы
томятся в надежде пропасть сумасшедше
остывшие дни некрасивой ветлы
в забытых моментах всей жизни прошедшей.
И только на бликах тревожных ночей
в последнем за жизнь непорочном секрете
беззвучные тени непрочных вещей
раскладом лежат на страницах столетий.

«Да нет, Владимир Альбионыч!», странным русским присловьем подумал он, обращаясь сам к себе. «Чувствуется, что стишок получился просто гениальным, но поймут ли его вот так, слёту, мои читатели-почитатели? Напишу-ка я что-нибудь попроще – в жанре уже полюбившейся всем басни!». И написал.

Однажды утром рано-рано
на стол вползли два таракана,
остановились на листочке
и стали вчитываться в строчки:

дойдя до точки, закачались,
легли на спины и скончались.

♠ ♠ ♠

Вот вам мораль: бывают фразы
смертельней всяческой заразы!

И тут наш герой вспомнил, что на протяжение нескольких последних вечеров предлагал к прочтению некие сказочки о Ленине – весёлые и не очень. «А вдруг они уже надоели моему читателю?», с ужасом подумал он (наш герой, а не Ленин). И принял ответственное решение разместить в конце этой книжки некое эссе об одном известном литературном герое под названием

Глава 239. ХРИСТОС (Печальное, как жизнь, эссе)

По израненным камням Иудеи, по прокажённым берегам Ганга, по ледяным андалусским ущельям шёл мрачный человек с лицом, потрескавшимся от солнца и мороза, с мокрыми от столетних дождей и рассыпчатыми от печальных ветров спутанными прядями волос, никогда не знавших гребня.

В его огромных раскосых глазах, сияющих, как тысячи солнц, мутных, как тысячи лун, чёрных, как нескончаемая зимняя ночь, прозрачных, как летнее небо, дымилась чёрная тоска, но пылал неугасимый огонь веселья.

Шел мрачный человек с открытым лицом юноши, с тусклыми чертами дряхлого старика, стройный, но сгорбленный под ношей целого мира, свежий, как тысяча невинных младенцев, покрытый корой времени, как Мойра, роняющая веретено из дрожащих рук.

Обвитый розовыми гирляндами, украшенный лавром и тёрном, покрытый обуглившейся тканью несбывшихся снов, звеня ржавыми от крови обрывками цепей, шёл мрачный человек, никогда не останавливаясь. По высохшим озёрам, вдоль русел забытых рек и сквозь туманные болота, задыхаясь от ядовитых испарений, вдыхая смрадный аромат гниющих трупов, нашедших последнее успокоение в молчаливой чавкающей трясине, шёл мрачный человек по холодному мрамору и обжигающему песку, никогда не останавливаясь.

Он сошёл с небес
в день великих гроз,
и распят на крест
космонавт Христос…

Его видели всегда – с той незапамятной поры, как с сглаз упала пелена. Неожиданно рассеивающийся туман открывал его обожжённые усталые черты, неопределённые, резко вычерченные, врезающиеся в память, его страшные в невыразимой тоске белки́.

Когда он проходил сквозь шумные зачумлённые города, люди иногда падали ниц, рыдая, а он продолжал идти, долго и грустно смотря на них. Иногда они бежали за ним, умоляя взять с собой, но он не оборачивался и не ускорял шага. Иногда дети, увидев его, убегали в страхе, шёпотом рассказывая, что вот – опять он приходил.

Были и такие, кто не видели его и потому долго хохотали – им казалось, что толпа бежала за отсутствием, простирая руки к пустому от горя воздуху. «Ну, и где же он?», говорили они. «Почему он не остановится? Какое неуважение!»

Порою ложь недо́рога
в бескрайнем Абсолюте:

невидим бог, которого
никак не видят люди…

Каждый описывал его по-своему. Некоторые утверждали, что он был худой, невысокого роста, одет в льняные одежды цвéта молока, глаза у него якобы были цвéта весеннего неба, а волосы длинные и каштановые. Другие говорили, что волóс у него не было вовсе, а цвéта глаз не разобрать. Третьи говорили, что он невидимый, а в руках у него красное знамя. И настолько разными были эти описания, что люди, полные справедливого гнева, затевали из-за этого вóйны, перерезая друг другу глотки, отсекая гóловы, вспарывая животы, бросая чужих младенцев в огонь. А он, продолжая идти, печально смотрел на потоки крови, что струились по склонам зелёных гор, замутняя прозрачные реки и окропляя хрустящий под его ногами песок; и не останавливался, хотя ему и кричали вслед, протягивая окровавленные мечи.

И только плачущие дети привлекали его внимание. Он, продолжая идти, пристально глядел на них, ласково и небрежно гладил их пыльные волосы, а детей тем временем бросали в огонь, потому что их матери утверждали, что никаких льняных одежд цвéта молока на страннике не было.

Окруженный демонами страха и недоверия, шёл мрачный человек, и в перламутровых отблесках морей, и в волнах древних озёр, и в потоках печальных водопадов ему виделись уродливые химеры, казавшиеся другим ангелами, и прекрасные ангелы, ставшие от убийств химерами.

Побиваемый розами, шёл мрачный человек, на чьём лице попеременно отражались и удивление, и восторг, и разочарование, и возмущение. И лишь изредка он улыбался, обнажая сверкающие зубы беззубой сморщенной улыбкой беспомощного старика, и слёзы струились по смуглым щекам, прожигая заветренную кожу и оставляя на ней страшные солёные рубцы.

Иногда мрачный человек прикрывал усталые веки, чтобы скрыться от сияния тысячи солнц, мерцанья тысячи лун, покалывания тысячи звёзд, и представлял себя неподвижно лежащим на склоне Арасенского холма, вдыхающим тревожный аромат розмарина, забытым всеми, глядящим в небо пустыми глазницами и плывущим лицом вверх вдоль изъеденных проказой берегов Вечной Реки.

Но он продолжал идти, никогда не останавливаясь и ни с кем не заговаривая – мрачный человек, вечно юный, как Гиацинт, вечно древний, как дряхлая Мойра, чьи дрожащие руки не смогли удержать веретена, смертельно усталый и печальный бог, выдуманный людьми, обречённый на бессмертие и скитания – бог, выдумавший людей, обречённых на бессмертие и скитания…

На планете кривобокой
недалёких – биллион:
люди выдумали бога –
так, как раньше сделал он…

Глава 240. ГЕНЕРАЛ ДИВАННЫХ ВОЙСК

Неожиданно Володя вздрогнул – из-за того, что большие настенные часы, которые он приобрёл во время последнего Большого Ремонта, пробили аж 23 раза, обозначая в пространстве 11 часов самого тёмного времени суток. До наступления следующего дня оставался один час, а до начала следующего тома «Русской кочерги», который, как обычно, начинается с утра наших героев, всего несколько часов.

– Вот и ночь! – объявил сам себе писатель, узурпируя функции *творца.*

Засосав поллитра чачи,
смысл сумел я превозмочь:
точно бог я, а иначе
кто же сделал день и ночь?

Да, он был прав, – наступила ночь, которую хозяин описываемой квартиры поэтически называл временем исчезновения забот. Он вновь подошёл к окну, и почему-то вновь на кухне, словно она привлекала его как-то больше, чем другие комнаты, и вновь посмотрел сквозь потемневшее стекло. Альбионыч увидел холодные чёрные провалы между невообразимо далёкими звёздами и какие-то абстрактные сущности, доказанные *дедушкой* в геометрическом порядке. Как бы в ответ хозяйка неба Изида бросала настороженные взгляды на спящий город, но марсианину казалось, что прямо на него.

Нынешняя ночь напоминала ему старый чулан, где ветром сорвало крышу, и высокие спокойные звёзды с изумлением взирали на кучи ненужного земного мусора. Городом полностью овладела тьма, звёздное покрывало висело над крышами домов, у горизонта путаясь со светом окон и фонарей. Луна смотрелась как золотой медальон на груди юной эфиопки, и ночная бабочка, шлёпая крыльями по стеклу, торопливо ползла к ней (луне, а не юной эфиопке). Бабочка соскальзывала, падала на подоконник, рассыпая мучнистую пыльцу крыльев, но опять упрямо взбиралась на стекло – видимо, ей казалось, что этот манящий серебристый огонёк где-то совсем рядом.

Окно было открыто настежь, но бабочка никак не могла преодолеть световой барьер между так называемой улицей и домом, ибо на её пути было непреодолимое препятствие в виде сетки, которую умные люди и придумали специально для разочарования в жизни таких мелких существ, как она (бабочка, а не сетка). И в это открытое окно внезапно проник очень громкий звук, а за ним ещё и ещё – это, приближаясь ко второму микрорайону, где-то на задворках Отцеябловска начиналась гроза – наверное, последняя гроза нынешнего уходящего лета.

Пришла гроза, когда её не ждали,
заставив ночь намокнуть под литавры сна,
и нам с луной оставив в номинале
монет приго́ршни грозового чугуна.
Грохочет гром надменно и бесстыже,
и небо делает ударами пустей,
но только мы вдвоём с луной услышим
по крыше толевой царапанье когтей.
Одеты когти в мех не по погоде,
и только счастье просто бесится в глазах –
мой кот ночной на промысел выходит:
ему сейчас любовь – всё то, что нам гроза…

Альбионыч оторвался взором от окна и ненароком глянул налево, упёршись директрисой зрачка в холодильник. Ему вдруг нестерпимо захотелось сделать что-нибудь хорошее для людей, и тогда он поспешно достал из агрегата холодную котлету, подумав для успокоения совести: «А что я – не человек?!». Затем он сделал вид, что ему стало стыдно, попутно подумав: «Вот скажите, как холодильники это делают? Как они научились искривлять пространственно-временной континуум? И, главное, только по ночам!»

Я отнюдь не суеверный,
теша брюхо – тела часть:
холодильник – друг мой верный

по ночам не даст пропáсть!

– Так, – дожевав котлету, обратился Володя сам к себе. – И что же мне осталось на сегодня? Ах да, надо немного почитать на ночь, чтобы сны, как всегда, были полны хоть какого-то смысла…

Как и в предыдущие дни, Кулемзин не увлекался на ночь какой-нибудь одной книгой, а предпочитал прочесть по нескольку страниц из двух-трёх, хотя иногда их число достигало до десятка. Вот и сегодня он поудобнее улёгся на диван, вспомнив прозвище, которое придумал для себя, то есть *генерал диванных войск*, и взялся за первую книгу.

Ей оказалась «Psychologie und Dichtung»[428] цюрихского издания 1947 года некоего Карла Густава Иоганновича Юнга на одном из европейских языков. Альбионыч прочёл страницы с 22-й по 33-ю, после чего попенял автору за размытость формулировок там, где следовало бы высказаться чётче, и отложил иностранщину в сторону.

[428] «Психология и поэзия» – нем.

Следующая книга была на русском языке, а автор её – некий Лев Николаевич Толстой – оказался давним знакомым нашего литератора. Марсианин сразу же увлёкся чтением, а потом поймал себя на забавной мысли: «Перечитывая «Анну Каренину», невольно обращаешь внимание на иностранных работников того времени: девушка прислуга – француженка, кормилица – итальянка, часовщик – немец, жокей – англичанин и т.д. Охренеть! Значит, когда-то гастарбайтерами в России были выходцы из Западной Европы!»

Третью книгу он вскоре отправил вслед за первой, то есть отложил её в так называемый долгий ящик. Это была «Жизнь на другой стороне» некоей Сильвии Аароновны Браун[429]. Диванный генерал дошёл до строки: «Было бы очень удобно, если бы представители Тёмной Стороны как-то выделяли себя, например, одинаковыми нагрудными значками или фирменной одеждой, а ещё лучше – рогами и копытами», после чего решительно перешёл к другому чтению.

[429] Американская писательница, медиум и гипнотерапевт – прим. лит. редактора

Я не ем, но не худею
(эх, к *иблису* худобу!),
а гипнозом не владею,
и читать о нём не бу…

Им оказался капитальный труд гениального немца Артура Генриховича Шопенгауэра «О страданиях и ничтожности жизни», и наш герой наконец-то порадовался такому выбору. В разговорах с другими саксаульскими философами он нередко признавался, что с интересом изучает труды этого иррационалиста и мизантропа, но его понимали немногие, напирая на то, что Гегель и Лейбниц называли Шопенгауэра *философом пессимизма.*

Володя увлёкся чтением и не заметил, как махом прочёл аж 44 страницы. А особенно из прочитанного ему понравилась блестящая мысль блестящего немца: «Если бы каждому из нас воочию показать те ужасные страдания и муки, которым во всякое время подвержена вся наша жизнь, то нас объял бы трепет, и если провести самого закоренелого оптимиста по больницам, лазаретам и камерам хирургических истязаний, по тюрьмам, застенкам, логовищам невольников, через поля битвы и местá казни; если открыть перед ним все тёмные обители нищеты, в которых она прячется от взоров холодного любопытства, то в конце концов и он, наверное, понял бы, что это за meilleur des mondes possibles[430] такой!», после чего даже не стал пенять автору за излишний мазохизм жизненной позиции.

[430] ***Лучший из возможных миров – фр.***

Постичь хватает мне дыхания,
и чётко пишется мой стих:
с Артуром я в одной компании,
а с Фридрихом[431] мы – на троих!
Не потому, что мизантропы,
но вместе думаем, что мир
не дал взглянуть нам в перископы,
чем нас навек отождествил.
Их мысли до сих пор уставны,
их книги на моём столе.
И я от тройки этой славной
один кукую на Земле…

[431] ***Фридрих Карлович Ницше – немецкий мыслитель, единственный будда XIX века – прим. автора***

И вот под это благотворное чтение проползли последние минуты дня – длинные, как те письма, что пишутся всю ночь, но так и остаются неотправленными. Но сразу заснуть у Альбионыча не получилось – ему, как это бывало еженощно, докучали разные мысли, струясь где-то внутри сознания. О, сколько же смелости, сколько дерзких и крамольных мыслей носим мы в себе, сколько отчаянных решений в нас накопилось, сколько мужественных поступков рвётся наружу! И ведь все они продуманы, многократно разыграны перед зеркалом и даже перед сном, когда голова утопает в подушке, и когда мы сами утопаем в усталости и осторожности.

Неподвластное время текло, словно огибая и омывая Володю. Дыхание его было ровным, и сердце, немного утомлённое слишком нервной *русской кочергой*, билось спокойно и размеренно. «Раньше я очень не любил спать», признавался он сейчас сам себе, «потому что, когда ты засыпаешь, то на восемь часов словно выпадаешь из реальности, а сейчас я очень люблю спать, потому что, когда ты засыпаешь, то на восемь часов словно выпадаешь из реальности…»

Он прикрыл умные и усталые марсианские глаза, глубоким йоговским дыханием отвлёк себя от гадких ощущений окружающего мира, ещё немного поворочался в своей постели с боку на бок, как «святой» Лаврентий на раскалённой решётке, и наконец провалился в сон, словно в сказку детства. Он (сон, а не Лаврентий) неслышно влетел в форточку и, обессиленный, улёгся на полу возле володиных тапочек. А автор, глядя на усталого героя, подумал, что на свете есть множество способов ничего не делать, но лучше сна пока ещё ничего не изобрели.

Лежать плашмя – лечебный метод,
пришедший к нас из старины,
и как тогда, тот свет и этот
от нас равнó удалены…

Глава 241, последняя. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ШЕСТОГО ТОМА

Спят усталые игрушки,
бабки-ёжки, их избушки,
вурдалаки, крокодилы
и ужасные гориллы,

злой колдун в могиле спит,
бабка-смерть с косой храпит,
спят зубастые медведи,
дрыхнет даже Крюгер Фредди,
леший спит в лесу густом,
дохлый ёжик под кустом,
ведьмы спят и ведьмаки,
водяной на дне реки,
постелили себе стружки
сумасшедшие старушки,
привиденья уж не бродят,
и вампиры в склепы входят,
уж в засадах не сидят,
по ночам не ждут ребят,
дремлют черти на посту,
и вороны на кусту,
глаз открыть боится мышь…
Засыпай и ты, малыш!

Ночь протиснулась в Отцеябловск, как в плохо открывающуюся дверь, ненадолго потеснив машины, электрический свет и вообще дневную суету. И в эту благословенную ночь саксаульскому писателю и поэту двух веков приснился какой-то странный благообразный *дедушка* с нимбом и связкой ключей.

– Вот ужо не пущу тебя в царствие небесное, – пригрозил он.

– А хре́на ли там делать? – независимо ответил марсианин Кулемзин, нисколько не поражаясь своей смелости…

Лежал и сочинял частушку,
но вот сморил меня процесс –
и мне приснился А.С. Пушкин,
а заодно Ж. Ш. Дантес!

Конец третьей части
Конец шестого тома